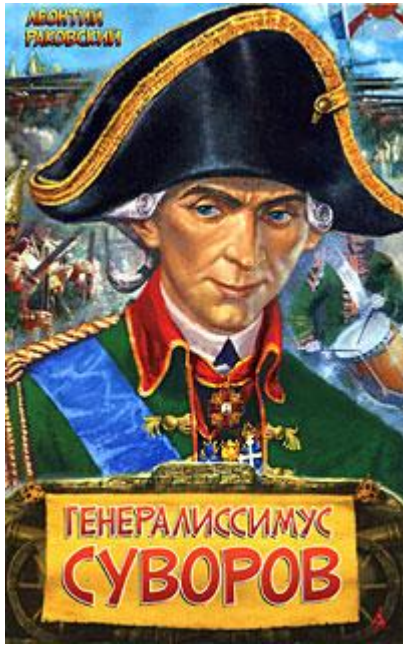

Леонтий Раковский

Генералиссимус Суворов

Леонтий Раковский

"Генералиссимус Суворов"

Часть первая

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая. Подполковник Суворов

Глава вторая. Суздальское учреждение

Глава третья. Первоучинка

Глава четвертая. Варюта

Глава пятая. Козлуджи

Глава шестая. Суворочка

Глава седьмая. "Генерал-вперед"

Глава восьмая. Рымник

Глава девятая. Измаил

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава первая. "Ура, фельдмаршал!"

Глава вторая. В Петербурге

Глава третья. "Наука побеждать"

Глава четвертая. "Я не немец, а природный русак!"

Глава пятая. Кончанское

Глава шестая. В Италию

Глава седьмая. Три урока Макдональду

Глава восьмая. Нови

Глава девятая. "Русский штык пронзает Альпы"

Глава десятая. Генералиссимус Суворов

Какая в войсках храбрость рьяна!

Какой великий дух в вождях!

Державин

Суворов был и всегда будет представителем нашего воинства. Пройдут многие годы,

явятся в русском народе другие великие вожди и укажут полкам нашим новые пути к победам и славе; но каждый раз, когда стальная стена штыков русских должна будет обрушиться на врагов наших, мы вспомним Суворова.

Богданович. Публичные лекции 1846 г.

Потомство мое прошу брать мой пример.

Суворов

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

ПОДПОЛКОВНИК СУВОРОВ

Если найдется где победа ее славнее и совершеннее, то, однако, ревность и искусство генералов и офицеров и мужество, храбрость, послушание и единодушие солдатства должны навсегда примером остаться

Донесение о Кунерсдорфском сражении

императрице Елизавете

I

Русская армия шла вперед. Вся дорога, насколько можно окинуть глазом, была запружена повозками и пушками, людьми и лошадьми. Из лощины на гору, с пригорка в дол, сквозь перелески и буераки, мимо чистеньких немецких мыз и деревень бесконечной вереницей один за другим тянулись полки.

Побуревшие от солнца и пыли зеленые кафтаны мушкатеров и гренадер сменялись красными кафтанами артиллеристов. За однообразными васильковыми мундирами драгун и такими же однообразными колетами (Колет - куртка с короткими полами.) кирасир плыли разноцветные - желтые, синие, красные, белые, голубые ментики (Ментик - гусарская куртка.) гусар. Казачьи бороды и скуластые лица башкир из легкой кавалерии мелькали и там и тут. В тучах густой пыли, поднятой тысячами людских и конских ног, тонули придорожные луга и поля.

Армия графа Салтыкова, разбив пруссаков под Пальцигом, продвигалась к Франкфурту-на-Одере.

Подполковник Александр Васильевич Суворов, прикомандированный в качестве дежурного офицера к штабу 1-й дивизии генерала Фермора, ехал по обочине дороги на своем неказистом на вид, но горячем донце. Генерал Фермор послал его подтянуть арьергард, и теперь Суворов догонял свою дивизию.

Суворов только что прибыл в действующую армию и с интересом наблюдал за всем. И в первый же день ему многое здесь не понравилось.

Армия двигалась очень медленно - часто останавливалась на дороге. То падал от бескормицы упряжный вол, то где-либо в обозе ломалась телега, не вынесшая далекого, тысячеверстного пути, и проходило несколько минут, пока фурлейты (Фурлейт - обозный солдат.) не сбрасывали ее в канаву. То измученные, исхудавшие в непрерывных походах артиллерийские лошади не могли втащить на гору двухкартаульную (Картауль - калибр пушки, у которой бомба весила пуд.) гаубицу, пока ее красный лафет со всех сторон не облепляли артиллеристы.

И сразу весь этот поток останавливался. Повозки наезжали друг на друга, напирала на идущую впереди пехоту. В воздухе стояла ругань.

Эта медлительность, эти бесконечные остановки раздражали Суворова: в его представлении армия должна быть подвижной, быстрой, а на деле - она еле плелась, с трудом делая по восьми верст в сутки.

Энергичный, горячий Суворов не мог дремать в седле, как делали многие офицеры. И он был доволен, что генерал Фермор послал его с поручением к арьергарду.

Суворов видел всю армию на походе.

Его неприятно поразила необозримая вереница этих полковых и офицерских обозов.

Еще раньше Суворов знал, что в армии большой некомплект: много солдат осталось в России - "у корчемных сборов", "у соляных дел", "у сыску воров", "для поимки

беспаспортных" и для прочих невоенных дел. В пехотном полку вместо положенных двух тысяч солдат едва насчитывалось полторы. И те совершенно тонули в бесконечном множестве колясок, повозок и телег.

Вслед за 12-й, мушкатерской ротой каждого полка обязательно тащилось больше сотни подвод.

Первой шла денежная палуба. На ней стоял окованный железом денежный сундук. Весь полк знал, что в сундуке пусто, но по обеим сторонам палубы, с фузеями (Фузея - ружье.) наперевес, брели двое мушкатеров.

За денежной следовала канцелярская, на которой, уткнувшись головой в мешок с овсом, безмятежно спал аудитор (Аудитор - военный чиновник.).

Дальше тянулись госпитальные повозки с легко ранеными, заболевшими, отставшими в пути солдатами, с полковыми фельдшерами и цирюльниками.

Тяжело поскрипывали провиантские палубы с мешками муки и солдатскими сухарями - другого провианта не было. Тарахтели палубы с шанцевым инструментом.

Белелись палаточные.

Полковой обоз кончался. За ним начинался самый многочисленный и пестрый - офицерский. Тут, в кибитках и колясках, ехали офицерские жены и любовницы. Повозки были набиты доверху разным домашним добром - кроватями, пуховиками. Более запасливые везли в клетках кур и гусей. Где-то визжал поросенок.

На повозках ехали и возле повозок шли сотни денщиков, поваров и прочих офицерских слуг, набранных из строевых солдат.

И, наконец, весь полковой обоз замыкали роспуски с деревянными рогатками, которыми каждый полк ограждал себя на бивуаках и в бою от набегов вражеской конницы.

Суворов не мог видеть этих краснорожих денщиков и офицерских жен и старался поскорее проскочить мимо них, чтобы ехать возле рядов мушкатеров или гренадер.

Он нагнал пехотные полки 3-й дивизии графа Румянцева и ехал, невольно слушая, что говорят сбоку.

- Не перекладывай фузеи с плеча на плечо - легче не станет, - поучал какого-то, видимо молодого, малохожалого солдата "дядька".- Коли вбилося тебе в голову, что тяжело, то хоть последнюю сорочку сыми, все тяжело будет!

В другой роте кто-то рассказывал, вспоминая:

- Отец мне и говорит: "Полно тебе, Лешка, баловать, пора умом жить. Я тебе сосватал Федосью". Бухнул я отцу в ноги - смилостивись, тятенька. А он и ухом не ведет. Всю неделю до свадьбы пропьянствовал без просыпу. Обвенчали. На другой день оглянулся я-да поздно. Жена - смиренная, работящая, годов на десять меня старше. И бельмо на глазу. А мать у нее вовсе слепая. Парни смеются: у вас, говорят, на троих - всего три глаза. Озверел я. Избил жену и пошел на сеновал. Лежу и слышу, у нас на задворках бабы судачат: "Видала, Лешка-то свою хозяйку окстил - знать, любит, коли бьет!" Я вскочил да в кабак. А потом повалился отцу в ноги - сдавай в солдаты, не то руки на себя наложу...

Несколькими рядами дальше шел другой разговор:

- Подошву чистым бы дегтем намазать, да золой присыпать, да выставить на солнышко - всю Европу на них прошел бы, а то - вон уже на подвертках иду!

Суворов поровнялся с Апшеронским полком, который шел непосредственно за полками 1-й дивизии. Подымались на гору, ехать быстро было нельзя.

Суворов смотрел на рослых, плечистых мушкатеров 1-й роты. Немного впереди него, крайним в ряду, шел молодой русоволосый солдат. Он то и дело подергивал плечами: видимо, с непривычки сильно резал плечи тяжелый ранец. Сосед рекрута, пожилой рябоватый мушкатер, поглядывал на него, а потом взял у молодого солдата с плеча фузею и негромко сказал:

- Ильюха, поправь ранец!

Рекрут сразу ожил, поднял голову и стал подтягивать ремни. Но в это время откуда-то из рядов раздался начальственный окрик:

- Иванов, зачем балуешь рекрута? Какой из Огнева солдат будет, ежели с фузеей не справится?

Рекрут торопливо потянул из рук старого солдата свою фузею.

- Егор Лукич, пушай парень хоть ремни-то поправит,-ответил рябой солдат.

Но Егор Лукич уже не слышал ответа: увидев, что возле его капральства (Капральство - отделение.) едет какой-то штабной офицер (у Суворова была повязка на рукаве), капрал продолжал показывать старание - распекал еще кого-то:

- А ты чего захромал?

- Пятку стер, дяденька.

- Обуваться не умеешь, мякина! Придем на место, салом натри пройдет, - по привычке сказал капрал всегдашнюю в таких случаях фразу.

Рябой солдат усмехнулся и довольно громко заметил;

- Умный какой. Да кабы сало у кого было...

- Давно бы съели, - досказал за него сосед.

Поднялись на гору.

Впереди Суворов увидал знакомую картину. Над морем бесконечных повозок, палуб и телег возвышалась вереница верблюдов - это шесть верблюдов вместе с двадцатью лошадьми везли багаж генерала Фермора: его роскошные палатки, мебель, кухонную и столовую посуду и многочисленных генеральских слуг.

Суворов покачал головой:

"Нет, с таким табором не нагрнешь внезапно на врага! Восемь верст в сутки, помилуй бог! Это не армия на походе, а барыня, едущая на богомолье!"

II

Мы во Пруссии стояли,

Много нужды принимали

Солдатская песня

Мушкатер Ильюха Огнев, подложив под голову руки, лежал в тени палатки. Высоко вверху, как пушинка по воде, легко плыло белое облачко. Оно плыло в сторону Мельничной горы, к правому флангу, плыло на восток, на родину. Ильюха смотрел на него и с грустью думал все об одном и том же:

"Вот облачко поплыло туда. Может, его увидят скоро и у нас, в Ручьях. Посмотрят на него. Мать, сестренка Любка, черноглазая Катюша..."

Тоскливо сжалось сердце. Захотелось домой, в родную деревню, хотя Ильюхина жизнь и там была несладка - от зари и до зари гнуть спину на барщине.

Огнева только нынешней весной сдали в рекруты.

Староста не взлюбил дерзкого, непокорного парня, которого бей не бей он все свое.

- Вот погоди, в царской службе тебе хорошо перья пообломают! злорадствовал староста, когда Ильюху под истошный плач старухи матери и сестренки увозили из деревни.

В службе Ильюху действительно хорошо обломали. Два месяца гоняли с места на место по разным городам. Зуботычинами да палками учили постигать военную премудрость: как "метать артикулы", как заплетать косу да подвязывать порыжелые, никуда не годные кожаные штиблеты - других в цейхгаузе не было.

Наконец, решив, что достаточно обучили военному делу, отправили Огнева с пополнением к армии, которая уже второй год занимала Восточную Пруссию.

Ильюха был назначен в 3-ю дивизию графа Румянцева, в Апшеронский пехотный полк.

Русская армия в Ильин день заняла город Франкфурт-на-Одере и стала бивуаком на высоких обрывистых холмах правого берега реки. Тут-то Огнев и нагнал свой полк.

Он попал в капральство Егора Лукича, старого, бывалого солдата, ходившего на турка, бравшего с фельдмаршалом Минихом Перекоп.

Егор Лукич любил покричать, но бил солдата меньше, чем другие капралы.

Ильюха Огнев оказался в капральстве Егора Лукича самым молодым: ему всего-навсего шел девятнадцатый год. Остальные подначальные Егора Лукича поседели на

службе: кто тянул лямку уже пятнадцать лет, а кто - и все двадцать.

Старики давно свыклись с тяжелым солдатским положением. Большинство из них обзавелось женами и детьми - семьи жили вместе с ними в солдатских слободах или на обывательских квартирах, - и родные деревни как-то понемногу выветрились из памяти. Привыкшие к походной жизни, выдавшие и Крым и Польшу, старые солдаты и за тысячу верст от родимого края чувствовали себя как дома.

Огневу же все здесь было непривычное и чужое. Непривычны были эти чистые немецкие мызы, эти ветряки, эти медлительные дородные немецкие девушки. То ли дело подвижная, смешливая ручьевская Катюша!

Огнев никак не мог свыкнуться с мыслью, что он на всю жизнь должен остаться солдатом. Пока Лукич учил его, как ставить палатку или как заряжать фузею ("Не спеши! Помни: уронишь патрон аль два раза осечка будет - палок дадут!" - поучал старик), Ильюха забывал о доме. Но стоило Огневу остаться наедине, как теперь вот, и опять вспоминались родные Ручьи.

Ильюха лежал и живо представлял, что делается сейчас дома. Помещичье поле... Согнувшись в три погибели, бабы жнут яровое. Мать, проворная маленькая старуха, жнет ловко и быстро. Рядом с ней - пятнадцатилетняя Любка обливается потом, спешит, хочет не отстать от баб. Вдоль полосы едет верхом барский приказчик. Песья душа. Помахивает нагайкой, шурит коричневые злые глаза на согнутые бабы спины...

- Черт косой! Портупея-то у тебя как? Потуже подтяни! - раздался где-то рядом начальственный окрик.

От Ильюхиных мыслей не осталось ни следа. Он с досадой приподнялся и сел. Глянул вокруг.

Из соседней палатки торчали чьи-то босые грязные ноги. В тени, под кустиком, пятидесятилетний мушкатер Зуев латал свои штаны. Штаны были когда-то, как полагается мушкатеру, из красного сукна, а теперь от множества заплат красное рдело на них лишь кое-где. Рядом с ним гренадер чинил башмак.

Русская армия сильно обносилась, обозы с амуницией все не приходили из России, а во Франкфурте в складах нашли только кирасы (Кираса - грудные и спинные металлические латы.).

Дальше полковой цирюльник брил музыканта. Музыкант с зелеными суконными накладками на плечах - "крыльцами", важно восседал на барабане.

А немного в стороне, на пригорке, денщик ротного чистил барский гардероб.

Ротный, в халате и туфлях, стоял тут же, покуривая и покривая на денщика.

Все то же, что Огнев видел в лагере на франкфуртских холмах каждый день уже в продолжение целой недели.

Откуда-то, из 3-й роты, доносилось:

- Скуси патрон, чтобы в зубах осталось немного пороху, всунь в дуло и припей шомполом. Прибивай одним махом, а не так, как другой: возьмет и толчет, ровно крупу в ступе. Понял?

Это дядька обучал молодых, как заряжать фузею: в полках третья часть солдат была не обучена как следует,

"Все то же!.. Разве заснуть?"-подумал Огнев. Но в это время его кликнул Егор Лукич:

- Огнев!

- Я тут, дядя Егор! - вскочил Огнев.

- Сбегай, Ильюха, за водой! Глянь - Иванов опять картофелю раздобыл! сказал Егор Лукич, когда Огнев прибежал к капральской палатке.

Ильюха кинулся за башмаками, но капрал остановил его:

- Да беги босиком! Беги так!

Ильюха схватил котелок и побежал знакомой дорогой к ручью.

Апшеронцам, которые стояли на краю горы Большой Шпиц, против деревни Кунерсдорф, было сподручнее бегать за водой в деревню. Она лежала справа, между

Большим Шпицем и Мельничной горой. В Кунерсдорфе были колодцы и три больших пруда. Но кроме апшеронцев и ростовцев, палатки которых расположились еще левее, ближе к оврагу, в деревне брал воду весь правый фланг, весь корпус князя Голицына. Помимо того, у деревни, на выгоне, разместился корпусной артиллерийский полк. Вся деревня была полна фузилерных и фурштатских служителей (Фузилер - мушкатер, фурштатский - обозный.), фурлейтов и денщиков; всюду мелькали красные с черными обшлагами кафтаны артиллеристов. В больших кунерсдорфских прудах целый день купались солдаты, здесь же купали лошадей, стирали белье, мыли палубы и телеги.

К колодцу тоже было не протолкаться.

Ильюха решил бежать налево, на другой конец Большого Шпица, к ручью. Сюда собиралось меньше народа: вода в ручье была ржавая, болотная, берега топкие.

Но Ильюхе вода нужна была не для щей, а только лишь для того, чтобы сварить эти "чертовы яблоки", как называли солдаты картофель.

Огнев здесь впервые увидел диковинный овощ. Картофель понравился ему.

Ильюха готов был один съесть полкотелка, если бы Егор Лукич не покрикивал.

И как тут было не любить картофеля, когда изо дня в день варили пустые щи из лебеды и крапивы да одну и ту же ячменную кашу.

До смерти надоело! Правда, кроме водки и хлеба, каждому мушкатуеру полагалось еще в день два фунта мяса. Да откуда его возьмешь! Только в обозе, где резали упряжных быков, которые от бескормицы и худых дорог ежедневно падали десятками, ели мясо. Было оно и в офицерских котлах. Но в мушкатуерских - не случалось. Оттого мушкатуеры рады были картофелю.

Хотя у Франкфурта стояло больше сорока тысяч русских и около двадцати тысяч союзников-австрийцев и солдаты хорошо наведывались в поля и огороды форштадта, окрестных деревень и мыз, но тароватый мушкатуер Иванов все-таки ухитрился накопать полный котелок картофеля.

Ильюха бежал, утирая пот рукавом сорочки, - бежал без кафтана, в одном камзоле: все равно было жарко.

Июльское солнце жгло, как и все дни, немилосердно.

Только когда оно спускалось туда, за самую высокую из всех трех гор Еврейскую, где стояли левофланговые 1-я и 2-я дивизии, тогда становилось немного полегче.

Но до заката было еще далеко.

Огнев пробежал расположение соседей - своего брата, пехоты, - пробежал мимо батареи секретных шуваловских единорогов. У каждой гаубицы дуло закрыто было медной крышкой. Вокруг батареи, изнывая от жары, стояли часовые, чтобы никто не подходил к единорогам. Шуваловцы давали особую присягу никому не рассказывать о секретных гаубицах, но вся армия давно знала, что у единорогов дуло не круглое, а такое, как яйцо.

За батареей начиналась вся эта неразбериха полковых и офицерских обозов. На холме и в овраге теснились сотни повозок, палубы и телеги.

Вокруг одной палубы толпились солдаты разных полков. Ильюха подбежал посмотреть, что там такое.

На палубе, свесив вниз ноги, сидел прусский перебежчик - большой плечистый мужчина лет сорока, со смешными, торчком поставленными маленькими усиками.

Молодые солдаты, которые еще ни разу не видали прусских гренадер, лезли вперед, чтобы получше разглядеть гостя. А старики, покуривая, стояли в сторонке. Разговаривали.

- Не спорь - пруссак лучше нас стреляет...

- Да ты скажи, почему?

- Потому, что у тебя в патронной суме сколько пуль?

- Пятнадцать.

- А у него - больше.

- Так и у нас в обозе, в патронных ящиках, лежит по пятнадцати пуль на каждого солдата...

- Ладно. Ты спроси вот у него, у фурлейта, он те скажет, много ль у них на палубах патронов осталось.

- Петров, погоди, - вмешался другой солдат, - я вот что скажу. Эй, парень! - потянул он за рукав Ильюха, который стоял возле спорящих.

Ильюха обернулся.

- Ты в бою бывал? - спросил у него какой-то седоусый гренадер.

- Нет еще, - почему-то смутился Огнев.

- А стрелял когда-либо из фузеи, хоть раз?

- Нет, не стрелял. Дядя Егор только приемы показал...

В толпе захохотали.

- Ну, вот видишь. Много ль такой попадет! А ведь, как говорится, выстреля, пули не поймаешь! И таких, как он, у нас чуть не половина.

- Старых солдат немного осталось, - прибавил другой.

- В новом корпусе, что на правом фланге стоит, рекрутов - целые роты.

Огневу этот спор был неинтересен. Он понемногу протискивался вперед, поближе к палубе.

Возле палубы стоял какой-то аудитор. Он служил переводчиком между пруссаком и русскими солдатами, которые задавали ему вопросы. Перебежчик словоохотливо говорил.

Ильюха во все глаза рассматривал немца.

- Ишь ведь, по-каковски лопочет, а не собьется! - сказал кто-то из стоявших впереди Ильюхи.

- Тише! Погоди ты! - зашипели на него соседи: все внимательно слушали аудитора, который переводил, что сказал немец.

- У них, говорит, ни минуты свободной нет. Солдат должен весь день что-либо делать. Так стоять без работы, как мы сейчас стоим, у них не позволили б. То фузею смазывай, то ремни бели, то пуговицы начищай. Не справишь чего - бьют палкой. У каждого капрала - палка.

Вот он ей и охаживает.

- Наши капралы неплохо и без палки бьют! - вполголоса сказал кто-то.

- А спроси у немца, за какие провинности бьют? - крикнули из толпы.

Аудитор перевел вопрос. Пруссак улыбнулся и что-то быстро ответил.

- Он говорит, что у них - всякая вина виновата. И старший - всегда прав. Слова против него не скажи - насмерть убьет и отвечать не будет!

- Вот и служи!

- Хороша жизнь, нечего сказать!

- У нас бьют, так куда денешься: служба! А они ведь все наемные. За деньги служат! - говорили в толпе.

Ильюхе Огневу страсть хотелось больше бы послушать, да нужно было бежать за водой: Егор Лукич за пожданье тоже не помилует.

И Огнев стал выбираться из толпы.

Ш

Суворов в первый раз присутствовал на военном совете.

На дворе было ослепительное солнце, а в столовой палатке главнокомандующего, обитой голубой парчой, горели свечи. Вокруг большого обеденного стола, на котором лежала карта Франкфурта и его окрестностей, сидели все старшие начальники русской армии: сам главнокомандующий, маленький, весь седой старичок граф Петр Семенович Салтыков, его заместитель и начальник 1-й дивизии генерал Фермор и командиры остальных дивизий генерал-поручики Вильбуа, Голицын и Румянцев.

Суворов с бумагами и карандашом пристроился на противоположном, свободном от карт конце стола. У его ног, под столом, лежали, высунув от жары языки, две борзые: Салтыков очень любил псовую охоту и, уезжая к армии, взял с собою свою любимую свору собак.

На совете говорили все о том же, о чем за два года войны с королем прусским Фридрихом II надоело даже говорить.

С начала вступления России в войну, с 1757 года, русская армия делала все, чтобы соединиться со своими союзниками, австрийцами. Заняв Восточную Пруссию, русские шли вперед, австрийцы же боялись отойти от границ Богемии, несмотря на то, что их армия была втрое больше русской.

Когда десять дней назад, 20 июля 1759 года, Салтыков, взяв Франкфурт, очутился всего в семидесяти верстах от Берлина, австрийский фельдмаршал Даун не сдвинулся с места. Только двадцатитысячный отряд генерала Лаудона присоединился 21 июля к русским у Франкфурта и стал впереди левого крыла русской армии, на Красной мызе.

Сегодня, 30 июля, Салтыков получил от Дауна извещение, что главные австрийские силы могут перейти в наступление, лишь соединившись с русскими. Даун требовал, чтобы Салтыков отступил назад, к Кроссену.

- Кроссен-де условлен для соединения. А занявши Кроссен, нашли мы в нем хоть одного австрийца? Выиграли такую најесточайшую баталию под Пальцигом, взяли Франкфурт, ин - нате, извольте отступать! Это черт-те знает что? - горячился Салтыков.

Генералы молчали. Все думали то же, что и главнокомандующий.

Румяный, пухлощекий Вильбуа, надменный в обращении с подчиненными, но подобострастный с высшими, угодливо кивал головой.

Умный Румянцев, опершись подбородком об эфес сабли, задумчиво смотрел на разостланную перед ним карту.

Начальник Обсервационного корпуса, добродушный князь Голицын, барабанил по столу пальцами. Он нервничал. В его распоряжении было много артиллерии - шуваловских секретных гаубиц. В бесконечных же переходах по тяжелым песчаным дорогам, при всегдашней нехватке фуража, ежедневно падали десятки лошадей и упряжных волов, а пушечные лафеты, расшатанные в бою при Пальциге и наскоро починенные в Кроссене, не выдержали перехода даже до Франкфурта.

Красивое, слегка бледное лицо Фермора кривилось снисходительной улыбкой.

Всего лишь месяц тому назад он сдал командование армией графу Салтыкову, согласившись при этом остаться его заместителем. Как ни писал Фермор императрице Елизавете Петровне, что эту замену "не токмо себе за обиду не почитаю, но припадая к стопам вашего императорского величества, рабское мое благодарение приношу", а все-таки в душе был глубоко оскорблен.

И как было не обижаться? Его, генерала Фермора, которого хвалил сам фельдмаршал Миних, генерала, поседевшего в боях, заменили - и кем же? Ни разу не командовавшим войсками в бою Салтыковым, все достоинство которого заключалось лишь в том, что он был родственником императрицы.

Когда Салтыков, проезжая через Кенигсберг, ходил по улицам в своем белом кафтане без единого ордена, на Салтыкова обращали не больше внимания, чем на какого-либо полкового аудитора. Салтыков был прост во всем: в своей жизни, в обращении с людьми. Фермор же держал себя очень важно и любил пышность. Одевался Фермор всегда щегольски - в голубой кафтан с красными отворотами. Было душно, но Фермор сидел в парике, напудренный, аккуратный. И даже по кафтану у него сегодня шла через плечо голубая орденская лента.

Салтыков, разморенный духотой, небрежно расстегнул свой

когда-то белый, но изрядно потемневший от ежедневной носки старый ландмилицкий (Ландмилиция - местное земское войско, организованное Петром I.) кафтан, который нашивал, еще командуя ландмилицией на Украине. Парика Салтыков сегодня вовсе не надел и время от времени вытирал платком голову, пухлое лицо и старчески сморщенную шею.

Фермор смотрел на главнокомандующего и ликовал: пусть-ка этот барин узнает, легко ли командовать армией, когда руки связаны, с одной стороны, петербургской Конференцией (Конференция - придворный военный совет, руководивший из Петербурга военными

действиями русской армии за границей.), а с другой - австрийским гофкригсратом (Гофкригсрат - австрийский придворный военный совет.).

- Что ж будем делать? - прервал молчание Салтыков. - Ну-с, господин подполковник, каково ваше мнение? - обратился он к младшему среди присутствующих.

- Идти навстречу врагу! - твердо сказал Суворов.

Все оглянулись на него; то, что сказал подполковник, противоречило общепринятым правилам тогдашней стратегии, казалось абсурдом.

Вильбуа смотрел на тщедушного подполковника с явным пренебрежением: какую чепуху несет человек!

Скромный князь Голицын, слабо разбиравшийся в военном деле, смотрел то на одного, то на другого из генералов. Он не был и не считал сам себя военным человеком. Он только подчинялся монаршей воле: императрица назначила его командиром Обсервационного корпуса, и Голицын послушно командовал.

Румянцев с интересом взглянул на малознакомого подполковника.

Фермор снисходительно улыбался: он уже немного знал быстрый нрав своего дивизионного дежурного штаб-офицера, был знаком с его странными стратегическими взглядами.

Салтыков же только тер голову и ухмылялся: ну и предложил!

- Господа генералы, ваше мнение? - глянул он на трех генерал-поручиков.

Первым отозвался Румянцев:

- Остаться на месте и ждать короля.

- И я так думаю, - поддержал его князь Голицын. - Ведь позиция у нас почти неприступная.

Фермор скривил свое красивое лицо:

- Позиция имеет большой недостаток - фронт прорезывается оврагами, никакого сикурсу (Сикурс- помощь.) дать друг другу будет невозможно.

Ему было смешно, что Голицын - начальник дивизии, а не понимает такой простой вещи.

- Вы неправы, Вилим Вилимович,- оживился Салтыков.

В глубине души он понимал, что Фермор прав, но недолюбливал его и хотел уколоть.

Салтыков, наклонившись над картой, ткнул в нее пухлым перстом:

- С левого крыла нас обойти, сами видите, нельзя - река Одра. А с правого - пусть обходит! Тут - речка, пруды, болота. Король любит драться на ровной местности, чтобы ему можно было поставить свои линии, а у нас здесь горы да овраги. Фермор молчал.

- Может быть, ваше сиятельство, еще укрепить фронт ретраншаментом? (Ретраншамент- окоп.) - поспешил предложить угодливый Вильбуа.

Салтыков недовольно поморщился, махнул рукой:

- Э, сейчас незачем. Зря только солдат мучить. Подождем до утра: утро вечера мудренее! А что же все-таки предлагаете вы? - спросил он у Вильбуа.

- Подчиняться приказу Конференции и отступить к Кроссену,- ответил Вильбуа, поглядывая на Фермора - поддержит он или нет.

- Самое правильное решение! - поддержал Фермор.

Салтыков вытер лицо платком, секунду помолчал, как бы собираясь с духом, а потом отрубил:

- Трогаться с места нельзя: тронешься, перемешаешь все полки - потом и за сутки в боевой порядок их не поставишь! Нет, уж будем стоять здесь и ждать короля!

- Простите, ваше сиятельство, а как же с обозом? Ведь у нас двадцать тысяч повозок. С таким цыганским табором принимать бой на холмах? - горячо выпалил Суворов.

Его раздражала нерешительность Салтыкова. Петр I, у которого учился подполковник Суворов, говаривал: "Во всех действиях упреждать", а этот толстый барин вовсе не думает идти навстречу врагу, а собирается только обороняться.

- Подполковник Суворов прав, - первым отозвался генерал Фермор.

Фермор был доволен, что его дивизионный дежурный штаб-офицер так основательно поддел главнокомандующего. Но ему не понравилось одно: зачем Суворов обозвал весь обоз и в том числе, стало быть, и его верблюдов "цыганским табором"?

- Будем мы отступать или нет, а обоз надобно сегодня же отправить за Одер, - сказал Фермор.

- Совершенно верно. Немедленно отправить за реку! - спохватился Румянцев.

- Да, да, да, отправить! - поддакнул Вильбуа.

- Ну что ж, - спокойно, не торопясь, ответил Салтыков, - отсылать так отсылать. Завтра же и отошлем, - легонько ударил он по столу рукой.

Выходило так, что он и соглашался с Фермором, но в то же время поступал по-своему: отошлю, но не сегодня!

- А теперь, господин подполковник, - сказал Суворову главнокомандующий, - давайте-ка объедем весь лагерь, посмотрим, как и что у нас!

IV

Казачья лошаденка Суворова не отставала от статного арабского жеребца графа Салтыкова.

Они объехали весь фронт русских войск от левого крыла на Еврейской горе, самом высоком и широком из франкфуртских холмов, до правого-на узкой площадке Мельничной горы, где под мирными ветряками расположились десятки шуваловских единорогов Обсервационного корпуса.

Жеребец графа продирался сквозь кусты, спускался с обрывов вниз, в долину, подымался на кручи. Главнокомандующий хотел лично проверить, насколько болотисты берега речки Гюнер, сможет ли пехота "скоропостижного" короля - так звали Фридриха II при русском дворе - пройти здесь или нет. Осматривал, как круты спуски оврагов Лаудонгрунда и Кунгрунда, на что давеча так напирал осторожный Фермор.

Возвращались назад.

Крепкий жеребец графа легко вымахнул из Кунгрунда наверх, на Большой Шпиц, который лежал между Еврейской и Мельничной горами.

Салтыков остановился, снял треуголку и, вытирая платком мокрый лоб, сказал штаб-офицеру, поспевавшему за ним:

- Напрасно Фермор пугал: тут не то что мушктеры, а и полукартаульные единороги пройдут. И через овраги можно получить довольный сикурс. Ну и погодка! - переменял он разговор.- Вот благодать какая!

- Жарко, ваше сиятельство, помилуй бог, жарко! - согласился худощавый подполковник; плечи его кафтана были мокры.

- Бабье лето. Скоро и в отъездное поле. Эх, хорошо! - мечтательно сказал Салтыков, глядя вниз на болотистую равнину, по которой текла речка Гюнер.

За Гюнером, по лугу, в ярких черно-красных доломанах скакали гусары.

- Ваше сиятельство, обратите внимание на гусар: нельзя разобрать свои или немцы, - сказал Суворов.- Надо, чтобы гусары в отводных караулах носили на руке белую повязку.

- Да, да. Это верно. Отдай, голубчик, завтра приказ при пароле, ответил Салтыков, трогая жеребца.

Они ехали сзади расположения апшеронцев. В стороне молодой мушктер рубил тесаком рогаточные колья.

- Ах, стервец, посмотри, что он делает! - указал на мушктер а Салтыков. - Этак они все рогатки изведут!

Поезжай, взгрей его!

Суворов дал шпоры коню и подскакал к мушктеру. Увидев подъехавшего офицера, мушктер вытянулся, испуганно заморгал глазами. Суворов оглянулся главнокомандующий скрылся за кустами.

- Что, кашу варить собираешься?-спросил Суворов.

- Никак нет, картофель, - смущенно ответил мушктер.

- Чего ж оробел? Руби смело! Тут не в степи с туркой воевать! А коли и налетит конница, у тебя штык есть. Он, брат, лучше всякой рогатки - и крепче и вернее! - сказал подполковник Суворов и поскакал догонять главнокомандующего.

...Ильюха Огнев никому не рассказал об этом странном происшествии. Мушкаты потихоньку рубили рогаточные кольца, но все ротное начальство, начиная с Егора Лукича, строго выискивало за это, а тут на штабного офицера нарвался - и то ничего.

V

- Твой барин что, аль такой бедный? - спросил у суворовского Степки франтоватый бригадирский денщик, входя за ним в подполковничью палатку.

Денщик бригадира Бранта забежал вечерком покалякать с соседом и посмотреть, как живет новый штаб-офицер: подполковник Суворов прибыл в армию недавно, две недели тому назад.

- Не. А что? - удивился Степка. - Отчего ты так думаешь?

- Да как же не думать? Ты у него только один! Больше-то никого нет ни повара, ни вестовых!

- Зачем? Я ж барину обед стряпаю.

Казак еще есть, - ответил Степка, зажигая свечу.

- Казак? Это ж не барский человек. То ли дело у моего: денщиков двое, вестовых - двое, опять же повар да цирюльник... Вот! - хвастался бригадирский денщик.

Он в один миг окинул взглядом скудную подполковничью палатку.

Никакой кровати не было. На земле лежала охапка сена, прикрытая простыней. В изголовье-подушка. Ни ковра, ничего. Стол, свеча в деревянном подсвечнике. На столе одни книги.

- Твой барин ведь майор?

- Ну, вот еще, - обиделся Степка. - Александра Васильич - подполковники, а не майор!

- Тогда и того плоше! - не унимался денщик. - Подполковник, говоришь, а погляди, на чем спит? - Бригадирский денщик указал на постель подполковника. - Да у нас у сержанта, у пьянчужки Сашки Коробова, и то лучше! Ни пуховика, ни перины! Какой же это барин, штаб-офицер? Да кто его отец?

- Наш старый барин, Василий Иванович Суворов, слышал, может, - главный в армии по хлебной части. Вот кто! - обиженным тоном сказал Степка, встряхивая простыню и взрыхляя слежавшееся сено. - Да у нас, кабы мы только пожелали, пуховиков этих-тьфу!.. Отседа до самого Франкфурту ими устлали б! У нас, брат, деревни в Московской, Володимирской губерниях. Да еще дом в Москве у Никитских ворот. Наш батюшка-барин - генерал-майор, а он...

- Почему ж тогда молодой барин так спит? В карты продулся, что ли?

- Какое там! - отмахнулся Степка. - Всего не любит этого занятия.

- Так почему ж?

- А вот поди у него и спроси, почему! Он и дома у нас никак иначе не спал, как на полу и на сене.

- То-то мне Ферморский Яшка шептал: к нам, говорит, прислали нового штаб-офицера. Маленький, худенький, говорит. Одна кожа да кости. Бедный, должно быть, аль пьяница. Халата, говорит, и того не имеет. У всех штаб-офицеров по две повозки с добром. Любомирский даже в три не вмещается, а этот, Суворов, ровно прапорщик последний: на одной повозке везти нечего. Чудно.

- Ну и врет твой Яшка! - обозлился суворовский денщик. - Александра Васильич пьет вовсе мало. Одно верно: вещей возить не любит.

- Молодой человек, а ни тебе зеркала, ни чего другого. Только книги, не переставал подзуживать бригадирский денщик.

- Погоди, кажись кто-то подъехал, - перебил его Степка и выбежал вон. За ним из палатки шмыгнул и его гость.

В густых августовских сумерках бригадирский денщик увидел небольшого человека,

который быстро шел к палатке. Камзол его был расстегнут, шляпу он держал в руке.

- Степка, воды! - крикнул он на ходу.

Бригадирский денщик шмыгнул за палатку - хотелось послушать, что ж будет дальше.

В подполковничьей палатке упал, глухо звякнув шпорой, один сапог, потом другой. Еще мгновение - и тот же быстрый голос уже не в палатке, а где-то тут, в двух шагах, сказал:

- Лей! Только не на плечи, а на голову!

Послышался плеск воды.

- Хор-рошо, помилуй бог как хорошо!

- У меня еще одно припасено, - сказал Степка.

- Молодчина! Валяй!

Снова шум воды, довольное покрякивание, топот босых ног.

- Есть не буду - ужинал у графа. Ступай, спи!

Бригадирский денщик, улыбаясь в подстриженные на гренадерский манер усы, пошел прочь.

"Ну и барин! - думал он. - Помыться в такую жару хорошо, слов нет, но помыться как пристало штаб-офицеру - в тазу, с мылом, с душистой водой. А он - из ведра. Ровно мужик, слезший с полка. И теперь завалится на сено. Чудак!"

И бригадирский денщик даже махнул рукой.

VI

После холодной воды приятно пощипывало тело. Веки закрывались сами. Устал за день. Хотелось спать. В голове - все то, что назойливо лезло целый день:

"Мне бы сорокатысячную армию и кроатов Лаудона! Плевал бы я на всех Даунов! Сегодня же - на Берлин! Хоть там впереди король, хоть черт, хоть дьявол!.. Царь Петр ведь говаривал: "Во всех действиях упреждать". Конечно же - упреждать, а не стоять так в нерешительности, как Салтыков!"

Суворов улыбнулся. "Ретирада" - подлое слово! И еще - обоз.

Перед глазами одна за другой замелькали тысячи повозок, палуб, телег...

- Александр Васильич,- тихо позвал Степка: ему было жалко будить барина в этакую рань.

Суворов всегда спал очень чутко. Проснулся, отбросил простыню.

- Ась?

- Казак с донесением. От Туроверова.

Суворов вскочил и, как лежал голый, так и выбежал из палатки.

Лагерь спал. Откуда-то снизу, из Кунерсдорфа, доносился одинокий крик каким-то чудом уцелевшего петуха. Долина за Большим Шпицем, озера - все в белом тумане.

У палатки - бородатый казак.

- Какие новости, дядя? - спросил Суворов.

- Пруссак переправился через Одру, ваше благородие.

- Где?

- У Горитца.

- Все? И артиллерия?

- Конница перешла вброд, а пехота и пушки по мостам понтонным.

- Так, так. Спасибо. Обожди, борода!

Суворов юркнул назад в палатку.

Степка хотел помочь барину одеться, но, как всегда спросонок, был дурак дураком: тыкался во все и только мешал. Барин за сапог - и Степка тогда за сапог. Степка хочет подать кафтан - глядь, а он уж в руках у барина.

Суворов вскочил, напяливая на ходу кафтан. Побежал.

У палатки главнокомандующего стояло двое часовых.

Один сладко спал, опершись о фузею, другой крепился.

- Кто идет? - заорал он больше для того, чтобы разбудить спящего товарища.

Затем, как будто сейчас опознав подполковника, отвел фузею в сторону.

В передней части большой палатки спал денщик. Суворов тронул его за плечо, но в это время ковер, заменявший дверь, откинулся, и Суворов увидел главнокомандующего. В стареньком шлафроке Салтыков казался еще меньше, чем был на самом деле. Граф почесывался и зевал.

- Что случилось? - спросил он.

- Казак с донесением от Туроверова, ваше сиятельство.

- Снова перебежчик, или захватили пленных?

- Нет. Король переправился через Одер у Горитца со всей армией.

- Так и знал, - махнул рукой Салтыков. - А они давеча: отступить к Кроссену. Дураки! Мишка! - крикнул он денщику. - Буди адъютантов!

Салтыков вышел из палатки.

- Вон какой туман. День жаркий будет, - сказал он, но видно было, что думает о другом. - Вот что, батюшка! - Салтыков взял Суворова за пуговицу. Весь обоз немедля - за Одер, к Шетнау. Поставить вагенбург (Вагенбург обоз, построенный прямоугольником). Команду... - он на секунду задумался, бригадира Бранта. Господину Лаудону со всем отрядом подняться на высоты. Тотчас же бить зорю. Весь фронт повернуть кругом, вот сюда, на юг, - указал пальцем Салтыков. - Всем полкам строить батареи, ретраншамент. Отсюда до Мельничной горы. Вторую дивизию Вильбуа поставить в центр, к Румянцеву. Его величество хочет взять нас с тылу? Ин тому не бывать!

VII

Повернись, моя дивизия,

Со левого крыла,

Что со левого со фланга

На правое крыло.

Не пора ль нам начинать,

Свое дело окончать.

Солдатская песня

Ильюха Огнев проснулся, - били барабаны. Он вскочил вместе со всеми. Хотелось спать, слипались глаза, еще плохо слушались пальцы. А тут приходилось возиться с пуговицами да подвязками. Надо было смотреть, чтоб, как учил Егор Лукич, задний шов штиблета проходил точно посередине ноги, чтобы пуговицы на боку были все застегнуты, а сам штиблет не вылезал выше колена больше, чем на три пальца.

Ильюха одевался и все никак не мог разобрать, как барабанят: или в поход, или встать. Словно бы и вчера таким же манером били, только сегодня почему-то немножко пораньше, - за Мельничной горой, на востоке, еще чуть начинало розоветь.

Спросить у Егора Лукича постыдился: отчитает- мушкатер, а сигналов не помнишь!

Шепнул тихо соседу Иванову:

- Дяденька, почему сегодня так рано?

- Стало быть, надо! - хмуро буркнул тот. - Прусак, должно, близко.

- Мы в поход пойдем?

- Дурья голова, да разве не слышишь, что бьют? Зорю, а не генеральный марш. Значит, только подыматься, а что дальше будет, увидим!

Скоро всем стало ясно: ведено было свернуть палатки и сдать все лишнее в полковой обоз. И полковые и офицерские обозы отправлялись за Одер. Уже с Еврейской горы, вниз к Франкфурту, без конца тарахтели провиантские, канцелярские и палаточные палубы. Вся гора стояла в облаке пыли.

Солдаты складывались, живо обсуждая события.

- Это, брат, неспроста! Коли уж из обозов вагенбург делают, значит, прусак недалеко!

- Не забудь, парень, чистую рубаху оставить, - сказал Егор Лукич Огневу.

- А я только собирался стирать. Экая досада, - чесал затылок Иванов.

- Помрешь и в немойтой, - ответили сбоку.

- Глянь-кось, дяденька, - оказал молодой мушкатер из соседнего капральства, - сколько

войска валит!

- К нам на подмогу, - ответил ефрейтор.
- Под наше крылышко.
- Так-то веселей.

С Еврейской горы через овраг Лаудонгрунд шла во взводных колоннах на Большой Шпиц 2-я дивизия Вильбуа.

- Не задерживай, получай шанцевый инструмент! - крикнул, проезжая верхом, какой-то молодой офицер из обоза.

Видно, доставалось сегодня всем - галстук у офицера съехал набок, лицо было озабоченное, потное. Солдаты мигом разобрали топоры, лопаты, кирки.

- Становись в строй! - пронеслось по горе.

Гремя фузеями и шпагами, спешили на свои места, откашливались пока можно, сморкались.

- Смирно! Сомкнись! Задние, приступи! Кругом!

Повернулись кругом, лицом на юг.

- Право - стой, лево - заходи!

Заняв свои места, стояли "вольно". Солдатам разрешили съесть по сухарю. Более запасливые, у кого в водоносной фляге еще с вечера была припасена вода, пили эту теплую, невкусную воду.

Внизу, по кунерсдорфской дороге, одна за другой тархтели подводы. Обоз Обсервационного корпуса тоже спешил убраться за Одер.

- С той стороны у нас позиция куда крепче была - болото, гнилой ручей, - хмуро заметил Иванов.

- Пруссак хитер - обходит нас с тылу, - прибавил кто-то.

- А мы его и тут нехудо встретим, - ответил Егор Лукич. - Вот сейчас окопов нароем, насыпем батарею, и - добро пожаловать, гости дорогие!

VIII

31 июля русская армия целые сутки укреплялась на франкфуртских холмах.

На южных склонах Еврейской горы и Большого Шпица и вокруг всей Мельничной горы рыли окопы, насыпали батареи.

Мушктеры, гренадеры, артиллеристы работали босиком, в одних штанах, сбросив не только кафтаны, но и камзолы. Вместо душных кожаных, с медными украшениями гренадерок одни по-бабьи повязали голову платком, другие, более сметливые, заранее взяли из обоза старые шляпы, а кто работал просто так, с непокрытой головой: грейся на солнышке, солдатская голова, может, в последний раз тебе на солнышке греться!

Красные и зеленые кафтаны и камзолы кучками лежали наверху, на горе, где среди фузей, поставленных в козлы, изнывали на солнцепеке часовые у полковые знамен, у казны, у пушек.

А те солдаты, которым уже минуло за пятьдесят, сидели на опушке франкфуртского леса, плели туры для песка и вспоминали далекое детство, как когда-то сиживали вот так же на пастьбе с огрызком косы и лыком.

Батареи насыпали на всех возвышенностях, но главные, многопушечные батареи были на правом крыле, на Еврейской горе, и в центре, на Большом Шпице. Тут батареи насыпались по всем правилам. Апшеронский полк работал над большой батареей Шпицберга. Бригада Любомирского-пехотные полки Ростовский, Апшеронский и Псковский - занимала ретраншаменты слева от большой батареи Шпицберга, прикрывая ее.

Постройку большой батареи вел сам генерал Фермор. Следить за работами и указывать он оставил какого-то невзрачного, худощавого штаб-офицера.

Ильюха Огнев сразу узнал его - это был тот самый подполковник, который вчера видел, как Ильюха рубил рогаточные колья. Солдаты в первую же минуту окрестили подполковника "быстрым": он делал все чрезвычайно быстро - ходил, говорил, указывал, где и как надо рыть.

Солдатам он полюбился.

Командир полка, как глыба, стоял где-то там, наверху, лентясь спуститься пониже, хорошо не видел, как и что делается, и только знал кричать да по-всегдашнему сулить палки и "сквозь строй", а сам норовил поскорее убраться в тенек. Этот же штаб-офицер, в расстегнутом камзоле, без галстука, с локтями, измазанными в глине, был тут, во рву. Говорил он с солдатами ласково, шутками, вместе с ними жарился на солнышке и вместе с ними пил из одного ведерка невкусную, пахнущую болотом, ржавую воду.

Ильюха Огнев работал в охотку. Работа была не та непривычная, постылая - "подвысь" да "скуси патрон", - а настоящая, деревенская, досконально Ильюхе знакомая - с лопатой.

Солнце приблизилось к полудню, когда апшеронцы, вместе с псковичами, ростовцами и артиллеристами, заканчивали половину главной батареи. Худощавый штаб-офицер сказал:

- Доведете до куртины, будем полдничать.

И сам поехал на Еврейскую гору, должно быть, к Фермору.

Поднажали, довели до куртины. Ротные, смотревшие за работой, увидев, что урок выполнен, подались понемногу наверх, к кустикам А солдаты, выравнивая и подчищая скаты, перекидывались словами:

- Вот толока у нас сегодня!

- На такую толоку много водки надо хозяину припасать!

- Больше чарки все равно не дадут, а то сдурееете, как при Цорндорфе.

- Душно, хоть бы дождик пошел.

- Не будет дождя - петухи вчера не пели...

- Кому ж и петь, коли шуваловские секретно всех петухов порезали, съязвил мушкатер.

- Да и вы, пехота-матушка, не поддадитесь! Тоже хороши куроеды! - не оставались в долгу артиллеристы.

- Сегодня один пел, ей-ей, пел, сам слышал - на часах стоял.

- А у вас рунд (Рунд-поверка часовых.) ходил? Может, ты во сне это слышал?

- Ребята, потише - едут.

Говор стих. Лопаты заработали усерднее. Офицеры, как воробьи с куста, посыпались вниз к солдатам.

К главной батарее приближалась группа всадников. Впереди ехал седенький главнокомандующий. Глаза у него были красные, невыспавшиеся старый человек, а долгий летний день на ногах.

Подъехали, остановились.

- Что ж, Вилим Вилимович, неплохо? - спросил Салтыков у Фермора, ехавшего рядом. - Половина штерншанца (Штерншанц - звездообразный окоп.) готова.

- Да, в таких поспешных условиях, конечно, - уклончиво ответил осторожный Фермор.

- Ну вот, Александр Васильевич, пусть работают так и дальше, обернулся Салтыков к худощавому подполковнику и поехал со свитой прочь.

Суворов остался у штерншанца.

- Ребята, давайте полдничать, - сказал он, спрыгивая с лошади.

IX

Счастье имеет для предводителей часто гораздо печальнейшие последствия, чем неудачи: первое делает их самонадеянными, последние учат их осторожности и скромности.

Фридрих II

Король Фридрих стоял, наклонившись над картой. Косичка с концом, загнутым точно крючок, смешно взметнулась вверх.

Голубая змея широкого Одера. Красные прямоугольники словно кирпичи: Франкфурт. Штриховка холмов как срез молодой сосны: Юденберг, Шпицберг, Мюльберг.

Решено: косвенный порядок такой, как при Лейтене. Правым крылом атаковать левое крыло этих варваров русских. Генерал Финк ударит с тыла. И они все полетят в Одер, в реку, к черту!

До последних слов думал, по старой привычке, на французском языке. Недаром

язвительный Вольтер когда-то заметил, что при дворе короля Фридриха "немецкий язык сохранен только для солдат и лошадей". Но для последней фразы понадобились гневные выражения, и губы сами сказали по-немецки:

- Zum Teufel! (К черту!)

Он даже швырнул на карту карандаш, который держал в руке. Зашагал по палатке. Вот додумал - сразу зевнулось, захотелось спать. Но спать уже некогда.

"Ничего. Завтра, разбив Салтыкова, высплюсь!" - подумал он и улыбнулся.

Где-то в лагере взвизгнули, сшибаясь, жеребцы. Фридрих недовольно высунулся из палатки. Что там такое?

Ничего. Все как полагается. У потухших костров спят солдаты - кто сидя, кто лежа, не выпуская из рук фузей и сабель.

В предрассветной мгле маячат силуэты всадников: по лагерю ездят гусары. Смотрят, не крадется ли какой-нибудь солдат, собираясь удирать.

Правда, все давно предусмотрено королем: прусский лагерь никогда не располагается близ леса. Но эти солдаты! Прохвосты! Воры! Их нельзя посылать одних даже за соломой или за водой: разбегутся. Что ни шаг, нужен конвой. Сброд со всего света - итальянцы, швейцарцы, силезцы... Кого только не набрали, подпоив, посулив хорошую жизнь или просто избив до полусмерти, прусские вербовщики! Кого только не одурачили, не улестили воевать за Пруссию! Где ж тут наступать с ними ночью, да еще лесом!

Король Фридрих шагнул к карте. Облокотился. Ну да. Вот. У него прекрасная память. Он превосходно знает свою землю: вот он, франкфуртский лес! Конечно, этих прохвостов ночью в лесу не собрать. Они держатся только палкой да фухтелем (Фухтель - плоская сторона сабли.). Солдат должен бояться палки капрала больше, чем неприятеля. Эта его фраза всем известна.

Фридрих улыбнулся и зашагал. Однако тонко придумано. В самом деле: палки своего капрала они боятся хуже, нежели врага! Враг - где он там еще, а капральская палка - вот она, вот тут! И что такое солдат? Зверь. Ничтожная часть механизма!

Внезапно он вспомнил. Похолодел. Шагнул к двери.

- Рудольф!

Перед ним вытягивается голубоглазый адъютант.

- Офицеры знают местность? Хорошо изучили?

- Изучили, ваше величество!

- Засады всюду расставлены?

- С вечера, ваше величество!

Фридрих поворачивается и шагает в противоположный угол палатки широким прусским шагом. Адъютант исчезает.

Офицер должен отлично знать местность - не для боя. Король сам ведет, король знает все. Им много знать не полагается. От офицера до последнего рядового никто не должен рассуждать. Но лишь исполнять, что приказано!

Они должны знать только то, что лежит под самым носом: где - овраг, где - рожь, чтобы, когда пойдут, не растерять, не оставить во ржи, в овраге ни одного солдата! И для того каждый раз, когда нужно проходить через овраг или рожь, в овраге, во ржи заранее делаются засады: ловить беглецов. Идут через лес - вдоль дороги скачут верные гусары. Они чистокровные немцы. На них можно положиться. Тем более, что за немца-гусара, если он сам убежит от фухтелей, от позитуры (Позитура - положение тела, выправка.) отвечает готовой его отец!

Засады не для русских. Не для передовых частей, этих нечесаных, лохматых казаков и полуголых калмыков, вооруженных - смешно сказать - луками и стрелами. Они способны только пугать ребят. Что стоят они по сравнению с его гусарами Зейдлица, лейб-кирасирами Бидербеа!

Сегодня в бою они - кирасиры, драгуны, гусары - будут решать дело.

Салтыков, этот русский барин, которому как-то посчастливилось разбить под

Пальцигом старика Веделя,- что он думает? Думает, что спасется на франкфуртских Холмах? Гусары выгонят их с холмов, как гончие зайцев!

Он смотрит из палатки. Кажется, посветлело. Пора.

- Рудольф!

В дверях-голубоглазый адъютант.

- Поднять лагерь. Без барабанов!

Король Фридрих отходит внутрь палатки. Он слышит глухой стук: это, без барабанов, офицеры бьют палками сержантов, сержанты - капралов, капралы солдат.

Пока можно не думать ни о солдатах, ни о лошадях. Можно думать об искусстве, о философии, о музыке. Думать по-французски...

Х

Главные силы короля Фридриха обходили левый фланг русских. Впереди, в утреннем тумане, колыхались разноцветные значки эскадронов Зейдлица. За ними, вытянувшись в две линии, точно на параде в Потсдаме, шагали батальоны гренадер.

Маршировать было трудно: гренадеры шли своим обычным маршем семьдесят пять шагов в минуту - по еще не сжатым полям ярового. Высокие стебли звонко хлестали по штиблетам, путались в ногах, задерживая шаг. Но капральские, сержантские, офицерские трости были каждую секунду наготове, и старые гренадерские ноги, маршировавшие уже не первый десяток лет, вышагивали привычно.

Озеро Бишофзее осталось справа.

Входили на опушку молодого леса. Запахло прошлогодними листьями, лесной сыростью. Несколько шагов - и первая линия пехоты уперлась в крупы лошадей: конница Зейдлица почему-то не подвигалась вперед.

И тотчас же войска расступились - со своим штабом проскакал вперед сам король. Черная треуголка у "Фрица" - как звали короля солдаты - была надвинута на левую бровь. Длинный нос стал оттого еще длиннее. Со стороны король казался одноглазым.

Но правый глаз смотрел зло, губы плотно сжаты: Фриц недоволен. Не миновать кому-то виселицы или, в лучшем случае, фухтелей!

- Ну, что там? - гневно спросил король.

- Пруды, ваше величество,- ответил ехавший навстречу королю Зейдлиц.

- Какого черта пруды? Их здесь не должно быть!

Король дал шпоры коню.

Среди бурелома и кустов лозы, в легкой дымке поднимающегося тумана подковой изогнулся обширный пруд. Слева, рядом с ним, другой, а дальше, в просветах кустов, блестели третий и четвертый.

Король не верил глазам.

- Карту!

Адъютант передал с поклоном трубочку карты. Король развернул ее.

На карте на этом месте, кроме леса, ничего не показано. Взбешенный король рванул карту - она с легким треском разорвалась пополам.

- Обходить! Налево! Живей! - помрачнев, приказал король.

...Уже пять часов измученные люди и лошади обходили пруды. Обходили один, ждали, что он последний. Глядь, за ним светлеет другой...

Между небольшими прудами пробовали перебираться, но лишь завязили лошадей.

Солнце подымалось все выше. С каждой минутой становилось жарче, невыносимее. Накаливались бляхи остроконечных гренадерских шапок. Хотелось пить.

Люди шли о бок воды, но нельзя было сломать строй. Отдохнуть, сделать привал - невозможно: никто не знал, скоро ли кончатся эти пруды. Может быть, вон тот - последний.

Король был невероятно зол: он терял время, он уже опаздывал - он приходил к Малому Шпицу позже, чем было условлено.

Финк на Третине в положенное время пробил зорю - обманывал русских, чтобы они

думали, будто вся армия короля прусского стоит еще у Третина. Затем Финк, исполняя намеченный королем план, открыл артиллерийский огонь по Мюльбергу. Финк должен был делать вид, что пруссаки хотят атаковать Мюльберг от Третина.

Русские батареи отвечали без промедления. Канонада была в полном разгаре. В лесу от гула орудий стоял гром.

Изнывавшие, от жары и жажды, голодные-солдаты шли вперед. Наконец пруды кончились.

- Лес, лес! - пронеслось по рядам. Войска вытянулись в линию.

Но здесь, в лесу, всех задержала артиллерия: без дороги с пушками трудно было поворачиваться, приходилось то и дело выпрягать лошадей.

Солнце уже стояло почти на полдне, когда войска Фридриха II вышли наконец из лесу на простор кунерсдорфских полей.

XI

Работы в русском лагере закончились поздно ночью. От плоских, торчком стоявших памятников-плит еврейского кладбища на Юденберге и до мельниц Мюльберга протянулась двойная линия окопов.

Как и в первоначальном положении фронта на север, ключом русской позиции оставалась высокая Еврейская гора. Еврейскую гору и соседний Большой Шпиц Салтыков укреплял лучше всего и здесь предполагал сосредоточить свои главные силы. Тесную же, узкую Мельничную гору, где по-прежнему оставались восемьдесят шуваловских гаубиц, занимало только пять мушкатерских полков недавно сформированного, мало обстрелянного Обсервационного корпуса.

Еще днем 31 июля, засветло, на Мельничной горе насыпали четыре батареи. Но за окопы смогли взяться лишь под вечер. Как ни торопились рыть их, а все-таки к ночи не успели закончить.

Фермор и князь Голицын настаивали, чтобы окончить окопы хоть на рассвете 1 августа, если позволит неприятель. Но Салтыков замахал своими пухлыми руками:

- Довольно и так. Пусть лучше солдат выспится перед боем - больше проку будет!

Салтыков уже к вечеру 31 июля знал, где находится король Фридрих, понимал, что Мельничная гора легко может быть окружена пруссаками, но не считал своего положения плохим. По его мнению, левый фланг был маловажен, и Салтыков решил не тратить много сил на

его защиту.

Лагерь понемногу затих.

Солдаты поужинали, надели к завтрашнему бою чистые рубахи и легли спать под густым августовским небом, по которому одна за другой падали звезды.

Спали недолго: Салтыков поднял армию на ноги в четвертом часу утра, светлело, в любую минуту можно было ждать атаки. Солдаты успели сварить кашу и выпить по чарке водки, когда, в шесть утра, за Гюнером послышалась оживленная перестрелка.

Выстрелы всполошили всех.

- Пруссак идет! Пруссак!

Смотрели во все глаза из окопов и батарей. Но простым глазом ничего нельзя было рассмотреть. Только Салтыков и его штаб видели в зрительные трубы, как за Мюльбергом горели мосты через Гюнер, подожженные казаками, как, нахлестывая нагайками коней, мчались к лесу красные, синие кафтаны.

- Казаки,- узнал подполковник Суворов, стоявший в свите главнокомандующего.

Салтыков, вместе с начальником австрийского отряда генералом Лаудоном и начальниками дивизий - Фермором и Вильбуа, окруженный штаб-офицерами, сидел у своей палатки. Поодаль, в ложбине, вестовые держали наготове оседланных лошадей.

Подполковник Суворов стоял в стороне. Он не любил компании штабных офицеров и, как всегда, держался от них подальше.

Спустя немного времени на третинских высотах прусские барабаны забили зорю.

- Не обманешь, знаю! Дурачков ловят: барабаны бьют, а король-то уж за это время бог знает куда ушел,- усмехнулся Салтыков.

- Хитрость небольшая,- сдержанно процедил Фермор.

- Король считает нас маленькими детьми: он играет с нами в прятки, твердо выговаривая каждое слово, отчеканил по-русски генерал Лаудон.

Он служил прежде на русской службе и правильно произнес всю фразу. Только последнее слово он все-таки сказал с мягким знаком: "прятки".

В томительном ожидании прошло три часа.

Небо было безоблачно. Солнце палило немилосердно. Солдаты, разморенные, сидели в окопах. Старики, не раз бывавшие под пулями, дремали, а те, кто еще не видал боя, с волнением ждали решительной минуты. Артиллеристы сидели с зажженными фитилями в руках.

В девять часов с третинских высот ударил первый залп по левому флангу. Видно было, как у шуваловцев взлетел на воздух желтый зарядный ящик. От орудийной запряжки в шесть лошадей уцелела всего лишь одна. Обезумев от страха, она билась в спутанных построках.

В ответ пруссакам по-особому глухо отозвались шуваловские единороги. На каждый выстрел пруссаков князь Голицын отвечал тремя. В одну минуту Мельничную гору заволочло черным дымом.

Канонада продолжалась уже больше часа, а пруссаки не думали штурмовать Мельничную гору. Только небольшой отряд пехоты попытался перейти на левый берег Гюнера, но был рассеян картечью.

- Пропал наш "скоропостижный" король,- сказал Салтыков, нетерпеливо шагавший по холму.

- Его величество обходит нас,- заметил Вильбуа. Лаудон чуть сощурил свои большие умные глаза:

- О да, несомненно!

- Король ищет, откуда бы нас побольнее укусить,- говорил Салтыков.- Да что-то не может выбрать места. Должен же он откуда-нибудь показать свой длинный нос - ведь скоро полдень!

В окопах и на батареях центра и правого фланга, куда не долетали прусские ядра, тоже подтрунивали над немцами.

- Потерялся пруссак!

- Как зашел в лес, так и заблудился!

- Он в своем царстве да заблудился, тогда что же нам делать?

- Вон Петрушка наш в бору у лесника дочку высмотрел. Полную неделю к ней бегал, штиблеты казенные изодрал, а ничего, ни разу не блудил!

Наконец, на Малом Шпице показались пушки. С Клейстберга, искусно укрытая кустами, заговорила батарея.

- Ваше сиятельство, там пехота и конница,- доложил глядевший в трубу князь Волконский.

- Вижу, вижу! Наконец-то, голубчики! Заждались вас,- ответил Салтыков.

- Сейчас они атакуют наш левый фланг,- сказал Фермор.

- А я думаю,- возразил Салтыков,- не атаковал бы он с правого. Надо заставить его величество, остановиться на левом!

Салтыков отнял трубу от глаз и обернулся к группе штабных офицеров.

Небольшой худощавый подполковник Суворов был расторопнее всех.

- Александр Васильевич, голубчик,- обратился граф к Суворову,- скажи на Большой Шпиц к Бороздину, пусть-ка он поскорее зажжет brandкугелями (Brandкугель - зажигательное ядро.) деревню.

- Слушаю-с, ваше сиятельство! Суворов кинулся к казаку, который держал его коня. Конь, спасаясь от надоедливых оводов, без устали мотал головой.

У батареи Бороздина Суворов на всем скаку осадил своего донца. Высокий сухощавый

бригадир Бороздин с группой офицеров наблюдал за атакой Мельничной горы, которая обстреливалась пруссаками уже с трех сторон.

- Его сиятельство приказал зажечь Кунерсдорф,- сказал Суворов и отъехал в сторону от батареи.

Суворову хотелось посмотреть, как зажгут Кунерсдорф. Артиллеристы давно стояли по обеим сторонам гаубиц, каждый на своем месте: кто у ганшпига (Ганшпиг-деревянный рычаг для поворачивания хобота пушки.), кто с приборником, кто у фитиля. Между орудиями и зарядными ящиками томились в ожидании подносчики снарядов с кожаными сумками через плечо.

- Брандкугелями по деревне! - зычно крикнул Бороздин.

Офицеры, окружавшие его, заторопились к своим орудиям.

Послышалась команда:

- Во фронт!

Солдаты, стоявшие по обе стороны гаубиц, повернулись по команде лицом к орудиям.

- Бери принадлежность!

- Картуз!

Один миг - и картуз с порохом исчез в дуле. Прибойник прибил его до отказа.

Офицеры, наклонившись над единорогами, проверяли, правильно ли они наведены.

- Пали!

Все солдаты отступили на шаг от орудий. Раздался оглушительный грохот. Волна воздуха качнулась назад. В лицо ударило гарью. Донец Суворова заиграл на месте, вскинув голову и нетерпеливо переступая ногами.

Дым понемногу рассеивался.

Суворов глянул вниз, в долину. Кунерсдорф горел в нескольких местах. Крытые соломой добротные избы сразу занялись огнем. При ослепительно ярком свете полуденного солнца это резвое, буйное пламя потеряло свой зловеще багровый цвет, каким привыкли видеть его ночью. Сейчас пламя было какое-то странно желтое, бледное. В клубах густого черного дыма оно едва было видно на солнце.

Из деревни к лесу бежали несколько человек. Большинство жителей Кунерсдорфа еще с вечера убрались со скотом и пожитками во Франкфурт.

Суворов повернул донца назад. Отъезжая, он еще раз услышал знакомое:

- Картуз!

И еще раз все потонуло в грохоте.

- Здорово садят! - восхищались пехотинцы второй линии, мимо которых ехал Суворов.

- Горит-то как, ровно от молоньи!

- Глянь, Митрий, вон, у березы, та изба занялась, где нас с тобой старуха ни за что изругала, помнишь?

Суворов спешил на Еврейскую гору. Ему хотелось скорее вернуться к Салтыкову: может быть, главнокомандующий пошлет его с каким-либо поручением туда, в самую гущу боя.

В овраге между Большим Шпицем и Еврейской горой Суворов встретил австрийских гренадер - Лаудонов и Бранденбургский полки - и гусар Коловрата и Витенберга. Они направлялись на Большой Шпиц в подкрепление Румянцеву.

В самом же овраге расположились русские - Киевский, Казанский, Новотроицкий кирасирские полки и Чугуевский казачий.

- А где же остальная конница? - спросил Суворов у казачьего сотника, поняв, что Салтыков спешно произвел перегруппировку.

- Драгуны и конногвардейцы пошли в тот овраг, в Кунгрунд, а гусары остались в резерве.

- Всё там же?

- Да, здесь, за правым крылом,- махнул нагайкой сотник.

Когда Суворов подскакал к палатке главнокомандующего, Салтыкову уже было не до

Кунерсдорфа. Салтыков и вся его свита, не отрываясь от зрительных труб, с волнением следили за тем, как пруссаки атакуют левое крыло князя Голицына.

Соскочив с коня и бросив поводья казаку, Суворов тоже стал смотреть. Он впервые был в сражении. Впервые видел в действии знаменитую армию прусского короля.

Несмотря на сильный огонь голицынских войск, пруссаки уступами шли в атаку. По ровному полю двигались к Мельничной горе правильные ряды прусских гренадер. Высокие, плотные гренадеры шли плечом к плечу крепкой, сплоченной стеной. Когда кто-либо из этих великанов падал, на ходу сраженный пулей, строй не нарушался:

ряды тотчас же смыкались, и вся эта непоколебимая, грозная стена продолжала так же безостановочно и неуклонно двигаться вперед.

Время от времени прусские ряды вспыхивали огнем: пруссаки стреляли залпами побатальонно.

"Возьмется они там с фузеями. Только время тратят! В штыки бы сейчас! Хоть в одном месте пробить этот строй. И тогда пошло бы! Честное слово, пошло бы!" - думал Суворов.

Но голицынские гренадеры не двигались с места - они продолжали отстреливаться.

- Узнаю короля Фридриха - он бросил на Мюльберг все свои силы, спокойно сказал хладнокровный Лаудон.

- Да их втрое больше, чем наших на левом фланге,- сумрачно процедил Фермор.- И к тому же Обсервационный корпус. В нем половина людей ни разу не была в бою.

Салтыков молчал. Он все еще не верил, что главные силы прусского короля направлены на Мельничную гору. Он ждал нападения на свой правый фланг.

Передние прусские шеренги скрылись в ложине. И тут вдруг русские орудия и фузеи разом умолкли.

- Что это? Почему они не стреляют? - гневно крикнул Салтыков.

Он отнял трубу от глаз и удивленно смотрел на всех.

- Ваше сиятельство, ретраншаменты, очевидно, так вырыты, что ни единороги, ни фузеи не достают в ложину,- ответил Фермор.

"Выдержат ли? Не побегут ли?" - с тревогой думал каждый, глядя, как русские в полном молчании мужественно встречают приближающуюся лавину прусских батальонов.

Пруссаки подходили к Мельничной горе не только с фронта, но и с флангов - от Третина и Малого Шпица.

"Как они стоят? Их сейчас же зажмут в тиски!" - подумал Суворов, глядя на голицынских мушкатеров.

В свите главнокомандующего тоже заволновались.

- Мушкатеров надобно поставить поперек горы!

- Неужто Голицын не догадается перестроить полки?

Все беспокоились о мушкатерах Обсервационного корпуса, которые оказались в весьма невыгодном положении: два полка из них были расположены лицом на юг, два - на север.

Наконец эту опасность поняли и на Мельничной горе: видно было, как засуетились, перестраиваясь, мушкатеры. Они становились поперек горы.

И в обычное время перестроение в русской армии происходило не слишком быстро и гладко, а под угрозой надвигающегося с трех сторон врага, в суете и поспешности, оно прошло еще хуже. Мушкатеры не столько переменили положение, сколько перемешались и сбились на середине горы.

А в это время шуваловцы, занимавшие самый фронт и принявшие на себя первый удар прусских батальонов, не выдержали их страшного натиска. Шуваловцы побежали.

Необстрелянные и плохо обученные мушкатеры князя Голицына не могли спасти положение. Еще несколько минут - и мушкатеры побежали вслед за шуваловцами вниз с Мельничной горы, к болоту.

Все левое крыло русской армии вынуждено было отступить.

XII

Король Фридрих сидел на ступеньках мельницы под ее обрубленными картечью, в

щепы поломанными крыльями. Он был, как всегда, наглухо застегнут. Черная шляпа нависла над левой бровью. Сухие пальцы сжимали трость.

Король Фридрих улыбался. Он улыбался одним своим широким ртом: войска короля одержали полную победу - все левое крыло русских было разбито.

Восемьдесят секретных шуваловских гаубиц, умолкнув, остались здесь, на Мюльберге. Часть из них прусские гренадеры, первыми вскочившие на батареи, сгоряча заклепали сами. У других были разбиты лафеты, и гаубицы валялись в песке вместе с людскими трупами..

Победа была полная.

Король Фридрих ликовал. Он уже отправил гонцов с этим радостным известием в Берлин и к армии в Саксонию.

Напрасно русские перестроили на Большом Шпице свой фронт - ближайšie к оврагу полки поставили поперек возвышенности, как раньше, на Мюльберге, сделал князь Голицын: гренадеры короля не шли вперед только потому, что Фридрих сам еще не знал, что предпринять.

Король Фридрих раздумывал. Генералы почтительно стояли перед ним.

Все они, кто еще сегодня не успел показать храбрость и силу своих солдат, как Зейдлиц и принц Виртембергский, и кому уже пришлось хорошо поработать, как Финк, Шенкендорф, Линштедт,- все они в один голос говорили, что надо остановиться на Мюльберге и не идти дальше.

- Солдаты очень утомлены - они десять часов на ногах, пять часов в бою, - говорил Финк.

- Ваше величество, русские за ночь сами уйдут прочь. Им больше ничего не остается делать,- прибавил Зейдлиц,

Король иронически улыбнулся.

- Уйдут, чтобы завтра же снова прийти сюда.

- Они не скоро оправятся от этой конфузии: ведь уничтожено пятнадцать батальонов,-убеждал Линштедт.

- Ерунда! Враг еще силен. Посмотрите, как они стоят,- кивал на Большой Шпиц король Фридрих.- Господа, я вас не узнаю!

Улыбка разом исчезла. На лице короля все, за исключением длинного носа, сразу стало круглым: рот, глаза.

- Вы не хотите, чтоб я до конца воспользовался блистательной победой?

Генералы молчали потее. Король сидел хоть и под разбитыми крыльями мельницы, но все-таки в тени, а им приходилось стоять на самом солнцепеке.

- Я понимаю вас, Зейдлиц: вам не нравятся эти озера и овраги. Вашим гусарам негде развернуться...

- Мои гусары пойдут туда, куда прикажете, ваше величество! - чуть вспыхнув, ответил Зейдлиц.

Король Фридрих пропустил его слова мимо ушей. Он сделал вид, что занят другим,- в это время к мельнице подъезжал тучный генерал Ведель.

- Вот посмотрим, что думает мой храбрый Ведель,- немного ласковее сказал Фридрих.- Мой Леонид,- прибавил он, позабыв на минуту, что этого "Леонида" только две недели тому назад Салтыков разбил под Пальцигом в пух и прах.- Генералы говорят, что нам следует остановиться здесь и не идти дальше. Что думаешь ты, Ведель?

Хитрый Ведель, весь век проживший при дворе, сразу оценил положение. Он отлично знал короля Фридриха. Король был взбалмошен и упрям, как его покойный отец. Ведель знал, что если Фридрих задумал идти вперед, то никакие доводы и убеждения, никакая сила не собьют его с намеченного пути.

- Вперед! Уничтожить, истребить этих варваров! - театрально поднимая вверх руку, сказал Ведель.

Король Фридрих вскочил с места, шагнул к старому генералу и обнял его - уколол своей небритой щекой дряблую щеку Веделя. Так Фридрих целовался со всеми - даже со

своей женой: губы король Фридрих оставлял для хорошеньких женщин.

Через минуту загрохотали барабаны: батальоны прусского короля снова пошли в атаку.

XIII

Когда голицынские мушкетеры, не выдержав натиска всей армии прусского короля, посыпались вслед за шуваловцами с Мельничной горы в болотистую долину Эльзбуш, Салтыков поехал со всем штабом на Большой Шпиц: он ждал, что теперь король будет атаковать центр его позиций.

Лаудон поскакал туда несколько раньше. На Еврейской горе остались Фермор и Вильбуа.

Фермор не вмешивался ни во что, стараясь все время держаться в тени. Суворов (по должности дежурного штаб-офицера 1-й дивизии он был обязан оставаться с Фермором) слышал, как Фермор с досадой в голосе говорил пухлощекому молодому генералу Вильбуа:

- Я ж его предупреждал... Теперь у нас позиция точь-в-точь как при Цорндорфе: мы прижаты к реке...

Подполковник Суворов томился на Еврейской горе без дела. Он ходил взад и вперед возле генеральской палатки и думал.

В полуверсте от него русские солдаты и офицеры дерутся с врагом, а он отсиживается тут вместе с генеральскими денщиками да поварами, которые, трусливо вытягивая шеи из-за палаток, глядят, не упадет ли где поблизости ядро.

Два года Александр Суворов всеми силами старался попасть в действующую армию, в бой, в огонь. Мужественно сражаться во славу отечества - это было целью всей его жизни, его давнишней мечтой. Сражаться и побеждать. Он с детства готовил себя к этому, когда целые дни просиживал за Плутархом, Корнелием Непотом и "Книгой Марсовой", рассказывающей о русских победах; когда в мечтах жил с великими полководцами - Петром I, Александром Македонским, Ганнибалом.

Русские войска уже два года ходили по вражеской земле, а он? Чем только не занимался он в эти два года!

Сопровождал батальоны пополнения из России в Пруссию - бесконечные подводы, нерадивые ямщики, заботы о фураже и провианте, ветхое обмундирование солдат. Заведовал в Мемеле продовольственными магазейнами и гошпиталями,- папенька пристроил к хлебному делу. "Клистирная трубка вместо сабли!"-усмехнулся Суворов вспоминая. Комендантовал в том же Мемеле, пьяные драки офицеров, жалобы жителей на военных постояльцев. Затем, когда уже сделалось совсем неумоготу, пристал к отцу с резонами, доводами, уговорами.

Василий Иванович не любил войны и жалел единственного сына.

- Где ж тебе переносить лишения походной жизни?

А он с детства приучал себя: спал на соломе, ел щи да кашу, закалялся - лето и зиму обливался холодной водой.

- Ты худ и слаб. Мал ростом...

- Так ведь не в прусской же армии служить! Это в Пруссии матери страшают ребят: "Не расти, а то тебя вербовщики в солдаты возьмут!" А к тому ж Фермор или тот же граф Салтыков - этакие, подумаешь, геркулесы!

Василий Иванович сдался. Поехал попросил, чтобы его сына послали к армии, в Пруссию. Но Василий Иванович остался верен себе: пристроил Сашеньку опять на теплое местечко, в штаб 1-й дивизии.

"Тотчас же после баталии - рапорт! Проситься в полк, в роту - куда угодно! Чтоб только не киснуть больше ни в обозе, ни в штабе! Чтоб хоть раз побывать самому в какой-нибудь плохонькой стычке".

Отбросил эти мысли. Стал думать о другом.

Что сделал бы он теперь, будучи на месте прусского короля? Ударить на Шпиц от болота. С тылу захватить большую батарею Румянцева. Батарея обстреливает всю кунерсдорфскую долину. С гусарами врубиться на правый фланг. И тогда - помилуй бог!

Но Фридрих, к счастью, этого не делал. Король Фридрих почему-то медлил, хотя Мельничная гора пестрела мундирами. Народу на ней было как на ярмарке.

Салтыков успел повернуть налево два крайних полка, стоявших на Большом Шпице,- Ростовский и Апшеронский. Они стояли теперь поперек возвышенности. Ростовцы и гренадеры мужественно отбивали все атаки пруссаков, которые пытались пробиться на Большой Шпиц с фронта, через крутой овраг Кунгруд.

Тем временем такое же поперечное положение постепенно принимали все полки второй линии. За ростовцами и гренадерами уже образовалось несколько рядов пехоты.

И тут Фридрих снова бросил войска в атаку.

На самом краю Мельничной горы, в кустах, пруссаки поставили батарею. Она была навесным огнем по Большому Шпицу. Ядра ложились в густых шеренгах перестроившихся мушкатеров. Вслед за этим от Третьяка показались батальоны пехоты. Слева от них ярко заблестели на солнце, зажелтели латы кирасир принца Виртембергского.

Пруссаки перешли болотистый Гюнер и направлялись в обход Большого Шпица: шуваловцы, бежавшие с Мельничной горы по этому кочкарнику, показали прусскому королю, что берега Гюнера не так уж непроходимы, как он раньше думал.

На Большом Шпице засуетились. Было видно, как артиллеристы Бороздина, точно муравьи, облепив тяжелые гаубицы, спешили переставить одну батарею из центра горы на ее северный склон.

Нахлестывая нагайкой коня и болтая локтями, к Фермору прискакал один из адъютантов Салтыкова: главнокомандующий требовал подкрепления. Азовский и Низовский полки, стоявшие на самом краю Еврейской горы, бегом бросились к Большому Шпицу.

Пруссаки шли быстро. Кирасиры держались ближе к оврагу Кунгруд, видимо намереваясь ударить во фланг первой линии пехоты, которая стояла поперек Большого Шпица.

А гренадеры забирали несколько правее, туда, где в настороженной тишине поджидали их Азовский и Низовский полки, стоявшие в первой линии.

Последние ряды азовцев и низовцев как добежали до гребня, так сразу и плюхнулись на колени, готовясь стрелять.

Прусские гренадеры двигались уступами по два батальона.

Суворов с большим любопытством смотрел в трубу на пруссаков.

Он снова видел эту безукоризненно ровную линию их рядов, их четкий шаг.

"Машина! Помилуй бог, машина! Бездушная, бессмысленная! Ерунда! Фокусы! Пустая затея",- злился он.

Суворову не нравилась эта прославленная прусская линейная тактика: она отжила свой век и для русской армии не годилась.

"Солдат идет, как заведенный, сам не ведая, куда и зачем. В голове только одно: как бы линию соблюсти. А когда вдруг очутится один, будет ли тогда знать, что делать? Вот дойдут сейчас до кустиков да овражков и рассыплются кто куда. Ох, дали бы мне хоть полк! Я бы всю эту прусскую позитуру - в кашу" - думал он. Суворову даже не стоялось на месте.

А гренадеры продолжали свой затверженный, под палкой заученный шаг. Они шли без единого выстрела, спокойно, как на ученье. Издалека доносился грохот их барабанов. Затем барабаны умолкли. Залились гобой. Они играли гимн "Ich bin ja, Herr, in deiner Macht!" (Господи, я в твоей власти!).

И тотчас же гренадеры открыли огонь. Пруссаки стреляли правильно чередуясь: пять-шесть шеренг выбегали вперед и давали залп. Пока эти, стоя на месте, заряжали, сзади, на смену им, выбегали вперед следующие шеренги.

Суворов не отрывался от трубы. Он видел, как первые ряды пруссаков, сломав всю свою безупречную линию, карабкались наверх по обрывистым склонам Большого Шпица.

"Вот теперь каждый из них сам за себя, в одиночку! И только кинуться на них в штыки хорошенько - и конец всей их хваленной силе" - думал он.

Пруссаки привыкли к тому, что враг обычно не выдерживал неуклонного,

размеренного движения их батальонов и бежал с поля, не доводя дело до рукопашной схватки. Но этот враг оказался иным.

Бороздинские гаубицы были удачно поставлены: их ядра косили пруссаков. Гренадеры один за другим падали вниз, сбивая идущих сзади. Но все-таки батальоны, хоть и редко, продвигались вперед.

Горячий, нетерпеливый, Суворов не мог видеть, как пруссаки идут, а русские спокойно стоят и ждут, вместо того чтобы самим кинуться навстречу врагу.

"Нет, нужно переучить, переделать всю армию!" - думал он

Среди визга ядер и свиста пуль прокатилось "ура": азовцы и низовцы встретили пруссаков в штыки. Прусская пехота дрогнула и побежала с горы

- Вот так! Вот молодцы! Наконец-то сделали по-русски! Штыком их! Штык не выдаст, это не пуля! - восхищенно говорил Суворов.

Здесь уже все было в порядке. Суворов перевел зрительную трубу направо. Прусские кирасиры мчались вперед. Крупные вороные кони легко скакали через бугры и ямы. Кирасиры заезжали во фланг новгородцам.

Новгородцы дрались уже на два фронта: отбивали прусскую пехоту, которая яростно насадала на них со стороны Мельничной горы, и отстреливались от кирасир.

Несколько лошадей со своими грузными всадниками покатались под откос. Уже кое-где в кустах желтели окровавленные, пробитые пулями кирасы. Еще один прыжок - и вороные кони кирасир встали на гребне Большого Шпица. Засверкали палаши. Прусские кирасиры рубили новгородцев.

Новгородцы попятились назад. В образовавшийся пролом тотчас же кинулась из Кунгунда прусская пехота, которая атакой в лоб не могла сюда взобраться.

Неприятель был уже на Большом Шпице.

- Что же это? - встрепнулся Суворов. - Поражение? - Кровь бросилась ему в лицо.

Первая мысль была - вскочить на своего донца и мчаться туда, наперерез этим высоким вороным коням.

Он оглянулся на Фермора. Фермор, не отрываясь от зрительной трубы, что-то быстро говорил генералу Вильбуа, тоже смотревшему вниз. Внизу снова прокатилось "ура".

По неширокой площадке Большого Шпица мчалась во весь карьер союзная конница. Яркие ментики австрийских гусар перемежались с васильковыми кафтанами русских драгун. Впереди, с поднятым палахом в руке, скакал генерал Румянцев. Сзади за ним мелькнул белый жеребец Лаудона.

Суворов опять поднес трубу к глазам.

Союзная конница плотной стеной летела навстречу рассыпавшимся по всему склону прусским кирасирам. Еще миг - и все потонуло в тучах поднятой пыли.

Суворов подбежал к Фермору:

- Ваше превосходительство, разрешите мне туда...

Фермор, ни на секунду не отрывавшийся от зрительной трубы, улыбнулся и весело сказал:

- Вы опоздали, Александр Васильевич. Свершилось невозможное: граф Румянцев и генерал Лаудон с тремя слабыми полками, кажется, опрокинули кирасир короля!

- Конечно, смотрите - пруссаки уже бегут! - подтвердил Вильбуа.

Суворов посмотрел вниз,

Ни пехоты, ни конницы неприятельской на большом Шпице уже не было. Вороные кони рассыпались по всему склону, сломи голову летели вниз, к болоту.

"Вот это дело! Нет, проситься сейчас же в конницу! И только в легкую!" - твердо решил Суворов.

XIV

Зейдлиц со всей своей конницей целый день томился без дела на левом фланге пруссаков.

Впереди уныло торчали трубы сожженной деревни Кунерсдорф, откуда тянуло, как из

овина, горьким дымком. Лошади стояли под седлом уже двенадцать часов. Всадники изнывали от жары и безделья. Работы не было, но она могла появиться каждую минуту. Зейдлиц ждал, что пехота Финка расчистит ему дорогу на Большой Шпиц, куда понемногу стягивались все русские войска. Зейдлиц разговаривал в кругу офицеров, изредка поглядывая на Мюльберг.

- Кто-то скачет к нам,- сказал полковник черных гусар.

Зейдлиц обернулся. Из мюльбергских кустарников выскочил всадник. Он мчался что было мочи. Все узнали Рудольфа, одного из адъютантов короля.

- Его величество приказал идти в атаку. Туда, на ретраншаменты! указывая на Большой Шпиц, выпалил Рудольф и, не дождавшись ответа, повернул коня.

- Передайте его величеству, что еще рано атаковать Большой Шпиц, крикнул ему вдогонку Зейдлиц.

Не успел ускакать первый адъютант, как за ним прискакал к Зейдлицу второй.

- Король требует немедленно атаковать Большой Шпиц!

Адъютант удивленно смотрел на спокойное лицо Зейдлица.

"Фриц сегодня окончательно сошел с ума",- подумал Зейдлиц, но ответил:

- Передайте его величеству,- еще не настало время для атаки.

И, вынув трубку, Зейдлиц стал спокойно закуривать. Кирасиры, стоявшие в передних рядах, с интересом ждали, что выйдет из этой стычки Зейдлица с королем.

Не прошло и десяти минут, как на взмыленном коне показался все тот же Рудольф. Он был без шляпы, взлохмаченный и красный.

Задыхаясь от волнения, он прерывающимся голосом выпалил:

- Его величество очень недоволен! Его величество велел сказать так: "Ради самого черта, пусть Зейдлиц идет в атаку!"

Впереди - кунерсдорфские пруды; стало быть, развернуться для атаки можно лишь за ними, на полях.

Впереди - перекрестный огонь сильных русских батарей и ретраншаментов, из которых все так же торчат треуголки пехоты и настороженные дула тысячи фузей.

Впереди - рвы, профиля которых Зейдлиц не знает. Атаковать конницей Большой Шпиц пока что безрассудно, но атаковать приказывает король. Зейдлиц бросает недокуренную трубку, вздыбливает коня и выскакивает перед фронтом.

- За мной, друзья! - кричит он, выхватывая палаш. Король может быть доволен: конница Зейдлица пошла в немыслимую атаку.

XV

День понемногу проходил, а Ильюха Огнев еще ни разу не был в бою.

Апшеронцы, слева защищавшие большую батарею Румянцева, не трогались с места. Только тогда, когда на гору вскочили прусские кирасиры, апшеронцам и псковичам было приказано на всякий случай подать вперед свой правый фланг.

Мушктеры в сотый раз за день осматривали кремни у фузей, а Егор Лукич сердито тарачил глаза, шептал, напоминая в последний раз Ильюхе:

- Ежели пехота - целься в полчеловека, а ежели гусар - бей в грудь коня!

У Ильюхи сильно стучало сердце. "Скорей бы уж, скорее!" Но и в этот раз не пришлось стрелять.

Мимо пехоты, словно ураган, промчались в атаку на прусских кирасир два полка русских драгун и австрийские гусары. Земля задрожала от топота сотен лошадей, далеко прокатилось громовое "ура", и конница скрылась в облаке пыли.

Очень скоро после этого апшеронцам и псковичам велели вновь занять прежнюю позицию: пруссак был прогнан с большим уроном.

Мимо них проехал окруженный генералами главнокомандующий граф Салтыков.

- Победа за нами. Враг бежит, ребяташки! - говорил он солдатам, широко улыбаясь и размахивая треуголкой.

Солдаты оживились, повеселели. После того как пруссаки заняли Мельничную гору, в

ретраншаменты все сидели молча, нахохлившись. Ждали беды. Теперь же, после первой за день удачи - отбитой яростной атаки пруссаков,- все заговорили.

- Пруссаки только хитростью берет. Ровно собачонка - то с этого боку цапнет, то с другого. А как чуть доведется сойтись, всегда наша возьмет!

- Куда немцу против русского!

И тут вскоре Ильюхе Огневу впервые пришлось стрелять по врагу.

Из-за кунерсдорфских огородов, таких знакомых русским солдатам, показалась конница. Кунерсдорфское поле разом зацвело тысячами разноцветных мундиров, запестрело воронами, серыми, гнедыми лошадьми.

- Кони-то, кони, гляди! - не выдержав, восхищенно причмокнул кто-то сзади за Огневым.

- Застоялись. Выехали размяться!

- Вот погоди, наша артиллерия их тотчас...- начал чей-то старый голос, видимо бывшего человека, и не успел докончить: тут же, рядом, ухнули, ударили тяжелые картаульные гаубицы большой батареи.

Молодые мушкетеры зажимали пальцами уши, морщились, косясь на батарею. Ни пушек, ни людей не было видно: батарея вся скрылась в черном пороховом дыму.

За первым ударом бухнул второй, третий. Артиллерия была по прусской коннице, которая проходила на рысях между тремя кунерсдорфскими прудами.

Ильюха смотрел во все глаза. Вот один кирасир сунулся вниз головой с седла. Его высокая белая лошадь продолжала мчаться вместе с остальными всадниками вперед. Под другим ядро повалило коня. Кирасир успел удачно соскочить, но прыгать ему пришлось в пруд. Кирасир, в забрызганных грязью белых лосинах, стоял по колено в воде, не зная, как выбраться: мимо него взвод за взводом скакали драгуны, гусары.

Ядра косили прусскую конницу Зейдлица. Узкие проезды между прудами с каждой минутой все больше и больше загромождались трупами людей и лошадей. Гусары, шедшие последними, перепрыгивали через эти препятствия на своих легких буланых лошадках.

И все-таки сотни кирасир, драгун, гусар благополучно проскакивали между прудами и под огнем выстраивались по эту сторону прудов.

- Оправляй замки, кремни! Готовься к стрельбе! - хрипловато крикнул тучный командир полка, улучив момент, когда соседи - большая батарея заряжали.

И тотчас же к гулу тяжелых единорогов примешался непрерывный треск фузей: все пехотные полки южного склона стреляли по коннице Зейдлица, которая готовилась идти в атаку.

Огнев в семнадцать приемов, как учил Егор Лукич, быстро и точно заряжал. Не спешил выстрелить в одиночку, ждал команды. Стрелял без осечки.

Снизу на них, на большую батарею и на ретраншаменты, летели три линии прусской конницы. В вечернем солнце зловеще блестели клинки палашей и сабель.

"Доскачут или нет?" - билась у Огнева мысль.

Вот всадники еще ближе. Уже можно различить их сведенные злобной гримасой лица, кричащие рты.

Еще залп. Еще раз из всех единорогов хлестнула. картечью большая батарея.

Поспешно зарядив фузею и не слыша над ухом команды "Пали", Ильюха Огнев посмотрел вниз. Пруссаки сломали все свои три линии, в беспорядке скакали назад, к предательским кунерсдорфским прудам. А сзади за нею с гиканьем и криком "ура" мчалась русская и австрийская конница.

- Ну, теперь нарубят капусту! - сказал кто-то.

- Не лишь бы какой - прущкой! - прибавил Егор Лукич, вытирая рукавом кафтана лоснящееся от пота, коричневое от загара лицо.

XVI

Ой мы бились, рубились

Четырнадцать часов.

Солдатская песня

Подполковник Суворов наконец-то попал в самый огонь. Полки генерала Фермора тронулись с Еврейской горы. К Фермору подвели его кровного жеребца, он сел и поехал через овраг на Большой Шпиц. Суворов поехал вместе с ним.

Вокруг них, справа и слева, гремя фузеями и шпагами, сыпались с Еврейской горы в овраг, карабкались на склоны Большого Шпица солдаты. Они измучились, стоя целый день под палящим солнцем, не ели с самого утра. Лица их посерели от пыли, из-под тяжелых кожаных гренадерок тек пот, но солдаты поспешали, торопились на Большой Шпиц; все чувствовали - настал решающий час боя.

Въехали на гору. Большой Шпиц был весь заставлен войсками. Сквозь клубы и завесы порохового дыма там и тут сверкали огни единорогов. Воздух сотрясался от гула пушек. Визжали ядра, тонко пели проворные пули.

Подполковник Суворов был счастлив: наконец-то он слышал вокруг себя свист пуль. На его худых щеках играл румянец, большие голубые глаза блестели.

Фермор подъехал к главнокомандующему, который стоял на пригорке, окруженный генералами. Здесь были Лаудон, Румянцев и Вильбуа. Не хватало лишь одного князя Голицына, которого ранили еще до полудня при защите Мельничной горы. Граф Салтыков, красный и потный, растерянно смотрел вокруг.

После того как пруссаки отступили от Большого Шпица и засели в овраге Кунгруд, а конница Зейдлица с большим уроном была отброшена назад, в баталии почувствовался какой-то перелом. Пруссаки больше не наступали, они отстреливались из-за кустов.

Настала пора действовать русским. Солнце шло к закату, оставаться на ночь так, стоя друг против друга в нескольких саженьях, было нелепо.

Лаудон и Румянцев советовали Салтыкову наступать, осторожный Вильбуа отмалчивался. Сам же Салтыков колебался, не зная, на что решиться. Он поджидал Фермора с его полками. Это был законный, уважительный предлог для того, чтобы хоть немного отсрочить решение. Салтыков боялся атаковать Фридриха II. Полководец он был неопытный и твердо помнил одно из основных правил линейной тактики: заняв крепкую позицию, не сходить с нее.

- Вилим Вилимович, вы уже здесь,- обрадовался он, увидев подъехавшего и слезавшего с коня Фермора.-Ну, что ж будем делать?

Суворов, спрыгнувший с коня раньше Фермора, не слышал, что тот отвечал главнокомандующему,- внимание Александра Васильевича привлекло другое: слева вдруг прокатилось громкое "ура" и раздался топот сотен ног.

И тотчас же это "ура" вспыхнуло правее, совсем недалеко от того места, где стоял Суворов.

В ленивую, затихавшую было ружейную перестрелку утомленной многочасовым боем измученной пехоты врезался этот задорный, полный бодрости и силы, подмывающий, зовущий клич. Забыв обо всем, Суворов побежал к гребню горы, откуда слышалось это "ура".

Пока генералы решали, как поступать дальше, солдаты 1-го гренадерского, стоявшие саженьях в двадцати от врага и перестреливавшиеся с ним, не выдержали и бросились на укрывавшихся за кустами, уже потерявших прежний пыл пруссаков. Справа их примеру тотчас же последовали вологодцы.

Суворов подбежал к гребню горы, когда вологодцы, подняв за собой тучи пыли, только что кинулись вниз на пруссаков в штыки. За вологодцами плотными рядами стояли знакомые апшеронцы, с которыми он вчера насыпал большую батарею. Подбегая к ним, Суворов издали увидел их сутуловатого, мешковатого полкового командира. Он сидел в сторонке на барабане.

По возбужденным лицам мушкатеров можно было видеть, что они готовы сейчас же последовать примеру вологодцев и только ждут сигнала к атаке. Минута была решающая.

Суворов не раздумывал. Он бежал к фронту апшеронцев. Сутуловатый командир,

увидев бегущего к полку штабного офицера, поднялся с барабана и заковылял на своих негнущихся, подагрических ногах.

Александр Васильевич раньше его выбежал вперед и, выхватив из ножен шпагу, закричал:

- За мной, ребята! - и побежал к оврагу. Это было боевое крещение Суворова, но он не чувствовал никакого страха. Наоборот, здесь, под пулями, он стал более спокоен, чем был там, на горе, когда смотрел на бой в зрительную трубу. Суворов немного волновался, но к этому волнению примешивалось какое-то любопытство - поскорее узнать, испытать все самому.

- Ваше высокоблагородие, батюшка-барин, бросьте этот вертел - вы же с ним пропадете! Возьмите хоть нашу солдатскую фузею! - совал ему в руки тяжелую четырнадцатифунтовую фузею какой-то капрал, подбежавший к нему.

Суворов в одну секунду оценил услугу: капрал был прав - что можно сделать с тонким клинком против штыка?

Он сунул шпагу в ножны и схватил фузею.

В двух шагах уже был овраг. Суворов обернулся к апшеронцам. На мгновение он увидел за собою плотную стену мушкатеров, их разгоряченные, полные решимости лица.

- Ура! - закричал Суворов и бросился вниз.

За ним, обгоняя, ринулись в овраг апшеронцы. Кто-то упал, загремев фузеей и водоносной флягой. Кто-то крикнул сзади: "О господи!" - видимо, угодила пуля. Апшеронцы сбежали в овраг.

Пруссаки не выдержали натиска гренадер и вологодцев и попятились к Мельничной горе. На ее склонах кипел штыковой бой. Апшеронцы хорошо подоспевали на помощь.

Слева вновь прокатилось "ура": русские полки атаковали пруссаков по всему оврагу.

Суворов легко бежал с фузеей наперевес: с горы ноги бежали сами. Шляпа давно слетела с головы, но он и не подумал ее подымать - хотелось скорее вперед. Он уже различал пруссаков. Рослые, плотные, они отчаянно отбивались от мушкатеров, но мушктеры бесстрашно лезли вперед.

Неожиданно из-за куста на Суворова выскочил пруссак. Подвижной, ловкий Суворов, как опытный фехтовальщик, быстро отпрыгнул в сторону и ударил неповоротливого, тяжелого гренадера штыком в бок. Пруссак упал.

Суворов побежал дальше. Он видел, как впереди, в нескольких шагах от него, старик мушктер боролся с пруссаком - оба старались вырвать друг у друга оставшуюся у кого-то в руках фузею. Небольшая канава отделяла Суворова от борющихся. Александр Васильевич прыгнул, но оступился и упал на одно колено. Падая, он увидел - что-то черное и большое метнулось к нему сбоку.

"Пруссак! Конец!" - пронеслось в мозгу.

Но над его головой раздался крик, и, больно задев Суворова, в канаву полетел пруссак: во-время подоспевший русский мушктер свалил его сзади штыком. Суворов вскочил на ноги и глянул на своего спасителя. Он без труда узнал в нем молодого мушктера, рубившего рогаточные кольца.

Пруссаков вблизи уже не было - русские штыками теснили их выше и выше. С Большого Шпица с криком "ура" бежали новые полки.

Пруссаки лезли на Мельничную гору, которая и без того была переполнена войсками. Но и на горе не было спасения: батареи Бороздина, стоявшие в центре Большого Шпица, давно били продольным огнем по этому скоплению неприятеля. Ни одно ядро, ни одна картечь не пропадали даром.

Горела подожженная brandкугелями ветряная мельница. Густой сизый дым полз по горе.

Пруссаки заколебались, побежали с Мельничной горы вниз, к берегам болотистой речки Гюнер. Русские сидели у них на плечах.

XVII

Король Фридрих без шляпы, в измятом, изодранном мундире стоял один на пригорке и тупо, невидящими глазами глядел перед собой.

Мимо него, обезумев от страха, бежали его гренадеры, мушктеры, егеря. Пришпоривая, нахлестывая нагайками, подгоняя палашами коней, скакали в одиночку кирасиры, драгуны, гусары. Побросав пушки, с обрубленными постромками, на тяжелых артиллерийских лошадях удирали фурлейты, канониры.

Никто не обращал внимания на короля. Еще так недавно - всего лишь час тому назад - в его руках была победа, была армия, была власть. А теперь не осталось ничего.

Его неустрашимая пехота была опрокинута русскими мужиками. Его прославленная конница - разбита. Сам Зейдлиц и принц Виртембергский - тяжело ранены, генерал Путкамер - убит, командир кирасирского полка Бидербее - взят в плен казаками. Пушки застряли на берегах мелкой болотистой речонки Гюнер.

Все погибло. Не помогли ни капральская палка, ни его, королевские, угрозы, уговоры и просьбы. Он обещал награды, обещал увеличить жалованье, наконец, собственноручно колотил тростью бегущих. Все напрасно: остановить этот поток было невозможно.

Сбитые русскими штыками с Мюльберга, пруссаки бежали куда кто мог. В глазах у каждого светился страх. Уши ловили только одно слово: "казак". Из сорокавосемьдесятитысячной армии спаслось немного: большая часть оставалась тут ранеными и убитыми.

Уже уходили последние верховые. Уже слышались казачьи крики и гиканье, когда наконец короля заметили. Пришпоривая измученного жеребца и в страхе ежесекундно оглядываясь назад, мимо пригорка, на котором стоял король Фридрих, промчался ротмистр Притвиц. Он не заметил бы короля, если бы скакавший сзади за ним гусар не крикнул:

- Господин ротмистр, вон наш король!

Король Фридрих не успел опомниться, как чья-то рука бесцеремонно схватила его поперек туловища и бросила в седло. Король лежал, точно куль соломы. Ни возражать, ни поправляться было некогда: казаки настигали беглецов.

XVIII

Полулежа на соломе в какой-то заброшенной лесной сторожке, король Фридрих едва нацарапал при свете сумерек две записки - одну в Берлин, другую генералу Финку, который унес-таки благополучно из Кунерсдорфа свой толстый живот.

Король отказывался от армии.

Армии, собственно, не было: из сорока восьми тысяч едва осталось три. Король поручал генералу Финку эти жалкие остатки.

"Я передаю ему армию, которая не в силах бороться с русскими",- писал он в Берлин.

Написав записки, король отвернулся к стене и вжал голову в плечи, стараясь поглубже уйти в воротник: даже голову нечем было покрыть - шляпа короля осталась на поле сражения, там же, где остались 26 знамен, 2 штандарта и 172 пушки.

Офицеры на цыпочках вышли из халупы: король спит!

Но в эту ночь королю Фридриху не спалось.

Эту ночь король Фридрих запомнил на всю жизнь.

XIX

После двенадцати часов непрерывной пушечной пальбы, грохота взрывов, визга ядер и свиста пуль, после всей этой музыки ожесточенного боя наконец-то на франкфуртских холмах наступила тишина.

Сражение было окончено: пруссаки бежали. Преследовать их, рассыпавшихся по дорогам, полям и болотам, бросилась легкая конница, которая весь день простояла в резерве.

В бурной штыковой атаке все перемешалось. Сейчас нельзя было разобрать, где какая дивизия, какой полк, какая рота. Все перетасовалось: мушктеры и артиллеристы, солдаты и офицеры, русские, австрийцы и пленные пруссаки.

Голодные, измученные солдаты рады были посидеть, отдохнуть, напиться ржавой болотной воды, съесть припасенный черный сухарь. Там и сям загорались костры из поломанных картечью зарядных ящиков и лафетов. Проголодавшиеся солдаты варили кашу.

Многие, не дождавшись ужина, завалились спать тут же, среди убитых и умирающих.

Подполковнику Александру Суворову пришлось еще немного поработать: главнокомандующий Салтыков хотел немедленно же отправить императрице донесение о победе. Для этого прежде всего нужно было выяснить, сколько трофеев взято у неприятеля - пушек, знамен и пленных. Аккуратный штаб-офицер провозился с подсчетом довольно долго - было уже за полночь, когда Александр Васильевич подъехал к своей палатке, остававшейся все там же, на Еврейской горе.

Он устал за этот бесконечно длинный, богатый впечатлениями день. Суворов лежал и думал.

До сих пор он только читал, а сегодня наконец-то сам участвовал в сражении, видел русского солдата и его начальников не в лагере или на вахтпараде, а в бою. И, несмотря на то, что сегодня русская армия разбила непобедимого "скоропостижного" короля, многое в русской армии не нравилось подполковнику Суворову.

Солдат, младший офицер были храбры, дрались мужественно. Русский солдат вызывал своей неустрашимостью и стойкостью только восхищение. С таким солдатом не страшен никто!

Зато возмущала нерешительность командиров - Салтыкова, Фермора и других,- их оборонительная тактика, их медлительность.

Один Петр Александрович Румянцев был среди них приятным исключением отважный, быстро схватывающий обстановку. В нем чувствовался настоящий полководец, у которого есть чему поучиться.

Суворова возмущали ненужные бесконечные обозы, сковывающие действия армии. Возмущало то, что на весь бой русскому солдату давалось всего лишь тридцать патронов.

"Все, все надо переделать! Не оставить камня на камне! - с жаром думал Суворов.- Надо приучить солдата идти только вперед! Вселить в него уверенность к победе! Надо выучить стрелять: пока русский мушкатор выстрелил раз, пруссак успевае-три. И надо обратить внимание на штык, недаром он сегодня решил исход боя. Русский солдат - землелашец; охотников, стрелков мало. Значит, ему сподручнее штык!" - думал подполковник Суворов, ворочаясь с боку на бок.

Он был нетерпелив. Ему хотелось вот сейчас же взяться за дело, выучить русского солдата всему, что солдату необходимо знать.

Но пока - он никого учить не мог. Подполковник Суворов служил дивизионным дежурным офицером и не имел в непосредственном распоряжении не только полка, но даже самого малого капральства.

Глава вторая

СУЗДАЛЬСКОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ

I

Мушкатор Воронов с неудовольствием думал о том, что ему сегодня вовсе не придется спать: его назначили на завтра в караул. Надо было чесать и завивать волосы, да не лишь бы как, а завить виски в три бумажки длиной, а букли чтобы не походили на сосульки. Это все в один час не сделаешь. Приходилось готовиться заранее, с вечера. А потом, причесавшись, маяться целую ночь без сна. Уснуть было опасно: можно измять прическу. За это полагалось двадцать палок. Но бывали случаи и похуже: нахальные крысы отгрызали у спящих букли, которые густо смазывались салом и присыпались мукой. За испорченную буклю давали еще больше палок, чем за измятую.

Воронов сидел и расчесывал волосы.

Его товарищи по капральству тоже готовились к завтрашнему воскресному параду. Старый мушкатор полировал ружье, рядом с ним другой чернил суму, а трое сидели вокруг горшка с клеем - они белили амуницию.

Один только еще скоблил ножом перевязь; другой, отскобливши плащной ремень, макал палец в горшок и осторожно размазывал клей по ремню; третий, беливший португую, уже посыпал мелко натертым мелом сверху, по клею.

Ванька Прохоров, молодой, недавно - уже после окончания Семилетней войны с пруссаками - взятый в солдаты, угрюмо чернил ложе ружья. Он не подымал ни на кого глаз. Верхняя губа и нос у Прохорова были вспухши, под глазами лиловели огромные синяки: капрал изувечил Прохорова за то, что он никак не мог постичь позитуру. Одно плечо у него всегда было выше другого, а когда маршировал с ружьем, то шатался из стороны в сторону.

- И что ты, Ванюха, такой косолапый? Другой в неделю всю позитуру поймет, а с тобой капрал, поди, уж третью бьется! - говорил солдат, беливший перевязь.

- Лучше б я цельный день камня ворочал,- сумрачно ответил Прохоров. Неспособен я к этому делу...

- Бьют, брат, везде! Такая уж наша солдатская доля! - сказал мушкатер, чернивший суму.- Теперь в каждом полку так: кто больше бьет солдата, тот, значит, лучший командир. Семь годов как повоевали с пруссаком, так научились у него этой премудрости.

- У нас еще что,- прибавил старый солдат.- А вот, сказывают, в Нашебургском полку станок такой есть: поставят солдата, завинтят его - и стой в станке пять часов!

- Это зачем же? - спросил Прохоров.

- Приучить, чтоб не гнулся, не горбился...

- А верно. Ведь как лубки впервой к коленям подвяжут, до чего неловко, а потом пообыкнешь и без лубков ходишь, не сгибая колен,- согласился старый мушкатер.

- Воронов, к поручику! - крикнул издали капрал.

Воронов вскочил и стал торопливо приводить себя в порядок.

"Зачем это? - думал он.- Может быть, к себе в деревню отправит?"

Ведь плотника же выпросил у командира полка ротный пятой роты. И отослал к себе в поместье. Куда бы ни послали, все лучше, чем в карауле стоять. Мундир, штаны тесны, ни повернуться, ни сесть. Жарко, сало с волос за воротник течет. Стоишь, как огородное чучело. Бабы смеются".

И он побежал к ротному.

Но догадка Воронова оказалась неверной. Поручик ошеломил его: Воронова откомандировывали из Смоленского пехотного полка в Суздальский, который стоял на неперменных квартирах в Новой Ладогге. Полковой командир обменял Воронова, который был сапожником, на гренадера-суздальца, умевшего хорошо завивать волосы. Полковник Суздальского полка, видимо, больше ценил сапожника, нежели куафера.

Воронов тут же получил ордер и должен был немедля отправляться в Новую Ладоггу. Суздальский гренадер уже пришел в Шлиссельбург, в Смоленский полк.

- Авось там, в Суздальском полку, командир полегче,- сказал Прохоров, когда Воронов собирался в дорогу.

II

В Новую Ладоггу Воронов пришел под вечер четвертого дня пути. Подходя к Ладогге, он у Санкт-Петербургской заставы увидал издали на лугу ряды палаток.

"А где же у них плац? Где они маршируют?" - смотрел по сторонам Воронов.

Но нигде ничего похожего на плац-парад он не видел.

Удивляло Воронова и другое: в лагере было тихо - не слышалось ни ругани, ни палок.

В Смоленском полку эти вечерние часы, когда июльское солнце жжет не так сильно, считались самым лучшим временем для маршировки и ружейной экзерциции (Экзерциция-ученье.). С двух часов пополудни и до заката гоняли мушкатеров по пыльному плацу. Отовсюду неслась отборная ругань. Ругались все - офицеры ругали солдат, полковник и секунд-майор перед всем фрунтом хорошо честили подпоручиков и поручиков.

А тут - стояла тишина. Только откуда-то доносился стук топоров.

Когда Воронов подошел поближе к лагерю, он увидал за палатками четыре свежих желтых сруба. Солдаты рубили, строгаги. Несколько человек сваливали привезенные бревна. А немного поодаль, за срубами, виднелись тонкие деревца молодого сада. Капральства два солдат возились в саду - окапывали деревья, расчищали дорожки.

У них, в Смоленском, полковник отправил всю 6-ю роту к себе в поместье под

Новгород на сенокос, десятка два солдат выпросил у командира секунд-майор в свое имение.

"Не из Ладоги ли и сам полковник Суздальского полка? - подумал Воронов.- Наверное, ему и строят дом. И сад, должно быть, его".

Воронов подошел к ближайшему срубам.

Постройку уже подвели под самую крышу - ставили стропила. Вверху, на последнем венце, с топором в руках сидели солдаты. Если б не кожаные грендерки на головах, нельзя было б и сказать, что это мушктеры: по положению, они с 15 апреля носили не красные, а белые штаны и ничем не отличались от обыкновенных мужиков.

Перед срубом, поставив ногу на свежее бревно, стоял спиной к Воронову небольшого роста человек в белой куртке. Он был без шляпы.

- Бог помощь. - сказал Воронов подходя. Человек, стоявший спиной к Воронову, обернулся. На Воронова глядели быстрые голубые глаза. Большой лоб человека был покрыт капельками пота.

- Спасибо, служивый! - ответил голубоглазый человек.- Откуда и куда путь держишь! Уж не из Смоленского ли полку?

- Так точно! - браво ответил Воронов, по привычке вытягиваясь и глядя, как ведено в уставе, быстро и весело.

"Должно быть, сержант какой - смотрит за постройкой",- сразу мелькнула мысль,

- Прислали взамен прикмахтера.

- Да, да, знаю. Вот и хорошо,- улыбнулся голубоглазый человек.- Стало быть, ты сапожник?.

- Сапожник, вашбродие.

- Водку пьешь?

- Пью, вашбродие!

- Звать как?

- Воронов.

- На ворона мало похож: курнос! - определил голубоглазый человек, оглядывая с ног до головы Воронова.- А ну-ка, покажи, как у вас, в Смоленском, клинки точат? - неожиданно сказал он, шагнул к Воронову и сам выхватил из ножен его полусаблю.

Клинок был весь в ржавчине. Голубые глаза помрачнели и чуть прикрылись тяжелыми веками.

- Так и знал: эфес блестит - глазам больно, а клинок - помилуй бог, какой! Хороши вояки, нечего сказать!

Воронов залился краской.

- У нас, ваше благородие, первое дело, чтоб эфес горел,- извиняющимся тоном сказал он, вкладывая клинок в ножны.

- А ружье как? - спросил голубоглазый, протягивая руку.

Воронов снял с плеча ружье.

- Ружье-то вычищено,- уверенно сказал он.

Голубоглазый человек повертел в руках ружье. Оно все гремело: в прикладе была высверлена довольно большая дыра, в которой перекатывались, звенели стеклышки, черепки.

Голубоглазый удивленно посмотрел на Воронова.

- Эти побрякушки зачем?

- Их высокоблагородие наш полковник велели так сделать, чтоб, дескать, громче было. Когда зачем кидать ружье на плечо аль на караул, чтоб стучало,- все равно как орех щелкнул!

Солдаты молча улыбались. Голубоглазый человек неодобрительно покачал головой.

- А много ль раз за лето у вас в полку стреляли? - спросил он.- Поди, ни разу?

- Так точно, ваше благородие, ни разу! - признался Воронов.

- Вот то-то! Ну, ничего, у нас постреляешь! Лети, Ворон! - кивнул голубоглазый человек, возвращая Воронову ружье.- Рост у тебя хорош, лети в первую роту к капитану

Кутузову. Да ступай прежде всего к Волхову - умойся: ишь, запылится как! Солдат должен быть чист, опрятен!

- Слушаюсь! - ответил Воронов, поворачиваясь кругом.

- Да запомни: пить у нас где хочешь пей, только не в кабаке! - крикнул он вдогонку Воронову.

Полчаса спустя Воронов, определенный в капральство и получивший место в палатке, шел с мушкатером к Волхову.

- Значит, это училище для полка строят, а дальше - полковые конюшни. И сад, стало быть, тоже полковой. Вон оно что-о! А скажи-ка, приятель, расспрашивал он у мушкатера, - с кем это я разговаривал? В белом кафтане, без шляпы. Офицер он аль кто?

- Маленький, быстрый такой? Глаза голубые, а в лице худощавый?

- Во-во-во,- узнал по описанию Воронов.

- Это ж и есть наш полковой командир, Александра Васильич.

Воронов даже остановился от удивления.

- Вот те на - сам полковой командир!

И он тотчас же представил себе командира Смоленского полка фон Штраля. Как тот со шляпой, надвинутой на левую бровь, идет с тростью по лагерю и даже не посмотрит на солдата. Что-нибудь спросит, а потом ткнет тростью в живот солдата и скажет зло: "Пшел!"

- А как полковнику фамилие? - спросил Воронов.

- Суворов.

"Он говорил давеча, что мое фамилие не по мне,- раздумывал, идучи, Воронов,- но и его ж не подходит к нему: ну какой же он суровый?"

III

Не надлежит мыслить, что слепая храбрость дает над неприятелем победу, но единственно смешанное с оною военное искусство.

Полковое учреждение

1-й батальон, с мокрыми от росы штиблетами, стоял в кустах, ожидая сигнала к атаке.

Солнце еще не взошло, но лес уже был полон птичьего гама, а над полями трепетали, заливались жаворонки.

Впереди расстилался обширный монастырский луг. Он весь был в росистой паутине, - прозрачная и тонкая, она висела на стеблях трав, на головках еще не скошенных цветов. Вдали, за лугом, на том берегу подернутой туманом реки, вырисовывались белые стены монастыря.

Мушкатеры, покашливая и перешептываясь между собою, стояли, ожидая, когда 2-й батальон выйдет на луг с противоположной стороны от реки. Командир полка, живой, непоседливый полковник Суворов, сам повел 2-й батальон в обход луга, чтобы потом, от реки, наступать на 1-й батальон.

Здесь, на просторном монастырском лугу, оба батальона суздальцев должны были сойтись в сквозной штыковой атаке: это было излюбленное, всегдашнее упражнение полковника Суворова.

Мушкатуру Воронову все еще было ново в этом полку. В Смоленском полку, где Воронов служил прежде, полковой командир помешался на всем прусском позитуре, маршировке, ружейной экзерциции.

Прусский король Фридрих II, с которым Россия, провоевав семь лет, заключила по настоянию императора Петра III мир, теперь не выходил у всех начальников из головы.

Русские командиры считали, что фридрихов косвенный порядок ведения боя - самый совершенный, забыв о том, что именно русские войска дважды опрокинули этот косвенный порядок и разбили короля Фридриха.

Но особенно прихлясь по вкусу фридрихова палочная система обучения солдат. Офицеры-помещики считали, что это единственно правильный и самый надежный метод воспитания крепостных солдат. Потому каждый офицер от полковника до подпоручика старался во всем подражать прославленному полководцу Фридриху II: ведь ему подражала

вся Европа!

По прусскому образцу шили мундиры и завивали волосы, по прусскому образцу целые дни маршировали и по прусскому образцу били палками солдат.

Так было везде, и так было в Смоленском пехотном полку. Все ученье в нем обычно проходило на плацу. Измученных солдат с утра и до ночи гоняли по пыльной площади взад и вперед, наблюдая, чтобы роты, вытянутые в ровную линию, шли как один человек. Заставляли солдат без конца полировать ружья, белить ремни. За плохо причесанные или небрежно напудренные волосы нещадно били палками,

Можно было подумать, что солдата каждую минуту готовят к какому-то смотру, плац-параду.

А в Суздальском Воронов увидал иное. Сухощавый подвижной командир суздальцев обучал своих солдат по-своему.

Полковник Суворов не заботился о том, чтобы солдат был красиво завит и напудрен. Но зато сам показывал солдату, попавшему в армию из какого-нибудь медвежьего угла, как надо мыться, как обшиваться.

Полковник Суворов не требовал, чтобы ружье звенело и гремело во время ружейных приемов, но старался, чтобы солдат умел быстрее заряжать и в мишень стрелял метко, что называется - "в утку".

Полковник Суворов не заставлял солдат целыми днями бессмысленно маршировать по плацу. Но очень часто, среди глухой ночи, в дождь и непогоду, вдруг подымал свой полк и без обозов уходил с ним на несколько суток в поле - делал быстрые марши, устраивал ночные атаки, переходил вброд реки, проходил болота.

Весь смысл суворовского ученья сводился к одному: приучить солдата не останавливаться ни перед каким препятствием, приучить солдата быть смелым, уметь наступать.

Во всех полках русской армии солдат готовили к параду, полковник Суворов готовил суздальцев к бою.

Вот и сейчас суздальцы уже два дня были в походе.

Смоленский полк проходил не более десяти верст в сутки, а суздальцы сделали за двое - сто верст и возвращались назад, в Новую Ладугу, без единого отсталого или больного. Как всегда, ученье у полковника Суворова заканчивалось сквозной штыковой атакой - оба батальона шли в штыки друг против друга.

Сигнала к атаке и ждали мушкатеры.

В прозрачном воздухе послышалась барабанная дробь. В дымке постепенно таявшего тумана показались знакомые зеленые мундиры: 2-й батальон уже развернулся на лугу. Впереди батальона, на буланом жеребце, ехал полковник Суворов.

Раздалась команда:

- Смирно! Сомкнись! Право - стой, лево - заходи!

Мушкатеры вышли из лесу и, разбрызгивая башмаками тонкую росистую паутинку, пошли навстречу "врагу". Когда между батальонами оставалось не более ста шагов, полковник Суворов поднял вверх шпагу И, ударив жеребца шпорами, закричал;

- Ура, ребяташки! Коли!

Оба батальона кинулись друг на друга со штыками наперевес. Буланный жеребец полковника, видимо не раз бывавший в сквозной атаке, смело шел на штыки.

Воронов впервые участвовал в таком необычном ученье.

"Собыют на бегу! Ударят!" - думал он, глядя на приближающихся мушкатеров 2-го батальона, которые с возбужденными лицами бежали навстречу и неистово кричали так же, как и Воронов:

- Коли! Руби! Ура!

Но никто не пострадал: добежав до "врага", мушкатеры подняли вверх ружья, и батальоны благополучно проскочили сквозь друг друга.

...Суздальцы сидели и лежали на берегу реки. После штыковой атаки Суворов дал

людям отдохнуть.

Воронов с любопытством наблюдал за командиром. Суворов ходил от одной роты к другой, запросто разговаривал с солдатами, шутил. Это очень поразило Воронова: командир полка, помещик, дворянин, а держится как ровня.

"Чудак!"-подумал Воронов.

Но вот полковник махнул барабанщику рукой. Застучал барабан.

Полк стал в ружье.

- Ребята, скидывай башмаки и мундиры - пойдем вброд! - сказал Суворов.

Мушктеры стали быстро раздеваться. Полковник ходил вдоль рядов.

- Ишь, какие у тебя портянки грязные. Почему не выстираешь? - журил он молодого мушкетера.

Парень стоял красный от стыда, поджимал ноги, не зная, куда девать их.

- Ноги сейчас отмоешь, а как придем в лагерь - выстирать портянки!

- А у тебя почему пятки стертые? Должно, в сапогах спишь? Ленишься сбросить? - накинудся он на другого.

- Что, брат Ворон, тяжело у нас ученье? - спросил Суворов, подходя к Воронову,

- Никак нет! - бойко ответил Воронов.

Он был удивлен и обрадован, что полковник до сих пор помнит его.

- Тяжело в ученье - легко в походе! - сказал Суворов, проходя.

- Патронную сумку привяжи к шее! Вот так. Береги патрон. Замочишь, помилуй бог! - учил он кого-то в соседнем капральстве.

Наконец все были готовы. Полковник сел на своего жеребца.

- За мной, ребяташки! - сказал Суворов и стал спускаться с берега.

Солдаты, подняв над головами ружья, входили в реку. Поеживались от холодной воды, перекидывались словами.

- Ого-го!.. Студеная...

- Под этим бережком ключи.

- Гляди, Гришка, натруску свою не замочи, - шутил кто-то.

- Вот бы с бреденьком походить...

- Полу макаешь, держи выше!

- Коли глубоко, снесет: горазд быстрая.

- Тут мелко не будет. Кабы мелко, она сейчас бы объявилась, а то гляди...

Вот уже вода - выше пояса. Правые руки солдат стараются вцепиться в соседскую рубашку, а в левых высоко качаются ружья. Все сразу стали однорукими. Над рекой видны только треуголки, сумки, ружья.

Белые, незагорелые руки покачивались, точно плыли в воздухе, медленно подавались вперед.

- Вот так глубоко!

- Ротный наш, Михаило Илларионыч, поплыл.

- Гляди, чтоб и тебе не пришлось!

- Чего тянешь? Не тyani зря!

- Держись!

Небольшой мушкетер, шедший рядом с Вороновым, вдруг по уши нырнул в воду. Воронов схватил его за руку.

- Не сдержался, дяденька, - виновато прошепелявил он, - в ямину попал!

Стало мельче. Передние уже выбирались на берег. Проворно одевались командир полка сам делал все быстро и того же требовал от солдат.

Из-за дальнего болотца показалось солнце,

- Станови-ись!

Все стали по местам. После бессонной ночи холодное купанье приятно освежало, бодрило. Но у многих посинели от холода губы, людей пробирала легкая дрожь.

- Ребята, видите - монастырь? - указал Суворов на белевшие стены. До них было не

более ружейного выстрела. - А ну-ка, погреемся! Взять штурмом монастырь! На стены! Ура!

Мушкеры охотно побежали на штурм. Подбежав к монастырю, они, затарахтев ружьями, полезли на его высокие стены. Передние солдаты подставляли спины, задние шеренги полезли наверх, подсаживая друг друга.

В монастыре поднялся переполох. Сонная братия, нечесаная и немытая, показывалась из окон и дверей. Сам игумен, здоровенный мужик, выскочил на крыльцо в одних портах.

- Что творите? Чего беснуетесь? Куда вы прете, оглашенные? - кричал он пропитым басом.

В воротах показался буланный жеребец Суворова.

- Не шумите, отче преподобный! Это экзерциция,- спокойно сказал Суворов, подъезжая к выстраивающимся ротам.

- У добрых людей экзерциция - в поле, а у вас - во святей обители! Ровно басурманы. Я жаловаться в Синод буду! - выходил из себя игумен.

- Смирно! - крикнул полковник Суворов, не обращая внимания на игумена. - Хорошо взяли крепость. Молодцы, ребята!

- Рады стараться! - грохнуло в ответ.

И суздальцы с барабанным боем и песнями пошли из завоеванного монастыря.

IV

Уже шестой день под Красным Селом стояли лагерем три дивизии.

Императрица Екатерина II приказала вступить 15 июня 1765 года в лагерь при Красном Селе войскам генерал-фельдмаршала Бутурлина,

2-й дивизии Голицына и 3-й Финляндской дивизии Панина. Тридцать тысяч человек конницы и пехоты лейб-гвардии и полевых полков расположились в палатках у Красного Села.

В первые дни войска занимались ружейной экзерцицией и усердно готовились не столько к бою, сколько к высочайшему смотру: чистились сами, чистили оружие, белили амуницию.

В полках все начальство, начиная от полковника и кончая капралом, ходило злое-презлое: каждый хотел, чтобы его часть была лучше других. Значит, надо было не жалеть солдату палок, а здесь, вблизи от императрицыной ставки, нельзя было не только ударить, но даже всласть изругать солдата - в писаном уставе не сказано было обучать побоями. Капралы ругались вполголоса, втихомолку тыкали солдату куда-нибудь в бок, под девятое ребро, кулаком. В зубы ударить не годилось-еще невзначай понаставишь к смотру фонарей.

Только в одном Суздальском полку все шло по-обычному: полковник Суворов не терпел никаких зуботычин, считал, что солдат надо учить словом, а наказывал в крайнем случае, за большую провинность.

20 июня отдали приказ при пароле: бригадира Измайлова назначить командиром легкого корпуса. Корпус должен был прикрывать фронт и левое крыло царицыной армии от "врага" - дивизии Панина.

Легкий корпус сформировали из войск 2-й дивизии. Конница Санкт-Петербургский карабинерный полк, казаки и четыре эскадрона грузинских гусар. Пехота - один батальон мушкетеров и две роты гренадер Суздальского пехотного полка под начальством полковника Суворова.

Суздальцев императрица выбрала из всех других армейских полков потому, что об их полковнике Александре Суворове шла молва, будто он по-особому обучил свой полк.

"Противник" - дивизия Панина - занял позицию на возвышенностях перед рекой Пудость. Панин построил три моста через реку, впереди линий пехоты, на холмах, поставил пушки с прикрытием и стоял, ожидая нападения сил императрицы.

21 июня, в пять часов пополудни, Екатерина II выехала из лагеря. Впереди, в полуверсте, шел авангард - двести гусар и пятьсот казаков. Полк Конной гвардии прикрывал ее справа. Екатерина II обходила правое крыло Панина.

Полковник Суворов со своими суздальцами стоял у деревни Техвиной. Бригадир Измайлов приказал не отходить от нее.

Был жаркий день. Парило. Солдаты, еще с вечера завитые и напудренные, одетые в тесные мундиры, изнывали от жары. По щекам текла бурая жижка из свечного сала, муки и пыли. Сам полковник чувствовал себя тоже неважно: с непривычки давил застегнутый на все пуговицы камзол, мешала треуголка. А главное, у него не хватало терпения переждать все эти обычные эволюции, которые нужно было по правилам линейной тактики проделывать атакующим войскам.

Панин, заняв крепкую позицию, будет стоять неподвижно на одном месте, а войска императрицы начнут перестреливаться с ними.

Это была раз навсегда узаконенная тактика всех положений. До чего это было скучно, плацпарадно и, прежде всего, неверно.

Суворов видел: Панин, строго придерживаясь линейного построения, растянул свои войска двумя тонкими линиями, стараясь охватить побольше важных пунктов местности. Но зачем обязательно обходить с флангов, когда можно, построив войска в несколько рядов, в колонну, броситься в любом месте на тонкую панинскую цепочку и без труда прорвать ее?

А вместо этого нарядные желто-красные грузинские гусары императрицы и бородатые казаки вяло перестреливались с панинскими ведетами (Ведеты конный караул близ лагеря или квартиры начальника войск.) медленно теснили их. Ведеты постепенно отступали к своим главным силам.

Вместо жаркого короткого сабельного удара, мгновенно решающего все, получалась жалкая, никчемушная стычка. Нет, положительно не хватало сил терпеть.

Против него, на холмах, стоят панинские пушки. Первое дело - надо захватить их, и все тут! Он поступит не по прусскому образцу, а по своему разумению! Не будет понапрасну тратить время и пули: в штыки их!

- Ведь это - что? Бой? Так чего ж тут, в самом деле, возиться? обернулся он к молодому, двадцатилетнему командиру 1-й роты Михаилу Кутузову, стоявшему рядом. - Беги, Мишенька, к гренадерам, пусть они из-за кустов откроют огонь по холмам.- А сам повел батальон в лощину.

На лугу Суворов остановил батальон и объяснил солдатам, что он хочет делать. Во всей русской армии, по примеру пруссаков, только офицеры знали о том, что будет предпринимать их командир. Полковник же Суздальского полка всегда говаривал, что "каждый солдат должен знать свой маневр".

- Ребята, впереди, на холмах, - пушки. Их надо взять в штыки! - сказал он и повел суздальцев через лужок на пахоту.

Суздальцы поднялись на высокую межу и с криком "ура" неожиданно бросились на панинские пушки и их прикрытие. Артиллеристы, отвлеченные ложной атакой двух гренадерских рот, которые стреляли из-за кустов, не ожидали "врага" с этой стороны. Но все же успели дать залп по наступающим суздальцам.

Суздальцев не остановила пальба: еще в Новой Ладогe Суворов не раз водил их в атаку на пушки. Мушктеры сквозь пороховой дым бежали вперед. Не успели артиллеристы перезарядить, как мушктеры Суворова, опрокинув пехотное прикрытие, уже сидели на панинских пушках.

Один канонир сгоряча ударил банником Воронова, который, как рядовой 1-й роты, попал в легкий корпус. Обозленный Воронов с такой силой рванул банник к себе, что канонир потерял равновесие и торчком упал на землю. Когда он вскочил, готовый кинуться с кулаками на Воронова, суздальский капрал сердито стукнул его по загривку:

- Чего лезешь, щучий сын?

- А что же вы? А чего же вы? - бормотал канонир, не зная, что и сказать в свое оправдание. - Выскочили - и в штыки... Где это видано?..

- Нет - думаешь, будем с вами в кошки-мышки играть? Вы - налево, а мы - направо, так, что ли? - обрезал капрал.- У нас, брат, расправа короткая!

Суворов уже поворачивал пушки, собираясь палить из них по пехоте Панина, когда от императрицы прискакал во весь опор адъютант.

Императрице понравилась решительность и быстрота полковника Суворова, но его действия как-то выходили за рамки общепринятой линейной тактики, противоречили ей. Так говорили императрице все генералы, находившиеся в ее свите, - фельдмаршал Салтыков, генералы Воейков и Сиверс.

- Ее величество благодарит полковника Суворова за молодецкое дело, но приказывает отойти назад.

Суздальцы глядели именинниками, хотя и пришлось возвращаться назад, к деревне Техвиной.

V

Всю ночь с 21 на 22 июня шел проливной дождь. Не перестал он и утром. Войскам назначили дневку и выдали по две чарки водки.

В палатке у Акима Акимовича, капитана Смоленского пехотного полка, сидели гости из соседних полков: капитан - Великолуцкого и поручик Нарвского.

Палатку трепало ветром. Дождь лил как из ведра. Один угол палатки уже протек.

Офицеры допивали третий штоф водки, закусывая салом и луком, и от скуки сплетничали по поводу вчерашнего необычного "дела" этого сумасбродного полковника Суздальского полка Александра Суворова.

Еще вчера вечером весь лагерь уже знал о высочайшей благодарности Суворову. Офицеры судили-рядили, завидовали ему и удивлялись: за что?

- Подумаешь, он - против прусского короля! Он - не уважает линейной тактики! - говорил уже достаточно покрасневший от вина хозяин. - Всему свету она хороша, а господину Суворову, видите ли, негожа!-театрально развел он руками.

- Аким Акимыч, а, будучи, правда ли это, - перебил его поручик, который так нагрузился на даровщинку, что все время только облизывал губы и моргал глазами,- а правда ли, будучи, что Суворов штурмовал какой-то монастырь в Ладогe?

- Верно, штурмовал. Точно не знаю, какой - то ли Гостинопольский, то ли Ивановский, или еще какой, а штурмовал. Игумен ездил в Синод жаловаться.

- Вот сумасброд! И как ему полк доверили? - усмехнулся великолуцкий капитан. - И что выдумал? Штурмовать обитель! Да разве ему мало чего другого было?

- Аким Акимыч,- не отставал болтливый поручик,- а правда ли, будучи, что Суворов солдат не бьет?

- Сказывают, не бьет, а кто его знает. Да не в этом дело: можно его, сукина сына, батожьем и не бить, а держать - во! - сжал кулак Аким Акимович. - Нам другое доподлинно известно - Новая Ладога от нас недалече Суворов школу для солдат построил! - выпалил Аким Акимович и глядел на приятелей, наслаждаясь произведенным эффектом.

- Солдатам - школу? - подался вперед великолуцкий капитан. - Не может быть!

- Да, да, школу!

- Чудак! - рассмеялся великолуцкий капитан.

- Что ж он, будучи, в своем уме? Зачем солдату грамота? - брызгался слюной поручик.

- У нас в полку половина офицеров еле псалтырь разбирает, рассказывал великолуцкий капитан, - а у соседей, в Вологодском, сам полковник Механошин, этот черный такой, как кузнец, - тот вовсе неграмотен. За него адъютант расписывается, ей-богу! И ничего. Погляди, какой у Механошина полк! Ружья, шпаги - словно солнце горят. Идут - не хуже пруссаков: точно линейка движется, а не полк! А у Суворова - я видел, как вчера суздальцы шли, - никакой позитуры. И офицеры бедно одеты.

- Говорят, Суворов этот обо всех, будучи, заботится, - опять вмешался поручик. - Говорят, у него офицеры не живут, будучи, впроголодь, как в других полках, потому что их командир не грабит. А наш дьявол, будучи, только и знает одно - тащить с офицера. То на мундир, то на шарф, то еще что выдумает. В прошлом годе с нас, поручиков, высчитал, будучи, из жалованья по сорока одному рублю тридцать две копейки, обещал, будучи, нам

построить новые мундиры, а вот в этом и по сей день хожу, - рвал себя за ворот поношенного мундира захмелевший поручик.

- Да, Иван Фомич, - не глядя на поручика, говорил великолуцкому капитану хозяин. - Верно ты сказал: разве, кроме Суздальского, в нашей дивизии других полков нет?

- Суворова в легкий корпус потому назначили, что у него, Аким Акимыч, рука: папаша-то его, Василий Иванович, подполковник гвардии Измайловского полка! Вот оно что! - подчеркнул великолуцкий капитан.

- Конечно, поэтому! - крикнул поручик. - И я это, будучи, знаю!

- Погоди, ваше благородие, погоди! - Хозяин недовольно поморщился и даже тронул надоедливому гостю за локоть. - Суворов со своими суздальцами потому отличился, что попал в императрицыну часть! - раздельно сказал он, глядя только на великолуцкого капитана. - Кто же посмеет гнать императрицыны войска? Поневоле станешь отступать, коли она хочет наступать!

- Правильно, верно! - размахивал руками поручик.

- Да и чем взял? - подхватил со своей стороны великолуцкий капитан. Наскоком. Полез на батарею, и прикрытие в штыки. Хорошо лезть, когда знаешь, что они палят, а тебе никакого урона. А в настоящем бою не так будет: пуля виновного найдет! В штыки, брат, не всегда сунешься! Это хорошо на маневрах делать! - запальчиво сказал великолуцкий капитан и зло посмотрел на Акима Акимовича, точно видел перед собою ненавистного полковника Суворова.

- Конечно, - согласился Аким Акимович. - Только на маневрах. А вот поглядим, что этот чудака сделает, когда ему придется быть в настоящем бою! Поглядим!

Глава третья

ПЕРВОУЧИНКА

Надлежит начинать солидным,
а кончать блистательным.

Суворов

I

Суворов сидел за столом туча-тучей: он не мог дождаться конца обеда.

С его горячим, нетерпеливым характером трудно было высидеть за обедом несколько часов. Но здесь, в Букаресте, у генерал-поручика Ивана Петровича Салтыкова, волей-неволей приходилось сидеть.

Суворов неделю тому назад приехал из Санкт-Петербурга в действующую армию на Дунай.

Русские войска, отбив у турок в предыдущие годы Крым, Молдавию и Валахию, к весне нынешнего, 1773 года стояли на левом берегу Дуная.

Главнокомандующий граф Румянцев назначил генерал-майора Суворова во 2-ю дивизию Салтыкова, штаб-квартира которого была в Букаресте. Сегодня, 4 мая 1773 года, Суворов прискакал из Ясс в Букарест к Салтыкову. Салтыков дал Суворову в команду небольшой двухтысячный отряд, стоявший у монастыря Негоешти, в десяти верстах от Дуная.

Суворову было обидно: его, генерал-майора, только что отличившегося в боевых действиях в Польше, получившего там орден Георгия 3-го класса, Анну и Александра Невского, назначают командиром отряда, которым до него командовал ничем но известный полковник Батурин.

Суворов был огорчен. Он ничего не ел, отказывался от обязательных в Букаресте блюд - жареной баранины, разной сушеной рыбы и вкусной брынзы - и с досады только выпил две рюмки кукурузной водки.

Одно утешало его: негоештскому отряду было приказано немедленно сделать поиск на городок Туртукай, который лежал на правом берегу Дуная. Поиск был нужен затем, чтобы Румянцев мог со временем перевести за Дунай главные силы. Из всего расположения русских войск на Дунае негоештский пост был ближайшим пунктом к Шумле, где визирь

сосредоточил всю свою армию.

Суворова радовало то, что этот поиск поручали ему. Наконец-то Суворову представляется случай показать всю свою любовь к отечеству и свое воинское искусство. Наконец, на сорок третьем году жизни, он сможет самостоятельно, независимо ни от кого, проводить боевые действия против сильного врага.

Суворов задумчиво катал по скатерти хлебные шарики и ждал, когда кончится этот скучный обед, чтобы можно было поскорее мчаться к отряду в Негоешти. Он был зол на болтливого Салтыкова. Суворову не терпелось. Он день и ночь скакал на ямских, спешил поскорее к армии, рвался в бой, а вместо этого - изволь сидеть и слушать пустую болтовню.

Салтыков был в одних летах с Суворовым, но раньше его получил генерал-поручика, потому что отцом Салтыкова был фельдмаршал Петр Семенович Салтыков, победитель Фридриха II при Кунерсдорфе.

Суворов смотрел на Салтыкова, вспоминал его умного, хитрого отца и сравнивал их обоих. Сравнение было не в пользу сына. Иван Петрович Салтыков держал себя так же просто, как и отец, но Суворов сразу увидел: сын был глупее старика, Салтыков рассказывал всякие истории, хвастался, прикидывался великим полководцем и тянул молдаванское вино. Суворов мысленно окрестил своего начальника "Ивашкой".

У фельдмаршала Салтыкова была одна страсть - псовая охота. А сын, видимо, любил широко пожить, хорошо поесть и выпить и охотился за другою дичью: из задних комнат в раскрытую дверь сначала глянула какая-то смуглая девушка, а потом - полнотелая черноглазая красавица молдаванка.

Суворов лишь опустил вниз и без того низко опущенные веки и чуть заметно хихикнул, подумав:

"Хорош гусь Ивашка! Помилуй бог!"

Но не только этот бестолковый Салтыков портил настроение Суворову. Ему было неприятно и другое - в гостях у Салтыкова сидел заехавший к нему генерал-поручик Михаил Федотович Каменский.

Это был небольшой, крепко сложенный человек. Каменский чуть ли не на десять лет был моложе Суворова. Уже на двадцать восьмом году он командовал Московским пехотным полком. Затем был послан в Пруссию к самому королю Фридриху II учиться у него в лагере под Бреславлем прусской тактике. Из Пруссии Каменский вернулся ярим поклонником всего прусского. Он составил "Описание прусского лагеря" и поднес его наследнику Павлу Петровичу.

И теперь важничал.

Суворов не любил его, как не любил все прусское.

Салтыков и Каменский оживленно разговаривали. Один говорил о здешних женщинах - молдаванках и валашках, а другой - о прусской линейной тактике. И оба хвалили свое. Суворову же одинаково было неинтересно как то, так и другое.

Хитрый, умный Каменский слегка подтрунивал над простодушным "Ивашкой". Когда Салтыков вышел на минуту из комнаты, Каменский кивнул на его опустевший стул и на тарелку, полную костей, и, наклонившись к Суворову, сказал вполголоса:

- Каков командир дивизии?

Суворов не сдержался. Его здесь все злило.

- Да. Вы, Михаил Федотович, знаете тактику, я - практику, а Салтыков ничего не знает: ни практики, ни тактики! - запальчиво сказал он.

Каменский засмеялся, откидывая назад голову.

- Верно изволили заметить, Александр Васильевич: ни тактики, ни практики! Верно! - смеялся Каменский.

Когда Салтыков вернулся в комнату, Суворов поднялся:

- Ваше сиятельство, мне уже пора: вечереет.

- Успеете! До Негоешт не больше десяти часов, как говорят молдаване. Ехать еще жарко. Посидите. Сейчас шербет принесут, рахат-лукум. Выпьем кофею по-турецки. Знаете,

как здесь пьют? Сперва съедят ложечку варенья, запьют холодной водой, а потом - густой кофе без сливок. Куда как хорошо! Вот попробуйте!

- Нет, благодарствую, Иван Петрович!

Право, мне уже надо в путь-дорогу...

- Пожалуй, Александру Васильевичу надо собираться, - поддержал Суворова Каменский. - А то и к утру не доберется. Ведь до Негоешт пятьдесят верст.

- Ну, коли так спешите, что ж делать, - согласился Салтыков. - Значит, поиск не откладывать! Пощупать Туртукай как следует!

- Сделаю. Бог милостив, - ответил Суворов. - Только, ваше сиятельство, сила у меня невелика...

- А какой в Негоештах деташамент? (Деташамент - отряд.) полюбопытствовал Каменский.

- Пехота - астраханцы, штыков около восьмисот,- перечислял Салтыков, а кавалерия - Астраханский же карабинерный, сабель без малого чetyреста, да казаки Леонова, коней с пятьсот.

- Кавалерии предостаточно, а пехоты действительно маловато, - сказал Каменский.

- Вот и я говорю... - начал Суворов.

- Пришлю, пришлю, не бойтесь! Поезжайте! - перебил его Салтыков.

Суворов откланялся. Он вышел из дома и быстро затоптал по каменным ступенькам крыльца. Впалые, худые щеки Суворова горели румянцем.

"Вояки! Полководцы!" - со злостью думал он.

У крыльца стояла тройка вороных генерала Каменского, запряженная в щегольской экипаж. Кучер-солдат, не выпуская из рук вожжей, дремал, сидя на козлах.

Поодаль, у садовой изгороди, в канаве, скосбочилась каруца - узкая длинная молдаванская телега, на которой приехал из Ясс в Букарест генерал-майор Суворов. Двое суруджу - старик с длинными черными волосами до плеч и черноглазый красивый парень - сидели тут же под забором. Старик ел кукурузную лепешку, а молодой, напевая что-то заунывное, молдаванское, лениво пощелкивал по крапиве своим невероятно длинным кнутом.

- Ну, поехали! - крикнул им Суворов.

Ямщики вскочили. Выволокли из канавы на дорогу худых лошадей и неуклюжую каруцу. Старик начал торопливо приводить в порядок скверную веревочную сбрую, которая едва держалась на лошадях. А молодой проворно перебежал от лошади к лошади и зачем-то дергал их за уши и тер им ладонью глаза.

Суворов влез в каруцу, завернулся в плащ и сел на солому. В передке каруцы лежал старый, потертый солдатский ранец - в нем были все пожитки генерал-майора Суворова.

Суворов видел, с каким удивлением смотрели слуги Каменского и Салтыкова на его странный экипаж, но сделал вид, будто не замечает этого.

- Гайдади грабо: - весело крикнул он ямщикам. - Гайдади грабо! (Пошел скорей!)

Суворов любил изучать языки. И теперь, в дороге, он научился от этих суруджу несколькими словами.

Суруджу вскочили верхом на лошадей, взмахнули кнутами. Кнуты щелкнули так, словно выстрелили из пистолета, ямщики закричали пронзительно-дикими голосами "ги-га", "ги-га", и каруца помчалась по узким пыльным улицам Букареста, немилосердно скрипя своими никогда не мазанными колесами.

Суворов за дорогу уже привык к тому, что молдаване вовсе не мажут телег.

Замелькали низенькие домики в садах, разнообразные лавчонки.

Вон на двери пылится зеленый бархатный кафтан с оловянными пуговицами - тут торгуют абаджи; на другой болтается длинная связка деревянных лошадок, петушков - здесь теркукули; а там на дверях висит жирная баранья туша: это маченары.

Промелькнула цирюльня с кучкой солдат-пехотинцев у дверей. Внизу блеснула быстрая Дембровица. Откуда-то снизу раздался стук кузнечных молотов.

А дальше - опять одноэтажные домишки. Все двери раскрыты настежь. Женщины жарят баранину, пекут хлеб, на сковородках шипят вкусные плаинды (Плаинда - пресная, тонко раскатанная лепешка.). Кухонный чад и запах бараньего жира смешивались с запахом отцветающих садов.

Вечерело. Дневная жара спадала. С каждой минутой становилось все холоднее.

После знойного дня все спешили на улицу - насладиться вечерней прохладой.

В узких улочках каруца едва могла разъехаться со встречными.

Верхом на лошади проехал богатый молдаванин в фиолетовом бархатном кафтане, подпоясанном алой шалью, в голубой суконной шапке, похожей по форме на дыню. В руке молдаванин держал четки - знак боярства. Сзади за ним во всю прыть бежал грязный, оборванный цыган. Он должен был смотреть за лошадью господина, когда тот где-либо останавливался и слезал с нее.

Восемь небольших, но крепких лошадей, запряженных попарно, тащили тяжелый рыдван. В нем важно восседал боярин со своей куконой. За господами, на запятках, стояли двое слуг. Один держал длинную боярскую трубку. На плече у него висел сафьяновый мешок с табаком.

По улицам сновали длинношерстые молдаванские свиньи.

Босоногие мальчишки, продающие брагу, кричали нараспев:

- Брага дульче-е! (Сладкая брага.)

В вечернем воздухе стоял немолчный шум от стука кузнечных молотов, скрипа немазанных телег, непрерывного хлопанья бичей, пронзительных криков ямщиков и пения пьяных, которые шатались из харчевни в харчевню. Ко всему этому примешивались звуки скрипки и гитары: под их аккомпанемент где-то пели заунывную молдаванскую песню.

Суворов рассеянно глядел по сторонам и думал о своем.

Сейчас на него смотрит вся дунайская армия, все эти Салтыковы и Каменские, которые так благоговоят перед прусской муштрой. Они думают, что вся сила армии в ярко начищенных пуговицах, в завитых волосах и в том, что ошалелый от страха солдат лезет вон из кожи, чтобы не сбиться, по всем прусским правилам взять "на караул" или "на плечо". И никто не может понять простой истины: главное - не эта бездушная парадная муштра, а сам солдат, человек.

Суворов докажет это. Он обучит солдат по-своему, на суздальский образец - без капральской палки, без излишнего "метания артикул" и прочих прусских "чудес". И враг будет разбит. И тогда в суворовскую тактику нехотя придется поверить! А с ней - Суворов был в этом глубоко убежден - русская армия станет непобедимой.

И все-таки как Суворову удивительно не везет! Спесивый, заносчивый Каменский участвовал в штурме Бендер и взятии Хотина, а Суворову в это время приходилось гоняться по всей Польше за несколькими отрядами врагов.

Настоящий шпицрутенный бег. В такой войне не развернешься.

Десять лет Суворов ждал момента, чтобы не где-либо на маневрах, а в настоящем бою с сильным врагом показать, на что способен русский солдат. И теперь такой момент настал!

"Теперь-то уж русская тактика себя покажет!" - думал он, поплотнее запахиваясь в плащ.

...А в это время Салтыков и Каменский, развалясь на диване и попивая кофе по-турецки, перемывали косточки Александра Васильевича.

- Не понимаю такого человека. Дворянин, генерал-майор, а ни своего выезда, ни слуг... Просто срам! - возмущался Салтыков. - Видали, на чем он приехал? На каруце! А вещи? В одном солдатском ранце уместились. Ей-богу! смеялся Салтыков.

- Суворовы, правда, не очень родовиты, но, кажется, у них достаточно поместий?- спросил Каменский.

- Хватает. Его отец, Василий Иванович, - превеликий жмот,- ответил Салтыков.- Собрал душ порядочно.

- Как старик ни скуп, а не поверю, чтобы отказывал сыну в необходимом! Просто

Александр Васильевич сам уж такой. Про него я в штабе графа Румянцева разное слышал. Говорят, будто он ест солдатские щи да кашу. Потому, вероятно, отказывался сегодня от шербета и кофею, - усмехнулся Каменский.

- Щи да кашу? Это черт знает что! Генерал-майор и - щи да кашу! возмутился Салтыков.

- Иван Петрович, а почему граф Румянцев поручил именно ему сделать поиск? - спросил Каменский.

- Должно быть, потому, что Суворов в Польше отличился быстротою действий. Его войска проходили по пятьдесят верст в сутки.

- Ну, этого не может быть! - возразил Каменский. - Пятьдесят верст сам его величество король Фридрих Второй не сделал бы!

- А вы знаете, Михаил Федотович, что Суворов ни во что ставит короля Фридриха Второго? - спросил, оживляясь, Салтыков.

- Как? Суворов - Фридриха Второго? Это он-то? - удивленно переспросил Каменский, отставляя в сторону чашечку с кофе.

- Да, да, Суворов! Он не признает линейной тактики!

Каменский был поражен. Для него, боготворившего все прусское, все фридрихово, было странно слышать, что кто-то может думать иначе.

- Он не в своем уме! - выпалил Каменский.

Салтыков пожал плечами:

- Не знаю. Знаю только одно: Суворов все делает не так, как другие. Он с каждым солдатом запанибрата.

- Посмотрим, далеко ли он уйдет со своей тактикой, - горячился Каменский, не слушая, что говорит собеседник. - Теперь я понимаю, почему Суворов так презрительно отзывается о других!

- О ком, например? - насторожился Салтыков.

- Да хоть бы и о вас, Иван Петрович. Давеча, как вы на минутку ушли из комнаты, Суворов мне шепчет:

"Вы, шепчет, Михаил Федотович, знаете тактику, я - практику, а Салтыков, шепчет, не знает ни тактики, ни практики!" Каков?

Салтыков побагровел и вскочил с места.

- Ах, вот что! Ну, коли так, тогда пусть же он с одним Астраханским полком делает поиск! Я ему сигурсу не дам! Ни одного пехотинца! - стукнул он по столу кулаком. - Так и знайте - ни единого!

II

Астраханцев подняли барабаны.

Солдаты негештского отряда, разбуженные среди ночи, вскакивали и торопливо одевались. У всех в голове стояло одно - басурманы!

Каждый спрашивал: "Где? Сколько?" И недоумевал, почему, однако, не слышать еще ни выстрелов, ни яростных криков турецких янычар.

Солдат 1-й роты Воронов, на ходу перекидывая через плечо перевязь патронной сумки, бежал вместе с другими к полковой линейке.

Из всех палаток к линейке бежали всполошившиеся солдаты и офицеры. Но их ждало приятное разочарование: никаких басурман нигде не было. Из Букареста приехал новый начальник отряда, и ведено строиться к смотру.

Солдаты, повеселев, становились по местам. Они были удивлены: до сих пор ни один командир не подымал полк ночью. В рядах тихо обсуждали это диковинное событие.

- И чего выдумал - ночью устроить смотр!

- Пусть его смотрит. Нам же лучше, что не днем. В темноте не больно увидишь, скривил полк линию аль нет...

- Ну, не скажи, что нам лучше. А когда начнем метать артикулы по флигельману (Флигельман - солдат, делавший перед фронтом ружейные приемы, которые вслед за ним

повторял весь строй.), так в этаким тумане ты и не разберешь, что там флигельман делает!

Капралы ходили вдоль шеренг, напоминали:

- Прихлопывать по суме, не жалея рук! По ружью пристукивать покрепче!

И кое-кому из нерадивых и нерасторопных прибавляли одно-другое словечко для пущего внушения.

Вдоль фрунта, запыхавшись, пробежал толстый полковник Батурин, временно командовавший негоештским отрядом.

Солдаты ждали, что вот-вот раздастся: "Слушай!" - и начнется надоедливая, ненавистная ружейная экзерциция.

Но вместо этого скомандовали: "Направо во фрунт! Ступай!" - и вывели полк за деревянные рогатки, которыми был обнесен весь лагерь от набегов турецкой конницы.

Полк построили на площади возле монастыря в каре, оставив одну сторону каре незамкнутой для спешенной конницы.

В середину каре быстро вошел небольшого роста человек в генеральском мундире. За ним спешили старшие начальники отряда - толстый Батурин, высокий жилистый подполковник Мауринов и юркий майор Ребок.

Незнакомый небольшого роста человек, вероятно, и был новый командир. Астраханцы с любопытством смотрели на него, стараясь получше разглядеть в предутренних сумерках.

Воронов смотрел и силился вспомнить, где он видел его.

- Да это никак тот Суворов, что был у нас командиром, когда мы стояли еще в Петербурге.

Помнишь? - сказал Воронову его сосед, мушкатер Ключников.

Воронов не мог знать Суворова по Астраханскому полку: он только год назад попал в этот полк. Но помнил зато Суворова еще по Новой Ладогге. И когда Ключников напомнил ему, он сразу признал Суворова.

- Да, да, это Суворов! - обрадовался старому знакомому Воронов. - Такой же маленький, худенький. И все не постоит спокойно на одном месте. Я у него в Суздальском полку служил.

- Мало ли похожих! - сказал другой сосед Воронова, всегдашний спорщик в капральстве. - Генерал Каменский тоже невелик ростом...

- Да я те говорю, это он, - горячо ответил Воронов. - И тогда вот так же, бывало, подымет полк на ученье ни свет ни заря...

Ключников поддержал его:

- Правильно. П холоду так же не боялся - все в одном мундирчике. Глянь: у Батурина зуб на зуб не попадает, трясется, ровно студень, а Суворову хоть бы что. Это он!

После знойного дня ночь была, как обычно в Валахии, промозгло-сырая. Дул холодный северо-восточный ветер - "русский", как называли валахи. Солдаты поеживались в суконных мундирах, невыспавшиеся офицеры зябли без плащей, позевывая в кулак.

И только одному генерал-майору Суворову было нипочем: он стоял без плаща - ему скорее было жарко, нежели холодно.

Послышался топот лошадей. На рысях подошла конница - Астраханский карабинерный и казаки. Они быстро спешили и замкнули каре. Батурин скомандовал:

- Слушай! На караул!

Генерал-майор Суворов отделился от штаб-офицеров и крикнул:

- Здорово, молодцы-астраханцы! Здорово, старые друзья!

Уже многие из старослужащих астраханцев узнали своего бывшего командира. Весть о том, что этот генерал-майор - тот самый Суворов, который одиннадцать лет тому назад временно командовал Астраханским полком, в один миг пролетела по всему каре.

И дружное солдатское "здравия желаем" гулко ударило в стены монастыря.

III

Суворов сидел в пустой келье Негоештского монастыря. В разбитое окно тянуло ночной сыростью, надоедливые комары кусали открытую шею и лицо Александра

Васильевича, свеча оплывала и чадила, но Суворов ничего не замечал: он писал диспозицию к завтрашнему поиску на Туртукай.

Все эти три дня, что Суворов пробыл в Негоештах, он не знал ни сна, ни покоя.

В Негоешти Суворов приехал в ночь на, 5 мая 1773 года. Сделав пятьдесят верст в нестерпимо тряской молдаванской каруце, он и не подумал лечь отдохнуть с дороги, а тотчас же пошел знакомиться со своим отрядом.

Пехота - Астраханский полк - была ему знакома еще с 1762 года, когда Суворов, в чине полковника, временно командовал им. Многие астраханцы помнили Суворова. Они помнили его потому, что полковник Суворов обучал не так, как командиры других полков, - не любил излишнего парадного шума и грома, когда брали "на плечо" или "на караул". Обычно делали это с нарочитым пристукиванием по ружью, прихлопыванием по сумке - на прусский лад. Вместо пустого, ненужного звона ружейной экзерциции полковник Суворов налегал на повороты, захождения, стрельбу да на удар в штыки.

И здесь, в Негоештах, Суворов с первых своих шагов удивил весь отряд: поздоровавшись с войсками, он не стал делать никакого смотра, ни маршировки прусскими линиями, а запросто беседовал с солдатами - учил их не бояться врага, говорил, что негоештскому отряду надобно во что бы то ни стало разбить турок на том берегу у Туртукай.

Астраханцы слушали с удивлением. Где это видано, чтобы генерал так просто говорил с солдатом, как ровня. Эта простая беседа была всем в диковинку.

Поговорив с войсками, Суворов разделил отряд пополам и заставил конницу - Астраханский карабинерный - идти в атаку на пехоту.

Первая сквозная атака прошла не очень благополучно: кони боялись идти на штыки, шарахались в сторону, несколько человек получили ушибы. Но когда Суворов повторил сквозную атаку раз и другой, дело пошло глаже.

С этого утра в негоештском отряде началась учеба по суздальскому образцу: никакой пустой шагистики, а только атака, только штурм. Суворов учил, чтобы солдат не делал ни шагу назад, учил наступать.

Суворов деятельно готовился к поиску.

На реке Аржисе, которая протекала в версте от негоештского лагеря, Суворов нашел двадцать косных - узких и легких - лодок. Каждая лодка могла поднять тридцать человек. Нужно было починить, осмолить лодки, назначить к ним гребцов. Суворов выбрал из астраханцев тех солдат, которые жили близ рек и озер и умели грести. Отрядил людей заготовить шесты, багры, сделать сходни.

Работа кипела. Надо было все предусмотреть, ничего не упустить, за всем наблюдать самому.

На второй день Суворов с казачьим есаулом Сенюткиным съездил к Дунаю и осмотрел место для переправы.

Противоположный берег Дуная, занятый турками, был очень высок и крут. Он перерезывался оврагами, покрытыми кустарником и лесом. Из-за кустов виднелись пушки турецких батарей. Турки не спускали глаз с левого берега, и стоило показаться на нем пешему или конному, как они начинали стрелять из ружей, хотя Дунай в этих местах был больше трехсот сажен шириной.

Против Аржиса покачивалось на волнах турецкое судно. Его орудия держали под обстрелом все устье этого притока.

Суворов тогда же решил, что все лодки придется перевезти к Дунаю на волах - иначе турки не дадут им выйти из Аржиса. Возникла новая забота подготовить подводки для перевозки лодок.

Но это были пустяки.

Главное препятствие заключалось в другом: для поиска все-таки не хватало пехоты. Суворов прикинул: под ружьем оставалось не более пятисот человек. С этой горстью людей надо было произвести амбаркацию (Амбаркация посадка десанта на суда.), переправиться через Дунай, высадить десант на крутой берег, с боем пройти овраги, промоины, штурмовать

четыре батареи и три лагеря.

Биться с врагом, которого в Туртукае, по донесениям лазутчиков, в пять раз больше, чем русских в отряде Суворова.

Суворов несколько раз писал Салтыкову в Букарест, просил прислать подкрепления. Но "Ивашка" почему-то молчал. Суворов слал гонца за гонцом. Он знал, что от удачного исхода поиска зависит все осуществление его заветных дум.

Румянцев доверил ему это дело, но если поиск не удастся, Суворову не поручат больше никакой операции, где можно выявить себя. И будешь бесславно доживать век, как многие генерал-майоры. Прощай тогда все мечты, которые он лелеял с детства,-стать великим полководцем.

Потому Суворов не спал. Он всюду поспеивал сам - смотрел за гребцами, проверял, сделаны ли шесты, багры: ночью водил астраханцев в атаку - приучал к ночному бою, собирал обывательские подводки для перевозки лодок и, наконец, сегодня устроил пробную амбаркацию - пехота довольно быстро садилась в лодки.

Суворов предполагал выступить из Негоешт к урочищу Ольтениц, которое лежало в трех верстах от Дуная, сегодня, в ночь с 7 на 8 мая. Но пришлось отложить еще на один день - проклятый "Ивашка" не присылал подкрепления, и только сегодня к вечеру вернулся гонец: князь Мещерский с остальными тремя эскадронами карабинеров шел в Негоешти.

Это походило на насмешку. Конницы у Суворова и без того хватало, - да и той в поиске предстояло не много работы: впереди была река, с лошадьми трудно переправиться. И для штурма лагеря и батарей нужнее пехота, чем кавалерия. А "Ивашка", как назло, чтобы сорвать поиск, не прислал ни одного пехотинца.

Суворов рвал и метал.

"Но погодите ж, я и так возьму Туртукай!" - думал он.

Он писал подробную диспозицию, чтобы не только офицеры - всякий солдат знал маневр начальников.

Первый пункт, о переправе, закончен. Все силы расставлены. Каждый имеет определенное место. Осталось написать диспозицию атаки и возвращения после разгрома Туртукая.

Суворов бросил перо, вскочил и зашагал по каменному полу монастырской кельи, потирая искусанную комарами шею.

Пройдя раз-другой из угла в угол, он подбежал к столу: нужное, сильное, отвечающее всему его поиску начало второго пункта диспозиции было найдено.

Суворов сел и написал:

"Атака будет ночью, с храбростью и фурией (Яростью.) российских солдат".

IV

Уже начинало темнеть, когда весь отряд Суворова - пехота и конница, семь пушек и обывательские фуры, запряженные волами, на которых Суворов собирался незаметно для турок перевозить к Дунаю свои лодки, - подошел к невзрачным желтым мазанкам урочища Ольтениц, расположенного на горе. Одновременно с сухопутными войсками приплыли по Аржису до Ольтениц двадцать косных лодок.

Все были в сборе.

До Дуная оставалось четыре версты.

Суворов поставил войска в лощине у Ольтеница, а сам с казаками Сенюткина поехал поближе к реке.

Суворову не понравилось, что среди казаков он заметил пьяных. Он подозвал есаула Сенюткина и спросил у него:

- Что это, Захар Пахомович, у тебя сегодня казачки навеселе?

- Есть грех, ваше превосходительство, - выпили малость ради Иванова дня, - смущенно почесал затылок есаул.

- Иванов-то в святцах, помилуй бог, шестьдесят один в году! -сказал, иронически поглядывая на есаула, Суворов.

- Так-то оно так, да не извольте, Александр Васильевич, беспокоиться: ужо к делу все тверёзы будут!

- Гляди у меня!

Выехали из лесу. До реки оставалось версты две. Суворов велел казакам расположиться на опушке леса и выслать дозоры к Дунаю, а сам с ординарцем сержантом Горшковым лег чуть впереди их, на пригорке под одиноко стоящим дубком.

Ночь была сырая. Суворов завернулся в плащ и лежал, глядя в чистое, звездное небо. Он плохо и мало спал все эти ночи в Негоештах, но и сейчас не мог сразу уснуть.

В двух шагах, почти над самой его головой, кони, привязанные к дубку, щипали траву. Трава вкусно хрустела у них на зубах. Кони то и дело всхрапывали, звякали перекинутые через седло стремяна.

Комары пели всегдашнюю песню, кружась над лицом. От реки тянуло свежестью. Стайка уток поднялась из камышей и пронеслась к Аржису. С правого берега доносился мирный лай собак.

Молодой сержант Горшков тотчас же захрапел, а Суворов лежал и думал.

Как-то удастся завтра переправиться? И как вообще окончится весь поиск? Все-таки очень мало пехоты. Проклятый "Ивашка!" Завтра - Николин день, завтра решится все: вся судьба Суворова, вся его жизнь. Завтра еще раз будет проверено, прав ли он, что главное на войне не все эти четырехверстные прусские линии, а солдат. Что побеждает не тот, у кого солдаты исправно "мечут артикулы" и маршируют как один, а тот, чьи солдаты уверены в себе, в своей силе, в своей победе, чьи солдаты знают, чего от них хочет полководец.

Если бы здесь были его суздальцы! За три дня немногому можно было научить астраханцев...

Потом перед глазами Суворова предстала мясистая недовольная рожа полковника Батурина. "Зол, что не он начальник негоештского отряда. Послужи, заслужи, братец! Потяни лямку, как тянул генерал-майор Суворов! Небось, солдатом-то наверняка не служил!"

И одно за другим мелькнули воспоминания прошлого: солдатская служба в лейб-гвардии Семеновском полку, офицерство, учеба, книги...

Мысли перебивали одна другую. Суворов заснул.

Он проснулся от топота сотен конских копыт, от неистового крика "алла".

- Ваше превосходительство, турки! - крикнул над его ухом Горшков.

Суворов вскочил. Еще чуть рассветало. От Дуная мчалась прямо на них целая лавина спагов.

"Проспали! Пропили, казачки! Весь поиск пропал! Все погибло!" мелькнуло в голове.

- Ваше превосходительство, садитесь! - кричал перепуганный Горшков. Он вертелся на лошади, держа в поводу генеральского коня.

Суворов схватил из рук Горшкова поводья и прыгнул в седло.

Из лесу с гиканьем и криком выскочили казаки Сенюткина. Они ударили во фланг туркам и смяли их.

Дерзкий набег турок обошелся басурманам дорого: от широкого Дуная до лесу валялось восемьдесят пять изрубленных казаками спагов. Казаки и подоспевшие карабинеры гнали турок до самой реки. Не один турок остался лежать в высоких прибрежных тростниках. Несколько человек утонули в быстром Дунае.

В плен попали сам предводитель турецкого отряда, седобородый Бим-паша, правая рука туртукайского паши, два аги (А г а - начальник.) и шесть спагов.

Русские потеряли семь казаков ранеными и двух убитыми: турки, переправившись, сняли их, сонных, на берегу.

Суворов отправил пленных к "Ивашке" как первые трофеи.

С одной стороны, он был недоволен: турки уже знали, что русские войска стоят у самого Дуная, - стало быть, готовятся к делу. Вся неожиданность, внезапность удара пропала. Да и прошло намеченное время для переправы - уже наступил день.

Но, с другой стороны, Суворов был доволен: первая стычка окончилась полным поражением врага. Он знал суеверие турок: если при первой встрече с противником турки бывали побиты, они считали, что все их дело погибло и что им суждено быть побитыми и в дальнейшем.

Суворов решил не откладывать поиска, а произвести его в эту же ночь.

- Сегодня турки нас не ждут, а мы и нагрянем! - И он написал Салтыкову: "На здешней стороне мы уже их побили!"

V

Атака будет ночью, с храбростью
и фурией российских солдат.

Диспозиция

Грузные меланхоличные волы медленно тащились по дороге, подымая облака пыли.

Астраханцы, двигавшиеся сзади двумя колоннами, посерели от пыли. Особенно доставалось головной 1-й роте, которая шла непосредственно за фурами. Пыль набивалась в глаза, рот и нос, в горле пересыхало. Солдаты чихали и поминутно сморкались. Но делать было нечего - волов пустили вперед нарочно, чтобы ввести в заблуждение турок: глядя издали, с высокого правого берега Дуная, можно было подумать, что от Ольтениц к реке движется в вечерних сумерках огромное войско.

На самом же деле за обывательскими фурами шло всего-навсего пятьсот человек - все, что осталось в Астраханском пехотном полку после того, как из него были наряжены люди в гребцы и выделена рота для охраны десанта.

Фуры тащились порожем - перевозить лодки к Дунаю сухим путем уже не было надобности: турки, после неудачного набега, отвели к своим берегам судно, которое держало под обстрелом устье Аржиса. Теперь Суворов мог спокойно спустить двадцать косных лодок по Аржису до самого места переправы.

Когда подошли к берегу, пехоту укрыли в прибрежных кустах и тростнике. Солдаты облегченно вздохнули.

Они протирали глаза, вытирали рукавами, платками, полами мундира - кто чем мог - запыленные лица.

Воронов, как мушкатер 1-й роты, запылится в дороге основательно. Он встряхнул свой мундир, вытер рубашкой грязное лицо и сидел, ожидая наступления темноты;

Суворов выбрал для поиска самое необычное время - ночь, чтобы скрыть от турок малочисленность своего отряда.

1-я рота расположилась в кустах. Солдаты отдыхали, жевали сухари, некоторые уже дремали. Воронову спать не хотелось. Он смотрел, как по берегу бегают неутомимый генерал-майор.

Суворов сильно похудел за эти дни, глаза у него ввалились, но никто не видал, чтобы генерал-майор хоть минутку посидел без дела.

В диспозиции, которую сегодня несколько раз читали отряду, было точно указано, что делать каждому. Но Суворов хотел во что бы то ни стало вырвать победу у турок и потому не жалел сил на подготовку поиска.

Вот на берег, глубоко увязая в песке колесами, въехали пушки. Суворов засуетился возле них. Он сам выбирал место для пушек. Когда же одна из них как-то больше других застряла в песке и лошади не могли взять ее с места, Суворов первым подскочил к пушке и схватился за колесо. Но подбежали артиллеристы, и усатый канонир сказал с улыбкой:

- Не извольте марать руки, ваше превосходительство. Это мы враз!

Установив орудия, Суворов поговорил с подполковником князем Мещерским.

Мещерский только вчера прибыл из Букареста с последними эскадронами астраханских карабинеров. Суворов совершенно не знал Мещерского и потому оставил его прикрывать переправу и не допускать турок на русский берег. Суворов указывал Мещерскому, где и как лучше расположить конницу.

И весь этот вечер небольшая фигурка генерал-майора, в пропыленном мундире, с

треуголкой в руке, мелькала то тут, то там.

Наконец стемнело. К берегу неслышно подплыли лодки, благополучно вышедшие из Аржиса в Дунай.

Суворов приказал начать амбаркацию.

Втихомолку, без барабанов, подняли роты. Как было указано в диспозиции, на лодки сажали только пехоту. Казаки и карабинеры пока оставались на месте. Астраханцы, которых Суворов вчера заставил два раза произвести пробную посадку, быстро, без излишней толчеи, расселись по местам.

Турецкие батареи стояли против устья Аржиса. Суворов же переправлялся ниже, верстах в трех, где Дунай всего триста сажен в ширину и где на правом берегу расположены только два турецких пикета.

Воронов попал во вторую лодку.

Хотя старались не делать лишнего шума, но все-таки невозможно было вовсе уберечься от него: то кто-нибудь, оступившись в темноте, ударял прикладом ружья о лодку, то гребец неловко задевал шестом сходню.

В лодках приказано было сидеть тихо, не разговаривать и не высекать огня. Двадцать лодок плыли одна за другой. Все с тревогой поглядывали на темный молчаливый правый берег. Днем он, покрытый дикими розами и терновником, был чрезвычайно живописен, а теперь, в полутьме, возвышался как грозная, страшная стена. Подплыть совершенно незаметно к нему было, конечно, невозможно - на воде хорошо различались силуэты лодок.

Воронов сидел и думал, как все:

"Скоро ли заметят нас басурманы?"

Лодки уже выплывали на середину реки.

Все еще пристальнее вглядывались в высокий, поросший кустами и лесом турецкий берег. Глаза выискивали притаившегося в этой темноте коварного врага. Но, как ни напрягали зрение, нельзя было увидеть на правом берегу никакой тревоги.

- Неужто не заметят, просят? - наклоняясь к Воронову, сказал шепотом Ключников.

И вдруг просвистела первая пуля. За ней полетели десятки. Началась беспорядочная стрельба.

Стреляли с обоих турецких пикетов. Солдаты крестились, снимая треуголки. Немного погодя на высоком берегу блеснул огонек, и над Дунаем прокатился гром - турецкая батарея стреляла по десанту.

Гребцы налегли на весла.

Князь Мещерский отвечал туркам со своего берега. Турки продолжали стрелять по лодкам, но безрезультатно: они стреляли в темноте и с большого расстояния - ядра не долетали до лодок.

Быстрое течение Дуная сносило лодки вниз. Наконец лодки благополучно пристали к берегу, на версту ниже назначенного места. Солдаты, один за другим, прыгали на берег. Ключников оступился и упал по пояс в воду.

- Ружье береги! - крикнул откуда-то знакомый голос генерал-майора.

В несколько минут астраханцы высадились на турецкий берег. Построились, как было указано в диспозиции, в два кара. Первая колонна под командой полковника Батурина, вторая - подполковника Мауринова. Резерв вел майор Ребок. Впереди рассыпались стрелки.

Не успели пройти и десятка сажен, как стрелки наткнулись на неприятеля. Защелкали выстрелы. Турецкий пикет был мгновенно опрокинут и бежал к своим лагерям. В темноте только трещали кусты да сыпалась из-под ног земля. Миновали место второго турецкого пикета. У догоравшего костра валялась чалма, лежал оставленный ятаган.

Здесь Суворов разделил отряд: Мауринова с его колонной отправил налево к лагерю паши, перед которым стояла батарея, а сам с колонной Батурина двинулся вдоль берега. Суворов заходил во фланг турецкой батарее, защищавшей центральный лагерь.

В турецком лагере слышались крики. Очевидно, турки узнали о переправе русских.

Солдаты, ободренные благополучной переправой и первыми успехами, весело

переговаривались:

- Ишь, загудел улей...

- Паше спать помешали!

- А у них, брат, жен у каждого - по десяти... Астраханцы шли в темноте через рытвины, промоины, овраги, продирались сквозь кусты, то спускались вниз, то подымались наверх.

Подошли к крутизне, на которой стояла четырехпушечная батарея. Шутки смолкли: все знали-турки за прикрытием всегда дерутся ожесточеннее, чем в поле.

Когда первые ряды астраханцев вышли из кустов и стали подыматься на обрыв, турки засыпали их пулями. Грохнул залп из четырех орудий.

В колонне сразу повалилось больше десятка людей.

Клюшников, шедший рядом с Вороновым, вдруг присел, схватившись за ногу.

Но астраханцы мужественно выдержали огонь. Вот когда на деле пригодились сквозные суворовские атаки.

Астраханцы бросились на крутизну. Воронов, цепляясь за кусты и ежесекундно скользя, карабкался вместе со всеми наверх. Впереди, сзади, с боков только и слышались запыхавшиеся, торопливые голоса:

- Живее, живее!

- Пошел скорей!

Все спешили на гору. Люди падали, катились вниз, вставали и снова продолжали лезть наверх.

Воронов зацепился за какие-то корни и растянулся. Кто-то в темноте наткнулся на него, выругался и, перешагнув, побежал дальше. Воронов вскочил. Передние ряды астраханцев уже прорвались на высокий бруствер, которым была обнесена батарея.

Впереди, в толпе, Воронов на мгновение увидел знакомую фигуру Суворова.

"Ишь, не отстает!" - подумал он и с криком "ура" кинулся вперед.

Все смешалось. В полутьме только по чалмам можно было отличить врагов от своих.

Суворов, разгоряченный свистом пуль, бежал вперед, насколько позволяли силы.

Приземистый янычар выскочил из-за куста и взметнул над головой кривым клинком. Суворов, больше наугад, привычно отпарировал удар. Сталь звонко чиркнула по стали. Суворов едва удержал в руках шпагу - так силен был удар. Он отпрыгнул назад, готовясь к следующему нападению. Янычар снова занес шашку. Суворов отбил и это нападение.

И тут из-за плеча Суворова кто-то выстрелил в янычара. Турок упал.

Суворов побежал вперед, к орудиям. Три орудия были уже в руках у русских. Только вокруг последнего шла свалка - турецкие артиллеристы отбивались шашками и ятаганами от астраханцев. Суворов поспешил туда.

Но не успел он сделать двух шагов, как впереди что-то грохнуло и ударило в грудь. Суворов отлетел в сторону и упал, больно стукнувшись боком о сломанный лафет. В глазах пошли круги. Захватило дух.

Сержант Горшков и какой-то солдат подняли Суворова. Суворов стоял, левой рукой держась за ушибленный бок, а правой судорожно сжимая эфес шпаги.

Он огляделся - четвертое орудие чернело на земле. Вокруг него лежали тела турок и русских. Кто-то стонал. Суворов догадался: пушка разорвалась, перебив и переранив окружавших ее.

Горшков хотел вести Суворова назад, к реке, но Суворов отстранил его, мотая головой. Он едва нашел в себе силы выдать:

- Ничего, вперед!

И, прихрамывая и потирая левый бок рукой, он побежал к турецкому лагерю, из которого астраханцы гнали штыками обезумевших от страха разбитых турок.

VI

Подлинно мы были вчера

veni, vidi, vici, (пришел, увидел, победил)

а мне так первоучинка.

Письмо Суворова к Салтыкову после Туртукая

За три часа поиск был удачно окончен - семьсот человек русских разбили у Туртукая четыре тысячи турок.

Когда русские овладели всеми тремя лагерями, князь Мещерский отправил на помощь сто пятьдесят охотников из карабинеров и шестьдесят казаков Сенюткина. Лошади плыли за лодками.

Турки были разбиты и бежали, кто - к Шумле, кто - к Рущуку.

Несчастливо начинавшийся поиск, который из-за непонятной медлительности и несговорчивости упрямого и глупого "Ивашки" неоднократно стоял под угрозой срыва, закончился столь удачно. Русские войска взяли 6 знамен, 16 пушек и захватили 51 судно на Дунае.

Суворов был счастлив - первая самостоятельная операция выполнена отлично. Все уже сделано, можно возвращаться восвояси с победой и трофеями. Суворов даже не обращал внимания на то, что болят контуженные бок и грудь. Он ждал только, когда вернутся две роты, посланные в Туртукай взорвать пороховой магазин и сжечь весь город.

Он ходил по площадке холма, глядя вниз, на Дунай, где у лодок копошились солдаты. Они переносили раненых, волокли на сходни турецкие пушки, - две из них, наиболее тяжелые, пришлось сбросить в Дунай.

Из Туртукая шли группами, ехали на волах обыватели - болгары, валахи, молдаване. Суворов приказал переправить их с имуществом на русскую сторону.

Но вот раздался оглушительный взрыв. Весь Туртукай заволкло дымом, потом прорвалось, запылало резвое пламя: это взорвали пороховой склад. Один за другим занимались дома, горела мечеть, пылал дом паши.

"Можно, пожалуй, писать донесения", - подумал Суворов. Он пошарил в карманах - бумаги не оказалось.

- Горшков, нет ли у тебя бумаги?

- Есть небольшой клочок, ваше превосходительство, - ответил сержант, подавая измятую осьмушку. Суворов повертел в пальцах серый листок.

- Маловато. Ну да ничего. Я кратко напишу: победа сама за себя скажет!

Он сел на пенек и задумался. Первое надо написать "Ивашке". Этому упрямому глупцу.

Разорвал листок пополам. Написал:

Ваше сиятельство,

Мы победили! Слава богу, слава вам!

А. Суворов

Взялся писать второе, графу Румянцеву! А в уме вдруг возникли рифмованные строчки: вспомнилось старое! Что, ежели так и написать, стихами? "Ивашке" этого нельзя было бы, но графу Петру Александровичу - вполне можно: он во сто крат умнее "Ивашки". Он не обидится, он - поймет!

И генерал-майор написал главнокомандующему донесение:

Слава богу, слава вам

Туртукай взят, и я там!

Из-за Дуная вставало яркое солнце.

Глава четвертая

ВАРЮТА

Коль дойдет когда нам дело

До войны иль до любви,

Наши всюду идут смело,

Жар весь чувствуя в крови.

Солдатская песня

I

В церквах только ударили к заутрене, когда Суворов приехал в Москву. Снег на улицах еще казался голубым. Окна домов были темны; лишь кое-где мелькал огонек.

Москва просыпалась.

Сани легко бежали по выезженной, раскатанной дороге. Суворов лежал на дне саней, запахнувшись в шубу и засунув в рукава озябшие руки, - ни перчаток, ни рукавиц он никогда нешивал. Ноги, обутые в легкие сапоги, зашлись от холода - еще перед заставой начало покалывать в пятки.

"Ничего, теперь уж скоро! - думал Александр Васильевич, стуча нога об ногу и глядя по сторонам. - Вот батюшка удивится и обрадуется моему неожиданному приезду!"

Стал думать об отце.

Василий Иванович Суворов вышел в отставку и жил дома, занимаясь любимым делом - хозяйством в своих поместьях. Хозяин он был расчетливый, бережливый - недаром в Семилетнюю войну царица поручила ему сначала провиантское дело всей армии, а потом назначила губернатором завоеванной Восточной Пруссии. Число поместий у Василия Ивановича не уменьшалось, а год от году росло. Отец Василия Ивановича оставил ему только триста душ крестьян, а у него к 1774 году набралось их уже до двух тысяч.

Заветной мечтой старика Суворова было одно: чтобы Сашенька поскорее бросил эту беспокойную военную службу и принял из его рук все поместья.

Сашенька мало чем походил на отца. Василий Иванович любил тихую помещную жизнь и ненавидел военную, а сын с детства только и бредил сражениями да походами.

Но Василий Иванович с радостью видел: в одном отношении сын все-таки пошел в него - был так же бережлив. На такого сына можно спокойно оставить все нажитое - Саша не промотает, не пропьет. Оттого каждый раз, когда сын приезжал из армии домой, Василий Иванович непременно заводил с ним всегдашний разговор: чтобы Саша поскорее оставил военную службу.

Несмотря на то, что сын дослужился уже до генеральского чина, отец все-таки считал, что Саша зря служит в армии. Василий Иванович прочил его с детства в гражданскую службу, а вышло совершенно иное.

И во всем этом был виноват старый приятель и сослуживец Василия Ивановича, питомец Петра I, арап Ганнибал.

Однажды генерал Ганнибал заехал к Суворовым. Саше тогда шел двенадцатый год. Увидев Сашу за чтением Вобана, Ганнибал спросил у Василия Ивановича, в какой полк он записал сына.

Суворов ответил, что он никуда не записывал сына, потому что хочет, чтобы Саша служил в гражданской службе.

Ганнибал взбеленился. Он так заворочал своими белками, что Василий Иванович опешил.

- У тебя один сын, а ты хочешь сделать его приказным? Стыдись, Василий Иванович! - усовещевал он приятеля.

- Да ведь посмотри, какой он слабенкий и худой. С его ли здоровьем служить в армии? - говорил Суворов.

- В детстве все мы таковы,- ответил арап.- Такой худенький до ста лет проживет!

И Ганнибал уговорил приятеля записать Сашу в Семеновский полк.

Василий Иванович потом не раз жалел об этом. Он с каждым годом все больше приходил к мысли, что был прав: никакого особенного дарования к военному делу у сына, кажется, не обнаруживалось, как Саша ни твердил всегда об этом.

Во время Семилетней войны Саша не усидел на спокойном месте в штабе 1-й дивизии Фермора, куда его устроил отец, а отпросился в легкий корпус генерала Берга. После окончания кампании Берг дал о Саше лестный отзыв, как о прекрасном кавалерийском офицере, написал, что Александр Суворов "быстр в рекогносцировке и отважен в бою". Но мало ли было в русской армии кавалерийских офицеров, о которых лестно отзывалось их начальство!

Затем Саша командовал Суздальским пехотным полком.

Это назначение Василий Иванович одобрял. Полковые командиры обычно присылали

солдат в свои поместья помогать во время сенокоса и уборки хлеба, руками солдат полковые командиры строили усадьбы. Да ведь Саша не такой, как все: он ни разу не прислал в свои поместья ни одного солдата. Правда, его полк стоял далеко от Москвы, но при желании можно было перевестись поближе к родным местам.

Василий Иванович был сам человеком неподкупной честности и не ждал от сына того, что Саша, по примеру многих полковых командиров, сколотит себе деньгу на солдатском довольствии. Ему доставляло неприятность другое - сын тратил на полковые нужды все свое полковничье жалованье. Человеку было уже тридцать пять лет, пора бы, кажется, наживать добро, а он еще ничего своего не имеет.

Потом Саша получил в командование бригаду, с которой участвовал в польской кампании. Театр этот был опять-таки второстепенный, все лучшие генералы сражались на юге, с турками.

Саша вернулся из Польши генерал-майором, с орденами Александра Невского, Анны и Георгия 3-го класса, а главное, что всего было приятнее Василию Ивановичу, - императрица пожаловала Александру Суворову тысячу червонных.

Генерал-майорство и ордена Саша получил уже в сорокалетнем возрасте, в то время как другие, у которых, вероятно, было больше способностей к военному делу, продвигались по службе значительно быстрее. Например, Михаил Каменский уже в двадцать девять лет командовал бригадой и был отправлен к самому королю Фридриху II учиться прусской тактике. А князь Николай Репнин в двадцать восемь лет получил генерал-майора и, кроме того, назначение полномочным министром в Польшу с ежегодным жалованьем в двадцать тысяч рублей.

Вот таким стоило служить в армии и дальше!

Василию Ивановичу было ясно: Саша, как всегда, только из упрямства делает все по-своему, никаких особенных талантов у него нет. Напрасно он тянул столько лет солдатскую лямку. Лучше бы обзавелся семьей и: сидел бы дома, смотрел за поместьями.

Отец знал, что Саша очень самолюбив. Он с детства мечтал о славе: воображал себя то великим полководцем, то великим писателем.

Василий Иванович считал: из сына тогда не получилось писателя, теперь не выйдет полководца.

Да разве мало быть просто честным человеком? Разве мало заниматься своими поместьями, хозяйством? Ведь труд сельского хозяина так же почетен, как и работа воина.

Василий Иванович не терял надежды на то, что сын наконец послушается его и выйдет в отставку. Главным доводом его было слабое телосложение сына.

- Ты не вынесешь военной жизни, - постоянно твердил Саше отец.

Он не переставал убеждать Сашу всякий раз, как сын возвращался домой. И теперь Суворов ждал такого разговора.

"Не проговориться бы, что в Негоештах меня свалила с ног проклятая лихорадка!" - подумал Александр Васильевич. И тотчас же Суворову вспомнилось, как в июне, когда был задуман второй поиск на Туртукай, лихорадка так затрясла его, что он не мог ходить и от слабости чуть говорил.

Но все-таки Суворов сам руководил поиском и сам вел войска в бой, хотя два офицера поддерживали его под руки, а адъютант передавал его приказания, которые Суворов едва шептал. И все-таки во второй раз турки были разбиты.

Суворов улыбнулся.

"Теперь о суворовской тактике знает вся армия, знает матушка императрица!"

...Суворов оглянулся - сани мчались уже по знакомой, родной Царицынской улице.

Вот уже и церковь Федора Студита. Та же красная кирпичная ограда, железная калитка и, кажется, все те же нищие на паперти. А за церковью третий дом, одноэтажный, каменный - их, суворовский.

Суворов издали увидел: свет только в поварне да у батюшки, в угловой горнице. Старик проснулся, жалеет жечь свечу и сидит при лампадке.

Сани остановились у калитки. Суворов скинул с плеч шубу, легко и быстро перебежал к черному крыльцу и с удовольствием застучал намерзшими сапогами по ступенькам. Вбежал в сени. Справа, из людской половины, где помещались музыканты, певчие и прочая дворня, открылась дверь и выглянула чья-то голова.

- Молодой барин! - услышал Суворов за собой. Суворов бежал привычным путем через все нежилые, нетопленные комнаты большого дома. В них гулко отдавались шаги. Сквозь замерзшие окна лился голубой утренний свет. Скорее угадывая, чем различая в этой полутьме, Суворов увидел в зале изразцовую печь, ломберный стол, какие-то кадки на полу, холст на креслах.

"Должно быть, недавно приезжали из подмосковной с припасами".

Впереди распахнулась дверь. На пороге показалась знакомая фигура отца в халате и туфлях.

- Сынок! Сашенька!

Генерал-майор Суворов упал на колени, целуя небольшую сухую руку отца. Отец поднял, обнял его.

- Ступай, ступай ко мне, тут холодно! - говорил он, подталкивая сына в жарко натопленную горницу.

Суворов сбросил на руки дворового человека, который бежал следом за ним по всем комнатам, свой настывший плащ и шляпу и, потирая руки, заходил по горнице.

- Ну, что, папенька, как живы-здоровы? Как Аня, как Манечка? - спросил Суворов о сестрах.

- Слава богу, все здоровы. А ты, Сашенька, не озяб ли? Гляди, не простудился бы!

- Ничего. Мне не холодно было - я ведь в шубе ехал.

- У нас морозы стоят настоящие. Давеча из Рождествена привезли продукты - битую птицу. Так гуси и утки словно каменные. Хорошо продали птицу, - рассказывал сыну Василий Иванович, - да и грибов пуда четыре. Ты, может, отдохнешь, приляжешь? - сказал он, увидев, что сына не очень-то интересуют хозяйственные дела.

- Я, папенька, выспался в дороге, - покосился на пуховики отца Суворов.

Дворовый человек зажег свечу. Комната осветилась. Шкаф с книгами. Стол, на нем тетради с записями прихода и расхода. Часы в деревянной подставке. Бронзовая чернильница. Все знакомое с детства.

- А ты что-то худоват нынче, Сашенька. Здоров ли? - спросил отец, пристально глядя на сына, ходившего из угла в угол.

- Здоров, слава богу!

- Может, с дороги рюмку водки выпьешь? С морозу хорошо.

- Я, пожалуй, раньше умоюсь, - ответил Александр Васильевич. - Тебя как звать? - обернулся он к дворовому человеку, который стоял у двери, с любопытством разглядывая молодого барина-генерала.

Это был толстощекий парень с крупным носом.

- Прохор, - глухим басом ответил он.

- Экий у тебя голос - ровно у протодьякона, - заметил Суворов, оглядывая парня.

- Определил его в певчие, да толку мало: одно знает - водку хлестать. Хочу в Кончанское отправить, - сказал Василий Иванович.

Прохор виновато потупил глаза. Насупившись, смотрел в пол.

- Ну, Прошка, тащи в баню два ведра воды. Я следом иду, - приказал ему Суворов.

Прошка глядел, не понимая, что это значит. Его сомнения тотчас же высказал старый барин:

- Сашенька, да ведь баня-то не топлена. Обожди, велю к вечеру истопить.

- Я и в холодной окачусь! - ответил Суворов, накидывая плащ. - Ну, чего ж ты стоишь? Ступай! - сказал он Прошке. - Да полотенце не забудь!

Прошка исчез за дверью.

- Ведь эдак, упаси господи, простудишься, сляжешь! Ведь не лето же, а декабрь на

дворе. Через неделю рождество!-говорил отец.

- Ничего не будет-не впервой!-улыбнулся Суворов, выходя из горницы.

Василий Иванович от досады только хлопнул себя руками по халату.

"Опять за свое! Строптив, точно покойная Авдотьюшка!"-огорченно подумал он.

...Отец и сын завтракали. Был филипповский пост. На столе стояло одно постное: жареная рыба, моченые грибы, кислая капуста, соленые огурцы и любимое блюдо Александра Васильевича - тертая редька.

После того как Прошка окатил молодого барина холодной водой, он ел с аппетитом. Суворов выпил большую чарку водки и теперь закусывал, рассказывая отцу о военных делах, о том, как он дважды делал поиск на Туртукай и оба раза побил турок.

- А кроме тебя кто-либо ходил еще за Дунай? - спросил отец.

- Как же, ходили. Полковник Репнин. На Марутянский лагерь делал поиск. Потерял две пушки и сам с тремя штаб-офицерами попался в плен. Герой! усмехнулся Суворов.

- Чьей он дивизии? :

- Да все нашей, второй, этого дурака Ивашки Салтыкова, - отрезал Суворов.

- Отец его, Петр Семенович, тоже не бог весть какого ума, хоть и фельдмаршал. Добрый человек, это верно. И хозяин рачительный - погляди, как он в своем подмосковном Марфине управляется. Богат! - по-своему оценивал людей Василий Иванович. - А кто еще из генералов там?

- Именитый прусский тактик Каменский, - язвительно процедил Суворов.

- Каменские - тоже хозяева неплохие! Правда, у них вотчина в Орловской губернии. Там земли жирные, не чета нашим володимирским. Мне бы их село! У Каменских в одном Сабурове три тысячи душ, вот! - с завистью сказал старик.

Но ни чужие поместья, ни богатства не трогали Александра Васильевича.

- Что ж, Сашенька,-сказал, немного помолчав, отец,-наслужился, слава те господи! Начальники тобой довольны, императрица отличила - дала второй класс Георгия. Думаю, что к Новому году получишь генерал-поручика. Теперь пора и на покой! Суворов даже перестал есть.

- Да что вы, папенька! - вспыхнул он.

- А то, что пора и о себе подумать, не все ж о благе отечества! ответил Василий Иванович. - Здоровья ты слабого, и отставку тебе матушка даст.

Суворов швырнул вилку, выскочил из-за стола и забегал по комнате. Потом ткнулся на стул у топившейся печки. Сидел, смотрел на весело, с треском горевшие дрова.

Он был зол. И как не злиться? Всю жизнь, с самого детства, вечный спор с отцом из-за военной службы. У отца не было никакой склонности к военной службе, он не любил ее, тяготился ею и никак не понимал, не, мог поверить в то, что сын - прирожденный полководец. Василий Иванович медленно ел жареного окуня и думал:

"Весь в мать. Та, царство ей небесное, бывало рассердится - вот так же: фырк-фырк, и вон из-за стола. Упрямец был, упрямец и остался. Это он по их роду, по Мануковым пошел. У Суворовых таких строптивых нет!"

- Ну, коли так уж хочется, служи! - сказал Василий Иванович, вытирая рот уголком скатерти. - Только хоть раз послушай отца. Я стар, скоро умру. Подумай, на кого я оставлю все это, что нажил,- обвел он кругом рукой.Сестры замужем, отрезанный ломоть. Один ты.

Александр Васильевич молчал, искоса, через плечо, поглядывая на отца. Видимо, хотел что-то сказать, но сдерживался. Он и сам не раз уж подумывал о женитьбе, да заняться этим все как-то, было недосуг. Но теперь отец завел разговор некстати: связал женитьбу с отставкой, и Суворов взбеленился.

"Не мытьем, так катаньем хочет! Женитьбой привязать к поместьям? Нет, юбкой меня не отобьешь от намеченной цели!"-думал он.

А отец продолжал:

- Тебе сорок три года, а я уже в двадцать пять был женат. Женись, Сашенька, послушай

старика. Подумай: ты один у меня, да и то приезжаешь домой раз в три года. Чужие люди мне глаза закроют. Живу одинешенек, как бирюк!

Суворову стало жаль отца. Последние его доводы были убедительны и справедливы.

"Действительно, на старости лет - живет один. Бедный! Что ж, может, и вправду жениться? Жена останется здесь, с отцом. У старика будут внуки. Женитьба рук не свяжет. Александра Суворова на эту удочку не поймаешь!"

- Подумай, Сашенька, ведь с тобой прекратится наш род, - говорил отец.

Суворов быстро встал со стула.

- Батюшка, жениться - я готов!

- Вот этак давно бы! - радостно сказал отец, обнимая его. - А я и невесту тебе присмотрел. Немного бедновата - рухляди тычонок на пять, может, за ней и дадут, - да зато хорошего, знатного роду. И сама - ражая, высокая, личмянистая, крепкая...

"Крепка и тюрьма, да черт ли в ней!"-- подумал Суворов, но сказал другое:

- Кто ж она такая?

- Княжна Варвара Ивановна Прозоровская,-ответил отец.

II

Белолица, круглолица

Красная девица.

Во твоём лице румянец

Завсегда играет,

Молодому, холостому

Назолу даёт.

Песня

Суворов ходил из угла в угол по комнате и думал. Уже два года он ездил с отцом к Прозоровским. Александр Васильевич не любил бывать в большом обществе, среди столичных щеголей и щеголих. В гостинной Суворов чувствовал себя неуверенно и неловко. Он каждую секунду помнил о том, что мал ростом и худощав, что у него тяжелые, низко опущенные веки.

Суворову тошно было смотреть на этих разодетых, напудренных, чопорных московских барышень и барынь, сидевших словно истуканы; на пустоголовых щеголей, которые в расшитых атласных кафтанах, в париках, шелковых чулочках и модных башмаках с розовыми каблучками плели разный вздор на плохом французском языке.

Суворова так и подмывало выкинуть что-либо озорное, что разбило бы эту натянутость, неестественность и скуку, крикнуть вдруг:

- Через капральство ряды сдво-ой! Или запеть хорошее, свое, русское, вроде:

Ах! На что ж было,

Да к чему ж было

По горам ходить,

По крутым бродить?

Правда, дом у Прозоровских был чисто русский, без всяких затей. Да и какие уж тут затей, коли у князя Ивана Андреича денег мало!

Бывая у Прозоровских, Александр Васильевич охотнее всего разговаривал с самим хозяином, генерал-аншефом в отставке Иваном Андреевичем Прозоровским. С ним Суворов находил общий язык - они говорили о военных делах. Но каждый раз вся родня невесты, все гости по молчаливому сговору, норовили оставить Александра Васильевича вдвоем с пышнотелой, румяной Варютой, а не с ее отцом.

Суворов вспомнил Варюту и невольно улыбнулся:

"Помады на ней, пудры - не приведи господи, - как на гвардии поручике! И все же Варюта, ей-ей, неплоха: веселая, глаз у нее лукавый, живой - так и играет! Разбитная, должно быть. Точно маркитантка!"

Энергичный, быстрый во всем Суворов любил это же и в других.

"Нет, ничего. Право слово, ничего!" - чем больше думал о Варюте, тем больше

приходил к такому выводу Александр Васильевич.

Суворов так и сказал отцу в первый же вечер, когда они возвращались от Прозоровских и отец спросил у Сашеньки, нравится ли ему невеста.

- Только не особенно умна, должно быть: о чем ни заговори с ней - не знает. Про Сумарокова даже не слыхивала.

- Эка беда! Была бы у мужа голова на плечах,- отвечал отец.

По мнению Василия Ивановича, ждать больше было незачем - приличие соблюдено, и сегодня Сашенька может сделать предложение княжне Варваре. Александр Васильевич согласился - он тоже не любил откладывать то, что намерен был сделать.

Суворов устал ходить по комнате. Взял книгу и присел к окну.

Просматривая книги в отцовской горнице, он нашел им самим когда-то купленную любопытную книжку:

Подлинное известие о славнейшей крепости, называемой Склонность, ее примечанию, достойной осады и взятия.

Книжка была презабавная и как раз к месту: в ней серьезным языком, словно в каком-нибудь Вобане, описывалось взятие генерал-аншефом по имени Постоянство крепости Склонность. В книжке действовали полковник Признание, майор Верность, капитан-поручик Обманное лукавство и другие, всё в таком же шутовском тоне.

К книжке прилагался обстоятельный чертеж крепости со всеми башнями, горнверками, рavelинами и контрэскарпами, которые назывались так же, как и все в ней, именами чувств: ревность, зависть, неимоверствие и прочими.

Было забавно читать это:

Первое фундамент сея крепости заложен наподобие сердца, внутри того одна полата наполнена богатством (Добродетели), которые больше, как золото и драгоценные камни, почитаются.

Суворов перелистывал шершавые страницы книжки и думал, как сегодня он возьмет свою крепость? Он решил взять ее, как брал настоящие,- стремительным штурмом. Подойти и сказать без дальних околичностей:

- Княжна Варвара, не хотите ли быть моей женой?

И все тут!

Это разговор был Суворову неприятен. Он чувствовал себя так, точно ему предстоит сегодня говорить об условиях сдачи на капитуляцию своего войска. Но жребий был брошен. Отступать Суворов ни в чем не любил. Занятый чтением и своими мыслями, Александр Васильевич не услышал, как в комнату вошел отец.

Василий Иванович был уже готов: одет, напудрен и завит дворовым куафером. Старик остановился у порога, с удивлением глядя на сына.

Саша был в старом мундире, без единого ордена.

- Ты что ж не одеваешься? Уже пора ехать.

- Я одет, папенька.

- Ты - одет? Да ведь я говорил - нонче надо кончать. Чего тянуть? У отца, как сказано, - брови густы, да карманы пусты, а Варюта - старшая дочь, засиделась в девках: ей уже двадцать пять годов. Я все, брат, доподлинно узнал. Отдадут!

Суворов вспыхнул. Его обидело: выходит, он ничего не стоит, ежели за него можно сватать любую, что ли?

Но тотчас же вспомнил свои сорок три года, многочисленные морщины на лбу и у висков и сдержался.

"В военном деле не очень везет, может быть, хотя в другом вывезет!" подумал Суворов.

- Прощка!-полуоткрыв дверь, сердито закричал Василий Иванович.-Ты чего, стервец, смотришь?. Барин-то еще не одет! Прощка, виновато моргая глазами, втиснулся бочком в комнату и, неуклюже переваливаясь, точно медведь, подбежал к молодому барину. "Опять начинается мука,-думал Суворов.Снова этот камзол, застегнутый на все крючки! Снова отсиживать в гостинной! Лучше б в третий раз Туртукай брать, чем объясняться с невестой, а

потом сидеть, ровно остолоп, на этом сговоре! Ей-богу! А делать, нечего: назвался груздем - полезай в кузов!" - трунил он сам над собой, подставляя Прошке сапог.

Прошка усердно стаскивал с барина сапог и старался не дышать; от Прошки шел крепкий винный дух.

III

Суворов проснулся, и холодный пот сразу прошиб его: впервые за всю свою жизнь он спал на пуховике, укрытый атласным одеялом, точно разжиревший, обленившийся барин, а не солдат.

Суворов никак не мог понять: где он и что с ним? На широкой кровати, рядом с ним, кто-то спал. Александр Васильевич повернулся и увидел: возле него, в нарядном кружевном чепчике, лежала пухлая, румяная женщина.

"Варюта. Жена",- подумал он.

И сразу вспомнилась вся неугомонная сутолока вчерашнего дня.

Еще накануне, с вечера, в большом доме Суворовых не осталось спокойного угла - готовились к завтрашней свадьбе, чистили, убирали. В комнатах все было вверх дном. Александр Васильевич лег спать не в девять часов, как ложился обычно, а за полночь.

А на следующий день, с утра, и пошло одно за другим.

Сперва жениха усадили причесываться. Кудрявый старик Матвей, дворовый куафер Суворовых, целый час плясал возле молодого барина - примеривал парик, завивал букли, пудрил. Он вконец измучил Александра Васильевича. Суворов не переносил ни пудры, ни парика, от которого, по его словам, всегда пахло псиной.

После Матвея Александр Васильевич попал в руки к портному, который ползал вокруг Суворова на коленях, обдергивал приметку, что-то пришивал и, видя, как барину не стоитя на одном месте, все повторял:

- Сейчас, батюшка! Сейчас! Еще минутку!

Суворов любил простую, свободную одежду, а тут эти галстуки, крючки да пуговицы.

Наконец Александр Васильевич был готов.

Суворов всегда избегал смотреть в зеркало, но приходя через зал, мельком взглянул на себя.

Он и без зеркала чувствовал, что затянут, сдавлен, неестествен и смешон. Из зеркала на него глядел какой-то напомаженный штабной франт, который, конечно, никогда не нюхал пороху.

Анюта, замужняя сестра Александра Васильевича, не отходившая сегодня ни на шаг от брата, заметила недовольное выражение Сашеньки.

- Хорошо, Сашенька! Ей-ей, хорошо! - заторопилась она, зная горячий, своенравный характер брата.

Суворов передернул плечами.

- Помилуй бог, красавец! Точно прусский сержант! Огородное пугало! фыркнул он и, круто повернувшись на каблуках, поспешил прочь от зеркала.

Затем начался новый искуc - поехали в церковь к венцу. Яркий свет паникадил, чад от многочисленных свечей, духота, десятки любопытных лиц, которые беззастенчиво глазели на жениха и невесту.

Суворов и Варюта шли между двумя плотно сбитыми рядами людей, жавшихся поближе к ковровой дорожке.

"Точно сквозь строй прогоняют!" - подумал Суворов.

А со всех сторон явственно доносился шепот:

- Это какой у него орден?

- И до чего худущий...

- Невеста-то, невеста! Краля бубновая!

- За едакого сухопарого идет...

- Пойдешь, коли у него, сказывают, десять тыщ душ!

Наконец венчание окончилось. Оставалась последняя тягостная повинность - сидеть за

свадебным столом. Начались бесконечные поздравления, тосты, крики "горько". Александр Васильевич готов был провалиться сквозь землю. Чтобы хоть как-нибудь преодолеть смущение и неловкость, он пил. И в первый раз в жизни захмелел.

Вспоминая теперь вчерашний день, Суворов не мог припомнить даже, когда и как он укладывался спать.

Суворов осмотрелся. Было уже поздно. В окна глядел не солнечный, но светлый от снега, прозрачный, морозный день.

"Совсем обабился, заспался! Срам! - с досадой подумал Суворов. Скорее, скорей обливаться!"

Вылить на себя ведро холодной воды сейчас хотелось больше, чем когда бы то ни было, - голова после вчерашнего была еще немного тяжеловата.

Он осторожно выскользнул из-под атласного одеяла, стараясь не разбудить жену.

"Разве теперь същешь этого пьяницу Прохора? Дрыхнет где-нибудь с похмелья. И куда девали мой плащ? Засунули, пожалуй", - думал Суворов, идучи из одной комнаты в другую.

Ни Прошки, ни кого-либо еще из слуг не было видно. Только подходя к буфетной, Александр Васильевич услышал голоса. Он остановился, прислушиваясь, нет ли кого чужого. - Суворов был не одет.

- Не ждите, Прохор Иваныч, ступайте отдыхать. Ваш барин нонче долго будет почивать: Варвара Иванна спозаранку подыматься не любит! - говорил бойкий женский голосок.

- Чего спозаранку? Уже полдень,-ответил надтреснутый бас, видимо, еще не совсем протрезвившегося Прохора.

- С молодой женой и до вечерни проспийшь - усмехнулся буфетчик.

- Нет, вы не знаете Ляксандры Васильича, - твердил Прохор, - он встанет! Он, брат...

- А и встанеть, так обливаться не станеть,- перебила его все та же бойкая бабенка.- Варвара Иванна его враз на свой лад переделает. Сама от пасхи до рождества немытая ходить.

В буфетной загоготали.

Суворов вспыхнул.

- Прохор! - гаркнул он.

В буфетной сразу стихло. Дверь отворилась. На пороге стоял, моргая осовелыми глазами, толстоносый Прохор.

- Чего изволите, батюшка барин?

- Вода у тебя готова?

- Готова.

- Подай плащ!

- Сейчас, - ответил Прохор и нетвердыми шагами пошел из комнаты.

"Я ж говорил - встанет!" - повторял он про себя.

IV

Женился-переменился.

Поговорка

Суворову быстро наскучила спокойная жизнь мирного обывателя.

На другой день после обручения он и сам еще думал, что с молодой женой можно побыть в Москве несколько дольше. Но прошел только месяц после свадьбы, и Суворову уже стало невмоготу.

Ему казалось, будто он давно, невесть бог с каких пор, сидит в Москве; будто там, на Дунае, идут бои, хотя прекрасно знал, что зимою нет никаких военных действий и что войска отведены на зимние квартиры. Ему казалось, что пока он сидит здесь, другие генералы, не щадя жизни, сражаются за родину, а он променял бранный меч на женскую туфлю, на колпак добродетельного супруга.

Сразу все становилось немилым. И в первую очередь - жена.

Василий Иванович, скупившийся отапливать весь свой большой дом, жил зимою в

одной горенке.

А теперь, с женитьбой сына, оказались занятыми все комнаты: Варюта не привыкла стесняться себя ни в чем, а Сашенька тоже продолжал делать все по-своему - он спал в отдельной комнате от жены.

Варюта принесла с собою не очень много червонных, но зато постель у нее была пышная: гора пуховиков и подушек, голландские простыни, атласные одеяла.

Когда Варюта увидела впервые постель своего мужа - в углу комнаты лежала охапка сена, прикрытая простыней, в головах была небольшая подушка, а вместо одеяла старый плащ (такую постель Суворов завел себе еще с детства), Варюта подумала, что тут спит Прохор.

- Прохор, ты больше спать здесь не будешь! Убирай вон этот сор! сердито сказала она. - И кто тебе позволил натащить в комнату сена? От него ж блохи разводятся!

- Матушка барыня, это не моя постель, - оправдывался ни в чем не повинный Прохор.

- А чья же?

- Барина.

- Какого барина? Что ты вздор мелешь? - накинулась Варюта.

- Нашего, молодого барина, Ляксандры Васильича!

- Ты лжешь, негодяй!

- Вот крест святой, не лгу! - крестился на образа Прохор.

- Ну, все равно - чья бы ни была, ей здесь не место! Убирай вон эту дрянь! - сердито сказала барыня, подбрасывая носком туфли маленькую жесткую подушку Александра Васильевича.

Прохор уже собрал в охапку сено, когда на крик явился сам Суворов.

- Я, Варюта, солдат, а не барин-лежебока! - строго сказал он жене.

- А я не за солдата выходила замуж, а за генерала, - возмутилась Варюта. - Какой же генерал спит эдак, на полу, на сенной трухе?

Суворов не переносил прекословия. Он совсем прикрыл глаза и без того низко опущенными веками и глухо сказал:

- Меня, сударыня, поздно переучивать!

И, обернувшись к Прохору, который все еще держал в руках злополучную охапку сена, не зная, что с ней делать, крикнул:

- Тебе говорят, клади на место!

Обозленная Варюта выбежала из комнаты.

Это была их первая стычка.

Два дня супруги не говорили друг с другом. Василий Иванович пытался мирить их, но напрасно: у обоих супругов был неуступчивый характер.

Дело обошлось как-то само.

Однажды Василий Иванович, встав поутру, хотел поговорить с Сашей о разных хозяйственных делах. Старик заглянул в комнату к сыну. Сашенька был уже на ногах - он всегда вставал очень рано: сидел у окна и читал "Описание жития и дел принца Евгения Савойского". Но в комнате он был не один: в углу, на Сашиной спартанской постели, занимая собою все его сено, сладко спала, завернувшись в голубое атласное одеяло, дородная Варюта.

Мир был восстановлен.

С этого дня Варюта не возражала против жесткого мужнина ложа, и каждый спал у себя в комнате.

Да Варваре Ивановне спать в одной спальне с мужем было и неудобно - муж вставал еще до света, а она просыпалась, когда уже давно отблаговестили во всех церквях к обедне.

Пока Варюта спала, весь этот беспокойный, шумливый курятник, все эти девки-горничные не тревожили Суворова. Он в тиши мог спокойно читать, думать о войне, о походах, о славе. Но как только просыпалась жена, весь дом ходил ходуном. Тотчас же начинались хлопанье дверей, беготня, суета, шум. Было похоже, точно в крепость ворвался

неприятель.

Варюта хлестала девушек по щекам, за дверью всегда кто-либо сдержанно плакал.

Все это выводило Суворова из равновесия. В службе он был так же строг к солдатам, как и к самому себе, но избегал шпицрутенов и сам никогда не мог бы ударить безоружного.

Варюта просыпалась и тут же, в постели, пила кофе. Куда девалась парадная чистота и опрятность первых дней, первой недели замужества!

Неряшливость Суворову была хуже всего. Он во всем любил чистоту и порядок. Он от каждого солдата требовал опрятности, сам был чист и аккуратен, а жена не мылась по неделям.

Александр Васильевич пробовал урезонивать жену, но, кроме скандала, ничего из этого не получалось.

"Вот выбрал папенька! Знатного рода, а такая, тетёха!"-думал иногда он.

И, наблюдательный, он прозвал ее в уме "фаготом"- за всегдашнюю крикливость.

Суворов уже месяц был женат, но все никак не мог привыкнуть к этому. Каждый день повторялась старая история: когда Суворов утром видел в своих, с детства родных комнатах какую-то чужую румянощекую, полную женщину, он думал одно и то же:

"Когда же уедет эта гостья?"

Он не привык к семейной жизни, не любил спокойно сидеть на одном месте. Это было выше его сил.

С женщинами Суворов до этого сталкивался мало. Мать Александра Васильевича умерла, когда ему шел четырнадцатый год. С сестрами Саша не водился - они были значительно моложе его, да к тому же он все дни просиживал за чтением: у отца в комнате стоял большой шкаф, набитый военными книгами.

Потом, с пятнадцати лет, началась военная служба. Ну, еще; в лагере или на походе ущипнуть за мягкий бок какую-нибудь смазливую маркитантку, посмеяться и пошутить - это куда ни шло солдату. Это, по всей вероятности, не считал, для себя непозволительным ни Тюреннь, ни Монтекукули. Но жить вот так, как он теперь, - байбаком, держась за женин салоп, - слуга покорный!

"Совсем обабился! Халата и трубки только недостает!" - сердито фыркнул Суворов, вышагивая по комнате.

Александру Васильевичу не сиделось на месте.

Однажды он встретил в городе знакомого штаб-офицера из штаба графа Румянцева, которого Румянцев прислал в Москву по каким-то делам.

Штаб-офицер рассказал, что граф намеревается весной перейти Дунай и пробиться за Балканы, чтобы поскорее окончить эту войну, которая тянется вот уже шесть лет.

Это известие всполошило Суворова.

На следующее утро Суворов принял решение: сегодня же, не откладывая, ехать к армии.

- Вели запрячь тройку! - сказал он Прошке. Варюта еще нежилась в постели, когда муж, в плаще и треуголке, пришел к ней проститься.

- Ну, Варюта, оставайся здесь с батюшкой, живите с богом, а я - поеду!

- Куда же ты, Сашенька? Погоди, я тотчас встану, поедем вместе!

- Я к армии еду. На войне бабам - какая ж работа, помилуй бог! усмехнулся Суворов.

Он поцеловал жену, которая от изумления не могла выговорить ни слова, и вышел из комнаты.

Когда он пришел к отцу, старик развел руками:

- Без сборов, ничего вчера не сказал. Раз-два - и в такую дорогу?

- Так, по-солдатски, раз-два и надо, папенька! Какие же у нас сборы? Треуголка да палаш - вот и весь сбор наш! Армия не ждет. И так загостился! весело сказал Александр Васильевич.

- А жена-то как? - спросил отец.

- Уповаю на вас, папенька. Посмотрите за ней! - ответил он, целуя худую отцовскую

руку.

Суворов был рад, он был счастлив, что наконец-то снова едет туда, куда зовет его сердце.

Путь лежал на юг, к Дунаю, к армии графа Румянцева.

Путь лежал к победам и славе.

Глава пятая

КОЗЛУДЖИ

Последнюю баталию в турецкой

войне выиграл я при Козлуджи.

Суворов

I

Солдаты в узких, прусского покроя мундирах и тяжелых треуголках изнывали от жары. Июньские дни в Валахии были томительно жарки, и пехотинцы, идучи, обливались потом. Голова казалась тяжелее ранца, в висках стучало. Во рту пересохло - не хватало слюны. Губы запеклись. Лица стали темно-багровыми, а у иных - землистыми. Более слабые, недавно попавшие в армию, нехотелые еще рекруты падали на дороге от жары и изнеможения. В шеренгах не было ни говора, ни смеха. Все думали об одном - о воде.

В самый полдень генерал Каменский сделал на час привал, но и в этот час немногим удалось отдохнуть.

Желтая генеральская коляска (генерал-поручик Каменский страдал грыжей и не мог ездить верхом) остановилась у белоснежного мраморного фонтана, они уже не раз встречались на пути.

После того как напился сам генерал, денщик Егор налил самовар и все фляги, а кучера напоили генеральскую тройку, - фонтан тотчас же облепили сотни людей.

Сначала кинулась к нему ближайшая часть - батальон егерей, а потом, прослышав о воде, поспешили все: пехотинцы, артиллеристы, конница. В одну минуту у фонтана образовалась громадная толпа. Шум, крики, давка. Офицеры расталкивали солдат, гусары оттирали лошадьми пехоту, казаки выжимали гусар.

- Ишь, лезут-то. Другому ничего не достанется, а пузо хорошо намнут! смеялся генеральский денщик, глядя на шумевшую, волнованную толпу.

И весь этот час, что простояли на отдыхе, толпа у фонтана не редела. А когда по команде все стали в ружье и корпус с сожалением прошел мимо вожденного источника, в размешанной грязи у фонтана остались несколько пуговиц, осколки разбитой бутылки, какой-то ремешок, грязная тряпка и тысячи следов человеческих ног и лошадиных копыт, пробивавшихся к прозрачной студеной воде.

Но даже и те счастливы, которым удалось хоть разик глотнуть воды, уже через несколько минут снова продолжали томиться от жажды. Люди не могли дождаться следующего привала. С тоской поглядывали на небо.

- Хоть бы господь дожидка послал!

Но небо было безоблачно. Солнце палило без устали. И по-прежнему мокла под ранцем и тяжелым ружьем спина, а из-под треуголки тек по щекам пот. Распахнуть мундир или снять ненавистную треуголку было невозможно: каждую минуту мог налететь сам командир корпуса генерал-поручик Каменский, который и на походе не давал солдату никакой поправки.

Желтая генеральская коляска то и дело съезжала в сторону с дороги и останавливалась, пропуская мимо себя ряды солдат, или обгоняла медленно тащившуюся пехоту и пушки.

Как только генеральская коляска сворачивала с дороги в степь, по рядам солдат проносилось;

- Гляди, опять выехал!

- У, черт килатый!..

- А ему что утро, что полдень - все единственно, не жарко: верх в коляске поднял и сидит, ровно сыч!

И сдвинутые было на затылок треуголки поспешно надевались по всем правилам, расстегнутые пуговицы мундиров застегивались. Солдаты подымали опущенные, усталые плечи, бодрились и так отбивали шаг, что едущие сзади артиллеристы совсем скрывались в облаке пыли.

А он, небольшой, широкоплечий, стоял в коляске, одной рукой опираясь на трость, а другой держась за козлы. Строгие, внимательные глаза подмечали непорядок в обмундировании, снаряжении. И уже раздавалось:

- Эй ты, конопатый! С левого фланга! Где у тебя патронная сумка? Господин ротный, на два часа его под ружье!

Капрал, в чьем капральстве случался такой конфуз, сердито смотрел на проштрафившегося мушкетера и шептал, играя желваками:

- Погоди ужо!

А сам "конопатый", служивший всего лишь второй год в армии, краснел от стыда, виновато улыбался и думал:

"Хоть бы сегодня напороться на турка! Чтоб не пришлось стоять на привале под ружьем!.."

Генерал-поручик Каменский никогда не отличался мягкостью характера, но в последние дни был придирчив, как никогда. Причину этого знал весь его восьмитысячный корпус.

Главнокомандующий Дунайской армией граф Румянцев решил перейти весной 1774 года на правый берег Дуная и пробиться за Балканы, чтобы поскорее окончить надолго затянувшуюся войну с турками. Эту операцию он поручил двум генерал-поручикам - Каменскому и Суворову. Каменский шел из Измаила, а Суворову с корпусом в шесть тысяч человек надо было переправиться через Дунай у Гирсова и сначала следовать по берегу реки, а потом соединиться с Каменским и вместе идти к Шумле, где со всей армией стоял визирь.

И вот теперь Каменский уже прошел Базарджик, а Суворов как в воду канул. Суворов был младшим - его на несколько месяцев позже произвели в генерал-поручики, чем Каменского, - но он не давал ничего знать Каменскому о своем движении.

Каменский послал главнокомандующему письмо, жалуясь на строптивного товарища. Румянцев ответил, что Михаил Федотович сам виноват, ежели не может установить связи с деташаментом Суворова.

До Шумлы оставалось не так уж много, а о Суворове не было ни слуху ни духу. Каменский окончательно вышел из себя и сегодня, 8 июня, с утра отправил на розыски Суворова по разным дорогам казачьи разъезды.

Но день понемногу проходил, а Суворова все не было. Корпус продолжал идти по унылой, безлесной и безводной степи, покрытой молочаем и колючим кустарником. По сторонам от дороги не было видно ни деревушки, ни полей, ни человека. Только в одном месте из-за кустов глянуло на солдат длинноносое лицо чабана-валаха в громадной барашковой шапке. Увидев русских, чабан с неожиданной для валаха быстротой метнулся назад, что-то закричал на собак, обленившихся на жару, и небольшое стадо овец с ослом посредине, навьюченным пожитками чабана, стало быстро уходить в сторону от дороги. Чабан бежал, размахивая своей клюкой и ежесекундно оглядываясь назад.

Солдаты оживились.

- Вишь, сполохали человека.

- Бежит, ровно егарь...

- А не худо бы, братцы, бараньки сейчас...

- Будешь ты и сухарем сыт!

Наконец этот мучительный длинный день прошел-таки. К вечеру корпус Каменского подошел к деревне Юшенли и остановился на ночевку.

Войска стали лагерем в степи, по обеим сторонам деревни. Тотчас же и тут и там запылали веселые огни костров. В каждом капральстве артельные старосты варили кашу. Но немного солдат смогли дождаться ужина: большинство из них, утомившись переходом,

быстро задремало у костров. Солдаты жались поближе к огоньку - днем им было жарко в тесных мундирах, а ночью холодно: ночи стояли студёные.

Другие, более предусмотрительные, продолжали тесниться у деревенского колодца, запасаясь водой к завтрашнему дню.

В деревне Юшенли, в пяти-шести убогих валашских землянках, совершенно утонувших в высоком бурьяне, расположился штаб генерал-поручика, а сам Каменский занял единственную в Юшенлях мазанку зажиточного валаха.

Хозяин, малоразговорчивый валах, не торопясь ушел из мазанки ночевать в камышовый хлев для скота. За его спиной, прикрывая, как турчанка, лицо, прошмыгнула стройная молодая жена.

Михаил Федотович вошел в мазанку, швырнул на лавку треуголку и трость и заходил из угла в угол.

Весь вечер он был зол и раздражителен.

Его злил тусклый свиной пузырь в мазанке, заменявший стекло. Каменский велел было выставить пузырь, но в мазанку тотчас налетела туча комаров. Пришлось завешивать окно.

Злил повар, который, как казалось Каменскому, не скоро готовил ужин.

И наконец, когда Михаил Федотович, поужинав и повязав на ночь голову платком, отчего стал похожим на деревенскую девку-вековуху, лег среди мазанки на пуховик и хотел заснуть, его раздражало непрерывное мычание коровы за стеной. Видимо, от коровы только что отняли теленка, и она не переставала жалобно мычать.

Генерал-поручик Каменский не выдержал.

- Егор! - крикнул он сдавленным от злобы голосом.

Денщик, не раз битый за день, боязливо жался у порога.

- Чего изволите, ваше превосходительство?

- Ступай, прирежь эту чертову корову! Пусть не мычит. Не дает спать! приказал генерал-поручик, сердито ворочаясь на пуховике.

Денщик охотно побежал исполнять приказание. Сперва за стеной послышалась какая-то возня, потом все стихло. Надоедливое мычание прекратилось, и Каменский кое-как уснул.

II

Бить стремительно вперед,
маршируя без ночлегов.

Суворов

Шеститысячный корпус Суворова шел малопроезженными, худыми дорогами, а иногда и вовсе без дорог, по степи, "вороньей тропой", как шутили солдаты.

Когда граф Румянцев отправлял обоих генерал-поручиков за Дунай, он, не желая обидеть Александра Васильевича, не подчинил его Каменскому, хотя это и нужно было бы сделать. Румянцев сказал лишь, что в случае разногласия решающее слово принадлежит Каменскому, как старшему по производству. Но прибавил, что надеется на согласованность действий обоих начальников.

Но какая согласованность могла быть у Суворова с Каменским?

Каменский во всем подражал Фридриху II, а Суворов не признавал ни прусского отношения к солдату, ни прусской палочной учебы, ни прусской линейной тактики. Каменский делал переходы днем, Суворов - ночью. Каменский слепо верил лишь в одно линейное построение, а Суворов предпочитал колонны и батальонные каре. Каменский по прусскому образцу готовился обороняться, маневрировать, отходить - Суворов держался своего всегдашнего правила: идти вперед прямо на врага.

Уезжая из Браилова, из ставки Румянцева, к себе в корпус, Суворов тогда же задумался: как быть?

Не подчиняться старшему Суворов - дисциплинированный, военный человек - не мог. Но, с другой стороны, ясно видел: прусская тактика не принесет славы русскому оружию. Он был убежден, что нельзя на всех театрах войны применять одни и те же способы ведения

боя. Суворов считал, что при линейной тактике разбить турок в короткий срок будет трудно. И что Каменский, скованный прусской выучкой, не способен проявить инициативу.

Сказать об этом главнокомандующему Суворов не хотел: хотя Румянцев ценил талантливость генерал-поручика Суворова, но все-таки еще не настолько, чтобы предпочесть суворовскую тактику.

Суворов долго думал, как поступить. Он верил, что и в этот раз победит турок, если только Каменский не свяжет его по рукам.

Он решился на крайнее средство: для блага отечества, для пользы дела Суворов поставил на карту свое имя. Пусть потом главнокомандующий как угодно наказывает его, но Суворов сделает по-своему, сделает так, чтобы русские разбили врага.

Суворов решил до последнего момента идти отдельно от Каменского, а потом, подходя к Шумле, выдвинуться вперед и принять на себя главный удар турок.

Он рассчитывал на то, что успеет завязать бой по-своему и Каменскому не останется ничего другого, как помогать младшему товарищу.

Суворов так и сделал.

Он должен был выступить 28 мая, но тронулся с места только 30-го. О своей двухдневной задержке Суворов донес Румянцеву. Он написал, что задержался, поджидая прибытия Апшеронского пехотного полка. И в частном письме к Румянцеву язвительно прибавил, что надеется вовремя поспеть к Шумле, потому что генерал-поручик Каменский, по причине грыжи, не сможет двигаться быстро.

Затем, чтобы Каменский в пути не пришел с ним в соприкосновение и не заставил его корпус следовать позади, Суворов пошел не по условленной дороге, а по другой, хотя вторая была значительно хуже первой, и не известил Каменского о перемене маршрута.

Но дальше уходить от Каменского было уже невозможно. До Шумлы оставалось не так много верст. Суворов решил сегодня же вечером, после отдыха, свернуть наконец с узкой, неудобной дороги на большую, которая вела прямо к Шумле.

Солнце близилось к полудню. Наступали самые жаркие часы.

Апшеронский пехотный полк шел в голове колонны, вслед за гнедыми лошадьми и васильковыми ментиками сербских гусар. Шли свободно, не в ногу, расстегнув мундиры, сдвинув на затылок или совершенно сняв треуголки, держа ружья попеременно то на одном, то на другом плече.

И все-таки чем выше подымалось солнце, тем идти становилось тяжелее. Разговоры в шеренгах приумолкли. Солдаты нетерпеливо поглядывали на небо: скоро ли полдень, скоро ли отдых?

Только во 2-м капральстве 1-й роты все еще слышался оживленный говор. 2-е капральство было самое живое в роте: в нем служил высокий, плечистый Ильюха Огнев, острый на язык, не дававший никому спуска, будь то ефрейтор или даже сам капрал. Огнев уже пятнадцатый год служил в армии. Мушкатер он был исправный, его несколько раз хотели представить в капралы, но Огнев упорно отказывался от этой чести.

- Увольте, ваше благородие, пускай кто-либо другой! - говорил он.

И товарищи уважали прямодушного, смелого Огнева не меньше, чем если бы он был капралом.

Вместе с Огневым служил черноглазый, смуглый, как цыган, Алешка Зыбин, песельник, весельчак и балагур.

К шеренге, в которой шли Огнев и Зыбин, на походе притискивались все охотники до веселых шуток и рассказов. В самые тягостные часы переходов, когда людей размаривало на солнце или мочило дождем, во 2-м капральстве никогда не вешали носов. То Ильюха Огнев, сдержанно улыбаясь в усы, бросал меткое словцо - камешек в чей-то огород, то Зыбин рассказывал свои бесконечные, всякий раз новые, веселые истории, от которых все покатывались со смеху.

Только один мушкатер, стоявший в строю рядом с Огневым, худощавый старый солдат Воронов не смеялся: он считал себя умнее всех в роте. Воронов хмурил свой мясистый лоб и

презрительно бросал Зыбину:

- Ври больше: со вранья деньги не берут!

Не смеялся сегодня шуткам Зыбина еще один солдат - молодой рекрут Башилов, голубоглазый курносый парень лет девятнадцати, с детски открытым лицом. Башилов был красен как кумач. Он то и дело вытирал рукавом жесткого суконного мундира вспотевшее лицо.

Ильюха Огнев, шагавший рядом с Башиловым, наблюдал за ним. Глядя на него, Огнев невольно вспоминал свои первые дни в армии, как когда-то, в Восточной Пруссии, и ему так же тяжело было втягиваться в непривычные, томительные ежедневные переходы.

Башилов облизывал пересохшие губы и с тоской смотрел по сторонам - нет ли где-нибудь колодца или ручейка. Огнев видел, что Башилову до смерти хочется пить.

- Я ж те говорил давеча, - сказал он Башилову, - не пей на походе воды, хуже будет - не успеешь шагу ступить, как размякнешь тотчас, ровно банный веник!

- Как же вытерпеть, дяденька, коли в горле пересохло? - оправдывался Башилов.

- А ты пососи сухарик, чтобы рот не гулял, - не будет и пересыхать!

- Пить в походе - боже упаси! Неровен час - падет вода на ноги, наставительно заметил Воронов. - Вот как с конем бывает - загонят сердягу, а потом дадут напиться. Вода сразу и кинется в ноги. Так и человек. Загорится у него в нутре, станет невтерпеж, глотнет водички - и пропал: на всю жизнь будет в ногах ломота...

- Э, не слушай этого старого ворона, не унывай, Башилов! - сказал Зыбин. - Сзади не оставайся, в бока не подавайся, вперед не лети, молодцом гляди! Вишь, генерал-то наш выехал уже в сторонку, машет рукой, стало быть привал близко!

Действительно, корпус прошел еще с полверсты и остановился в долине у ручья. Солдаты уже привыкли к походному порядку генерала Суворова: в самые жаркие часы дня отдыхать, а потом, пообедав, идти дальше по холодку весь вечер и большую часть ночи. Потому они располагались основательно: составив ружья в козлы, снимали ранцы, пропотевшие насквозь мундиры, треуголки, разувались и устраивали постель.

Башилов, наконец вдосталь напившийся воды, укладывался вместе с другими товарищами по капральству, свободными от нарядов, спать. Все жались поближе к кустам, в тенек. Только один Воронов стоял на солнцепеке, поглаживая лысину и переминаясь с ноги на ногу.

- А ты чего не ложишься? - окликнул Воронова капрал.

- Он теплое местечко высматривает, - уронил Огнев.

- С походу завсегда надо сперва постоять немного, а потом уже ложиться. И то с умом, - ответил Воронов. Он лег в высокую траву, поднял кверху свои босые жилистые ноги и стал ими трясти.

- Эвона, что дяденька выдумал! - прыснул со смеху Башилов.

Солдаты потешались, глядя на Воронова.

- Глянь, ровно маленький, - задрал ноги кверху...

- Ремнем бы его теперь...

- Воронов чертей колышет!

- От старости из ума выжил, - прибавил Огнев.

Воронов, не слушая иронических замечаний, продолжал трясти ногами. Потом сел и, обращаясь к Огневу, строго сказал:

- Погляжу я на тебя, Ильюха, ломаный ты, старый уже солдат, а еще дурак!

Все кругом рассмеялись.

- Отчего так думаешь? - спросил, улыбаясь, Огнев. - Что ногами не трясу, как ты? Как жеребец, что катается по лугу?

- Не смейся раньше срока. Я потрясу ногами, вся тяжесть с ног и отольет, понял? А ты вот кувыркнись поскорей, а посмотрю, как встанешь...

- Встану. Тебе подымать меня не придется...

- Посмотрим, чьи ноги будут больше скучать, твои аль мои, приговаривал Воронов,

устраивая тень из мундира, который он распяливал на кусте.

III

Суворов нагнал корпус генерал-поручика Каменского в ту же ночь, у деревни Юшенли.

Снявшись с привала в седьмом часу пополудни, Суворов тотчас же свернул на шумлинскую дорогу и увидел на ней свежие следы недавно прошедшего войска. Тысячи ног отпечатались на песке, посреди дороги шли глубокие колеи от обозных телег и пушек. На дороге то тут, то там попадались сломанное колесо, павший от безводья вол, рогаточное копьё, брошенная пустая бочка - в них обычно перевозилась мука. А пройдя еще с полверсты, он наткнулся на один из казачьих разъездов, которые были посланы Каменским на розыски пропавшего генерал-поручика Суворова.

Суворов был доволен, что ночью может нагнать Каменского. Он знал, что Каменский ночью продвигаться дальше не станет, и решил обогнать его. Иначе ничего не оставалось делать. Солдаты Суворова прекрасно отдохнули за день и могли продолжать поход.

Когда Суворов со своими шестью полками пехоты, двадцатью пушками, пятью полками конницы и казаками подошел к деревне Юшенли, вокруг которой бивуаком расположились войска, генерала Каменского, лагерь, окруженный деревянными рогатками, крепко спал. Лишь кое-где еще чуть тлели костры. Да у деревенского колодца, вычерпанного за вечер до дна, все еще маячила кучка солдат, терпеливо дожидавшихся под одиноким деревцом белой акации, пока в колодце снова соберется вода.

"Ну, будет сейчас баталия, помилуй бог!" - улыбаясь подумал Суворов, зная вспыльчивый, крутой нрав Михаила Федотовича.

Остановив корпус на дороге, он с казаком-вестовым поехал в деревню к генералу. Еще издали, по этой необычной для валашской деревни генеральской коляске, стоявшей у одного из дворов, и по фигурам двух часовых, ежившихся от ночного холода у двери мазанки, Суворов увидел, где остановился генерал-поручик Каменский.

Подъехав, он соскочил с коня, бросил поводья казаку и, с удовольствием разминая после долгой верховой езды затекшие ноги, шагнул в темные сени мазанки.

В густой темноте слышался храп денщика. Суворов набрел на Егора впотьмах и с трудом растормошил его. Сначала денщик не хотел вставать, но услышав, что с ним говорит генерал-поручик Суворов, сразу пришел в себя. Он вскочил и побежал будить барина.

До Суворова донеслось недовольное бурчанье разбуженного генерала: "А, что?" Затем послышалось чирканье огнива - денщик зажигал свечу. В полуоткрытой двери блеснул огонек. Дверь распахнулась, и Егор, стыдливо подтягивая сползающие штаны, сказал:

- Пожалуйте, ваше превосходительство!

Суворов вошел в мазанку.

При скудном свете огарка он увидел злое, нахмуренное лицо Михаила Федотовича. Генерал Каменский, повязанный сбившимся набок платком, приподнялся на пуховике. Он был так зол, что не знал, с чего начать.

- Напрасно беспокоились, Михаил Федотович. Вот и мы! - козыряя, сказал Суворов.

- Извольте, ваше превосходительство, слушаться старшего! Извольте впредь быть вместе, чтобы не приходилось вас больше разыскивать! - строго отрезал Каменский. - Вы всё сзади где-то...

- Мы люди необученные, идем не по-прусски, а по-русски, как умеем. А впрочем, я могу идти в авангарде. Мои ребята отдохнули, и я тотчас же исполню ваше желание! - ответил Суворов, круто поворачиваясь к двери.

- Ночью вы никуда не пойдете! Я не разрешаю! - крикнул Каменский.

Суворов обернулся к нему. Он закрыл глаза и раздельно отчеканил:

- Запрещать, Михаил Федотович, вы мне ничего не можете - я такой же генерал-поручик, как и вы! И тоже кое-что в военном деле смыслю! Можете спать спокойно, а я пойду вперед, к Козлуджи! - И он выскочил из мазанки.

- Ступай к черту! - крикнул ему вдогонку Каменский.

Строптивость Суворова окончательно вывела Каменского из терпения. Он лежал и

прислушивался: неужели этот сумасброд пойдет ночью куда-нибудь?

Через минуту послышался топот коней и сдержанный говор людей - мимо окон мазанки ехали казаки Суворова.

Каменский накрыл голову подушкой, чтобы ничего не слышать. Он пролежал так довольно долго. Потом вспотел и со злостью отбросил подушку. Мимо окон продолжали топтать шаги. Привычное ухо Каменского уловило, как звякнула водоносная фляга,- это уже шла пехота.

Шеститысячный корпус Суворова, без всяких прусских хитростей и эволюции, упрямо двигался вперед.

IV

Деревня Юшенли давно осталась позади. Уже начинало светать. Шли не останавливаясь: Суворов хотел пройти лес Делиорман, который лежал на его пути, и устроить привал у городка Козлуджи.

Делиорман уже был виден. Он высился как черная, непроницаемая стена. Посреди него чуть белела узкая полоска дороги, быстро исчезающая из глаз в непроглядной лесной чаще.

У самого леса остановились - ждали, пока возвратится эскадрон сербских гусар, посланный вперед на разведку.

Остальные четыре эскадрона Сербского полка отошли в сторону с дороги, чтобы хоть немного дать отдых измученным, еле волочившим ноги лошадям. Голодные кони с жадностью набросились на скудную, жесткую траву - чем дальше продвигались на юг, тем каменистее становилась почва.

Стоять без движения пехоте было хуже, нежели идти: сразу наваливалась дремота, по спине подирал холодок. Зевалось. Воронов, опершись на ружье, клевал носом.

Зыбин, схоронившись за спинами товарищей, высекал огонь, собираясь закуривать: турок еще не ждали и шли без особых предосторожностей.

Башилов, для которого все представляло интерес, жадно смотрел по сторонам.

Впереди плотной стеной возвышался лес, сзади такой же стеной стояли полки суворовского корпуса.

- Дяденька, чего мы стоим? - спросил он у Огнева.

- Послали гусар посмотреть, что в лесу. Видишь, какой он. Сунешься туда, а в нем, может быть, турок притаился, - ответил Огнев.

Было тихо. Слышался приглушенный говор сотен людей, где-то сзади взвизгнул жеребец.

И вдруг по лесу пронесся дробный треск ружейной стрельбы. Эхо донесло какие-то крики, топот лошадиных копыт.

- Басурманы!

- На турка напоролись! - заговорили все. Дремота вмиг пропала.

Гусары садились на коней, строились сбоку от дороги.

- В каре! - раздалась команда. Апшеронцы быстро стали в батальонные каре. Первая рота занимала передний фас (Ф а с - сторона.) каре. Справа от Огнева плечом к плечу стоял Башилов. Огнев чувствовал, как мелкой дрожью трясется плечо рекрута.

"Робеет, бедняга!"-подумал Огнев. Сам он неоднократно бывал в бою, пообвык, но все же каждый раз перед началом сражения ему было как-то не по себе.

Из лесу, пригибаясь к шеям лошадей, выскочили врассыпную с десятков гусар. В предутренних сумерках было видно, как у одного со щеки на васильковый долман ручьем льется кровь. На втором не было кивера. Одна лошадь промчалась без всадника. Седло съехало на бок, и стремя било по каменистой дороге.

Гусары, как обезумевшие, проскочили между батальонными каре апшеронцев.

- Стой! Стой! - останавливали их где-то сзади свои.

Следом за гусарами вырвались из лесу конные турки. Они, видимо, не ожидали, что сразу наткнутся на главные силы врага. Два-три всадника успели на всем скаку осадить коней и круто повернули назад. Но одного из них сшибли налетевшие свои же, - турок

вылетел из седла и, шлепнувшись о землю, остался лежать, а лошадь поднялась и побежала в сторону, вдоль опушки леса.

Десятка три турок, распаленных удачной погоней, в безумной, бессмысленной ярости наскоки с шашками на ошетилившееся штыками каре апшеронцев. Впереди всех на прекрасном вороном жеребце мчался какой-то чернобородый турок, видимо начальник. Дико крича и размахивая кривой шашкой, он бросился на угол фаса, где стояло 2-е капральство.

Апшеронцы спокойно приняли их всех на штыки. Громадный вороной конь грохнулся со всего маху на бок, приподнялся и забился в предсмертных судорогах, больно задевая копытами апшеронцев. А чернобородый минуту висел на апшеронских штыках. Его рука, сжимавшая шашку и бесполезно рубившая по далеко вперед выброшенным ружьям, разжалась. Турок что-то крикнул в последний раз и поник. Апшеронцы сбросили его со штыков.

Башилов тяжело дышал.

- Уважили их благородие - досыта накачали! - сурово усмехнувшись, сказал Зыбин.

- Коня-то жалко: вон какой жеребец был! - пожалел Огнев.

- Бес его возьми - мне всю голенку копытами истолок и штиблет изорвал, - потирал ушибленную голень Воронов.

В это время откуда-то сзади прискакал на своем степняке сам Суворов.

- Ребята, справа по три, за мной! - крикнул он сербским гусарам и первый помчался в этот густой, страшный своей темнотой и неизвестностью лес.

Гусары, крестясь и пришпоривая коней, поспешили вслед за Суворовым.

V

Войска Суворова уже несколько часов пробивали себе дорогу штыками через лес Делиорман. Взошло солнце, настало утро, а в лесу все еще кипел горячий бой. Вся узкая лесная дорога была завалена трупами людей и лошадей и повозками брошенного на пути турецкого обоза.

Турки, засевшие в лесу, сначала опрокинули сербских гусар Суворова: гусарам негде было развернуться, и они бежали. Но потом подоспела пехота, и турки начали отступать, хотя упорно отстаивали каждый свой шаг.

Для Башилова все это утро пролетело как один миг. Башилов двигался словно во сне: в кого-то стрелял, кого-то колот штыком. Кругом Башилова падали люди - ранило молодого рекрута, который пришел в полк одновременно с Башиловым, упал зарубленный янычаром старик капрал. Башилов ежесекундно ждал, что его убьют, но продолжал идти невредимым. Только раз шальная пуля сшибла с его стриженной головы треуголку.

Чувство страха, которое Башилов испытывал в начале боя, теперь как-то притупилось. Башилов уже немного привык к виду крови, к мертвым телам турок и своих, лежавшим на каждом шагу.

И лишь одного Башилов не мог равнодушно перенести: на ближайших придорожных деревьях и кустах торчали воткнутые на сучья отрубленные турками головы русских гусар. Когда Башилов впервые, в полушаге от себя, увидел на молодом дубке эту страшную мертвую голову, он точно ступил на уплывающую из-под ног доску деревенских качелей. По разгоряченной, потной спине откуда-то хватил сквознячок. Башилов чуть не выпустил ружья из рук.

Но лесная дорога была узка, сзади всё бежали новые и новые капральства. Кто-то сильно толкнул плечом загородившего дорогу Башилова, и он тотчас же пришел в себя. Огляделся: кругом него были незнакомые мушкеры. Ни Зыбина, ни дядьки Огнева не было рядом.

На одной лужайке, где столпились турецкие телеги и янычары из-за этого прикрытия отбивались от русских, он услышал знакомый зычный голос Алексея Зыбина:

- А ну, расступись, ребята, дайте второму капральству вдарить!

Башилов кинулся на голос, но когда подбежал к турецким возам, то Зыбина уже не оказалось. Разыскивать свое капральство было некогда стремительный людской поток

увлекал его все дальше.

Башилова, как и всех в суворовском корпусе, сильно мучил голод - с самого вечера во рту не было ни крошки. Еще больше мучила жажда. Столько времени были на ногах, в движении, а тут еще в лесу стало душно, как в бане. Парило. Многие солдаты падали замертво от изнеможения и страшной усталости.

А проклятому лесу не было конца. Вот, казалось, уже выходили на опушку, но это опять была очередная лужайка.

Наконец лес стал заметно редеть.

Впереди посветлело - видимо, пробивались к опушке.

И вдруг сверху точно кожухом накрыло Делиорман. В лесу разом стемнело. Над головами неожиданно загрохотал гром, ослепительно сверкнула молния, и на лес шумной, звонкой лавиной обрушился ливень.

Выстрелы сразу прекратились. Стихли неистовые крики турок. Ливень устроил перемирие. Движение приостановилось. В одну минуту по узкой дороге побежали мутные потоки воды. Люди не укрывались от дождя - каждый старался только прикрыть ружейный замок.

Все охотно стояли под этими освежающими струями воды и ветра, ловили воду. Подставляли фляги, манерки, котелки, кружки, ладони. Не могли напиться, не могли нарадоваться этой спасительной влаге и свежести.

В минуту - усталости как не бывало. Люди хотя и вымокли до нитки, но не ждали, когда перестанет ливень, - с новым упорством двинулись вперед, туда, где сквозь поредевшие деревья уже блеснуло солнце.

Туркам этот ливень был очень некстати: их широкие шаровары намокли, отяжелели, мешали в ходьбе, а ружейные патроны, которые турки обычно насыпали в карманы, быстро промокли.

Выскочив на опушку леса, апшеронцы увидели, как по полю неуклюже, точно стреноженные, бежали из лесу неприятельские солдаты.

За лесом расстилалась обширная поляна, покрытая кустами терновника.

На холмах белели палатки турецкого лагеря, виднелись батареи.

Апшеронцы и суздальцы, сильно поредевшие в бою, рота за ротой высыпали из лесу на солнышко. Солдаты с удивлением глядели на раскинувшийся перед ними турецкий лагерь, над которым по небу кривой азиатской шашкой изогнулась великолепная радуга.

В это время из лесу выскочил на коне Суворов.

Мундир его был мокр, лицо посерело от усталости, но большие голубые глаза глядели весело и зорко.

Он сегодня ни на минуту не выходил из боя. Он поспевал всюду подбадривал измученных солдат, увлекал их вперед.

От пленных турок Суворов уже знал, что за лесом стоит вся сорокатысячная армия Абдул-Резака и главного янычарского аги. Он не предполагал, что турецкая армия так близко и что она встретит их в поле, перед Шумлой. Но Суворов был доволен, что Каменский не оказался впереди: он, конечно, пустился бы на все прусские "чудеса" - медлил бы ударить на врага, а враг тем временем укрылся бы под стенами крепости.

Ждать нечего. Нужно ударить, ошеломить!

Пусть русских впятеро меньше, но турки не знают, сколько у Суворова войск. И сколько еще может выйти из лесу.

Суворов заторопил пехоту. Сильно поредевшие апшеронцы, суздальцы и севцы строились в батальонные каре.

Из лесу, тарыхтя и звеня, выкатились десять пушек капитана Базина

Турки увидели выстраивающегося неприятеля и уже открыли огонь. Ядра с треском разрывались в лесу - во все стороны летели щепы от дубов и ясеней.

- Ишь, со злости пошел лучину колоть! - смеялся Зыбин. - Ты где это был, парень? Мы уж тебя поминать хотели! - обернулся он к Башилову.

- Отстал, дяденька...

- Молодец - пробился! - похвалил его Огнев. Раздалась команда. Каре двинулись вперед, на турецкий лагерь. С флангов скакали казаки и гусары.

VI

Решимость чаще выигрывает
сражение, нежели сила.

Ксенофонт

Абдул-Резак, сидя на своем арабском жеребце, глядел вниз, в лощину. Ему не нужна была зрительная труба - Абдул-Резак и без нее прекрасно видел быстрыми черными глазами.

Абдул-Резак смотрел и не верил.

Он был ошеломлен внезапным появлением русских у Козлуджи. Еще несколько часов тому назад все считали, что русские стоят где-то под Гирсовом, верст за полтораста от Козлуджи. Абдул-Резак и направлялся туда, чтобы отнять у неверных этот важный пункт, а они вдруг очутились здесь.

Но не только это озадачивало Абдул-Резака - русские войска сегодня вели бой не так, как обычно.

Европейцы боялись стремительных, следующих одна за другой, лихих атак турецкой конницы, которая с диким воем, точно ураган, налетала на врага. Застигнутые в открытом поле, неверные тотчас же сбивались в одну большую кучу, становились спиной к спине, словно овцы, приготовившиеся отбиваться от волков. А впереди себя обязательно выдвигали деревянные рогатки, чтобы головы неверных не так легко могла достать кривая турецкая шашка.

Но тут, у Козлуджи, было что-то другое. Абдул-Резак привык к тому, что неприятельская пехота стоит на месте громадным, неповоротливым четырехугольником.

А в этот раз русские разбросали свою пехоту по всему полю небольшими квадратами. Сегодня впереди пехоты почему-то не было рогаток, и русские не только старались отбивать турецкие атаки, но и сами быстро шли вперед.

Войска Абдул-Резака сражались как обычно - беспорядочной толпой. Они остервенело кидались на врага. Вперед, как всегда, лезли самые храбрые. Более малодушные напирали на них сзади, не давая передним останавливаться.

Абдул-Резак видел: слева русские отбивали все яростные атаки его спагов и янычар, но справа как будто бы дело шло лучше для турок - в нескольких местах эти плотно сбитые квадраты русской пехоты теряли свою правильную форму.

Абдул-Резак повеселел. Он поглаживал курчавую бороду, хотя его пальцы дрожали при этом: Абдул-Резака все-таки беспокоила неожиданность удара русских и полная неизвестность - сколько же еще укрылось их за этим густым лесом? Сможет ли он противостоять им со своими двадцатью пятью тысячами янычар и пятнадцатью тысячами спагов? Ведь у визиря в Шумле осталось не более тысячи человек. Если Абдул-Резак потерпит на этом поле поражение, русским будет открыта дорога на Балканы.

Абдул-Резак обернулся и сказал своему адъютанту, чтобы к левому крылу послали еще спагов на подмогу.

Через минуту из лагеря вниз, в лощину, помчались тысячи всадников.

Абдул-Резак смотрел, что будет дальше.

Но произошло совсем неожиданное: не успели спаги доскакать до русских, как вдруг на всем скаку круто повернули в сторону и, рассыпавшись по полю, кинулись назад, к Козлуджи.

Дело было в том, что весь левый край турок бежал назад, а за ним побежал и правый. И все сразу перемешалось. Малодушные, бывшие до этого в задних рядах, теперь бежали первыми. Они выбрасывали из карманов патроны, стреляли вверх, швыряли в сторону тяжелые длинные ружья, которые неудобно заряжать и из которых без упора трудно стрелять.

Задних же настигала и рубила русская кавалерия:

Абдул-Резак ясно видел яркие мундиры гусар и казаков.

- Сьюбхан аллах! (Великий боже!) - воскликнул он. - Все погибло!

Абдул-Резак прекрасно знал своих воинов: если побежала хоть одна часть с поля, тотчас же ей следовали остальные. В атаке для турок не существовало никаких преград, но зато и в бегстве не было ничего, что бы их остановило. Страх летел быстрее ветра. И страх не просто быть убитым, а быть заколотым штыком: после того как Магомет запретил мусульманам есть свинину и приказал переколоть всех свиней, смерть от штыка считалась у турок позорной.

Абдул-Резак ударил своего бедуина плетью и бросился туда, где стоял толстый ага янычар.

- Останови этих трусов! - закричал он, указывая на бегущих.

- Я говорил тебе - будет плохо, пророк не за нас: когда мы выступали в поход, ветер дул нам в лицо! - ответил ага, поглядывая на столпившихся, тревожно перешептывавшихся между собою янычар.

- Их ружья длиннее наших ятаганов! Мы не хотим, чтоб нас закололи, как свиней! - кричали из толпы. Янычары жались поближе к палаткам, видимо собираясь тоже наутек.

Абдул-Резак круто повернул коня и поскакал к спагам. Но и тут никто не хотел слушать его. Спаги не слушали увещаний ни Абдул-Резака, ни своих начальников. Они навьючивали на лошадей свои и чужие вещи из брошенных палаток и только смотрели, успеют ли еще захватить что-нибудь или нет.

В лагере каждый уже думал только о себе самом. Если бы удалось остановить бегущих, весь страх мгновенно прошел бы и здесь.

Абдул-Резак помчался навстречу бегущим. Запыхавшиеся, красные, потные, они уже вбегали в лагерь, крича: "Вай! Хайди!" (Беда! Вон отсюда!) и вселяли страх и смятение в тех, кто еще кое-как держался.

Абдул-Резак вертелся на бедуине, размахивая выхваченной из ножен саблей, и кричал:

- Остановитесь, трусы! Стойте, презренные ишаки!

Но никто не останавливался. Только со всех сторон кричали ему со злостью и руганью:

- Встречай сам свою смерть!

- Ты на коне, а мы пешие!

- Ты спасешься, а мы погибнем!

- Накажи меня аллах, чтобы я вас покинул! - иступленно кричал Абдул-Резак. - Если хотите, и я с вами буду драться пешим...

Но его слова заглушил визг шлепнувшегося неподалеку ядра: русские пушки уже били по лагерю. Это еще больше усилило смятение.

Весь лагерь охватил ужас. Артиллеристы рубили построшки, собираясь удирать. Янычары кидались к спагам, стараясь как-либо уцепиться за стремя. Спаги били их плетями, рубили шашками. Пешие стреляли в верховых, чтобы завладеть конем. Какой-то янычар выстрелил даже в самого Абдул-Резака, но промахнулся.

Все окончательно потеряли рассудок.

Абдул-Резак метался по лагерю на коне, кричал охрипшим от отчаяния голосом:

- Дур! Дур! (Стой! Стой!)

Но все его старания были тщетны: турецкая армия бежала врассыпную, куда кто мог.

VII

Букарест изнывал в полуденной истоме. Было безветренно. Стояла удушливая жара.

Пыльные узенькие улочки опустели; даже свиньи, и те забились куда-то в тень.

По бревенчатой мостовой не дребезжала ни одна каруца. Умолкли всегдашние шумливые ферарави и скаумеле (Ферарави - медники, скаумеле музыканты.), притихли, обезлюдели веселые, оживленные ханы (Ханы трактиры.). Все обыватели попрятались в дома - забирались в просторные прохладные сени и пили дульчек (Дульчек - холодная вода с вареньем), особенно приятный в такую жару. Только в полутемных сенях и можно было найти спасение от зноя.

Суворов в одном белье лежал на коврике в сених. Час тому назад он вернулся из ставки, куда ездил докладывать главнокомандующему о козлуджинской баталии.

Когда 9 июня, на закате, турки бежали из Козлуджи, оставив Суворову трофеи - богатейший лагерь, обоз, 29 пушек и 107 знамен,-Каменский с главными своими силами еще только подходил к Делиорману. Он остановился на ночь у леса, а на рассвете 10 июня соединился с Суворовым у Козлуджи.

Суворов тотчас же предложил Каменскому идти вперед: путь за Балканы был открыт - у визиря в Шумле оставалась горсть людей.

Каменский не соглашался на это. Он твердил, что надо обождать, пока подвезут провиант. Фридрих II учил, что полководец не должен отходить от своих продовольственных магазинов дальше, чем на семь переходов. Каменский слепо придерживался этого, не учитывая, что здесь были иные условия, иной противник, а главное - что он имел дело не с наемным солдатом, а со своим, русским.

- Мы уже и без того не в семи переходах, а бог весть во скольких от магазинов,-упрямо твердил Каменский. Суворова наконец взорвало:

- Фридрих Второй да Фридрих Второй! Помилуй бог! Затвердила сорока Якова, твердит про всякого! - крикнул он и побежал прочь от этого фанатичного поклонника прусского короля.

Каменский упрямо не понимал того, что прусская тактика отжила свой век, не хотел видеть, что только суворовское движение вперед выиграло баталию у Козлуджи.

Из-за глупого упрямства Каменского вчерашняя славная победа Суворова теряла всякое значение.

Суворов тотчас же подал рапорт о болезни.

Действительно, его вновь стала трепать старая лихорадка, которая пристала к нему еще в Негоештах.

И Суворов уехал в Букарест. В Букаресте он пробыл полдня, а ночью отправился в Браилов к Румянцеву.

Главнокомандующий ласково встретил победителя, но отпустил ему несколько "купоросных пилюль", как любил выражаться Суворов. Румянцев корил Суворова за то, что он действовал независимо от Каменского.

- Но, ваше сиятельство, посудите сами, разве можно согласованно действовать с таким упрямым? - возражал Суворов.

- Хороши вы были оба при Козлуджи. Оба упрямы как козлы! - улыбнулся Румянцев невольно подвернувшемуся каламбуру.

- Может быть, я и упряма, но мое упрямство принесло России победу, запальчиво ответил Суворов. - А вот Каменский из упрямства стоит на месте. Разве после такой победы можно стоять! Не только день, а даже час промедления смерти подобен!

- В его положении не дни и часы, но каждый момент дорог, - согласился Румянцев.

Вспоминая сейчас все это, Суворов подумал:

"Разумеется, Каменский и все мои завистники будут кричать: Суворов не тактик! Суворов не по правилам! И пусть кричат! Да, да. Я-не по-прусскому! Я - по-русскому! Бил и буду бить врага".

- По-своему! - громко сказал Суворов и заходил из угла в угол.

- Кликали меня, ваше превосходительство? - просунул в дверь лохматую голову казак-вестовой.

- Нет, ничего. Отдыхай, братец! - ответил Суворов, продолжая ходить по сеним.

Глава шестая

СУВОРОЧКА

Смерть моя - для отечества,

Жизнь моя - для Наташи

Суворов

I

В просторной хате Трохима Зинченки со вчерашнего вечера стоял переполох: бабы подновляли пол, белили стены, мыли столы и лавки, а Трохим перетаскивал к брату, жившему по соседству, макитры, кожухи, свитки, прялки и прочее добро.

Все село знало эту новость: у Трохима будет жить сам генерал из дивизии, которая уже не первый год располагалась лагерем на поле.

Хата Трохима стояла на краю села, в садочке. Если бы в ней поместился какой-нибудь аудитор или поручик, не было бы никакого дива. Но в хате простого селянина собирался жить не лишь бы кто, а генерал, и это всех очень удивляло. Тем более, что в трех верстах от села находилось панское имение с большим домом, где всегда и жил прежний командир дивизии.

Все помнили высокого широкоплечего генерала, который, в орденах, напудренный и важный, как следует быть барину, генералу, проезжал иногда через село на тройке. Хотя он жил не у себя в имении, но и тут остался помещиком: в его руках было тысяч десять подневольных солдатских душ. Он распорядился ими, как хотел, отдавал солдат на работу к окрестным помещикам: у одного строили стодолы (Стодола - сарай для скота.), у другого - всю усадьбу. Не один батальон косил у панов хлеба и сено.

И за все лето генерал только раз или два устраивал ученья в поле, чтобы за косой, топором да граблями мушкатер не забыл, как ходить ровно по линейке, а гусар не разучился ездить верхом.

А в этом году прислали нового генерала. Все поле забелело палатками. Новый генерал не отпустил на сторону на работы ни одного солдата: косили сено только для своих лошадей и убирали хлеб только свой, купленный у помещиков на корню для дивизии. Большею же частью занимались военным делом то учились стрелять, то уходили куда-нибудь, чуть ли не под Харьков, в поход.

Иногда утром пастухи, гнавшие скот, видели, что лагерь опустел за ночь, что в нем остались одни часовые. А через несколько дней с другого конца села с песнями и барабанным боем возвращались домой полки.

И впереди войск, на коне, ехал такой же запыленный и черный от загара, с таким же обветренным лицом и шелушившейся на носу кожей, как у всех его мушкатеров, егерей и гусар, этот генерал.

Он ни в чем не походил на тех генералов, которых привыкло видеть село.

Генерал должен быть толст, чванлив и важен. А этот, худенький и неказистый, приветлив и прост.

Генерал должен быть всегда в красивом мундире, чтоб блестели пуговицы, галуны, ордена. А этот одет в полотняные штаны и куртку, как дьячок, когда работает в поле.

Одним словом, если бы не знать, кто это, никому и в голову не пришло бы, что это генерал.

- Може, вин и добрый вояка, але який же з него генерал! - высказал кузнец общее мнение всех селян, когда они впервые увидели генерала в церкви у обедни.

Но все-таки, как он странно ни одевался, как ни держал себя просто со всеми - разговаривал у церкви с ребятами, сам подал полушку убогим, но был он командиром - шутка ли сказать! - целой дивизии.

И все село завидовало Трохиму, что ему вдруг привалило такое счастье.

У Трохимова плетня толпились любопытные бабы и ребяташки - смотрели, что будет дальше, ждали. Бабы стояли у самого перелаза, а ребятам из-за них ничего не было видно. Большие вешались на плетень, а меньшие поглядывали в щели.

К хате подъехала солдатская повозка, запряженная худой лошадежкой. В повозке сидели ямщик в рыжей шапке с желтым медным орлом и молодой толстоносый парень - нос у него, как добрая груша. Толстоносый парень был, по всей видимости, генеральский денщик.

Никого уже не удивляло то, что у нового генерала всего-навсего один человек, - у генерала все было по-иному. Денщик стал вносить в хату генеральские вещи. Но и вещей

было мало.

Сначала он порадовал всех - достал из узелка и встряхнул настоящий, как надо быть, темно-зеленого сукна, с золотом и орденами, генеральский мундир.

Бабы так и ахнули.

- Дивиться, дивиться, ось яке!

Денщик понес мундир в хату, где мать и дочь Зинченки уже стлали полавники, вешали на иконы чистые, вышитые петухами длинные ручники, шест, протянутый над кроватью, покрывали рядом.

Кроме мундира и таких же штанов и золотого шарфа с темляком, еще были новые ботфорты со шпорами.

Проходивший мимо хаты гончар издалека оценил их:

- Сравни. Мабуть, карбованьци два коштують!

Но остальное все - пустяки: книги в желтых телячьих переплетах, небольшая подушка в ситцевой наволочке, синий плащ, шпага и ломаный подсвечник.

Не на что смотреть!

На дне повозки больше ничего не было.

Солдат поехал назад к лагерю, а толстоносый неразговорчивый денщик, кликнув на помощь хозяина, стал зачем-то разбивать в саду, возле дома, палатку.

- Це що, тут буде стояти варта? Генерала вартувати? - любопытствовал Зинченко.

- Нет, - буркнул Прохор.

- Сами будете спати? Та хиба ж в хати мисця мало?

- Нет.

Зинченко больше не стал допытываться - из денщика слова хоть клещами рви.

Через минуту угрюмый Прохор сам сказал:

- Ляксандра Васильич не любить в избе спать.

В полдень нежданно-негаданно - никто и не заметил" как он подошел, явился сам генерал.

Бабы все так же стояли кучкой у перелаза, говорили разное, забыв о генерале. Говорили про то, что в Хорошках объявилась ведьма и пьет молоко у коров, про то, что к гончарихе - бога не боится и детей не стыдится - бегают сват.

И в это время кто-то легонько ударил пальцами в толстые бока Горпины, которая стояла у перелаза на самой дороге. Горпина вскрикнула - боялась щекотки,- круто обернулась, собираясь уже ударить по рукам шаловливого мужика, и обомлела: перед ней стоял, весело улыбаясь, сам генерал.

Когда он возвращался из похода, небритый и черный, или когда стоял во время обедни на левом клиросе и издалека видны были только его впалые щеки с двумя складками вдоль носа и высокий лоб, изборожденный морщинами, генералу можно было дать за пятьдесят. Но сейчас голубые глаза глядели молодо, небольшой приятный рот насмешливо улыбался.

- Позволь, красавица! - сказал генерал.

- Ой, лышенько! - смутилась покрасневшая Горпина, пятясь назад.

Генерал легко, как двадцатилетний, перемахнул через перелаз и быстро зашагал к хате. Бабы оживились, потешаясь над Горпиной, расспрашивали, как генерал пощекотал ее, верили и не верили ее рассказам.

А из хаты доносился веселый, быстрый голос генерала. Ему вторила бойкая скороговорка Параски, жены Зинченки. Хитрая, льстивая баба сокотала, рассыпалась перед таким важным постояльцем - дробней маку.

Но что происходило в хате, не было видно, а всем так не терпелось хотелось узнать. Бабы заходили то с одного, то с другого боку - не видать. Наконец какой-то черноглазый хлопек, бывший пошустрее остальных, перескочил через перелаз, подбежал к хате и смело глянул в небольшое оконце. Он постоял так с минуту, а потом кинулся со всех ног назад к плетню.

Бабы обступили хлопца.

- Ну, що?
- Сидить та исть.
- Що исть?
- Титка Параска насипала йому борщу.
- Брешеш?
- Не брешу! - обиделся хлопец. - Побижить подивиться!
- Боже ж милостивый! Генерал исть борщ!
- Вин сказився.
- А чого б и не исти? Параска добре варить.
- Та же не я або ты. Нас с тобою пусти, мы будем исти и бога хвалить: Параска в борщ добре, мабуть, сала натовкла. А то ж вин сказано - генерал!

Обедал генерал недолго - по-солдатски. Пообедав, направился в сад, на ходу сбрасывая с плеч полотняную куртку. Заглянул в палатку и вышел оттуда с какой-то бумажкой в руке. Генерал стал быстро ходить по саду, то и дело заглядывая в бумажку и что-то бормоча.

От перелаза было невозможно что-либо услышать. Ребята побежали к саду со стороны улицы, где рос вишенник. Приникли к плетню, осторожно смотрели из-за него.

- Мыкало, Мыкало, ось я бачу. Иди сюды!-шептал один.
- Та почекай, и у мене добре видно.
- Де вин? Я ничего не бачу! - хныкал и лез ко всем ребятам самый маленький из них, не видевший ничего.

- Ось, дурный! Ось, бач! - тыкал его головой в проломленный плетень старший хлопец. Смотрели, жадно слушали, что такое сам с собою говорит генерал, но ничего не понимали: генерал говорил на непонятном языке.

Потихоньку за ребятами потянулись к вишеннику и любопытные бабы. Подходить к самому плетню соромились. Стояли на дороге, издалека тихо спрашивали у ребят:

- Що вин робить?
- Що вин говорить?

Ребята разочарованно отвечали:

- А хто ж його зна. Ходить та бормоче.
- А що ж бормоче?
- Молиться або що?
- Щось бормоче не по-нашему...

Ребятам уже становилось скучно смотреть на эти генеральские сапоги сапоги как сапоги, даже без шпор, - на небольшую косичку генерала, на его худую шею. Ничего интересного.

Но генерал ходил недолго. Он шмыгнул вдруг в палатку и остался в ней. Должно быть, лег спать. Ребята божились, что слышат, как генерал храпит.

- О, чуеш, чуеш?
- Та ж то Петро сопе...
- Петро, одийди!

Маленький Петро обиженно отошел в сторону.

- О, чуеш?
- Эге.

- Спыть. Мыколо, побежимо на ричку купаться... А в это время денщик Прохор не торопясь обедал за тем же самым столом, за которым полчаса тому назад ел генерал. Прохор сказал хозяевам, что у его барина такой порядок: после обеда он учит по бумажке турецкий разговор, а потом ложится спать, стало быть, пока что, можно и ему спокойно пообедать.

- А на що генералови вчитися по-турецькому? - спросила хозяйка.
- Дурна баба, - вмешался муж, - з турками которий рик воюе и по-християнському з ними буде балакати? В полон кого возьмут або що...

Хозяин сбегал в шинок, принес полкварты горелки - хотел развязать язык денщика, расспросить у Прохора про такого необычного генерала. Горелку Прохор выпил охотно, но

остался все так же немногословен и мрачен, как и был. Он только сказал, что барин - что ж, барин? Барин ничего, добрый!

- А чи богатый? - спросил Трохим.

- Бога-атый...

- А чи жонатый? - спросила Трохимиха.

- Женат. Барыня, должно быть, сегодня приедут из Москвы - ждем!..

Тут обе Зинченки - мать и дочь - засыпали Прохора вопросами.

Прохор ковырял в зубах пальцами, икал, глядя на опустевшую полквартиру, и, слабо понимая, что такое лопочут бабы, все переспрашивал:

- Ась? Чего-с?

Разобрав наконец, что они хотят побольше знать о генеральше - какого она роду, красивая ли и прочее, - Прохор только махнул рукой и изрек:

- Баба да бес - один у них вес!

И больше не стал ничего говорить - курил, задумчиво вертя в пальцах пустую чарку.

Хозяйка, отчаявшись разузнать у денщика что-нибудь еще, стала собирать со стола, когда на улице послышался шум.

Ее дочь глянула в окно, всплеснула руками и закричала:

- Генеральша ийде!

Хозяева опрометью бросились из хаты. А Прохор нетвердыми шагами побежал в сад будить барина.

К дому действительно подъезжала целая вереница телег, точно свадебный поезд. Впереди ехала высокая коляска, запряженная тройкой лошадей. Ее нанимали полная румяная женщина лет тридцати и молодой офицер в новеньком мундире и треуголке. Между ними виднелась светловолосая пушистая головка миловидной девочки с большим голубым бантом в волосах. На передней скамейке, против господ, сидела горничная.

На следующих возках и телегах, среди узлов, сундуков и корзин, пестрели кофты и платки дворовых девок.

Навстречу приехавшим бежал из сада в туфлях на босу ногу генерал. Он радостно улыбался и кричал:

- А, приехали! Добро пожаловать!

Горничная, сидевшая в коляске, взяла на руки девочку и передала ее подбежавшему генералу. Генерал подхватил дочь и стал целовать ее, приговаривая:

- Наташенька!

Сестричка!

Суворочка!

Молодой офицер выпрыгнул из коляски и помог выйти барыне, которая без удовольствия смотрела на эти низенькие белые хатки, на желтые головы подсолнечников, на горшки, сушившиеся на плетне.

Генеральша, шурша юбками, подплыла к мужу. Он, не отпуская дочери, одной рукой обнял жену, поцеловал ее и пошел к хате, нисколько не обращая внимания на щеголя-офицера, который, сняв треуголку, почтительно стоял поодаль.

- Саша, - остановила мужа генеральша, - что ж ты не здороваешься с Николаем Сергеевичем? Племянника знать не хочешь?

Генерал, державший дочку на плече, обернулся. Быстро взглянул на щеголя-офицера.

- Здравия желаю, дядюшка! - поклонился офицер.

- Здорово, дружок, здорово, - каким-то вялым, безразличным голосом ответил генерал, делая шаг к племяннику и подставляя ему щеку для поцелуя.

- Николай Сергеевич нас сопровождал. Охранял! - сказала жена.

Генерал фыркнул.

- Услужил! Премного благодарен. Помилуй бог! Услужил! - все так же неласково говорил генерал, меряя с ног до головы неожиданно приехавшего родственника.

Потом вдруг его глаза снова вспыхнули всегдашним огнем.

- Сергея, двоюродного брата, сынок? - как будто что-то вспоминая, твердо спросил он.
- Точно так.
- В каком чине изволите служить, ваше благородие?
- Секунд-майор.

Генерал еще раз окинул его быстрым взглядом и, приговаривая: "Секунд, секунд!" - побежал к хате вприпрыжку, изображая лошадь.

Светловолосая девочка звонко смеялась, держась за голову отца обеими руками.

Генеральша шла за ними, недовольно поджав толстые губы. Секунд-майор смущенно следовал сзади.

...Бабам хватило разговоров о Зинченковых постояльцах на целый день. Все село тотчас же узнало, что генеральша Суворова привезла с собой двенадцать дворовых девок и шесть сундуков с платьем, что она заказала Параске варить только для девок на обед три курицы, а себе - селезня и поросенка, что у генеральши полны руки колец, что она как стала переодеваться, так на ней было накручено пять шелковых юбок, не считая исподних, что она, видать, настоящая богатая барыня. Все бабы наперебой хвалили ее.

- Та молода, вродлива, як троянда (Троянда- роза.)!
- А богата: убрання на йий бачила яке?
- Шовкове!
- А донька яка маленька, пригожа. Зубки - як кипинь били. Таке голубьятонько!
- А хто ж той молодий?
- Племянник, кажуть...
- Ой то ж мени; тии племянники у молодой баби! - покачала головой жена кузнеца.

II

Ветра почти не было - пламя свечи едва колебалось. Александр Васильевич сидел у себя в палатке и писал.

Он встал, как обычно, в третьем часу пополуночи. На густом украинском небе еще ярко горели звезды. Было тихо. Лишь в саду время от времени с глухим стуком падало на землю яблоко да по всему селу перекликались верные часовые - горластые петухи.

Александр Васильевич занимался хозяйственными делами. Сегодня уезжали назад подводы, привезшие вчера Варютины вещи и дворовых девок. Нужно было еще раз прочесть все письма и отчеты московского домоправителя и адъютанта поручика Кузнецова, которого Суворов звал просто Матвеичем, и корявые, смешные письма старост других суворовских вотчин и деревень.

После смерти батюшки (он умер в ту осень, когда родилась Наташенька, ровно четыре года тому назад) Александру Васильевичу приходилось самому заниматься постылыми хозяйственными делами. Раньше он не касался до этого, а теперь нужно было вникать во все.

Нужно было помнить, что в Рождестве мало заведено домашней птицы, в Ундоле - надо строить дом, а в Кончанском староста - видно по письмам - лжец и льстец, и, стало быть, от него нет житья мужикам, но проверить это пока что нельзя: в Кончанском Суворов еще ни разу не был.

Наконец, надо следить за всеми плутнями постоянного стряпчего Терентия Ивановича, известного болтуна и безвестного пииты, а прежде всего первостатейного прохвоста, которому Александр Васильевич два года назад как-то неосмотрительно доверил ведение всех своих дел. "Велеречивый юрист Терентий", как для себя называл его Александр Васильевич, всегда вел в суде какую-то тяжбу. Суворов прекрасно понимал, зачем это делается: затем, чтобы показать, что Терентий Иванович не зря получает в год пятьсот рублей ассигнациями.

Александр Васильевич не терпел всех этих хозяйственных дел: они напоминали ему те несносные годы, когда он был обер-провиантмейстером в Новгороде и комендантом в Мемеле.

Но делать было нечего: приходилось читать отчеты, думать о разных хозяйственных мелочах, хотя у Суворова и без них было о чем думать. Приходилось решать - решал-то

Александр Васильевич быстро! - и, что скучнее всего, писать.

Александр Васильевич уже написал длинное письмо Матвеичу. Матвеич хороший, честный служака, но еще молод. В голове у него бог весть что, и если ему вовремя не напомнить, поди, все перезабудет.

Александр Васильевич напомнил ему о дровах-поколоты, сохнут ли? - о том, что надо наварить и зарубить в лед крепкого русского пива - пиво Суворов любил, - о том, чтобы насушить к зиме грибов, насолить огурцов, наготовить капусты белой и серой и кочанной.

Подумал и приписал:

Так же и всех земляных продуктов довольное число в запасе до новых.

- Кажется, все? Нет, еще о музыкантах и певчих.

В московской дворне осталось от батюшки довольно музыкантов и певчих. Александр Васильевич тоже любил и музыку и пение, но не мог примириться с тем, что теперь все эти люди сидят там ничего не делая. В прошлом письме он написал Матвеичу, чтобы все музыканты и певцы работали в огороде, в саду, на пашне - где захотят, чтобы сами добывали себе хлеб. Велел дать им коров, лошадей, семена, бороны, сохи. А Матвеич пишет, что не все взялись за хозяйство.

Конечно, дудить в трубу или петь легче, чем за сошкой ходить! Но от лени и праздности - одни пороки.

Написал:

Остающимся вокальным инструментам пахать и сеять.

"Вот теперь все. Только ответить на письмо старосты Пензенского села Никольского".

Староста хочет отдать бобыля в рекруты. Вспомнил - обозлился.

- А почему - бобыль? Почему допустили до того, что шатается по миру голодный?

С размаху ткнул пером в чернильницу. Мелко, бисерным почерком, быстро застрочил:

Бобыля отнюдь в рекруты не отдавать. Не надлежало позволять бродить ему по сторонам. С получением сего этого бобыля женить и завести ему миром хозяйство. Буде же замешкаетесь, то я велю его женить на вашей первостатейной девице, а доколе он исправится, ему пособлять миром во всем: завести ему дом, ложку, плошку, скотину и прочее.

Даже кляксу посадил с досады.

Староста... Толстая морда! Самого бы его на место этого парня-бобыля! "Бобыль, бобыль!"

Да, он прекрасно знает, что такое бобыль. Таких бобылей у него в полках - сотни. Честные люди; Прекрасные, исполнительные, храбрые солдаты.

Александр Васильевич вскочил. Шагнул было по палатке, но в ней не разойдешься: шагнешь - и уже очутишься в саду. Схватил со стола табакерку. Понюхал и сморщился прислушиваясь.

Чихнул.

"Дрянь табачок. Ах ты, Матвеич, Матвеич, простая душа! - покачал он головой.- Добрый человек, а любой торгаш вокруг пальца тебя обведет: вот всучили какую-то дрянь! - Матвеич прислал с Варютой табаку, и, как всегда, присылал ли он чаю или табаку, все плохо. А к чаю и табаку Александр Васильевич был равнодушен.- Сам не нюхает, а ведь не посоветуется со знающим человеком. Верит торговцу".

Суворов сел и, взяв перо, написал:

От нюхательного табаку, тобой присланного, у меня голова болит. Через знатоков надобно впредь покупать, смотри исправно внутрь, а не на обертку, чтобы не была позолоченная ослиная голова.

Задумался.

Вот и Варюта такая же, как Матвеич: все на обертку только смотрит, и оттого все у нее - "позолоченная ослиная голова". Притащила с собою этого франта-племянника.

Суворов фыркнул от досады.

"Дура!"

Думал: Варюта крепкая, из нее выйдет добрая мать-командирша, солдатская жена, товарищ в походе, в лагере, а не вышло так. Вышло такое, что лучше и не говорить.

В это время издали слышалось тараканье колес - ехали подводы, которым Александр Васильевич велел еще до света отправиться из села назад, в Москву.

Сколько раз он говорил Варюте, чтобы она, приезжая к нему в армию, не тащила с собой весь этот курятник - целую кучу ненужных дворовых девок.

Прозоровские век жили на широкую ногу, привыкли без толку сорить деньгами направо и налево. У них в доме всегда толкалось без дела пропасть народу - горничные, лакеи, разные кофишенки, музыканты, казачки. Приехала и сюда с этим выводком.

Александр Васильевич сам ни одного часу не сидел без дела и не переносил безделья и лени ни в ком. Потому он решил оставить при Варюте и Наташеньке одну горничную Улю, данную за Варютой в приданое, а остальных, двенадцать рождественских девок, немедля, сегодня же отправить восвояси в Москву. И отправить спозаранку, пока Варюта спит, чтобы меньше было слез и крику.

Подводы подъезжали. Уже, заслышав их, Прохор пошел будить девок собираться в дорогу. Нужно было кончать письма.

Александр Васильевич перечел еще раз все, что написал.

Приписал:

Пиши, Матвейч, кратко, да подробно и ясно, да и без дальних комплиментов.

Подписался, присыпал письмо песком и стал складывать толстый лист.

Сверху надписал:

Государю моему, моему младшему адъютанту его благородию Степану Матвеевичу Кузнецову в доме моем близ церкви Вознесения у Никитских ворот.

Достал сургуч и печать. Запечатал. В палатке приятно запахло сургучом. Посмотрел на печать - как получилось. Хорошо: знамена, пушки, сабли - четки, ясны. И легко можно прочесть вытисненный на печати суворовский девиз: Virtute et veritate. (Добродетелью и справедливостью.).

III

Варваре Ивановне хорошо спалось с дороги. Она не слышала ничего: как уезжали девушки, как мимо хаты гнали в поле скотину, как встала Наташа, которой постлали постель на лавке, у окна.

Когда Варвара Ивановна открыла глаза, солнце стояло уже высоко.

Варвара Ивановна лежала, осматривая хату. "Эти грубые полавники выбросить постлать свой бухарский ковер. Холстину, что висит на шесте, над кроватью, тоже убрать. Вместо нее можно будет повесить шаль. А ручки на иконах-пусть висят!"-думала она. Решила вставать - хотелось есть.

- Уля! - позвала она горничную. Ответа не было.

- Ульяна! - повторила Варвара Ивановна. Молчание.

- Ушла куда-нибудь. Маша! - крикнула она погромче. Никого. Начинала разбирать злость.

- Не слышат, оглохли! Вот встану, я ж вам! Настя!-уже сердито закричала Варвара Ивановна.- Настя!

Все то же - никакого ответа. Варвара Ивановна вскочила с кровати в одной сорочке, босиком побежала по холодному глиняному полу, приоткрыла дверь в нагретые солнцем, пахнущие огурцами, дынями и какими-то травами сени.

- Девки, подите сюда!

На крыльце кто-то зашевелился, шагнул в сени. И в ярком солнечном свете показалась не то смущенная, не то виноватая рожа Прохора.

Варвара Ивановна захлопнула дверь, быстро пробежала назад, к кровати, и села, прикрывшись одеялом.

Дверь медленно отворилась, и в нее сначала просунулся толстый нос Прохора, а потом и весь он сам пролез бочком в хату.

- Чего изволите, ваше превосходительство?

Денщик стоял у порога, потупивши голову, - старался не смотреть на полуобнаженные полные плечи генеральши и ее голые ноги.

- Ты чего влез? Разве я тебя звала? - накинулась на него Варвара Ивановна. - Где все девки? Что это значит? Куда они ушли?

- Барин услал.

- Куда услал?-встревожилась Варвара Ивановна, чуя недоброе.

- Домой.

- Как домой? Куда домой?

- В Рождествено.

Варвару Ивановну точно обухом ударило.

- Ты пьян. Ты... - запнулась она от гнева.

- Никак нет, ваше превосходительство, я не пьян! - впервые поднял он на барыню глаза: действительно, хотелось бы выпить, но еще сегодня нигде не довелось.

- Что ж он, старый бес, с ума сошел? - дрожащим от слез голосом закричала Варвара Ивановна.- Почему он услал?

- Ляксандра Васильич говорят: а чего ж, говорят, им здесь баклуши бить?

- И кроме тебя, дурака, никого не осталось?

-Зачем никого? Есть. Ульяна есть. Она за Наташенькой побежала. Я сейчас...

И он уже повернулся к двери, но в это время в хату вбежала Ульяна.

Прохор воспользовался ее приходом и поскорее шмыгнул в сени - подальше от беды.

Из хаты неся плач рассерженной, расстроенной барыни.

"Ничего: бабьи слезы дешевы!" - думал Прохор, идучи ставить для барыни самовар.

И он оказался прав: барыня скоро поутихла и успокоилась. А когда к чаю пришел племянник Николай Сергеевич, который поместился в соседней хате, Варвара Ивановна уже смеялась.

Такую, смеющуюся и веселую, застал ее Александр Васильевич, возвратившийся сегодня из лагеря несколько раньше вчерашнего.

Суворов тоже был в отменном настроении - день складывался как-то хорошо. Надоедливые хозяйственные дела улажены, о них можно уже долгое время не думать; девки, которые раздражали бы своей всегдашней суетой и бездельем, уехали; больных в лагере немного, не более пяти человек на полк; егеря стреляли на ученье хорошо; и, главное, дома его ждали Варюта и Наташенька.

Что бы ни делал Александр Васильевич - смотрел ли, как полужены ротные котлы, следил ли за тем, как егеря быстро заряжают ружья, но все время сегодня где-то стояла мысль о жене и дочери.

Не доходя до Трохимовой хаты, Александр Васильевич на улице увидал Наташеньку.

Она вместе с какими-то крестьянскими ребятишками играла возле низенькой хаты. Была Наташа в одном платьице, с непокрытой головой и босая.

Александр Васильевичу понравилось это. Вспомнилось, как он бывало в детстве, в Рождествене, вот так же целыми днями играл на улице с дворовыми мальчишками в разбойников, без счету купался в речке и вместе со всеми, за компанию лазил в отцовский сад воровать зеленый крыжовник.

"В меня пошла",- подумал Суворов.

Ребята, увидав подхотившего генерала, сказали об этом Наташе. Она обернулась и бросилась к нему навстречу. Повисла у отца на руках. А потом, когда отец поднял ее, целуя, попросила:

- Папенька, прокати, как вчера.

Александр Васильевич усадил ее к себе на шею и, держа руками за голые, все в песке, толстые ножки, побежал к хате.

Так, верхом на папеньке, Наташа въехала и в хату.

- Вот и мы! Принимайте, маменька, гусара!-весело сказал Александр Васильевич, входя

в чисто прибранную прохладную хату.

Варвара Ивановна поднялась из-за стола, но племянник опередил ее и снял с плеч Александра Васильевича Наташеньку.

Суворов ласково поздоровался с племянником.

- Вчера - запамятовал, а сегодня вспомнил тебя, Коля! - сказал он. Служить к нам пожаловал?

- Хотелось бы, дядюшка.

- Ладно. Послужим! - ответил Суворов.- Ну как, Варенька, тебе спалось на новом месте?-спросил он, целуя жену.

Варвара Ивановна вспомнила давешнюю обиду и уже нахмурилась, но муж предупредил ее:

- Знаю, знаю - гневаешься, что отослал домой твоих дур. Не сердись, душа моя. Ведь, право, им тут нечего делать! В прошлом году жили же мы в Крыму с одной Улей и Прохором. И неплохо.

Если бы в хате не было Николая Сергеевича, Варвара Ивановна не так легко простила бы мужу, но теперь ей не хотелось поднимать спор. Тем более еще, что Александр Васильевич сегодня был особенно ласков даже с Николаем Сергеевичем.

И она только возразила:

- Да разве Уля справится одна со всем?

- А Прохор зачем?

- Прохор вечно пьян...

- Выпить он любит-это верно, но зато-хороший слуга. Пьян да умен - два угодя в нем, - улыбнулся Суворов.

- А что подумают о нас люди? Генерал, а один денщик да горничная, точно мелкопоместные какие...

- Пусть думают, что хотят, помилуй бог! Меня моя матушка императрица знает, меня солдат знает, а до остального мне и дела нет! - ответил Суворов.

И на этом разговор о дворовых девках окончился.

IV

Четырехлетняя Наташа проснулась, как всегда, вместе с мухами: еще все спали, но мухи уже почуяли день, без устали кружились под потолком.

В хате стоял полумрак - на ночь окна закрывались старыми, щелистыми ставнями. В полумраке все представлялось иным; арбузы на лавке - словно чьи-то головы, а маменькин салоп - как страшная ведьма, о которой вчера вечером, захлебываясь от страха, рассказывала Гапка.

Но Наташа не трусиха.

Это вечером немного страшновато пробегать через темные сени, когда не знаешь к тому же, дома ли маменька или опять ушла куда-нибудь с дядей Колей. Но теперь ничего. Теперь Наташа чувствовала, что выспалась, - значит уже утро, - значит на дворе солнце, голубое небо, а над садом, над ставом высоко пролетают тонкие паутинки.

Наташа повернулась к маменькиной кровати. Голубое атласное одеяло возвышалось на постели, точно гора. Середина этой горы едва заметно колыхалась. Так и есть: маменька еще спит.

Но за окном, в саду, где стояла папенькина палатка, слышались голоса: один быстрый, со смешком, а другой медленный, приглушенный, гудевший, точно шмель в вишеннике. Папенька встал уж - он вставал раньше Наташи, - напился чаю, побегал по саду и теперь сидит и читает толстую книгу, а Прохор, как всегда с утра, бурчит, чем-то недоволен.

Вставать, вставать!

Наташа отбросила одеяло, схватила платье, перекинутое через спинку кровати. Повертела платье в руках, чтобы найти на нем желтенькую пуговку, Уля всегда твердит: эта пуговка должна быть сзади! Нашла ее, надела платье так, как учила Уля. Пуговка все-таки очутилась почему-то на груди, но Наташа не стала переодеваться-некогда: папа сейчас

убежит в лагерь к солдатам. Наташа легла животом на кровать, спустила вниз толстые загорелые ноги и привычно соскочила на холодный глиняный пол. Побежала к дверям, встряхивая своими пушистыми льняными кудрями.

В сенях было уже совершенно светло. Наташе казалось странным, что горничная Уля, спавшая в сенях на полу, может в такую пору сладко храпеть.

Хлопнув дверью, Наташа выскочила на крыльцо.

Улица была пуста. Солнце только что всходило. На белой стене низенькой одноглазой хатенки, где жила Гапка, Наташина подруга, горели первые солнечные лучи.

Наташа бочком спустилась по ступенькам крыльца, бесстрашно прошла мимо злого индюка, который забавно надувался и пыхтел, и побежала в сад.

Еще издали она увидела всегдашнюю картину; под яблоней, на складном стуле, сидел папенька. На коленях у него лежала та же самая толстая книга, в которой нарисованы солдаты и пушки. Папенька что-то говорил Прохору, выглядывавшему из палатки. Маленькая косичка папеньки, перевязанная черной шелковой лентой, смешно вздрагивала.

Отца Наташа любила больше, чем мать.

Наташа - непоседа и егоза. От маменьки всегда только и слышишь: "не тронь", "положи на место", "ступай, займись своим делом". У маменьки много припасено для Наташи этих "нельзя": перед обедом есть варенье - нельзя, полоскаться в пруду - нельзя, драться с мальчишками на улице - нельзя. Маменька редко сама играла с Наташей и никогда не брала ее с собою, когда собиралась идти гулять с дядей Колей на реку или в леваду.

А с папенькой всегда весело.

Его не надо просить, он сам охотно шалил с Наташей: играл в прятки, прыгал на одной ножке, умел смешно лаять по-собачьи, так, что хозяйская кошка Мушка, услышав лай, в страхе и недоумении смотрела то на папеньку, то на Наташу: где же этот страшный пес? А Наташа стояла, зажав руки в коленки, смеялась над глупой Мушкой. И, самое главное, папенька все позволял Наташе: бегать босиком, играть на улице с Гапкой, пить холодную воду.

В палатке у него ничего интересного не было, - у маменьки в хате куда интереснее: и разноцветные лоскутики, и красивые шелковые ленты, и флакончики на столе у зеркала. Так и хочется все посмотреть, потрогать, но это - заказано.

А в папенькиной палатке даже зеркала нет, ничего нет, кроме книг и большого флакона с одеяланом.

Но с папенькой все равно веселее. И Наташа спешила к отцу, чтобы еще застать его дома.

По скошенной, совершенно выгоревшей от солнца траве быстро не побежишь - колется. Наташа знала уже, как надо бегать, - поджимала пальцы, ступала не на всю ногу, а на ребро, и все-таки ногам было больно.

Но отец уже увидел ее. Он с радостным криком кинулся ей навстречу:

- А, шалуныя моя! Сестричка! Суворочка! Хош гельдин! - Наташа знала от папеньки: это по-турецки значит - здравствуй!

Он подхватил Наташу подмышки, поцеловал в обе щеки - щеки у Наташи были пухлые и румяные, как у маменьки, - и подбросил высоко вверх. У Наташи сладко захватило дух - и страшно и приятно. Она зажмурила глаза.

- Как спали-почивали, ваше превосходительство? - спросил ее отец, держа на руках.

Наташа не ответила на вопрос. Улыбаясь, она пристально рассматривала это знакомое худощавое лицо, высокий лоб, на котором, как ступеньки, одна над другой легли морщины. Потом вдруг обняла отца за шею обеими руками и потрогала его косичку.

Папенька состроил уморительную гримасу и запрыгал на одном месте.

- Ой, Суворочка! Сакын, шу шеи эйлеме! (Не делай этого!) - взмолился он.

Этих слов Наташа не знала, но поняла: трогать косу нельзя. Она опустила руки и сказала:

- И у меня будет такая коса, как у тебя. Уля говорила. Ага!

- Я свою косу скоро отрежу!
- Почему? Заплетать надоело?
- Скоро, сестричка, все солдаты будут без кос.
- Ты хитрый, я знаю: боишься, что у меня коса вырастет больше твоей!
- Боюсь, Суворочка, боюсь! А ты что сегодня так поздно встала? Мы ведь ложились вместе. Вероятно, не скоро заснула? - спросил отец. - Кто тебе не давал спать? Мухи кусали?
Он всегда ложился спать с закатом солнца.
- Я маменьку ждала... Знаешь, - оживилась Наташа, - что я тебе смешное расскажу!
- Ну, что? Гапку опять индюк напугал?
- Нет, Вчера вечером дядя Коля кормил маменьку вареньем с ложечки, как маленькую. Сам ест и ей дает. Так смешно было. Я еще не спала, видела, рассмеялась Наташа.

Но папенька почему-то не смеялся. Он вдруг спустил Наташу с рук на землю и сказал:
- Ступай, Наташенька, мне надо идти!
Он подбежал к палатке, схватил треуголку и, размахивая ею, быстро пошел из сада. Наташа побежала к перелазу через плетень. Смотрела вслед отцу.

Папенька шел, как всегда, очень быстро. Но сегодня он почему-то ни разу не обернулся назад и не помахал Наташе рукой. И перед уходом забыл спросить у Наташи, как будет по-турецки "первый", "второй", "третий": папенька учил Наташу считать.

И теперь Наташа невольно повторяла затверженные слова: . биринджи,
икинджи,
ючюнджю...

V

Варвара Ивановна уже две недели жила в селе. Всякий раз, как она приезжала из Москвы к мужу в армию, ей быстро надоедала эта походная обстановка.

Александр Васильевич целый день был занят. Он вставал еще ночью и уже с восходом солнца уходил к своим солдатам. К полудню он возвращался домой, обедал, спал часа два, а потом читал газеты и книги и обязательно учил по тетрадке какие-либо турецкие или татарские слова.

А ей без дела было скучно. Дома, в Москве, Варвара Ивановна тоже ничего не делала, но день был как-то заполнен: то приезжали гости, то сама отправлялась к родным и знакомым, ездила в церковь, наконец, распоряжалась по хозяйству-давала работу своим девушкам.

День и проходил незаметно.

А здесь он тянулся мучительно длинный, ничем не занятый. Читать Варвара Ивановна не любила, в церковь ходить здесь мало удовольствия - от холопных сапог несет дегтем, на клиросе гнусавит один дьячок, да и кого встретишь в сельской церкви? В гости поехать не к кому - Александр Васильевич ни с кем из окрестных панов-помещиков не заводил знакомства.

Варвара Ивановна, зная, что деревня ей скоро наскучит, взяла с собой побольше прислуги, чтобы хоть было чем заняться. Но муж на следующий же день услал всю дворню назад, в Москву. Сам командовал тысячами людей, а ей оставил одну Ульяну да угрюмого Прохора.

Унижаться же и говорить с деревенскими бабами она не хотела. Изредка лишь говорила о том о сем со своей хозяйкой Параской, но и то Варвара Ивановна очень плохо понимала ее быструю украинскую речь.

Возиться с Наташей она не очень любила, - да Наташа была похожа на отца: как убегала утром с ребятами, так Уля едва находила ее к обеду и ужину. Наташа загорела и потолстела и стала разговаривать, как холопка: подсолнечник называла "соешником", вместо "яйца" говорила "крашанки". Варвару Ивановну это раздражало. В первые дни она не отпускала дочь на улицу, чтобы Наташа не играла с холопскими детьми, но Наташа томилась, плакала. И, кроме того, папенька во всем поддерживал Наташу.

Он ничего не имел против того, чтобы его дочь играла с деревенскими ребятишками, и

всегда потешался, когда Наташа за столом говорила:

- Мамочка, насыпь мне еще борщу!

- Что ты говоришь? Ну, как это можно "насыпать" борщу, когда он жидкий! - возмущалась Варвара Ивановна.

- Ты напрасно, Варенька, ее бранишь - она правильно говорит, заступался отец. - Всякий язык - хорош. А чем какой-нибудь турецкий лучше украинского? Говори, говори, сестричка! Учись! Языки надо знать!

И Варвара Ивановна отступилась от Наташи. Она знала, что скоро вернется в Москву и от Наташиного украинского языка в две недели не останется и следа: девочка так же быстро забудет все эти слова, как быстро запомнила.

Варвара Ивановна совсем умерла бы от тоски, если бы не племянник мужа Николай Сергеевич.

Мужа Варвара Ивановна не любила - только терпела. Выходила она за Суворова по расчету - так настояли родители. Вздыхателей у Варюты было предостаточно, а женихов - ни одного: знали, что генерал-аншеф Прозоровский прожился и ничего за дочь дать не может.

Александр Васильевич был некрасив и стар, а то, что бегал он словно двадцатилетний, был жизнерадостен и бодр, что его глаза глядели по-молодому, - все это лишь раздражало Варвару Ивановну: сидел бы уж!

Племянник Николай Сергеевич был другой человек: говорил вкрадчиво, не рубил так по-солдатски, как Александр Васильевич, и томно поглядывал на Варюту своими карими с поволокой глазами.

Варваре Ивановне племянник нравился.

Суворов дал ему работу - прикомандировал к какому-то полку. Николай Сергеевич бывал на разных ученьях, дежурил по лагерю и все же находил время развлекать скучающую молодую тетюшку.

Особенно хороши были эти лунные ночи на обрыве, над рекой, когда все кругом спало и только они вдвоем сидели на белом плаще Николая Сергеевича.

Варвара Ивановна возвращалась домой поздно. Иногда она еще не успевала заснуть, как слышала, что уже в своей палатке проснулся муж. Он ничего не знал об этих ночных прогулках, в последнее время был занят обмундированием солдат и не видел ничего, о чем уже на селе давно перешептывались любопытные, все замечающие кумушки.

...Суворов проснулся. В палатку еще светила луна.

Ему вдруг пришла в голову хорошая мысль - поднять сегодня всю дивизию и пойти маршем до Полтавы. Уже недели три никуда далеко не ходили, и люди немного закисло на одном месте.

Суворов вскочил, вылил на себя ведро воды, поставленное еще с вечера Прохором у палатки, быстро оделся и разбудил денщика, который спал под яблоней.

- Ступай к секунд-майору, подыми его - идем в поход, - сказал Суворов.

Прохор, почесываясь, встал и не торопясь пошел к соседней хате гончара, где жил Николай Сергеевич.

Суворов стоял у плетня, ожидая племянника. Смотрел на голубовато-белые, очаровательные в лунном свете низенькие хатки, на высокие тополя.

Прохор возвращался почему-то один.

"Ишь, копается. Тоже - солдат, помилуй бог!" - подумал о племяннике Суворов.

- Ну что, скоро он там?

- Их благородия нету дома, - ответил Прохор глухим басом.

- А где он?

- Кто их знает. Хозяйка сказывала, как ушли ввечеру, так еще не возвращались. Должно, гуляют. Известно, дело молодое, - зевая, ответил Прохор. И пошел досыпать.

Неясная догадка мелькнула в голове Суворова. Он круто повернулся и, обгоняя Прохора, зашагал к хате.

В сених, в молочной полосе лунного света, спала на полу Ульяна. Она не слышала, как вошел барин. Суворов осторожно открыл дверь в хату. Окна, как всегда, были закрыты ставнями, чтобы утром не докучали мухи.

Александр Васильевич секунду постоял у порога прислушиваясь. Слышалось только мерное дыхание Наташеньки. Он в темноте привычным путем подошел к постели жены. Протянул руку.

Постель была приготовлена - подушки взбиты, одеяло отложено, но на постели никого не было.

Суворов выбежал из хаты. Стало все ясно. Кровь ударила в голову.

- Стервец! Племянничек! Секунд-майор!

Александр Васильевич почти бежал по пустынной улице. Душила злоба.

Сколько сплетен ходило о Варюте в Москве! Не слушал, не давал им веры, а теперь...

На повороте из села к лагерю, в аллее из тополей, он увидел какие-то фигуры. Один человек зачем-то прыгнул в канаву и, пригибаясь к земле, побежал в сторону. Второй, укрывшись чем-то белым, стоял, прислонившись к дереву.

Суворов подошел и глянул. Перед ним, закутавшись в белый плащ Николая Сергеевича, стояла Варюта. При бледном свете луны он видел только ее красивые глаза. Они смеялись не то смущенно, не то дерзко.

Александр Васильевич на мгновение запнулся от негодования.

- Я терпеть далее не намерен! Вы мне больше не жена! - крикнул он и, не оглядываясь, побежал к лагерю.

"Тотчас же подать прошение о разводе! Наташеньку отнять! Оставлять на руках у такой мамы - преступление! Просить светлейшего, просить императрицу принять Наташу в Смольный институт".

Решение пришло мгновенно. Он привык никогда не теряться, даже в самых затруднительных случаях жизни.

"Ну вот, семейная жизнь не удалась, окончена бесславно, - огорченно подумал он. - Но военная - еще впереди! Военная должна удалась во что бы то ни стало!"

- Трубач, подъем! - крикнул он горнисту.

...Когда через два дня дивизия возвратилась назад в лагерь, Суворов даже не поехал в село. Впрочем, это было и незачем: Варвара Ивановна с Наташей, Улей и Николаем Сергеевичем в то же злосчастное утро выехала в Москву.

- Несчастлива у тебя хата, Трохим, - смеялись соседи Зинченки.

Глава седьмая

"ГЕНЕРАЛ - ВПЕРЕД"

Со времени великого Евгения искусство унижения полумесяца принадлежало только искусным русским генералам.

Принц Кобургский в письме к Суворову

I

Суворов, перебиравший у стола свои бумаги, заметки, черновики, письма, радостно улыбнулся: "Большая доченька. Тринадцатый год. Уже в белом платье. В старшем классе Смольного. Время-то как летит!"

Еще, кажется, так недавно Наташенька бегала с деревенскими ребятами босиком. Загибая толстые пальчики, забавно считала по-турецки - сам же учил ее - биринджи, икинджи, ючюнджю...

Милая моя Суворочка! Письмо твое от 31 числа генваря получил; ты меня так утешила, что я, по обычаю моему, от утешения заплакал. Кто-то тебя, мой друг, учит такому красному слогу? О! ай-да, Суворочка, как уже у нас много полевого салата, птиц, жаворонков, стерлядей, воробьев, полевых цветков! Морские волны бьют в берега, как у вас в крепости из пушек. От нас слышно, как в Очакове собачки лают, как петухи поют. Куда бы я, матушка, посмотрел тебя в белом платье! Как-то ты растешь! Как увидимся, не забудь мне рассказать...

Дальше две строчки были зачеркнуты - видимо, что-то не понравилось. Александр Васильевич всегда писал осторожно, выбирая слова: знал, что императрица читает все его письма, даже к дочери.

Мысли невольно перескочили к жене, к Варюте. С ней у Александра Васильевича все кончено. О жене Суворов избегал не только говорить, но даже думать. Он нахмурился. Пальцы вновь стали торопливо перелистывать бумаги листки, исписанные черновиками писем, заметками, отчеты старост, разные письма к нему самому.

Под руку снова попались исчерканные четвертушки - письма к Наташеньке. Все, что было связано с нею, с доченькой, все было дорого, приятно его сердцу. Глянул: писал из-под Кинбурна, о турках:

Какой же у них по ночам в Очакове вой! Собачки поют волками, коровы охают, кошки блеют, козы режут. Я сплю на косе: она так далеко в море, в лимане. Как гуляю, слышно, что они говорят; они там около нас, очень много, на таких превеликих лодках - шесты большие, к облакам, полотны на них на версту; видно, как табак курят; песни поют заунывные. На иной лодке их больше, чем у вас во всем Смольном мух, - красненькие, зелененькие, синенькие, серенькие. Ружья у них такие большие, как камера, где ты спишь с сестрицами.

Второй листок был поменьше:

В Ильин и на другой день мы были в Refectoire (В столовой.) с турками. Ай-да ох! Как же мы потчевались! Играли, бросали свинцовым большим горохом да железными кеглями, в твою голову величины; у нас были такие длинные булавки да ножницы кривые и прямые - рука не попадайся: тотчас отрежет хоть и голову. Ну, полно с тебя, завралась! Кончилось иллюминацією, фейерверком, с Festin (С праздника) турки ушли, ой далеко! Богу молиться по-своему, и только - больше нет ничего.

"Это тоже из-под Кинбурна", - подумал он.

Суворов припомнил, с какою радостью прискакал в Кинбурн командовать передовой линией, когда Турция объявила войну, - хитрые англичане снова уговорили горячие турецкие головы ввязаться в войну с Россией; англичанам было выгодно, чтобы не русские, а турки плавали по Черному морю.

Назначение было приятным: Александр Васильевич попал в самый огонь и к тому же полномочным начальником - никаких безмозглых "Ивашек" и взбалмошных Каменских.

Вспомнилось, как в самый Покров турки, под руководством французских офицеров, высаживались на узкой Кинбурнской косе. Как дрались наши молодцы. Как Александра Васильевича сперва чуть не убил спяг, а потом ранило пулей в левую руку навывлет.

Крови натекло - полон рукав. Александр Васильевич за день устал - под ним убили коня, и он все время в бою был пешим. Обессилел, еле держался на ногах. Хорошо, что подоспели казаки. Рыжебородый есаул Кутейников промыл рану соленой морской водой и перевязал своим галстуком. Галстук-то засаленный, грязный, но - бог милостив - зажило.

И как досталось туркам! Сколько трупов плавало в волнах, валялось на косе!

- Отбил у турок охоту делать вылазки! - повторял Суворов, перебирая бумаги и уничтожая ненужные.

Одну записку порвал в клочья, другую, скомкав, выбросил за окно.

А вот письмо самого Потемкина:

Не нахожу слов выразить Вам, сколько я убежден в важности Ваших заслуг, сколько я Вас уважаю.

"Еще бы - первую турецкую прикончил у Козлуджи, а вторую так счастливо начал Кинбурном", - усмехнулся Суворов.

Молю бога о твоём здоровье так искренно, что охотно хотел бы страдать вместо тебя, лишь бы ты остался здоров.

Суворов скривился:

- Чепуха! Лесть! В этих двух фразах - весь он, Григорий Александрович, - то "вы", то "ты". Семь пятниц на одной неделе! Сегодня друг, завтра - враг. Лесть да месть дружны!

Это писалось тогда, когда Потемкин командовал только одной армией. А что напишет

теперь, когда он командует обеими?

Последнее время Потемкин что-то стал коситься на Суворова, хотя и продолжал называть его в письмах "мой сердечный друг" и говорил, что Суворов для него дороже десяти тысяч человек.

Суворов бросил письмо и в раздражении заходил по комнате. Но не тут-то было - быстро не побежишь, как прежде: проклятая иголка!

Вот Прохор, дуралей и неряха!

Как штопал чулок, так и оставил в нем иголку. Александр Васильевич напоролся на нее пяткой. Иголка сломалась. Большую ее часть нашли, а самое острие глубоко засело. Как ни ковырял ножом полковой лекарь, как ни давил своими протабаченными толстыми пальцами Прошка, как ни злился нетерпеливый Александр Васильевич - ничего не вышло. Острие иголки ушло куда-то глубоко в пятку, и теперь больно ступить на ногу. Приходится надевать на одну ногу сапог, а на другую - туфлю.

Суворов, прихрамывая, ходил по комнате. Потирал открытую шею и грудь. В одной рубашке, а душно: солнце близилось к закату, но все-таки был июль и все-таки в Молдавии.

Потемкин снова назначил Суворова на самый ответственный участок начальником передовой 3-й дивизии, стоявшей у Бырлада. Суворов был доволен, что он впереди всей русской армии, но опять, как и раньше, развернуться ему было невозможно: ему доверили только одну дивизию, да и то самую слабую - в ней едва насчитывалось десять тысяч человек. Что можно сделать с такими силами против всегдашних громадных турецких полчищ? Как с плетью против обуха.

У союзников-австрийцев, которые стояли по ту сторону реки Серёт, передовой отряд был более значителен.

Когда Суворов принял дивизию, он известил об этом принца Кобургского, командовавшего австрийским отрядом. Хоть и австрияк и ништбештимтзагер (Немогузнайка.), а все-таки - старший в чине! Принц любезно ответил, что он рад сражаться вместе с генерал-аншефом Сувара.

Суворов подошел к раскрытому настежь окну. Казак-вестовой сидел у крыльца и, напевая, чинил кафтан. По пыльной улице прошел мушкатер в новой форме. Ее недавно ввели во всей русской армии, по настоянию Румянцева, Потемкина и Суворова, вопреки мнению пруссофи

лов, вроде Репнина и Каменского, дороживших каждой пуговичкой, каждой буклей.

Мушкатер был в полотняных широких шароварах вместо узких штанов, которые так стесняли и так быстро рвались, что солдат вечно ходил в заплатках. Вместо тесного - ни вздохнуть, ни расправить руки - мундира был просторный кафтан. Коса, пудра и прочая грязь, от которой одни вши, - тоже исчезли: солдаты были коротко острижены. А душную, одинаково неудобную и в бою и на походе треуголку заменила легкая каска.

Суворов вспомнил, как он, защищая свою заветную мысль о необходимости изменить неудобную форму, как-то в споре оказал: "Солдат должен быть таков, чтобы встал - и готов!" Потемкину понравилась эта фраза. Он стал повторять ее, и все забыли, что первый так сказал не он, а Суворов.

Впрочем, в хозяйственных делах, в обмундировании, продовольствии и прочем князь Потемкин действительно сведущ и ловок. Ему быть бы обер-провиантмейстером. Пусть Потемкин занялся бы мундирами, госпиталями и сеном, а ему вверил бы солдат.

Суворов уже хотел отойти от окна, как в это время послышался приближающийся топот, кто-то скакал во всю мочь. Придерживая одной рукой шляпу, к дому мчался на высоком гнедом коне австрийский офицер.

"Гонец от принца Кобургского", - смекнул Суворов.

Австриец подскочил к крыльцу. Коню, видимо, сильно досталось - пахи ходили у него, как кузнечные мехи, мыло, перемешанное с пылью, покрывало его от ушей до копыт. Австриец, не слезая с коня, торопливо спрашивал у казака, здесь ли живет генерал-аншеф.

Казак встал, отбросив кафтан, улыбался и мотал отрицательно головой мол, не

понимаю, ваше благородие...

Австрийский офицер беспомощно оглянулся.

- Kommen Sie hier! Пожалуйте сюда! - крикнул, высовываясь в окно, Суворов.

Офицер недоверчиво посмотрел на седого старичка в расстегнутой рубашке, но соскочил с коня, бросил поводья казаку и секунду замешкался, доставая из кармана письмо принца. Он не знал, как следует держать себя с этим необычным стариком: козырять ли ему? Кто это: сам генерал-аншеф или только его повар? Русские генералы все какие-то странные. В штабе рассказывали и смеялись, как князь Потемкин в одном белье принимает посетителей и даже дам. А вдруг это сам генерал Сувары?

И, подбегая к окну, офицер - на всякий случай - чуть дотронулся пальцами до полей шляпы - так, что нельзя было разобрать: козыряет он или просто поправляет треуголку. А передавая старику письмо принца, еще раз сказал, подчеркнув:

- Генерал-аншеф Сувары!

"Вот сейчас узнаю, попал я в глупое положение или нет, - подумал офицер. - Сейчас этот старичок станет напяливать ливрею и побежит к генералу. Вот-то будет конфуз!"

Но пальцы старичка смело ломают сургуч и разворачивают письмо. Старичок читает. Видно, как его глаза быстро пробегают по строчкам.

Суворов прочел письмо. Принц Кобургский просил помощи: отряд турок в тридцать тысяч человек под командой Осман-паши уже двигался к Фокшанам. План турок был прост и ясен: разбить союзников поодиночке - сначала принца, потом Суворова. Выход один: спешить немедленно, спешить принцу на помощь.

- Передайте его высочеству: иду! - выразительно сказал старик и круто повернулся вглубь комнаты. И уже что-то кричал по-русски.

В доме засуетились, забегали. Казак, вытиравший попоной взмыленного офицерского коня, уже подтягивал подпруги.

"Письма, очевидно, не будет. Нужно скакать назад".- И офицер поспешил к своему коню.

Не успел он выехать из расположения русских войск, как весь их лагерь пришел в движение.

II

Подпоручик Лосев приехал в 3-ю дивизию в начале мая 1789 года, за неделю до того, как командование над нею принял генерал-аншеф Суворов.

Лосев был из мелкопоместных смоленских дворян, в столицах не жила и о генерал-аншефе Суворове узнал только по пути в Молдавию. На одной из почтовых станций, где-то на Украине, он впервые услышал эту фамилию. Подпоручик, пожалуй, не обратил бы на нее внимания, если бы не услышал, что именно Суворову главнокомандующий дал 3-ю дивизию, в которую направлялся Лосев. Говорили, стало быть, о его будущем начальнике, и Лосев невольно прислушался.

Беседовали двое проезжих - какой-то щегольски одетый поручик из штаба князя Потемкина и пехотный премьер-майор в старомодном, еще прусского покроя, запыленном мундире.

Майор подобострастно слушал молодого щеголя, который с важностью рассказывал штабные новости и сплетни - назначения, перемещения, отставки.

- А в третью дивизию светлейший назначил генерал-аншефа Суворова, рассказывал он.

- Позвольте, ведь третьей дивизией командовал же Эльмпт, достойный, храбрый генерал. Что ж, он получил повышение? - спросил майор.

- Нет. Эльмпт отставлен вовсе. Пусть о себе меньше думает! Светлейший не любит Эльмпта за его слишком острый язык, - наклонившись к майору, сказал поручик.

- Ну, Суворов тоже не из тихих. Помните, как стояли долго под Очаковым и он смеялся:

Я на камушке сижу,
На Очаков я гляжу...

- Это еще ничего. Князю Потемкину не понравилось другое, - сказал поручик. - Суворов жаловался императрице, что его в этом году сначала никуда не определили.

- Как так?

- А очень просто. Суворов не был внесен в список генералов действующей армии.

- И что же он сделал? - поднял вверх брови премьер-майор.

- Поехал к императрице и говорит: "Матушка, я - прописной. Мне, говорит, ни одного капральства в команду не дали..." Тогда императрица назначила его в армию графа Румянцева, а теперь Румянцев в отставке. Светлейший дал Суворову самую слабую в армии третью дивизию: в ней всего десять тысяч человек. Пусть-ка Суворов и отличится с ней в Молдавии! усмехнулся поручик.

Больше Лосев не слышал о Суворове: штабному франту подали лошадей, и он ускакал дальше, а премьер-майор тотчас же завалился спать.

Лосев мог бы расспросить о генерале Суворове на месте, в Бырладе, но добравшись до своего Апшеронского полка, он забыл обо всем: службы Лосев еще не знал, и работы у него было много.

И только когда однажды под вечер по лагерю пронеслось: "Суворов приехал", подпоручик Лосев вспомнил о нем.

В этот раз солдаты бежали строиться более резво, чем тогда, когда в полк приезжал временно командовавший дивизией пучеглазый генерал Дерфельден. Полк выстроился чрезвычайно быстро.

Высокий жилистый полковник Шершнев, выйдя за переднюю, штаб-офицерскую линию, все время смотрел в сторону расположения Смоленского пехотного полка, откуда доносилось громкое "ура".

Лосев стоял и невольно слушал, как сзади за ним, в шеренгах, перешептываются солдаты.

- Какой-то он теперь? Я его с Козлуджи не видал, пятнадцать годов прошло, - говорил один. - Постарел, поди!

"Как будто Воронов говорит", - по голосу узнавал своих солдат подпоручик.

- А ты думаешь, помолодел? - насмешливо сказал другой.

"Это наверняка Огнев: он любит поддеть", - догадался Лосев.

- Едет! Едет! - зашелестело по рядам. Издалека, в легком облачке пыли, показалась группа всадников. Впереди них почему-то ехала обыкновенная повозка. Полковник Шершнев, вынув шпагу, скомандовал:

- Смирно! На караул! Все замерло.

Всадники приближались. Вот уже повозка сейчас поровняется с левым флангом. Вот уже можно отчетливо рассмотреть: за повозкой трусят на лошадях три офицера.

Не успела повозка подъехать к апшеронцам, как по всему полку, от края до края, пронеслось "ура". Музыка заиграла встречу.

Лосев видел, как быстро-быстро машет руками капельмейстер, как полковник Шершнев, четко отбивая шаг, идет навстречу командующему дивизией.

Повозка остановилась. Из нее вылез невысокий сухонький старичок в полотняном кафтане и каске. Одна нога его была в сапоге, вторая - в туфле.

Генерал-аншеф принял от полкового командира рапорт и, хромя, пошел вдоль строя, останавливаясь возле каждой роты.

Иногда он, минуя не только переднюю, штаб-офицерскую линию, но и следующую, обер-офицерскую, подходил вплотную к роте и с кем-то разговаривал. С кем он говорил, Лосев не мог видеть.

"Неужели с младшими офицерами в роте говорит? Может, кто-нибудь не так стоит?" - подтягивался Лосев.

Но вот уже генерал-аншеф миновал притихших музыкантов и яркий куст полковых знамен. Он подошел к правофланговой 1-й роте и заговорил с ней.

Лосев услышал его голос. Голос был негромкий, басовитый, но внятный и совсем не

старческий:

- Солдат должен быть здоров, тверд, храбр, справедлив. Обывателя не обижай - он нас поит и кормит. Солдат не разбойник! Бойся богадельни, гошпиталя. Береги здоровье. Кто не бережет людей, офицеру - арест. Ученье свет, неученье - тьма. Дело мастера боится. И крестьянин: не умеет сохой владеть - хлеб у него не родится. За ученого трех неученых дают. Нам мало трех! Давай нам шесть! Давай нам десять на одного! Всех побьем, повалим, в полон возьмем! Били турок в поле, били у моря, били у реки, побьем и здесь, старики!

Рота ответила - "ура". Ее охотно поддержали остальные. Суворов стоял перед полком с непокрытой головой - каску он снял, когда махал, отвечая на дружное приветствие полка.

Когда наконец стихло "ура", Суворов оглядел 1-ю роту.

- А-а, знакомого вижу! - крикнул он. Лосев даже покраснел генерал-аншеф смотрел прямо на него и приветливо улыбался.

"Обознался, я его впервой вижу!" - мелькнуло в голове.

Но генерал-аншеф уже подходил к нему. Лосев не знал, что делать.

- Ну, как летаешь, Ворон? - спросил генерал-аншеф, останавливаясь в двух шагах от первой шеренги

солдат.

"Это он Воронову", - не то с обидой, не то с облегчением подумал Лосев.

- Жив-здоров, ваше высокопревосходительство! - гаркнул сзади Воронов.

- Старого знакомого встретил. Еще с Новой Ладоги помню.

- Точно так. С шестьдесят третьего году. Был под Туртукаем, был у Козлуджи...

- Помилуй бог! Старый товарищ. Как же, помню. А почему не ефрейтор?

- Разжалован, ваше высокопревосходительство, - так же весело и громко ответил Воронов.

- За что?

- За пьянство, - бодро выкрикнул Воронов.

Генерал-аншеф улыбнулся.

- Произвести в ефрейторы, - обратился он к Шершневу. - Тут у меня не только один. Тут знакомых много, - сказал Суворов, быстрыми глазами оглядывая роту. - Вон, вижу, Огнев, старинный приятель... Лет тридцать друг друга знаем. Здорово, Огонь!

- Здравия желаем, ваше высокопревосходительство! - отозвался Огнев.

- Все мои старые, мои боевые товарищи. Мои друзья! - говорил Суворов.

Он взглянул на Лосева.

- А ты, ваше благородие, давно в полку?

- Восьмой день, ваше высокопревосходительство, - залился краской подпоручик.

- Ну, ничего, послужим, еще послужим! - улыбнулся Суворов, садясь в повозку.

Повозка тронулась. Суворов обернулся назад и махал своей маленькой каской.

Апшеронцы провожали любимого генерала дружным "ура".

- Гляди, Воронов, опять не загуляй с радости. Не пропей еще раз ефрейторство! - пошутил, полковой командир.

- Да что вы, ваше высокоблагородие! Да нешто можно: суворовский чин пропить! - обиделся Воронов.

III

Принц Кобургский расхаживал по палатке уже без парика и мундира, собираясь спать. Последние ночи он спал плохо: тревожило то, что Осман-паша со своим тридцатитысячным корпусом, хотя и очень осторожно и медленно, но все-таки каждый день неуклонно двигался вперед. Вот и сейчас принцу донесли о том, что Осман-паша уже за Фокшанами.

От Аджуша, где стоял принц, до Фокшан было почти столько же верст, как от Аджуша до Бырлада, откуда шел Суворов.

Принца Кобургского больше всего занимал один вопрос: успеет ли генерал Сувары прийти на помощь австрийцам? Принц уже познакомился с Молдавией. Идти с войсками по этим ужасным дорогам, пересекая горы и овраги, переходя многочисленные ручьи и речки,

пусть немногочисленные, было тяжело и неудобно. По такой дороге русским можно добраться до Аджуша дня через четыре, не раньше.

Это была одна неутешительная выкладка, которой принц занимался несколько раз в день.

Но была и другая, не менее важная: а сколько же генерал Сувары может взять с собой солдат из своей 3-й дивизии? Ведь ему нужно оставить заслон, чтобы обеспечить себе тыл. У него пять пехотных полков и восемь кавалерийских, стало быть, всего тысяч десять. А оставить нужно не менее пяти тысяч.

Тогда сразу выяснилось главное: количество союзных войск -восемнадцать тысяч австрийцев и пять тысяч, русских. Это всего-навсего двадцать три тысячи. А у Осман-паши, по сведениям лазутчиков, тридцать тысяч человек. Но ведь как точно сосчитать эти дикие толпы янычар? Если официально их тридцать тысяч, значит, на самом деле там много больше.

Получалась никуда не годная арифметика.

В такие минуты принц Кобургский невольно вспоминал, что говорилось в Вене об этом генерале Сувары.

При Козлуджи у Абдул-Резака было сорок тысяч человек, а у Сувары, рассказывают, не насчитывалось и десяти. Тот же значительный перевес был у турок и при Туртукае. И в обоих случаях генерал Сувары разбил турок наголову.

"Нет, без русских будет плохо!"

Принц шагнул к кровати, но в это время полог палатки откинулся, и в дверях стал любимый адъютант принца майор Траутмансдорф. Всегда спокойный, невозмутимый, он был чем-то взволнован. Или, может быть, быстро бежал майор секунду не мог сказать ни слова.

- Что такое? - с тревогой спросил принц.

- Ваша светлость, русские пришли! - выпалил майор.

Принцу показалось, что он ослышался.

- Кто? Кто пришел?

- Генерал Сувары уже здесь.

- Этого быть не может!

- Его полки уже становятся к нашему левому крылу. Вот послушайте!

Майор откинул полог палатки, приглашая принца выйти на воздух. Принц шагнул из палатки.

Был тихий и теплый июльский вечер. Австрийский лагерь уже затихал. И в этот привычный шум затихающего, уже наполовину спящего лагеря вошли какие-то новые, посторонние звуки.

- Значит, это правда. Пятьдесят верст в сутки! Это непостижимо, невозможно!

Принц взглянул на майора. На лице адъютанта было такое же восхищение.

- Очень хорошо. Ай да генерал Сувары! Ну, пусть отдыхают!

И принц Кобургский спокойно лег спать.

Суворов встал, как всегда, - с солнцем. Он осмотрел берега реки Тротуш, через которую приходилось переправляться. Река была неширока, но с быстрым течением и обрывистыми берегами. Суворов наметил места, в которых нужно наводить мосты, и вернулся к себе в лагерь.

К лагерю то и дело подходили отставшие по пути из Бырлада пехотинцы. Дорога была тяжелая, шли быстро - даже на привале генерал-аншеф не разрешал разбивать палатки.

Апшеронцы и смоленцы, издавна знакомые с суворовским маршем, почти не имели отсталых. Но в Ростовском не привыкли к таким переходам и по дороге присаживались по двое, по трое отдохнуть. Когда капралы старались поднять отстающих угрозами, Суворов кричал, подъезжая:

- Оставь! Пусть отдыхают. Не бойся - подойдут, не подведут. К бою поспеют. Ступай, ступай! - гнал он капрала. - Голова хвоста не ждет!

И он был прав: отставшие в пути старались изо всех сил нагнать ушедших вперед товарищей. И постепенно подтягивались к своим.

После утренней молитвы и каши Суворов приказал строить мосты через Тротуш.

Дальше Суворову полагалось бы явиться к принцу Кобургскому: начальник австрийского отряда был, как-никак, старший в чине, но Суворов боялся встречи с ним.

Еще в Семилетнюю войну он хорошо изучил австрийские штабы и австрийских генералов. Суворов помнил их традиционную медлительность и нерешительность и их слепую приверженность линейной тактике, которой он вовсе не признавал. Тем более она была неуместна в войне с турками. Турок надо устрашать, изумлять, не давать им одуматься. Австрийцы всегда были склонны к обороне, к хитрым маневрам, а Суворов признавал только натиск, быструю, неожиданную атаку.

Суворов знал, что стоит ему встретиться с принцем, как у них тотчас же пойдут споры. Принц, конечно же, не согласится с его дерзкой мыслью ударить на численно превосходящего их противника. Принц, чего доброго, начнет представлять резоны, что у союзников меньше войск, чем у турок, и так далее. И пока Суворов будет с ними препираться, Осман-паша нагрянет со своими спагами и янычарами и сомнет спорщиков.

Суворов решил как-либо уклониться от разговоров с принцем. Он знал, что уже с некоторых пор за ним утвердилась в армии и в Петербурге при дворе распространяемая его врагами и завистниками слава "чудака". Офицеры из штаба графа Румянцева тогда же разнесли по всей армии его двустиише, которым он рапортовал главнокомандующему о взятии Туртукая.

Каменский, обозленный тем, что Суворов у него на глазах разбил Абдул-Резака при Козлуджи, насплетничал - всюду уверял, что Суворов не столько талантлив, сколько счастлив.

Эти же слова говорили и в штабе Потемкина. Нет сомнения, что все эти сплетни докатились и до австрийского гофкригсрата и, вероятно, принц Кобургский заранее считает Суворова чудачком. Адъютант принца, этот долговязый майор, который позавчера прискакал с письмом к Суворову, небось, прежде всего расписал Кобургу то, в каком виде он застал генерал-аншефа.

И теперь Суворов решил воспользоваться этой своей необычной славой.

"Пусть считают меня чудачком, кем угодно, но я своего добьюсь: и в этот раз турки будут разбиты!"

...Принц Кобургский проснулся раньше обычного - в девятом часу утра. И первой его мыслью было: что делают русские, сколько их и как себя чувствует после такого утомительного перехода генерал Суvara?

Принц позвонил.

Камердинер, тотчас же вошедший в палатку, ответил на большинство этих вопросов.

Весь австрийский лагерь уже знал, что у русских семь тысяч человек и что они строят три моста через реку Тротуш.

Все было не только хорошо, все было превосходно - этот удивительный генерал Суvara в одни сутки прошел с дивизией такое расстояние, какое австрийская дивизия прошла бы в четыре. И он оставил при тяжелом обозе в Бырладе не пять тысяч, как думал принц, а всего только три. Значит, у союзников уже было двадцать пять тысяч человек.

Одно было странно и непонятно в действиях генерала Суvara: зачем он строит мосты? Неужели он, вопреки основам линейной тактики, хочет покинуть выгодную позицию? Принц Кобургский считал, что если бы на реке Тротуш были мосты, их следовало бы уничтожить, а не строить новые.

Принц Кобургский решил поговорить об этом с генерал-аншефом Суvara, а пока, в прекрасном настроении, начал свой день. Он не спеша умылся, оделся, напился кофе и только тогда отправил майора Траутмансдорфа к генералу Суvara приветствовать его с благополучным прибытием и узнать, когда генерал Суvara пожалует к нему договориться о совместных действиях против турок.

...Суворов уже отобедал - обедал он всегда в восемь часов утра, когда к его палатке подъехал майор Траутмансдорф.

"Конечно, звать на совет! - догадался Суворов. - Нужно как-либо уклониться от этого". Суворов думал недолго.

- Прошка, бритву и мыло! Живо! - крикнул он. Ленивый Прошка, который с годами начинал все больше вступать с барином в споры и грубить ему, недовольно буркнул:

- Да вы же давеча брились!

- Не рассуждай! Давай живее! - вспыхнул Суворов. Пока мешковатый Прошка достал бритву, Суворов сам схватил кисточку и мыло, плеснул в чашку воды и стал густо намыливать себе щеки и подбородок.

-Меньше брей, больше намыливай!-шепнул, он Прошке. - Проси! обернулся Суворов к адъютанту.

Майора Траутмансдорфа уже не смутила одежда русского генерала. Майор передал приветствие генерал-аншефу Суvara от его высочества принца Фридриха-Иосии Кобург-Заальфельда, поздравил с благополучным и столь быстрым прибытием и приглашал приехать к принцу обсудить диспозицию. А сам с любопытством смотрел вокруг.

В палатке стояли простой некрашенный стол да один складной стул, на котором сидел генерал.

У майора Траутмансдорфа, и то обстановка была лучше, чем у русского генерала.

Генерал Суvara сидел к входу спиной. Он чуть повернулся к майору щека и подбородок были густо намылены-и сказал:

- Спасибо! Хорошо!

Кивнул Траутмансдорфу и снова обернулся к толстоносому неопрятному солдату, который не спеша стал намыливать щеки генерала.

Траутмансдорф постоял секунду, а потом звякнул шпорами и, поклонившись худой спине генерала Суvara, покрытой грубым полотенцем, удалился в крайнем недоумении.

Как только он дал шпоры коню, Суворов вскочил с места.

- Фу, австрияк проклятый! Торчит над душой! - рассмеялся он и начал смывать с лица мыльную пену.

Один раз сошло благополучно. Но впереди - весь длинный летний день. Пока солдаты сделают мосты, принц, конечно, еще не раз пришлет своего щеголеватого адъютанта.

"Какой бы предлог придумать еще, чтобы не ехать к Кобургу?"

...Принц с нетерпением ждал, когда вернется Траутмансдорф.

Наконец адъютант возвратился. На невозмутимом лице чрезвычайно выдержанного и вместе с тем расторопного, исполнительного майора было написано смущение. В глазах стоял смех.

Брови принца поехали к самому парику.

- Что случилось?

Траутмансдорф, слегка улыбаясь - было невозможно оставаться серьезным, - передал в двух словах о своем посещении генерала Суvara.

- Старик, вероятно, только что встал. Мы помешали. Ведь он сделал за сутки пятьдесят верст! - снисходительно сказал принц Кобургский, оправдывая не вполне любезный прием его посланца русским генералом.

Прошло два часа. Принц собрался уже завтракать и решил пригласить генерала Суvara.

Майор Траутмансдорф с интересом подъезжал к простой, не новой палатке русского генерала. Ему показалось, что, когда он соскакивал с коня, край палатки отогнулся и на него глянул сам генерал.

В этот раз навстречу Траутмансдорфу вышел не чубатый казак и не толстоносый неопрятный генеральский денщик, а офицер.

Не успел Траутмансдорф вымолвить слово, как офицер, учтиво поклонившись, сказал по-немецки:

- Его высокопревосходительство молится!

И тотчас же скрылся в палатке.

Траутмансдорфу не оставалось ничего делать, как уехать. Казак, державший поводья, разумеется, не понимал по-немецки, и с ним говорить было бесполезно.

Когда майор вошел к принцу, его лицо выражало явную растерянность.

- Что такое? - спросил принц.

- Генерал Суvara молится, - ответил, почему-то смутившись, майор и поспешил выйти из палатки.

Принц позавтракал один. Он был в чудном настроении - он ездил к реке смотреть, как русские строят мосты, и русские солдаты показались ему хороши одетыми, здоровыми и ничуть не усталыми.

Солнце уже перевалило за полдень, когда принц снова вызвал адъютанта.

- Как вы думаете, сколько у русских может продолжаться молитва?

Майор почтительно улыбнулся, пожал плечами и сказал:

- Право, не знаю, ваше высочество.

- Ведь это ж не в церкви. Вероятно, генерал Суvara уже помолился. Пожалуйста, поезжайте еще раз!

Траутмансдорф поехал в третий раз к той же знакомой, побелевшей от солнца, старой палатке. Ехал он без удовольствия.

Когда Траутмансдорф бросил поводья тому же хитрому кареглазому казаку с серебряной серьгой в ухе, навстречу Траутмансдорфу, зевая, поднялся лежавший у палатки денщик. Он сказал безо всякого почтения и субординации:

- Его высокопревосходительство... - только и понял Траутмансдорф, а дальше шло какое-то коротенькое русское слово.

Траутмансдорф беспомощно оглянулся. Кругом - никого, кто мог бы помочь в разговоре.

- Was? Was? - переспросил он, строго насупив брови.

Но генеральский денщик не испугался его строгого вида. Он поднял вверх палец и зашикал, делая большие глаза:

- Тсс!

"Вот я бы тебя поставил под ружье, пьяная каналья!" - со злостью думал майор, глядя на толстый красный нос денщика.

Денщик приложил к щеке ладонь, наклонил голову набок, закрыл свои плутовские глаза и снова повторил это непонятное коротенькое слово: спит!

Майор наконец понял. Ему вдруг стало стыдно своей недогадливости. Он понимающе закивал головой и на цыпочках отошел к коню.

К принцу майор Траутмансдорф вошел с совершенно каменным выражением лица.

- Генерал-аншеф Суvara спит! - сказал он и отвел глаза в сторону: в его представлении это было со стороны русского генерала вызовом, издевательством.

Принц только кивнул головой и зашагал по палатке.

Майор вышел.

Принц исходил много верст по своей палатке.

В первые минуты со зла лезли в голову самые нелепые мысли. Послать к туркам парламентаров о перемирии. Но что дальше? Почему все это, спросят.

Поехать лично к Суvara? Но что сказать ему? Человек ведь может устать - он в сутки прошел пятьдесят верст. И вообще, что знает он об этом русском генерале? Все говорят о нем как о восходящей звезде русской армии, вроде князя Репнина. Говорят, что он глубокий старик и что он со странностями. Все это хорошо. Но еще лучше то, что до сих пор Суvara превосходно бил турок.

- Подождем!

И принц сел обедать. Потом лег отдохнуть, иронически думая:

"Вот теперь пусть же он ко мне приедет!"

Но принц великолепно выспался, его никто не тревожил.

Русские уже заканчивали все три моста. Так незаметно пролетел весь день. Принц решил больше не напоминать о себе генералу Сувару - сам отзовется!

И генерал Сувару отозвался.

Слуги накрывали в роскошной столовой палатке принца к ужину, когда прискакал русский офицер. Он передал принцу конверт.

Принц Кобургский, стоя у палатки, тут же вскрыл его. Кровь ударила ему в лицо: генерал Сувару на довольно хорошем французском языке писал:

Войска достаточно отдохнули, и мы завтра в три часа утра выступим двумя колоннами: австрийцы в правой, русские в левой, пойдем прямо на неприятеля. Говорят, что неверных только пятьдесят тысяч, а другие пятьдесят дальше. Жаль, что они не вместе, - разом бы их разбили!

Это была готовая диспозиция.

Генерал Сувару все обдумал без него сам и предлагает принцу безоговорочно поступить так, как этого хочет Сувару.

Это задело принца. Он вошел с листком диспозиции в палатку, задумчиво прошел раз-другой мимо стола, задевая стулья и не видя слуг, дававших ему дорогу, а потом круто повернулся к выходу, где стоял в ожидании ответа русский офицер.

В этой диспозиции есть вызов, есть чуть ли не оскорбление, но зато в ней чувствуется настоящая убежденность, правота, сила.

Будь что будет!

- Передайте его высокопревосходительству: я согласен. Только я думаю, что надо до последнего момента скрыть от турок присутствие ваших войск. Так будет лучше! - сказал он русскому офицеру.

- Конечно, конечно, ваше высочество! - угодливо поддакнул тот.

Принц стоял, раздумывая: кого бы назначить командиром отряда? Генерала Сплени? Полковника Барко? Нет, пожалуй, лучше всего будет Карачай: он быстр, он подойдет к этому необычному русскому генералу.

- Прикажите полковнику Карачаю, - обернулся принц к адъютанту, - взять батальон Кауница и батальон Колло, один дивизион (Дивизион - два эскадрона.) гусар Барко и дивизион драгун Левенера и тотчас же явиться в распоряжение генерал-аншефа Сувару!

...Суворов, прихрамывая, ходил возле палатки. Он нетерпеливо поглядывал в сторону австрийского расположения: что-то будет? Согласится с его диспозицией принц Кобургский или нет?

- Disposition zum Angriff! (Диспозиция для нападения) - повторял он. Но вот прискакал адъютант, отвозивший принцу пакет.

- Ну, как? - крикнул ему издали Суворов.

- Согласен, ваше высокопревосходительство! - живо ответил адъютант.

- То-то!

Суворов был в восторге от принца.

- Ай да принц! Помилуй бог! Молодец! Вот тебе и австрияк! Умница, ей-ей умница!

Суворову понравилось все: и стоворчивость принца, и то, что принц не рассердился на него за отказ встретиться, и то, что Кобургский разумно предложил поставить впереди русских сил австрийский отряд.

- Как, говоришь, звать полковника? - переспросил Суворов.

- Карачай, ваше высокопревосходительство - ответил адъютант.

- Карачай не Карачай, - весело приговаривал Суворов, идучи в палатку, - а будет туркам карачун!

IV

Подпоручик Лосев никак еще не мог за два с половиною месяца привыкнуть к здешнему странному климату. У них, в Дорогобужском уезде, такое июльское, пусть росистое и туманное утро все-таки не было бы настолько пронизывающе-холодным. Здесь же, пока солнце не встало, не согреет никакой плащ, а чуть оно поднялось - пропадешь от

жары.

Еще только рассветало.

Над рекой Путной, незнакомой, чужой, своенравной (вот навели мост сорвало; это не дорогобужский Днепр!), стлался туман. Ни реки, ни стоящих возле нее людей не было видно. Лишь иногда из тумана вдруг появлялись человек или лошадь.

Подпоручику Лосеву, который впервые шел в бой, все казалось, что это уже турки.

Вчера авангард союзников целый день отбивал атаки турецких наездников, и Лосев в первый раз увидел раненых.

Соединенные русско-австрийские силы уже два дня шли на сближение с неприятелем. Шли, как было указано в суворовской диспозиции: русские слева, австрийцы - справа.

Кавалерийский авангард двигался впереди полков первой линии - гренадер и егерей.

Так подошли к реке Путне и теперь ждали, когда наведут мосты.

Наконец после томительного топтания на одном месте, у берега реки, пехота ступила на мост.

Голые, посиневшие от холода саперы одевались и сушились у костра.

Вишь, закалятели, бедные!

- Еще бы! Вода теперь холодная: пророк Илья уже льдину бросил, говорили проходившие пехотинцы.

Пехота тянулась по мосту бесконечной вереницей. Кавалерия нашла брод и переправлялась, минуя мост.

За Путной была все та же холмистая Молдавия, с кустарниками, оврагами и перелесками.

Когда перешли через мост, пехоте велели становиться в боевой порядок.

3-й дивизии боевой порядок был хорошо знаком - генерал-аншеф Суворов каждое занятие в поле начинал именно с него, приучал быстро становиться в полковые каре.

Дивизия построилась в шесть каре. В первую линию поставили гренадер и егерей. Во вторую - полки Апшеронский, Смоленский и Ростовский. В третьей стала кавалерия. Пушки тарахтели между пехотными каре. В середине каре схоронились музыканты.

Пехота двигалась мимо кавалерии, которая раньше их перешла вброд Пугну и теперь приводила себя в порядок.

- Довольно мы шли передом, ведите вы нас! - шутили карабинеры.

- Гляди, саквы свои замочил! - отшучивалась пехота.

Идти приходилось в гору. Впереди виднелись довольно большие холмы, занять которые и было приказано.

Лосев видал, как вперед проехал сам Суворов. Он обратил внимание на то, что у Суворова, кроме казачьей плети, ничего не было - ни шпаги, ни пистолета.

Рядом с Суворовым ехал коренастый смуглолицый полковник Карачай и пучеглазый Дерфельден, командовавший первой линией каре.

Лосев шел в первое свое дело. Он знал, что может не вернуться из него живым, но не имел представления обо всех опасностях и потому ждал боя скорее с любопытством, чем с тягостным томлением. Ему казалось, что он совершенно не боится. Лосев присматривался, искоса поглядывал, как ведут себя его соседи - солдаты.

Вот курносый Башилов. Ему, должно быть, уже под тридцать, но на его детски открытом лице можно без труда прочесть все: он явно озабочен.

Рядом с ним шагает черноглазый мушкатер Зыбин. Этот по-всегдашнему оживлен. Он рассказывает что-то веселое. Может, и Зыбин думает о смерти, но по крайней мере не показывает виду.

Старики из капральства, Огнев и Воронов, которые служат в армии уже тридцать лет - больше, чем подпоручик Лосев жил на свете, - держатся обычно: Огнев немногословен, а Воронов почти по-стариковски суетлив и чересчур важен. Еще бы: сам Суворов произвел Воронова в ефрейторы.

Лосев глянул на артиллеристов, которые шли справа от них. Но на их лицах он не мог

прочесть ничего - артиллеристы были заняты своими пушками. Лошади с трудом тащили в гору тяжелые пушки, и артиллеристы помогали лошадям.

Взошло солнце. Его лучи ударили сбоку. Лосев посмотрел на восходящее солнце.

"Может быть, в последний раз вижу?" - с грустью подумал подпоручик.

Но тотчас же ему стало стыдно своего малодушия. Он опасливо глянул на соседей - не заметил ли кто-нибудь, что подпоручик Лосев трусит?

Но каждый был занят собой. Хотелось поскорее взойти на холм, хотелось узнать: а что там дальше? Не вылетят ли из-за холма, не ждут ли там турки?

Шли локоть к локтю. В этом тесном, сплоченном строе чувствовалась мощь, крепость.

Шли в ногу, хорошим, ровным шагом. Каждый знал, что здесь не на походе: если трет портянка, жмет ранец - не остановишься, не поправишь. Отстанешь от каре - пропадешь.

Наконец взошли на холм.

Впереди расстилалось ровное поле, а сзади, верстах в двух, стоял лес, ярко-зеленый в лучах восходящего солнца.

По равнине темными массами переносились с места на место турецкие всадники.

- Вот они, голубчики! Гарцуют.

- Ну, сейчас держись, ребята!

В первой линии забили барабаны, заиграла музыка, прокатилось "ура". Этот клич подхватила и вторая линия.

Мороз пробежал по спине у Лосева. Он сжал ружье и шел, боясь только одного - споткнуться о кочку, нарушить стройный ряд.

С холма спускались быстро, Лосев глянул направо. Австрийцы шли таким же каре. Между русскими и австрийцами двигался отряд Карачая.

Лосев издали узнал его малиновый ментик.

Не успели пройти и сотни шагов, как пришлось остановиться и приготовиться отбивать атаку: турецкие спага широкой лавиной хлынули на каре союзников. Они приближались со стремительной, неудержимой быстротой. Турки налетали как ураган, - с воем, с диким, неистовым криком.

Земля дрожала от топота тысяч копыт.

Подпоручик Лосев растерялся. Он вжал голову в плечи и невольно откинулся назад - такой неотвратимой казалась ему гибель. Лосев не мог представить себе, чтобы эту страшную лавину могло что-либо остановить. Но стоявший сзади за ним высокий коренастый мушкатер Огнев шепнул подпоручику ободряюще:

- Не сумлевайтесь, ваше благородие, пронесет!

Музыка перестала играть. Затихло, как перед надвигающейся грозой. Она приближалась, эта грозная, многоголосая туча, вспыхивающая клинками шашек и ятаганов. Вот-вот прокатится над головой, грянет, покрывая все, оглушающий гром.

И он ударил.

Русская пехота, подпустив турок поближе, хлестнула по ним картечью и ружейным огнем. На минуту вся передняя линия скрылась в пороховом дыму и в облаках поднятой турецкими всадниками желтой пыли.

Выстрелы смолкли. Только слышались истошные крики турок, лязг их шашек да тяжкий топот конских копыт: враги сошлись и дрались холодным оружием.

Еще миг - и на вторую линию русской пехоты ринулась турецкая кавалерия.

Лосеву на секунду показалось, что турки смяли гренадер и егерей Дерфельдена и что на них обрушилась вся масса спагов. Но когда апшеронцы стойко отбили этот первый наскок, Лосев увидел, что гренадеры и егеря стоят так же, как и прежде. Только перед каре валялись трупы убитых людей и лошадей.

Турецкие спаги кружились вокруг русской пехоты. Они с четырех сторон облепляли каре, стараясь где-либо пробить густую щетину русских штыков.

В этих атаках не было никакого плана. Спаги гарцевали на своих прекрасных конях. Одни безрассудно налетали на каре, другие, опустив поводья, стреляли на всем скаку из

пистолетов.

Лосев только смотрел, откуда налетит турок. Он излишне суетился, и его кафтан был мокрехонек от пота.

- Не прозеваем, ваше благородие, увидим! - говорил сзади Огнев.

Лосев понимал, что Огнев хочет сказать другое: "Не суетись зря!", но никак не мог стоять так спокойно, как те, кто был знаком с этими лихими атаками.

Уже солнце висело почти над самой головой, а турки продолжали наседавать. Яростные, безудержные атаки турецкой кавалерии стоили им многих жертв. Поле, пригорки - все было усеяно трупами людей и лошадей. Перед 1-й ротой апшеронцев лежало десятка два убитых турок. Лосев старался не смотреть на них. Одна раненая лошадь время от времени все подымала голову и с тяжелым храпом падала вновь, пока наконец не затихла совсем.

Чуть в стороне лежал придавленный убитым конем спаг. У него, видимо, была сломана нога, он кричал, но никак не мог выбраться из-под коня. Вот налетела новая очередная волна спагов - они мчались, не разбирая дороги. Когда и эта волна схлынула, крики раненого умолкли.

Лосев видел раненых и среди своих. Некоторые мушкатеры уже стояли с перевязанными головами. Несколько солдат, зарубленных турками, уволокли вглубь каре. У старика мушкатера из 1-го капральства спаг перерубил руку-она висела, казалось, лишь на сукне кафтана.

Лосев, пока что, был невредим.

Турки все-таки не оставляли надежды прорвать эти плотные четырехугольники союзников.

В задний фас каре батальона Хастатова как-то ворвалась толпа спагов. Еще миг - и в эти ворота вольются новые полчища, и все погибнет. Слышно было, как с треском лопнул барабан, - музыканты, стоявшие в середине каре гренадер, видимо, были опрокинуты влетевшими в него турками. Все спаги, которые были поближе к этому каре, сразу устремились туда. Но стоявшие сзади апшеронцы быстро пришли на помощь товарищам, и турки, прорвавшиеся внутрь каре, пали под ударами русских штыков.

И тогда турки так же стремительно отхлынули назад, как неудержимо рвались вперед. Спаги один за другим мчались к лесу. Через несколько минут вся турецкая кавалерия неслась назад, словно убедившись, что все усилия прорвать каре союзников напрасны.

В каре вздохнули свободнее.

- Вот так всегда у них: если попрут вперед - река не река, - ничто не задержит. А выскочил на поле заяц, кинулся в сторону один конь - и все побежали назад. Смехота! - говорил, выезжая из каре, полковник Шершнеф.

Союзники наконец смогли двинуться вперед. Люди устали стоять на одном месте и теперь с удовольствием шли, разминая ноги, вытирая рукавами потные лица.

Дойдя до леса, союзники не рискнули пойти через него - Суворов приказал охватить лес с двух сторон.

Каре шли так спокойно, как на ученье.

Из лесу толпами повалили турки. Они бежали по направлению к Фокшанам, до которых оставалось всего семь верст.

Эти последние семь верст оказались наиболее трудными: за лесом тянулись густые заросли терновника. Колючки царапали руки и ноги, рвали одежду. Люди и лошади утомились продираться сквозь цепкие кусты. Только в одном отношении было хорошо: в зарослях почти не беспокоили турки.

Но вот проклятый терновник кончился. Снова вышли на открытое поле. Вдали, верстах в двух, были Фокшаны. Турки ждали неприятеля, сидя за небольшими укреплениями и рвами. Их конница ускакала на фланги, чтобы не мешать огню пушек.

Союзники выровняли свои каре и пошли на штурм Фокшан.

Подпоручик Лосев уже узнал ярость турецких кавалерийских атак, не раз отбивал занесенную над его головою кривую шашку спага, отстреливался, колот штыком, но еще

никогда не стоял под ядрами. Теперь Лосева отделяла от этого лишь небольшая черта: в турецком лагере издали были видны пушки. Еще миг и турки, конечно, начнут стрелять. Ухо с тревожным нетерпением ждало этого первого выстрела.

И он раздался.

У Лосева словно что-то оборвалось внутри, но вместе с тем ему стало как-то легче: вот, началось, назад не воротишь.

С гуденьем и ревом пронеслось ядро.

- Малость не угодил!

- Ишь, как оно, проклятущее, ударило!

- Бона как ревет! - оглядывались солдаты. Ядра рвались одно за другим. Подпоручик Лосев поймал себя на том, что под ядрами как-то хочется нагнуть голову и что вдруг сделалось до противного сухо во рту.

- Чего башкой киваешь, ровно конь от овода? Не отмахнешься! - бурчал на молодого солдата ефрейтор Воронов, - Хоть кланяйся, хоть не кланяйся - не помилует! На все божье веление!

А Лосев тоже невольно наклонял голову и думал:

"В меня! В меня!"

- В Смоленский угодило!

- Вон повалило. В четвертой роте, никак... -зашумели кругом. Все оглянулись.

Но долго рассматривать было некогда - впереди вспыхнуло "ура": первая линия пехоты уже бежала на окопы, чтобы поскорее выйти из артиллерийского огня, поскорее сблизиться с врагом.

Апшеронцы последовали их примеру.

V

Войска Осман-паши не выдержали дружного натиска союзников и побежали. Несколько сотен янычар, засевших в укрепленном монастыре св. Самуила, еще пытались защищаться, но их мгновенно выбили и оттуда.

Победа была полная.

Теперь наконец-то Суворов мог спокойно встретиться с принцем Кобургским - за все десять часов боя они не съезжались вместе и еще ни разу вообще не видали друг друга. Суворов ехал к принцу в той же простой канифасной куртке, в которой он был в бою, и в старых ботфортах. На куртке у него висел только один Андреевский орден.

Вместе с Суворовым ехали командиры линий - генерал-поручик Дерфельден и генерал-майор Позняков. Командира второй линии князя Шаховского тяжело ранило в бою. Сзади за генералами трусили адъютанты и ординарцы.

Если бы не тела убитых, не лошадиные трупы, попадающиеся на каждом шагу, фокшанское поле было бы похоже на ярмарку: всюду стояли сотни повозок с разным добром, белели наметы опустевшего турецкого лагеря, по полю бродили табуны лошадей, верблюдов, ослов, которых турки не успели угнать с собою.

Где-то там, впереди, куда ускакала, преследуя врага, союзная конница, еще слышались одиночные выстрелы, а здесь уже думали о мирном отдыхе: солдаты ставили ружья в козлы, сбрасывали пропотевшие кафтаны, разувались. Артельные старосты сразу же взялись разжигать костры - варить кашу.

Солдаты, принужденные в каре целый день жаться друг к другу, теперь с удовольствием сидели и ходили свободно, поодиночке.

Вон мушкатер несет большую охапку дубовых веток, нарубленных для костра. Вон уже босиком - успел сбросить сапоги - бежит молодой солдат и радостно кричит своим: "Дяденька Максимыч, шестая рота воду нашла!" Вон толпа солдат с хохотом и шутками старается окружить стадо овец, которые испуганно мечутся по полю.

Проехали мимо толпы мушкатеров, внимательно осматривавшие захваченные турецкие пушки.

- Из этих самых пушек он в нас палил!

- Здоровые пушки!
- Глянь, тут у него вся снасть как следует: и пальник и банник!
Кое-где уже слышались разговоры о бое:
- Он кричит: "аман", "аман", а я думаю: меня, брат, не омманешь,- раз его штыком!
Суворов ехал, зорко глядя кругом.
- Это как будто уже апшеронцы?-спросил он у генералов, указывая на шумную, большую толпу пехотинцев, располагающихся на отдых.
- Должно быть, они, Александр Васильевич,- ответил Позняков.
- Надо, пожалуй, от второй линии захватить Ивана Кузьмича: пусть-ка хоть с ним принц познакомится! Какой полк, ребяташки? - крикнул, подъезжая к пехоте, Суворов.
- Апшеронский! - ответило из толпы несколько голосов.
Суворов остановил коня. . .
- Ба, Воронов! Жив, старина?-узнал он ефрейтора. - И Огнев, слава богу, уцелел, - продолжал он, оглядывая мушкатеров. - Молодцы! - весело говорил Суворов.
- Живы еще, батюшка Александра Васильевич! - ответил Огнев.
- Точно так, живы! - гаркнул Воронов.
- А ну-ка, ребятки, где ваш полковник? Покличьте Ивана Кузьмича!
Воронов обернулся к солдатам и, начальственно вытаращив глаза, приказал:
- Их высокоблагородия к их высокопревосходительству!
Но уже и без ефрейторского приказа неслось от одного к другому:
- Полковника к Суворову!
- Суворов кличет полковника! - Что, много у вас раненых? - спросил Суворов.
- Человек, почитай, с двадцать,- ответил Огнев. Воронов недовольно глянул на товарища - ишь, вперед старшего лезет! Степенно ответил:
- В нашем капральстве, ваше высокопревосходительство, только одного ранило.
- Тяжело?
- Нет, не так чтобы.
- Да он сам вот тут,-прибавил Огнев.
- Зыбин, покажись! - заговорили кругом. Из толпы шагнул вперед смуглый, как цыган, мушкатер. Рот у него был повязан окровавленным платком.
- В рот угодило? - нахмурился Суворов. Мушкатер утвердительно кивнул головой.
- Так точно, в рот,- ответил Воронов.
- Он у нас песельник,- улыбнулся Огнев.
- Болтун. Все лопочет. Оттого ртом и поймал ее,- презрительно вставил Воронов.
Черные глаза раненого улыбались.
- Язык-то, зубы - целы? - участливо спросил Дерфельден.
- Целы, ваше высокопревосходительство.
- Только сквозь обе щеки прошла!
- Как иглой прошило! - отвечали солдаты.
- Ну, тогда ничего: скоро заживет. Опять песни петь будешь и с девками целоваться! - пошутил Суворов.
Мушкаты загоготали.
- А ты, ваше благородие, впервой был в бою? - посмотрел на молодого подпоручика Суворов.
Лосев хоронился за спинами солдат - он натер ноги, поспешил разуться и теперь стоял босиком.
Мушкаты расступились.
- Так точно, первый раз,- ответил Лосев. Красный от смущения, он не знал, куда девать босые ноги.
- Страшно было? - спросил, улыбаясь, Суворов.
Подпоручик замялся.
- Страшновато,- признался он.

- То-то. Война, брат, такое дело - натерпишься! Ну, отдохайте, ребяташки; сегодня славно постарались! - сказал, отъезжая, Суворов; к нему спешил полковник Шершнеv.- Подтянись, Кузьмич, поедem, брат, к принцу знакомиться с союзниками! - встретил Суворов командира апшеронцев.

- Да я-то, Александр Васильевич, по-немецки ни гу-гу,- виновато улыбнулся Шершнеv.
- Ничего. Зато сражаешься ты по-русски. Поедем!

И они поехали к расположению австрийского корпуса. Австрийские солдаты узнавали своего спасителя генерала Сувары в этом простецки одетом небольшом старичке, который ехал на неказистой лошаденке.

- Гляди, вон поехал генерал Сувары! - говорили они один другому.

И за то, что Суворов не стоял на месте в ожидании врага, как их генералы, а смело шел на него, австрийские солдаты сегодня прозвали Суворова "Генерал-вперед".

- Vivat Suvara! Vivat General Vorwaerts! - восторженно кричали они.

Суворов был очень тронут этим. Он махал каской и, приветливо улыбаясь, отвечал:

- Виват Иосиф! Виват Кобург!

Навстречу ему уже спешил сам принц Кобургский, окруженный нарядной, цветистой свитой генералов.

Приблизившись друг к другу, обе группы всадников спешили.

- Ваше высокопревосходительство, я восхищен! - начал было принц, подходя к Суворову, но Суворов не дал ему договорить - он крепко обнял принца.

Свита обоих полководцев, хотя и более сдержанно, но все же последовала их примеру. Генерал-поручик Дерфельден чуть ткнулся губами в бритую щеку генерала Сплени. Полковник Барко, снисходительно улыбаясь, церемонно поцеловался с генералом Позняковым.

И только простодушный Иван Кузьмич Шершнеv искренне заключил в свои мощные объятия какого-то маленького австрийского полковника и, к немалому его удивлению, троекратно, словно на светлое Христово воскресение, облобызался с ним.

- Поздравляю с победой, ваше высочество! - сказал Суворов, пожимая руку принца.

- Вас нужно поздравлять, а не меня! Все сделали вы! - широко улыбаясь, говорил принц, с интересом разглядывая генерала Сувары. - Так быстро прийти на помощь. Сделать пятьдесят верст в сутки! Это чудо!

- Римляне двигались еще быстрее,- живо отозвался Суворов.- Вспомните Цезаря!

- Но ваша прекрасная диспозиция, ваша замечательная тактика - идти вперед. Мои солдаты уже зовут вас "Генерал-вперед",- улыбаясь говорил принц.

- Все сделали они, наши храбрые солдаты! - отвечал Суворов.

- Нет, нет, победа принадлежит вам! - не уступал Кобургский.

Суворов весело улыбался.

- А, вот еще он, мой дорогой полковник Карачай! - радостно встретил он подъезжавшего Карачая.

- Ваше высокопревосходительство, вы слишком снисходительны ко мне, смутился польщенный Карачай.

Но Суворов, прихрамывая, подбежал к нему и горячо обнял.

- Мой храбрый Карачай, подойдите, и я обниму вас! - сказал принц, делая шаг к Карачаю.

Карачай запнулся. Он глянул на белоснежный мундир принца и на свой пыльный ментик и чуть было не извинился: "Видите, какой я грязный!" - но спохватился: ведь секунду назад он в таком же виде мог целоваться с генералом Сувары.

Карачай поспешил к принцу. Принц обнял его.

А между тем в стороне, на пригорке, слуги принца Кобургского расстлали большой ковер, ставили приборы, бутылки, закуску - принц хотел тут же, на поле, отпраздновать столь блистательную победу Суворы.

Глава восьмая

РЫМНИК

Возвышайся, россов слава,
Веселися, наш герой;
Нам труды с тобой - забава,
И победа - каждый бой.
Число мало, но - в устройстве,
И великий генерал...
Как равняться вам в геройстве,
Коль Суворов приказал?
Песня Римникская

I

Приступ лихорадки только что прошел - Суворов лежал, обливаясь потом. Он смотрел в потолок низенькой молдаванской хаты и напряженно думал все о том же. Вернувшись после победы у Фокшан на прежнее свое расположение, в Бырлад, Суворов написал командующему армией князю Репнину, что русские могли бы теперь двигаться к Дунаю. Суворов так и писал:

Отвечаю за успех, ежели меры будут насту- пательные. Оборонительные же? Визирь придет! На что колоть тупым концом вместо острого? Правый бок чист: очистим левый и снимем плоды!

Но, конечно, с его доводами никто не посчитался, и союзники продолжали "колоть тупым вместо острого" - стоять на месте, а визирь продолжал наступать.

Вчера вечером от принца прискакал гонец: Кобургский снова просил помощи.

Он сообщил, что великий визирь будто бы собрал громадную армию в сто тысяч человек, перешел Дунай у Браилова и движется к Рымнику. У принца был все тот же восемнадцатитысячный корпус, и он умолял Суворова поспешить на помощь.

Суворов и сам знал, что визирь намеревается где-то перейти Дунай, но в Браилове, Галаце или в Измаиле - неизвестно. Как доносили лазутчики, во всех этих пунктах было много турок. Великий визирь хотел, чтобы союзники не могли знать заранее, где он будет переправляться через Дунай.

Главнокомандующий Потемкин колебался, не зная, что делать: осаждать ли Бендеры или идти в Молдавию.

Его армия медленно, черепашьим шагом двигалась от Ольвиополя к Дунаю.

Суворов, получив вчера вечером письмо принца, решил выждать посмотреть, что будет дальше: ведь ему нужно наблюдать не только за Фокшанами, но и за Галацем - неизвестно, куда повернет визирь.

Суворов лежал и думал: что-то будет? Ему вдруг показалось, что к дому подъехали. Он приподнял голову. Так и есть: в сенях вестовой Ванюшка говорил с кем-то.

Дверь осторожно приоткрылась - выглянуло курносое лицо казака.

- Ну, входи, входи! - сказал Суворов. - Кого там бог несет?

- Тот самый австрийский офицер, ваше высокопревосходительство.

- Пусть входит.

Суворов, худой и желтый, сел на постели, вытирая полотенцем мокрый лоб и шею.

В комнату вошел уже знакомый Суворову по Фокшанам высокий длиннолицый майор Траутмансдорф. Плащ майора был весь забрызган грязью. Лицо лоснилось от пота - видимо, майор хорошо гнал коня.

Траутмансдорф уже знал повадки генерала Сувары и без удивления смотрел на его солдатскую постель, на простой полотняный мундир.

Сегодня генерал-аншеф выглядел особенно плохо - был очень худ. На его посеревшем, изможденном лице живым огнем горели только глаза. И от этого хилого, казалось - немощного старичка весь австрийский корпус ждал помощи, ждал спасения.

- Ну что, где визирь? - не дожидаясь доклада, быстро спросил Суворов.

- Идет на Фокшаны, ваше высокопревосходительство. Уже в шестнадцати верстах от

нас. Назавтра ждем боя, - ответил майор, подавая Суворову письмо принца. Пот еще сильнее прошиб Суворова: значит, он напрасно прождал весь сегодняшний день! Он, Суворов, в первый раз в жизни промедлил, опоздал!

Опираясь о стенку, Суворов встал на ноги. Письмо принца дрожало в его ослабевших от лихорадки пальцах. Суворов не стал читать, что пишет Кобургский.

- Писать некогда. Передайте принцу - выступаем немедленно! - твердо сказал Суворов.

Траутмансдорф не стал терять времени, - он надел треуголку, козырнул генерал-аншефу и скрылся за дверью: принц Кобургский с нетерпением ждал его возвращения.

...В полночь семитысячный корпус Суворова выступил в поход.

Ночь была темная, все небо покрыли тучи. Накрапывал дождь. Он шел тихий, но упорный и грозил перейти в обложной.

Впереди Стародубовского карабинерного ехал, ссутулившись, генерал Суворов.

Начинался очередной приступ. Суворова трясло под тонким плащом. Но он, казалось, не замечал лихорадки. Суворова беспокоило другое: он зря прождал целые сутки. Если визирь догадается немедленно атаковать австрийцев, союзники погибнут.

Успеет ли он соединиться с принцем, чтобы спасти и австрийцев и себя от поражения?

II

Целую ночь с небольшими перерывами лил дождь. Стояла непроглядная темень - все небо заволокло тучами. Идти становилось с каждой верстой все труднее: и без того скверную дорогу совершенно размыло. В темноте спотыкались, попадали в колдобины, рытвины, ямы. Пехотинцы шли мокрые, забрызганные грязью по пояс. Плащи давно промокли, с касок за шею стекала вода.

Только под утро дождь немного утих. День вставал пасмурный, неприветливый, не похожий на обычный в Молдавии ясный сентябрьский день.

Юго-западный ветер - "средиземный", как называли жители, - продолжал без устали гнать низкие, тяжелые тучи.

- Ежели до полудня ветер не переменится, тогда дождь будет до самой полуночи, - сумрачно заметил Огнев.

И действительно, когда после небольшого роздыха тронулись дальше, то не успели пообветриться плащи, как снова полил дождь. Так, под дождем, переходили реку Бырлад.

Зыбин, оправившийся от раны, полученной при Фокшанах, по-всегдашнему веселый, уронил полушутя:

- Сказывают, еще одну реку переходить будем.

- А уж теперь хоть десяток - мокрей не станешь! ответил Башилов.

- В самом деле будем переходить, - сказал Огнев.

- А какую, дяденька? - спросил кто-то из молодых солдат. - Серёт.

Кругом рассмеялись.

- Ну и прозвание! Лучшего ничего придумать не могли! - смеялся Зыбин.

- А знаешь, Илья Николаевич, - обратился Башилов к Огневу, - у нас помещик был - ёрник, не приведи господи! Вот он выселил на пустошь мужиков и прозвал эти выселки, да так, что не всякий мужик скажет. А про баб и говорить нечего - соромились называть, откуда они. Так бывало в селе, на ярмарке парни и пристанут к девкам из выселок: откуда вы, девчата? Смеху было!..

- Серёт, кажись, большая река, ее вброд не перейдешь, - заметил Воронов.

- Австрияк нам понтон сготовит, - сказал Зыбин.

- Он те наготовит! - улыбнулся Огнев. Все ждали перехода через Серет, все знали: от Серета до австрийского лагеря несколько часов ходьбы.

Перед походом генерал Суворов сказал солдатам:

- Понатужьтесь, ребятушки, поспешим! А то басурман побьет нашего союзника. Их сто тысяч, а у принца и двадцати не наберется. Но коли мы подоспеем, вызволим!

И вот слушались любимого генерала, спешили. Шли так, что почти, не отставали от конницы.

Было три часа пополудни, когда в стороне блеснула река. Колонна остановилась. Все оживились. Думали: вот уже переходят карабинеры, скоро и мы. Но случилось невероятное - войска, свернув в сторону, пошли прочь от реки. Тотчас же по рядам пронеслось.

- Моста нет.

- Австрияк понтонов не навел.

- Вот те и союзники!

- Да что они, шутки шутят с нами?

- А может, мы сами не туда вышли? - высказал кто-то предположение.

- Ну вот, скажешь! Что ж, Александра Васильевич не знает, куда идти?

- А может, басурман уже побил австрияка?

- Слыхатъ было б!..

И вслед за этим тотчас же разнеслась новость: мост есть, но - выше по реке, отсюда верст за пятнадцать. Потому что там река уже.

- Вот пропади ни пропадом. Еще тащись по этакой грязи!

- Совсем от ног отстанешь!

- За дурной головой ногам непокой!

Но делать было нечего - снова пошли вперед. А дождь, как назло, все усиливался. Поднялась, буря. Раскатившись по небу, загремел гром. Сверкнула молния.

С большой дороги свернули на проселок. Идти стало еще тяжелее: грязь была по щиколотку.

- Нам, грешным, и ветер навстрешный, - сказал Огнев, шлепая по грязи.

- До Ильина дня тучи по ветру идут, после Ильина - против, - поправил Воронов.

- Нынче всё против нас - и дождь и ветер! - буркнул Башилов, отворачивая лицо от косога дождя.

- Ничего, лишь бы Суворов был с нами!-отозвался Зыбин.

На повороте они увидели своего генерала. Измученный лихорадкой, желтый, худой - краше в гроб кладут, - Суворов что-то быстро говорил по-немецки австрийскому офицеру, который почтительно его слушал.

Косой дождь хлестал им в лицо. Офицер все пригибал голову, но Суворов, казалось, не замечал дождя. Его плащ был. мокрехонек, а конь из буланого стал гнедым.

Минуту спустя генерал Суворов обогнал апшеронцев, - ехал молча, не сказал ни слова - видимо, был очень не в духе.

- И ему, брат, несладко! - сочувственно сказал Башилов, указывая на проехавшего генерала.

Суворов направился к голове колонны, на свое постоянное место: в походах он шел всегда с авангардом.

Уже вечерело, когда измученные, еле тащившиеся солдаты снова увидели реку. Еще издали они заметили пасшихся сытых понтонных австрийских лошадей значит мост есть! Передние эскадроны карабинеров проваливались куда-то вниз. Подошли к обрыву и апшеронцы.

Река, вздувшаяся от дождей, шумела где-то внизу. К ней нужно было идти по довольно большому болотистому лугу. Пехота стала спускаться с крутого обрыва на луг. Луг был весь залит водой. Шедшие впереди эскадроны кавалерии размесили его. Пехота увязала до самых колен. Две пушки, следовавшие за апшеронцами, сразу же засосало - ни с места.

- Ну и нашли, где устраивать переправу! Как нарочно!

- Стоило пятнадцать верст трепать по грязи! Солдаты ругали все на свете: и австрийцев, и погоду, и злосчастную реку.

А дождь продолжал лить. Он лил как из ведра.

Сверху и снизу была вода. Стоя в ней по колено, люди продрогли окончательно.

- Да чего там замешкались? Скоро ли? - Вытягивая шеи, смотрели на видневшийся впереди сквозь сетку дождя понтонный мост.

Наконец по доскам застучали копыта лошадей: авангард перешел на ту сторону. Пехота

подвинулась вперед.

- Я только себе местечко нагрел, а тут опять в холодную лезть, говорил Зыбин, с трудом выдирая ноги из грязи. Но никто не поддержал его, не улыбнулся даже - было не до шуток.

За авангардом на мост ступили стародубовцы.

Впереди карабинеров ехал, нахохлившись, съезжившись под дождем, больной генерал Суворов.

Ветер переменялся. Теперь он был холодный северо-восточный "русский". Казалось, что он гнал вчерашние тучи назад, к Дунаю. Ветер налетал порывами.

Карабинеры были уже почти на середине реки, когда вдруг сильным порывом ветра понтоны поворотило в сторону.

- Сорвет! Сорвет! - раздалось отовсюду. Карабинеры на мосту замялись. Суворов повернул назад своего коня и, привстав на стременах, что-то кричал, махая нагайкой.

Задние ряды карабинеров, не видя, что делается на мосту, еще напирали на передних, торопясь поскорее выбраться из болота.

- Опять перетык- понтон порвет!

- Ну и навели!

И солдаты принялись ругать союзников.

- А чем они виноваты? Видишь, как реку вспучило?

Круглые сутки этакий ливень!

Суворов с первыми эскадронами уже съезжал с моста. Все снова очутились на топком лугу.

- Вот и переправились! Теперь будем здесь ночевать.

- Заснешь. Места сухого нет.

- Где там спать - хоть бы дождь-то перестал. Хоть бы кафтан выжать, а то все мокрое, - говорили солдаты.

Пехоте ведено было подняться наверх. Грязные, мокрые, выбрались из болота апшеронцы.

Австрийские понтонеры, гревшиеся у костра, торопились вниз, к реке.

Мимо пехоты, в плаще, забрызганном грязью, проехал сумрачный, злой, не похожий на себя генерал Суворов. Его маленькая лошаденка увязала на топком лугу чуть ли не по брюхо. Взобравшись наверх, Суворов, не обращая внимания на дождь и ветер, поскакал куда-то в сторону. За ним поспешили дежурный майор и адъютант.

- Не удержишь, хочет все делать сам, - недовольно говорил адъютанту дежурный майор, шпоря усталого коня.

Пехота, потеряв всякий строй, сбилась в кучу.

Через несколько минут Суворов протрусил назад к обрыву, что-то сказал поджидавшим карабинерам. Карабинеры, эскадрон за эскадроном, пошли в ту сторону, откуда только что возвратился из разведки генерал. Оказалось, что в полуверсте был лес, куда на ночь переводил Суворов кавалерию.

Пехотинцы старались найти местечко посуше. Все-таки здесь было не так мокро, как внизу.

Дождь опять на время стих. Большинство солдат, укрывшись мокрыми плащами, улеглось. О костре нечего было и думать - все намокло. Да и не хотелось возиться с ним, хотелось поскорее уснуть.

...Александр Васильевич был в ужасном настроении: его весь день мучила одна мысль - зачем он не выступил 6-го, зачем зря потерял целые сутки? Кобург шлет гонца за гонцом, торопит. Бойтся. Еще бы не бояться: визирь со своей громадной армией стоит от него в двух шагах. Правда, визирь до сих пор не атаковал принца.

Это хороший знак, визирь чего-то ждет. Время, стало быть, еще не потеряно.

Но сегодня все как-то складывается против Суворова. Сначала это нелепая путаница с местом переправы.

Потеряли несколько дорогих, драгоценных часов. Затем несчастье с мостом. Теперь

придется ждать, пока на таком сильном течении через разлившуюся, как весной, реку понтоны снова наведут мост, пока солдаты починят дорогу через луг, чтобы можно было провезти пушки и повозки.

И в довершение ко всему этот ливень, редкостный, небывалый в Молдавии в сентябре. Сентябрь здесь обычно - самый лучший месяц в году: ясный, безоблачный. А вот нате вам... Проклятый ливень вконец испортил дорогу, измучил бедных солдат.

Суворов не находил себе места. Поглощенный своими неприятными мыслями, он забыл о лихорадке. И странное дело - здесь, под проливным дождем, на ветру, озябший, вымокший до нитки, Суворов чувствовал себя здоровым: от волнения лихорадка совершенно прошла.

Суворов велел дежурному майору исправить за ночь дорогу через луг. Из каждого полка отрядили людей рубить фашинник. Казаков разослали по окрестным деревням собрать молдаван с лошадьми и каруцами возить песок.

Работы до утра хватало.

Сдать все на этого австрийского капитана-понтонера, у которого затряслись губы, когда он увидел, что с его мостом сделала река, Суворов не мог. И он не мог сидеть сложа руки, когда кругом было столько дела. Он не мог бы спокойно уснуть, не будучи уверенным в том, что к завтрашнему дню все будет готово.

Суворов только пересел на свежую лошадь и закутался в сухой плащ, который дал ему вестовой. До самого утра он наблюдал за работой солдат и молдаван, толпами сходящихся и съезжавшихся к реке гатить дорогу.

...Башилов, наряженный вчера вместе с другими апшеронцами на работу, разбудил Огнева, который лежал, свернувшись калачиком, у межи.

- Вставай, дядя Илья, погрейся!

Башилов держал манерку с кипятком. Огнев поднялся.

Солнце только что взошло. Было тихо и безоблачно. Лишь глубокие борозды в песке, спускавшиеся вниз, к лугу, напоминали о вчерашнем ливне, да от сырости, от спанья в мокрой одежде ныло тело. Шаровары и кафтан были еще влажные, пахли прелью.

Весело трещали костры. Люди сушили одежду, чистились, грели кипятком. Все повеселели.

- Ну, как управились? - спросил Огнев подымаясь.

- Починили. Навалили фашиннику, насыпали песку. Да ты пей, Илья Николаевич,- говорил Башилов, подавая Огневу кружку,- грейся!

Зыбин проснулся сам. Он моргал красными, невыспавшимися глазами и, потягиваясь и зевая, говорил:

- До чего сладко спать на брюхе, спиной прикрывшись!

В это время с пригорка проехал окруженный офицерами генерал Суворов.

- Уже встал, - кивнул на него Огнев.

- Какое там встал. Он и не ложился, сердешный. Так с нами цельную ночку и коротал. И с коня не слезал, все смотрел за работой да указывал, отвечал Башилов.

III

Пока вестовой и Прощка разбивали для Суворова палатку, он отослал принцу Кобургскому письмо:

Я пришел и, чтобы показать это туркам, думаю атаковать их через несколько часов.

Наконец-таки, перейдя через реку Серет, русские к полудню 10 сентября 1789 года дошли до австрийцев.

Когда австрийские ведеты увидели казаков, они были вне себя от радости.

- Русские идут! Генерал-вперед пришел! Мы спасены! - понеслось по лагерю.

Как и при Фокшанах, русские примкнули к левому флангу австрийцев.

Австрийский лагерь стоял на реке Мильке.

- Гляди, опять река. Сколько их тут, прости господи! - удивлялись солдаты.

- А летом, поди, ручейка не сыщешь!..

- Турки, сказывают, уже два дня налетают...

- Пугают.

- Вот мы их ужо попугаем!

Третий день русские войска не отдыхали по-настоящему. Став на место, солдаты быстро разбили палатки, и каждый занялся своим делом. Кто в прошлую ночь был наряжен на работу и не спал, поскорее завалился спать. Любители покушать, стосковавшиеся по свежей кашнице, развели костры. А большинство сушили и чистили забрызганные грязью измятые кафтаны и шаровары и приводили в порядок амуницию и оружие. Кавалеристы чистили лошадей, кое-кто уже точил саблю.

Отослав записку принцу, Суворов, прихрамывая, пошел в палатку. Казаки постарались для своего генерала - притащили в палатку добрый воз сена.

Суворов сбросил сапоги, снял каску и кафтан и с удовольствием растянулся на свежем сене. Так хорошо было бы сейчас заснуть: ведь он не спал уже три ночи подряд, но еще надо было договориться с принцем, осмотреть турецкое расположение и составить диспозицию к завтрашнему бою.

Суворов решил завтра же ударить на турок, чтобы ошеломить их. Он шел три ночи и два дня. Шел большею частью проселочными дорогами - чтобы турки не узнали о его продвижении.

Суворов ждал принца. Он разложил на сене карту и старался представить себе, какую позицию выбрал великий визирь.

Долго ждать принца не пришлось. Вдали послышались крики "ура". Суворов сунул руки в рукава кафтана и стал натягивать на больную ногу еще недостаточно просохший сапог.

Суворов успел одеться и выйти навстречу принцу, который, подъехав к палатке, легко спрыгнул со своего кровного серого жеребца.

- Ваше высокопревосходительство, как я рад! - кинулся он к Суворову.

Суворов с удовольствием обнял его и поцеловал в обе щеки.

- Здравствуйте, ваше высочество! Вот мы и снова вместе.

- Простите, что произошло недоразумение с этим мостом. Я не думал, что вы пойдете по столь скверной дороге.

- Некогда выбирать. Скверная, да верная. Самая короткая, - сказал Суворов, откидывая полотнище палатки и пропуская принца вперед.

Кобургский шагнул в пустую палатку. Он уже достаточно знал генерала Сувара и не удивлялся его спартанскому образу жизни.

Приминая сено, они расположились возле карты.

- Ваше высочество уверены, что визирь здесь со всем войском? - спросил Суворов.

- Так говорят лазутчики. Да и по кострам ночью видно.

- Нужно, не теряя времени, ударить. Визирь ждет подкреплений.

- Какие же еще подкрепления? - пожал плечами Кобургский. - Ведь у него и так больше ста тысяч человек!

- Тем лучше - сразу отделаемся от всех! - уверенно заявил Суворов.

- Но, мой друг... - запнулся принц. От волнения он даже встал.

- Чем больше турок, тем больше у них беспорядка! - выпалил Суворов.

- Но ведь их вчетверо больше! - подчеркнул Кобургский.

- А хоть бы и вдесятеро! Все же их не столько, чтобы затмить нам солнце! - твердо сказал Суворов, глядя снизу вверх на высокого собеседника.

- Я проезжал по лагерю, видел: русские войска изнурены походом. Вы так быстро шли - в дождь, в бурю, без ночлегов. Солдатам нужен отдых!

Суворов мельком взглянул на принца: умный, хороший человек, да опять, кажется, струсил. Опять заговорила линейная тактика: как же тут идти на басурман, если по всем ее правилам нужно отступить!

"Ретирада на уме. Придется снова ошеломить его", - подумал Суворов.

- Ежели ваше высочество не согласны атаковать визиря, я атакую один! решительно сказал Суворов и, прихрамывая, пошел к выходу.- Эй, братец, коня! - высунувшись из палатки, крикнул он вестовому.

Суворов надел каску, положил в карман карту и обернулся к принцу.

Кобургский стоял, в раздумье перекусывая зубами травинку.

- Простите, ваше высочество, но я должен ехать.

Хочу сам посмотреть турецкое расположение,- объяснил свой отъезд Суворов и вышел из палатки. Принц пошел вслед за ним. Суворов легко вскочил на коня и поехал. Адъютант хотел было нарядить эскадрон для охраны генерала, но Суворов недовольно замахал рукой.

- Не надо, помилуй бог! Пусть урядник и двое казаков!

Принц медленно шел к своему долговязому адъютанту, стоявшему в сторонке, и думал о генерале Суваре:

"Удивительный человек! Великий полководец! Он и с семьей своими тысячами разобьет сто тысяч визиря...

- Что же мне делать?"

IV

Суворов осторожно подъехал с казаками к самой Рымне. Лагерь союзников остался далеко позади. Тут уже из-за каждого куста мог выскочить янычар.

Прислушались, осмотрели ближайšie кусты - вблизи, на этом берегу, никого не было.

Суворов спешил в кустах и пошел с урядником и казаком к дубкам, росшим на самой круче. Внизу, под обрывом, пенилась грязно-желтая после вчерашних дождей Рымна.

- Подсобите, казачки! - сказал Суворов, подпрыгивая и хватаясь за сук.

Один урядник легко приподнял генерала. Суворов ухватился за сук повыше, на нижний стал ногами и быстро полез вверх по дереву.

- Шестьдесят годов, а так легко лезет! - удивлялся казачий урядник, глядевший, как генерал, взбирается все выше и выше.

- Не свалился бы старик - подошвы-то сырые, ствол тоже скользкий,забеспокоился казак,

- Не свалится! Он, брат, не таковский! - ответил урядник.

Суворов влез насколько можно было повыше, поудобнее устроился, обломал мешавшие ветки и смотрел в трубу на турецкое расположение.

Турки стояли между реками Рымной и Рымником, которые блестели вдали. Все пространство между ними было занято турецкой армией. Белели сотни наметов, палаток, шатров. На просторных лугах и полях паслись табуны лошадей, верблюдов, буйволов, ослов. Как на громадной ярмарке, толпились телеги, повозки, каруцы, арбы. Тысячи костров горели всюду.

Суворов насчитал три лагеря. Первый лежал почти у его ног - на противоположном берегу Рымника, у деревни Тыргокукули. У деревенской околицы выглядывали из-за высокого бурьяна жерла турецких пушек.

Суворов прикинул на глаз: в одном этом лагере было значительно больше войск, чем у него.

Второй лагерь располагался на пригорке соседней деревни.

"Это Бохча",- вспомнил ее название Суворов. Здесь паслось больше скота, чем у Тыргокукули, и гораздо больше было пушек,-Суворов насчитал их до сорока.

"Ну да ничего, мои богатыри возьмут и эти!" - думал он.

Левее Бохчи виднелся Крынгумейлорский лес. Он кишел людьми и лошадьми. А за ним - опять бесконечные обозы.

Где-то там, у Рымника, как доносили лазутчики, был третий, самый большой лагерь визиря.

"Вот если б принц глянул. Помилуй бог! Расписывал ему лазутчик, но еще мало. Принц свалился бы с дерева от страха. Да, крепки дьяволы! Это не под Фокшанами. Позиция у визиря прекрасная",-думал Суворов слезая. Мешкать особенно было нечего: того и гляди -

заметят басурманы и налетят.

Мысль работала лихорадочно. Диспозиция завтрашнего боя понемногу складывалась в голове.

"Я ударю на Тыргокукули, а принц будет охранять фланг и тыл. А потом соединимся и все разом - на визиря. Турки не ожидают. Растеряются!"

План был хорош, но все-таки чрезвычайно рискован: с каждым шагом русских к Тыргокукули расстояние между союзниками должно увеличиваться, фланг и тыл их - все больше обнажаться.

"Ничего, мои богатыри не допустят, чтобы турки атаковали нас с фланга", - думал Суворов, готовясь спрыгнуть вниз с дерева.

Казачи так же бережно сняли Суворова, и он заковылял к коню. На полпути к лагерю их встретили два эскадрона гусар Цеклера, высланные принцем для охраны Суворова. А у лагеря нетерпеливо ждал сам принц Кобургский.

- Ну, как? - спросил он, подъезжая к Суворову.

- Стоят хорошо, как дома. Но мы их завтра прогоним. Вы подумайте, ваше высочество, а я, простите, поеду немного отдохну!

Красные, воспаленные от бессонницы глаза Суворова смотрели устало. Лицо пожелтело и осунулось.

- Да вы едва держитесь на ногах. Вы сегодня спали? - участливо спросил принц.

- Нет.

- А вчера?

- Нет.

- А позавчера?

- Нет.

- Когда же вы спали?

- Еще в Бырладе...

Принц всплеснул руками:

- Так же невозможно!

- Ваше высочество, я пришлю к вам полковника Золотухина, вы обсудите с ним, а я поеду спать.

И, слабо улыбнувшись, Суворов поехал к своему лагерю.

Принц молча смотрел ему вслед.

"Удивительный человек!" - думал он.

V

Зыбину этот ночной марш был особенно несносен. Еще выступая из лагеря, Суворов сам объехал полки и строго приказал, чтоб на марше никак не обнаружить себя.

- Не курить, огней не высекать. Языком попусту не чесать. Команда вполголоса. Горнисты, барабанщики - замри! Чтоб как снег на голову!

Так всю ночь и шли: ни закурить, ни поговорить. Иди и только берегайся - не звякнуть бы невзначай ружьем, не споткнуться бы обо что-либо на дороге.

До первого турецкого лагеря, к которому шли, говорят, еще верст пятнадцать. Казалось бы, к чему такая сугубая предосторожность, но раз Суворов, приказал, стало быть надо исполнять. Хотелось курить, гнало слюну. Эх, беда - затынуться нельзя!

Зыбин примечал - он томился не один в их капральстве. Воронов, который всегда много курил, жевал что-то на ходу. Подпоручик Лосев часто сплевывал видать, тоже охота покурить. Поговорить бы хоть, отвлекаться - и то нельзя.

Впереди далеко видны турецкие огни. Небось, кашу варят, не ждут гостей!

Вот послышался рев осла, - у турок их много. "Ах ты, пропади пропадом, как ревет! Скрипит, ровно намазаная молдаванская телега..."

Зыбин повернулся было к своему соседу Огневу, хотел шепнуть ему, но в полутьме увидел - Огнев недовольно сдвинул брови, замотал головой: молчи уж!

Со скуки поглядел на звезды: "Ковш-то где.

У нас - чуть повыше и левее..."

И вот так шли и шли втихомолку. Если кто-либо в рядах нечаянно звякал ружьем о водоносную флягу или спотыкался, на него первым выпучивал глаза ефрейтор Воронов. Затем сердито шикал капрал, и, наконец, подбегал, придерживая левой рукой шпагу, подпоручик Лосев: "Что, кто? Тише!"

И в этой напряженной тишине как-то больше клонило ко сну.

...Уже совсем рассвело, когда подошли к реке Рымне. Рымна была мелководна - по колено. Поеживаясь, ступили в воду. Пошли через реку. Зыбин насчитал сто восемьдесят четыре шага. Он шел и смотрел, как осторожно, полуприседа, идет Воронов.

- Не любит дядя Ворон водички,- всегда трунил он над любившим выпить ефрейтором.

Хлюпая набравшейся в сапоги водой, взобрались по крутому, обрывистому берегу. Турецких огней уже не было видно. Впереди темнели кусты. Неужели опять проклятые колючки, как там, возле Фокшан? Все руки расцарапаешь, все шаровары изорвешь!

По рядам прошло тихое:

- Становись в каре!

Дело привычное, ровно щи хлебать! Построились быстро. Стояли, ожидая сигнала идти вперед.

Барабанщик дядя Ваня, который умел барабанить и в то же время показывать, как сапожник колет шилом, всучивает дратву, уже стоял наготове. Он сразу повеселел, сморкался наземь, не заботясь о том, что получается довольно громко.

Кавалерия уже заняла свою всегдашнюю третью линию. Пехотные каре были впереди.

К каре апшеронцев подъехала группа всадников. Зыбин узнал нового командира полка, широкоплечего полковника Апраксина, и высокого одутловатого генерал-майора Познякова. Посреди них на небольшой лошаденке сидел генерал-аншеф Суворов.

А рядом с ним - вихрастый казак Ванюшка. Затесался, будто и он - чин. А ведь только возит за генералом Суворовым его тяжелую саблю. Сам же Суворов - с одной нагайкой.

Что-то указывает его в сторону, машет. Видно, чем-то недоволен.

- Замешкались. Все дело испортят. И еще этот Тищенко - словно за смертью поехал! - услышал Зыбин, что говорил Суворов.

Генерал-аншеф со свитой проехал к передней линии гренадер и егерей. Солдаты чуть оживились, стояли вольно, откашливались, сморкались.

Суворов возвращался назад, когда сзади, от третьей линии, послышался конский топот. Все увидели мчавшегося генеральского адъютанта.

К удовольствию Зыбина, Суворов остановился возле их каре. Зыбин слышал, как генерал-аншеф быстро спросил у адъютанта:

- Ну что, скоро ль принц? Чего он там замешкался?

- Поспешают, ваше высокопревосходительство! - отвечал запыхавшийся адъютант. - Я как сказал, что ежели вы отстанете, мы тотчас же одни ударим на турок, так австрийские офицеры кинулись подгонять солдат: "Скорее, скорее! Сувар кричит: "Вперед". Если мы не поспеем, русские пойдут одни, их разобьют и разобьют нас".

Суворов рассмеялся.

- Только испугом и можно взять!

Что же, Александр Адрианович, - обернулся он к генералу Познякову, командовавшему первой линией,- с богом, вперед!

Каре двинулись на турецкий лагерь, который был расположен у деревни Тыргокукули.

Суворов взял на себя главную и самую опасную задачу - наступать на стотысячную турецкую армию, а принцу Кобургскому поручил обеспечить тыл и фланг.

Шли через кусты, через бурьян, будылья кукурузы, по пшеничной стерне, пересекали луга, на которых трава была по пояс. Версты три прошли спокойно. Турки еще не обнаружили неприятеля - они безмятежно спали, потому что знали: перед ними стоят в шесть раз меньшие силы австрийцев.

Но вот на левом крыле раздался выстрел, за ним другой. Наступление было

обнаружено. И еще не успели апшеронцы пройти кукурузное поле, как уже заговорили пушки турецкой батареи, защищавшей лагерь.

В первой линии тотчас же заиграли генерал-марш, ударили в барабаны, и полки с распущенными знаменами быстрым шагом пошли вперед.

Деревня, занятая турками, их лагерь, батарея - все было как на ладони, вот тут, казалось, уже в полуверсте. И вдруг бежавшие со штыками наперевес войска первой линии остановились: перед ними был глубокий овраг. Он пересекал путь русским каре. Через овраг вела только одна небольшая дорога. Всем каре по ней было сразу не пройти.

Войска передней линии остановились в замешательстве.

- Что там такое? Чего стали? - нетерпеливо спрашивали задние.

Барабаны как-то сами умолкли. Настроение сразу понизилось. Стоять под турецкими ядрами и пулями было не очень приятно. Падали раненые.

Не обращая внимания на свистевшие вокруг пули и ядра, к оврагу подскочил сам генерал-аншеф Суворов.

- Чего стали? Эка невидаль! Фанагорийцы, вперед! Сбить батарею! Вперед, богатыри! Ведь вы - русские! - крикнул Суворов.

Гренадеры кинулись в овраг - только из-под ног посыпался песок. Вот они уже внизу, вне турецкого огня. Вот поднимаются, бегут вверх с ружьями наперевес.

- Ура! - крикнул первым чей-то голос.

- Ура! - подхватили оба батальона фанагорийцев.

Гренадеры ударили в штыки. Тотчас же за фанагорийцами, так же быстро, но уже в полной безопасности, пересекли овраг шедшие сзади за ними апшеронцы.

В турецком лагере стоял переполох. Видно было, как по дороге из деревни уносятся верховые, мчатся каруцы, кибитки, арбы, убегают пешие. Этот неожиданный удар ошеломил турок.

Батарея замолчала - она была уже взята русскими. Апшеронцы только взобрались на верх обрыва, когда к их строю подскочил верховой турок. Он держал в руке белый платок.

- Неужели сдаются? Ага, пощады запросили! - обрадовались апшеронцы.

Турок, к удивлению всех, заговорил на русском языке:

- Вы разве русские? Вы переодетые австрийцы. Русские тут не могут быть - они еще в Бырладе! - кричал издали турок, разглядывая апшеронцев.

- А ты подъезжай поближе, мы те покажем, кто такие! - крикнул из середины каре полковник Апраксин.- Бей его, сучьего сына! - прибавил он, сообразив, что это разведчик под видом парламентаря.

Но хитрый наездник уже повернул коня и стрелой помчался назад, к лесу. Несколько пуль полетело ему вдогонку.

- Вот ворюга!

- Откуда он по-русски знает?

- Эх, далековато стоял! Если б хоть на шагов десяток поближе, я бы его окстил! - говорили в переднем фесе.

А между тем из леса Каята, слева от деревни, уже сыпались тысячи турецких всадников. Они намеревались ударить во фланг русским, переходившим овраг. Сегодня спаги были не одни - каждый всадник вез с собою янычара. Причем янычары были какие-то черные. Они стояли на стременах, ухватившись одной рукой за седло, а другой держали ятаган. У многих из них в зубах блестели кинжалы.

- Смотрите, ваше благородие, сегодня не только белые арапы против нас, а и черные,- сказал Воронов молодому подпоручику.- Я таких за пятнадцать годов, и то первый раз вижу!

Но первый яростный удар турецких спагов и янычар обрушился не на апшеронцев. Левее их из оврага только что поднялись шесть эскадронов бригадира Бурнашева. Синие мундиры карабинеров потонули в разноцветных кафтанах и чалмах налетевших турок.

Карабинеры не выдержали ужасного натиска и сломя голову помчались назад, к оврагу. Турки, ободренные успехом, кинулись с диким воем на пехоту.

Апшеронцы встретили их дружным залпом пушек и ружей. Но турок было слишком много. Еще миг - и огромная волна их все-таки проскочила эту огненную преграду и обрушилась на каре.

Черные африканские янычары уже спрыгнули на землю. Не боясь быть раздавленными лошадьми спагов, они лезли между всадниками, с остервенелым криком бросаясь вместе со спагами на русскую пехоту.

Зыбину, как и всем апшеронцам, было очень неудобно отбиваться одновременно от кавалерии и пехоты. Нужно было смотреть, как бы сверху не ударила острая шашка, а в то же время приходилось беречься и пеших янычар. Около получаса турки ожесточенно лезли на каре. В это время Бурнашев успел перестроить свои эскадроны и смело кинулся во фланг турок. Кроме того, турки попали под перекрестный огонь смоленцев, перешедших овраг левее.

Турки дрогнули и побежали. Теперь спаги удирали одни, бросив африканцев-янычар на произвол судьбы.

Янычары кидались к ним, стараясь вскочить на стремя, но спаги, чтобы облегчить себе отступление, безжалостно рубили своих же товарищей. Да и тех, которым удалось вскочить на стремя, ждала печальная участь: русские карабинеры и венгерские гусары рубили и спагов и янычар.

Смешавшаяся турецкая конница понеслась было к своему лагерю, но оттуда на них лавой вылетели казаки, которые уже хозяйничали в турецком лагере и в деревне. Турки повернули назад, к лесу Каята. Распаленные схваткой, карабинеры и гусары хотели было преследовать врага, но в пороховом дыму показался Суворов.

- Степан Данилович,- крикнул он бригадиру Бур-нашеву,- дайте басурманам золотой мост! Пусть бегут, помилуй бог! У нас и без них еще дела много!

Действительно, хотя здесь, в лагере, турок стояло вдвое больше, чем всего насчитывалось русских, но это была только незначительная, может быть десятая часть того, что ждало впереди.

Горнист заиграл аппель (А п п е л ь - кавалерийский сигнал: сбор).

.

Карабинеры и гусары возвращались назад.

VI

Прошка не считал себя трусом: пусть еще какой-либо генеральский денщик побудет в стольких сражениях, как он! Небось, другие-к примеру, денщик генерала Познякава или бригадира Вестфалена - все остались за рекой, в вагенбурге.

А Прошка с первой минуты боя - здесь, в огне.

Хотя Прошка был верхом, но он не дружил с конницей. Как при ней можно находиться денщику? Трубач протрубит - и конница марш-марш, уже понеслась на врага. Еще минуту назад на лугу стояли сотни всадников, а тут глядь остался один Прошка.

У Прошки, как и у его барина, при себе не было никакого оружия - одна солдатская никудышная короткая полусабля. Ею разве отобьешься от чертова турка? Прошка возит с собою эту полусаблю только потому, что она хорошо годится в денщицьем деле: дров наколоть, мясо, если случится, разрубить, а на худой конец и кол для палатки отесать.

Полусабля вся в зазубринах. Александр Васильевич как увидит ее, всякий раз ругается:

- Это пила, а не сабля. Эх ты, лентяй, пресная шлея! Наточить не можешь!

- Чего же ее точить, Ляксандра Васильич,- скажет Прошка,- коли она через день снова такая же будет? А лучину колоть - она и так горазд хорошо колет!

Александр Васильевич знает Прошку - махнет рукой: мол, тебя не переделаешь!

Нет, генеральскому денщику место в бою одно - с пехотой, в середине каре, с музыкантами да с лекарем.

Прошка и одет по-пехотному, хотя ни строя, ни ружейной экзерциции не знает.

И сегодня Прошка пристроился к пехоте второй линии. Сначала он шел с ростовцами, а потом Александр Васильевич услал их куда-то влево, где пуще всего наседали басурманы, и Прошка с несколькими ранеными солдатами оставил каре. Раненые поплелись назад, к реке, к Фокшанам, а Прошка втиснулся в другое каре, к старым знакомым - апшеронцам. И стоял в середине его.

Когда на каре налетали с всегдашними неистовыми криками турецкие всадники, Прошка невольно хватался за свою тупую саблю-так страшен был этот ураган.

Но ничего - бог милостив,- апшеронцы мужественно отбивали все атаки. После очередного турецкого наскока с какой-либо стороны каре на середину его вели раненого - с рассеченной головой или перерубленной рукой. Прошка не мог видеть крови, отворачивался.

В середине каре было душно от массы столпившихся, плотно сжатых людей, оттого, что по-летнему жгло сентябрьское солнце: через три дня воздвижение, а тут такая жара.

А от коня еще душнее. Прошка то слезал с коня, то опять садился на него, чтобы посмотреть, не видно ли где поблизости Александра Васильевича.

Прошка глядел на небо: солнышко подымалось все выше и выше. Недовольно качал головой. В обычное время барин уже давно отобедал бы, а сегодня когда-то придется! Со вчерашнего вечера, с ужина, ничего не брал в рот. Ночью и ранним утром, на походе, Прошка несколько раз приставал к барину:

- Ляксандра Васильевич, да скушайте курочки!

- Не хочу! - отмахивался он.

И все-то выдумывает - хочет есть. Ведь в эту пору дома, в лагере, не на войне, ест так, что от тарелки не оттянешь. А здесь, как запоют пули, как загудят ядра, готов не пить, не есть! Чудной человек! Прошка знает, почему Александр Васильевич не хочет есть,- солдаты еще не ели, а он один, опричь, ни за что не станет.

"Так солдату-то что? Солдат здоров. А ведь его всю дорогу лихomanка трясла. Отощал так, что смотреть страшно. Как еще в седле держится. И, к тому же, старый человек. Храбрись, брат, не храбрись, а - без малого шестьдесят!"

Перешли реку, с полчаса стояли, ждали, когда принц перейдет,- вот тут бы в самый раз и перекусить. Прошка подъехал к барину.

- Скушайте, Ляксандра Васильич, крылышко. Курица протухнет, спортится! - врал Прошка, зная, что барин бережлив и не любит, чтоб добро пропадало зря.

- Отстань! Сам ешь. Думаешь, у меня только твоя курица на уме? рассердился Александр Васильевич.

Ночью, как всегда здесь, в Молдавии, холодно. За ночь курица не испортилась, но в такой духоте, того и гляди, в самом деле протухнет. Мясо быстро душок найдет, беспокоился Прошка.

И он вновь пристально смотрел по сторонам - не мелькнет ли где знакомая буланая лошаденка.

Александр Васильевич целое утро все летает то туда, то сюда - где турецкий огонь посильнее, туда и мчится. Будто нужно ему, генерал-аншефу, самому лезть в огонь. Уж сколько раз бывало - чуть голову не сложил. Два года назад, при Кинбурне, чудом ушел от смерти, а все не угомонился.

Наконец среди высоких киверов и ярких доломанов венгерских гусар мелькнули знакомая каска и белый канифасовый каштан Александра Васильевича, сделавшийся от пыли и пота серым. И вот он подлетел к апшеронцам, благо турки отхлынули хоть на минуту.

Суворов что-то быстро говорил полковнику Апраксину, командиру полка, который верхом на лошади стоял за спинами своих мушкатеров.

Прошка задержал поводьями, ударил каблуками своего застоявшегося коня, протрусил к Апраксину и бесцеремонно поместился с ним рядом. Он приподнялся на стремянах, чтобы лучше было видно, и крикнул через головы солдат:

- Ваше высокопревосходительство, Ляксандра Ва-сильич!

Суворов быстро глянул на него:

- И ты тут? Жив, Прошка?

- Ваше высокопревосходительство, извольте покушать! - сказал умоляюще Прошка.

С глазу на глаз Прошка никогда не величал бы так барина и не говорил бы таким ласковым тоном, но тут - целый полк слышит, нехорошо!

- Батюшка барин, скушайте курочки. Вы же голодные! - просил Прошка и уже ташил с плеч солдатский, яловичной кожи, потертый ранец, в котором были хлеб, курица, брынза и фляга с водкой.

- Не я один голоден. Все еще не ели! - нахмурился Суворов и уже глядел в сторону - собирался скакать дальше.

- Ляксандра Васильич, ну хоть брынзы кусочек!

- Ежели будешь приставать с глупостями, я попрошу его высокоблагородие поставить тебя под ружье! - сердито бросил Суворов и ускакал.

- Глупости, глупости! - бурчал, накупившись, Прошка, отъезжая вглубь каре.- Со вчерашнего дня не ел, уже от ветра валится, а все - глупости! Под ружье! Да лучше б под ружье, чем так-то, не евши! Все не евши! - передразнивал он Суворова. - Так тебе же, - говорил Прошка, будто обращаясь к нему самому, больше надо - ты же здесь всему делу голова!

VI

Руки сильной гренадерской

Не удержит янычар,

И наездник самый дерзкий

Лишь в сердцах удвоит жар!

Песня

- Ваше высокопревосходительство, апшеронцы в пятый раз отбили атаку! отпрапортовал Суворову запыхавшийся ординарец.

Суворов, смотревший вниз, в лощину, порывисто обернулся.

- В пятый раз?

- Точно так, в пятый!

- Ай да апшеронцы! Богатыри! - восхищенно сказал он, обводя всех глазами.

Его войска уже шесть часов подряд стойко выдерживали непрерывные страшные атаки турецкой конницы. Его храбрые войска и сегодня, как всегда, били врага.

Суворов, окруженный адъютантами и несколькими офицерами, которых он взял из разных кавалерийских полков на сегодняшней бой к себе в ординарцы, стоял на краю обрыва.

Он смотрел туда, вниз, в лощину, откуда доносились дробные перекаты ружейной пальбы, иногда перебиваемые громом пушек, и яростные завывания и неистовые крики турок, - обычная музыка турецкого боя. Клубы поднятой пыли и порохового дыма плавали над лощиной. Даже в трубу трудно было разобрать, что там происходит. Одно оставалось несомненным: конные турецкие толпы налетали на союзников, как волны прибое - непрерывно, одна за другой.

Полки Суворова стояли непоколебимо, - за них он не боялся. Беспокоил Суворова принц Кобургский, с которым они волей-неволей были разобщены. Их войска не шли рядом, как при Фокшанах, а отстояли друг от друга верст на пять, и Суворов опасался, как бы австрийцы не дрогнули, хотя каждый австрийский солдат знал, что если он побежит, его ждет верная смерть от кривой турецкой шашки.

Суворова беспокоило и другое - хватит ли у полковника Карачая живой силы противостоять со своими восемью эскадронами и двумя батальонами этому бешеному натиску турок?

Великий визирь мало того что выбрал весьма удобную для защиты позицию, но и чрезвычайно искусно руководил боем. Увидев, что русские и австрийцы разъединены, он бросил в середину их тысячи спагов. Визирь хотел смять Карачая и вбить клин между принцем и Суворовым.

"С умом задумано, да без ума сделано. Ему не дробить бы силы, а кинуть все на одного из нас - и тогда конец!" - думал Суворов.

Суворов слал ординарца за ординарцем к Карачаю, чтобы знать, как он держится. Карачай, наученный Суворовым, не ограничивался защитой - все время ходил в атаку. Но турки продолжали наседать.

Вот показался ординарец Карачая - корнет венгерского гусарского полка. Он мчался, сколько было сил у его маленькой, легкой лошаденки, почти пригнувшись к ее шее. Яркая ташка (Ташка - гусарская сумочка, висящая на ремнях ниже колен.) отлетала назад.

"Должно быть, туго приходится бедному Карачаю - на корнете нет лица", - встревожился Суворов.

- Ваше высокопревосходительство, полковник Карачай просит подкрепления. Пехоты! - выпалил корнет.

Суворов, не говоря ни слова, круто повернул коня и поскакал к фанаторийцам.

- А ну-ка, ребяташки, подсобим полковнику Карачаю! Сделаем туркам карачун! - весело крикнул он. - Вперед! Марш!

Егеря повернулись и быстрым шагом пошли в лощину.

Суворов поехал назад. Навстречу ему спешил казачий есаул-ординарец.

- Что Карачай? Держится? - спросил Суворов.

- Так точно, ваше высокопревосходительство! - отрубил есаул. - Устоял наши помогли!

Суворов полузакрыв глаза и широко улыбнулся:

- Мои-то не выдадут, помилуй бог! Богатыри! Русские!

Потом ударил плетью коня и взлетел на холм. Он хотел глянуть в трубу, что там внизу, но снизу, из лошины, раздалось "ура".

- Наконец побежали басурманы. Сейчас можно будет полдничать, - сказал с облегчением Суворов и поехал к пехотным каре.

Он хорошо изучил турок: если спаги побежали, то теперь за ними отступят по всей линии. Надолго ли, но отступят.

Суворов был прав: последние отряды турок, занимавшие деревню и лес Каята, ускакали по направлению к деревне Бохча, которая виднелась верстах в полтора. Русские войска заняли обезлюдившую, разграбленную турками, опустошенную деревню и небольшой редкий лесок. Полуденное солнце стояло над самой головой.

Войска были утомлены боем, этим многочасовым стоянием в тесных, душных рядах, проголодались, хотели пить. И так приятно было хоть немного отдохнуть, поесть и напиться: в деревне нашлись два колодца, а в лесу протекал ручей.

- Полдничать. Отдыхать - с полчаса. По человеку от капральства за водой. Не мешкать, не спать, строй не бросать! - сказал Суворов, проезжая мимо войск.

Бой затих по всей линии. У австрийцев тоже прекратилась стрельба. На всем фронте наступила тишина.

Солдаты оживились. Разминались, расправляли затекшие руки и ноги, вытирали с лица пыль.

Легко раненные, оставшиеся в строю, перевязывали раны. Большинство село на землю, курило, ело, пило принесенную в манерках воду. Суворов на этот раз не смог отбиться от Прошки - денщик сунул-таки в руки барину кусок курицы и хлеб. Суворов торопливо поел и выехал один из лесу. Он хотел еще раз осмотреть турецкую позицию.

- Ваше высокопревосходительство, куда же вы один поедете? Еще налетят басурманы, - удерживал его командовавший кавалерией бригадир Бурнашев. - Я сейчас хоть взвод гусар отряжу!

- Вот тогда наверняка налетят. А на одного и внимания не обратят. Тоже полдничают - ишь, притихли, - сказал Суворов и один поехал вперед. Он проехал саженой сто от леса и стал на пригорке.

Турок поблизости не было. Только в полуверсте отдыхал спешившийся небольшой отряд, сабель в пятьдесят. Суворов смотрел, прикидывая, как поступить.

Впереди, верстах в двух, виднелся редкий Крынгумейлорский лес. Суворов издали увидел орудия батареи. Перед лесом копошилось много людей: турки, по своему обыкновению, рыли перед лесом окоп.

Здесь их самый последний рубеж. Здесь они будут защищать свой главный лагерь, который расположился за лесом, защищать не на живот, а на смерть.

Можно было бы тотчас же атаковать главную турецкую позицию - окоп они докончить все равно не успеют, но оставалось одно препятствие - деревня Бохча.

Бохчу миновать никак нельзя - ее батарея прекрасно ударит во фланг. Придется сначала выкурить турок из деревни, чтоб не стояла на дороге.

План был готов. Суворов поспешил назад. Медлить было нечего: из Крынгумейлорского леса на равнину снова выезжали тысячи всадников.

"Сейчас визирь еще раз ударит на нас, чтобы задержать. Проспали окоп, голубчики! Проспали!" - думал Суворов, рысью возвращаясь к своим.

Через несколько минут полуденная тишина вновь была нарушена - заиграла музыка, забили барабаны, и русская пехота двинулась в обход деревни Бохча.

VIII

Казаки, карабинеры,

Гренадеры и стрелки

Всякий на свои манеры

Вьют Суворову венки.

Песня

Пот катился по впалым щекам Суворова - после лихорадки он всегда прошибал быстро, - голова кружилась от слабости, от волнения, от голода целый день сегодня и поест толком все некогда; но глаза глядели весело: атака деревни Бохча шла успешно.

Русские пушки били чрезвычайно метко - ядра ложились в самой деревне. Дымилась подожженная брандкугелями мазанка.

Напрасно турки перетаскивали тяжелые, неповоротливые орудия с места на место - их огонь причинял мало вреда. И так же напрасно прибегали они к своему излюбленному средству - бросали на русскую пехоту, наступавшую с трех сторон на деревню, тысячи спагов. Мушкатеры, гренадеры, егеря столько раз за день благополучно отбивали конные атаки, что и эти не могли поколебать их: каре спокойно выдерживали страшный натиск разъярившихся спагов.

Все было хорошо. И только принц Кобургский немного раздражал Суворова. Отделенный от Суворова несколькими верстами, принц начинал терять самообладание. Он каждую минуту нуждался в моральной поддержке Суворова, словно ребенок, то и дело оглядывающийся на свою няню.

Правда, великий визирь не забывал и об австрийцах.

Он непрерывно слал на них все новые и новые толпы спагов. Австрийской пехоте и венгерским гусарам тоже хватало сегодня работы. Если бы не русские, они не смогли бы столько часов подряд отбиваться от врага, который был вчетверо сильнее.

Но совсем незачем было слать через каждые десять минут ординарца к Суворову с одной и той же просьбой:

- Скорее соединиться, а то нас раздавят!

"Эк его забирает. Да разве я сам не хочу этого?" - думал он и спокойно отвечал одно и то же каждому ординарцу Кобургского:

- Только - вперед! Ни шагу назад. Иначе погибнем. Вперед!

Наконец турецкие пушки снялись и затарахтели по дороге из Бохчи к Крынгумейлорскому лесу.

- Ого-го! Улепетывают! Скатертью дорога! - смеялись солдаты.

Соппротивление турок было сломлено: гренадеры слева, мушкатеры - справа ворвались в деревню.

Суворов стоял у плетня, поджидая к себе начальников линий, чтобы отдать приказание.

- Ванюшка, покличь поскорее полковника Золотухина! - обернулся он к своему казаку.

Суворов еще раз рассматривал турецкую позицию у Крынгумейлорского леса - теперь до нее было рукой подать - и думал. У великого визиря здесь наверняка еще тысяч сорок свежего войска, а солдаты союзников дрались уже целый день. Нужно обязательно поразить чем-то воображение турок. Утром их ошеломило то, что перед ними неожиданно оказались русские, которых они вовсе не ждали, теперь же надо было придумать что-то иное.

Суворов смотрел в зрительную трубу на длинный турецкий окоп, который тянулся вдоль леса. Он еще не совсем был окончен - кое-где турки продолжали рыть. Видно было, что они собирались отчаянно защищаться. Даже и сейчас турок было вдвое больше, чем союзников.

И вдруг в голове Суворова мелькнул план смелой, дерзкой атаки. Он опустил трубу и нетерпеливо оглянулся: генералы, командовавшие тремя линиями каре, уже съезжались к нему.

Первым прискакал аккуратный барон Вестфален. За ним, лихо перемахнув через невысокий плетень, примчался поджарый Бурнашев, командовавший кавалерией. Высохший, пожелтевший от недавнего приступа лихорадки, подъехал Позняков. И, пришпоривая усталого, замороженного коня, спешил расторопный командир фанагорийцев, молодой полковник Золотухин.

- Степан Данилович, твоим молодцам сейчас будет работа,- улыбаясь, встретил Бурнашева Суворов. И он рассказал генералам свой план атаки Крынгумейлорского лагеря.- Ну, Вася, ты с принцем знаешься, лети, брат, к нему и передай! - обратился Суворов к Золотухину, садясь на коня.- Ванюшка, а ну-ка, давай мою саблю - теперь пригодится,- сказал он вестовому и, взяв саблю, поехал вместе с генералами к войскам, которые уже выравнивались за деревней.

Русские снова тронулись вперед. Они на ходу перестраивались для атаки. Всю пехоту Суворов поместил в одну линию, а кавалерии приказал стать не сзади и не на флангах, а между пехотными каре. То же сделал и Карачай, шедший между русскими и австрийцами.

Суворов смотрел: как австрийцы? Что сделает принц? А вдруг оробеет? Австрийская конница еще стояла сзади за пехотой. Но вот ее ряды заколыхались- она двинулась вперед. Австрийцы по приказанию Суворова принимали тот же боевой порядок, что и русские.

- Согласился! Уговорил-таки Золотухин! - улыбаясь сказал Суворов ехавшему рядом с ним Бурнашеву.

С каждым шагом войска союзников сближались. И наконец соединились. Радостное "ура" прокатилось из конца в конец. Оба корпуса, целый день порознь отбивавшие все атаки вчетверо сильнейшего врага, теперь шли на него одним фронтом.

Пестрые, беспорядочные толпы турецких спагов, занимавшие всю обширную равнину перед Крынгумейлорским лесом, стремительно понеслись на фланги, чтобы не загораживать тридцать пушек, которые стояли у леса. В то же время было видно, как сотни всадников и пеших убегали назад к Римнику.

В длинном окопе уже сидела наготове отборная турецкая пехота: далкылычи - янычары, вооруженные только ятаганами, и дели, давшие обет никого не щадить и самим не просить пощады.

Турецкая артиллерия начала стрелять. Она всегда не отличалась меткостью, а сегодня, в этом переполохе и смятении, которые царили у турок, их пушки стреляли из рук вон плохо: ядра перелетали через ряды союзников.

По лугу к лесу двигалось столько тысяч человек, но стояла тишина: не слышно было ни говора, ни музыки. И эта зловещая тишина действовала на турок: многие из янычар все-таки не выдержали и бросились бежать из окопов в лес.

Оставалось не больше полуверсты.

"Пора!" - решил Суворов.

Он отделился от высоких лошадей стародубовских карабинеров на своей низкорослой лошаденке, выскочил перед фронтом и, обернувшись к войскам, вырвал из ножен саблю:

- Вперед, богатыри! Ура!

Произошло невероятное: вся кавалерия союзников вдруг вынеслась вперед и с дружными "ура" и тяжким топотом помчалась на турецкий окоп. Сзади, за конницей, бежала с ружьями наперевес пехота.

Суворова тотчас же обогнали. Он видел: стародубовские карабинеры живо перемахнули через неглубокий окоп и низенький бруствер и врубились в толпы янычар и спагов.

Турки были подавлены такой совершенно неожиданной, немыслимой атакой кавалерии на окопы; никто никогда не мог думать, что Суворов решится бросить на окопы кавалерию. И без того уже расстроенная армия великого визиря окончательно дрогнула и побежала.

IX

До полудня великий визирь не выезжал из своего лагеря у деревни Одая он очень ослабел от лихорадки и продолжал лежать.

К нему то и дело мчались гонцы - от Гаджи-Соитара-паши, командовавшего передовым двенадцатитысячным корпусом у Тыргокукули, от аги, стоявшего в центре, возле Крынгумейлорского леса, у Мартинешти, с главными силами в семьдесят тысяч янычар и спагов.

Когда неожиданно появившиеся русские напали на Гаджи-Соитара и потеснили его, великий визирь несколько не беспокоился: у него ведь оставалось в запасе еще столько войска. Кроме того, обнаружилось нечто довольно приятное, - оказалось, что неверные наступают с двух сторон, двумя небольшими отрядами, а в середине идет третий, совсем малочисленный.

Великий визирь усмехнулся. "Аллах омрачил их разум - они сами вырыли себе могилу,- подумал он,- три пальца легче сломать по одному, чем вместе".

И он приказал Гаджи-Соитару возобновить атаки, а храброму Осман-паше с двадцатью тысячами броситься на австрийцев и на средний, малочисленный отряд. Но, видимо, нынешний день был несчастлив для нападения: десятки раз бросались на врага спаги и столько же раз возвращались ни с чем назад.

Яркий румянец покрыл худые, чахоточные щеки великого визиря. Превозмогая слабость, он встал, оделся, приказал подать коляску и поехал к Крынгумейлорскому лесу. Великий визирь ехал не один - за ним ехали бесконечной вереницей двадцать тысяч спагов, которые еще не были в бою и рвались померяться силами с врагом.

Редкий Крынгумейлорский лес дрожал от гула пушек и ружейной пальбы. И вдруг эта пальба замолкла по всей линии.

Великий визирь заторопил кучера - ему хотелось поскорее выехать за этот редкий лес, заполненный обозами, людьми и лошадьми, и увидеть своими глазами, как бегут неверные под натиском храбрых турецких всадников. Он так понимал эту внезапно наступившую тишину.

Но его ждало разочарование: на позеленевшем после обильных дождей большом лугу были там и сям разбросаны яркие четырехугольники пехоты неверных, словно рахат-лукум на тарелке. Союзники все так же стояли против турок. А слева этот русский Топал-паша - так называли турки Суворова - уже выбил Гаджи-Соитара не только из деревни Каята, но даже из лесу. Остатки корпуса Гаджи-Соитара спешно отходили к Бохче.

Великий визирь покачал головой:

- Хаир аламет дейиль! (Это плохой знак!)

Было в самом деле похоже на то, что сегодня несчастливый день для атаки.

Рыжий Гаджи-Соитар, вызванный к визирю, был от стыда краснее своей бороды. Заикаясь и дрожа, он уверял, что его люди дрались как львы, но сегодня - дурной день: первый турок, убитый в его отряде, лег головой к своим.

Стоявший тут же двухбунчужный паша из войск аги сказал, что на их крыле первый убитый турок лежал как раз наоборот - головой к австрийцам. Паша клялся пророком в том, что он видел это сам, и приводил в свидетели своего адъютанта.

- Кешке! (Дай бог!) - сказал великий визирь на слова паши и тут же отдал свое новое распоряжение: на левом крыле против русских - обороняться, а на правом еще раз попробовать наступать.

Бой возобновился. Великий визирь сидел в коляске, надрывно кашлял, никак не мог согреться, хотя солнце жгло как летом, и ждал результатов боя.

Русские стояли на месте. И что больше всего удивляло великого визиря даже весьма малочисленный кавалерийский отряд, занимавший центр, стойко выдерживал все атаки. А ведь на них были брошены свежие, еще не бывшие в бою войска. Проклятый же Топал-паша, кажется, выбивал Гаджи-Соитара из Бохчи. Русские пушки стреляли без перерыва, и так метко, что турецким артиллеристам ничего не оставалось делать, как поскорее уходить из Бохчи.

За артиллерией тотчас же кинулись отступать к Крынгумейлорскому лесу пехота и конница. Топал-паша заняла Бохчу. На Гаджи-Соитаре не было лица: даже обороняться сегодня немислимо - не везет!

- Их пушки стреляют сами. Мы слышали, как они часто стреляли. Так не может управиться с пушкой никакой человек! - бил себя в грудь Гаджи.

Великий визирь наконец уразумел: в такой день нужно только защищаться. И он велел поскорее кончать окоп, который ага очень предусмотрительно начал еще утром.

Защищать Крынгумейлорскую позицию оставалось тысяч до сорока янычар с тридцатью орудиями. Достаточно было и конницы для обеспечения флангов.

Топал-паша соединился с принцем, и они составляли теперь одну дугу. Хотя они поставили кавалерию в первый ряд, попеременно с пехотой, но по сравнению с войсками великого визиря их все-таки было мало.

Великий визирь уехал за Крынгумейлорский лес, чтобы не подвергать себя излишней опасности, - пушки неверных уже обстреливали окоп.

Очень неприятно подействовало на великого визиря то, что из лесу по направлению к реке Рымник ехали группами и в одиночку спаги и, придерживая зубами широкие шаровары, чтобы удобнее было идти, шли янычары.

Великий визирь не успел проехать и с версту, как его настигло ужасное "ура". Он велел повернуть назад, чтобы узнать, что случилось, и услышал невероятное: союзники атаковали окоп своей конницей. Беглецы говорили, что окоп взят, что его защитники перерублены, что спаги смяты, что русские уже в лесу.

В самом деле: из лесу сломя голову бежали пешие и конные. Великий визирь приказал подать боевого коня, с трудом сел в седло и поскакал к лесу. Навстречу ему катилась обезумевшая, ничего не понимавшая от страха, беспорядочная многотысячная толпа.

Великий визирь пробовал было уговаривать беглецов, подымал над головой коран, именем пророка заклинал остановиться, но никто не хотел его слушать. Конь визиря не мог прорезать эти толпы, его повернули назад.

Великий визирь несколько десятков сажений бежал назад, увлеченный этим потоком. Наконец он как-то смог осадить коня. В стороне от главного потока беглецов он увидел два орудия. Артиллеристы, видимо, только что переправились через Рымник и спокойно следовали к месту боя, не зная о случившемся. Великий визирь приказал юз-баши (Юз-баши - капитан.), командовавшему ими, стрелять в бегущих.

Артиллеристы послушно сняли орудия с передков, но пока они заряжали, ездовые обрубили постромки и бросились наутек. Тогда и орудийная прислуга последовала их примеру.

Из леса бежали все новые и новые толпы, как бурно волнующиеся, расвирепевшие морские волны. Всюду царили смятение и ужас. Это был настоящий кыямет (Кыямет-страшный суд).

Тогда великий визирь понял, что так угодно аллаху. Кое-как пересел он в коляску. Его телохранители уже не раз отбивали поползновения беглецов-пехотинцев завладеть лошадьми великого визиря.

- Башине язылы иди! (Так угодно судьбе) - покорно повторял великий визирь, прижавшись в угол коляски.- Башине язылы иди!

Он так боялся погони, что когда с немногочисленными счастливыми, уцелевшими от сотысячной армии, переправился по мосту через реку Бузео, то велел сжечь за собою единственный мост, не заботясь о том, что будут делать на том берегу его разбитые, бегущие без оглядки войска.

Глава девятая

ИЗМАИЛ

Почитаю Измаильскую эскаладу
города и крепости за дело, едва ли
еще где в истории находящееся.

Екатерина II

Нет крепче крепости, отчаяннее
обороны, как Измаил.

Суворов

I

Главная квартира командующего Дунайской армией светлейшего князя Потемкина сияла огнями. К ярко освещенному дворцу то и дело подъезжали кареты, коляски, брички, полковые кибитки. Сегодня у светлейшего был очередной бал - не для тесного круга избранных, а для всей знати, которая жила в Яссах возле ставки главнокомандующего в надежде на княжеские милости.

В густой темноте ноябрьского вечера ярко горели смоляные факелы, освещая подъезжавших гостей. Расторопные лакеи и гайдуки помогали приезжавшим всходить на высокое крыльцо.

Шуршали шелка нарядных дам, блестели раззолоченные мундиры, ордена и ленты военных, мелькали разноцветные фраки иностранцев.

Гости торопливо избегали по высоким ступенькам, прислушивались, не гремит ли уже роговая музыка, не началось ли представление, не опоздали ль они? Но в княжеских покоях было тихо,- только журчали фонтаны да слышался приглушенный шепот гостей.

Все было готово к балу - музыканты сидели на своих местах, черноглазый капельмейстер Сартти листал ноты, посматривая назад, на ту дверь, откуда должен был появиться светлейший. Из-за атласного занавеса выглядывали голые ноги балетных танцовщиц.

Гости сидели, стояли, осторожно, на цыпочках, переходили по мягким коврам от одной группы к другой.

Вот проковылял толстый неуклюжий секретарь светлейшего Попов. Его широкоскулое татарское лицо было чем-то озабочено. Вот, держа золотой поднос, на котором стояла чашка с любимыми кислыми щами светлейшего Потемкин выпивал их в день до пятнадцати бутылок,- пробежал лакей, и все смотрели ему вслед. Смотрели на массивную золоченую дверь княжеской приемной, где в ожидании звонка стояли несколько адъютантов.

Светлейший как ушел после обеда к себе в спальню, так и не выходил оттуда. Гости строили всевозможные догадки, сплетничали.

Генеральские жены шушукались, осматривая и критикуя наряды племянниц светлейшего, и старались угадать, которая из них сегодня является любовницей князя. Или, может быть, уже все они надоели и Потемкин поэтому скучает? А вдруг он обратит внимание на кого-либо другого?

Подагрические пожилые генералы вспоминали, что у светлейшего последнее время что-то побаливала нога.

Уже не это ли? Но хирурги Массо и Лонсиман были среди гостей: значит, что-то другое, не нога.

В группе молодых штабных офицеров рассказывали, что уже вчера светлейший был "в опасном положении" - был не в духе. Он послал адъютанта Пашку Лонгинова за кофеем. Не

успел Пашка повернуться налево кругом, как светлейший послал ему вдогонку фон Зейна, а за фон Зейном - Петрова и так разогнал всех, до самого полковника Бауера. На кухне поднялся переполох. Кофишенк от волнения уронил поднос. Наконец полковник Бауер схватил чашку и поспешил с ней к князю. Сахар, сливки и сухари нес сзади Пашка Лонгинов. Потемкин разочарованно взглянул на Бауера, на поднос с чашкой кофе и досадливо махнул рукой:

- Не надо! Я только хотел чего-нибудь ожидать, но и тут меня лишили удовольствия...

И лишь в кучке иностранцев, где было больше лазутчиков, чем дипломатов, доподлинно знали все. Здесь говорили о пустяках, пересмеивались, но все знали причину сегодняшнего плохого настроения светлейшего: русские войска, которые с октября стояли под неприступной крепостью Измаил на Дунае, сняли осаду; часть войск генерала Павла Потемкина, племянника светлейшего, осаждавшего Измаил, уже отступила, и осадная артиллерия тащилась по грязи к Яссам на зимние квартиры.

Дело было в том, что русские под Измаилом страдали от холода, живя в палатках, и голодали: подвезти хлеб по осенней распутице и бездорожью было трудно, и ни один маркиз не решался ехать к далекому Измаилу. Кроме того, войскам восемь месяцев не выплачивали жалованья. В армии насчитывалось много больных и настроение было ужасное.

Кончался четвертый год войны с турками, а сделано было мало - взято несколько второстепенных крепостей.

Союзники-австрийцы заключили с турками мир. Екатерина II осталась одна. На западных границах угрожали другие враги, которых сколачивала против России вероломная Англия. Иностранцы имели все основания радоваться.

...Князь Потемкин, немывтый, нечесаный, в одном халате, лежал на широком диване. Он тупо уставился своим единственным зрячим глазом в бархатные разводы дивана и лежал не двигаясь.

На светлейшего часто нападала хандра. Он целыми часами лежал вот так, пересыпая в руках драгоценные камни, обтирая их серебряной палочкой или раскладывая на подушке. Но сегодня Потемкин был особенно мрачен - он только грыз ногти. Его сильно удручало положение в действующей армии.

Сегодня утром в ставку из-под Измаила прискакал гонец. Он передал неприятную весть: генералы, стоявшие под Измаилом, постановили снять осаду, так как взять крепость было невыносимо. Часть войск уже отступала на север, на зимние квартиры,

Турки крепко сидели в неприступном Измаиле. У них в досталь было хлеба и снарядов, а седой Айдозли-Мегмет-паша только посмеивался над русскими.

Гонец рассказывал, что в русском лагере - уныние, голод и холод, что войска спят не раздеваясь, так как боятся турецких вылазок: гарнизон Измаила был многочисленнее русского осадного корпуса.

Это известие подействовало неприятно, потому что Измаил нужно было во что бы то ни стало взять, взять сейчас, чтобы все враги видели, что с Россией шутить нельзя.

Вместо этого русские войска уже отступали из-под Измаила. Придется зимовать, а тем временем, к весне, англичане подготовят против России новых врагов на севере.

Что делать?

Об этом и думал весь день князь Потемкин.

Надоело лежать. Он встал и вышел из спальни. Он шел - высокий, громоздкий, неряшливый. Его волосы были всклокочены, лицо немывто. Шелковые чулки сползли. На одной ноге чулок упал так, что совсем закрыл алмазную пряжку.

Потемкин вошел в залу. Среди гостей было много девиц и дам, а он шел, распахнув халат, ничуть не стесняясь того, что видны его голые ноги, волосатые, старчески дряблые, в узлах синих вен.

Увидев светлейшего, гости поднялись со своих мест. Капельмейстер Сарти уже постучал по пюпитру палочкой, но любимый адъютант князя, полковник Бауер, прекрасно знавший все причуды Потемкина, испуганно замахал руками, показывая Сарти, что играть

еще не время.

Потемкин, не обращая внимания на поклоны расступавшихся перед ним гостей, подошел к шахматному столу, стоявшему у стены. Возле стола в почтительной позе застыли игроки - молодой офицер и стриженный в скобку быстроглазый низкорослый купчик.

Потемкину как-то сказали, что в Туле живет купец, который прекрасно играет в шахматы. Светлейший немедленно вызвал его к себе в ставку.

Потемкин взглянул на расставленные фигуры и опустился в кресло.

- Играйте! Садитесь! - кивнул он игрокам.

Молодой офицер робко присел на кончик стула, а купец, зная, что светлейший любит его, уселся свободно.

Игра продолжалась.

Потемкин сидел, подперев щеку пухлой рукой. От этого лицо его перекошило. Оно приняло еще более злое выражение. Зрячий глаз смотрел как-то дико.

- Трубку! - чуть обернулся он.

Стоявший сзади за креслом полковник Бауер тотчас же подал ее. Длинный чубук трубки был весь усыпан крупными яхонтами и изумрудами. Потемкин курил, пуская дым прямо в лицо молодого офицера, который только моргал глазами.

Светлейший внимательно следил за игрой. Купец дожимал своего противника. У офицера на доске было еще достаточно фигур, но уже не хватало ферзя. Купец играл и подшучивал над партнером.

- Напрасно, ваше благородие, защищаешься: от моей ферязи не уйдешь! Она у меня, как Суворов,- все берет! - сказал купец, снимая ферзем вражескую фигуру.

Бауер даже отступил назад, услышав такое не совсем осторожное слово: как знать, понравится ли светлейшему это сравнение? И точно - Потемкин вдруг порывисто встал и быстрыми шагами пошел в спальню.

Гости смотрели, что будет дальше. Купец, забыв о шахматах, сидел ни жив ни мертв. Но скоро все стало ясно. Из комнаты светлейшего вышел адъютант Пашка Лонгинов. Он держал пакет. Лонгинов побежал через залу к парадному крыльцу.

В кучке иностранцев произошло оживление. Английский посол постарался незаметно выйти из зала.

Через минуту он вернулся с поразительной новостью: Потемкин приказал Суворову взять Измаил.

Иностранцы насмешливо улыбались: на дворе декабрь, время уже упущено! Да и крепость оставалась, как прежде, неприступной. Все напрасно!

А Потемкин, сразу повеселев, одевался к балу и думал:

"Если Суворов возьмет Измаил, честь победы все-таки останется за мной. Если же не возьмет, вся вина падет на Суворова. Императрица уж очень носится с ним. Посмотрим, как-то он справится с Измаилом!"

II

Подпоручик Лосев держался поближе к домам, к полосе света, падавшего из окон на улицу. Возле домов вилась протоптанная в грязи извилистая тропинка. По ней приходилось идти след в след, и Лосев, пристально глядя себе под ноги, то семенил, то шагал громадными шагами, стараясь не слишком попадать в грязь. Сегодня подпоручик Лосев был дежурным по полку. Он ходил проверять караулы, а теперь спешил к генерал-аншефу Суворову.

Темные осенние вечера тянулись в Бырладе невыносимо долго, делать было нечего. Ложиться спозаранку спать не хотелось, а для того, чтобы ходить по молдаванским ханам или играть в карты, нужны были деньги.

Генерал-аншеф Суворов, не переносивший безделья, каждый вечер собирал у себя человек пятнадцать офицеров, рассказывал им о доблестных победах их предков на льду Чудского озера, на Куликовом поле, под Полтавой. Он давал одному из них какую-нибудь историческую книгу - "Книгу Марсову", рассказывавшую о русских победах, Корнелия Непота, Квинта Курция или сочинение о фивском полководце Эпаминонде. Офицер читал

вслух, а остальные слушали. После чтения начиналась беседа о прочитанном. Суворов задавал вопросы, говорил сам, разбирал боевые действия, о которых только что читали.

Большинство офицеров никогда не читало книг, и потому на эти чтения ходили с неохотой, стараясь под любым предлогом освободиться от них. Беседы у генерал-аншефа считались малопривлекательной служебной повинностью.

Но все-таки нашлись и любознательные офицеры, которые были не прочь подучиться. Они охотно ходили к Суворову. К ним принадлежал подпоручик Лосев. Лосев впервые узнал на этих чтениях об Александре Македонском, Тюренне, Евгении Савойском.

Сегодня Лосев сильно опаздывал. Он знал, что на самое чтение ему уже не успеть, но рассчитывал попасть хоть на беседу.

Суворов занимал две небольшие комнаты у одного богатого молдаванина. В передней, которая была побольше, происходили эти чтения. Комната набивалась офицерами до отказа. Сидели на лавках у стола, на диване, на стульях, а то и просто на полу, поджав по-турецки ноги.

Комната была жарко натоплена: Суворов очень любил тепло и дома сидел без кафтана, в одной рубахе. И эта духота еще больше располагала ко сну людей, не привыкших слушать, когда читают.

Лосев шел и с улыбкой вспоминал, как прошлый раз, когда читали о 2-й Пунической войне, о переходе Аннибала через Альпы, вдруг послышался сочный храп. Все невольно обернулись.

Прикорнув в углу дивана, спал пожилой майор Смоленского полка. Соседи незаметно толкали его локтями, но майор продолжал безмятежно спать. Наконец он открыл глаза.

- Иван Акимович, изволь табачку - он хорошо сон отгоняет! - сказал Суворов и протянул ему свою табакерку.

- Я не спал, я все слышал,- смущенно залепетал майор, но все-таки взял щепотку табаку.

"О чем-то сегодня читали?"-думал Лосев, пробираясь в темноте по грязной улице.

Вот и дом, в котором живет генерал-аншеф. В его трех окнах горел свет - значит, еще не разошлись по домам.

Лосев взбежал на крыльцо, прошел большие сени, впотьмах по привычке нашарил рукою дверь и открыл ее. Он увидел то, что видел неоднократно: комната была полна офицеров. Посреди комнаты стоял генерал-аншеф и что-то живо говорил.

Лосев поклонился генерал-аншефу, который ласково ему улыбнулся, Суворов давно приметил любознательного подпоручика. Лосев не пошел далеко, а сел тут же, на пороге, и стал слушать, что говорит генерал-аншеф.

- Принц Конде не должен был атаковать. Мерси занимал выгодную горную позицию. Конде надо было ударить с фланга. Тогда Мерси сам откатился бы за Черные горы. А кто припомнит еще такой же пример? - спросил Суворов, обводя своих учеников глазами.

Все молчали.

Сидевшие на диване старались спрятаться за спину товарища, отводили в сторону глаза, думая: только бы не меня спросил! Хуже чувствовали себя те, кому пришлось сидеть в одиночку, на стульях,- они были на самом виду. Впереди других сидел тучный капитан. Ученье на старости лет давалось ему нелегко. Он сидел красный и потный, не столько от жарко натопленной комнаты, сколько от напряжения,- капитан старался во все вникнуть.

- Ну, Матвей Егорыч; ты что скажешь? - обратился к нему Суворов.

- Не могу знать, ваше сиятельство! - поднялся капитан.

Суворов разом помрачнел. Он закрыл глаза, что делал всегда, когда ему что-либо не нравилось, а потом взглянул на оробевшего капитана своими зоркими, молодыми глазами. Взглянул неласково, сердито. И быстро зашагал из угла в угол.

- Немогузнайство - чума! Немогузнайство - позор! Немогузнайство робость, трусость! Из немогузнайки - какой солдат? Вот неожиданный вопрос и пришел в замешательство. А что ж будешь делать, ежели вдруг - неприятель! Нас не спросивши, валит на тебя? Тоже - не

могу знать? Лучше ошибись, но не жди, как-нибудь поступи! Лучше обмолвись, но не молчи! Не промолвился тем, что обмолвился. На обмолвку есть поправка!

Капитан стоял, готовый провалиться сквозь землю от стыда.

- Сиди! - махнул на него Суворов.- Ну, кто ответит на мой вопрос?

- Ваше сиятельство, у Аннибала в Альпах было так,- поднялся фанагорийский поручик, которому Суворов часто поручал чтение.

- Верно, верно. А еще? -говорил уже более веселым голосом Суворов.

- Леонид при Фермопилах,- вырвалось у Лосева.

- Молодец, правильно! Ксеркс не мог взять Леонида с фронта,- глянул на Лосева генерал-аншеф.- Вот и нашлись и отбились, а то - не могу знать. Учиться, учиться надо!

Суворов секунду помолчал.

- Ну, а теперь - пора спать. На сегодня довольно.

Офицеры стали расходиться по домам.

III

Суворов растворил настежь дверь, чтобы проветрить комнату, и ходил из угла в угол. Думал все о том же, что больше всего волновало его.

Безрезультатно кончался еще один год войны с Турцией, которая велась Потемкиным так бездарно.

Суворов с одной самой слабой дивизией громил главные силы турок, а Потемкин с громадной армией в это же время занимался осадой второстепенных турецких крепостей.

Год назад Суворов нанес страшное поражение туркам при Рымнике. Императрица щедро наградила его за это - дала орден Георгия 1-го класса и титул графа Рымникского, а Иосиф Австрийский присвоил Суворову титул рейхсграфа Римской империи. И все-таки Суворов не был удовлетворен: главнокомандующий Потемкин никак не воспользовался его победой.

Если бы Потемкин послушался Суворова и тогда же двинул войска за Дунай к Балканам, война была бы давным-давно окончена - после Рымника турецкой армии не существовало, солдаты разбежались по домам. Но Потемкин не отправил за Дунай Суворова и сам не двинулся с места. Это была грубейшая, непростительная ошибка. За год турки сумели оправиться от рымникского поражения. Они собрали силы и снова сосредоточились на Дунае.

На Дунае все так же стоял грозный, несокрушимый Измаил. Крепость не так давно - лет пятнадцать назад - была заново укреплена французским инженером де Лафит-Клове, гарнизон имела большой, и не считаться с ней было невозможно. Разве поставишь против Измаила заслон и пройдешь мимо?

Потемкин любил возиться с крепостями. Он полгода простоял под Очаковом, и это стоило здоровья и жизни пятидесяти тысячам человек. А потери союзников при Рымнике не доходили даже до одной тысячи.

После того как летом австрийцы заключили с турками перемирие, по которому обязались не пускать русских в Валахию дальше реки Серет, положение русской армии ухудшилось. Действия ее ограничивались теперь узким пространством между Галацем и морем. Театр войны на нижнем Дунае был очень труден - здесь тянулись пустынные болота.

Думая об австрийцах, Суворов невольно вспомнил о своем друге, принце Кобургском. Суворову жаль было лишаться такого милого, умного, покладистого товарища.

Кобург получил новое назначение. Они часто переписывались друг с другом. Принц Кобургский в письмах неизменно называл Александра Васильевича своим "высоким учителем". Недавно, перед отъездом к новому месту, принц прислал Суворову хорошее письмо. Александру Васильевичу захотелось еще раз прочесть его.

Он подошел к столу, достал из ящика письмо и с удовольствием прочел:

В будущую пятницу я уезжаю к моему новому назначению в Венгрию. Путешествие это тем тяжелее для меня, что еще более удаляет от Вас, мой дорогой и достойный друг. Я узнал цену Вашей великой души. Наш дружеский союз развился среди явлений величайшей

важности, и при всяком новом случае я научался удивляться Вам, как герою, и уважать Вас, как достойнейшего человека.

- Вот это - искренние, настоящие слова! Полководец не бог весть какой, но сердечный человек! И - умница: коли сам не знает, то по крайней мере не мешает другим! Не то что Потемкин, этот светлейший заносчивый Полифем!

Суворов сунул письмо в ящик, схватил каску и вышел. "Проверю посты и спать!"

...Еще не начинало светать, а Суворов, по обыкновению, был уже на ногах. Он встал, полчаса побегал по комнате, чтоб расходилась кровь, умылся, окатился холодной водой и сел пить чай. И тут неожиданно-негаданно прискакал от Потемкина гонец с пакетом.

"Что еще он там выдумал? На какой праздник меня просит?" - подумал Александр Васильевич, вскрывая пакет.

Суворов поднес бумагу к свече, прочел и не поверил своим глазам: Потемкин поручал ему взять Измаил!

В секретном ордере так и было сказано:

"...для сего, Ваше сиятельство, извольте поспешить туда для принятия всех частей в Вашу команду".

У Суворова даже захватило дух. "Наконец-то! Вот оно! Разбить с двадцатью пятью тысячами сто тысяч турок у Рымника, конечно, не шутка. Но ведь и Румянцев бил их почти так же у Кагула! А вот взять Измаил - с этим ничто не сравнится! За такое дело-конечно, фельдмаршалство. А тогда у Суворова будет не какая-нибудь жалкая дивизия, а целая армия. И тогда-то славу русских знамен должны будут признать все!"

К ордеру было приложено собственноручное письмо светлейшего:

Измаил остается гнездом неприятелю, и хотя сообщение прервано через флотилию, но все он вяжет руки для предприятий дальних, моя надежда на бога и на Вашу храбрость, поспеши, мой милостивый друг. По моему ордеру к тебе присутствие там личное твое соединит все части. Много там разночинных генералов, а из того вы- ходит всегда некоторый род сейма нерешительного. Рибас будет Вам во всем на пользу и по предприимчивости и усердию. Будешь доволен и Кутузовым; огляди всю и распорядись и, помоляся богу, предпринимайте; есть слабые места, лишь бы дружно шли.

Вернейший друг и покорнейший слуга
князь Потемкин-Таврический.

"Он мне рекомендует Кутузова! Я Михаила Илларионовича тридцать лет знаю! А пойдут у меня - дружно!" - думал Суворов.

- Прощка, где чернила? - нетерпеливо спросил он.

- Да вот они, аль не видишь? - неласково сказал Прохор, пододвигая пузырек.

Александр Васильевич присел и написал Потемкину ответ:

"Получа повеление Вашей светлости, отправился я к стороне Измаила".

IV

Суворов поместился в одной мазанке с вестовым и казачьим сотником, который, боясь стеснить генерал-аншефа, все порывался уйти ночевать к своим казакам.

- Да полно, ложись здесь! Хватит там и без тебя народу! - сказал Суворов.

Сотник послушался и лег вместе с генеральским вестовым на лавке. А Суворову принесли соломы, и он расположился на полу.

Целый день ехали к Измаилу. Когда уже стало настолько темно, что задние не видели едущих впереди, остановились в молдаванской деревушке на ночлег.

Александр Васильевич проспал часа три и проснулся - больше спать не мог.

Суворов лежал, глядя в темноту. Он ждал, когда хоть немного четче обозначатся окна, - их было, как во всякой молдаванской хате, три, в честь святой троицы.

Сотник и вестовой, уставшие за день, спали крепким молодым сном. Им не надо было думать о турках, об Измаиле.

Суворов же не мог спать. Он думал о том громадном, ответственном деле, которое ему поручали, думал о славе России.

Вся Европа знала, что Измаил - неприступная крепость. Враги России надеялись на нее. Штурмовать Измаил решились бы немногие генералы.

Суворов решился.

Во взятии Измаила заключалось все: честь русской армии, благополучие России и безопасность ее границ на берегах Черного моря. Взятие Измаила давало такую славу, которую уже не посмел бы оспаривать у победителя никто из завистников. Ни один штабной сплетник не посмел бы тогда сказать, что генералу Суворову просто-напросто везет, как говорили после каждой очередной победы Суворова.

Обо всем этом и думал, лежа, Александр Васильевич. Он невольно вспоминал всю свою тридцатилетнюю боевую жизнь. До сих пор он не проиграл ни одного сражения. Были блистательные победы, как Козлуджи, Фокшаны, Рымник, но такие же победы одерживали и другие полководцы, например Румянцев, разбивший турок при Кагуле. Со взятием же Измаила не могло сравниться ничто.

Довольно!

Суворов решил: победить или погибнуть. И разве можно спокойно отдыхать здесь, на полдороге, когда под Измаилом предстоит так много работы? Надо не упустить последних дней, удобных для штурма: мороз по утрам жал все сильнее и сильнее, начинались обычные зимние туманы. В безветрие они могли держаться до самого полудня.

В такие дни нечего было и думать о штурме.

Суворов знал, что войска под Измаилом мерзнут, болеют, терпят голод.

Нет, медлить нечего! Дорога каждая минута! Надо ехать, надо оставить весь конвой, всех казаков здесь: пока казачки встанут, пока соберутся, Александр Васильевич с Ванюшкой будет уже далеко.

Хорошо, что с ним Ванюшка, а не этот лентяй и брюзга Прошка.

И Суворов стал торопливо одеваться.

У

Прошка второй день отчитывал своего всегдашнего врага, вестового казака Ванюшку.

И как было его не ругать?

Когда Александр Васильевич получил в Бырладе приказ князя Потемкина отправляться к неприступному Измаилу, он не посмотрел на свои шестьдесят лет, тотчас же поскакал верхом, хотя дорога была грязная, тяжелая и от Бырлада до Измаила добрых сто верст.

Прошка не поехал с барином. Он знал: за Александром Васильевичем не угонишься. Как ни поспевай, а барину все будет казаться, что Прошка его задерживает. Недаром Александр Васильевич, взяв с собою из Бырлада конвой в сорок человек, уже на половине дороги оставил его и поскакал с вестовым вперед. Ванюшка тоже готов был целые дни не слезать с коня.

И вот это прежде всего злило Прошку: ему было досадно, что с барином поехал не он, а этот прохвост Ванюшка.

Уезжая из Бырлада, Александр Васильевич не хотел ждать ни минуты. Прошка еле успел завязать в платок смену белья, полотенце, мыло и передать казаку синий плащ Александра Васильевича, служивший барину плащом и одеялом - чем угодно. Александр Васильевич по-всегдашнему нисколько не думал о том, как будет жить под Измаилом. Обо всем этом приходилось заботиться Прошке.

Прошка пустился в дорогу на следующий день вместе с войсками - Суворов отправлял к Измаилу Фанагорийский гренадерский полк, сто пятьдесят охотников из своего любимого Апшеронского полка, двести казаков и тысячу арнаутов (Арнауты - добровольцы из молдаван и валахов). Везли сорок лестниц и больше двух тысяч фашин.

На одном из возов кое-как пристроился и Прошка: хоть Прошке было не шестьдесят, а всего-навсего тридцать пять лет, но он предпочитал ехать сто верст в телеге, а не верхом.

Прошка захватил все, что, по его мнению, могло пригодиться барину под Измаилом.

Спать без подушки несладко, на одном артельном солдатском квасе да на черных сухарях долго не протянешь, - надо везти подушку, надо везти горшки, миски. И на всякий

случай надо взять с собою генеральский мундир со всеми орденами. Прошка был уверен, что Александр Васильевич возьмет Измаил и тогда придется ехать к светлейшему с докладом.

Обо всем этом Прошка помнил. А что сделал для барина казак Ванюшка?

Возле Измаила была только одна полуразрушенная, давно оставленная хозяевами небольшая деревушка - Броска. Александр Васильевич как увидел, что солдаты живут в землянках, пожелал остаться в палатке, на ветру, в этих придунайских туманах. Суворову, конечно, было не до того, он о себе никогда не заботится, но что сделал Ванюшка? Ванюшка прекрасно знает, что Суворов хоть и не боится холода и даже зимой ежедневно обливается холодной водой, но очень любит тепло. И Ванюшка забыл, что графу как-никак уже шестьдесят лет.

Ванюшка не постарался сделать так, чтобы Александр Васильевич хоть не мерз. Барин приказал ему разбить палатку - Ванюшка и рад стараться, благо работа небольшая.

Из Бырлада войска шли к Измаилу четыре дня, и вчера, в Николин день, они наконец увидели черные, неприветливые волны осеннего Дуная и черные, грозные измаильские стены, под которыми уже третий месяц томились русские войска.

Их встретили радостно - с музыкой, барабанным боем. Еще бы: шло подкрепление, ехали с провизией долгожданные маркитанты (Маркитант-торговец, следующий за войсками в походе.), ехал Суворов!

Прошка первым делом узнал, где стоит генерал-аншеф граф Александр Васильевич Суворов-Рымникский. Он так и спросил полным титулом у какого-то старого алексопольского мушкатера.

- Это батюшка наш, Александра Васильевич? - переспросил мушкатер.

- Экий ты непонятливый, ну да, он! - возмутился Прошка.

- Они, их сиятельство, живут в палатке, вон тама, видите, вон она! указал мушкатер на трепыхавшуюся под ветром знакомую палатку.

Она была разбита на самом юру, на пригорке. Прошка велел фурлейту ехать туда.

Прошка ехал, предвкушая, как сейчас он отомстит казаку Ванюшке за то, что не он, Прошка, сопровождал барина к Измаилу. Повод для этого был.

Прошка ясно уже представлял себе, как живет здесь, под Измаилом, его барин. И он не ошибся: в палатке его ждала знакомая картина. На бариновом сене, на всегдашней постели Александра Васильевича, храпел Ванюшка. Парень он был молодой, и ему нипочем, что ветер треплет полотнища палатки и свободно разгуливает по ней.

- У наших казаков обычай таков: где просторно, тут и спать ложись! Нет того, чтобы подумать о барине, устроить ему как лучше! - отчитывал Прошка разбуженного вестового.

Ванюшка привык к брюзжанью Прошки-только улыбался.

- Да чего ты, Прохор Иваныч, взелся? Александр Васильич сами захотели жить в палатке, - оправдывался казак.

- Захотели, захотели, - хмуро повторял денщик. - Не знаешь разве Ляксандру Васильевича? Ему лишь бы к солдату поближе! А твоя-то голова где была? Этакий человек - и на холоду, в палатке. У тебя на уме завсегда только одно - нажрался, да и на боковую!

Казак смущенно молчал.

- Вон же мазанки есть, - продолжал Прошка, оглядываясь. - Кто в них живет?

- Офицеры да генералы, - ответил Ванюшка.

- Наш-то главное их всех. Они, молодые, в тепле, а он, старик, шестьдесят годов, и в холоду... Сымай живо палатку!

Прохор сложил палатку на телегу, туда же взвалил сено и поехал прямо к ближайшей мазанке. Она показалась ему неплохой - в ее крохотных окошечках каким-то чудом уцелели тусклые стекла.

- Кто здесь живет, братец? - спросил Прошка у солдата, рубившего возле мазанки тростник.

Прохор глянул и подумал: "Ну и сторонка, прости господи, -то навозом топят, то тростником!"

- Их высокоблагородие майор князь Друцкой-Соколинской, - не без важности ответил солдат.

Прошка невольно улыбнулся - экий чин, подумаешь!

- Ну, так вот, братец, собирайся немедля и съезжай! - сказал он, слезая с телеги.

Княжеский денщик так и застыл от удивления с тесаком в руке.

- Здесь будет жить сам его сиятельство граф генерал-аншеф Ляксандра Васильевич Суворов-Рымникской, понял? - отчеканил Прошка и стал спокойно закуривать трубку.-А ну, ребята, подсобите парню уложиться!- кивнул он фурлейту и ехидно улыбавшемуся Ванюшке.

Княжеский денщик даже не возражал - так подействовала на него эта спокойная уверенность Прошки.

- Ничего, - как бы оправдывался он, - мы вон в тую мазанку переберемся. Там наш секунд-майор Юрковский живет. Давеча квартирмейстер приезжал, сказывал, много войска придет и здесь какой-то принц Хистальский будет жить. Так пусть лучше свой, русский, живет! Печка тут справная, вьюшки только нет. Я крышку от манерки пристроил. И тростнику я вам, дяденька, оставляю...- заискивающе тараторил княжеский денщик.

Мазанка была не бог весть что, но все-таки в ней - стол, лавка, печь. Все же не на ветру, не на морозе.

Прошка знал, что Александр Васильевич осерчает на него за этот переход. Если бы не штурм, Суворов в мазанке все равно не ужил бы, но сейчас ему не будет времени вникать во все. Не за этим ходить.

Так оно и вышло: Александр Васильевич сначала сильно напустился на Прошку - да как ты смел, да кто тебе велел? Но Прошка только сопел носом. А потом поставил на стол горшок щей и сказал:

- Кушайте лучше - столько дней без горячего.

И Суворов уселся обедать.

Не успел он отобедать, как стали приходить генералы - длинноносый хитрый Рибас, красавец Платов и старый знакомый - генерал Кутузов.

Суворов поехал вместе с ними смотреть крепость - как всегда, не доверял никаким планам, все хотел проверить сам.

Прошка тоже пошел посмотреть поближе на Измаил - издали чернели его высокие стены и каменные бастионы. Прошка не подошел к крепости так близко, как Суворов со своей свитой. По генералам даже начали стрелять с крепости из ружей.

"И чего, прости господи, лезть на рожон? Вот, неровен час, подстрелят! - недовольно думал он, с тревогой следя за белой канифасной курткой Суворова.- Еще не хватало, чтоб басурманы ударили по ним из пушки!"

Но турки, видимо, не придавали никакого значения этой небольшой группе - чем могла она угрожать Измаилу? Турки даже перестали стрелять по Суворову из ружей. Его маленькая каска с зеленой бахромой продолжала мелькать почти под крепостными стенами. Суворов показывал, куда должны быть направлены атакующие колонны.

А Прошка не приблизился и на пушечный выстрел.

"Береженого и бог бережет. И отсюда увижу", - думал он.

Прошка остановился у расположения какого-то полка мушкатеров и внимательно разглядывал турецкую твердыню. Отсюда ее стены, кое-где обшитые камнем, были еще выше, Чем казались издали. Прошка только качал головой.

- Вот так крепость! Одно слово - неприступная.

- Что, дяденька, глядишь, каков пирожок, по нашим ли зубам? - весело спросил у него какой-то солдат.

- Стены-то, стены! - качал головой Прошка.- А пушек сколько!

- Стены, никак, четыре сажени, - словоохотливо сообщил мушкатер.

- А ты почему знаешь, что четыре? - спросил Прошка.

- У нас в полку лестницы делают.

- А под стенами что, ров? - расспрашивал Прошка.
- Кабы ров, а то, дяденька, настоящая река: шесть сажен ширины да глубины, сказывают, пять.
- Ишь ты, проклятущая! - вырвалось у Прошки.

VI

Хатенка была маленькая - от порога до красного угла едва семь шагов. Суворов ходил и думал.

Ждать больше нечего. Войска Павла Потемкина вернулись все. Его богатыри, апшеронцы и фанагорпйцы, пришли вчера из Бырлада, с маркитантами. Батареи насыпаны, лестницы и фашины для штурма делают в каждом полку. К вечеру окончат рыть ров и насыпать такой же четырехсаженный вал, как в Измаиле. Ночью сегодня Суворов покажет солдатам, как забрасывать фашиником ров, как приставлять лестницы и лезть на вал, Пора слать измаильскому сераскеру письмо Потемкина с предложением сдать крепость.

Суворов улыбнулся, вспомнив, какую приписку сделал светлейший в конце своего письма к туркам:

"К исполнению назначен храбрый генерал граф Александр Суворов-Рымникский".

Суворова турки хорошо знают. "Топал-паша" надолго останется у них в памяти!

Александр Васильевич шагнул к столу, присел и, взяв бумагу, написал:

Сераскеру, старшинам и всему обществу. Я с войском сюда прибыл. 24 часа на размышление для сдачи - воля, первые мои выстрелы - уже неволя, штурм - смерть.

Помахал листком, чтобы засохли чернила. Сложил длинное потемкинское письмо и свою коротенькую записку и подал адъютанту, сидевшему на лавке у окошка.

- С трубачом к Бендерским воротам. К остальным - копии. У Михаила Илларионовича есть мулла; пусть переведет по-турецки.

- Слушаюсь, - ответил адъютант, принимая письма и направляясь к двери.

- погоди, - остановил его Суворов. - Трубач и казак.

Письма на дротик. Затрубить. По отзыву - дротик с письмами воткнуть и отъехать назад. Дождаться ответа. Понял?

- Точно так!

- погоди. При них обязательно офицер, знающий турецкий язык. И чтоб поживее!

VII

Суворов соскочил с коня, бросил поводья вестовому и вошел в мазанку.

Денщик Прохор спал, растянувшись на лавке.

- Вставай! - разбудил его Суворов. - Сейчас придут генералы.

Прошка нехотя поднялся и, позевывая, вышел. Суворов заходил из угла в угол.

Сераскер только что прислал ответ на письма, которые вчера отправил ему Суворов. Турки предлагали заключить на десять дней перемирие, чтобы успеть отправить гонца к визирю - узнать, можно ли сдать Измаил русским. Сераскер предупредил, что если русские не согласятся на перемирие, то турки будут защищаться до последнего.

Уловка была ясна: турки просто-напросто хотели оттянуть штурм на несколько дней. Уже начинались зимние туманы, во время которых нечего было и думать идти на штурм. Перемирие было на руку только туркам.

Офицер, передававший письма, говорил с мухафизом (Мухафиз - комендант) старым трехбунчужным Мегмет-пашой. Вручая ему ответ сераскера, Мегмет гордо сказал:

- Скорее Дунай остановится в своем течении, а небо упадет на землю, чем Измаил сдастся!

Суворов разослал своих ординарцев рассказать во всех полках об этом заносчивом ответе турок и решил поскорее штурмовать Измаил - все приготовления были уже сделаны.

Сейчас Суворов ждал генералов на военный совет. Он созывал их не потому, что колебался сам или не знал, что предпринять. У Суворова не было никаких сомнений: Измаил должен быть взят и будет взят во что бы то ни стало, - от этого зависела безопасность южных границ России. Суворову хотелось эту свою уверенность в победе вселить в генералов: ведь

еще так недавно, до его приезда, они вынесли решение отступить от Измаила.

Впрочем, в войсках с приездом к Измаилу генерала Суворова настроение сразу же изменилось. Суворов каждый день объезжал полки и подолгу говорил с солдатами и младшими офицерами. Он не скрывал того, что Измаил превосходно защищен, что взять его будет чрезвычайно трудно.

- Стены - высокие, рвы - глубокие, но мы, русские, должны Измаил взять! - говорил Суворов.

- С тобою, батюшка, возьмем! - уверенно отвечали солдаты и офицеры.

Суворов несколько раз прошел из угла в угол, потом остановился, глядя на единственную в мазанке короткую лавку. Прикинул в уме:

"Потемкин, Самойлов, Кутузов, Мекноб, де Рибас - пять. Львов, Вестфален, Арсеньев... Человек двенадцать будет. Тут одним генерал-поручикам только поместиться. А где же я генерал-майоров посажу?"

Суворов вышел из мазанки.

- Прощка! - сказал он денщику, который сидел на завалинке. - Надо найти доску - будет много народу, а сесть не на чем.

Прощка засопел от недовольствия - приходилось куда-то идти, что-то делать.

- Тоже скажете: доску найти! - поднялся он. - Что это - в Москве аль в Рождествене?

- Не умничай, сам знаю, где мы. А нужно достать! - вспылил Суворов.

- Батюшка барин, мы скамелечку найдем, - подскочил расторопный Ванюшка. - У того, как его, у майора есть, - знаешь, Прохор Иваныч?

- Ну, вот и ступайте, - повернулся Суворов. Больше он не слушал Прощки, который по-всегдашнему не соглашался с вестовым. Суворов в раздумье ходил возле мазанки.

Диспозиция была уже написана вчера. Кажется, в ней ничего не упущено, каждая часть, каждый офицер, каждый солдат имели свое точное место и назначение. Рабочие для подноски лестниц и фашин - тоже. Что делать флоту на Дунае - известно. И все-таки хотелось еще раз подумать: не забыто ли что-нибудь?

День стоял холодный, но Суворову даже в его легком канифасном кафтане было жарко. Он расстегнул кафтан, а маленькую каску бросил на кучу тростника, лежавшего под стеной.

В это время к мазанке подъехал адъютант, которого Суворов послал известить генералов о совете. Суворов, казалось, не заметил его.

- Все исполнено, ваше сиятельство! - подошел к Суворову адъютант.

- Бери бумагу, пиши! - приказал генерал-аншеф.

Адъютант быстро достал бумагу и карандаш.

- Садись! - глазами показал Суворов на завалинку. - Много писать!

Адъютант сел. Суворов, стоя над ним, диктовал. Он хотел в прибавлении к диспозиции сказать точнее о резерве, о том, где и как поставить обоз.

Прощка и вестовой притащили скамейку и кусок доски. Из мазанки слышалось неумолкаемое брюзжанье Прощки. Денщик был сильно зол на Ванюшку за то, что тот выскочил вперед с предложением. Прощка ведь тоже знал, где можно достать скамейку. Прощка давеча перечил барину так, по привычке, а в душе не хуже Ванюшки был готов исполнить поручение Александра Васильевича. И теперь злился на казака.

- Не туда, не этим концом! Орясина! - шипел он.

Суворов ничего не слышал - он был поглощен своим делом. Даже когда к мазанке стали подъезжать один за другим генералы, он продолжал диктовать. Суворов лишь на секунду оборачивался к приезжавшим.

- Александр Николаевич, пожалуйста в избу, я - сейчас, - сухо сказал он бездарному генералу Самойлову, племяннику светлейшего, который до приезда Суворова был за то, что осаду Измаила нужно снять.

- Осип Михайлович, посиди, голубчик! - приветливо встретил он ловкого, хитрого де Рибаса.

- А, Миша! - по-дружески кивнул он своему любимцу, генералу Кутузову, который

когда-то, тридцать лет назад, служил у него в полку ротным командиром.

У мазанки уже стоял целый табун лошадей. Генеральские ординарцы и вестовые шептались в стороне.

Последним приехал Павел Потемкин.

- Перепиши, я погляжу, не пропустил ли чего, - бросил Суворов адъютанту и пошел в мазанку.

В тесной хатенке было полно. Генералы с трудом разместились на двух скамейках. Сидели плечом к плечу. На обломок доски, концы которого Прошка положил на обе скамейки, смело уселся де Рибас. Казачьему бригадиру Матвеем Платову не хватило места. У самого порога стояло пустое ведро. Платов опрокинул его вверх дном и кое-как уселся на ведре.

Генералы сидели, разговаривая вполголоса. В мазанке было душно. Тучный Кутузов вытирал вспотевшее лицо платком.

Суворов стремительно вошел в мазанку - генералы даже не успели встать со своих мест.

- Сидите, господа, сидите! - замахал он рукой, видя, что бригадиры поднялись.

Он не пошел к столу, на котором лежала карта Измаила и горели две свечи, а остановился у порога возле Платова.

Суворов обвел всех глазами и подумал: что станут говорить сегодня Потемкин, Самойлов, Львов? Те, кто был за отступление от Измаила?

Суворов сказал:

- Измаил - крепость без слабых мест. Гарнизон его - целая армия. Но напрасно турки считают себя в безопасности за каменными стенами. Русские солдаты достанут их и там. Против русского оружия ничто не устоит! Два раза наши войска подходили к Измаилу и два раза отступали. Теперь, в третий раз, остается либо взять Измаил, либо умереть под его стенами! Решайте: штурм или отступление?

Все глянули на самого младшего среди присутствующих - Матвея Платова: он должен был говорить первым.

Черноусый Платов быстро поднялся со своего места - ведро с грохотом упало на бок, но Платов даже не посмотрел на него.

- Штурм! - решительно сказал он.

- Штурм! - подхватили бригадиры Орлов и Вестфален.

- Штурм! Штурм! - единодушно заговорили все-генералы.

Суворов просиял: "Значит, дошло! Значит, уверены!" Он порывисто обернулся к Платову и обнял его:

- Спасибо, Матвей! Спасибо, - говорил Суворов генералам, которые встали со своих мест, - спасибо!

Он поочередно жал каждому руку, приговаривая:

- Сегодня - молиться, завтра - учиться, послезавтра - победа либо славная смерть!

VIII

День Измаила роковой.

Жуковский

Пал Измаил.

Он пал, как дуб могучий,

Взлелеянный веками великан.

Байрон

Ночь была непроницаемо темная: низкие тучи заволокли все небо, а от Дуная, который шумел где-то справа, подымался густой туман. И в этой темноте исчезли грозные, четырехсаженные стены Измаила, его широкие, наполненные водой рвы и крепкие каменные бастионы.

В ордукалеси (Ордукалеси - армейская крепость. Турки так называли Измаил потому, что в нем помещалась целая армия.) не было видно ни огонька. В густом мраке декабрьской

ночи лишь ярко горели бивуачные костры русских войск, с трех сторон охвативших Измаил. В русском лагере было тихо, но спали в нем немногие: Суворов назначил на сегодня, на пять часов утра, штурм Измаила, и ждать оставалось уже недолго.

Ночь была холодная, сырая. Люди жались поближе к огоньку. Костры горели жарче обычного: в них валили все топливо, что было запасено на неделю, - завтрашнюю ночь все надеялись ночевать уже не под открытым небом, а в домах Измаила.

Сегодня у бивуачных костров только сидели и разговаривали. Никто не латал кафтана, не выкраивал из старой рубашки онуч, не чистил ружья. Никто, как обычно у огонька, не смотрел, скоро ли поспеет каша или закипит в котелке вода.

У каждого давным-давно было вычищено ружье, отточен штык. Ранец со всем солдатским добром сдан в обоз. А есть как-то никому не хотелось, да перед самым штурмом бывалые люди и не советовали.

Подпоручик Лосев сидел у костра.

Когда Суворов, выезжая из Бырлада к Измаилу, сказал, что возьмет с собою сто пятьдесят мушкатеров-апшеронцев, Лосев упробил полковника отправить и его. Восемь дней они уже прожили здесь, под Измаилом. Суворов сам учил полки, как забрасывать фашинником рвы, как взбираться по четырехсаженной лестнице на вал.

И вот наконец наступил долгожданный день штурма.

У подпоручика Лосева до сих пор еще шумело в ушах от непрерывной пушечной пальбы, которая продолжалась уже целые сутки. Шестьсот русских орудий - с батареей, с судов Дунайской флотилии и с острова Сулин, лежащего против Измаила, - били по турецкой крепости не умолкая. И только час тому назад канонада прекратилась. Можно было разговаривать не надрываясь.

Лосев сидел у костра вместе со своими мушкатерами. Из стариков 2-го капральства, в котором служил Лосев, пришли под Измаил Огнев, Воронов и Зыбин. Только Башилов остался в Бырладе - его трепала лихорадка.

С вечера, пока еще стреляли пушки, мушкатеры говорили мало: было неприятно натуживаться и кричать, как неприятно и самому переспрашивать. А когда смолкла пальба, понемногу разговорились. Заговорили о родине, представляли, какие снега теперь там, как в это время в деревнях встают до света молотить.

Потом кто-то вспомнил, что сегодня 11 декабря и, стало быть, завтра солнце поворачивает на лето, а зима на мороз.

- Говорят, с этого дня зима ходит в медвежьей шкуре, стучит по крышам, ночью будит баб топить печи,- сказал Огнев.

- А у нас сказывают, - поддержал его какой-то рябоватый мушкатер, - на солновороты медведь в берлоге ворочается с боку на бок.

- Где это - у нас? Ты откуда? - серьезно спросил у него ефрейтор Воронов.

- Из Тулы, - ответил рябоватый мушкатер.

- Хорош заяц - да тумак, хорош парень - да туляк! - улыбаясь черными цыганскими глазами, вставил Зыбин.

- А ты-то сам какой? - вспыхнул рябоватый.

- Он, наверно, рязанец косопузый. Мешком солнышко ловили, - поддержали рябоватого его земляки.

- Не угадал, брат! - засмеялся Зыбин.

- Он из Калуги, - ответил Огнев.

- А, Калужа! Козла в тесте соложенном утопили!

- Что, попало? - смеялись над Зыбиным.

- Ничего, - не сдавался он. - Калужанин поужинает, а туляк ляжет и так.

В это время послышался топот копыт, и из темноты раздался голос:

- Какой полк?

- Апшеронский! - ответило сразу несколько голосов. Все обернулись. И в свете костра увидели знакомую фигуру генерал-аншефа. Суворов был в обычных лакированных сапогах с

широкими раструбами выше колен, в белом суконном кафтане с зелеными китайчатыми обшлагами и в своей всегдашней маленькой каске.

- А, молодцы-апшеронцы! Храбрецы! Богатыри! Под Козлуджей, Фокшанами, Рымником делали чудеса. Сегодня превзойдут сами себя!

- Постараемся, батюшка Александр Васильевич! Не выдадим! - зашумели мушктеры.

- Раньше времени в город не лезть! Пороховые погреба беречь! Безоружных не убивать! - говорил Суворов. - А как у тебя, князь, часы? Верно поставлены? - обернулся он к полковнику Лобанову-Ростовскому, который подошел, услышав, что с его апшеронцами говорит сам Суворов.

- Поставлены, как у всех, ваше сиятельство, - ответил полковник, вынимая из кармана часы. - Без двух минут три. Сейчас должна быть первая ракета.

- Посмотрим, так ли, - сказал Суворов, запрокидывая голову назад и глядя вверх.

Все невольно последовали его примеру. Смотрели и ждали. И точно вдруг раздался треск, и над головами в черное, покрытое тучами небо взлетела яркая ракета.

Чтобы обмануть бдительность турок, Суворов приказал каждый день перед зарею пускать ракеты, и сегодня они не были в диковину туркам.

- Ну, пора. С богом! - сказал Суворов. - Только чур - не шуметь! улыбнулся он и тронул коня.

Солдаты осторожно разбирали ружья и становились в колонну. Костры продолжали гореть.

...Первая колонна, впереди которой шли апшеронцы, уже несколько минут стояла у самой крепости.

Колонна должна была по диспозиции взять каменный редут Табия, спускавшийся к самому Дунаю. За апшеронцами пятьдесят рабочих несли фашины, топоры, кирки, ломы. А дальше шли белорусские егеря и фанагорийцы.

Колонна стояла тихо. Ждала последней, третьей ракеты. Слышно было, как кто-то сзади, среди рабочих, вдруг кашлянул и сразу же оборвал: видимо, зажал рот рукою.

В Измаиле у турок было спокойно. Из-за стен чуть доносился приглушенный шум, да на валу громко перекликались часовые, а где-то в городе лениво лаяли собаки. Одна вдруг завывала.

- Чует недоброе, - шепнул Лосеву рядом стоявший Зыбин.

Справа однообразно шумел, бился о камни Дунай.

Лосев прислушался - не слышать ли, как на судах подходит к Измаилу от Сулина десант де Рибаса. Ведь и они должны в эту минуту быть где-то недалеко. Но ничего не услышал.

От реки тянул густой туман. Знобило не то от холода, не то от волнения. Небо все так же было в тучах. До рассвета оставалось два часа.

И вот наконец высоко взвилась последняя ракета. Не успела она погаснуть в черном, беззвездном небе, как сразу же загремели пушки. Стреляли с реки, с судов. Ядра прочерчивали небо.

Притаившийся, затихший было Измаил, оказывается, и не думал спать турецкие батареи тотчас же заговорили в ответ. Огонь от пушечных выстрелов вырывал из темноты то черную блестящую полосу широкого Дуная, то высокие стены Измаила с жерлами пушек.

Но смотреть было некогда. Апшеронцы побежали вперед. У самого рва они рассыпались, и пока рабочие забрасывали шестисаженный ров фашинами, апшеронцы стреляли по редуту - на огоньки турецких выстрелов.

Но вот фашины уложены.

- Вперед, ребята! - закричал полковник Лобанов-Ростовский и первым кинулся через ров.

Лосев бежал вместе со всеми. Пули звенели вокруг. Под ногами хрустел фашинник. Кто-то упал убитый; его не успели оттащить в сторону, спотыкались, падая друг на друга. Кто-то провалился в ров - фыркнул, отплеывался, но плыл к турецкому берегу. Пули чокались о фашины.

Ров перебежали. Дальше дорогу преградил крепкий палисад. Какой-то мушкатер с остервенением ударил прикладом в толстые бревна - напрасно.

- Рабочие, сюда! Топоров скорее! Ломы давай! - кричали все - и офицеры и солдаты, оглядываясь назад.

Апшеронцы, бросившись ко рву, оттеснили рабочих, и теперь получилась заминка. Каждая минута была дорога. Вторая колонна, шедшая слева, уже взбиралась на вал. Слышно было, как там кричали:

- Лестница мала, надвяжи ее!

- Лезь так. Вперед. Ура!

- Чего тут смотреть? Айда через палисад! - вдруг крикнул Огнев и в одну секунду ловко перемахнул через палисад.

За ним посыпались все. Тарахтя ружьями и флягами, обрывая на себе пуговицы и карманы, задевая друг друга, лезли апшеронцы.

Когда перескочили за палисад, пришлось остановиться - впереди оказался второй, но на этот раз меньший ров. Бежавшие первыми попали в него и, вскрикивая от ледяной воды, перебирались на другой берег.

Ров был неглубок - вода доходила только до пояса.

Ждать, пока рабочие прорубят палисад и протащат фашины, было невозможно. Тем более, что турки с редута Табия засыпали пулями остановившихся апшеронцев. Падали убитые и раненые.

Мушкатеры стали прыгать через ров. Некоторые обрывались в воду.

- Ваше благородие, давайте прыгать! - крикнул Зыбин, в секундной вспышке орудийного выстрела снова увидевший возле себя подпоручика Лосева.

Лосев прыгнул вслед за ним. На той стороне рва собирались апшеронцы. Они снова залегли и стали стрелять по редуту, давая возможность переправиться егерям и фанаторийцам. Палисад уже трещал под ударами топоров.

Но неожиданно на апшеронцев кинулись от редута толпы турок. В темноте трудно было разобраться. Только по крикам "алла" догадывались, где враг. Апшеронцы вскочили и приняли турок в штыки.

Лосев больше наугад ударил кого-то штыком, ударил другого. И тут перед его глазами сверкнул яркий огонь, что-то больно стукнуло по голове, тысячи искр посыпались из глаз, и все исчезло.

...Лосев очнулся оттого, что ему лили на голову холодную воду. Он с трудом поднял отяжелевшую, как будто не свою голову.

Чуть светало. Уже можно было кое-что различить. Он увидел, что лежит возле рва и что над ним склонился мушкатер Огнев.

- Живы, ваше благородие, а я уж думал - убили, окаянные! - обрадованно сказал мушкатер.

Лосев, держась за Огнева, сел. Все плыло у него перед глазами. И почему-то он видел только одним левым глазом.

Ров, через который давеча они перепрыгивали, был заполнен фашинами. Кругом валялись трупы турок и русских. Воздух дрожал от пушечных и ружейных выстрелов, от криков "алла" и "ура". Где-то сверху призывно били барабаны.

- Где мы? Как штурм?-спросил, оглядываясь, Лосев.

- Маленько поспешили. Пришлось прыгать назад, через ров. А там подоспели с фашинами егеря и турок погнажи, - рассказывал Огнев.

- Зыбин жив? Мы бежали с ним вместе, - спросил Лосев у Огнева, который зачем-то плевал в кулак.

- Жив еще. А вот ефрейтора нашего, Воронова, ранили в ногу.

Лосев силился открыть правый глаз, но не мог. Когда он моргал левым глазом, в правый кололо.

- Что у меня, глаз выбит? - упавшим голосом спросил Лосев.

- Нет, ваше благородие, глаз, должно, цел. В бровь маленько царапнула пуля. Сохрани господи, чуть правее взяла б, ну, тогда конец! - сказал Огнев, осматривая глаз. - Вот залепим сейчас землицей со слюнями рану, она засохнет и заживет.

Огнев приложил к глазу подпоручика влажный комочек земли. Лосев вытащил из кармана платок:

- Завяжи, братец!

Огнев перевязал раненому голову.

- Ну вот, теперь посидите, отдохните и помаленьку идите назад, а я побегу - у нас и так силы мало. Офицеров почти всех перебили, прямо страсть! Генерал Львов ранен, полковник Лобанов-Ростовский ранен.

- Кто же командует? - спросил Лосев.

- Полковник Золотухин, - ответил Огнев и, взяв ружье, побежал вдоль замолкнувшего бастиона.

Лосев остался сидеть. В голове у него звенело, перед единственным зрячим глазом плыли яркие круги.

Он нащупал флягу - цела. В ней было немного водки. Глотнул. Стало яснее. Взял чье-то ружье и с трудом поднялся. Пошатываясь, пошел вперед.

Навстречу ему тащились раненые. Придерживая обрубок левой руки, из которого хлестала кровь, шел мушкатер. Лосев узнал его - это был апшеронец, тот рябоватый туляк.

- Ой, рученька моя, рученька! - приговаривал он. Трое солдат, спотыкаясь, несли на плаще поручика-фанагорийца. Он был ранен в обе ноги.

- Я вам приказываю-оставьте меня здесь. Разве я не начальник ваш? Возвращайтесь назад, там вы нужнее!

- Сейчас, ваше благородие, только за палисат вынесем. Там из резерву понесут дальше. А то как же своих раненых оставлять? - наставительно говорил старик егерь.

Поручик, увидав Лосева, приподнялся и лихорадочно-возбужденным голосом сказал:

- Торопитесь, подпоручик, - там командовать некому, всех офицеров выбили!

Лосев ничего не ответил. Он глотнул еще раз из фляги и уже совсем твердо пошел вперед.

IX

Суворов прилег у костра.

Он только что закончил последнее приготовление к штурму Измаила: объездил бивуаки своих войск - говорил с солдатами и офицерами. Вспоминал чудо-богатырям их славное прошлое: Туртукай, Козлуджи, Кинбурн, Фокшаны, Рымник.

Внушал им веру в победу.

Спать не хотелось, несмотря на то, что за последнюю неделю приходилось отдыхать не более трех часов в сутки.

В первый же день как Суворов приехал из Бырлада к Измаилу и увидел эти грозные крепостные стены, окруженные валами, он решил тщательно подготовиться к штурму неприступной турецкой твердыни. По его приказу в пяти верстах от лагеря был насыпан - по измаильским размерам - четырехсаженный вал и вырыт такой же, как у турок, шестисаженный ров.

Конечно, Суворов не мог допустить, чтобы хоть одно ночное ученье прошло без него. Генерал-аншеф сам руководил им. Показывал, как забрасывать фашинником ров, как с помощью лестниц и штыка взбираться на вал.

И во все ночи у Александра Васильевича почти не оставалось времени для отдыха.

А сегодня и вовсе было не до сна.

Эта ночь должна решить все.

Европейские враги России уже ликовали, надеясь на то, что русским не справиться с грозным Измаилом. Недаром же французские инженеры в течение десяти лет укрепляли его.

Английский флот только и ждал момента, чтобы появиться у черноморских берегов.

Русские должны во что бы то ни стало взять Измаил!

Победа России у Измаила заставит ее врагов хорошо призадуматься.

Суворов надеялся на неустранимость русского человека, на своих чудо-богатырей, которые хорошо подготовлены к штурму.

Александр Васильевич лежал, глядя на огонь. Смотрел, как вестовой, казак Ванюшка, подбрасывает в костер охапку тростника - другого топлива в придунайских степях не сыскать.

Суворов расположился с несколькими штаб-офицерами, адъютантами и ординарцами на пригорке, против северных стен крепости, в полуверсте от Измаила. Александр Васильевич выбрал этот пункт потому, что он был в середине всего полукольца русских войск, в центре штурмующих колонн.

Несмотря на то, что крепостной гарнизон был очень велик - 42 тысячи человек - и обеспечен продовольствием на полтора месяца, у турок уже не было прежней уверенности в своей мощи.

После того как к Измаилу приехал "Топал-паша"- Суворов, который в прошлом году разгромил у Рымника стотысячную армию великого визиря, турки заколебались.

Сегодня днем явились из осажденной крепости два перебежчика. Они рассказали о том, как все в Измаиле считают, что у Суворова 85 тысяч человек (а не 30 тысяч, как было на самом деле), и с тревогой ждут штурма.

Турки спят попеременно. Сам сераскер два раза в ночь объезжает крепость.

Кроме него, проверяют караулы татарские султаны и начальники янычар. Эти известия порадовали Суворова:

- Кто напуган, тот наполовину побежден!

Александр Васильевич нетерпеливо поглядывал на часы, - приближалось время, назначенное для штурма. Наконец настало пять часов. Генерал-аншеф быстро поднялся на ноги.

- Ракету! - крикнул он.

Разрывая ночной мрак, высоко взметнулась красная ракета. И тотчас же все кругом загремело.

Сотни пушек и ружей ударили с крепости по русским войскам, устремившимся к валам.

"Заприметили! Открыли огонь!" - подумал Суворов. В ответ им загрохотали русские пушки Дунайской флотилии и с острова Сулин, лежащего против Измаила, а также батареи и стрелки штурмующих колонн.

Бой начался.

Генерал-аншеф стоял на пригорке, сжимая в руках зрительную трубу.

Было очень темно. К тому же от реки тянулся туман.

В черном небе возникали и тут же гасли огненные сполохи.

Вспышки пушечных выстрелов лишь на мгновение освещали крепостные стены.

Пока стояла густая темень и вся местность освещалась только огнями выстрелов, наблюдать, как проходит штурм, было невозможно. Приходилось ждать известий от начальников колонн и слушать обычную музыку боя - крики "ура" и "алла", доносившиеся сквозь раскаты пушек.

Суворов волновался, как ни в одном сражении. Он не мог устоять на месте. Его тянуло туда, где кипел жестокий рукопашный бой. Впервые за все тридцать лет боевой деятельности он вынужден был оставаться где-то позади.

Суворов ходил по небольшому пригорку - от его склона, где со своими конями толпились спешенные тридцать казаков конвоя, до костра, у которого на барабане, с бумагой и карандашом в руке, сидел белобрысый полковник барон Тизенгаузен.

Это был один из любимцев князя Потемкина. Светлейший прислал его "для примечания военных действий, для журнала и абресса", а попросту говоря, для слежки за Суворовым и для того, чтобы потом был предлог дать своему любимчику крест.

В последние дни к Суворову понаехало из Ясс множество разных сиятельных

иностранцев и русских - погреть руки у измаильских стен. Но Суворов всех их прикомандировал к колоннам и полкам. Барон же оказался хитрее остальных: он оградил себя от опасности, получив у светлейшего точное назначение.

"Примечай, примечай!" - иронически думал Суворов, каждый раз доходя до него и круто поворачиваясь налево кругом.

В первые минуты, когда тишину разорвали пушечные залпы, когда со всех сторон в темноту понеслось громовое "ура" и ему тотчас же стало вторить заунывное "алла" турок, Суворов беспокоился об одном: как бы в темноте колонновожатые не напутали чего. Темнота, ночь, с одной стороны, были на руку русским: они скрывали малочисленность русских. Суворов всегда уважал ночной бой. Как ни были готовы турки к обороне, но все-таки ночной удар получался внезапным, неожиданным.

Кроме того, неприятель не мог видеть, какие силы атакуют, и при этом стрелял наугад. Но, с другой стороны, темнота имела и некоторые неудобства: в ней трудно было ориентироваться. Вот наконец послышался конский топот, и чей-то голос окликнул:

- Где генерал-аншеф? Где Александр Васильевич?

- Давай сюда, братец! - крикнул Суворов.

К костру подскакал ординарец от второй колонны. Уже по его бодрому голосу Александр Васильевич почувствовал, что известия хорошие.

- Вторая колонна закрепилась на валу, - торопливо докладывал ординарец. - Полковник Неклюдов первым взобрался на бастион. Овладел пушками!

- Молодцы! Тесните басурман! Скачи назад! - махнул рукой Суворов и снова заходил по холму.

"Неклюдов,-думал он.-Леонтий Яковлевич. Бравый командир. Орел! Начало есть. Так, так!.."

- А ну, Ванюшка, подбрось-ка хворосту, чтоб нас получше видели! сказал генерал-аншеф вестовому.

Не прошло и получаса, как на веселый огонек генеральского костра прискакал следующий верховой.

- Откуда? Какая колонна? - издали спросил Суворов.

- Первая, ваше высокопревосходительство, генерала Львова! - живо ответил верховой.

"Это против каменного редута Табия. Его трудно взять. Но там мои богатыри - апшеронцы, фанагорийцы", - мелькнуло в голове.

Спросил:

- Как там у вас?

- Продвигаются, пошли правее редута. Генерал Львов ранен. Лобанов-Ростовский ранен.

Суворов поморщился.

- Кто повел?

- Полковник Золотухин.

- Ах да, ведь там Вася Золотухин, командир фанагорийцев! Хорошо, помилуй бог!

Ординарец уехал.

Понемногу становилось светлее. Туман рассеялся. Показались очертания высоких измаильских стен.

На западной стороне все шло великолепно, без задержки.

Северный, самый сильный участок крепостных стен упорно защищался. Вал на северной стороне был выше других. Чтобы достичь его вершины, приходилось связывать две пятисаженные лестницы.

Суворов не отрываясь смотрел в зрительную трубу на северный вал, который находился от него в полуверсте. Он видел, как тяжело приходилось лифляндским егерям, атакующим этот бастион.

Турки сверху бросали на них громадные камни, катили бревна, сталкивали русских вниз с головокружительной высоты. Но мужественные егеря упорно пробивались наверх.

"Сейчас вторая колонна ударит во фланг туркам, тогда им не устоять!"

Он перевел зрительную трубу налево, на восток, откуда шли четвертая, пятая и шестая колонны.

Четвертая и пятая составлены из казаков Орлова и Платова. У них были только шашки да укороченные пики, которые легко перерубались турками.

В шестую колонну, к Бугским егерям, Суворов поставил командиром своего любимого ученика генерал-майора Михаила Кутузова.

У Кутузова с турками старые счеты.

Но пока что и от Михаила Илларионовича не поступало известий. Больше получаса тому назад Суворов послал к Кутузову ординарца-казака.

"Что-то задержался урядник!" - нетерпеливо поглядывал генерал-аншеф.

Наконец урядник примчался.

- Ну как? - спросил у него Александр Васильевич.

- Жарко, ваше высокопревосходительство. Взосли на вал, да басурманы уже два раза отесняли егерей к самому краю. Не знаю, удержатся ли... Офицеров не видать: кто убит, кто ранен.

- А сам генерал-майор жив?

- Невредим. Идет впереди!

Суворов повеселел.

- Скачи назад. Передай генерал-майору Кутузову: назначаю его комендантом Измаила! Торопись, борода!

Казачий урядник поскакал передавать приказ.

- Коня! - обернулся к вестовому Суворов.

Казак Ванюшка подвел коня.

Александр Васильевич поехал к четвертой колонне Орлова, которая была рядом.

Солнце уже взошло. Было совершенно светло.

Подъезжая к резерву, Суворов издалека увидел: часть четвертой колонны прорубилась на вал, а другая - еще застряла у рва.

И вдруг соседние Бендерские ворота широко распахнулись, и турецкие янычары с дикими криками кинулись во фланг казакам.

Положение донцов, которые дрались на валу, стало критическим.

Суворов подскакал к бригадиру Вестфалену, командовавшему резервом.

- Карabinеров и два батальона Полоцкого пехотного - на выручку казакам! - приказал он.

- Поспешай, братцы! Бегом! - кричал он пехотинцам. Пехота бросилась за карabinерами. "Ура" перекрыло турецкое "алла".

- Наша берет, Александр Васильевич! Погнали турка! - не выдержав, обрадованно сказал казак Ванюшка, стоявший сбоку.

- А ты что ж думал: не возьмет? - улыбнулся Суворов. - Наша всегда возьмет!

И он поехал назад к своему командному пункту.

Теперь Суворов был спокоен и за третью колонну: четвертая тоже ударит во фланг туркам, защищавшим крепкий северный бастион.

Суворов подъехал к пригорку.

Офицеры смотрели в зрительные трубы, обсуждая улучшившееся положение. Барон Тизенгаузен грел у потухающего костра озябшие руки.

- Ну, друзья, собирайтесь в Измаил! - весело сказал офицерам генерал-аншеф.

Все стали садиться на коней.

- Ваше высокопревосходительство, а все-таки у нас много потерь: бригадир Рибопьер убит, генерал Мекноб тяжело ранен... - подъезжая к Суворову, вкрадчиво начал Тизенгаузен.

Суворова передернуло: в этих словах потемкинского любимчика он почувствовал первый укол. Он сразу догадался, в чем станут обвинять победителя Измаила его завистники.

Генерал-аншеф резко оборвал Тизенгаузена:

- В штурме убит - один, а в осаде от голода и холода - умерло пять! Простая арифметика, помилуй бог!

Он досадливо отвернулся от белобрысого барона и приставил трубу к глазам.

Весь этот бесконечный главный вал крепости общим протяжением в шесть верст уже был в руках у русских. Продырявленные пулями, прорубленные острыми турецкими шашками русские знамена победно развевались на стенах Измаила.

Враг не устоял и отступил внутрь города, в лабиринт узеньких, кривых улиц и переулков, в которых каждый дом, конечно, станет крепостью. Впереди предстояло еще много дела, много жертв, но главное уже стало явью: русские войска сломили врага.

Пришпорив коня, Суворов помчался к Хотинским воротам, которые изнутри открывали русские егеря.

Еще несколько часов тому назад бывшая несокрушимой, грозная турецкая крепость, на которую столько надежд возлагали враги России - Франция и Англия, теперь широко раскрывала перед великим русским полководцем свои ворота.

Х

Сегодняшнее утро казалось Суворову бесконечно длинным: приходилось сидеть и ждать, а заполнить время было нечем, это не у себя дома.

Александр Васильевич приехал из Измаила в Яссы ночью. Он не выносил показной парадности и хотел избежать всей этой натянутой пышной встречи, которую князь Потемкин готовил победителю Измаила.

Суворов отправился в Яссы без всякой свиты и конвоя, в простой полковой кибитке. Ехал он не по большой дороге, где его ждали, а окольным путем и в Яссы постарался попасть ночью.

В Яссах Суворов остановился у знакомого полицеймейстера. Он строго-настрого приказал полицеймейстеру не рассказывать никому о его приезде, спокойно поспал часа три и встал по привычке - до зари.

Конечно, являться в такую рань к главнокомандующему со строевым рапортом было бесполезно: светлейший, несомненно, еще сладко спал после очередного бала. Суворов решил подождать - пусть уж отоспится человек после трудов праведных.

Но все-таки он не вытерпел и слишком рано стал готовиться к торжественному приему. Суворов надел шитый золотом парадный мундир с бесчисленными орденами и звездами, надел подарок императрицы - золотую шпагу, украшенную бриллиантами.

Оделся, приготовился - и от этого ждать стало еще несноснее.

Суворов всегда чувствовал себя в парадной одежде стесненно. Приятнее было ходить в будничном канифасном кафтане и свободных старых ботфортах. А в мундире давит воротник, и кажется, будто жмет подмышками.

Вспоминалось детство, когда маменька в большие праздники наряжала его в новое платье и надо было беречься, чтобы не измять и не испачкать.

В невольном волнении Суворов расхаживал по небольшой комнате.

Если австрийский император наградил за Рымник принца Кобургского фельдмаршалством, то уж за Измаил Суворову надо дать и подавно!

Наконец исполнилось то, чего он ждал все долгие годы: он совершил такой подвиг, который сразу выделит его из всех русских генералов. Суворову уже не придется быть в подчинении ни у тупоумного "Ивашки", ни у всех этих заносчивых Каменченков и Репниных! Даже сам Потемкин не сможет помешать ему вести операции так, как это найдет нужным Суворов: ведь и Александр Васильевич будет таким же фельдмаршалом, как Потемкин! Теперь-то он сможет еще больше укрепить мощь своего отечества!

Суворов нетерпеливо поглядывал то на хозяйские часы, то на дверь полицеймейстер пошел разведать, встал ли светлейший.

Наконец, в половине девятого, он вернулся.

- Ваше сиятельство, можно ехать - светлейший уже встал. Ждут вас. По улицам стоят гусары, смотрят, не едете ли.

- Ну что ж, коли так-поедем!-весело отозвался Суворов.

Он заложил за обшлаг мундира приготовленный рапорт, надел каску и вышел.

...Полковник Бауер не отходил от высокого венецианского окна - отсюда открывалась вся Дунайская улица, по которой должен был ехать из Измаила граф Суворов. Светлейший приказал немедленно доложить ему, когда покажется карета Суворова: Потемкин хотел сам встретить его у крыльца.

Вот по улице протарабанила каруца на своих невероятно толстых, без спиц, таких, какие делают в детских игрушечных повозках, неуклюжих колесах. Гусары, стоявшие у перекрестка, хорошо подстегнули нагайками худых лошадемок молдаванина, постарались, чтобы он со своей грязной каруцой поскорее убрался в переулок.

Вот проехала в дрожках смазливая горничная госпожи Браницкой. Гусарский корнет заулыбался, проскакал рядом с дрожками несколько сажений -вероятно, говорил какой-либо вздор кокетливой горничной,- потом вернулся на прежнее место, лихо покручивая усы: он был доволен не только девушкой, но и собой.

Вот из переулка на Дунайскую улицу, тяжело громыхая, выехал какой-то неуклюжий, старомодный рыдван. Когда-то, лет пятьдесят назад, он был покрашен и даже кое-где позолочен, но теперь все облупилось. Он был расшатан и стар - в нем все дребезжало, скрипело, звенело. Рыдван с трудом тащили три лошади, запряженные по-молдавски, цугом. Кучер то и дело щелкал своим длинным бичом.

- Это еще какая черепаха? - улыбнулся Бауер, глядя на допотопную карету.

Гусарский корнет тоже потешался, глядя на такое чудовище. Он кивнул головой солдату. Тот подскочил было к рыдвану, но слуга, стоявший на запятках колымаги, что-то ответил, и гусар, не доехав до него, повернул назад. Корнет отвернулся и со скучающим видом продолжал смотреть в ту сторону, откуда ждали графа Суворова, а смешной рыдван тащился прямо ко дворцу светлейшего.

"Кто же это? - соображал Бауер.- Какой это домине? Епископ, должно быть, или захудалый князь".

Но такой кареты на дворе светлейшего полковник Бауер еще ни разу не видал.

"Загородит мне всю улицу. Из-за него ничего не увидишь!" - смотрел он то так, то этак на подъезжавший рыдван. И вдруг ясно увидел: в рыдване мелькнули расшитый золотом генеральский мундир и каска.

"Это Суворов!"

Бауер сорвался со своего поста и побежал в кабинет к светлейшему.

Потемкин торопливо пошел навстречу Суворову. Не успел он сойти с высокой лестницы, как Суворов одним духом был уже рядом с ним. Потемкин заулыбался своим зрячим глазом, раскрыл широкие объятия, и щуплый граф Суворов утонул в них.

Они троекратно поцеловались.

Суворов ждал первых слов светлейшего. Вот сейчас Потемкин поздравит его с фельдмаршалством, будет говорить с ним как с равным.

- Скажите, Александр Васильевич, чем могу я наградить ваши заслуги? спросил Потемкин.

Что это? Неужели он ослышался? С ним опять говорят как с подчиненным, с обыкновенным генералом, который выиграл заурядную баталию?

Суворов вспыхнул.

Он невольно отступил шаг назад и, прикрыв глаза веками, сказал с дрожью в голосе:

- Ничем, князь. Я не купец и не торговаться сюда приехал. Кроме бога и государыни, никто наградить меня не может!

Одутловатое, пухлое лицо Потемкина побледнело. Вся ласковость исчезла из его единственного зрячего глаза. Он круто повернулся и пошел в залу.

Сзади за ним шел генерал-аншеф граф Суворов-Рымникский. Он уже понял, что его мечты напрасны, что все пропало, что плетью обуха не перешибешь!

Суворов дрожащими руками вынимал из-за обшлага приготовленный рапорт.

Адъютанты и слуги Потемкина, присутствовавшие при этом разговоре, недоумевающе поглядывали друг на друга, испуганно перешептывались - что он сделал? Как он смел?

Через минуту из залы стремительно выбежал граф Суворов. Он был бледен. Не видя никого вокруг, Суворов быстро сбежал по ступенькам высокого крыльца вниз и, не обращая внимания на приглашения кучера и лакея:

"Ваше сиятельство, пожалуйста!" - быстро пошел по улице.

Неуклюжий, старомодный рыдван тяжело громыхал вслед за ним.

XI

Гром победы раздавайся,

Веселися, храбрый Росс!

Державин

Во дворце, что стоял на большой дороге у Невы, в этом, как его все называли, "Конногвардейском доме", и на широкой площади возле него уже несколько дней шла спешная, горячая работа. Десятки разных мастеров художников, обойщиков, маляров, столяров, штукатуров и прочих - работали здесь круглые сутки, благо стояли белые ночи.

Ломали разные мелкие пристройки, прилепившиеся ко дворцу и портившие общий вид, сносили длиннейший грязный забор, тянувшийся вдоль Невы, - за забором виднелись остатки каких-то сараев, строили пышные триумфальные ворота, устанавливали стеллажи для иллюминации.

Площадь была полна народу.

Изгорода ко дворцу по грязной дороге тянулись вереницы подвод. В деревянных ящиках везли бережно укутанные в солому хрустальные люстры, сверкавшие на солнце прозрачными льдинками подвесок. Князь Потемкин взял из лавок напрокат двести люстр.

На других возах лежали длинные - в полтора человеческих роста зеркала. В них отражалось все: весенняя петербургская слякоть, чуть подсиненное, северное небо, широкая Нева, грязные лапти мужиков-подводчиков, малиновый кафтан какого-то иностранца-художника, который в башмаках и шелковых чулках смело шлепал по лужам, за всем смотрел, отдавая приказания налево и направо.

С другого конца ко дворцу подъезжали возы с тускло желтевшими многопудовыми глыбами воска для шкаликов и иллюминации. Светлейший взял из придворной конторы четыреста пудов воску.

Медленно тащились возы с кадками диковинных заморских растений. У них все - и листья и цветы - было какое-то не похожее ни на что свое, русское, привычное.

В самом доме чувствовалась не меньшая суета, слышался стук молотков.

Художники, закинув вверх головы, стояли, осматривая дело рук своих. Измазанные в извести, сновали маляры. Декораторы разворачивали яркие штофные ткани.

В настежь раскрытые высокие окна виднелись вазы и статуи из мрамора. Голые девки, не очень стыдливо, одной ручкой, прикрывавшие крутую грудь; жилистые, икрятые бородачи; пухлые, но не сопливые, а чистенькие ребятишки с крылышками.

Все эти приготовления делались к большому празднику, который захотел устроить князь Потемкин в благодарность за царские милости, за ласковый прием, за торжественную встречу, оказанную ему как победителю турок, покорителю неприступного, гордого Измаила.

О будущем празднике в Таврическом дворце говорили удивительные вещи: будто по железным трубам потечет горячая вода, чтобы одинаково тепло было во всех высоких покоях, чтоб не иззябла матушка-императрица.

Говорили, будто для простого люда на площади перед дворцом будут поставлены столы с угощением - медовым квасом и сбитнем, с разными подарками - лаптями, котами, шляпами, кушаками, лентами.

Императрица не могла никакими чинами и орденами наградить больше князя Потемкина, потому что он уже все имел. Екатерина подарила светлейшему этот богатый дворец, который был пожалован Потемкину в первый раз три года тому назад и который

Потемкин продал тогда в казну за четыреста шестьдесят тысяч рублей. Кроме дворца, светлейший получил от императрицы фельдмаршальский мундир, украшенный драгоценными камнями, стоившими двести тысяч рублей.

И князь Потемкин решил дать в честь взятия Измаила такой бал, какого еще никто никогда не давал в Санкт-Петербурге.

По грязной, весенней дороге из Санкт-Петербурга на Выборг медленно тащилась ямская тройка.

На козлах, рядом с ямщиком, трясся толстоносый солдат. Сонными, осовелыми глазами он тупо глядел по сторонам. В повозке никого не было, повозка была пуста.

Чуть впереди тройки, по обочине дороги, по вытопанной пешеходами и уже просохшей тропочке, быстро шел старик. Он был в сапогах, белых полотняных штанах и такой же куртке. Легкий ветерок трепал завитки его белокурых поседевших волос - шляпу старик держал в руке.

Он шел, глядя на зеленеющие поля, на трепыхавшихся в вышине жаворонков, на голубое небо, но думал не о небе, не о зеленях.

...Князь Потемкин хорошо отомстил Суворову за его прямоту, за резкий ответ.

Солдат, участников измаильского штурма, наградили серебряными медалями, офицерам дали золотые кресты, а Суворов не получил ничего.

Разве можно считать назначение подполковником в лейб-гвардии Преображенский полк за награду? Конечно, полковником в нем - сама императрица, но подполковник-то не один, а еще до Суворова насчитывалось десять человек. Все родовитые Репнины и Салтыковы, вся бездарь, вроде Долгорукова или Разумовского, удостоились этой великой чести раньше Суворова!

Своего возлюбленного Потемкина императрица встретила как победителя, как Цезаря, а о Суворове - не вспомнил никто!

Его давило негодование. Он никак не мог примириться с этой несправедливостью, с этим вероломством.

Суворов совсем распахнул кафтан и бежал по обочине еще быстрее.

Тройка с каждой минутой все больше оставалась позади.

"Цитерное молодечество (Любовные похождения) - выше всяких военных талантов, выше побед! А он-то, он сам, о чем думал? О справедливости?! Дон-Кишотом был, Дон-Кишотом и остался!"

И, наконец, сегодняшняя "купоросная пиллюля": назначение Суворова к войскам в Финляндию - осмотреть, надежны ли укрепления на северных границах России.

Все это понятно даже младенцу.

Завтра в Таврическом дворце Потемкин дает бал в честь взятия Измаила. Не пригласить, обойти Суворова, которому Россия обязана взятием Измаила, нельзя, а пригласить - значит чествовать Суворова. И Потемкин нашел благовидный предлог услатить его подальше: победителя выгнали из Петербурга.

Вот она, благодарность! Вот он, "вернейший друг", как называл себя в письмах к Суворову князь Потемкин.

"Ну что ж, веселитесь! А я тем временем потружусь. Мое дело не пропадет! Границы России должны быть крепки везде - на юге и на севере. Работы много, надо спешить!"

Суворов обернулся и нетерпеливо махнул рукой. Ямщик ударил по лошадям. Тройка подкатила. Суворов вскочил в повозку и бодро приказал:

- Погоняй!

И тройка, разбрызгивая во все стороны грязь, помчалась вперед.

"Хотите отмахнуться, забыть победителя Измаила? - думал Суворов. Пожалуйста, забывайте! Но отечество, но русский народ - не забудет!"

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава первая

"УРА, ФЕЛЬДМАРШАЛ!"

Не мщением, а великодушием
покорена Польша.
Суворов
I

здавна повелось: в мирной обстановке, после утреннего чая, отдохнуть часок. Попеть по нотам свои любимые концерты Бортнянского или Сартия.

Пение любил с детства. В Москве и в подмосковном Рождествене пел на клиросе дискантом - слух всегда был отменный; а возмужал - стал петь басом.

Но сегодня воскресенье, скоро идти к обедне. Там вдоволь напоешься.

А пока захотелось ответить на одно приятное письмо. Бывший соратник, подполковник граф Цукато, просит позволения написать биографию Александра Васильевича.

Наконец дошло до того, что жизнью Суворова любопытствуются другие!

Писал адъютант Антинг, старался. Первая часть - еще туда-сюда, а во второй Антинг скворца дроздом встречает. Надобно исправить солдатским языком. Придется поручить подполковнику Петру Никифоровичу Ивашеву. Он пять лет при Суворове главным квартирмейстером, человек свой, русский, все знает, пусть исправит.

А теперь вот - Цукато. Может, у него получится лучше...

Задумался над своей, такой полной превратностей жизнью.

За признанием - немилость, за падением - взлет.

Измаильский стыд до сих пор, четыре года спустя, жжет его щеки. Тогда Потемкин устроил так, что победителя Рымника и Измаила разжаловали в строителя крепостей. Заставили полтора года томиться в Финляндии. Сделали захребетным инженером.

Сколько крови испортило Суворову это финляндское "затмение", как прозвал он сам эту ссылку. Как рвался он оттуда! Писал своему всегдашнему адресату Димитрию Ивановичу Хвостову.

Хвостов женат на его родной племяннице Грушеньке Горчаковой. Он уважает дядюшку Александра Васильевича, всегда столь исправно отвечает ему на письма, сообщает обо всем, что происходит при дворе, в Петербурге.

Суворов огорченно говорил:

- Баталия покойнее, нежели лопатка извести и пирамида кирпичей!

- Бога ради избавьте меня от крепостей, лучше б я грамоте не знал!

Наконец вняли просьбам, вызволили. Зимой 1792 года послали в Херсон начальствовать над тамошними войсками. Но это - что в лоб, что по лбу: в Херсоне опять те же укрепления, те же госпитали. Опять выходил из себя, писал:

Я не инженер, а полевой солдат. Знают меня Суворовым, а зовут Рымникским!

Просился у царицы в Польшу - на западе сгущались тучи. В Польшу Екатерина не пускала. Терпеливо ждал. Но глаз не спускал с запада. Опытный глаз видел: здесь заговорят пушки.

И он оказался прав - дело началось.

Румянцев, российский Нестор, великий полководец, вызвал Суворова из Херсона. Дал поручение отвлекать поляков от главного театра военных действий.

Задача - обидно мала. Постыдно мала. Ему ли этим заниматься? И все-таки Суворов согласился: лишь бы поближе к делу!

И тут опять восторженулся Петербург, все эти дворцовые паркетные шаркуны, все завистники. Постарались свести решение Румянцева к нулю: Суворов получил ордер - вместо сражений с врагом в поле - устраивать "магазинны", готовить провиант для других генералов, которые предполагали растянуть кампанию на год, не меньше.

А Суворов не собирался вести войну так долго. Еще до выступления в поход он обещал окончить все в 40 дней. И теперь обещанное сдержал: в 42 дня кампания была закончена. У Суворова никогда и ни в чем слово не расходилось с делом.

Одним ударом приобрел мир и положил конец кровопролитию!

События опередили всех петербургских курьеров. События шли суворовскими

темпами.

Его чудо-богатыри взяли Крупчицы, взяли Брест, взяли Кобылку. Пала Прага - дело, подобное измаильскому.

И вот Суворов в самой Варшаве - победитель и умиротворитель.

"Ура, Варшава наша!" - написал он императрице. В Польше настала долгожданная тишина. Мир. Покој.

Кто старое помянет, тому глаз вон! "Все предано забвению. В беседах обращаемся как друзья и братья", - писал Суворов Румянцеву.

Нет, петербургским указчиком за суворовскими штыками не угнаться!

...Суворов окунул перо в тушь и быстро застрочил:

Почитая и любя нелицемерно бога, а в нем и братьев моих человек, никогда не соблазняясь приманчивым пением сирен роскошной и беспечной жизни, обращался я всегда с драгоценнейшим на земле сокровищем - временем бережливо и деятельно, в обширном поле и в тихом уединении, которое я везде себе доставлял.

Намерения, с великим трудом обдуманые и еще с большим исполненные, с настойчивостью и часто с крайнею скоростью и неупущением непостоянного времени. Все сие, образованное по свойственной мне форме, часто доставляло мне победу над своенравною фортуною. Вот что я могу сказать про себя, оставляя современникам моим и потомству думать и говорить обо мне, что они думать и говорить пожелают.

Жизнь столь открытая и известная, какова моя, никогда и никаким биографом искажена быть не может. Всегда найдутся неложные свидетели истины, а более сего я не требую от того, кто почтет достойным трудиться обо мне, думать и писать. Сей то есть масштаб, по которому я жил и по которому желал бы быть известным...

Дальше все мысли, так легко и плавно шедшие на бумагу, грубо перебил Прошка: он вошел и без всякого стеснения стукнул об пол, бросил начищенные сапоги Александра Васильевича.

Ах, медведь, медведь! Уж и не денщиком прозывается, а величают его "главный камердинер", а все не помогает: как ни назови, все такой же чурбан!

Однако пора одеваться. Пора к обедне.

II

Вот, братцы, воинское обучение.

Господа офицеры! Какой восторг

Суворов

Полки стояли у церкви. Ожидали, когда окончится обедня. Офицеры ходили перед строем, разговаривая друг с другом, потирали стынущие уши - каска не уберегала от холода, - стучали рука об руку; морозило изрядно.

Солдаты, стоявшие "вольно", приплясывали на месте, переговаривались, кое-как коротали время.

На деревьях и заборах сидели мальчишки, мерзли, но терпеливо ждали, когда начнется парад: застучат барабаны, загремит музыка, пойдут, маршируя, по улицам полки. То и дело слышалось:

- Ясь, патшай! (Ясь, смотри!)

- Стась, ходзь тутэй! (Стась, поди сюда!)

Кое-где кучками стояли и взрослые, смотрели на русские полки.

- Теперь уж попривыкли к нам, не боятся, - усмехнулся Башилов.

Он только что вернулся в полк после ранения. Голова еще была завязана, каска сидела на самой макушке.

- Ты сам не хуже их боялся бы, ежели бы тебе столь набрехали, буркнул седой капрал Воронов.

- Тебя, брат, не было, - оживленно заговорил Зыбин. - Мы еще на той стороне Вислы стояли, как к нам в лагерь старый поляк зашел.

- Ну и что же?

- Пришел и говорит: вижу, что вы такие же люди, как и мы. А нам, говорит, наши паны да ксендзы сказывали, будто вы и на людей не похожи. И что все вы не из Москвы, не из Витебщины аль Киевщины, а из Сибири. И людей, особливо детей, жаривши, едите...

Смеху-то, - скалил зубы говорливый Лешка Зыбин. - И вот потому, говорит, на всех нас такой страх нагнали. Мы все "утекли до лясу". А как прошли ваши войска, вернулись мы, говорит, до дому, видим - все в доме целехонько. Даже глечик - это по-ихнему кувшин - с водой как стоял на лавке, так и стоит. Теперь, говорит, знаю: сбрежали паны да ксендзы. Они нас только дурачат да сами грабят...

- Вольно ж собаке и на владыку лаять, - согласился Башилов.

- Капитан Лосев велел поднести старику стаканчик вина. Мы его накормили щами да кашей.

- Отчего это наш капитан такой невеселый ходит? - спросил Башилов. Аль нездоров?

- Заскучал наш капитан, - ответил Зыбин.

- А не хвастай, не говори пустого! - вмешался Воронов.

- Что ж он такое и кому говорил?

- Денщик сказывал, как-то в компании расхвастался: мне, мол, за Мачинскую баталию еще полагается, мне за то да мне за это...

- Верно, он при Мачине, да и при Бресте, и при этой самой Кобылке храбро себя держал. Не знаю, как тут, под Варшавой, меня ведь не было, сказал Башилов.

- В штурме первым по лестнице на вал взошел. Он храбрый, это точно, подтвердил Огнев.

- Так скучать-то чего?

- А того, что батюшка наш Александра Васильич к награде его, слышно, не представил - он хвастунишек не жалует. Да и таких, которые языком любят чесать, - глянул на Зыбина Воронов, явно относя последние слова на его счет. - Хвастать не косить - спина не болить! Вот и будет капитан теперь помнить...

- Скоро ль обедня отойдет? - перевел разговор Огнев. - Мороз потаскивает.

- Сегодня Александра Васильич долго поучение говорить не станет, заметил Зыбин, - сразу с "больницы" начнет: "Солдат - дорог. Береги здоровье..." А потом: "Ученье - свет", и конец: "Вот, братцы, воинское обучение. Господа офицеры, какой восторг!" Дельно это у него придумано!..

Суворов возвращался с обедни веселым. Сегодня думал говорить свое обычное поучение войскам коротко, в полчаса, а проговорил полтора. И всему причиной - репнинские полки.

Едва начал Александр Васильевич говорить, как увидел: в Рязском полку скривился господин полковник, недовольно поджал губы и Азовский. Понял, сразу же прочел их мысли:

"Опять поучение? И чего? Такой холод, а он.."

"Да, да, опять! Николай Васильевич Репнин, конечно, ничем таким не утруждали. К морозу не приучали. Неженки! Вот мне шестьдесят четыре года, а я стою в одном мундире, без перчаток - и хоть бы что. Солдат ко всему должен привыкнуть! Солдат и в мирное время - на войне!"

И сразу же мысль - проучить.

"Мои чудо богатыри - привыкшие, выстоят. А вам - впредь наука!"

И после "больницы" Александр Васильевич начал все свое поучение с самого начала.

"Каблуки сомкнуты. Подколенки стянуты. Солдат стоит стрелкой: четвертого вижу, пятого не вижу..."

Он улыбнулся, вспомнив, с какими лицами встретили промерзшие, заочневшие офицеры репнинских полков эти заключительные слова его поучения:

"Вот, братцы, воинское обучение! Господа офицеры! Какой восторг!"

III

До утра было еще далеко, но в камердинерской уже не спали. Прошка, взлохмаченный

и хмурый, сидел на полу возле таза, в котором обычно целую ночь горела свеча. Насупив брови, Прошка опралял нагоревшую свечу. Был мрачен и зол

Повар Мишка, курносый, толстощекий, с жиденькими чернявыми усиками, лежал на тюфяке, глядел на Прошку.

Сзади за ним, у стены, виднелась курчавая седая голова и такая же седая бороденка фельдшера Наума. Фельдшер безмятежно храпел: в ближайшее время ему никакого дела не предвиделось.

- Совсем одурел старый,- сонным голосом говорил Прошка. - И без того спит мало, а ноне вовсе сна лишился: ждет. И только об нем, об этом, прости господи, жезле у него разговору... Ходит, в окна глядит - не едут ли. И знай посылает; выдь на крылец гляди. А чего тепер увидишь: темень, ночь. Ему нипочем - спал человек аль нет. Замучил.

- Так вы же, Прохор Иваныч, с вечеру хорошо дрыхли, - улыбнулся повар.

- Чую, где ночую, да не знаю, где сплю? - вопросительно глянул на него Прошка, подымаясь с полу.

- Нет, правда. Почитай, от самого обеду спали... Можно выспаться.

- Тоже скажешь: выспался. - Прошка смерил повара презрительным взглядом. - Эх ты, кастрюля! Мало ли когда что было. Да я и в позапрошлом годе спал, так и это считать? Сколь ни спать, а и завтра не миновать. Много ты понимаешь, поварешка? Я ежели и сплю, то у меня сон, коли на то пошло, соловьиный...

Он подошел к своему тюфяку, лежавшему на лавке, повалился на него и тут же захрапел.

- Соловьиный, - залился беззвучным смехом толстощекий повар. - Ой, чудак! Соловьиный! Да у тебя, брат, медвежий, а не соловьиный сон. Ишь, спит. Тепер его никакой пушкой не пробьешь!

В комнате, которая служила и спальней и кабинетом, было жарко натоплено. Суворов в одном белье и туфлях быстро ходил из угла в угол, думал.

Иногда останавливался, прислушиваясь: не звенят ли за окном бубенцы? Нетерпеливо заглядывал в окна. Но при свете двух свечей, горевших на столе, виднелись сквозь стекла только голые кусты сирени, росшие у дома.

Почему-то припомнилась такая же, почти бессонная, ночь в Яссах, после Измаила, когда приехал к Потемкину.

- Великий человек и человек великий, - повторил он свой стародавний каламбур о Потемкине.

Жил, властвовал и умер. Умер вскоре после взятия Измаила Суворовым.

Бесспорно, для русской армии Потемкин сделал много.

Он так же, как Румянцев и Суворов, добивался улучшения в обмундировании, вооружении. Он понимал никчемность всех этих солдатских буклей, косичек, петличек и пряжек. Это он сказал:

- Если б можно было счесть, сколько выдано в полках за щегольство палок и сколько храбрых душ пошло от сего на тот свет.

В этом Потемкин - великий человек. Но в делах человеческих он был только человек великий. Великий ростом. Завистливый, непостоянный.

Если бы он был жив, что сделал бы сейчас? Неужели и тепер противился бы тому, чтобы императрица пожаловала Суворову фельдмаршальство?

Вот он, долгожданный день!

После стольких лет унижения Суворов наконец - фельдмаршал.

Военная карьера Суворова развивалась туго. Все приходилось брать с бою, не так, как другим, к примеру, Репнину. Репнин в 28 лет был уже генерал-майором.

Как он надменен, Николай Васильевич Репнин! Отвратительно повелителен и без малейшей приятности. Еще так недавно, месяц назад, он придирался к Суворову, норовил приказывать, а тепер придется самому сноситься с фельдмаршалом Суворовым рапортами.

Суворов потер от удовольствия руки и вполголоса запел:

- Тебе бога хвалим...

И так за пением не заметил, как в самом деле под окном зазвенели бубенцы. Рванулся к двери.

- Прощка! Приехали!

Не дожидаясь мешковатого Прощки, сам, как был не одетый, так и проскочил через камердинерскую в сени, на крыльцо. Распахнул дверь.

У самого крыльца, мотая головами, стояла тройка лошадей. Шелестели бубенчики, говорили люди.

- Да скоро ли ты? - не выдержал, окликнул племянника Суворов.

- Иду, дяденька!

Из саней вылезал в шубе, точно медведь, племянник, сын старшей сестры Александра Васильевича Анны, Алеша Горчаков.

А Прощка, подошедший к Суворову сзади со свечою в руке, бубнил на ухо:

- Ступайте в комнаты, простудитесь. Как маленькие! Без вас внесут, никуда жезл этот не денется...

Алеша шел уже, путаясь в длинных полах шубы. В руках он нес большой узел.

Суворов обнял его.

- Я с холоду, дядюшка!

Вошли в комнату. Горчаков положил узел на стол и вышел в камердинерскую снять шубу. Дух в озябшие руки, вошел к Суворову в спальню.

Суворов осторожно разворачивал узел.

Мундир фельдмаршальский, шитый золотом.

- Это императрицын подарок. Маменька и Наташа мерку давали. Не знаем впору ли будет?

- Впору, впору! - улыбался Суворов, а руки нетерпеливо шарили в узле.

- Это алмазный бант на шляпу, - сказал Горчаков, когда Суворов вынул сверточек поменьше.

- А это - фельдмаршальский жезл.

Пятнадцать тысяч рублей стоит, дядюшка!

- Он мне пятнадцати миллионов дороже: в нем моя свобода! Орлу развязали крылья!

Суворов схватил стул, легко перепрыгнул через него, крикнул:

- Репнина обошел!

Поворотился, легко перепрыгнул стул снова.

- Салтыкова Николая - обошел!

- Салтыкова Ивана - обошел!

- Прозоровского - обошел!

- Долгорукого - обошел!

- Каменского - обошел!

- Каховского - обошел!

- Эльмпта - обошел!

- Мусина-Пушкина - обошел! - прыгал он через стул туда и обратно.

Племянник смеялся, глядя на шалости развеселившегося Александра Васильевича.

- Помилуй бог, легок стал: хорошо прыгаю! - улыбался Суворов, окончив свой счет.

Он раскрыл дверь в камердинерскую:

- Прощка, закусить полковнику! И к племяннику:

- Ну, Алешенька, рассказывай!

Горчаков вынул из-за пазухи бумаги:

- Вот рескрипт императрицы и письмо.

Суворов бережно взял обе бумаги. Поднес к свече.

На одной стояло:

Ура, фельдмаршал!

Екатерина.

На другой:

Вы знаете, что как я не произвожу никого чрез очередь и никогда не делаю обиды старшим, но Вы, завоевав Польшу, сами себя сделали фельдмаршалом.

- Вот письмо Наташи.

Суворов развернул, увидел милые сердцу строчки:

графиня Наталья Суворова-Рымникская

Не стал читать, спросил:

- Здорова? Мама, Груша, Димитрий Иваныч?

- Все слава богу...

- А это чье? - спросил Суворов, принимая толстый пакет.

- Гаврилы Романовича.

- А, посмотрим:

Милостивый государь!

Преисполнен будучи истинной любви к Отечеству, почтения ко всему тому, что называется мужество или доблесть, уважения к громкой славе Россиян, обожания к великому духу нашей Государыни, беру смелость поздравить Ваше Сиятельство и сотрудников Ваших с толико знаменитыми и быстрыми победами.

Ежели б я был пиит, обильный такими дарованиями, которые могут что-либо прибавлять к громкости дел и имени героев, то бы я Вас избрал моим и начал бы петь таким образом:

Пошел - и где тристаты злобы?

Чему коснулся, все сразил.

Поля и грады стали гробы.

Шагнул - и царства покорил.

(Тришат - военачальник.)

- Очень мило. Помилуй бог! Спасибо! Ну что ж ты одну водку тащишь? А закуска, редька где? - встретил он Прошку, который нес штоф и чарки,

- Да ведь с дороги-то первой всего - водка, - сказал, облизывая губы, Прошка.

- Тебе - что с дороги, что в дорогу - она первой всего! Сказывай, Алешенька, что же в столице говорят?

- Все только и говорят о ваших победах, дядюшка. Когда Исленьев приехал с ключами Варшавы и хлебом-солью, на другой день во дворце был выход при большом съезде. Безбородко читал объявление о причинах войны, потом служили молебен благодарственный с коленапреклонением и пушечной пальбой. Императрица отведала варшавского хлеба-соли и собственноручно поднесла его Наташеньке. Похвалила: "Хлеб в Варшаве хорош, вкусен!"

- Не обидим Варшаву! - вставил сиявший от радости Суворов.

- Потом был парадный обед во дворце. В середине его императрица объявила о возведении вас в звание фельдмаршала. Пили ваше здоровье при двухстах одном пушечном выстреле.

- Помилуй бог, сколько пороху истратили! Ну, Алешенька, давай выпьем и мы.

Дядя и племянник выпили.

- Ешь, закусывай!

Горчаков ел и рассказывал:

- Императрица лестно говорила о вас. При всех несколько раз напомнила мне: "Заботьтесь о здоровье фельдмаршала".

- Потемкин в гробу переверотился! - смеялся Суворов. - А что все эти придворные трутни? Как же они перенесли назначение Суворова фельдмаршалом?

- Императрица никому об этом заранее не говорила. Даже начальник военного департамента Николай Салтыков не знал.

- А что же Николай Салтыков говорил: чем бы меня наградить должно?

- Довольно, говорит, с него и генерал-адъютанта.

- Это его Марфуша, жена, говорит, а не он. Своего ума Николай Иванович не имеет...

- Долгорукий и Иван Салтыков, те так были обижены, что просились уволить их со службы.

Суворов расхохотался:

- От них обоих как с козла молока; Долгорукий известно: в поле - с полком; с поля - с батальоном. А Ивашка - ну, тот богом обижен.

Его тридцать лет назад надобно было бы уволить. Но это все военные, это товарищи. В одних ножнах, как сказано, двум шпагам не бывать. А что же говорят статские, иностранная часть?

- Страсть как довольны. Говорят: Суворов заставил Европу бояться России. За границей наконец увидали, поняли нашу силу!

- Еще не один раз Европа почувствует силу русских! - уверенно сказал Суворов.

В камердинерской все уже проснулись - суворовский день начался. Прошка пребывал в своем неизменном ворчливом настроении.

- Через стулья прыгает. Фитьмаршал. Смехота!

- Нет, с тобой водку на радостях станет пить? - подрезал Наум. - Да кабы тебе такой жезл, что пятнадцать тысяч стоит, так ты через этот шкаф сиганул бы, а не то что. И потом - понимать надо: одно слово - фитьмаршал. Ему, брат, теперь все дозволено!

IV

Александр Алексеевич Столыпин не без волнения подходил к усадьбе Тогневского у Лазенок, где жил фельдмаршал Суворов. Столыпин приехал в Варшаву из Петербурга к Суворову на службу.

Когда он уезжал из Петербурга, ему пришлось послушаться разных рассказов о фельдмаршале: Суворов был притчей во языцех.

Одни хвалили его за доброту, за ум, превозносили его военные таланты. Другие, наоборот, говорили, что в военных делах Суворову просто везет, что угодить ему нелегко - человек он с большими странностями, - язвительно замечали, что "чин его по делам, но не по персоне".

И те и другие передавали многочисленные истории о фельдмаршале Суворове, которые ходили по Петербургу. Где в них правда, а где вымысел сказать невозможно.

Еще во время путешествия в Крым императрица, награждая генералов, будто бы спросила Суворова, нет ли и у него какой-либо просьбы.

- Матушка-царица, хозяин покою не дает; задолжал я ему.

- А много ль?

- Три с полтиной, матушка!

Рассказывали, как Суворов, встретив барабанщика, уступил ему дорогу:

- Барабанщик - важен, его слушается сам Румянцев. Ему повинуются наши ноги.

С улыбочкой шептали на ухо, будто бы у Суворова есть печать. На ней изображена скала, от которой отскакивают стрелы. А под скалой надпись: "Рази, рази, м. т.!" И, конечно, больше всего было разговоров о том, что фельдмаршал Суворов не терпит немогузнайства: солдат должен быть находчив, должен отвечать быстро и на всякий вопрос. Предупреждали Столыпина: Суворов требует, чтобы офицер читал книги, но не какую-либо "Пригожую повариху", а "Книгу Марсову" или Плутарха.

Столыпин чувствовал себя неважно - не хотелось бы срамиться. Плутарха он в руки не брал, а "Книгу Марсову" только перелистал. Толстенный том, и, право же, нет охоты его читать.

Из книг Столыпин привез с собою в Варшаву лишь одну: недавно купленный песенник - "Эрато, или приношение прекрасному полу на новый, 1795 год". Это читать легко и приятно.

И теперь, идучи, Столыпин все старался предугадать: о чем же может его спросить Суворов - далеко ли до солнца, много ли рыбы в Висле?

Усадьба Тогневского - небольшой одноэтажный домик с садом - стояла у самой дороги. В саду, между деревьями, пестревшими яркими осенними красками, виднелась палатка.

Бросилось в глаза: у дома фельдмаршала не было часовых.

Перед крыльцом стояла карета с парой лошадей. Усатый кучер в четырехугольной шапке и кафтане, очень похожем как у митрополичьих певчих, важно восседал на козлах. Лакей в белых перчатках ходил возле кареты.

Столыпин взошел на крыльцо, открыл дверь в переднюю.

Старый солдат, сидевший у окна и нюхавший табак, даже не пошевелился.

Дверь в следующую комнату была раскрыта. Столыпин несмело шагнул. На него глянуло потертое, все в морщинах лицо генерал-адъютанта Тищенко. Рядом с ним стоял племянник Суворова Алексей Горчаков, знакомый Столыпину по Петербургу.

- А, Сашенька, здравствуй! Когда прибыл? - приветливо встретил Столыпина Горчаков.

- Сегодня.

- На службу?

- Да. Когда я буду иметь счастье представиться фельдмаршалу? - спросил Столыпин у Тищенко, здороваясь с ним.

- Будет время, - неласково буркнул Тищенко и вышел из комнаты.

Столыпин вспыхнул.

- Коли он не хочет, я сам представляюсь!

- Погоди, - тронул его за локоть Горчаков. - Я все сделаю. Пойдем, дядюшка в сад, в палатке.

И Горчаков повел Столыпина в сад. Из палатки слышались голоса: говорили по-польски.

- Ну, как ехал? Что там у нас, дома? Тепло, дождей еще нет?

- Ехал хорошо. В Петербурге тоже тепло.

Из палатки вышел Тищенко.

- Долго они там? - спросил Горчаков.

- Сейчас уезжают. Уже написал.

- Опять Наташе придется принимать незваных гостей,

Столыпин смотрел, не понимая, о чем у них речь.

- Поляки - одни и с женами - едут по своим делам в Петербург. И все лезут к дядюшке - военные и статские - за рекомендательными письмами. А он никому не отказывает, пишет Наташе: прими, мол, "окажи по востребованию нужное пособие", "будь ласкова", "приятствуй". И этак каждый день. Точно у Наташи постоялый двор.

- Пользуются его добротой. Совести у людей нет, - недовольно прибавил Тищенко.

В это время из палатки вышли, кланяясь, поляк и полька. Сзади за ними шел Суворов. Он был в кителе и каске.

- Съличне дзенькуемы! (Чрезвычайно благодарим) - благодарили они фельдмаршала.

- Сченстливэй подружи! (Счастливого пути!) - любезно провожал их Суворов.

Когда гости ушли, Суворов быстро обернулся к своим. Вопросительно глянул на вытянувшегося в струнку Столыпина.

- Адъютант Столыпин! - представил Тищенко.

Суворов приложил руку к козырьку каски. Спросил:

- Где служил отец?

Кажется, все передумал - и сколько верст до луны, и много ль звезд на небе, а об этом и не подумал.

- Не знаю, ваше сиятельство, - невольно вырвалось у Столыпина.

Краска залила все лицо. Стало жарко.

"Все пропало. Все кончено. Сейчас закричит, прогонит!"

Суворов приложил палец к губам и удивленно процедил:

- В первый раз... Не знаю?

- Алексей Емельянович служил по статской, - пришел на помощь Горчаков.

Столыпин покраснел еще пуще: он слышал, что фельдмаршал страсть не любит статской службы.

И тут словно молния прорезала: да ведь батюшка же отставлен при Петре III, лейб-кампанцем!

- Нет, ваше сиятельство, вспомнил! - обрадованно закричал Столыпин. Вспомнил! Не статский, военный! Батюшка служил в лейб-кампании!

Все рассмеялись.

Со Столыпина катил пот.

Суворов хлопнул его по плечу:

- Не робей, Столыпин! И на Машку живет промашка! Ступай отдохни, а завтра за работу!

V

Репутация оригинала, которую он ловко сумел приобрести себе, служила ему для того, чтобы давать безнаказанно и к стати колкие ответы или искусные уроки.

Ланжерон

Адъютант Столыпин ехал позади Суворова и его главного квартирмейстера подполковника Ивашева. Фельдмаршал сегодня решил побывать в нескольких полках, расположенных неподалеку от Варшавы. Столыпин был доволен, что ему пришлось сопровождать Александра Васильевича.

Стоял сентябрь, ясное бабье лето. Солнечный безветренный день был по-осеннему прозрачен и чист. Куда-то вдаль, не спеша, летела осенняя тонкая паутина. Столыпин то и дело смахивал ее с лица.

Он ехал, глядя на толстый затылок подполковника, на молодцеватую посадку Суворова. Глядя на него, бодрого и крепкого, невольно вспоминались его ровесники, вроде генерал-аншефа Александра Прозоровского, который был немощен и дряхл и не мог без посторонней помощи влезть в седло.

Столыпин уже около месяца служил у Суворова, начинал понемногу узнавать его, свыкался с его обычаями.

Напрасно некоторые знакомые в Петербурге пугали Столыпина, что служить у графа Суворова будет трудно. Правда, день у него начинался не тогда, когда у других, а необычайно рано - Александр Васильевич вставал в два часа ночи, - но ведь у каждого свои привычки.

Служить адъютантом у графа Суворова было едва ли труднее, чем у надменного Репнина, скупца Николая Салтыкова, которым командовала жена, или у взбалмошного Каменского. Каменский однажды отколотил арапником своего родного сына за то, что тот, как показалось отцу, недостаточно быстро явился к нему.

Нелегко было служить и у покойного Потемкина: от княжеских причуд доставалось адъютантам.

Суворов - порывист и горяч, но, в сущности, чрезвычайно добрый человек.

Все его "причуды", о которых так был наслышан Столыпин до приезда в Варшаву, здесь получили совершенно иное освещение.

Завистники Суворова из придворных, все семьи девяти генерал-аншефов, которых обогнал в фельдмаршальстве неродовитый Суворов, их родственники и друзья - все старались обнести Суворова, рассказывая о нем разные небылицы. Особенно изощрялись в насмешках над тем, как генерал-аншеф Суворов, теперешний, стало быть, фельдмаршал, пел в польском походе петухом.

- Слыхали, наш-то фельдмаршал каков? Петушком поет! - хихикали петербургские сплетники, резонно умалчивая, при каких обстоятельствах и зачем это делалось.

Ко всем рассказам о Суворове Столыпин старался относиться беспристрастно, но все же невольно думал и сам: действительно, чего ради почтенный человек, фельдмаршал, так, за здорово живешь, поет петухом? Это его тоже коробило.

Но в Варшаве он узнал настоящую подоплеку кочетиного пения Суворова. Обо всем рассказал ему шурин, секунд-майор Аким Васильевич Хастатов, старый сослуживец Суворова.

- Шли мы,- словоохотливо рассказывал Хастатов,- по чужой земле. Кругом много всякого народу: кто за нас, кто против, как их разберешь. Значит, надо держать ухо востро. Вот наш батюшка Александр Васильевич и дает приказ: "Войскам выступать, когда петух запоет!" Коротко и ясно. Теперь надо понимать насчет петуха. Ежели бы это был обыкновенный петух, тогда всякий младенец знает: петух поет перед полночью и перед светом.

Значит, легко предупредить своих - дескать, русские выступят тогда-то, встречайте. Но что делать, коли это петух необыкновенный, суворовский? И поет он, когда захочет. И вот часиков в семь вечера наш батюшка вскочит с сенника, хлопнет в ладоши, закричит "кукареку", барабанщики ударят в барабаны, трубы подхватят, и, глядишь, через десять-пятнадцать минут нас и след простыл. Лови, лях! Кто не знает, тому, может, и, верно, смешно: генерал-аншеф по-кочетиному заливается. А как знаешь, тут не смеяться, а удивляться надо: умен, осторожен человек!

Столыпин был согласен с шурином. Он видел: Суворов прикидывается, играет роль, а на самом деле не так прост, как может показаться поверхностному, ненаблюдательному человеку.

...Всадники проехали небольшой лесок и вдруг очутились перед лагерем Елецкого полка.

Был полдень. Лагерь отдыхал.

Стоявший у пирамиды часовой, видимо, сразу признал фельдмаршала.

- К ружью! - истошно закричал он.

Суворов скакал куда-то в гущу палаток, к середине лагеря.

"Куда он?" - шпоря своего коня, недоумевал Столыпин.

Фельдмаршал осадил коня у палатки, возле которой стоял огромный, с добрую кадку барабан.

- Яков Васильич! - нагибаясь с седла, окликнул весело, по-приятельски Суворов. - Яков Васильич! Господин Кисляков!

- Асеньки? Ах ты господи! - послышалось из палатки.

Палатка заходила ходуном, и через секунду из нее выскочил высоченного роста, весь седой барабанщик.

- Здравствуй, отец наш Александр Васильич! - радостно приветствовал он фельдмаршала. - А я-то сплю... - укорял себя барабанщик.

- Здорово, Яков! Ты - чудо-богатырь! Ты - русский! Барабанщик надел каску и, проворно схватив барабан, стал натягивать бунты. Сразу было видно мастер своего дела. Такой барабанщик, который и марш бьет, и воду пьет, и табак нюхает, - все в такт.

- В бою при Бресте ядро прошибло у него барабан. Яков Васильевич ворвался к ляхам, выхватил у них барабан и ударил поход. Вот он каков! рассказывал, обернувшись к Столыпину, Суворов. - Ну, как польский барабан, хорош?

- Справен, батюшка Александр Васильич. Мертвого подымет!

- Так бей тревогу, Яков!

Кисляков не заставил себя ждать. Взмахнув палками, он истоиво ударил в барабан.

- Свой народ надо знать. Румянцев через десять лет узнал в Орле сторожа, который был рядовым в Кагульском бою. По имени его назвал, поцеловал, - кричал, нагибаясь к Ивашеву, Суворов.

"Вот те и чудак! Как бы не так!" - подумал Столыпин, едучи за Суворовым сзади.

Глава вторая

В ПЕТЕРБУРГЕ

I

Замолчавший в своем углу подполковник Ивашев вдруг сладко захрапел.

"Умаялся-Петр Никифорович!"-улыбнулся Суворов.

Дорога была отвратительная - примерзшую осеннюю грязь едва прикрыл небольшой снежок. Дормез подскакивал, немилосердно тряс.

Александр Васильевич сидел с закрытыми глазами - глаза уже с год болели. Да и смотреть было не на что и некуда: стекла дормеза закрыли - на улице дул резкий ветер, за стеклами ночь, поля, снег.

"Спит, бедняга". Это я его доконал пением. Не любит Петр Никифорович петь".

От тоски и ничегонеделания в этом "путевом заточении", как окрестил свое путешествие Суворов, он взялся было за любимое развлечение на досуге петь по нотам. Ноты он возил с собою. Сам пел первым басом, а Ивашеву предложил петь теноровую партию.

Ничего не вышло.

"В военном деле спелись, а тут - кто в лес, кто по дрова. Вот издеваются над Суворовым. Дураки смеются: мол, петухом поет. А поживи с мое, запоешь и курицей!.. Финляндия. Каменношистые места. Ссылка. Херсон. Крепости да солдатские больницы. В Херсоне прожил больше полутора лет в полной праздности... И только в Польше - настоящее дело. Однако скоро ли станция?"

С каждым шагом все дальше уезжал от Польши.

"Польша - больше, - рифмовалось по привычке. - Да, сколько их при дворе, что хотят быть больше! Завистники. Пускающие плащ по всякому ветру. Сей - глуп, тот - совести чужд, оный - между ними... Клеветники. А ведь чуть не породнился с одним из этих..."

За Наташеньку сватался сын Николая Салтыкова... Наташа была в те годы как порох в его глазу. Вышла из Смольного института через два месяца после Измаила. И сразу - женихи. Замучили женихи. Замучили письма к Хвостову. Жила у двоюродной сестры Груши, которая вышла замуж за Дмитрия Ивановича Хвостова. Обуза Грушеньке. Обуза Дмитрию Ивановичу.

И тотчас же представился грязный канал, у набережной которого стоит дом Хвостовых. Щепки по каналу плывут, тряпки. Валят в него разный мусор. Насупротив дома - Никольский рынок. Лавки. Дуги. Кумачовые платки, рукавицы. Подсолнухи. Баранки.

...Крюков канал. "Крючок".

Безбородко, Александр Андреич. Секретарь Екатерины II. Говорит о Суворове: "Не нашелся в нужных по обстоятельствам мерах". Недовольны, что в 40 дней умиротворил Польшу. Вызывают к себе в Петербург. Боятся, что Суворов очень милостив с побежденными.

- Я только военный человек и иных дарований чужд!

Сразу писал Румянцеву: "Кабинетной политики не знаю..."

- В кабинете лгут, в поле бьют. Упреки Суворову: слишком мягок с поляками - не взял контрибуции, забыл прошлое.

- Человеколюбием поражать противника не меньше, чем оружием.

Отпустил на свободу 18 польских генералов и более 800 офицеров.

Каждый день к нему - просители: офицеры и статские. Едут в Петербург по своим делам. Просят оказать помощь. Любомирский, Модзалевский, Иозефович - всех не упомнишь. Писал Наташе. Все на ее плечи. Всех ей принимать, угощать...

Наташа живет уже самостоятельно. Наташа уже замужем за Николаем Зубовым. За старшим братом любимца императрицы Платона.

Суворов воевал в Польше, когда Зубов посватался.

Грушенька, Аграфена Ивановна Хвостова, двоюродная сестрица, нашептывала Наташе. У этого рука больная, тот кривой, у того нос долог.

Конечно, приискивали Наташе женишка, чтоб себе повыгоднее.

- Дешева рыба на чужом блюде!..

Отбила, отговорила разных женихов. Сватался сын Николая Салтыкова мальчик для воспитания. Подзуживала: слепой, кривой!

Потом Долгорукой Сережа. Хороший парень. Благодравен, не мот. Чиновен. Грушенька выискала, нашла: родня Николаю Салтыкову, неудобно. Дмитрий Иванович писал о нем, явно обносил: "ветроверие"...

Еще - Трубецкой. Единственный сын: добрых поступков и воспитания. Премьер-майор. А оказалось - пьет. Вся родня пьет. В долгу как в шелку.

Дальше - Эльмпт, самый приятный Александру Васильевичу из женихов. Юноша тихого портрета. Лица и обращения не противного. В службе беспорочен. По полку - без порицания. Хвостовы высмотрели - у Эльмпта рука плоха. От дуэли. Так не так, а брак.

И вот - пятый...

Раз-два-три-четыре-пять,

Вышел зайчик погулять...

Вышла замуж.

За жениха предстательствовала сама царица. А Наташа раз уже писала: она без отрицания исполнит волю отца.

Купно с волею Императрицы.

Люб или не люб - уговорили. Двухлетнюю девчонку легко уговорить молодо-зелено. Жених-то не стар, но и не из очень молодых: на десять лет старше невесты.

Николая Александровича Зубова Суворов давно знает. С турецкой кампании. Служил ничего. Александр Васильевич посылал его из армии к царице со столь радостным известием о рымникской победе.

До замужества Наташа правила судьбой отца. Теперь - отрезанный ломоть, и он свободная птица.

Свадьба была восемь месяцев назад, в апреле.

- Хорошо, что не в мае, - век маяться... ..Ох, и намаялся же в Финляндии и в Херсоне.

- Лучше бой!

Шли на приступ Праги с песней:

Ах, на что ж было огород городить.

Ах, на что ж было капусту садить?

Вспомнились стихи, что послал Державину из Варшавы в ответ на его поздравление:

Ах! Сродно ль той прибегнуть к мщенью,

Кто век свой милости творит!

Карать оставя провиденью,

Сама, как солнце, возблестит!

Поляки, магистрат города Варшавы, поднесли Суворову золотую табакерку с надписью: "Warszawa - zbawcy swemu". (Варшава - своему избавителю).

- А цел ли жезл?

Он невольно тронул лежавший позади сверток. Там шкатулка с орденами. Там фельдмаршальский мундир.

Выплыло жирное, всегда веселое лицо Безбородки.

Нескладный. Ноги толстые в белых чулках. Чулки почему-то всегда сползают. Точно покойный великолепный князь Тавриды Григорий Александрович. Неряха, Женолюб.

...Как еще Наташа убереглась? Сначала, после Смольного, жила во дворце у Екатерины

II. Царица подарила ей свой вензель, отличила. Пожаловала в фрейлины.

Александр Васильевич поступил резко, по-солдатски: взял Наташу домой. Поместил у своей младшей сестры Машеньки, а потом к старшей - Ане Горчаковой, к ее дочери Груше.

Царицын двор.

- Для двора потребны три качества: смелость, гибкость, вероломство.

Пришли на ум стихи из Ал-Корана. Сура (Сура - глава.) 109-я. Сура ал-кафирин (Глава "неверных").

Хорошо там сказано:

Я не поклоняюсь тому, чему вы поклоняетесь,

и вы не поклоняетесь, чему я поклоняюсь.

Ля а' буду ма та' будун,

ва ля антум а бидуна ма а буду.

...Надоело сидеть ничего не делая. Устал, от тряски заболела спина.

- Скоро ли приедем?

Постучал кулаком:

- Прощка, скоро ли?

- Скоро, уже видать! - весело откликнулся с козел.

- Ишь, к молодой жене едет, так не брюзжит, как муха в щели!

Молодка, молодка, молодая...

Солдатка, солдатка полковая...

запел вполголоса, чтобы не разбудить Ивашева.

Наконец приехали, стали.

- Петр Никифорович, приехали!

- Что? Что? - вскочил тот.

Суворов уже отворил дверцу и с удовольствием вылез из дормеза.

У небольшой хаты стоял с фонарем адъютант Столыпин, который - на перекладной тройке ехал впереди с поваром, заготавливая ночлег и еду.

- Ну как, мальчик? - спросил его Суворов.

- Все готово, ваше сиятельство. Постель, самовар, вода.

- Молодец!

Суворов взбежал на крылечко. Повар Мишка стоял у раскрытой двери.

- Пожалуйста сюда, ваше сиятельство!

Суворов вошел в маленькую комнатку, - в этой половине дома было всего две комнаты.

В печке ярко горели дрова. На лавке шумел самовар. За тонкой перегородкой - вторая комната. В углу возвышалось сено, покрытое простыней, лежала подушка, суворовский плащ, которым Александр Васильевич накрывался. Стояла кадка с водой, ведро.

На столе, освещая посуду и приготовленный ужин, горела в походном подсвечнике свеча.

Суворов сбросил на руки Столыпина шинель и заходил по комнате, разминаясь после долгого сиденья.

- Бисм-Аллахи-р-рахмани-р-рахИм! (Во имя Аллаха милостивого милосердного!) - повторял он.

Надо раздеваться, окатиться водой - и за чай. Он сел на табурет и подставил Прощке ногу:

- Ну, тяни сапог!

Прощка стащил сапоги.

Суворов перешагнул во вторую комнату, где стояла вода, мигом разделся и приказал Прощке:

- Лей!

Прощка облил его холодной водой.

- Эх, хор-рошо! Эх, чудесно! - приговаривал Суворов, растираясь. Готов! Полотенце!

Он схватил из рук камердинера полотенце и, вытираясь, запрыгал по комнате, напевая:

- Бисм-Аллахи-р-рахмани-р-рахИм! Бисм-Аллахи...

- Ратуйте! Матка бозка! Иезус, Мария! Ратуйте! (Спасите! Матерь божия! Иисус, Мария! Спасите) - раздался вдруг истошный бабий вопль из угла.

Что-то черное шлепнулось с печки - Суворов невольно отскочил в сторону и глядел с изумлением.

Это была старуха. Она дико вытаращила глаза на Суворова и с криком "ратуйте!" кинулась опрометью вон из хаты.

- Что такое? Откуда она? - спросил Суворов.

Столыпин бросился за старухой вдогонку. Повар Мишка, пряча улыбку, чесал в смущении голову:

- Тут, ваше сиятельство, должно, запечье есть. Стало быть, старушка задремала, не слыхала, как мы прибирали, а потом и перепугалась.

- Да вы-то чего смотрели?

- Кажись, все осмотрели, а вот какое дело...

Через минуту вернулся Столыпин.

- Ну, что она?

- Испугалась, ваше сиятельство. Говорит: думала, простите... - замялся адъютант.

- Черт, - подсказал Суворов.

- Так точно, черт!

- Конечно. Голый человек скачет по хате, говорит неизвестно по-каковски - не кто иной, как черт! - смеялся Суворов. - Старуха-то ведь по-арабски не знает. Снеси-ка ей рубль, а то еще родимчик прикинется!..

II

В пути Столыпин все время ехал впереди фельдмаршальского дормеза. Суворов приказал ему:

- Поезжай к князю Петру, скажи: никаких встреч. Солдат зря не морозить!

Князь Петр Багратион, командир егерского батальона, сразу же послушался. Он тотчас распустил приготовленный для встречи батальон и только сам дождался любимого начальника.

Суворов обнял храброго князя:

- Тебе, Петр, я всегда рад!

Лошадей быстро перепрягли, и дормез пошел трястись дальше.

Суворов всю жизнь мечтал о фельдмаршальстве,- все знали об этом. И можно было бы ожидать, что, добившись исполнения желаний, Суворов вдоволь насладится всеми почестями высокого положения.

Но и здесь Суворов поступил не так, как все.

В фельдмаршальстве ему важна была сущность: это звание открывало Суворову более широкое поле для военной деятельности на благо отечества.

Почести же Суворову были не нужны. Он не любил, чуждался их. И остался таким же простым, как всегда.

В Гродне Суворова должен был встречать с рапортом генерал-аншеф Репнин, который еще так недавно был взыскательным начальником Суворова.

В Гродне Суворову вдвойне не хотелось задерживаться: с князем Репниным он не ладил - не любил его приверженности ко всему прусскому, Репнина он обошел в фельдмаршальстве,- о чем же было с ним говорить?

И на последней станции перед Гродной Суворов отправил Столыпина просить князя Репнина не делать никаких встреч.

- Для Николая Васильевича парад важнее баталии. Да и упражнялся он больше в дипломатических изворотах. Солдатского в нем мало. Не отменит встречу, - думал вслух Суворов, отправляя Столыпина. - Ну да, впрочем, мы и сами с усами! Поезжай, доложи!

Репнина Суворов знал отменно: для него буква была важнее сущности.

- Я не могу нарушить повеления императрицы, - сказал он Столыпину, который явился в Гродне к генерал-аншефу.

Репнин остался ожидать фельдмаршала. Столыпин с адъютантом Репнина князем Гагариным, знакомым Столыпину по Петербургу, прошли к почтовой станции, где были приготовлены лошади для суворовских экипажей.

- И ты, Саша, говоришь, что фельдмаршал ни за что не остановится в Гродне? - спросил князь Гагарин, который очень хотел увидеть Суворова, так как еще ни разу не видал его.

- Разумеется.

Не прошло и получаса, как они увидели скачущую во весь опор кибитку. Рядом с кучером на козлах сидел толстощекий курносый Мишка-повар. Самая кибитка была закрыта рогожей.

Столыпин все понял.

Он засуетился, стараясь поскорее перепрячь лошадей. А князь Гагарин, не обращая внимания на кибитку (в ней, разумеется, едут слуги Суворова), ходил, вытягивая шею,

смотрел вдаль - не покажется ли фельдмаршальский дормез.

- Гляди, Мишка, чтоб у тебя было все готово! - сказал повару Столыпин.
- Будет, - улыбнулся повар. Кибитка умчалась.
- Ну что, Пашенька, видал фельдмаршала? - спросил Столыпин у Гагарина.
- Какого фельдмаршала? - удивился тот.
- Александра Васильевича, графа Суворова-Рымникского.
- А где же я его мог видеть?
- Да ведь фельдмаршал-то уже проехал.
- Где? - завертел во все стороны головой Гагарин.
- В кибитке.
- Не шути!
- Не веришь? Вон скачет графский дормез - можешь сам влезть в него и убедиться, - смеялся Столыпин.

Когда дормез остановился, Столыпин распахнул дверцу. Гагарин боязливо заглянул в него.

- Да закрывай, не студи! Какого черта! - раздался оттуда сердитый хриплый голос.

И взорам удивленного Гагарина предстала сонная небритая рожа камердинера Прохора, который, спал в дормезе, вытянувшись врастяжку.

Столыпин попрощался с Гагариным и влез к Прошке в дормез.

Гродна осталась позади.

III

В Стрельну встречать победителя Варшавы и Праги приехали князь Николай Александрович Зубов (Суворов впервые встречался с Николаем Зубовым как с зятем) и суворовские генералы Арсеньев и Исленьев.

Императрица выслала за фельдмаршалом пышный придворный экипаж "георгиевский": восьмистекольную роскошную карету, запряженную восьмеркой лошадей, и весь конюшенно-придворный штат в ливреях и галунах.

Мороз с каждым днем жал все сильнее и сильнее, и в этот день градусник показывал минус 22 градуса. К тому же дул сильный ветер. Он точно обжигал лицо и руки.

Лейб-форейторы и гайдуки с красными от мороза и ветра лицами, под стать красным обшлагам своих нарядных зеленых кафтанов на лисьем меху, толпились у крыльца, топали, оттирали носы и уши, ждали отъезда.

Фельдмаршал Суворов одевался. Зубов привез ему от Наташи новую ленту для косички и коробку пудры.

Наконец Александр Васильевич был готов.

Суворов вышел к зятю и генералам - выбритый, свежий, пахнувший своим любимым оделаваном, в новеньком фельдмаршальском мундире, шитом золотом, со всеми многочисленными русскими и иностранными орденами, со шляпой в руке, на которой сиял алмазный бант.

- Ну что ж, господа, поедем, - сказал он и так, не надевая шинели, пошел из комнаты.

"Все такой же", - подумал о Суворове Зубов.

Зубов недоумевающе глянул на генералов: в этакый мороз - и без всего, как же это?

Оба генерала шли за Суворовым и не думая одеваться. Арсеньев был в пехотном зеленом, а Исленьев в белом кавалерийском мундире. Глядя на него, делалось как-то еще холоднее.

Зубов с тоской посмотрел на свою теплую соболью шубу, соболью муфту и шапку и вышел. Делать нечего, приходилось ехать в таком же виде, в каком собирался ехать фельдмаршал.

- Да ведь уже четвертый час, темно, кто же нас увидит, - не выдержал, шепнул он Арсеньеву.

Тот лишь пожал плечами и на ходу заранее уже растирал уши.

- Помилуй бог, да я в такой карете отроду не ездal! - весело сказал Суворов, садясь в

георгиевский экипаж.

Зубов, которого уже прохватила дрожь, сел рядом с тестем. Хотелось бы хоть прижаться к соседу - ведь этакий холод, - но показать Александру Васильевичу, что боишься холода, нельзя, засмеет: солдат боится мороза!

Против них сидели, нахохлившись, Арсеньев и Исленьев.

"Хоть бы он голову накрыл", - подумал начинавший лысеть Зубов.

Но фельдмаршал сидел, держа голыми руками шляпу на коленях.

От двадцатидвухградусного мороза и ветра их защищали только восемь зеркальных стекол кареты.

Суворов сидел прямой, со своим всегдашним румянцем на щеках, и так покойно, будто в теплой горнице.

...Через полтора часа георгиевский экипаж подъезжал к Зимнему дворцу. Несмотря на холод, в Петербурге на улицах толпился народ - ждали своего прославленного героя. За каретой бежали, кричали:

- Ура! Ура, Суворов!

Этой встрече Суворов был рад. Он опустил одно окно и отвечал на приветствия народа, не обращая внимания на то, что его зять весь дрожит как в лихорадке.

Суворов сначала пошел вместе с зятем на половину Зубовых.

Когда Николай Зубов подымался по маленькой лестнице к себе вслед за тестем, он не чувствовал ни ног, обутых в легкие сапожки, ни рук, ни ушей. Дрожащими от холода губами он шепнул Столыпину, который нес за ними вещи Суворова, и в том числе его шинель:

- Твой молодец всех нас заморозил! Что он - шинели не хотел своей надеть, что ли? - не понимал Зубов.

Столыпин молча пожал плечами: что-либо говорить было нельзя - в двух шагах перед ними шел Суворов.

IV

В царском пышном доме

По звучном громе Марс

почиет на соломе.

Державин

В десятом часу вечера та же восьмерка лошадей отвозила Суворова в Таврический дворец, в котором были приготовлены покои для фельдмаршала.

Теперь Суворов сидел, надев поверх парадного мундира и всех орденов старую светло-зеленую шинель. Она была так длинна и широка, что в поездке Суворов укутывался ею с головою и ногами.

К ночи мороз еще больше усилился, хотя ветер и стих. На улицах не было видно ни души. Мороз скрипел под тяжелыми, крашенными в желто-черную краску колесами георгиевского экипажа.

"Точно бочку водовоз тащит!" - мелькнуло в голове.

Деревья стояли все в инее, как напудренные. В тусклом свете фонарей виднелись безголовые, бесформенные будочки, утонувшие в широченных тулупах.

Суворов сидел, думая о прошедшем дне: о своем торжественном въезде в столицу, о встрече с детьми - Наташенькой и сыном Аркадием, которых не видел три года, о милостивом приеме у императрицы.

Что ж, Наташенька уже - отрезанный ломоть. У нее своя семья, свои заботы. Скоро, очень скоро Александр Васильевич будет дедушкой.

Сынок Аркаша все время жил у маменьки, а теперь Варвара Ивановна передала его отцу на воспитание. Он вырос. Уезжая в Херсон в 1792 году, Александр Васильевич оставил сына семилетним маленьким мальчиком. За три года Аркаша вытянулся чуть ли не с папеньку ростом. Красивый, стройный мальчик.

"Не избаловали бы его похвалами красоте. Вырастет Нарциссом".

Матушка императрица встретила весьма ласково. "Как она еще держится молодцом.

Лет ей, кажется, уже шестьдесят пять, а все зубы и лицо свежее. Это мужику шестьдесят пять годов - ништо. У меня, вон, солдаты в таких летах какие еще крепкие и бодрые, а то ведь женщина!.." - подумал Суворов.

Усадила Александра Васильевича, угощала кофеем.

- Теперь моя обязанность - успокоить вас за все трудные и славные подвиги на возвышение отечества!

- Вами гремит в мире наше отечество, - ответил Суворов.

Забеспокоилась о нем: как доехал?

(Вероятно, князь Николай Александрович пожаловался брату, что Суворов заморозил его. Давно служил с Суворовым, отвык от солдатской жизни, а напрасно: солдат и в мирное время - на войне!)

- Как же это вы ехали в одном мундире, без шубы? Не простудились бы, сохрани господи!

- Ништо солдату и без шубы деется, - идет да греется! - шутил Суворов. - Ничего, ваше величество, я привычный!

...Невский остался позади, позади домики Литейного. Чем дальше от центра, тем все тусклее огоньки, мельче домишки. Скоро и Таврический дворец.

Вот он наконец! Вот оно, возмездие!

Тогда, в апреле 1791 года, когда в Таврическом чествовали Потемкина как победителя Измаила, Суворов лазил по финским болотам и скалам. Суворова выгнали из Петербурга. Потемкин не захотел, чтобы Суворов был в Таврическом дворце гостем, теперь же будет в нем - хозяином!

Мелькнула красивая решетка дворца.

Восьмерка круто подкатила к крыльцу и остановилась. Гайдуки раскрыли дверцы. Лакеи кинулись высаживать, поддерживать фельдмаршала, помочь сойти, но он отстранил их помощь.

- Помилуй бог, я не архимандрит, я сам!

Он проворно взбежал по ступенькам крыльца. Фельдмаршала здесь ждали: двери отворялись перед ним заранее, и лакеи в белых шелковых чулках, в шитых золотом ливреях кланялись из каждого угла, ловили его каждое движение.

Суворов, не сбрасывая ни шинели, ни шляпы, пробежал по всем роскошным покоям до самой спальни.

В небольшой уютной комнате ворох душистого чесаного - видимо, ни одного сучка, ни одного стебелька потолще - сена. Оно покрыто простынями и китайским шелковым одеялом, на котором яркие цветы и невиданные птицы. Диван. Кресла. Стол. На столе свечи. В углу - камин. Ярко горят дрова. У камина - дремлющий в креслах Петр Никифорович Ивашев.

- Я так и знал. Спасибо, что обождали, Петр Никифорович, - обрадовался Суворов. - Сейчас все расскажу!

В комнате рядом - гранитная ваза с водой, серебряный таз, ковш. Мохнатое полотенце. Зеркала все завешены.

Улыбнулся:

- Все, поди, Наташенька рассказала - что любит, чего не любит.

Вернулся в спальню. Снял шинель и шляпу.

- Да, сиди, Петр Никифорович, я к тебе сейчас сяду. Вот, чтобы не измять, - вынул из кармана толстый пакет. - Царица спросила: не забыл ли кого наградить? Я и вспомнил - капитан Лосев. Довольно наказан за хвастовство. Виноват, мол, говорю, упустил одного капитана. Хороший, храбрый солдат. Давно пора бы наградить, да больно расхвастался, так я его попридержал...

- Вина, говорит, ваша, Александр Васильевич, невелика. Он наказан поделом. Садитесь и напишите сами ему достойную награду за доблесть и ожидание, а я подпишу. Читай, все ли я помянул. Читай, Петр Никифорович, вслух, каково звучит?

Ивашев развернул толстый лист. Прочел:

Его высокоблагородию Капитану Апшеронского мушкатерского полка Сергею Лосеву
За Мачин - майорский чин,
За Кобылку и Брест - Георгия крест,
За Прагу - золотую шпагу,
За долгое терпенье - сто душ в награждение.

Екатерина

- Будет доволен? - спросил Суворов.

- Еще бы, ваше сиятельство!

- Возьми отошли. Эй, Прошка, раздеваться! Из-за портьеры бесшумно появился придворный лакей, важный, точно министр. Суворов подбежал к нему:

- Что прикажете?

- Для услуг вашего сиятельства.

Суворов окинул его с ног до головы. В таких белых перчатках помогать стаскивать ботфорты?

- Милостивый государь, возвратитесь в свою комнату. А мне прошу прислать моего мальчика!

И, повернувшись, быстро подошел к камину. Сел на корточки, протянул к огню руки:

- Хорошо. Тепло. А на дворе, Петр Никифорович, морозина - градусов двадцать пять!

Послышались знакомые, не лакейские - осторожные, а твердые Прошкины шаги.

Дверь отворилась, и предстал главный камердинер Прошка.

Он был необычайно торжествен, выбрит и чист. Мундир застегнут на все пуговицы, ни один рукав не вымазан в известке, лицо лоснилось, точно его смазали салом.

Дворцовая обстановка - люстры, гобелены, золоченая мебель - не смущала Прошку. Стесняло одно - выпиравшая, рвавшаяся изнутри икота. Сдерживался, подавлял ее.

- Вот это - иной разговор! Вот это - солдат. А то напудренный маркиз в белых перчатках станет снимать с меня сапоги!

- Лакеев полон дворец, а надобно меня тревожить... А еще - "мальчик". Какой я "мальчик"? Я главный камардин! Мне сорок годов, - выпалил одним духом и потом уже, прикрыв рот рукой, икнул Прошка.

- Ну, насчет сорока годов ты это, брат, своей куме рассказывай, рассмеялся Суворов. - А гляди-ка, Петр Никифорович, как наш Прохор Иваныч в столице похорошел, а? - повернул он Прошку за рукав. - Красив, помилуй бог, красив!

Прошка не устоял против лести - усмехнулся.

- Давайте, - икнул он, - лучше мундер, чем глупости-то сказывать, подавил он благодушное настроение.

Он бережно снял мундир и повесил его. Суворов сел в кресло, подставил Прошке ногу. Прошка привычно стянул ботфорт.

- Ну, что жена-то, Катюша, здесь? Видал уж? - подмигнул Ивашеву Суворов.

Прошка ухмыльнулся:

- Здеся.

- Как она? Все такая же толстая?

- А что ей делается?..

- Угощал?

- Угощал.

- Пряников, сладкой водочки поднеси. От меня, слышишь?..

- Премного благодарен,- икнул Прошка.- Поднесу.

Он надел барину туфли.

- Принеси варенья и воды. А их высокоблагородие ужинали? - показал он на Ивашева.

- Я сыт, ваше сиятельство. Благодарствую! - поспешил ответить Ивашев.

- Ужинали.

- Тащи вишневого. Или крыжовника. А подполковнику стаканчик наливки. И ступай

милуйся со своей Катенькой!..

-Скажете!..-в последний раз икнул Прошка и вышел.

Подав барину варенье и воду - всегдашний ужин Суворова - и стакан наливки подполковнику Ивашеву, Прошка вернулся в лакейскую. Он сидел в кругу придворных лакеев. Стол был обильно уставлен закусками и бутылками.

Катюша, толстощекая разбитная бабенка лет тридцати пяти, румяная от выпитого вина, от непривычной высокой компании, от восхищения своим муженьком, сидела в углу.

А тот, нимало не стесняясь ни такой необычной компании, ни возлияний, лил пули.

- Я же сказывал вам: без меня фитьмаршал не разденутся. Без меня и спать не лягут. Без меня они, можно сказать, ничего не стоят... Бывало в этой самой Туреччине, аль в Фильяндии, аль хотя бы и в Польще, в Варшаве... Первое дело: а где Прохор Иваныч? А Прохор Иваныч сыт? А ты, Прохор, пил-ел?

- Прохор Иваныч, - перебил его главный дворецкий, - извольте выкушать.

Прошка не отказался, выкушал и продолжал:

- А что вот в сражениях...

И он выпучил для большего впечатления глаза.

- Вот при етом самом,- повертел он пальцами,- при как его... При Рымнике, - словно вдруг вспомнил он. - Едем мы с ним в разведку. Он да я, ей-богу. Ядра гудят, пули визжат...

Ливрейные слушали затаив дыхание. Ужасались. Восхищались.

"Главный камардин" заливался соловьем.

V

Первый день жизни в Таврическом дворце доставил много хлопот адъютанту Столыпину. С утра ко дворцу стали съезжаться вельможи, разные военные чины представиться фельдмаршалу Суворову.

Фельдмаршал давно уже встал. Уже напился чаю, но ни выходить в зал, ни принимать кого-либо не хотел.

Съезжались те, кто никогда, не будь бы Суворов фельдмаршалом, не подумал бы приехать, кто раньше едва раскланивался с ним. А теперь спешат, торопятся.

С вечера, поди, пили-гуляли, не выспались и - чуть свет приехали.

Притворство!

А притворства он не любил.

И Суворов сидел, читал французские и немецкие газеты - утрехтские, лейденские, берлинские, гамбургские, кенигсбергские, эрлангенские, что ежегодно выписывал для себя на адрес Хвостова.

Столыпину то и дело приходилось входить в спальню к фельдмаршалу и докладывать:

- Обер-полицеймейстер бригадир Глазов.

- Полиция мне зачем? - не подымая головы от газет, неласково спрашивал Суворов. - С Прошкой и без полиции управлюсь.

- Обер-прокурор святейшего синода.

- Я в архимандриты не собираюсь...

- Почт-директор.

- Газеты получил. Лошадей не надо - уезжать куда пока не думаю.

- Спрашивали: когда же вы будете выходить?

- Чего я там не видал? О чем мне с ними говорить? Никого не приму! отворачивался Суворов.

- Державин.

- Гаврилу Романовича проси! - вскочил с места.- Гаврила Романович, друг мой! - кинулся он навстречу поэту.

Суворов обнял его и повел в следующую комнату. Закрыл за собою дверь.

Александр Васильевич и Державин о чем-то оживленно говорили. Слышался смех Суворова - он сразу оживился, повеселел.

А бедный адъютант не знал, что и делать с приемной, что говорить этим важным

гостям.

Вот снова подъехали к крыльцу.

Столыпин увидел восьмерку лошадей, императрицыну карету с гербами. Он еще не сообразил, кто это пожаловал, как отовсюду раздался удивленный шепот:

- Зубов! Платон Зубов! Сам Зубов!

Столыпин сорвался с места и побежал предупредить Суворова.

- Одевайтесь, ваше сиятельство, Зубов! -- сказал он, вбегая к Суворову.

- А что, разве я не одет? - посмотрел на себя фельдмаршал.

Он был в своем всегдашнем простом кафтане. На шее - один орден Анны.

Державин смотрел, недоумевая.

- Платон Александрович тоже принимал меня в затрапезном...

Столыпин повернулся, чтобы встретить Зубова, но он входил уже, украшенный орденами, с лентой через плечо, в пышном шелковом кафтане.

Столыпин выскользнул из спальни. Он только услышал, как Зубов сухо спросил:

- Как ваше здоровье, граф?

В словах должно было быть участие, но в тоне слышалось только негодование.

Зубов пробыл у фельдмаршала минут пять. Он вышел и быстро прошел через зал, провожаемый униженными поклонами сановников.

С его отъездом зал быстро опустел. Вельможи разъезжались не солоно хлебавши.

И когда уже почти никого не осталось в зале, к крыльцу подкатила карета вице-канцлера Остермана. Столыпин узнал ее по голубым епанчам гайдуков и их высоким картузам с перьями и серебряными бляхами.

- Погоди, Гаврила Романович, я сейчас! - сказал Суворов Державину и как был, так и выбежал из дворца навстречу Остерману:

Гайдуки только успели раскрыть дверцы перед вице-канцлером, как Суворов вскочил в карету к Остерману и захлопнул дверцы.

Он просидел минут десять и вылез из кареты. Остерман поехал назад. Визит был окончен.

- Этот визит - самый скорый, лучший и взаимно не отяготительный, говорил Державину Суворов. - Человек он древний, помилуй бог, зачем же его заставлять утруждаться.

- Александр Васильевич, мне тоже, пожалуй, надобно уезжать, - поднялся Державин.

- Нет, дорогой Гаврила Романович, тебя я не отпущу. Тебе я рад. Будем вместе обедать. Кого ж это еще бог дает? - спросил он у Столыпина, который снова шел с докладом.

- Камер-фурьер императрицы.

- Пусть входит.

В комнату вошел щегольски одетый камер-фурьер. Он держал в руках какой-то большой сверток.

- Здравия желаю, ваше сиятельство!

- Здорово, голубчик!

- Ее императорское величество изволят спрашивать, как здоровье, как отдыхали, ваше сиятельство?

- Отдохнул, помилуй бог. Спали-ночевали, весело вставали. А здоровье что!

Он громко вдохнул в себя воздух, выдохнул, точно проверял, не болит ли где-нибудь:

- Здоров!

- Их величество очень беспокоятся. Вчерась, говорят, таким манером ехали... Вот изволили прислать вашему сиятельству в подарок шубу...

Камер-фурьер развернул сверток. В нем была прекрасная дорогая соболья шуба, крытая зеленым бархатом, с золотыми петлицами и золотыми на шнурках кистями.

- Их величество приказали: без шубы не выезжать, беречься простуды.

- Спасибо! Вот так подарок. Спасибо! - хвалил Суворов, рассматривая шубу. - Да в ней все, и Измаил и Прага спрячутся. Помилуй бог, в ней я буду как Безбородко. Эй, Прошка!

Вошел сумрачный с похмелья главный камердинер Прошка.

- Вот видишь, матушка царица, милостивица, подарила шубу.

Прошка смотрел молча.

- Чего же ты молчишь?

- А что ж я буду сказывать? Чай, не мне, а вам подарена...

Державин улыбнулся. Суворов только кивнул Гавриле Романовичу: вот, мол, каков гусь!

- Возьми ее и храни!

Прошка подошел и взял из рук камер-фурьера дорогую шубу.

- А ты, братец, передай матушке-царице: Суворов премного благодарен! Суворов в ножки ей кланяется, что она помнит старика! Да на, возьми вот.

Суворов протянул камер-фурьеру золотой и провожал его через все комнаты до выхода. Провожал так, как не провожал фаворита Зубова.

VI

Александр Васильевич собрался во дворец - императрица пригласила его на обед. Он надел светлозеленый фельдмаршальский мундир, шитый золотом, все ордена, бриллиантовые знаки ордена Андрея Первозванного, бриллиантовый эполет, взял шляпу с большим алмазным бантом.

- Прошка, шинель!

- Да ведь у вас шуба есть, что, ай забыли? Разве не наденете?

Суворов секунду раздумывал.

"Как же быть-то? В чем ехать? Неужели он, Суворов, поедет в шубе? Словно придворный генерал. Может, еще, Александр Васильевич, муфту для рук прикажете?" - измывался он сам над собою.

Проходчик точно понял сомнения барина:

- Ежели не наденете, царица узнает - обидится. Подумает: брезгует моим подарком!

"А и в самом деле неудобно", - мелькнуло в голове.

- Давай шинель и шубу!

Прошка не знал: ослышался он аль нет? Шубу и шинель - это уж слишком!

- Ну, чего стоишь? Шинель, говорю, и шубу! Суворов надел свою старую шинель, а царицыну соболью шубу велел нести за собою в карету. Он положил шубу на колени и так поехал во дворец.

- Вот и волки сыты и овцы целы!

Был только одиннадцатый час, но на площади перед Зимним дворцом громоздились кареты и экипажи. Толпился народ.

Суетились полицейские. Кареты не задерживались у подъезда. Высадив седоков, они быстро отъезжали прочь.

Приехав ко дворцу, Суворов снял шинель, надел шубу и в таком виде вышел из кареты. Он с удовольствием сбросил в громадной полутемной прихожей на руки предупредительного лакея эту непривычную ношу.

Мельком взглянул на себя в зеркало, мимо которого проходил, - кажется, все в порядке. И так, со шляпой в руке, быстро пошел по галерее. Длинная галерея казалась от белых мраморных колонн и белых статуй еще длиннее. В конце ее виднелась широкая лестница. На каждой ступеньке лестницы в золоченой ливрее, в белых шелковых чулках, и напудренной, завитой прической стоял лакей.

Суворов, быстро шагая через две-три ступеньки, поднялся наверх мимо величественных колонн и этих изогнувшихся в поклоне лакеев. Чуть взглянул наверх, туда, где, поддерживаемый колоннами, простирался необъятной ширины плафон. На плафоне был изображен Олимп.

Суворов, не останавливаясь, одним духом пробежал аванзалу и роскошный двухсветный Белый зал, а затем повернул налево, к общей зале.

Общая зала была последней, куда мог войти каждый, кто имел право являться ко двору.

Дальше разрешалось входить лишь немногим. Кроме ближайших к императрице лиц, сюда допускались те, кто числился в списке.

Перед дверью в кирасах и треугольных шляпах, с ружьями у ноги, стояли два рослых кавалергарда: у них был список приглашенных.

Кавалергарды лихо отдали фельдмаршалу честь, пажи раскрыли двери.

Суворов вошел.

К 10 часам утра, окончив работу в кабинете и выслушав доклады статс-секретарей, Екатерина начинала готовиться к обеду. Старый парикмахер Козлов причесывал ее, а затем императрица выходила из внутренней уборной во вторую. Здесь камер-юнгферы прикалывали ей флеровую наколку, здесь императрица вытирала лицо льдом - других притираний она не признавала. Да она и не нуждалась в румянах и белилах: несмотря на преклонный возраст, лицо у нее было свежее и румяное.

И к окончанию туалета императрицы допускались все приглашенные к обеду.

Суворов не опоздал - императрицы еще не было, но в уборной уже ожидали ее.

В креслах сидела пожелтевшая и подурневшая Наташенька - она со дня на день ожидала родов. Возле нее в французском нарядном кафтане и башмаках стоял со скучающим видом муж, Николай Зубов, и представительный в своем белом мундире с Георгием на шее и Владимиром через плечо генерал Исленьев.

Тут же сидели две любимицы императрицы - пожилая камер-фрейлина Протасова и еще очень недурная лицом племянница Потемкина статс-дама Александра Браницкая. Возле них, рассказывая что-то веселое, стоял известный остряк обер-штальмейстер Нарышкин и толстый обер-гофмаршал Барятинский.

Поодаль сидели граф Строганов с тучным, ленивым генерал-аншефом Пассеком, заядлым карточным игроком, у которого на языке были только бостон, фараон, семпеля да соника

(Бостон, фараон - карточные игры. Семпеля, соника - карточные термины.).

Суворов поцеловал и перекрестил дочь, поздоровался с зятем и Исленьевым и подошел приветствовать дам - с дамами Александр Васильевич был всегда отменно вежлив.

- Вы ничуть не меняетесь, граф! Вы все цветете! - с милой улыбочкой встретила Суворова Браницкая, которая видела фельдмаршала в первый раз по его приезде из Польши.

- Одни цветы, графиня, производит весна, другие - осень, - ответил Суворов на комплимент комплиментом, подчеркивая слово "весна", хотя хорошенькой Браницкой было уже сорок.- Хорошо, что я отцветаю на солнце: в тени растения ядовиты!

- В ваших словах, Александр Васильевич, тоже иногда медку маловато, колко заметил Нарышкин.

- Бывает, бывает, - ответил Суворов и быстро перебежал к Пассеку и Строганову.

Поздоровавшись с ними, Суворов вернулся к Наташеньке.

Немного погодя дверь из внутренней уборной открылась и вошла императрица. Она была в парадном парчовом платье с Георгиевской звездой на груди. Ее густые волосы были убраны по старинной моде - в простую невысокую прическу с небольшими буклями сзади ушей. Как все люди маленького роста, Екатерина держалась ровно, не сутулясь, голову несла высоко и оттого казалась выше, чем была.

За ней следовали четыре ее всегдашние камер-юнгферы.

Все встали.

- Здравствуйте, господа!-приветствовала императрица собравшихся.- Как твое здоровье, Наташенька? - участливо спросила она. - Как вы, Александр Васильевич?

Императрица говорила по-русски чисто, Но как-то очень старательно, особенно четко произносила каждое слово.

- Благодарствую! Жив-здоров, матушка! - ответил по-солдатски Суворов.

Императрица села к зеркалу. Пожилые камер-юнгферы окружили ее. По-мужски грузная, густо нарумяненная Алексеева подала на серебряном блюде кусок льда. Императрица потеряла льдом лицо. Взяла из рук Алексеевой полотенце, вытерлась.

Высокая, костлявая как тарань, глуховатая гречанка Палакучи накалывала тюлевую наколку.

Две сестры Зверевы, когда-то очень красивые девушки, держали шпильки и булавки.

Пока Палакучи примеряла наколку, императрица, не поворачивая головы, сказала:

- Вы, небось, проголодались, Александр Васильевич? Я знаю, вы привыкли обедать рано. Я вас задержала, простите...

- Ничего, матушка! Все равно на век не наешься. Брюхо, как злодей, старого добра не помнит!

- Уже недолго. Мы сейчас пойдем!

Глухая Палакучи, думая, что это относится к ней, насторожилась, вопросительно посмотрела на императрицу.

- Ничего, это не к тебе. Приколи вот здесь. Так!

Она поднялась, оглядывая себя в зеркале.

- Ну, милости прошу, господа, к столу!

Обедали в "бриллиантовой" зале за большим круглым столом. Императрица посадила Суворова рядом с собою, с левой стороны.

Справа от нее сидел Платон Зубов.

- Чем потчевать дорогого гостя? - спросила Екатерина Суворова.

- Благослови, матушка, водочкой!

- А что скажут красавицы фрейлины, с которыми вы будете говорить?

- Почувствуют, что с ними говорит солдат!

- Возьмите на закуску вашей любимой редьки, - угощала императрица.

- Премного благодарен! Обязательно возьму. В редьке, ваше величество, пять яств: редька - триха, да редька-ломтиха, редька с маслом, редька с квасом да редька - так!.. - приговаривал Суворов, накладывая редьки.

Ему льстило, что императрица старалась угодить гостю - досконально узнала о всем, что любит Суворов.

- А что такое - "триха"? - немного погодя спросила Екатерина.

- Тертая редька. Триха от слова "тереть".

- А, понимаю, понимаю...

Разговор за столом велся непринужденный. Говорили по-русски.

Царица ела медленно. Макала хлеб в соус, кормила своих двух английских собачек, которые не отходили от ее кресла. Она отставала от других, но, чтобы не задерживать стола, кушанья подавались своим чередом. Камер-пажи подавали ей на нескольких блюдах те кушанья, которые уже были обнесены. Екатерина выбирала какое-либо одно. За обедом она ела мало.

Суворов, по просьбе царицы, рассказывал о штурме Праги. Он увлекся рассказом и тоже отстал от всех.

Екатерина незаметно мигнула обер-гофмаршалу Бярятинскому, который сидел напротив нее.

Бярятинский подозвал камер-пажа. Тотчас же два пажа в богатых светло-зеленых бархатных мундирах, расшитых золотом не хуже фельдмаршальского, поднесли Суворову с двух сторон по две тарелки сразу.

Суворов даже запнулся на секунду, в недоумении глядя на предложенные блюда.

- Паштет из судака с налимьей печенкой. Репа в малаге, - сказал камер-паж справа.

- Ватрушки с луком. Гренки с мармеладом, - в тон ему доложил камер-паж слева.

Суворов быстро глянул и стал решительно складывать с четырех тарелок на свою одну. Перемешал все и начал с аппетитом есть.

Наташа вспыхнула и уткнулась лицом в тарелку, но за столом никто даже не улыбнулся, точно не видал суворовских проказ.

Обед продолжался недолго, не более часу.

Когда встали из-за стола, Суворов благодарил за внимание и умолял императрицу

сохранить свой собственный покой.

- Я это приму в вящую себе награду!

- Вот погодите, Александр Васильевич, пройдет филипповский пост, я вас угощу скоромным обедом. Что вы любите? Какое самое лучшее блюдо?

- Калмыцкая похлебка.

- Что это?

- Кусок баранины и кусочек соли в чистой воде. Самый легкий и здоровый суп.

- Хорошо. Я велю приготовить. Это просто, - улыбнулась императрица. Приезжайте же обязательно ко мне вечером, Александр Васильевич - пригласила Екатерина, - в шесть часов.

- Буду, матушка, непременно буду!

VII

Суворов томился без дела в Петербурге. Третий месяц он жил в Таврическом дворце, окруженный вниманием и не зная никаких забот, но и никаких обязанностей.

И это безделье (постоянное, ежедневное чтение книг и газет было не в счет) раздражало, тяготило Суворова. Раздражало и тяготило его и другое двор, где хоть изредка, но приходилось ему бывать.

Императрица всегда приглашала Суворова на парадные обеды и свои вечера, на которые собирался избранный круг лиц.

Парадных обедов Суворов избегал - отпрашивался у царицы, и на вечерах, пользуясь репутацией "чудака", которую давным-давно присвоили ему враги, Суворов давал волю своему горячему, вспыльчивому нраву.

Зависть и недоброжелательство, которые в первые дни после возвращения Суворова из Варшавы притаились и уступили место лести и подобострастию, теперь снова подняли голову. К фельдмаршалу, увенчанному лаврами стольких знаменитых побед, уже в Петербурге понемногу попривыкли. О Суворове все чаще и чаще стали злословить.

Это доходило до Суворова. И он не оставался в долгу: бичевал недостатки, резал правду-матку в глаза и своими, как он сам называл, "солдатскими проказами" зло смеялся над придворным чопорным ничтожеством. И этим, конечно, задел много самолюбий.

Соперники и клеветники сторожили каждый шаг, каждое слово Суворова. Из любой мухи готовы были сделать слона.

На все лады судачили о том, как Суворов неуважительно принял в Таврическом дворце Платона Зубова за то, что Зубов встретил фельдмаршала, явившегося к нему в парадном мундире, - в одежде далеко не парадной.

Весь город знал о приеме Суворовым графа Безбородко, которого Александр Васильевич недолюбливал.

Безбородко как-то раз приехал к Суворову во время обеда. Суворов не встал из-за стола; только велел подать Безбородке стул, но к обеду не пригласил.

- Вам, Александр Андреич, еще рано обедать, прошу посидеть! - отрезал он.

Суворов знал, что в эту рань Безбородко никогда не обедает, что он, стало быть, приехал неспроста, а в каких-либо своих видах, и это сразу же взорвало Александра Васильевича.

Смеялись над тем, как фельдмаршал бежит вприпрыжку по дворцовому залу, не зная, что Суворов делает это неспроста.

- Суворов стар, ему уже пора на покой!-твердили всюду его завистники.

Друзья Александра Васильевича передали ему об этом. И чтобы показать всем, как еще он, несмотря на свои 66 лет, крепок и бодр, Суворов при всех не шел; а пробегал по залу, чего не смог бы сделать дряхлый генерал Прозоровский или тучный Мусин-Пушкин.

Враги Суворова распространяли о нем разные небылицы вроде того, что будто бы, когда жена наследника Павла Петровича великая княгиня Мария Федоровна угощала его персиками, Суворов взял из ее рук всю вазочку и, передавая вазочку лакею, сказал:

- Неси ко мне!

Притворно ужасались тому, как Суворов свободно (хотя и почтительно) держит себя с императрицей: откровенно говорит ей о недостатках в армии, о дурном состоянии войск, о злоупотреблениях. Его честность и прямота, его настойчивость и кипучая энергия, с какой он хотел исправить все армейские недостатки, делали Суворова беспокойным фельдмаршалом.

Клеветники, наушничавшие на него, уже стали говорить, что императрице Суворов прискучил, хотя Екатерина наружно принимала все его замечания как будто бы благосклонно, что она не знает, как от беспокойного фельдмаршала поскорее отделаться.

Уехать из Петербурга к живому делу, к армии, Суворов мечтал и сам: солдатская палатка была для него ближе "бриллиантовой" залы и Таврического дворца.

И наконец к весне дело окончательно прояснилось: императрица назначила Суворова командовать войсками на юге, где он провел столько лет. В его ведение поступали войска, расположенные в Брацлавской, Вознесенской, Екатеринославской и Харьковской губерниях и в Таврической области.

Суворову оставалось пробыть в Петербурге считанные дни. Потому сегодня он собирался во дворец более охотно, чем в предыдущие разы.

По случаю бракосочетания великого князя Константина Павловича с принцессой Кобургской Анной на Неве устраивался великолепный фейерверк, а на площади перед дворцом - всегдашнее царское угощение народу: жареный бык, фонтаны с вином.

- Ежели б я помоложе был, беспременно пошел бы рвать быка! - говорил Прошка, помогая барину одеваться.

- Тебя только там и не хватало. Что ты - голоден?

- А почему ж на даровщинку не выпить и не закусить? Опять же лакеи сказывают: кто с быка золотую голову сорвет и принесет во дворец, тому сто рублей заплатят. Такой закон.

- Смотри, чтоб из этой свалки свою голову вынес, а не то что бычьей...

Когда Суворов подъезжал к Зимнему, он увидел, что все прилегающие к площади улицы были запружены народом: кто собирался "рвать быка", а кто просто поглазеть.

Против дворца возвышался высокий помост со ступеньками. На ступеньках лежали жареные гуси, утки, куры, свиные и телячьи окорока. А наверху помоста стоял громадный бык с позолоченными рогами.

Помост сверху донизу закрывала зеленая тафтяная занавеска. Возле помоста были устроены два красивых фонтана для красного и белого вина. Все это окружала цепь из солдат и полиции. Конные драгуны ездил тут же.

Посмотреть на эту сцену собралась во дворце вся знать. Сигналом к началу было появление в окне императрицы.

Когда пустили фонтаны, толпа поняла, что царица сейчас подойдет к окну.

Солдаты и полиция едва сдерживали толпу, которая напирала со всех сторон. Пьяницы, увидев фонтаны вина, не могли стоять на месте.

Императрица подошла к окну.

И тогда отовсюду с криком и улюлюканьем бросились к помосту и фонтанам сотни людей. Сшибая и давя друг друга, они старались поскорее добежать до цели.

Вперед пробилась группа мясников. Они кулаками прокладывали себе дорогу. Зеленая тафтяная накидка в один миг полетела в клочья.

Мясники стали швырять в толпу жареными гусями, утками, курами, окороками - отбивались от остальных, давали возможность самому сильному и ловкому из своих пробиться к быку, чтобы завладеть золотой головой. Голова была укреплена на железном пруте. Вся громадная туша быка надевалась на прочную деревянную раму.

Плечистый рыжебородый мясник быстро пробежал по ступенькам к быку, легко подпрыгнул и упал к нему на спину, собираясь сесть верхом. Но с другой стороны помоста к быку пробилась лабазники. Небольшой плотный купчик подскочил и дернул рыжебородого мясника за ноги. Рыжебородый ерзнул с быка, но еще пытался удержаться. Тогда купчик прыгнул ему на плечи. Мясник оторвался от быка, и оба покатались по ступенькам вниз.

Золотые рога быка сияли все также недосыгаемо и заманчиво.

В это самое время пьяницы кинулись к фонтанам с вином. Черпали пригоршнями, припасенными кружками, ведрами, шапками. Нагнувшись, свесившись в бассейн, просто лакали. Тянули друг друга прочь, толкались, дрались, падали в вино.

Один - в драном коротком кожухе и валенках,- перевесившись, упал прямо в бассейн. Он еще до праздника успел где-то хлебнуть и теперь сразу захмелел. Стоя по щиколотку в вине, он стал черпать шапкой-ушанкой и поливать лезущих к фонтану пьяниц.

Кто-то ударил его в грудь. Пьяница зашатался, чуть не упал навзничь, но схватился за трубку фонтана. Трубка изображала ствол, обвитый виноградными листьями и гроздьями. Наверху она кончалась чашей из виноградных листьев. Из чаши во все стороны били ярко-красные струи.

Пьяница вдруг полез по этим железным гроздьям вверх к чаше. Красное вино, точно кровью, заливало его всего. Он лез, подставив под брызги широко раскрытый рот. Жадно глотал.

Он влез наверх и, закрыв глаза, сначала продолжал пить, а потом повернулся и плюхнулся в широкую чашу, Вино перестало литься.

Пьяница сидел, с победоносным видом глядя вниз, и горланил песню. Среди толпившихся, оттиравших друг друга от вина питухов поднялся отчаянный вопль. Ругали, проклинали, угрожали.

А мужик, пьяно хохоча, болтал от удовольствия валенками. Валенки были грязные и мокрые от вина.

Тогда в него стали швырять снегом, шапками, рукавицами, чтобы сбить его вниз. Ничего не помогало.

Наконец какой-то ямщик догадался: развязал свой длинный зеленый кушак, размахнулся и захлестнул мужика за ногу. Несколько услужливых рук рванули кушак. Пьяный мужичонка схватился за фонтан, но не удержался и бухнул вниз, в бассейн.

Яркокрасные струи забили снова.

...Во дворце у окон хохотали до упаду. Сама императрица утирала кружевным платочком слезы - так прошиб смех.

- Ой, не могу!

- Мяслики-то, мяслики! Вон из-за головы дерутся...

- Оторвал. Бежит с головой!..

- Отбили. Упал!

- А этот пьяный что в фонтане делает! Срамота!..

Жались к окнам, смотрели.

Один Суворов ходил по залу, не глядя в окна. Не смеялся - ему не нравилась, была противна вся эта грубая забава. К тому же пьяных он не любил. Если бы не торжество по случаю бракосочетания великого князя, он не приехал бы.

Враги Суворова и тут не оставляли его в покое - пользовались любой возможностью, чтоб уколоть фельдмаршала.

- Вот штурм, так штурм. Почтище измайловского, - громко сказал генерал-аншеф Николай Салтыков.

- А что это он влез на фонтан?

- Поучение солдатам говорит, - съязвил Долгорукий.

- И не замерзнет же - весь искупался, а ничего...

- Нонче стало модным - обливаться зимой. Он закалить себя хочет...

"В последний раз я в этом вертепе. Сегодня откланяюсь императрице, а завтра - в путь, к армии, в Тульчин!" - раздраженно думал Суворов,

Глава третья

"НАУКА ПОБЕЖДАТЬ!"

I

В Тульчин Суворов ехал в прекрасном настроении. И в этот раз, как всегда, фельдмаршал Суворов ехал для скорости и легкости в простой кибитке, только с одним

адъютантом Столыпина.

Чтобы избавить себя от докучливых торжественных встреч местного начальства, он приказал никого не слать вперед готовить фельдмаршалу лошадей, а приезжал на станцию неожиданно-негаданно.

Зато во время этих, как он выражался, "перелетов" случались самые разнообразные истории, которые были по душе Александру Васильевичу: в свободную минуту он любил позабавиться.

Как ни старался Суворов проскочить Курск ночью, но попал в него к утру. Станционный смотритель, юркая, продувная бестия, как-то пронюхал, кто едет,- кланялся и обещал немедленно дать лучшую тройку.

- Все будет-с! Стриженная девка косы не заплетет... - уверял он. А через минуту шептал уже кому-то за перегородкой:

- Беги к полицеймейстеру! Сам фельдмаршал!

Суворов понял, что в Курске ему не избежать скучного парадного обеда у губернатора. Лошади у станционного смотрителя не готовы, и он постарается задержать Суворова, чтобы успеть все сделать. Суворов сел со Столыпинам пить чай. Быстро выпив чашку, Суворов, ни слова не говоря Столыпину, вышел из комнаты и незаметно шмыгнул на ямщичью половину.

Изба была пуста. На стенах, на лавках и под лавками висели и лежали дуги, хомуты, седелки, вожжи. Сочно пахло сыромятью, конским потам и дегтем.

Суворов подложил под голову хомут и лег на лавку, оборотившись лицом к раскрытому окну, которое выходило на огород. Он накрыл лицо носовым платком и преспокойно уснул.

Проснулся Суворов от скрипа двери. За его спиной кто-то тихо перешептывался. Немного погодя дверь скрипнула вновь. Шепот смолк.

Суворов снял платок и повернулся на другой бок. Поворачиваясь, успел заметить: у порога стоял в парадном мундире с треуголкой подмышкой полицеймейстер.

Суворов продолжал лежать с закрытыми глазами.

"Вот стоит человек. Клянёт, поди, фельдмаршала: из-за него надо было наряжаться, бежать докладывать губернатору, потом разыскивать этого Суворова. Хлопот много, а радости - никакой. А ведь все они будут льстить, притворяться, что им это страсть как приятно!"

Чуть приоткрыл глаза.

Полицеймейстер, тучный мужчина, стоял навтыжку, не смея шевельнуться, не смеядохнуть. Обливался потом.

"Ишь, стойку сделал, помилуй бог!"

Делать нечего - приходилось вставать...

Потому-то губернские города Суворов и старался проскочить ночью. А больше всего любил в пути уездное захолустье, деревенскую глушь. В них меньше важности, меньше притворства, меньше лести...

...На маленькой станции за Курском фельдмаршала Суворова ждали с часу на час. Ямщик, приехавший из города, передал, что в Курске - фельдмаршал Суворов, который едет из Петербурга на юг.

Станционный смотритель, длинный и худой, как оглобля, бегал и суетился: еще бы - едет такой важный барин!

- Смотри же, Оксаночка, чтобы нигде ни пылиночки, ни сориночки,-просил он жену, которая мыла горницу, - ведь едет...

- Одийды! Не мешай! - грозно поднялась с мокрой тряпкой в руке толстощекая чернобровая Оксана. - Сама знаю, что йидэ генерал!

- Не просто генерал, а генерал-фельдмаршал! - робко поправил муж.

- Що я - не бачила проезжающих? Разных було: и генералов, и полковников, и тых, як их, секунд-майоров... Всякого звания. Слава тебе господы! Двадцать пять рокив ось на тий станции... Светлейшего князя Потемкина видела, як йихав. Восемнадцать коней карету

везлы. А сам - в шовковом кафтане и кругом золото и ордена: и тут и ось тут! Знаю!..

И разбитная жинка бойко зашлепала по мокрому полу босыми ногами.

К вечеру комната для проезжающих была готова. Оставалось ждать Суворова.

Фельдмаршал вечером не приехал. Стали ложиться спать.

- Та лягай ты, як следует быть. Що генерал по ночам будэ йиздыть? Що йому дня мало?-уговаривала она мужа.

Но муж не послушался - прилег не раздеваясь. Ночью к почтовому двору кто-то подъехал. Смотритель вскочил с постели.

- Ну и дурный же ты! Як хтось його шилом поре! Чи ж не чуешь подыхалы на паре коней. Який там генерал... - говорила Оксана.

Станционный смотритель выскочил на крыльцо и разочарованно остановился: жинка была права - у крыльца стояла обыкновенная кибитка.

Почесываясь и зевая, он спросил:

- Кого бог несет?

- Передовой графа Суворова, их благородие господин адъютант поручик Столыпин. - весело отозвался какой-то старичок, легко спрыгивая с козел. Не оступитесь, ваше благородие! Извольте сюда! - помогал он молодому офицеру вылезть из кибитки.

"Адъютант с денщиком", - понял станционный смотритель.

- А что ж, их сиятельство когда придут? - спросил он, провожая путников в горницу.

- Не скоро, помилуй бог! Не раньше вечера! Он у курского губернатора еще гуляет! - словоохотливо ответил денщик.

Станционный смотритель, успокоенный, вернулся к жене.

- Суворов приедет завтра к вечеру, а это его адъютант и денщик.

- А я тоби, дурню, що говорила? Кажу: лягай, спы!

В горнице же для проезжающих фельдмаршал Суворов шептал своему адъютанту поручику Столыпину:

- Ты, Сашенька, ложись на лавке, а я на полу, на сене. Мне ямщик клок сенца дал.

И немного погодя на почтовом дворе все уснуло.

Наутро Оксана, приоткрыв дверь, заглянула в горницу своим бойким карим глазом.

Офицер, видимо, вышел - на лавке лежали его плащ и шпага. Зато на полу, в уголке, похрапывал старик солдат. Спал он на сене, прикрывшись плащом.

- Ишь, трасца його матеры! Я мыла-мыла, а он туточки сена натрес! вспылила Оксана. - А мой же дурень не мог солдата до ямщиков в хату отвести!

Оксана подошла и потянула старика за ногу.

Старик дрыгнул ногой и спрятал ее под шинель.

Оксана дернула его за другую.

Старик поджал и другую.

Тогда Оксана подошла и сердито потрясла его за плечо:

- Эй, диду, вставай!

Старик проснулся и сел, протирая глаза. - А? Что?

- Вставай, диду! Тут тоби не место!

- Почему?

- Тут будэ великий генерал... .

- Какой генерал?

- Та ваш же, Суворов!

- А-а, ежели Суворов, тогда надо уступить!

Старик вскочил и, отойдя в сторонку, стал обуваться.

- Я мыла-мыла, а ты взял и сена натрес, - недовольно говорила баба, собирая сено. - Чи ж тоби тут полагается? Старый солдат, а политыки не знаешь: твое место ось где, иди сюды! - строго сказала она.

"Занозистая жинка. Но молодец: субординацию понимает!"-весело подумал Суворов, идучи за Оксаной на кухню.

- Коли ты денщик, то ось где твое место. Сиди тут, не мешайся полоник миж ложками!
И она вышла.

Суворов умылся и сел на лавку ждать, что будет дальше. Все это забавляло его. Суворов любил ездить вот так, чтобы его не узнавали, принимали за другого.

В горнице стукнула дверь - видимо, вернулся адъютант Столыпин.

Суворов подбежал к двери.

- Сашенька, я здесь, меня хозяйка на кухню вытурила,- смеясь сказал он адъютанту.-
Гляди не проговорюсь, не выдай меня.

- Слушаю-с, ваше сиятельство!

- А лошади скоро?

- Позавтракаем и можем ехать.

- Ну так помни же: я - твой денщик!

Суворов закрыл дверь и сел на прежнее место, на лавку.

- Что, выпался, старинушка? - спросил у него станционный смотритель, входя на кухню.

- Выспался, милый человек.

- Тогда снеси их благородию самоварчик - уже готов, там, в сенях, стоит.

- Сейчас!

Суворов вскочил и побежал в сени, где шумел самовар. Открывая ногой двери, он понес самовар в горницу.

- Пожалуйста, ваше благородие, самоварчик! - сказал он, ставя самовар на стол.

Поручик Столыпин не мог смотреть на проказы Суворова - давился от смеха.

- Александр Васильевич, куда же вы? Садитесь пить чай! - зашептал он, видя, что Суворов собирается уходить.

- Пей один, а я - там. Надо хозяина угостить, - подмигнул Суворов и, взяв свою походную флягу, вышел.

Станционный смотритель хлопотал у стола.

- Вот снеси-ка их благородию чайник и чашку. А мы с тобой, служивенький, молочка покушаем, сейчас хозяйка принесет.

Суворов отнес в горницу чайник и чашку.

- А что, мил человек, не выпить ли нам молочка от бешеной коровушки? спросил Суворов, доставая флягу.

Он сам пил всегда очень мало и никогда не пил с утра, но хотел угостить человека - знал, что каждый станционный смотритель - выпивоха.

- А ладно ли это будет - с утра? - боязливо оглянулся на дверь станционный смотритель. - Да и Суворов приедет. Фельдмаршал никак. Нехорошо!

- Суворов когда еще приедет! Мы по единой!

- Ну, разве что по единой, - успокоился он, ставя на стол чарки. Жинка моя - хорошая хозяйка, у нее все есть, да для порядку запирает на замок, - смущенно говорил станционный смотритель, шаря на полице. - Вот только что есть для закуски: хлеб, лук да огурцы...

- А нет ли редьки?

- Редька есть.

- Помилуй бог, да это первейшая закуска!

Суворов налил из фляги. Они чокнулись. В это время дверь отворилась, и на пороге стала Оксана.

- Ось, бачтэ! Не ивши, не снідавши - за горилочку?

- Оксаночка, погоди, послушай!

- И слухать не хочу!

- Надо ж уважить человека. Денщик адъютанта генерал-фельдмаршала графа Суворова...

- Денщик адвтанта! Як говорится по-русски: "нашему слесарю-двоюродный кузнец"! Тоби выпить каждый раз якый-нибудь адвтант зпайдецца!

- Хозяюшка, мы только по единой. Мне много пить, сами знаете, нельзя, мигнул на дверь Суворов.- Политику надо понимать!

Оксана улыбнулась.

- Та пейтэ ж на здоровычко, хйба ж мне жалко? Але злость на того старого дурня...

- А что?

- Як же ты гостя приймаешь?

- А что? - Хлеб, редька та цибуля?..

- Помилуй бог, царская закуска. Солдат - сыт крупницей, пьян водицей! Лучшей не надо!
- сказал Суворов.

- Чи ж у нас ковбасы та масла немає?..

- Ключи ж у тебя...

- А язык у тебя?.. Почекайтэ, господа служивый, я зараз принесу! - И Оксана вышла.

- Вот так, брат, у нее всегда. Она баба только крикливая, но добрая, оправдывал жену
станционный смотритель.- Да она и сама выпить не прочь...

- А мы ей с превеликим удовольствием и поднесем.

Где чарка?

Через минуту на столе появились колбаса, масло, сыр. Старый денщик адъютанта сидел в красном углу между хозяином и хозяйкой. Он выпил одну рюмку, а потом только пригубливал, но не пил.

Хозяевам же подливал усердно. Станционный смотритель и жена не отказывались.

- Який же ваш генерал Суворов? Сердитый? - спросила Оксана.

- Грозен! - вмешался ее муж.

- А ты видкиля знаешь?

- Как не знать? Я графа Суворова вон как знаю. Он у нас в семьдесят осьмом годе проезжал. Ты тогда у маменьки гостила. Высокий такой, толстый. Ему в экипажи двадцать восемь лошадей понадобилось, вот, брат! Так веришь ли, служивенький, я чуть во всем селе лошадей сыскал! - врал станционный смотритель.

- Александр Васильевич, ехать пора! - высунул голову в дверь поручик Столыпин.

Поблагодарив за угощение, Суворов вышел из дома вслед за адъютантом.

Кибитка стояла у крыльца.

Станционный смотритель и Оксана провожали их. У крыльца собралась куча ребятишек и баб.

Адъютант уже сел в кибитку, а Суворов только собирался сесть к ямщику на облучок, когда раздался крик:

- Ваше высокопревосходительство, Александр. Васильевич!

Все обернулись. К кибитке бежал в порыжелом гарнизонном мундире отставной старик солдат.

- Отец родной, погоди! - кричал он, кидаясь к Суворову.

Но его перехватил станционный смотритель.

- Кузьмич, очумел ты? Какое тебе превосходительство? - смеялся подвыпивший станционный смотритель, не пуская солдата.

- Да пусти, это он, батюшка наш, Суворов! - рвался солдат.

- Карабанов, это ты? - узнал его Суворов.- Жив?

- Так точно, жив!

- Ну здравствуй, старый товарищ!

Станционный смотритель удивленно отпустил солдата. Солдат кинулся к этому денщику суворовского адъютанта. Старики обнялись. Станционный смотритель и его жена глядели, ничего не понимая.

- Как живешь, старинушка?

- Бог милостив, Александр Васильич!

- Может, помочь надо? В чем нужду имеешь? Говори, не стесняйся!

- Премного благодарен, ваше высокопревосходительство!.. Ничего не надо! Хотел вот

только еще разок повидать вас. Ведь с Измаилу не видались. Услыхал, что проезжать будете, ждал...

- Ну, вот и увидались. Тридцать лет вместе с ним служили! - сказал Суворов адъютанту, садясь в кибитку.- Ну, прощевай друг. Прощайте, милые люди! - замахал он каской.

Еще секунда, и кибитка умчалась. Станционный смотритель стоял верстовым столбом - не мог прийти в себя.

- Ну чи ж не дурный ты? - трясла мужа за рукав Оксана.- Фастался, говорил: "Я знаю, какой Суворов!" Ничего ты не знал, брехал только. Ось я теперичка так знаю, я к и й Суворов!

II

В Тульчине еще все спало, когда Столыпин вышел из дому. Вчера вечером Александр Васильевич, отпуская его на квартиру

(Столыпин квартировал отдельно, в центре местечка), велел адъютанту прийти сегодня пораньше: Суворов собирался опять диктовать свою "Науку побеждать".

В Тульчине у фельдмаршала нашлось много работы.

Прежде всего Суворов принялся за самое важное - за ученье. Он хотел переучить все вверенное ему войско на суворовский лад.

Устав нужно знать, но не держаться его, "яко слепой стены", как верно наставлял великий полководец Петр I.

Главным в ученье Суворов считал закалку. Надо приучить солдата идти на опасность, действовать решительно, развить настойчивость и упорство.

Суворов всегда говаривал: "Солдат ученье любит, лишь бы кратко и с толком".

Его ученье - сквозные атаки, штурм и оборона укреплений, прицельная стрельба - продолжалось каждый раз не более полутора часов, надоест не могло.

Словесное ученье было просто, толково и живо изложено. К тому же солдатам очень нравилось, что фельдмаршал сам непосредственно говорит с ними.

Старые, любимые полки Суворова, с которыми он громил турок при Фокшанах и Рымнике, брал Измаил и Прагу, как, например, Апшеронский и Фанагорийский, остались в Литве у Репнина.

Правда, некоторым из здешних полков приходилось раньше служить под командой Суворова и они были знакомы с суворовской тактикой, но большинство полков знало лишь устаревшую австрийско-прусскую линейную.

И когда на днях на ученье Суворов, желая проверить людей, вдруг направил своего коня на одну роту и строй не расступился перед ним, он остался чрезвычайно доволен.

- Молодцы! Подвижная крепость, помилуй бог! И зубом не возьмешь!

Александр Васильевич повторил это и в другой роте, но там его ждала неприятность: ротный командир приказал дать дорогу фельдмаршалу.

Суворов взбеленился.

- Под арест немогузнайку! Он зачумит мне всю армию! - кричал фельдмаршал.

"Немогузнайка, лживка, лукавка, двуличка" - то есть леность мысли, страх ответственности, уклончивость - все это были враги, с которыми Суворов вел в своей армии борьбу не хуже, чем с неприятелем в поле.

Приняв новые полки, незнакомые с его тактикой, Суворов поверял всех, и солдат и офицеров.

- Что такое ретирада? (Ретирада - отступление.) - спросил он у молодого поручика.

- Не знаю, ваше сиятельство!

Услышав нелюбимое, запрещенное в суворовских полках "не знаю", Александр Васильевич сразу сморщился. Но поручик вдруг прибавил:

- В нашем полку этого слова я не слыхивал!

Суворов просиял.

- Хороший полк, помилуй бог! Очень хороший. В первый раз немогузнайка доставил

мне удовольствие.

Молодец, ваше благородие!

Ты - русский! - хвалил он удивленного поручика.

Генералов, которые служили прежде с Суворовым, нашлось в Тульчине два-три человека, но Суворова это не смущало. От генералов он требовал следующего: "Был бы первое - деятелен, второе - наступателен, третье послушен".

За многолетнюю боевую практику у Суворова накопилось достаточно опыта. Александр Васильевич тщательно, годами обдумывал каждое положение. Теперь оставалось собрать все мысли о военном искусстве воедино, соединить теорию и практику.

И он приступил к этому.

"Наука побеждать" делилась на две части.

(См. на ldn-knigi.lib.ru - SuvPobet.htm)

Одна - "вахтпарад" - для начальников: как проводить ученье.

Другая - "словесное поучение" - для солдат. Словесное поучение говорил перед фрунтом командир. Оно рассчитано было на то, что солдат неграмотен, и потому должно было часто повторяться, чтобы люди могли запомнить его наизусть.

Вчера окончили записывать "вахтпарад" и начали "словесное поучение". Сегодня Александр Васильевич хотел продолжать диктовку.

Вторым важным делом в Тульчине оказалось благоустройство войск.

В сырых казармах цвела плесень, бань не было и в помине, воду солдаты пили скверную. В каждом полку валялись по госпиталям десятки людей.

В 1791-1792 годах Суворов застал такую же картину в Финляндии: в двух госпиталях насчитывалась тысяча больных.

Госпиталей Суворов не любил и никогда не принимал внутрь никаких лекарств.

- Минералы и ингредиенты (Ингредиент-составная часть лекарства.) не по солдатскому воспитанию,- говорил он.

По его мнению, самое важное для здоровья солдата - сполна и в срок получить положенное довольствие.

Когда в полку оказывалось много больных, Суворов тотчас же назначал следствие.

В Финляндии эта мера родила Суворову много врагов. Но количество больных в двух госпиталях быстро снизилось с тысячи до сорока человек.

То же нашел Суворов и на юге.

Здоровое жилье, нормальная пища, чистота солдата лучше действовали, чем невежественные лекари.

- Перестань обогащать Харона! (Харон - мифологический лодочник, перевозящий души умерших.) - сказал Суворов лекарю, у которого в части была большая смертность,

- Ваше сиятельство, в нашем полку Харон не числится!

Суворов секунду глядел на невежественного лекаря.

Потом плюнул и убежал, крича:

- Помилуй бог, не мечите бисера перед свиньями!

Лекарь обиделся на всю жизнь. Он так и не понял, почему обозлился фельдмаршал.

"Правду говорят - тяжелый человек", - подумал он о Суворове.

В дивизии генерал-поручика Д. И. Киселева открылась повальная желудочная болезнь. Люди мерли как мухи.

Суворов отправил дежурного подполковника произвести следствие и навести в больницах порядок. Командиру дивизии - явиться в главную квартиру.

Вчера утром Киселев приехал. Смущенно поглаживая лысину, он подошел к Столыпину.

Столыпин сказал, что Александр Васильевич еще не выходил из кабинета, и посоветовал Киселеву сегодня не являться.

- Как же так? Да ведь фельдмаршал знает, что я приехал...

- Верно. Плац-майор еще вчера доложил, что вы приехали.

- Ну, так как же мне не являться?

- Не являйтесь! - убеждал Столыпин. - Александр Васильевич еще очень сердит на вас. Киселев послушался Столыпина и ушел к дежурному генералу Арсеньеву.

"Любопытно: спросит Александр Васильевич сегодня о Киселеве? - подумал теперь, идучи, Столыпин.

Столыпину это интересно было потому, что хотелось проверить: настолько ли он знает Суворова, как ему кажется? За восемь месяцев службы у Суворова он освоился со всеми его привычками и обычаями. Казалось, знал Александра Васильевича, понимал его с полуслова.

Вчера произошел случай, который подтвердил это. В Тульчин входил Смоленский драгунский полк. Суворов поехал за местечко смотреть полк на марше. Он скакал галопом по широкой дороге вдоль растянувшихся эскадронов. Вдруг обернулся к Столыпину и, махнув плетью куда-то в сторону, крикнул:

- Э, а!

Столыпин подскакал к эскадрону и сразу же сообразил в чем дело: эскадрон потерял дистанцию, и потому отстали пушки.

Столыпин приказал артиллерийскому офицеру податься вперед.

Суворов, довольный, махнул Столыпину головой. Фельдмаршал относился к Столыпину хорошо. В первую же субботу, когда Суворов учил войска драться колоннами, он поставил Столыпина с солдатским ружьем в пехотный полк. После ученья пожаловал его в унтер-офицеры. В следующую субботу поставил Столыпина в кавалерийский полк. После ученья произвел в офицеры.

Местечко еще спало. На улицах не было ни души. Шаги Столыпина гулко отдавались на мостовой.

Столыпин подходил к двухэтажному дому графини Потоцкой.

Графиня Потоцкая, статс-дама российского двора, уступила фельдмаршалу первый этаж, а сама со взрослой дочерью помещалась во втором.

Суворов подружился с Потоцкими. Он часто ходил к графине посидеть и поговорить. Потоцкие навещали Александра Васильевича.

Молодые офицеры из штаба Суворова засматривались на хорошенькую дочь графини, перешептывались с графиниными горничными.

Подходя к дому, Столыпин по привычке обдернул мундир, осмотрелся, все ли в порядке.

Второй этаж был еще темен. В раскрытых окнах чуть шевелились под легким ветерком, белели шелковые занавески.

Лишь в одном окне первого этажа - в камердинерской Суворова - светился огонек.

У высокого крыльца стоял, отбиваясь от назойливых комаров, часовой.

Столыпин поднялся по ступенькам, прошел переднюю, где, растянувшись на скамейке, храпел вестовой, и вошел в следующую комнату. В ней спали Прошка, повар и фельдшер Наум.

Столыпин не без труда растолкал главного камердинера, который упорно не желал пробуждаться.

Александр Васильевич приказал поднять его пораньше.

Прошка, зевая и чертыхаясь, сел. Ткнул кулаком в бок Мишку-повара:

- Вставай, увалень!

И поплелся будить "самого".

Через секунду из спальни донесся приятный басок фельдмаршала.

Суворов проснулся бодрый, живой, веселый. Он все дни пребывал в отменном настроении. Еще бы - наступил сезон его удовольствий: ученья в поле, лагеря, беспрестанное движение и множество разнообразных дел. Покоя и безделья не выносила его кипучая натура.

Прошка и вестовой понесли в спальню два ведра воды и громадный таз. Начинался день, начинались обязательные, неоднократные обливания водой.

А повар пошел кипятить в печке чай. Как все старики, Суворов любил, чтобы еда и чай были горячими. Потому повар кипятил чай тут же, при нем, в спальне.

Суворов вытирался, отдавая приказания повару, что сготовить к обеду.

- На закуску - редька... Бишбармак (Бишбармак- вареное мясо, крошево, обыкновенно баранина, с прибавкой муки, круп.). Пельмени. Духовая говядина. Каша рисовая. И щука с голубым пером... А мальчик пришел? - спросил он ("мальчиком" он звал Столыпина).

- Давно. Ждет.

- Позови.

Столыпин вошел, поздоровался.

- Здравствуй, братец! Кликни ко мне господина Дьякова!

Столыпин отправил ординарца за полковником Дьяковым, который был начальником провиантской конторы при армии.

Сонный предстал перед фельдмаршалом полковник - в такую рань вставать не привык.

- Николай Александрович, все запасные магазейны были б полны! И все исправно. Ежели провианта не достанет, на первом суку тебя, ваше высокоблагородие, повешу! Ты, мой друг, меня знаешь: я тебя люблю и слово сдержу. Ступай!

Полковник Дьяков пулей вылетел из спальни - куда и сон девался.

Все знали - фельдмаршал шутит только во время отдыха, за обедом, а в рабочие часы - шутки в сторону.

- Мальчик, садись, чайку попьем! - крикнул он Столыпина.

Пили чай с медом и сухарями.

Напившись, Суворов усадил адъютанта за стол к окну, которое выходило в большой графский сад.

- Прочти-ка, что вчера записали из "словесного поучения".

- "Береги пулю на три дня, а иногда и на целую кампанию..."

- Прибавь: "как негде взять".

- "Стреляй редко, да метко. Штыком коли крепко. Пуля обмишуются, штык не обмишуются. Пуля - дура, штык - молодец. Береги пулю в дуле; трое наскочат: первого заколи, второго застрели, третьему штыком карачун; это не редко, а заряжать некогда. В атаке не задерживай..."

- Так. А дальше, на той синей бумажке, что у нас?

Столыпин прочел:

- "Фитиль на картечь; бросься на картечь: летит сверх головы. Пушки твои, люди твои; вали на месте, гони, коли, остальным давай пощаду. Они такие же люди: грех напрасно убить".

- Все?

- Все, ваше сиятельство.

- Теперь пиши.

И Суворов, бегая из угла в угол, стал диктовать:

- Три воинские искусства: первое - глазомер, второе - быстрота, третье - натиск...

...Уже давно вошло солнце, давно погасили свечу - она была не нужна. Наступило утро. Из сада, из неосвещенных солнцем уголков, тянуло сыростью, но в этой непроницаемой дымке, которой уже было подернуто небо, чувствовалось, что день встает жаркий, душный.

Суворов диктовал:

- "Субординация, экзерциция, дисциплина, чистота, опрятность, здоровье, бодрость, смелость, храбрость, победа и слава". Ну вот. Вчерне готово. Завтра перепишем, и можно посылать в полки. А теперь пора обедать. Что, Киселев приехал?

- Так точно.

- Ступай позови его к обеду!

Столыпин с удовлетворением пошел звать генерала Киселева - он оказался прав: генерал-поручику было кстати не сразу являться к фельдмаршалу.

Ш

В приемной фельдмаршала собрались все приглашенные к обеду.

Суворов вышел из спальни (она служила ему и кабинетом) чисто выбритый, надушенный, свежий. Волосы после купанья еще сохраняли влагу. Фельдмаршал был во всем белом. Только на кителе обшлага, лацканы и воротник - зеленые. На груди висел один Андреевский орден.

Суворов стал здороваться с теми, кого сегодня видал впервые.

- Здравствуй, друг мой Дмитрий Иванович, - приветливо встретил он генерал-поручика Киселева. - Сядешь возле меня. Поговорим.

Это обыкновение фельдмаршала отчитывать потихоньку знали все. Ежели Суворов бывал недоволен полком, он никогда не бранил его тут же, на плацу или в поле, а потом, наедине, хорошенько пробирал командиров.

- Господа, прошу немножко повременить: Мандрыка пошел наверх пригласить к столу графинюшку, - обернулся ко всем Суворов.

Немного погодя в приемную вошла в сопровождении суворовского генерал-адъютанта Мандрыки сорокалетняя, еще красивая графиня Потоцкая.

Суворов кинулся к ней навстречу. Галантно поцеловал руку.

- Доброе утро, ваше сиятельство. Милости просим откушать нашего солдатского хлеба-соли...

- Спасибо, Александр Васильевич, но я ведь только что встала, улыбнулась графиня, кокетливо окидывая всех своими большими карими глазами. - Мне обедать еще рано...

- А мы кофейком вас попотчуем. Оживите, украсьте наше общество. А то все мужики. Смотреть тошно. Прошу вас!

Суворов повел графиню в зал, где был накрыт стол и где уже похаживал румяный от выпитой водки, но ничуть не повеселевший камердинер Прошка. Он покрикивал на двух вестовых, отряженных подавать к столу.

Суворов никогда не сидел за столом на хозяйском месте. Он садился сбоку, на уголку, по правую сторону стола. И теперь хозяйское место фельдмаршал приготовил графине.

Подойдя к столу, Суворов громко и внятно прочел молитву

Очи всех на тя, господи, уповают...

Кончив, он улыбнулся и будто бы сурово изрек:

- Кто не сказал "аминь", тому водки не будет!

В кабинете он был серьезен - не улыбнется, не пошутит, а за обедом любил смеяться, проказничать.

- Я не сказала "аминь", - отвечала, усаживаясь графиня.

- Ваше счастье, что вы не пьете, а то сейчас бы заставил выпить водочки...

Всем мужчинам налили водки. Выпили. Суворов закусывал своей любимой редькой и усиленно угощал сидевшего рядом генерала Киселева.

- Простите, графинюшка, мы по-солдатски, редькой... Как про нее в поговорке сказано: "шут в луже, борода наруже"... Мы в вашу сторону дышать не станем!

- Кушайте, пожалуйста! Я сама очень люблю редьку.

Вестовые стали по чинам обносить гостей.

Суворов любил все горячее. Для него готовили в отдельных горшочках и так подавали на стол. Он ел с аппетитом и рассказывал будто бы одному Киселеву, как в прошлое воскресенье вручали орден Анны командиру егерского батальона подполковнику Шмелькову. Подполковник с виду суров, брови лохматые, усищи громадные. И ни у кого в церкви, где освящали орден, не случилось булавки, чтобы приколоть ленту. И как дамы наперебой бежали к нему с булавками.

- Я замечал - дамы всегда любят эдакие марциальные (Марциальный - воинственный.) лица. Такие, как мы, бритые, у них не в почете. Свидетельствуюсь Эолом (Э о л - мифологический бог ветра.). Его описывают ужасным, а этот старик-ветреник - дамский угодник. Он никогда не отказывал в бурях Гомеровым богиням.

Графиня стала возражать, говоря, что дамы любят не только воинственных по виду.

Разговор понемногу оживился, стал общим. Суворов любил, чтобы за столом было шумно, весело. Если молчали, он сам просил:

- Да говорите, братцы! Не молчите. Сидят, ровно на хозяина злобу затаили!

Столыпин сидел на противоположном конце стола, рядом с другими адъютантами - Мерлиным, Уткиным, Ставраковым. Костя Уткин занятно рассказывал о своих последних победах у графининых горничных. Увлечлись, не слышали, что говорят кругом.

Вдруг дежурный генерал Арсеньев, сидевший по другую сторону графини, окликнул через стол:

- Столыпин, фельдмаршал спрашивает!

- Что прикажете, ваше сиятельство? - встрепенулся Столыпин подымаясь.

- Чем у нас чистят полы?

- Нашатырем, ваше сиятельство! - не задумываясь, брякнул Столыпин.

- Что стоит в день?

- Двадцать пять червонцев.

- Помилуй бог, как дорого!

Графиня и все сидевшие возле Суворова рассмеялись.

Столыпин понял, что Александр Васильевич, увидев, как они углубились в свои разговоры, хотел посмеяться - неожиданным и нелепым вопросом смутить его.

Вывернулся!

Суворов был весел, шутил, ухаживал за графиней, уговорил ее выпить рюмку малаги. И много ел.

Прошка подошел к Суворову и бесцеремонно потянул у него из рук тарелку с рисовой кашей:

- Позвольте, ваше сиятельство!

- Куда ты?

- Позвольте!

- Я еще не съел!

- Позвольте. Довольно!

- Как довольно? Я есть хочу, Прошенька!

- Не приказано.

- Кто не приказал?

- Фитьмаршал.

- А, фельдмаршал... Его надобно слушать, помилуй бог!

И он позволил Прошке убрать тарелку: Суворову запрещено было много есть.

- Александр Васильевич, вас здесь обижают, не дают и покушать. Приходите ко мне обедать, - смеялась графиня.

- Благодарствую. Но этот человек найдет меня и у вас. У него я за столом, точно Санчо-Панса во время губернаторства на острове Баратария...

Когда встали из-за стола, товарищи окружили Столыпина.

- Саша, откуда ты взял, что полы чистят нашатырем?-смеялись они.

- Сболтнул, что пришло в голову.

- Молодец!

К Столыпину протискался и генерал-поручик Киселев. Он крепко пожал ему руку:

- Спасибо, дружок! Почему ты узнал, что мне будет такой прием?

- Он Александра Васильевича хорошо знает, - ответил за друга Уткин.

- Вы помедлили являться, он и узнал, что вы чувствуете свою вину, не знаете, как показаться на глаза...

Выходили из зала.

Суворов, провожая графиню, кончал какой-то разговор:

- Вы говорите, что фортуна, как и купидон, слепая? Не верьте, графинюшка, этому мальчишке.

Он играет в жмурки, а из-под повязки плутовски подглядывает. Иначе он не догнал бы своей душеньки...

Проводив графиню до лестницы, Суворов ушел отдыхать.

Все разошлись.

Прошка, и тот ушел на квартиру к своей жене. Денщиков Столыпин отпустил в местечко.

Столыпину уходить никуда было нельзя - сегодня он дежурил у фельдмаршала. Он сел в приемной на диван и от скуки взял со стола истрепанный том журнала "Дело от безделья" за 1792 год, принесенный кем-то из адъютантов для препровождения времени.

Перелистывал, читал:

Ежели захотим мы рассматривать человека надлежащим образом во всех окрестностях его, тогда неминуемо долженствует разобрать и то, в каких отношениях находится он ко всем вещам, вне его сущим...

Перевернул еще. Глянул стихи:

Песнь в честь храбрых

Российских войск на юге

Не сведем Россам страх,

Не таковы их души,

На море и на суше

Разят врагов, как прах.

Все о нем, о Суворове. Тысячу раз это читывал. Полистал еще.

Вот песня - это интереснее:

Поля, леса густые,

Спокойствия предел,

Где дни текли золотые,

Где я драгую зрел!

Прочел все семь строф. Зевнул. Спать хочется до смерти. Швырнул журнал. Отстегнул шпагу, прилег.

...Его разбудил Прошка. - Вставай, уже за полдень! А он спит! громко, во весь голос орал Прошка. Столыпин вскочил.

- Тише! Фельдмаршал спит!

- Какое там спит. Ляксандры Васильича нету.

- Неужто проспал? Не слыхал? Срамота!

Столыпин осторожно приоткрыл дверь в фельдмаршальскую спальню. На сене - никого. Кинулся в переднюю к вестовому:

- Куда ушел фельдмаршал?

- Сюдой не проходил, ваше благородие!

- Куда же он девался?

- Да что, впервой, не знаешь? В окно ушел, - подсказал Прошка, убирая постель Александра Васильевича. - Ишь, гуляет, цветочки рвет.

Столыпин глянул в окно. Суворов шел по саду. Он пристегнул шпагу и тоже вылез в окно. Быстрыми шагами стал догонять фельдмаршала.

Суворов, не оборачиваясь, тоже прибавил шагу.

Столыпин побежал. Суворов побежал тоже. Но Столыпин все-таки настиг его. Суворов круто обернулся. Весело спросил:

- Что, отдохнул, ваше благородие?

- Отдохнул.

- Ну, пойдем еще поработаем. А я цветочков набрал - вишь какая прелесть! - показал он на пышный букет розовых, фиолетовых и белых астр.

Потом вынул из кармана черепаховую, отделанную золотом табакерку с портретом Екатерины - подарок императрицы - и посыпал нюхательным табаком цветы. Понюхал. Покачал от удовольствия головой:

- Приятно! На, понюхай!

Столыпин понюхал, чихнул и, улыбаясь, пошел вслед за фельдмаршалом к дому.

Вечером, умываясь на ночь, Суворов позвал Столыпина:

- Мальчик!

- Чего изволите?

- Завтра - суббота?

- Так точно, суббота!

- Пушки не боялись бы лошадей!

- Слушаю-с!

Больше спрашивать невозможно: нужно сообразить самому.

Столыпин в раздумье вышел из спальни: как бы не напутать, правильно отдать приказ.

Когда фельдмаршал говорил: "Патроны не мочить!" - это значило, что будет ученье на реке - переходить реку. Но "пушки не боялись бы лошадей"? Столыпин послал вестового за дежурными подполковниками - Каменевым по кавалерии и Тихановским по пехоте.

Через некоторое время подполковники явились. Столыпин передал им слово в слово приказ фельдмаршала. Стали думать сообща: что бы это могло значить? Предполагали, строили разные догадки.

Наконец Столыпин сказал:

- Вспомните, господа, первое ученье колоннами. Пехота училась против кавалерии. Потом артиллерия против пехоты. Но кавалерия против артиллерии еще не училась. Я думаю, так и должно: ученье артиллерии против кавалерии.

- Похоже,- согласились подполковники.

- Как пушки запалят, я взойду в спальню, будто бы за чем-либо. Ежели мы ошиблись, Александр Васильевич тотчас же спросит: что за пальба? Ежели мы поняли верно, он станет продолжать свою работу.

На том и порешили. На следующий день, как только загремели пушки,

Столыпин с тревогой вошел к фельдмаршалу.

Тот сидел у стола - что-то писал. Увидав вошедшего адъютанта, Суворов приставил два пальца к губам - это был знак: все правильно, все хорошо!

IV

Фельдмаршал Суворов кончал подписывать бумаги, собираясь ехать к войскам.

- Ваше сиятельство, вас ожидают, - доложил адъютант Столыпин.

- Кто?

- Из Петербурга.

- Фельдъегерь от царицы?

- Никак нет. Фазан, - улыбнулся Столыпин.

Суворов поморщился: опять какой-либо родовитый шалопаи прискакал выслуживаться при штабе фельдмаршала. Благо, войны нет.

- Красив?

- Не приведи бог! Весь в атласах и шелках. И завит, как пудель...

- Добро. Я ж его возьму с собою на ученье!

Суворов бросил перо, встал, надел каску, вышел. В приемной его ждало что-то цветистое. Зеленый атласный кафтан, коричневый шелковый камзол, желтые шелковые чулки, башмаки с золочеными пряжками, с красными каблучками.

- Фазан. Настоящий фазан!

А из нарядной чужеземной рамки гляделось обыкновенное русское лицо широкие скулы, нос пуговкой. Глаза голубые, упрямые.

"Вроде как не из глупых..."

Увидев Суворова, франт вскочил, взмахнул красной шляпой, низко склонился. С головы на пол посыпалась пудра.

- Как звать?

- Алексис Мещерский.

- Из каких Мещерских? Покойного князя Ивана сын?

- Да.

- А, очень рад. Отец был моим командиром. Достойный человек. Очень рад!

Суворов обнял его. Потом, не выпуская из объятий, чуть откинулся назад, разглядывая в упор.

- Каким фасоном повязан галстук?

- Эпикурейским.

- А сколько фасонов знаешь?

- Сорок.

- Пудра-то - заграничная?

- Парижская.

- Давно вернулся?

- Месяц назад.

- Кто посылал?

- Дядя Митрофан.

Суворов отпустил его. Прошелся по комнате.

- Помилуй бог, этот может. Отец - вояка, дядя- гуляка! - Остановился, смерил еще раз с головы до ног.

- Служить?

- Хотел бы.

- При штабе?

- При вас.

- Начнем с пехоты. Ступай переоденься, Алешенька!

Фазан удивленно поднял брови: что, он разве плохо одет?

- Я одет. Я готов...

- А готов, так идем! Только чур - не отставать.

Каждая минута дорога! И Суворов вышел.

- Александр Васильевич фазанчика пошел крестить, - хихикали штабные, глядя им вслед.

День был жаркий. На дороге пыль - как перина.

Суворов в сапогах быстро шел по самой середине улицы.

Фазан едва поспевал за ним на своих красных каблучках. Недоумевал: куда же так далеко ведет?

А фельдмаршал шел, все время поучая:

- Военный шаг - аршин. В захождении - полтора аршина!

И припечатывал, как на церемониальном марше.

Пыль летела во все стороны.

Фазан чихал, сморкался от пыли, но терпел. Пот тек по лицу, по затылку. Пробовал вытереть - больше размазал: пыль смешалась с пудрой. Башмаки посерели, золоченые пряжки потускнели.

А Суворов без усталости шагал и без усталости говорил:

- Возьми себе в образец героя древних времен. Наблюдай его, иди за ним вслед. Поровняйся, обгони - слава тебе!..

Поровняться со старым фельдмаршалом - где там! Алексис старался хоть не отставать: ковылял на высоких каблучках, придерживал ерзавшую на голове шляпу, поглядывал по сторонам - куда идут? Скоро ли конец?

Но конца не предвиделось.

Давно прошли все улицы. Шли по дороге, по полям, напрямки. Прыгали через канавы, перелезали через плетни.

Алексис потерял несколько пуговиц из разных частей костюма, оторвал карман.

А Суворов все прибавлял шагу. Ему в сапогах идти было удобно, но в башмаках на высоких каблучках-не ахти как...

Суворов все жужжал:

- Последуй Аристиду в правоте, Фабрициану в умеренности...

(Аристид- греческий полководец, Ф а б р и ц и а н - римский полководец.)

Вдруг разом остановился, так что Алексис чуть не наскочил на него.

- А кто такой Фабрициан? Знаешь?

В Париже, в "Синем кабачке", хозяин был Фабрициан. Но он неумерен во всем. Вероятно, не тот.

От усталости, от духоты, пыли, досады брякнул прямо:

- Не знаю!

Суворов отскочил. Смотрел неласково, строго. И тут Алексис вспомнил: в Петербурге все предупреждали - у Суворова остерегись говорить "не знаю".

- Незнайка. Немогузнайка! - измывался фельдмаршал.- Солдат должен все уметь, все знать! Я все знаю!

Алексис вспыхнул Вырвалось невольно:

- Нет ваше сиятельство, и вы не все знаете!

Суворов удивленно воззрился:

- А ну-ка скажи, чего я не знаю?

- А как звали мою прабабушку? Фельдмаршал рассмеялся. Хлопнул его по плечу:

- Молодец, Алешенька! Нашелся! Бабушку знаю - Авдотья, а прабабушку помилуй бог!

И пошел опять вышагивать.

Они шли уже по тропинке. Свернули куда-то в сторону, пошли кустами-кустами, и вот - громадный сухой ров.

Через глубокий ров перекинута две тонкие жердинки.

Суворов как шел, так и пошел по этой кладочке. Уверенно и ловко, как по полу. В один миг очутился на том берегу рва.

А фазан на секунду замешкался - как тут идти?

Потом, очертя голову, кинулся вслед за фельдмаршалом.

Ступил раз-два-три. Проклятый каблучок соскользнул с жердинки. Алексис качнулся вправо, влево, попробовал удержать равновесие, взмахнул руками, как птица крыльями, готовясь лететь, и - полетел вниз.

Но падая, успел как-то схватиться руками за кладочку. Повис надо рвом, болтая ногами. Потом сообразил: перехватывая то одной, то другой рукой жердинки, перебрался через ров.

Не полез в бурьян, в камни, в битые черепки за своей шелковой красной шляпой. Побежал вслед за фельдмаршалом.

Суворов точно не видел, что произошло, - уже был далеко.

Алексис шел, на ходу зализывая оцарапанную руку. Куафюра его растрепалась - голова была взлохмачена, дика. Эпикурейский галстук съехал на сторону, лицо пылало. Он хромал: предательский каблучок так-таки сломался...

Алексис уже не смотрел по сторонам - было все равно, куда идти и сколько идти. Поднялись на горку, спустились в лощину. Прошли лужок, и внизу - река.

Суворов еще на ходу сбросил куртку, быстро скинул сапоги, белье. Взял одежду, сапоги в руку и бросился в реку. Он плыл, покрякивая от удовольствия, и оглядывался.

Фазан едва приковывлял к берегу. Невольно глянул на себя, на кафтан, камзол, башмаки. Ленты, пуговицы, пряжки. Ежели раздеваться, все отстегивать и снимать - Суворова и след простынет.

Алексис перекрестился и бухнул головой с берега - только брызги во все стороны.

Плыл отменно легко, саженками. Над водой мерно мелькали оплухшие кружевные манжеты да горбатилась, дыбилась над водой зеленая атласная спина...

Противоположный берег был глинист и крут. Фазан увяз в глине, едва выдрал ноги, на четвереньках взобрался наверх.

Вода стекала с него ручьями. Камзол из коричневого стал желтым, а чулки из желтых -

коричневыми. Волосы окончательно развились, висели по плечам, как у протодьякона. Башмаки все в глине, в башмаках чавкала вода.

А Суворов бежал уже по лугу. Впереди виднелись зеленые мундиры мушкатеров Вымокший, словно курица, полинявший с ног до головы, плелся Алексис. Мокрый атлас свистал на ходу.

Алексис был красен и зол. Он знал, что его вид смешон, но шагал твердо: второй каблук отломал сам, чтобы не хромать.

Офицеры выстроенного на лугу полка отворачивались. Солдаты беззвучно тряслись от смеха - в строю у фельдмаршала Суворова не больно поговоришь!

- Что, умаялся, Алешенька? - участливо спросил Суворов, когда Мещерский подошел к нему.

- Нет, ничего, - буркнул тот.

"В отца! Упорен. Тверд. Молодец!" - подумал Суворов.

Спросил:

- В гвардии был записан сержантом?

- Точно так!

- Дай-ка мне шпагу, - обернулся Суворов к светлоусому капитану.

Суворов взял шпагу и передал ее Мещерскому:

- Вон, впереди - вал. Взять его штурмом!

Скомандовал:

- Первая рота, слушай команду подпоручика князя Мещерского! Веди, Алешенька!

Мещерский выбежал вперед и, закричав: "За мной, ура!" - побежал изо всех сил к валу.

Рота гаркнула "ура" и дружно кинулась за ним.

Мещерский бежал с удовольствием: он чувствовал - этот искус последний.

И вдруг, когда до вала осталось не более полусотни шагов, впереди блеснул огонь, что-то грохнуло, и горячая и дымная волна ударила в него. Чуть не сшибла с ног.

От неожиданности Мещерский на мгновение остановился шатаясь.

"Холостыми", - пронеслось в мозгу.

- Коли, руби! - истошно заревел он, кидаясь к валу. Он обогнал неторопливо, привычно бегущих мушкатеров и раньше всех вскочил на вал. Мещерский так разъярился, что чуть в самом деле не пырнул шпагой первого попавшегося артиллериста.

...Когда вернулись с ученья в главную квартиру, Суворов кликнул своего цирюльника Наума:

- Остриги их благородие. В кружок.

Через минуту от пышной парижской куафюры с буклями и "кошельком" на затылке не осталось и следа.

Суворовский вестовой принес от каптенармуса новый офицерский мундир, сапоги, каску.

- Вот так-то лучше, Алешенька! Теперь ты не только по душе, но и по виду русский! - ласково сказал Суворов, обнимая бывшего фазана.

Мещерский от волнения и усталости едва стоял на ногах.

- Ну, ну, ступай отдохни. Ты молодец!

У

- Ваше благородие, вставайте, за вами пришли! - тормозил Столыпина денщик.

Столыпин проснулся. Сегодняшнюю ночь провел у фельдмаршала и потому лег после обеда отдохнуть.

Встал, надел мундир, вышел из спальни.

В комнате его ждал Мардрыка.

- Что такое случилось? - спросил Столыпин, Было странно, что сам правитель фельдмаршалской канцелярии пришел на квартиру к адъютанту,

- Пойдем, расскажу!

Они вышли.

На площади, где никто не мог подслушать, Мандрыка сказал:

- Государыня скончалась.

- Не может быть!

Ошеломленный этой неожиданной неприятной новостью, он остановился.

Мандрыка, вынул из кармана конверт с императорскими печатями.

- Что же нам делать, Александр Алексеич? Пришел с тобой посоветоваться. Ты нашего старика хорошо знаешь.

Они медленно шли по площади.

Осенний ветер гнал по небу тучи. Было пасмурно и неуютно.

Ежели доложить теперь, то он целую ночь протоскует и не уснет. Ослабнет старик. Не заболел бы. Не лучше ли будет так-то: я не пойду к себе, останусь на ночь при нем. По обыкновению он в два часа ночи закричит:

"Мальчик" Я войду. "Что нового?" Я доложу: "Дмитрий Дмитриевич приходил, но вы изволили почивать". Он велит позвать вас. Пока я схожу да пока мы придем, он уже напьется чаю, и тогда можно будет объявить.

- Пожалуй, так и сделаем, - согласился Мандрыка

Глава четвертая

"Я НЕ НЕМЕЦ, А ПРИРОДНЫЙ РУСАК!"

I

Получив известие о смерти Екатерины II, Суворов немедленно отправил в Петербург адъютанта Уткина с письмами к Хвостову и Наташе узнать, что происходит в столице.

Далекий, захолустный Тульчин жил в эти недели только предположениями, догадками и невероятными слухами. Все сходилось в одном: новый царь заведет иные порядки, чем те, которые были при Екатерине.

Обстоятельства сложились для Павла Петровича так, что лишь в 42 года он унаследовал престол. Будучи наследником, он не очень дружил с матерью они придерживались разных взглядов - и не принимал участия в государственных делах; значит, теперь наверстает упущенное: новая метла хлестко метет! Потому дворяне и чиновники тревожно шушукались по углам, а крестьяне, как после смерти каждого царя, ждали каких-то облегчений в своей подневольной, крепостной жизни. Тем более что этот царь велел привести к присяге не только господ, но и мужиков, чего еще ни разу не случалось.

Суворов поначалу был доволен: "Повалил кумиров!" Полетел "мелкоумный", заносчивый мальчишка, царицын любимец Платон Зубов.

В последнее время Суворов окончательно разошелся со всеми Зубовыми даже со своим зятем Николаем Александровичем, который, как и следовало ожидать, тянул не за тестя, а за брата.

Князь Платон, - писал Суворов Хвостову, - знает намёку, загадку и украшается как у г о д н ы м, что называется в общежитии лукавым, хотя царя в голове не имеет.

- Козел, который и с научением не будет львом!

Взбешенный надменностью Платона Зубова, Суворов под горячую руку написал фавориту резкую записку. Поставил его на место:

Ко мне стиль Ваш рескриптный, указный, повелительный, употребляемый в аттестованиях! Нехорошо, сударь!

И совершенно прекратил с ним переписку, а обращался непосредственно к царице.

И вот теперь вся карьера Зубова лопнула. "Кумир" повалился... Первые достоверные известия о новой петербургской жизни привезла дочь графини Потоцкой, которая приехала в Тульчин.

Графиня немедленно же пригласила Александра Васильевича к себе, так как знала, что Суворов захочет послушать о Петербурге.

- Можете себе представить, Александр Васильевич, государь ничего худого не сделал Платону Зубову! - такой невероятной новостью встретила Суворова Потоцкая.

Павел Петрович ненавидел всех любимцев Екатерины, и особенно покойного

Потемкина, и должен был бы в первую очередь разделаться с теми, кто из них остался в живых.

- Я ж говорил: князь Платон - человек "как угодно".

Пускает плащ по всякому ветру,- ответил Суворов.

- А Николай Александрович был отправлен в Гатчину сообщить Павлу о смерти матери.

Суворов только иронически улыбнулся, услышав об этой важной миссии, которую поручили его зятю.

- Ну, графинюшка, рассказывайте! - сказал он, садясь в кресло и вынимая из кармана золотую табакерку. Молодая графиня рассказывала, а Суворов вставлял свои замечания.

- Запрещено танцевать вальс...

- Помилуй бог! Вальс - большое государственное дело!

- Нельзя носить французские круглые шляпы, отложные воротники, башмаки с лентами. А с пряжками так некрасиво... В воскресенье полиция и драгуны ловили на улицах всех, кто еще был одет по старой моде. Обрезывали воротники, рвали жилеты. Дядя Андрюша поехал с тетей в собор. Воротился точно после драки: соболий воротник отрезан, жилет - в клочья,- смеялась рассказчица.

- Да, отложные воротники - злейшие враги отечества! - басил, усмехаясь, Суворов.

- Вокруг Зимнего понатыкали полосатые будки. Черные с белым. И цвета похоронные, не могли какими-либо другими разрисовать. Не дворец, а казарма. И в одну ночь все фонарные столбы, все ворота, двери в домах - всё выкрасили этими противными полосами.

- Гатчинский, прусский манер. Понимаю...

- Запрещено говорить слово "курносый".

- Хорошо, что у меня нос не такой,- потрогал себя за нос Суворов.

- При встрече с государем все экипажи должны останавливаться, а кто едет - выходить и кланяться.

- А если на улице грязь? - спросила мать.

- Дамам разрешено делать поклон на подножке кареты. Госпожу Демут, жену владельца гостиницы, посадили на трое суток в смиренный дом за то, что она не скоро вышла из экипажа. И теперь все, как увидят царскую карету, заранее сворачивают в переулок.

- Знаете, Александр Васильевич, в Петербурге ложатся спать в десять часов вечера - так приказал государь,- сказала Суворову графиня Потоцкая.

- Оттого графинюшка и пожаловала к нам? Скучно, небось, стало в Петербурге? - посмотрел Суворов на молодую графиню.- А когда же встают - всё в двенадцать, в полдень?

- Смотря кто. Дядя Андрюша едет в департамент к пяти часам утра.

- Ого! Вот это здорово. Вот это по-нашему,- похвалил Суворов. Каково-то сейчас таким, как Безбородко, в пять утра садиться за дела! Ну, еще что? Как армия?

Но об армии молодая графиня знала очень немного. Сказала только, что офицеры одеты, точно монстры, как пугала: мундиры тесные, некрасивые, ботфорты простые, грубые, головы у офицеров завиты, и самое смешное - к ушам прицеплены громадные войлочные букли, в руках трости. Фи...

- Так, так. Стало быть, нарядили во все прусское, как при покойном батюшке Петре Третьем тридцать лет назад носили. Ну что ж, гатчинцы всегда были так одеты.

Больше ничего интересного графиня не рассказала.

Дальше шло все то же: запрещено женщинам носить синие сюртуки с красными воротниками и белые юбки, цветные ленты через плечо и прочее.

О новых порядках в армии Суворов узнал пока что немного. Но уже было ясно: на всем - гатчинский, капральский дух. Да этого и надо было ожидать от Павла, потому что он всегда выставлял себя ярким поклонником всего прусского. Все последние годы наследник Павел Петрович жил у себя в Гатчине. В Гатчине завел свое небольшое войско - пехоты, кавалерии и артиллерии около двух с половиною тысяч человек. Войско было обмундировано и

обучено по старопрусскому образцу. Ясно, что теперь Павел переделает всю армию на прусский манер, как было когда-то еще при его отце, Петре III.

Матушку свою, Екатерину II, Павел не любил. Потемкина и с ним все нововведения в армии - ненавидел.

Суворов спускался вниз к себе, в первый этаж, и невольно повторял слова солдатской песни, которую сложили тогда, когда он, Румянцев и Потемкин добились отмены прусского обмундирования и этого дурацкого пудрения солдатских волос:

Спросить было у пудры,
Спросить было у сала,
Куда их делась слава?
Пудра, сало - в аде,
Солдаты в вертограде
Кричат: "Виват, виват!"
Солдаты в вертограде!
(Вертоград - сад.)

Выходило, что пудра-то и свечное сало, которым смазывали волосы, опять брали верх, а солдаты оказывались далеко не в "вертограде"...

"Пустокрашения солидного",- огорченно думал фельдмаршал Суворов.

II

Сколь же строго, государь, ты меня наказал за мою 55-летнюю прослугу!

Суворов

На следующий день после приезда Потоцкой Суворов отпустил в Петербург подполковника Батурина в отпуск, а сам с утра поехал на охоту; охоту и рыбную ловлю он любил.

Суворов со дня на день ждал нового устава, ждал более точных указаний насчет обмундирования, снаряжения и прочих изменений. Обучать солдат по-своему сейчас не хотелось - было не к чему.

По старой привычке, выработанной с юности, он много занимался, хотя продолжали болеть глаза: писал и читал. Читал книги и газеты. Следил за тем, как в Италии молодой французский генерал Бонапарт делает поразительные успехи.

"Ох, далеко шагает мальчик. Пора бы его унять!" Но целые дни только читать да писать невозможно.

Ведь он не кабинетный же человек!

Не сиделось на месте. Хотелось двигаться, действовать.

И потому Александр Васильевич уезжал на охоту.

Когда Суворов после полудня, усталый, но довольный поездкой, вернулся домой, его ждали большие новости.

Из Петербурга наконец получили инструкции по поводу установления в армии новых порядков.

Новости оказались неприятными, хуже и представить трудно.

Устав в армии вводился, конечно, как и ожидал Александр Васильевич, прусский, старый, 1760 года, только слегка измененный любимцем Павла Ростопчиным. Его рука чувствовалась во всем.

Обмундирование тоже прусское, но еще более устаревшее. Такое, как пруссаки носили даже не при Фридрихе II, а еще при его отце.

Стало быть, все заботы, все труды, все знания Суворова, Румянцева, Потемкина - к ноге!

Не выдержал. Прорвалось гневное:

- Русские прусских всегда бивали, что ж тут перенять!

Из Петербурга даже прислали железный полуаршинный прутик - мерку, какой длины должна быть у солдата и офицера коса.

- Пудра не порох, букли не пушки, коса не тесак, я не немец, а природный русак! -

взбешенно крикнул Суворов и отшвырнул прочь железную мерку.

Но чем дальше в лес, тем больше дров. Дальше шли новые неприятности. Павел I ни за что вдруг произвел в фельдмаршалы девять генералов: Репнина, Эльмпта, Каменского, обоих Салтыковых, Прозоровского, Мусина-Пушкина, Гудовича и Чернышева.

Свалил всех в одну кучу.

И всех фельдмаршалов поставил в общий список генералов - каждый назначался шефом какого-либо полка.

Главное значение в армии приобретали инспекторы: они заменили прежних командующих дивизиями (дивизиями назывались округа, в которых войска располагались для постоянных квартир).

- Фельдмаршал понижается до генерал-майора! Если бы фельдмаршала сделали генерал-инспектором, и тогда не его дело этим заниматься!

Выходило так, что все прошлое, все боевые заслуги, вся воинская слава, добытая умом, сердцем, кровью,- стали ни во что.

Слишком большой удар!

Суворов в горечи рванул дрожащими руками конверт, который передал ему один из двух приехавших офицеров-курьеров.

Они стояли в своих новых прусских мундирах, резко выделяясь из всей группы офицеров суворовского штаба, бывших тут же. Суворову они казались какими-то чучелами из кунсткамеры, такой стариной, таким отжившим, далеким; Семилетней войной веяло от них.

Письмо было от самого царского адъютанта Ростопчина, "сумасшедшего Федьки", как метко окрестила гатчинского выскочку умная, проницательная Екатерина II.

Сиятельнейший Граф, Милостивый Государь!

По повелению Государя Императора, при сем отправляю к Вашему Сиятельству двух фельдъегерей, коим и находиться при Вас для посылок вместо употребляемых прежде сего офицеров.

Препоручая себя при сем случае в милость Вашу, имею честь пребыть с глубочайшим почтением,

Сиятельнейший Граф,

Милостивый Государь,

Ваш покорный слуга Федор Ростопчин.

Не подымая глаз от бумаги, секунду раздумывал:

"Фельдъегери! Были курьеры, стали фельдъегери. Все на прусскую колодку Уткина, значит, послал не по правилу. Аракчеев, петербургский комендант, его старый недоброжелатель. Допросит Уткина, все узнает, доложит царю. Надо немедля же отправить рапорт, что, посылая Уткина, не знал никаких новых распоряжений. Со своими письмами никого из офицеров слать будет невозможно. И вообще теперь он может слать только одного из этих вон двух незнакомых офицеров-фельдъегерей. Он будет под всегдашним надзором Аракчеева".

Так!

Лицо горело от обиды и негодования.

- Ну, каких же молодцов выбрали для Суворова?

Он бросил бумагу на стол, поднял глаза. Впервые пристально поглядел на фельдъегерей.

Один - маленький, быстрый, штаб-ротмистр Емелин - ему сразу же понравился. Даже нелепая прусская форма, этот "обряд, неудобь носимый", не смогла изуродовать, оболванить его.

"Смышлен. И, видать, не подлец".

Второй - повыше, толстогубый, с распухшим не то от насморка, не то от пьянства носом, мешковатый поручик Котович - не пришелся по душе:

"Глуповат. Плутоват. И, должно, пьяница. Настоящий гатчинец. Царский соглядатай!"

- Ну вот, господа, полюбуйте - новая форма! - сказал Суворов офицерам своего штаба, выходя из-за стола. Накройтесь. Наденьте перчатки, обернулся он к фельдъегерям.

Оба офицера надели треуголки и длинные перчатки и стояли с тростями в руках

Емелин, выпятив грудь, смотрел браво. В глазах чуть приметный смешок, - видимо, он разделял иронию Суворова. Котович, наоборот, от важности, что он служит примером, надулся, как индюк.

Пожилые офицеры штаба, которые помнили старую прусскую форму, смотрели на фельдъегерей без интереса. Молодые удивленно рассматривали прусские мундиры, тесные штаны, уродливые войлочные букли над ушами, непомерной величины треуголку, перчатки, закрывающие локти, и трости в руках.

Павловская прусская форма была уродлива и нелепа.

- Повернись кругом, братец! - сказал Емелину Суворов.

Емелин отставил правую ногу назад и через правое плечо ловко сделал поворот.

Шпагу по новой форме носили не у бедра, а сзади. Она приходилась между фалдами мундира.

- А ну-ка, попробуй вынуть шпагу!

Емелин торопливо зашарил по спине рукой, но вынуть шпагу из ножен не мог - не хватало разворота.

- Оставь, не вынешь! Мерлин, собирайся, поедешь тотчас же в Петербург, - обратился он к одному из адъютантов.

Решил все-таки послать в Петербург в последний раз кого-либо из своих. Из этих двух фельдъегерей как же слать - только что приехали и опять в такую дорогу?

- Поручик Котович может идти отдыхать. А ты, братец, обожди здесь, потолкуем! - тронул он за локоть штаб-ротмистра Емелина,

III

Штаб-ротмистр Емелин сидел в жарко натопленном кабинете фельдмаршала. Хотя он, по приказу Суворова, снял с головы уродливые войлочные букли, но все-таки было жарко. Он вытирал пот платком и рассказывал. А Суворов в одной рубашке, без кителя ходил из угла в угол. Слушал.

Емелин рассказывал ему, как Павел I влил в гвардию своих гатчинцев, которых раньше-то и к столичной заставе не допускали; как ежедневно - чем свет - царь устраивает на Дворцовой площади вахтпарад и за малейшую неточность или ошибку на ученье жестоко наказывает: Преображенский полк, например, весь сослал в Сибирь и спохватился только тогда, когда преображенцы дошли до самого Новгорода; и как переучивают всех офицеров по новому, прусскому уставу.

- Учрежден "тактический класс", - рассказывал Емелин. - Занятия происходят в Белом зале Зимнего. На занятиях присутствует сам император.

- Кого именно обучают?

- Обер- и штаб-офицеров. Но приходят и генералы. Даже фельдмаршал князь Репнин частенько бывает.

Суворов скривился:

- Этот придет: он дипломат. И старый друг пруссаков. А кто преподает?

- Полковник Каннабих.

- Откуда такой Каннабих выискался? Немецкий булочник?

- Говорят, был где-то учителем фехтования.

- И чему же учит Каннабих этот?

- Объясняет обязанности офицера - где находиться, как командовать. Особенно приемы эспонтоном.

- Хорошо объясняет?

- Одна смехота, ваше сиятельство. Да вот извольте послушать.

Емелин сделал глупое лицо, отставил нижнюю губу и передразнил Каннабиха:

- "Э, когда командуют: "Повзводно на-право!" - офицер говорит коротково. Э, когда

командуют: "Повзводно на-лево!"-то просто - налево. Офицер, который тут стоял, так эспонтом держал и так маршировал, и только всего, и больше ничего!"

- О-хо-хо! - смеялся Суворов.- "И только всего, и больше ничего"?.. Ха-ха-ха! Ловко же ты его. Молодец! Многому же такой тактик научит. Ах, учителя, учителя. Немые учат косых! - грустно сказал Суворов.

Он молча прошел из угла в угол, потом рванулся к двери, открыл:

- Мальчик!

Вошел Столыпин.

- Ты комнату его высокоблагородию нашел? - показал он глазами на Емелина.

- У моего хозяина поместимся.

- Вот и отлично. Ступайте отдыхайте. Да плюнь ты на эту прусскую пудру, вымой хорошенько, по-русски голову, а то, помилуй бог, волосы раньше времени вылезут! - оказал на прощанье штаб-ротмистру Суворов.

На квартиру к Столыпину послушать рассказы Емелина о Петербурге собрались Мандрыка, Тищенко и Ставраков. Сидели за столом, пили, ели, курили трубки, беседовали.

- В Петербурге теперь в эту пору уже давно спят. Вечеру, в девятом часу, по улицам ходят нахтвахтеры. Орут во всю глотку: "Гась-гонь!", "Закр-вта!", "Лож-ать!" То есть - "гаси огонь, закрывай ворота, ложись спать!" И ни тебе в бостон, ни в фараон сыграть - карты запрещены.

- У нас тут - были бы денежки. Завтра у Тихановского соорудим,- сказал Мандрыка.

- Мерлину бедному страсть как не хотелось сегодня уезжать в Петербург,- заметил Ставраков.

- Туда, брат, не захочешь - добра не жди! Насидишься на гауптвахте.

- Э, губа - пустое. На губе всякий день не то что наш брат, офицер, а генералы клопов кормят. В Петербурге того и гляди в солдаты угодишь! авторитетно заметил Емелин.- И до чего, однако, хорошо, как голова чиста и нет этого проклятого обруча с буклями. Надоела завивка!

- А как это завивают? - спросил Столыпин.

- Расскажу, - ответил словоохотливый штаб-ротмистр.

Он затынулся, потом окутался целым облаком дыма и начал:

- Вот каким манером я это впервые познал. Наш полк готовился к первому вахтпараду. К пяти часам утра - еще ночь, темно - приказано быть в полку. Офицерам пригоняли новую форму и оболванивали головы два гатчинских куафера-солдата.

Дяди ростом чуть ли не в сажень, плечи - во, кулачища - во. Посадили меня посреди комнаты на скамейку, окутали вместо пудромантеля (Пудромантельнакидка, надевавшаяся при пудрении головы.) рогожным кулем. Остригли спереди волосы под гребенку. Потом один из них говорит: "Держися, ваше-скородие, я вам трошки головку побелю". И стал мне натирать мелко истолченным мелом переднюю часть головы. Мел в глаза, в нос, в рот. Свету божьего не взвидел. Так минут пять. Чихаю, сморкаюсь, слезы рекой, а он знай трет. Я уж думаю: не выдержу, рехнусь. Молю: "Погоди, братец, дай отдохнуть!"

А он только твердит: "Еще трошки!" Наконец говорит: "Сухой подготовки фатить! Теперь мокрой и - годи!" Набрал в рот артельного квасу, стал против меня, да как фукнет мне в рожу. Раз, другой, третий. Облил все мое черепоздание, а заодно и все окрестности - глаза, нос, щеки, уши. А второй стервец стоит возле меня и сыплет грязной пуховкой на голову муку. Потом причесали гребнем и приказали:

"Сидите, вашескородие, доки не засохнет!" Сидим такие чучела подряд человек десять, друг на друга глядеть тошно.

Дальше привязали в волоса железный прут, такой, как мы сюда привезли вам, приделали мне, будь они прокляты, войлочные букли вон на ту, согнутую дугой, проволоку, что валяется на подоконнике. Часа через три мучная кора затвердела и меня можно было выставлять, как мраморную статую, куда угодно: на дождь, снег. Такая куафюра все выдержит!

- Неужели и нам придется? - с тревогой спросил Ставраков.

- Придется,- ответил Мандрыка.- Ничего наш Александр Васильевич не поделает. Не любит он этого, да плетью обуха не перешибешь!

- А ловко, правильно это он давеча сказал: "Пудра не порох, коса не тесак!"-улыбнулся Емелин.

- Русское он в обиду не даст! - ответил Столыпин.

IV

Сегодня Александр Васильевич долго ворочался с боку на бок - сон не приходил. В голове теснились мысли - целая буря мыслей.

Отношения с царем складывались у Суворова день ото дня все хуже. Сегодня Александр Васильевич получил рескрипт - обидный, оскорбительный. Царь унижал Суворова, старался уравнивать с прочими генералами, зачеркивал все 55 лет его беспорочной службы, его славные победы.

Хотелось тут же, немедленно ответить на все. Хотелось спорить, доказывать, возражать. Но кому говорить здесь, в Тульчине? А между Тульчином и Петербургом легли сотни верст.

Оставался старый способ хоть немного успокоиться - излить накопившуюся горечь, все наболевшее на бумагу. Александр Васильевич долго сидел у стола, смотрел ничего не видящими глазами на огонек свечи, грыз ноготь и время от времени схватывал перо, вслух приговаривая:

- Да, да! Вот именно, помилуй бог!

Теперь он спал. Голова скатилась и с подушки и с сена. Лежала ниже туловища, упершись в свежeweымытые доски пола. Выражение лица у Суворова было страдальческое. Две складки у носа углубились, худые щеки впали.

А на столе, где горела в подсвечнике свеча, остались лежать три бумаги - злосчастный рескрипт:

Граф Александр Васильевич. С удивлением узнал я присылку от Вас сюда адъютанта Вашего капитана Уткина с одними только партикулярными письмами. Почитая употребление таковое не приличным ни службе, ни званию офицерскому, с равным же удивлением вижу, что Вы по сю пору не распустили штаба своего. Я приказал здесь упомянутого адъютанта Вашего определить в полк, а Вам предписываю остальных адъютантов и прочих чинов, в штабе Вашем находящихся, с получением сего тотчас перечислить в состоящие под Вашею командою полки и к оным их немедленно отправить.

плотный лист бумаги; на нем четким суворовским почерком писано:

Буря мыслей

и ниже:

Сколь же строго, государь, ты меня наказал за мою 55-летнюю прослугу! Казнен я тобою штабом, властью производства, властью увольнения от службы, властью отпуска, знаменем с музыкою при приличном карауле, властью переводов. Оставил ты мне, государь, только власть высочайшего указа 1762 года. (Указ о вольности дворянства - разрешение служить или не служить.).

Все степени до сего брал без фавора. Я лучше прусского покойного короля; я милостью божией баталии не проигрывал. Я генерал генералов, тако не в общем генералитете. Я пожалован не при пароле. Нет вшивее пруссаков: лаузер, или вшивень, называется их плащ; в шильтгауз и возле будки без заразы не пройдешь, а головною вонью вам подарят обморок.

Опыт военного искусства (Так назывался новый устав.) найден в углу развалин древнего замка, на пергаменте, изъеденном мышами, свидетельствован Штенвером и Линденером и переведен на немороссийский язык.

Солдаты, сколько ни веселю, унылы, и разводы скучны. Шаг мой уменьшен в три четверти, и тако на неприятеля, вместо 40, 30 верст. Фельдмаршалы кассированы без прослуг. Я пахарь в Кобрине, лучше нежели только инспектор, каковым я был подполковником.

Со дня на день умираю.

и черновик прошения царю: Александр Васильевич просился из армии в отпуск:

Мои многие раны и увечья убеждают Вашего Императорского Величества всеподданнейше просить для исправления от дни в день ослабевающих моих сил о Всемилостивейшем увольнении меня в мои здешние Кобринские деревни на сей текущий год.

...Прошка проснулся: барин глухо, сдавленно кричал во сне. С ним это случилось иногда. Приказывал, не мешкая, будить.

Прошка прошлепал босиком в спальню, нагнулся и потащил барина за ногу:

- Ляксандра Васильич, проснись!

Суворов вскочил, сел, вопросительно глядя на камердинера.

- Кричите во сне, ровно маленькие. На ночь, должно, креститься позабыли...

Суворов улыбнулся, перекрестился и, ни слова не говоря, бухнулся на постель.

На этот раз лежал хорошо.

- Вот свалится эдак и стонет,- почесываясь и зевая, сказал Прошка.

Он дунул на свечу и вышел.

V

Неравный поединок между Суворовым и Павлом I был в разгаре.

Вскрывая очередной пакет из Петербурга, Суворов заранее ждал неприятности: чем-то сегодня пожалует царь?

Ожидания оправдались. На этот раз Павел I пожаловал Суворову выговор, да не один, а сразу два: за то, что Суворов предоставил отпуск подполковнику Батурину, и за посылку в Петербург адъютанта Мерлина, а не фельдъегеря.

Удивляемся, что Вы, тот, коего мы почитали из первых к исполнению воли нашей, остаетесь последним,- колол Павел I.

Бедняга Мерлин попался как кур во щи: царь швырнул его безвинно в Ригу, в гарнизонный полк.

И в добавление к двум выговорам Павел I прислал еще короткий, не предвещавший ничего приятного вызов в Петербург:

Господин фельдмаршал гр. Суворов-Рымникский! С получением сего немедленно отправьтесь в Петербург.

Мало выговоров на бумаге, собирается отчитывать победителя Рымника, Измаила и Праги на словах. Может, еще станет сравнивать его, поседевшего в боях, со своими гатчинскими любимцами, которые только и знают вахтпарады,- с Аракчеевым, Ростопчиным и со всеми этими невежественными пруссаками Каннабихом, Штенвером, Линденером?

Не бывать этому!

Встречаться, говорить с царем Суворов не мог. О чем было говорить с Павлом I? О том, что русская армия - национальная, а не наемная, что глупо, преступно переносить в нее особенности прусской, наемной армии? Павел I не поймет же этого!

Несмотря на то, что вся русская армия уже "переучивалась" на прусский манер, Суворов у себя в Тульчине ничего не изменял. Не мог. Не подымалась рука уродовать русскую армию.

Но он знал, что так продолжаться долго не может. Надо или подчиниться царскому самодурству, или уходить из армии.

Уходить от армии, от солдата, от того, с чем за 55 лет службы сроднился, было выше сил.

Но приходилось.

Александр Васильевич предвидел такой исход неравной борьбы. Неделю тому назад он отправил с фельдъегерем Котовичем второе прошение об отпуске. Написал, что так как войны нет, то ему нечего делать при армии.

Ответа на оба прошения еще не последовало.

И вот - вызов в Петербург.

Тогда со всегдашней своей решимостью и мужеством Суворов написал царю прошение об отставке.

Повез его штаб-ротмистр Емелин.

В мягкий предвесенний день конца февраля приехал из Петербурга Котович.

Суворов уже свыкся с мыслью об отставке, давно приготовился к отъезду и потому без особого волнения прочел письмо Ростопчина - царь не удостоил ответом:

Государь Император, получа донесение Вашего Сиятельства от 3 февраля, соизволил указать мне доставить к сведению Вашему, что желание Ваше предупреждено было и что Вы отставлены еще 6 числа сего месяца.

Уколол в последний раз. Рука Суворова, державшая бумагу, все-таки дрожала.

Глава пятая

КОНЧАНСКОЕ

Смотри, как в ясный день, как в буре

Суворов тверд, велик всегда!

Державин

I

Гостей ждали с утра. Мальчишки сидели на всех самых высоких елках барин обещал пятак тому, кто первый увидит едущих гостей. Барин был добрый и никогда не обманывал. Потому с десяток ребят побежали наперегонки за околицу подальше от Кончанского, чтобы раньше других увидеть, как поедут из Боровичей господа. Один Ленька не торопился бежать. Он облюбовал себе высоченную березу и стал проворно взбираться на нее - с березы увидишь скорее всего. И тогда-то остальные мальчишки сообразили, что Ленька перехитрил всех. И некоторые из них уже не столько смотрели на боровичскую дорогу, как на березу: Ленькина рубашонка из синей крашенины еще там, или, может быть, Ленька уже увидал и слезает...

Кроме ребят, на дорогу то и дело смотрел из сада в зрительную трубу сам барин Александр Васильевич.

В весеннюю распутицу, по немыслимой дороге, на двенадцатый день утомительного, тоскливого пути Суворов прибыл сюда из Кобрина.

В Кобрин он поехал из Тульчина, в Кобрине он жил в опале, а здесь, в Кончанском, в ссылке. Сюда его определил на жительство сам царь Павел I.

Из Тульчина Александр Васильевич выехал тогда до света. Опального фельдмаршала никто не провожал. Суворов вечером попрощался с очаровательной графиней Потоцкой, в доме которой он прожил целый год. Войска провожать уже его не могли - Суворов сдал Екатеринославскую дивизию генерал-майору Беклешеву, и проводы Суворова были бы вызовом царю.

Суворова заменил какой-то безвестный, бездарный генерал. Добро бы сдать дивизию хотя бы князю Репнину или Каменскому, но сдавать ничем не известному человеку...

Суворов уходил в отставку даже без мундира.

Впрочем, здесь, в Кончанском, фельдмаршальский мундир был не нужен. Мужики признавали Александра Васильевича и без мундира - любили и уважали его.

В Кончанском Александр Васильевич не был уже тринадцать лет. Впервые он приехал сюда после окончательного разрыва с женой, в декабре 1784 года. Тогда двухэтажный барский дом о десяти покоях, построенный отцом Василием Ивановичем, и то был уже ветхим. Крыша текла, печи дымили - вьюшки были глиняные, и, вытопив печь, закладывали ее глиной и засыпали песком, - из дверей и окон дуло. А за тринадцать-то лет дом совершенно обветшал и теперь годился лишь на слом.

Но делать было нечего. Александр Васильевич приехал в мае, впереди предстояло лето - можно было решиться как-либо дожить в нем до холодов.

Кончанское. Леса, озера, болота, пески.

До уездного городишки Боровичей 40 верст. Действительно, Кончанское "конец".

Царь строго приказал: Суворову никуда не выезжать, никого не принимать, писем не

писать.

За всем этим смотрели накрепко. С Александром Васильевичем оставлены только Прошка, повар Мишка да фельдшер Наум. Даже адъютантов отняли у Суворова. Не с кем и слово молвить.

Стосковался. Написал Наташе - кое-как передал в Петербург, чтоб приехала. Александр Васильевич знал, что зять все время в Павловске по долгу службы, а Наташа с Аркадием и сыном своим Александром в Петербурге.

Александр Васильевичу очень хотелось увидеть детей и полугодовалого внука.

Наташенька писала:

Все, что скажет сердце мое, - молить всевышнего о продолжении дней Ваших, при спокойствии душевном. Мы здоровы с братом и сыном, просим благословения Вашего. Необходимое для Вас послано при записке к Прокофию. Желание мое непременно - скорее Вас видеть, о сем бога прошу, он наш покровитель.

Цалую ваши ручки.

А потом получила у царя разрешение навестить отца. И предполагала приехать к Петрову дню.

Получив это известие, Александр Васильевич поехал в свою деревню Каменку за сорок пять верст - посмотреть, может быть там удобнее будет всем разместиться. Он поехал туда в простой кибитке, с одним Прохором.

Прошка, правил, никому не уступая дороги. Только издали кричал всем встречным - будь то крестьянская подвода или помещичьи "бегунки":

- Вороти! Тебе не равен в коробу сидит!

Проездил двое суток, немного развлекся, хотя и измучился в тряской телеге, но вернулся ни с чем: в Каменке было еще хуже, чем в Кончанском.

- Ничего, не на век, как-либо поместимся и в Кончанском!

И вот теперь ходил по саду, с утра нетерпеливо ждал, время от времени посматривал в зрительную трубу, в которую столько раз смотрел в сражениях на разных врагов. И вот увидал: по дороге вскачь неслись один за другим ребяташки.

А через минуту вся их воробьиная стая с криком ворвалась в барский сад.

- Едут! Едут!

- На мост уже въехали!

- Я первый увидал!

- Врешь: я!

- Ты меня только обогнал. Я зацепился и упал...

- Ну ничего, вот вам обоим.

Александр Васильевич сунул Ленке и другому белоголовому мальчишке по пятаку, а всем - кто прибежал первым, кто последним - сыпнул из кармана горсть пряников:

- Ешьте!

И сам поскорее побежал за околицу встречать долгожданных, дорогих гостей.

II

Зима наградила меня влажным чтением и унылой скукой.

Суворов о Кончанском

Когда начались осенние дожди, во всех десяти покоях барского дома не стало житья: крыша текла как решето, и Александру Васильевичу приходилось вставать среди ночи и перетаскивать свое сено из одной комнаты в другую.

Волей-неволей надо было искать другое помещение. Большого дома пока что и не требовалось: Александр Васильевич остался один со своими тремя слугами - Прошкой, поваром да фельдшером. Дорогие гости - Наташенька с сыном и Аркаша - прожили в Кончанском два самых хороших, погожих месяца, а потом уехали назад, в Петербург.

Александр Васильевич нашел себе пристанище. На краю села, у самой церкви, стояла небольшая причтовая изба. Ее перегородили досками, и получились две всегдашние

суворовские комнаты: кабинет и спальня в одной, в другой - кухня и помещение для слуг.

- Хорошо, прусаков нету,- говорил, осматриваясь на новом месте, Мишка-повар.

- Прусак моего духу не любит! - шутил Суворов.- Плохо одно: перегородка без двери. Наум спит тихо, Мишка изредка говорит во сне, смеется, а вот Прохор Иваныч храпит так, что стены дрожат!

- А вы-то сами. Молчали б уж!.. Как-никак - жили. В тесноте, но не в обиде.

Александр Васильевич вставал все так же до света. Здесь была другая работа. Он ходил смотреть, как готовят к зиме сад, как молотят, как возят лес на постройку барского дома.

"Видно, мне пожить тут,-думал Суворов.-Хоть бы умереть в бою, как Тюренню!"

В полуверсте от Кончанского, на высокой горе, которая называлась "Дубихой", хотя на ней росли одни высоченные ели, Александр Васильевич задумал поставить летнюю светелку.

По субботам и воскресеньям обязательно ходил в церковь. Пел на клиросе, читал часы, канон, "Апостола".

Мужики валили валом в церковь. Приходили не только кончанские, а из соседних деревень послушать, как батюшка Александр Васильевич читает и поет. Не могли нахвалиться его басом.

- Гляди-тко, немолоденький, а какво выводит!

- Цельную жисть командовал, кричал, вот и образовался такой голосина!

- Скажешь этакое! Матрена Пашкина целый век в доме командует, кричит и на мужа и на невесток, не похуже командера, а что ж, голос у нее подходящий? Родиться надо с таким голосом!

Суворов обучал дворовых мальчишек грамоте, составил из ребят хор. Учил их священник о. Иоанн, а Александр Васильевич приходил на спевки и всегда приносил в кармане медовые пряники.

Ребята любили барина - он шутил с ними, летом играл в рюхи, рассказывал про походы.

Но к рождеству Александр Васильевич делался все сумрачнее и сумрачнее. Пребывал в плохом настроении. К тому были причины.

Прежде всего Александр Васильевич стал все чаще болеть. В походной, боевой обстановке, в армии он не болел. Изредка страдал желудком, да в последние годы болели глаза, а так чувствовал себя хорошо.

А здесь как-то расклеился.

Часто немела вся левая половина тела, пухли подошвы ног, так что трудно было ходить. А однажды в темноте споткнулся в сених о ведро, упал и больно ушиб грудь.

- Года помнить надо, а не бегать, как в восемнадцать,- отчитывал Прошка.

Фельдшер Наум взялся растирать его какой-то мазью, но Александр Васильевич потребовал баню. Баня считалась у него главным лекарством от всех болезней, наружных и внутренних. Но и после бани ребра не перестали болеть. Все так же трудно было кашлянуть. И не болезнь, а - противно!

Он не любил больных, считал, что многие только притворяются больными. И когда в армии ему докладывали о том, что тот-то заболел, Суворов всегда переспрашивал:

- Что, он болен или бо-лен?

Болен - это когда человек по-настоящему слег, занедужил, а бо-лен это притворство, это то же, что "лживка, лукавка", родная сестрица немогузнайки.

И теперь сам подтрунивал над собою:

- Помилуй бог, и не болен,, и не бо-лён. Хожу вроде здоров, а потом как кольнет...

- Пройдет. У меня так в Херсоне ребра болели,- говорил Прошка.

- Тоже утешил: пройдет! Да и вся-то жизнь пройдет! - горячился Суворов.

Ему хотелось, чтоб прошло сейчас, немедленно. Второй неприятностью были материальные претензии, которые вдруг посыпались на Суворова со всех сторон. Как только прослышали, что царь отставил его из армии, так накинулись на опального фельдмаршала

все, кому не лень, у кого нет совести.

Майор Чернозубов взыскивал с Суворова восемь тысяч рублей, израсходованных его частью на фураж. Полковник Низовского пехотного полка Шиллинг - четыре тысячи за продовольствие полка. Поляк Выгановский просил взыскать с Суворова тридцать шесть тысяч рублей - за опустошение во время прошлой войны его имения.

И пошли и посыпались со всех сторон претензии и убытки, связанные то с той, то с другой войной, в которой участвовал Суворов,- там войска скормили своим лошадям чье-то сено, там, идучи, потоптали озимь... И за все отвечать Суворову, точно армия была лично его.

Налетели как вороньё.

Думают, что Суворов уже ничего не стоит.

Упавшего не считай за пропавшего! Беда, что текучая вода, - набежит и сплывет!

И третьё: подходили святки, время, которое Суворов очень любил, всегда проводил весело и шумно. А тут, в глуши, в снегах, в этой заброшенной избенке, среди неграмотных мужиков - какое веселье?

Идут длинные "святые" вечера, а вечерами Александру Васильевичу остается одно развлечение - читать. Но книг мало, да и некому читать, самому много не почитать: болят, слезятся глаза.

По вечерам все-таки читывал излюбленного "Оссиана" Кострова и его оды Суворову:

Герой! Твоих побед я громом изумлен...

и эту, на взятие Варшавы:

Суворов! Громом ты крылатым облечен.

Вспомнилось далекое детство. Как зачитывался Плутархом, Корнелием Непотом, Квинтом Курцием, а отец был бережлив, скупенек, все наказывал, чтоб пораньше ложился, глаз не портил, много не жег свечи.

И так, один за другими, проходили дни. Скоро уж и год, как Суворов в Кончанском. И только кое-какие происшествия разнообразили его скучную, монотонную жизнь.

За неделю до рождества изба, в которой жил Суворов, чуть не сгорела. Случилось это поздним вечером, когда уже все в избе спали. Один Суворов лежал, думал.

Коротенький зимний день прошел, как всегда. И день-то выдался какой-то неприятный.

У Мирона простудилась и умерла двухлетняя девочка. Александр Васильевич дал ему на похороны рубль.

В разговоре с барином Мирон обмолвился: "Бог прибрал, и ладно!", хотя у Мирона было всего трое ребят и жил он в достатке.

Суворов страшно разгневался - детей он очень любил, и слова Мирона сильно возмутили его. Он раскричался, затопал ногами и побежал прочь от Мирона, как бегал в армии от немогузнайки.

- Ирод, а не человек! Отец называется! - кричал он.

А Мирон стоял, в смущении почесывая затылок и не понимая, что такое он сказал?

Суворов тотчас же вызвал старосту и приказал ему отослать Мирона после похорон дочери к о. Иоанну: пусть он наложит на Мирона епитимью (Епитимья церковное наказание.).

Затем досталось и самому старосте. Александр Васильевич увидал, что бочку с водой тащит колченогий полуслепой мерин Красавчик. Красавчик беспорочно отработал двадцать пять лет, и Александр Васильевич давно приказал ни в какие работы его не наряжать, а до самой смерти только кормить.

Вечерний чай поэтому пил Суворов хмурый, недовольный.

Потом, чтобы хоть отойти от житейских неприятностей, сел к свече почитать.

Читал Державина "На взятие Варшавы":

Прокатится, пройдет,

Промчится, прозвучит

И в вечность возвестит,

Кто был Суворов:
По браням - Александр, по доблести - стоик,
В себе их совместил и в обоих велик.
Черная туча, мрачные крыла
С цепи сорвав, весь воздух покрывала;
Вихрь полуночный, летит богатырь.
Тма от чела, с посвиста пыль.
Молнии от взоров бегут впереди,
Дубы грядою лежат позади.
Ступит на горы - горы трещат,
Ляжет на воды - воды кипят,
Граду коснется - град упадает...

Затем, не гася свечи, лежал на сене, думал о разном: о "Тульчинских параличах", как Павел I засыпал его выговорами. О покойном фельдмаршале Петре Александровиче Румянцеве, который умер ровно месяц спустя после Екатерины II. О том, что, может, и верно судили Наташа, Дмитрий Иванович вся родня и доброжелатели: в Тульчине Александр Васильевич больно остро, неосторожно говорил о Павле I.

- Сам виноват: слишком раскрылся, не было пуговиц!

И наконец стал вспоминать.

Вспоминались святки в Херсоне, как весело катались на санях с гор, как вечерами у него танцевали, играли в игры, в любимую Александра Васильевича "жив курилка!"

Он уже дремал, когда вдруг раздался сильный стук в наружную дверь:

- Пожар! Изба горит! Батюшка, Александр Васильевич!

Кричал дьячок Калистрат, живший по соседству.

Первым шлепнулся с печки Прохор. Он схватил кожух и так, босиком, кинулся опретью в дверь, крича:

- Горим!

Фельдшер Наум суетился, собирая в полутемной кухне какие-то вещи и приговаривая:

- Господи Иисусе! Владычица небесная!

Александр Васильевич в опасности не терялся. Сколько раз в бою он смотрел в лицо смерти. Он вскочил, быстро надел на босу ногу сапоги, канифасный камзолчик.

Дверь Прошка оставил открытой. Из сеней тянуло дымом.

"Горит на чердаке",- одеваясь, в единый миг сообразил Суворов.

- Наум, спокойней! - закричал он, выскакивая на кухню.-Мишка, за мной! Воды!-скомандовал он повару, который уже собирался тоже сигануть за дверь.

Александр Васильевич кинулся в сени и смело полез по маленькой лестнице на чердак - дым действительно валил оттуда.

В темноте, в дыму Александр Васильевич различил: над боровом уже нагрелась, дымилась крыша, и тлело ближайшее бревно верхнего венца стены.

За Суворовым лез с ведром воды Мишка, которого отрезвило спокойствие Александра Васильевича.

Суворов обернулся и хотел выхватить из рук Мишки ведро, но повар не дал:

- Позвольте, барин, я сам!

И он плеснул на тлевшую стену.

- Воды сюда! - кричал сверху Суворов.

- Александр Васильевич, батюшка, вы прозябнете! Мы без вас справимся! - говорил поднявшийся по лестнице с ведром воды дьячок Калистрат.

За ним лез фельдшер.

Слышно было, как снаружи кто-то взбирался на крышу.

К избе бежал народ.

Через час все было кончено: пожар потушен, чердак и крыша осмотрены, прохудившиеся кирпичи борова заложены новыми.

Пошли спать.

Александр Васильевич издевался над Прошкой, который так струсил:

- Аника-воин. В стольких баталиях со мною был, а пожара испугался!

- Он, ваше сиятельство, боялся, как бы его Катюша вдовой не осталась, язви Мишка.

Прохор чувствовал свой конфуз - молчал. Только раз буркнул в оправдание:

- В бою - одно, а тут - спросонья... Заорали, с ума сойдя...

Суворов лежал улыбаясь. Настроение у него поднялось: все-таки какая-то встряска.

Все-таки в однообразную череду этих похожих друг на друга дней ворвалось какое-то необычайное, хотя и пустяковое происшествие.

III

"То-то обрадуется дядюшка царскому приглашению приехать в Петербург!" - думал Андрюша Горчаков, подъезжая к селу Кончанскому.

Конечно, жить в такой глухомани одному, не иметь возможности ни поехать куда-либо, ни принять у себя, не получать писем и не писать самому просто ужасно. И какой приятной неожиданностью будет старику приезд его, пусть себе племянника, но как ни как царского флигель-адъютанта.

Андрюша то и дело высовывался из саней посмотреть, не видать ли. Но кругом были лес и поля, нигде никаких огней, и только о бок дороги то тут, то там светились огненные точки: волчьи глаза или так мерещится?

Наконец где-то впереди глухо тьякнула сторожкая собака. За ней другая, уже смелее и звонче. Значит, жилье близко.

Все - Андрюша, ямщик, лошади - ободрились.

И еще через некоторое время Андрюша различил впереди церковную колокольню и темные группы изб.

Ныряя то вверх, то вниз, едучи то где-то в преисподней, так что жерди забора оказывались выше лошадей, то вдруг взбираясь по сугробам наверх, и тогда полозья саней стучали о колья утонувшего в снегу забора, выбрались в улицу села. Село все было занесено снегом.

В нос ударил приятный запах душистого сена - миновали сенные сараи. Пахло дымом - пошли дома.

Увидев длинную шею колодезного журавля, переливчато заржали кони.

Вот проехали темную громаду барского дома и служб. Андрюша знал, что дом совсем плох, что дядюшка живет где-то возле церкви, на самом краю села, и так было сказано ямщику.

Избы темны - хотя бы в одной огонек. Но вот и церковь и немного поодаль - небольшой домик. В маленьком залеplенном снегом окошке чуть светится скудный огонек.

Здесь!

Андрюша вылез и, путаясь в длинных полах дорожной шубы, подошел к окну. Легонько постучал в раму.

Показалось ему, или в самом деле за стеной раздались голоса. Но свет оставался на месте и только в одном окошке.

Андрюша стукнул еще раз. Прислушался.

Взвизгнула дверь, звякнула щеколда, и знакомый хриплый Прошкин голос неласково спросил:

- Кто там?

- Прошенька, это я, князь Андрей!

- Батюшки, князек! Откудова? - обрадовался Прошка, распахивая дверь.

- Из Петербурга. Ну, как вы тут горюете?

- Не приведи бог!

- Ничего, ничего. Вот поедem со мной в столицу!

Андрюша сам нашарил ручку двери и вошел в полутемную избу - свеча стояла за перегородкой, во второй комнате.

Горчаков сбросил с себя шубу, развязывал шарф.

- Кто там? - окликнул из-за перегородки Суворов.

- Дядюшка, это я, Андрюша.

- Замерз?

- Нет, ничего.

Горчаков вошел за перегородку.

- Как ваше здоровье? - целуясь, спросил он.

- Солдат да малых ребят бог бережет. Как дома живы-здоровы? Как Наташа с детьми?

Как мама?

- Все здоровы. Сашенька уже говорит. Аркадий учится. Я, дядюшка, к вам от императора...

Александр Васильевич лежал, заложив руки за голову. Молчал, будто не к нему и не о нем речь.

- Его императорское величество вот что написал мне два дня назад,- не без важности доложил Андрюша.

Он достал из кармана бумагу и, не подходя к свече - видимо, читал ее столько раз, что помнил наизусть,- прочел:

Ехать Вам, князь, к графу Суворову, сказать ему от меня, что есть ли было что от него мне, я сего не помню; что может он ехать сюда, где, надеюсь, не будет поводу подавать своим поведением к наималейшему недоразумению.

Павел.

Александр Васильевич молчал. Андрюша удивился такому равнодушию:

- Что же вы, дядюшка, молчите?

- А чего говорить: не поеду!

- Как так? Почему?

- Я ему не маленький. То из службы выключает даже без мундира, то зовет. Мало ли что дураку на ум еще взбредет! У него не семь, а тридцать семь пятниц на одной неделе! Не поеду!

- Да эдак можно совсем государя прогневить. Надобно ехать!

- Сказал: не поеду! - отрезал Александр Васильевич и повернулся на бок.

Секунду молчали.

- Ты вот лучше поужинай,- отозвался наконец Александр Васильевич. Прощка!

- Я сыт, есть не хочу!

- Тогда ложись спать: поди, устал в дороге. Когда из Петербурга?

- Выехали позавчера в ночь.

- Где ляжешь? У нас тесно, не разойдешься: либо - печь, либо лавка...

- Пожалуй, и здесь будет хорошо,- сказал Горчаков.

Прощка стал стлать ему на лавке.

Андрюша раздевался и все продолжал доказывать дядюшке необходимость поездки. Александр Васильевич не отвечал, только изредка перебивал племянника:

- Аракчеев как, лютует?.. Репнин в почете? А французы Италию занимают... Ну, спи: утро вечера мудренее!

Андрюша лег - устал. Чуть было сделал передышку, чтобы опять с новыми резонами атаковать несговорчивого дядюшку, как тотчас же уснул.

А Суворов лежал с закрытыми глазами. Не спал, думал. И думал о Павле I и Петербурге; было противно - толку из этого никакого и никакой работы.

"Андрюше - хорошо: двадцать годов и уже подполковник, флигель-адъютант. А я в двадцать годов чуть до подпрапорщика дослужился".

И сразу перед глазами встали яркие, точно вчера происходило, картины далекого прошлого.

Слобода лейб-гвардии Семеновского полка "позади Фонтанки, за обывательскими домами". "Связи" - дома, где жили тесно, но весело. Наряды в театр - проверять билеты.

Караулы в Летнем саду. Красивая царица Елизавета, как она пожаловала Александру Васильевичу рубль за его выправку, молодецкый вид на часах. Вот ее пухлая рука треплет по щеке. Кажется, сейчас слышит запах ее пряных духов и ее ласковый голос.

...Утром, за чаем, разговоры возобновились. Андрюше являться без результатов к взбалмошному, грозному императору невозможно: чего доброго, разжалует и упечет.

Сегодня Андрюше пришел на помощь Прохор. Братьев Горчаковых он любил и всегда стоял за них, да и самому надоела кончанская дыра - ни людей, ни трактиров.

- И чего, прости господи, ломается? Царь, их анпираторское величество, честью просят, а он не желает...

- А ты помалкивай: дочь матери в сводни не годится! Хочешь ехать поезжай! Царь таких дураков, как ты, в графы производит. Может, турчонка Кутайсова обгонишь...- отрезал Суворов.

Но видно было по всему, что сегодня ехать он уже согласен.

- Вот что, Андрюша, так и быть, только тебя жалеючи поеду. Но поеду на своих, на долгих.

- Дядюшка, да император - знаете какой? Ждать не любит.

- И слушать не хочу! - стукнул ладонью по столу Суворов.- На ямских, на перекладных, неизвестно куда и зачем торопиться, по единой царской прихоти,- помилуй бог! Мне шестьдесят шесть годов. И брюхо болит. Старость не радость. Ежели б на дело, а так - пусть подождет!

И остался на своем.

Андрюше Горчакову волей-неволей пришлось согласиться. Дядюшка поедет на долгих, а он немедленно поскачет упредить государя, доложить, что все в порядке...

IV

Приехав в Петербург, Горчаков, зная нетерпеливый характер императора Павла, направился прямо во дворец. Павел I ждал его, не раз справлялся уже, вернулся ли флигель-адъютант Горчаков.

- Ну как, граф принял мое приглашение? Приедет? - спросил он у Горчакова.

- Приглашение вашего величества граф Суворов принял с радостью. Едет уже в Петербург. Но по болезни и старости не на почтовых, а на своих.

- Когда же он приедет?

- На днях.

- Когда именно?

Царь уже начинал горячиться.

- В воскресенье,- бухнул наугад Горчаков. Андрюша назвал, как ему казалось, крайний срок, вполне достаточный для того, чтобы приехать из Кончанского в Петербург: был только вторник, впереди - целая неделя.

- Когда приедет, доложить немедленно!

Горчаков полагал, что дядюшка доставится не раньше воскресенья. С пятницы он стал наведываться на заставу, но прошла и пятница и суббота, наступило воскресенье, а дядюшки нет как нет.

Уж не выкинул ли своенравный самолюбивый старик какую-нибудь новую штуку? Может, в последний момент передумал и не поехал? Горчаков извелся вконец.

Проходило и воскресенье. Окончательно потерянный и не надеявшийся уже ни на что Андрюша вечером поехал на заставу. Оставался час. Скоро царь ляжет спать, в городе погаснут огни, и все уснет.

Андрюша сидел в караульной избе и разговаривал с дежурным офицером. Он решил посидеть еще четверть часа и ехать домой. Сомнений не было - дядюшка его подвел. Андрюша уже сегодня не мог показаться на глаза императору, а завтра на разводе Павел, разумеется, лишит его флигель-адъютантского звания и упечет в гарнизон.

В таком печальном предчувствии и разговоры все вертелись вокруг разжалования, выключений из службы и прочего.

Дежурный офицер рассказывал последнюю историю, ходившую по Петербургу, о том, как гвардии поручик ("Вот называли мне его фамилию, да я запомнил. Кажется, Сукин...") выкрутился из беды лишь благодаря находчивости в ответе. Когда царь, разгневанный на поручика за то, что тот нехорошо салютовал ему эспонтоном, крикнул:

- В армию, в гарнизон его!

Поручик с отчаяния брякнул:

- Из гвардии да в гарнизон, это не резон!

Павел I рассмеялся и тут же простил поручика.

Андрюша делал вид, что слушает рассказчика, притворно улыбался, а думал о своем: на сердце скребли кошки...

Под окнами заскрипели полозья.

- Вот еще тянется какой-то помещик на долгих. И чего они едут, сидели б уж в своих усадьбах, ежели не трогают. Придется снова писать, - недовольно сказал офицер вставая.

Андрюша глянул из-за его плеча в окно и опрометью кинулся вон: на козлах он увидел непривычно трезвое, красное от ветра и мороза лицо Прохора.

- Что же это вы так поздно? Император каждый день справляется, ждет! подбежал он к дядюшкиным саням.- Вы где остановитесь?

- У Грушеньки, на Крюковом,- ответил дядюшка, с любопытством рассматривая полосатый шлагбаум, полосатую будку заставы.

- Так поезжайте, а я лечу к императору, скажу, что приехал! обрадованно крикнул Андрюша, прыгая в свои сани.

- Гони!

Когда Горчаков примчался во дворец, Кутайсов сказал ему, что царь уже собирается спать - пошел раздеваться (уйдя в спальню, Павел никаких докладов не принимал).

- Но тебе повезло - еще не управились с печью. Минут десять пройдет. Сказали, что проветриваем спальню. Может, тебя и примет еще.

(Павел требовал, чтобы в спальне было не менее 18 градусов тепла, но чтобы печь при этом оставалась холодной,- он спал головой к печке. Это нелепое, невероятное положение достигалось следующим образом: пока царь ужинал, жарко натопленную печь натирали льдом. Царь входил, смотрел на градусник-18 градусов, дотрагивался ладонью до кафелей печки - холодные. Приказание исполнено. Все в порядке. И ложился спать, нимало не горя, что остывшие снаружи кафели быстро нагревались опять.)

- Доложите, Иван Павлович! - взмолился Горчаков.

Кутайсов охотно пошел докладывать - это было ему на руку: можно отвлечь императора.

- Входи, примет,- сказал он, возвращаясь к Горчакову.

Андрюшу провели в кабинет царя.

Через минуту вошел Павел. На нем была только шинель. В накинутой на плечи старой шинели (Павел, подражая Фридриху II, хотел казаться бережливым) он был еще более смешон и не похож на венценосца: маленький, курносый.

- Ваше величество, граф Суворов по вашему приказанию прибыл! - доложил Горчаков.

- А, очень хорошо. Скажи ему - принял бы сегодня, но уже поздно: пора спать. Пусть пожалует завтра в девять утра.

- Слушаю-с. В каком мундире прикажете ему быть?

- В таком, какой вы носите.

Не чуя от радости под собой ног, выбежал Андрюша из Зимнего.

Приехав к Хвостовым на Крюков канал, он застал дядюшку и Хвостовых сестру Грушу и Дмитрия Ивановича - за чаем. Дмитрий Иванович, конечно же, воспользовался новым слушателем и уже пичкал гостя своими стихами.

Суворов в старом полотняном кителе, на котором висел только один орден Анны, пил чай, видимо, поглощенный больше им, нежели стихами Дмитрия Ивановича.

- Завтра в девять утра ведено быть вам, дядюшка. Дядюшка не выказал интереса к

данному сообщению.

- Мундир у барина готов? - спросил Горчаков у Прошки, который вошел следом за Андрюшей.

- Все тут, на ем,- ответил Прошка.

- Почему не взяли?

- Сами они не хотели Я положил, так выкинуть изволили! - недовольно покосился на барина Прошка.

- К царю надо одеться по форме.

- Я помещик, а не фельдмаршал. Что у меня есть, в том и явлюсь!

- Дядюшка, да вы меня погубите! - не выдержал Андрюша.

-Нет, ты меня с этим погубишь! Меня уже погубили! - сверкнул глазами Суворов.

Груша подбежала к двери, закрыла ее плотнее. Через секунду Александр Васильевич спросил спокойнее:

- А в каком же надо?

- В общеармейском.

- Андрюша, дядюшке твой мундир будет впору,- подошла сестра Груша.

- Вот примерьте, дядюшка. А ордена и звезды мы нашьем.

Общими усилиями уговорили старика примерить мундир Андрюши: он был почти впору.

V

И наутро настроение у дядюшки не улучшилось. Он дал себя выбрить, надел Андрюшин мундир, на который нашили ордена и звезды, но во дворец к царю отправлялся мрачнее тучи.

Андрюша повез дядюшку на простой паре лошадей. Суворов ехал по знакомым улицам, озираясь с любопытством вокруг.

Город приобрел совершенно иной вид, чем был раньше. Все напоминало Пруссию: вон торчит полосатая будка, вон такой же, выкрашенный в черно-белый цвет забор, полосатые ставни, двери; мальчишка бежит в лавчонку - в одной руке бутылка, другой придерживает на голове дрянную треуголку, косичка трепыхается; ямщики - курносые, бородатые, русские - не в круглых шапках и кафтанах в сборку, как испокон веков положено, а тоже в дурацком каком-то подобии прусского мундира и в сплюснутой треуголке.

Суворов только крутил головой да недовольно хмыкал.

На площади перед Зимним, готовясь с самого раннего утра к вахтпараду, ровнялись взводы разных полков, которые сегодня заступали в караул. Вахтпарад у Павла был существенным делом, главной заботой всего дня. Здесь, при разводе, он отдавал приказы, здесь он карал и миловал.

На вахтпарадах должны были присутствовать все гвардейские офицеры.

Увидя войска, одетые в уродливую прусскую форму, унтер-офицеров с допотопными, никчемными алебардами, офицеров с такими же эспонтонами, Суворов выразительно плюнул и отвернулся.

Горчаков с тревогой наблюдал за дядюшкой: суворовское настроение не радовало его.

"Найдет коса на камень",- думал он.

Зимний тоже был другой, чем при матушке Екатерине. Вместо лакеев в шелковых чулках и золоченой ливрее всюду мелькали треуголки и ружья часовых, по паркету стучали офицерские трости, звенели шпоры. Вместо пышного роскошества дворца получилась холодная суровость казармы.

Андрюша провожал дядюшку до приемной залы. Войдя в приемную, Суворов сразу оживился. Его всегда румяные щеки еще больше порозовели, глаза заблестели.

Увидев Кутайсова, царского брадобрея, турка по национальности, которого Павел пожаловал "в рассуждении долговременной и усердной его службы, в гардеробмейстеры 5-го класса", Суворов приветствовал его по-турецки:

- Хош гельдюн! Кейфиниз насыл? (Здравствуйте, как ваше самочувствие?)

Сконфуженный Кутайсов нехотя ответил:

- Пэк эйи! (Хорошо!).

Навстречу Суворову шел, ссутулясь, высокий угреватый граф Мусин-Пушкин. Он был одним из тех генералов, которых Павел I произвел вдруг в фельдмаршалы. В руках Мусин-Пушкин держал трость, как полагалось по уставу.

- Что, Валентин Платонович, бить меня собрался, с палкой идешь? усмехнулся Суворов.

- Так полагается - раз при ботфортах и в мундире. Ежели б я в башмаках, тогда другое дело...

- А какое ж дело, ежели в башмаках? Что значит?

- Значит: собираюсь куртизировать дам.

- А в ботфортах уже не сможешь? Ой ли... (Мусин-Пушкин до старости был ловеласом.)

- Вы все шалите, Александр Васильевич.

- Мои шалости известны: Рымник, Измаил, Прага... Я фельдмаршал в поле, а не при пароле!

- А-а, вашему высокопревосходительству, Николаю Петровичу! поздоровался он с петербургским генерал-губернатором Архаровым.- Ну как, пожары-то все упредили?

- Какие пожары? - удивился Архаров.

- А сказывают, ваш обер-полицеймейстер велел, чтобы владельцы домов извещали за три дня, когда у них в доме имеет быть пожар!

И так шел он по залу от одного к другому - желчный, ядовитый, прямой.

В приемной было много врагов - все эти старинные Салтыковы, Безбородки, Мусины-Пушкины и новые - Аракчеевы, Ростопчины, Архаровы.

Они сейчас радуются, видя Суворова поверженным в прах, униженным. Но Суворов, верный своей всегдашней тактике в бою и в жизни - идти вперед навстречу опасности, кидался в атаку сам, не ожидая нападения.

Горчаков не видал больше, с кем еще говорил дядюшка. Андрюша поспешил, на крыльцо ожидать царя, который поехал на утреннюю прогулку по городу.

К девяти часам Павел, как всегда, вернулся с прогулки. Слезая со своего высокого Фрипона, он окликнул Горчакова:

- Дядюшка здесь?

- Здесь, ваше величество!

Павел I вошел во дворец.

Вмиг в нем все замерло. Только слышался крик караульных офицеров на постах: "Вон!", что означало: к оружию!

Император вошел в приемную и остановился, глядя на собравшихся. Маленький, в громадных грубых ботфортах, в тесном темно-зеленом мундире, в плоской треуголке, из-под которой глядели упрямые глаза и смешной, нелепо вздернутый нос.

Среди застывших в низком поклоне посетителей он увидел тщедушную фигуру Суворова.

Павел подошел к нему, взял под руку и увел к себе в кабинет.

В приемной зашушукались.

Случилось невероятное, небывалое: пробило десять часов - время начинаться вахтпараду, а царь еще не выходил из кабинета.

Продрогшие в одних, мундирах на морозе офицеры топали у подъезда, ждали. Спрашивали:

- Государь где?

- В кабинете.

- С кем?

- С Суворовым.

- Кричит?

- Нет. Наоборот, там тихо.

- В чем же дело?

Наконец в приемной ясно услышали голос царя:

- Пойдемте, граф, посмотрим войска!

Генералы, участвовавшие в разводе, кинулись по лестнице вниз:

- Идет!..

VI

Участники вахтпарада и многочисленные зрители - военные и статские, которые собирались к разводу по обязанности, а не по пристрастию к прусской экзерциции, были поражены. Сегодняшний вахтпарад Павел I проводил иначе, чем обычно: батальонное ученье делал скорым шагом, бросал взводы друг против друга в штыки, чего не практиковалось никогда. Всем было ясно, что государь хочет угодить Суворову, неумело подражает его "сквозным атакам".

Суворов стоял тут же, безмолвный и бесправный.

Можно было бы думать, что Суворов обрадуется таким знакам царского внимания к нему, но на его исхудалом старческом лице, кроме скуки и презрения, не было написано ничего.

Суворов отворачивался от лихо маршировавших взводов или довольно громко бросал ироническое:

- Не спеши, букля оторвется.

Ходил взад и вперед, нюхал табак, зевая поглядывал куда-то вбок, на Адмиралтейство.

А потом вдруг подошел к Андрюше Горчакову, стоявшему тут же, в нескольких шагах от императора, и сказал:

- Нет, больше не могу, уйду!

Андрюша вспыхнул, задвигал своими густыми бровями, что-то зашептал, с опаской оглядываясь на стоявшего невдалеке императора.

Суворов отошел, пропустил мимо себя еще один взвод, покачал головой, сказал:

- Комедия, помилуй бог!

И опять подбежал к племяннику:

- Довольно, не могу!

Андрюша Горчаков готов был провалиться сквозь землю.

Но Павел, казалось, не слышал и не видал ничего.

Когда же офицеры, проходя мимо царя, стали салютовать эспонтонными, припрыгивая и покачиваясь на тихом шагу, Суворов схватился за живот и беззвучно засмеялся.

Потом, опомнившись, он махнул рукой и быстрыми шагами пошел через площадь по направлению к недостроенной церкви Исаакия Далматского.

Народ, глазевший на вахтпарад, почтительно расступался перед Суворовым.

- Объясните же мне, сударь, почему граф уехал? - строго спросил Павел у бледного от страха Андрюши Горчакова, когда они вошли в кабинет.

- Дядюшка нездоров.

Павел отдувался и пыхтел - верный признак того, что был сильно зол.

- Я все время намекал ему, чтобы он попросился в службу, а он знай рассказывает о штурме Измаила. Рассказывал больше получаса. Я не перебивал. Чуть он остановится, я снова намекаю ему. Глядь, а мы уже после Измаила очутились в Праге. Так до вахтпарада дотянул, а тут убежал. Что это такое? Извольте, сударь, ехать к вашему дяде и спросить у него самого объяснение. И тотчас же привезите мне ответ. До тех пор я и за стол не сяду!

- Слушаюсь, ваше величество!

Горчаков повернулся налево кругом и с радостью выскочил из кабинета.

Сбегая по лестнице, он посмотрел на часы: мать пресвятая богородица! Начало двенадцатого, а в час государь уже садится за стол.

- Ильюшка, гони всюю к Хвостовым! - крикнул он ямщику, прыгая в сани.

...У Хвостовых стояла тишина. Груша и Димитрий Иванович ходили на цыпочках,

словно в доме был тяжело больной.

Александр Васильевич, вернувшись с вахтпарада, так и объявил племяннице и ее мужу, что он не мог дождаться конца этой прусской комедии и ушел.

- Воображают: сим победит заяц Александра Македонского!

Хвостовы пришли в ужас.

- Дядюшка, что вы сделали? - всплеснула руками Груша.

- Да государь... Да он... - заикнулся от волнения Хвостов. - Ежели у солдата на вахтпараде пуговица от штиблета отлетит, так командира полка тотчас же гонят на гауптвахту, а солдата сквозь строй, а тут...

- Меня пугать нечего: я, брат, стреляный. Я десять раз ранен. Из них семь раз при дворе! Проща, сымай! Он сбросил мундир, сапоги и лег на диван. В таком виде и настроении застал его Андрюша.

- Дядюшка, государь очень недоволен...

- А я, думаешь, доволен?

- Государь гневается. Говорит, что хотел, чтобы вы попросились снова на службу.

- Вступить в службу могу. Но только пусть вернет мне всю мою былую власть: награждать, увольнять, отпускать в отпуск, производить в чины до полковника. Инспектором я был еще генерал-майором. Пятиться назад не желаю. Лучше поеду в деревню с ребятами играть в бабки. Больше пользы!

- Я не могу, дядюшка, передать, что вы говорите!..

- Передавай что хочешь, а я от своего не отступлюсь!

И Александр Васильевич отвернулся к стене, показывая, что разговор окончен.

Горчаков вышел удрученный.

- Что же делать?

- Скажи, что дядя с радостью готов служить... Был смущен присутствием его императорского величества, - советовал шурин Хвостов.

- Андрюшенька, скажи, что дядя заболел, плохо себя почувствовал. Не помнит, что говорил, - подсказывала сестра Груша.

Горчаков поскорее поехал назад.

- Ну что, сударь? - встретил его Павел.

- Дядя весьма смущен придворной обстановкой. Он никогда не чувствовал себя хорошо при дворе, - дипломатически ввернул Андрюша, намекая на прежний екатерининский двор.

- Это верно, - согласился император.

- Граф с радостью готов служить.

- А почему ушел с вахтпарада?

- Заболел. Простите, ваше величество, у дяди с желудком плохо. Стар уж - семьдесят лет, - прибавил дядюшке три года Андрюша - не знал, за что зацепиться, бедный посол.

- Да, да, не молоденький! Но смотрите, сударь, вы мне будете отвечать, ежели ваш дядя не образумится!

VI

Дядюшка не очень хотел образумливаться - жил в столице третью неделю, а все держал себя наперекор царю. Каждый шаг Суворова был вызовом царю, издевательством над новыми воинскими порядками Павла I.

Павел неоднократно приглашал Суворова к себе на обед и вахтпарады, и всякий раз не обходилось без того, чтобы Суворов не чудил.

Когда после первого памятного вахтпарада Суворов, приглашенный на обед к царю, входил во дворец, караульный офицер, увидев его, вскочил и закричал: "Вон!"

(Это были новые командные слова, обозначающие: в ружье! Караульный офицер вызывал караул для приветствования входившего.) Суворов повернулся и побежал вон из дворца. Он прошел всю площадь до гостиницы Демута и вернулся назад.

Повторилось опять то же самое.

Суворов уехал домой.

Царь прислал Горчакова узнать, что случилось, почему Суворов не приехал к обеду (хотя все во дворце в мгновение ока узнали об этой выходке). Александр Васильевич сказал, что он-де приезжал, но его выгнали вон.

В другой раз, когда Александр Васильевич уезжал из Зимнего, ему подали царскую карету. Суворов был одет по уставу: шпага висела, как полагается, сзади, между фалдами мундира, наискосок.

Суворов шагнул в карету, не поправляя шпаги. Шпага, разумеется, зацепилась за дверцу кареты, не позволяя шагнуть дальше. Суворов, попятился назад, обошел карету и попытался влезть в противоположную дверцу. Шпага и там задержала его.

Тогда Александр Васильевич соскочил с подножки и пошел пешком.

Карета следовала за ним сзади.

Так же вызывающе продолжал держать себя Суворов и на вахтпараде.

Он делал вид, что не может справиться с плоской шляпой: снимая ее, хватался то одной, то другой рукой за поля, и все мимо. Кончалось тем, что шляпа падала у него с головы.

Когда взводы проходили мимо Павла церемониальным маршем, Суворов суетился, пробегая между шеренгами, что считалось совершенно недопустимым, и все что-то шептал про себя и крестился.

- Что вы шепчете, граф? - спросил его выведенный из терпения Павел.

- Читаю молитву: "Да будет воля твоя!"

Павел замучил своего флигель-адъютанта Горчакова вечными вопросами: почему Суворов делает то, почему сказал это?

Андрюша показывал вид, будто отправляется к Суворову за разъяснениями. Не доезжая до Крюкова канала, он возвращался во дворец с готовым ответом: Андрюша сам придумывал его. Дядюшка никогда не сказал бы того, что от его имени говорил племянник.

Такое ложное положение было нестерпимо всем троим - Суворову, Павлу, Горчакову.

Суворов никак не уступал. Он все ждал, что государь поймет нелепость и никчемность своих военных нововведений и отменит их.

Но царь стоял на своем.

Суворов увидел, что его насмешки над устаревшим, отжившим прусским уставом, над нелепым обмундированием и снаряжением не достигают цели.

Дальнейшее пребывание его в Петербурге не имело никакого смысла. Он решил вернуться в Кончанское и попросил у Павла разрешения уехать восвояси, жалуясь на здоровье и старость.

Император с неудовольствием отпустил его.

VIII

Пока Александр Васильевич отдыхал после обеда, солнце обошло светелку и глянуло в два окна, выходивших на запад.

Он проснулся.

Хорошо отдохнул. Хорошо в светелке на Дубихе: тишина.

Вернувшись из Петербурга, Суворов ранней весной, чуть стаял снег, построил на высокой горе Дубихе светелку. Жить в душной, тесной избе надоело.

Светелка небольшая: комната (в ней кухня) внизу, вторая комната наверху. Вокруг них, вокруг всего домика открытая галерея. Сверху, с галереи второго этажа, - чудесный вид. Сквозь просветы в деревьях далеко видно окрест - и, главное, видна дорога в Боровичи, откуда должно же когда-нибудь прийти окончательное избавление от опалы.

В светелке при нем ночует попеременно кто-либо один из троих: Прошка, Наум или Мишка. Большею частью оставляли пожилого фельдшера. Прошка уходил, к жене, которая жила в Кончанском, Мишка-повар - человек молодой, холостой, чего же его связывать. После ужина Мишка получал разрешение идти, куда он хочет, на весь вечер и ночь, лишь бы явился кипятить утренний чай.

Вот и сейчас в светелке никого, все разбрелись. Наум собирает лекарственные травы,

Мишка пошел по грибы для Александра Васильевича, а Прошка точит лясы на селе у старосты или дьячка Калистрата.

Суворов поднялся с постели, надел туфли и подошел к круглому столу, который занимал большую часть комнаты. На столе лежали недавно полученные газеты, письма, бумаги.

Французы замышляют высадку в Англии.

- Репетиция трагикомической военной драмы, которая никогда не будет разыграна!

Надобно написать Дмитрию Ивановичу, ответить на всякие гнусные наговоры, которые продолжают плести в Петербурге его враги.

После поездки к царю положение Суворова в Кончанском несколько улучшилось: стало чуточку вольготнее.. Суворову уже не мешали чаще ездить к соседям-помещикам, не препятствовали кое-кому из них приезжать к Александру Васильевичу на праздники к обеду, посидеть, потолковать, выпить и закусить чем бог послал.

И вот в Петербурге готова сплетня.

- Суворова солдаты, дворяне любят, Суворов весело живет, много ездит и прочее.

Подозрительному, мнительному Павлу I это не может понравиться. Надо все объяснить.

Суворов придвинул тушь, бумагу и написал;

"Меня желают" - я Цинциннат (Цинциннат - римлянин, оказавший большие услуги отечеству и бескорыстно оставивший свой пост.);

"солдаты меня любят" - я их люблю;

"дворяне меня любят"-я их люблю и морально безгрешен;

"весело живу" - весело жил, весело умру, весел родился, не мизантроп; "много ездят" - в торжественные дни препровождаем весело императорские праздники и даже до полуночи, иначе счел бы я за преступление; итак глас бездушных крамольников предавать насмешеству.

Редко мой выезд, прочие многие дни я, как Цинциннат, препровождаю в глубоком уединении.

Сделал приписку для Аркадия:

Аркадию благочестие, благонравие, доблесть, отвращение к экивоку, энигму (Энигма - загадка.), фразе, умерен- ность, терпеливость, постоянство.

Аркаше уже 14 лет. Он жил у сестры Наташи, но теперь Зубовы должны уехать в Москву, и Суворов определил сына к Хвостову. Приписал еще:

Аристотель его - Вы, Наташа воспитана Вами, он ей наследник.

Павел все-таки оказывает милости Суворову, задабривает его: Аркаше дал звание камергера, Хвостов уже генерал, а племянники Горчаковы повышены в чине:

Андрей - полковник, а Алеша (старший) - генерал-майор.

Окончив писать, Александр Васильевич выглянул в окно, из которого был виден строящийся барский дом (к осени будет готов) и сад. Там стучат топоры, визжат пилы. В саду мелькает белая рубаха садовника Игната.

Пойти посмотреть, как они там, полюбоваться на пчел-Александр Васильевич завел две колоды пчел.

Вообще он летом жил в Кончанском веселее, нежели зимой.

Крестьяне наперебой приглашали барина на свадьбы, крестины. Молодые бабенки приносили к нему новорожденных ребят: Александр Васильевич непременно дарил каждому младенцу рубль "на зубок". Кончанские ребятишки души не чаяли в барине, не боялись его, бежали за ним следом. Так, окруженный ими, он ходил на поля смотреть, как колосится рожь, бродил по лесу за грибами и ягодами.

Но как ни жилось Суворову у себя в поместье безопасно, а все-таки был он в опале, жил как отшельник. Жил вдалеке от армии.

Неужто и век так dokonчить бесславно, помещиком, байбаком?

Душа рвалась к боевым подвигам.

Александр Васильевич взял с подоконника подзорную трубу - нет-нет да все взглядывал на боровичскую дорогу: не пылит ли она, не скачет ли фельдъегерь?

Он поднес трубу к глазам, и от волнения задрожали руки: по дороге к Кончанскому скакала тройка.

Александр Васильевич бросил трубу на постель, в три прыжка пробежал узкую лестницу и зашагал к селу с горы.

- Не ошибся, кто-то скачет. Тройка. Кто бы это?

Он входил в Кончанское, а уже по селу неслись колокольцы тройки.

У крайней избы Мирона, посередине улицы, ребятишки играли в бабки. Ленька, шустрый, курносый, собирался ударить.

- Леня, дай-ка я! - крикнул Александр Васильевич. Тройка уже была в пятидесяти шагах. Ленька охотно передал бабку.

Александр Васильевич стал на его место и, прицелившись, метко ударил.

- Вот так ловко!

- Ленька, тебе так не ударить! - загудели ребята.

- Ваше сиятельство, вы что же это в бабки играете? - спросил чей-то знакомый голос.

Суворов оглянулся. Из коляски смотрел на него боровичский городничий Вындомский.

"Э, Федот, да не тот!" - разочарованно подумал Суворов.

Он вспыхнул и опять не сдержался:

- Да, Алексей Львович, в бабки. Нонче столько в России фельдмаршалов развелось, что только в бабки и остается играть!

IX

Суворов лежал на полку, наслаждался: Мишка парил его.

- Еще, еще! Вот так! Чудесно!-приговаривал он.

Летом купался, а зимой, кроме ежедневных обливаний холодной водой, каждую субботу обязательно ходил в баню. Любил попариться, а потом посидеть, попить кваску.

С осени Александр Васильевич жил в своем новом барском доме, в Кончанском. В нем - не в притчовой избенке.

Вкусно пахнет свежими бревнами, чисто, светло и просторно. Одну комнату Александр Васильевич, как бывало в Ундоле и Херсоне, отвел для птиц. Ребятишки наловили синиц, щеглят, снегирей, а заодно и вора-воробья. Держал их всю зиму до святой, а там выпускал на волю. Так собирался сделать и в этом году. В "птичьей комнате" в кадках поставили молоденьких елочек, березок, сосенок, смотрели, чтобы они прижились. В кормушки для птиц насыпали корму, в корытца наливали воду.

"Птичью комнату" Александр Васильевич очень любил. Он подолгу сиживал в ней, смотрел на птиц, подсвистывал им. В ней же и обедал.

Вот и теперь с приятностью подумалось:

"Еще разик, и хватит! Окачусь - и домой. В "птичьей" посижу, грушевого кваску выпью..."

И так неожиданно все перевернулось.

- Ляксандра Васильич, к вам там приехали, - влез в "жаркую" Прохор.

- Ну, кто еще там? - недовольно глянул с полка Суворов. - Откуда?

- Из Петербургу.

Ослышался, что ли?

- Кто?

- Из Петербургу, говорю! - повторил Прошка. - Стоит тут, за дверью, ждет!

И Прошка вышел.

"Что за притча? Опять зовет? Зачем? Не поеду!" Было досадно, но и любопытно все-таки.

Слез с полка. Раскрыл настежь дверь.

В облаках пара, вырвавшегося из "жаркой" в "мыльную", стоял в шинели, треуголке - во всей форме молодой незнакомый офицер. Он держал пакет.

- Ты к кому, братец?
- К его высокопревосходительству генерал-фельдмаршалу...
- Фельдмаршал - при армии, а не в деревне, - перебил Суворов и уже повернулся назад, к полку, но фельдъегерь прибавил:

- Рескрипт его величества... Назначение...

Суворов круто обернулся. "Неужели? Не может быть!"

- Куда назначение? - спросил он.

- К армии, ваше сиятельство, - твердо, по-солдатски отчеканил фельдъегерь.

Суворов кинулся через порог и, весь мокрый, в мыле, в березовых листочках, приставших кое-где к телу, обнял удивленного офицера.

- Спасибо! Вот удружил, помилуй бог!

Через минуту, тут же, в "мыльной", едва прикрывшись простыней, Суворов при свече прочел императорский рескрипт:

Теперь нам не время рассчитывать: виноватого бог простит. Римский Император требует Вас в начальники своей армии и поручает Вам судьбу Австрии и Италии. Мое дело на сие согласиться, а Ваше - спасти их. Поспешите приездом сюда и не отнимайте у славы Вашей времени, а у меня удовольствия Вас видеть.

Пребываю Вам доброжелательный

Павел.

- Проща, беги к старосте. Приготовить лошадей и двести пятьдесят рублей. В долг. Скажи - отдам! А ты, Мишенька, лети к отцу Иоанну. Пусть откроют храм. Идем петь благодарственный молебен. И, не медля, в путь!

...К ночи из Кончанского выехали две тройки. Впереди скакал посланный в качестве фельдъегеря флигель-адъютант Толбухин, сзади фельдмаршал граф Суворов-Рымникский. Прощаясь с Кончанским, Суворов велел Катюше, жене Прохора, которая оставалась в барском доме за хозяйку:

- Птичек выпустить на святой. Все разлетимся в разные стороны!

А дьячку Калистрату, с которым Александр Васильевич пел на клиросе, он весело сказал:

- Пел басом, а теперь еду петь Марсом!

Глава шестая

В ИТАЛИЮ

Победа предшествует Вам всеместно,

и слава сооружает из самой Италии

памятник вечный подвигам Вашим.

Из рескрипта Павла I Суворову

I

На этот раз императору Павлу не пришлось долго ждать Суворова, он прискакал немедленно, на ямских.

Вообще теперь Суворов держал себя не так, как в прежний приезд. Из этой глухой, упорной, двухлетней борьбы с царем Суворов все-таки выходил победителем.

Не желая соглашаться с павловскими нововведениями в армии, Суворов сам ушел из нее. Павел сделал вид, что уволил Суворова раньше, нежели получил его просьбу об увольнении.

Затем Павел вызвал Суворова в столицу, попытался сломить его упорство, сделать так, чтобы Суворов сам опять попросился на службу. Но и это не удалось царю.

Теперь же Павел сдался - выхода больше не было: он возвращал Суворова на службу в чине фельдмаршала сам и, кроме того, поручал Суворову столь ответственное и почетное дело - командовать соединенной русско-австрийской армией против французов.

О таком назначении Суворов только и мечтал.

В главном его желания и желания Павла сошлись (Павел был тоже доволен и горд, что Австрия, Англия - вся Европа - попросили его назначить главнокомандующим союзными

войсками "знаменитого мужеством и подвигами" Суворова, обратились за помощью к русским). Ломать же копыя из-за мелочей Суворову было не к чему. Он сквозь пальцы смотрел на павловскую экзерцицию, не придирался уже ни к ненужным экспонатам, ни к уродливым буклям. Суворов отлично знал, что под этой нелепой треуголкой, в этом неудобном, тесном чужеземном мундире был русский человек, любящий свою родину, беззаветно храбрый и стойкий.

И на первом же вахтпараде показал, что при желании легко сможет справиться с павловскими нововведениями: треуголка уже не падала с головы и шпага не мешала.

Павел показывал Суворову ученье батальона Преображенского полка. Батальон делал все четко и чисто. Павел сиял.

- Как вы находите, Александр Васильевич? - обернулся он к фельдмаршалу.

- Прекрасно, ваше величество! Да вот только... тихо вперед подаются!..

- Скомандуйте по-своему, Александр Васильевич! - любезно предложил Павел. - Слушать команду генерал-фельдмаршала!

Суворов быстро прошел по фронту, зорко глядя своими живыми голубыми глазами.

Солдат, офицер - молодец к молодцу. Павловская муштра не могла изменить русского человека.

С такими можно на француза, на любого врага!

Радостно сказал:

- Есть еще мои старые товарищи!

Зычно скомандовал:

- Ружья наперевес! В штыки! Ура!

И побежал вперед, к Адмиралтейству, которое было обнесено рвами и палисадами.

Батальон с громким "ура" кинулся за Суворовым. Преображенцы вмиг добежали до адмиралтейских рвов, через палисады взобрались на бастион и подняли туда Суворова.

Суворов стоял, держа в руке развевающееся знамя. Махал императору шляпой.

Дворцовая площадь давно не слыхала такого радостного боевого клича, не видела такого вдохновенного порыва войск. В мертвящую тоску прусского вахтпарада ворвалась жизнь.

Павел был ошеломлен. В другое время он принял бы такую сцену с неудовольствием - все это напоминало ему победы "екатерининских орлов", но сейчас он сам ждал от своей армии побед.

В этот приезд не только Суворов держал себя по-иному: переменились и Павел и его двор. Император был милостив к фельдмаршалу, отличал его - он возложил на Суворова Мальтийский крест. И весь павловский двор, точно по команде, круто изменил свое отношение к Суворову. За ним ходили толпами, заискивали у него, льстили ему, чего совершенно не переносил Александр Васильевич.

Долго задерживаться в Петербурге Суворов не думал. Устроив в течение двух недель все дела, он в конце февраля 1799 года выехал к армии.

Во время прощальной аудиенции у Павла Суворов попросил разрешения дать штаб-офицерам по-прежнему лошадей, так как, будучи пешим, штаб-офицер не может видеть своих солдат, а те не видят командира. Осторожно намекнул Павлу на то, что на войне трудно будет уследить за тем, чтобы у солдат были в порядке букли и прочее.

- Веди войну, как умеешь! - сдался Павел.

Здесь у Суворова руки были развязаны. Оставалось договориться с австрийским императором Францем. Суворов и держал путь к нему в Вену. Езда была из рук вон плоха. Зима выдалась снежная. Февральские вьюги намели сугробы, занесли дорогу. Экипаж подвигался очень медленно.

За Вильной Суворов не выдержал - бросил экипаж и пересел в почтовые сани, - так получалось быстрее.

Вечером 14 марта Суворов приехал в Вену. Он остановился в доме русского посланника графа Андрея Кирилловича Разумовского.

На следующий день его принял император Франц. Австрийцы встречали русского фельдмаршала с большим почетом. Куда бы ни поехал Суворов - во дворец или к старому приятелю принцу Кобургскому, - всюду его ждали толпы народа, которые приветствовали его криками: "Виват Суворов!" Министры и другие высокопоставленные лица наперебой приглашали его на обед, но Суворов отказывался под благовидным предлогом - был великий пост.

В один из дней император Франц поехал в Шенбрунн встречать русский корпус генерала Розенберга, шедший в Италию. Вена опустела, все повалили в Шенбрунн.

Суворов не был приглашен встречать войска, но поехал в карете посмотреть своих на марше.

Император Франц, увидев Суворова, прислал ему верховую лошадь, приглашая вместе с ним делать смотр. Суворов сел на лошадь и подъехал к Францу. Они стояли так, рядом, пропуская мимо себя полки.

Венцы теснились к дороге, лезли на заборы и деревья - с интересом смотрели на проходившие русские полки и на их необычайного фельдмаршала.

Русские войска, запыленные и загорелые, в своих темных, зеленых и далеко не новых мундирах были вовсе не парадны, но шли бодро, с веселыми песнями. Эти удалые, с посвистом, с гиканьем, песни поражали австрийцев: их войска мало и плохо пели.

А русский старичок фельдмаршал поражал их еще больше: он годился императору в дедушки, а был живее, энергичнее их молодого меланхоличного Франца.

Впрочем, приезд Суворова подбодрил и Франца, вселил в него надежду и радость. Император Франц вверил Суворову всю австрийскую армию в Италии. А для того чтобы подчинить ему старших австрийских генералов, пожаловал Суворову чин фельдмаршала австрийской армии.

Он обещал предоставить Суворову полную свободу ведения войны. Но Суворов еще по прежним турецким кампаниям хорошо знал австрийский гофкригсрат, его нелепое обыкновение пытаться управлять военными действиями из Вены, за тридевять земель от места боя. Без гофкригсрата австрийские генералы не могли сделать ни шагу, шли у него на поводу. Суворов ждал, что гофкригсрат попытается и в этот раз наложить свою руку.

Его ожидания сбылись.

Первый министр и председатель гофкригсрата барон Тугут, считавший себя большим знатоком военного дела, каким в действительности он никогда не был, хотел, чтобы Суворов изложил гофкригсрату план будущей кампании.

Суворов резонно ответил, что решит на месте, так как все предвидеть заранее невозможно и так как, кроме союзников, есть же еще и неприятель.

Тугут не окончил на этом свои домогания. Он прислал Суворову готовый план действий союзных войск до реки Адды. Члены гофкригсрата, привезшие план, требовали, чтобы Суворов рассмотрел его - исправил или изменил.

Суворов перечеркнул крестом план Тугута и внизу написал:

Начну кампанию переходом через Адду, а кончу где богу будет угодно!

В Вене - это не в Фокшанах: там можно было уйти от обсуждения плана с австрийским командующим, и там ведь был умный принц Кобургский, а здесь этот тупой, "тугой" - Тугут. Недаром его фамилия была "Тукихтгут", и барон только сократил ее для благозвучности.

Суворов знал эти заранее написанные планы, - они большею частью попадают в руки неприятеля.

- В кабинете - лгут, в поле - бьют! Поменьше разговоров, побольше дела!

Наконец, к радости Суворова, настал последний день пребывания в Вене. Он получил аудиенцию у Франца.

Император рассыпался в комплиментах Суворову, восхвалял его "великие испытанные дарования" и дал ему инструкцию.

Цель наступательных действий русско-австрийских войск одна: прикрывать австрийские владения от французов. (Австрийцы хорошо помнили, как еще так недавно, в

1797 году, Бонапарт оказался в нескольких переходах от Вены.)

Суворов с главными силами должен был перейти реку Минчио, овладеть крепостью Пескьерою и осадить Мантую, продолжая наступление на реки Адду и Олио.

О дальнейших своих действиях - немедленно сообщать в Вену.

По австрийским замыслам предполагалась бесцветная, тягучая кампания. Единственное, что из распоряжений Франца пришлось Суворову по душе, это поручение генералу Меласу заботы о продовольствии русских войск.

Пусть австрийцы занимаются снабжением, лишь бы не совали носа в его военные дела!

II

Суворов с Андрюшей Горчаковым и восемью казаками конвоя спешил через Виченцу и Верону в Валеджио, где командующий австрийскими войсками барон Мелас устроил главную квартиру. Суворов все время обгонял русские войска они эшелонами двигались туда же.

Несмотря на весеннее бездорожье, разливы рек и снег, лежавший в горах, русский корпус шел ускоренным маршем, сделав за 18 суток более 500 верст.

В Виченце Суворова встретил маркиз Шателер. Император Франц назначил маркиза генерал-квартирмейстером соединенной армии.

Суворов пригласил Шателера в свою карету - хотел поскорее узнать, кого же австрийцы подсунули ему в ближайšie помощники.

Когда в Вене император назвал маркиза Шателера, Суворов невольно насторожился. Ему так и представился завитой, напомаженный придворный франт. Но маркиз оказался не таким. Правда, он изысканно вежлив, а белый мундир на нем с иголки, но на мундире у маркиза - орден Марии-Терезии.

- За какое дело изволили получить? - спросил Суворов.

- За Фокшаны.

- Ба, да мы, оказывается, старые боевые товарищи! - просиял Суворов.

Разговор оживился.

Суворов тут же узнал, что его молодой генерал-квартирмейстер (Шателеру было 36 лет) - бельгиец по национальности, что при Фокшанах он служил в корпусе принца Кобургского капитаном.

Перед Суворовым сидел настоящий военный и вообще образованный человек - это сразу давало себя знать.

Приятно было Суворову и то, что Шателер, видимо, очень тепло относился к своему главнокомандующему. Суворов не чувствовал в нем этой австрийской зависти, которую не могли скрыть австрийские генералы, особенно после того, как Суворов получил звание фельдмаршала австрийской армии.

Суворов с удовольствием вспоминал Фокшаны и Римник, говорил о своих приятелях - принце Кобургском и генерале Карачае.

Карачая он убедил вновь вступить на службу, и Карачай опять служил под началом Суворова.

Генерал-квартирмейстер прекрасно - что так редко бывает в людях - умел слушать, но все старался направить разговор на деловую почву: развернул карты, показывал главнокомандующему расположение войск, пояснял их движения и спрашивал Суворова о его намерениях и предположениях.

Суворов слышал уже это в Вене от Тугута. Он не хотел так сразу же выкладывать свои планы.

Александр Васильевич смотрел в окно кареты на пробегающие зеленые виноградники, на кипарисовые рощицы среди нив, на черепичные крыши домов.

И на все вопросы генерал-квартирмейстера отвечал одно:

- Штыки, штыки!

А потом перебил Шателера:

- Мы едем на родину Корнелия Непота, Овидия и Витрувия: ведь они веронцы!

Шателер стал складывать свои карты и бумаги. Верона была близка. Слева, среди виноградников, блеснула река.

И тут, из-за поворота дороги, из-за высоких кипарисов, вдруг к карете хлынули толпы веронцев.

Утром в Верону пришли русские войска. Один за другим съезжались австрийские генералы. Местные власти готовили в palazzo Emilia комнаты для Суворова. Все это разнеслось по Вероне с быстротою молнии.

Суворова ожидали к вечеру. И чуть солнце стало клониться к закату, как по дороге на Виченцу двинулись сотни народа.

С холмов, окружающих город, веронцы увидели карету Суворова и кинулись ей навстречу. Они с радостным криком: "Eviva Suvorov!" (Да здравствует Суворов!) вмиг облепили ее со всех сторон. Какой-то молодой черноглазый итальянец вскочил на козлы, несмотря на неласковый прием сидевшего с кучером Прошки, который сердито закричал:

- Куда ты, черт, лезешь? Ногу отдавил!

Итальянец все-таки пристроился на козлах. Из толпы ему подали какое-то голубое шелковое знамя. Итальянец торжественно водрузил его и так ехал, держа знамя. В карету летели лавровые ветки, венки. Народ шел рядом с каретой. Каждый старался поближе протиснуться к карете и, приветствуя фельдмаршала, кричал как можно громче.

Толпа народа увеличивалась с каждым шагом. Карета с трудом подвигалась вперед.

- Мы так не скоро приедем, - говорил по-итальянски Суворов.

Но на это ему отвечали с веселым смехом:

- Chi va piano, va sano! (Кто ходит медленно, ходит хорошо!)

У старых городских стен, обвитых плющом и облепленных мальчишками, Суворова ждали новые и новые толпы.

- Eviva nostra liberatore! (Да здравствует наш освободитель!) несло отовсюду.

Суворов, прижимая руку к сердцу, раскланивался во все стороны.

Лошадей выпрягли из кареты, и веронцы на руках легко покатали ее в город до самого палаццо.

Суворов, провожаемый радостными криками многотысячной толпы, взбежал на крыльцо.

Чиновники и высшее духовенство Вероны во главе с архиепископом удалились после приема их фельдмаршалом.

В зале остались свои, военные: русские генералы и несколько австрийских - Шателер, Карачай, Левенер, которых Суворов знал еще по турецким походам.

Отпустив гражданские власти, Суворов на некоторое время вышел из приемной.

Потом снова стремительно вошел, стал посреди зала и сказал генералу от инфантерии Розенбергу, который до него командовал русским вспомогательным корпусом:

- Ваше высокопревосходительство, Андрей Григорьевич, познакомьте же меня с господами генералами!

Суворов стоял навытяжку, но смотрел вниз, точно задумался. Его всегда низко опущенные веки совершенно закрывали глаза. Лицо сразу же стало иным старческим и кротким.

- Генерал-лейтенант Повало-Швейковский!-представил Розенберг.

Коренастый, плотный Повало-Швейковский по-солдатски "ел" глазами Суворова, но фельдмаршал не подымал глаз, только поклонился:

- Вместе не служили. Послужим!

- Генерал-майор Барановский!

- Помилуй бог, не слыхал. Познакомимся! - стоял, не подымая глаз, Суворов.

- Генерал-майор Милорадович! Суворов открыл глаза. Семидесятилетний старик сразу же исчез.

- А, это Миша! Мишенька! - оживился Суворов. - Я знал вас вот таким, - он показал рукой на аршин от пола. - Едал у вашего батюшки Андрея Степановича вареники. Да какие

сладкие! Как теперь помню. Помню и вас, Михайло Андреич. Вы тогда хорошо ездили верхом на палочке. Как же вы тогда лихо рубили деревянной сабелькой!

Молодой, двадцатидевятилетний генерал Милорадович, шеф Апшеронского мушкатерского полка, стоял весь красный от счастья.

- Поцелуемся же, Михайло Андреич! Ты будешь герой.

Суворов обнял Милорадовича и опять стал в прежнее положение.

- Генерал-майор Тыртов!

- Помилуй бог, не слыхал. Познакомимся! - поклонился, не глядя на Тыртова, Суворов.

- Генерал-майор князь Багратион!

- Князь Петр, это ты? Помнишь Очаков, Брест, Прагу?

- Так точно, ваше сиятельство!

Суворов горячо обнял любимого князя. Поцеловал его в глаза, в лоб, в губы.

- Господь с тобою!

Русские генералы были все.

Суворов вскинул голову и стал ходить широкими шагами, говоря:

- Субординация! Экзерциция! Военный шаг - аршин, в захождении полтора. Голова - хвоста не ждет: внезапно, как снег на голову. Пуля дура, штык молодец. Мы пришли бить ветреных, сумасбродных французишек. Они воюют колоннами, и мы будем их бить колоннами! Глазомер, быстрота, натиск!

Потом круто повернулся на каблуках к Розенбергу:

- Ваше высокопревосходительство, пожалуйста мне два полчка пехоты да два полчка казаков!

- В воле вашего сиятельства весь корпус. Которых прикажете?

Суворов резко отвернулся от Розенберга.

Уклончивый ответ не понравился. Суворов вспыхнул и продолжал шагать, приговаривая:

- Намека, догадка, лживка, немогузнайка. От немогузнайки - много беды!

Высокий худой Розенберг стоял смущенный. Руки у него тряслись. Фельдмаршал разгневался, а почему - Розенберг так и не понял.

- Ваше сиятельство, мой полк готов! - молодецкато шагнул вперед князь Багратион.

Он знал суворовскую натуру: надо быстро и четко! И Суворов еще раз обнял Багратиона.

- Ступай, приготовь и приготовься! Помни: голова хвоста не ждет! Внезапно, как снег на голову!

III

В Валеджио Суворов принял рапорт командующего австрийской армией престарелого барона Меласа и произвел смотр его войскам.

Австрийскую армию Суворов знал хорошо еще по турецкой кампании, по Фокшанам и Рымнику, и смотр ничего нового дать ему не мог, но Суворов хотел всеми мерами поднять дух австрийской армии, которая несколько последних лет терпела неудачи.

- Что, старик, разобьем французов? - спросил Суворов у пожилого австрийского гренадера.

- Мы бивали врагов с Лаудоном, а с вашим сиятельством еще лучше будем бить! - отвечал, не задумываясь, гренадер.

Перед Суворовым целый час проходили полки.

Суворов был в белом австрийском фельдмаршальском мундире и небольшой каске.

Рядом с ним верхом на лошадях сидели старые кавалерийские генералы барон Мелас и венгерец Край.

Край, еще очень крепкий для своих шестидесяти пяти лет, был длинен, жилист и смугл.

А рыхлый небольшой Мелас, более старый, чем Край, уже с трудом сидел на лошади. Рука, державшая поводья, тряслась. Ему пристойнее было бы сидеть в покойной коляске, а не в седле, но барон бодрился: рядом с ним на казачьем коне молодецкато сидел его

одногодка, сухонький, живой фельдмаршал Суворов.

Суворов, казалось, смотрел только на проходившие войска, но видел все: как перешептываются австрийские адъютанты, как барон Мелас по-стариковски шевелит пухлыми губами. Александр Васильевич в уме уже окрестил его "папа-Мелас".

Мелас был не бог весть какой талантливый полководец, но человек почтенный, всю жизнь в строю и не интриган, и потому Суворов чувствовал к нему расположение.

Австрийцы шагали браво. Башмаки у них не так истрепаны, как у Багратионовых егерей, которые прошагали столько верст. Белые мундирчики созданы только для парадов. Но - господь с ними! - надо для начала похвалить союзников.

- Шаг хорош: победа!-громко, чтобы слышали все, сказал Суворов, когда мимо него прошел последний австрийский взвод.

В своем же кругу Суворов дал другую оценку:

- Солдаты - неплохи. Много славян: чехов, поляков, русин.

С солдатом, помилуй бог, бить французов можно. Но офицеры австрийские никуда. Все они - немогузнайки. Что ни спросишь, один ответ: "Ich kann nicht bestimmt sagen!" (Не могу определенно сказать!). Ох, уже эти мне "нихтбештимтзагеры", "унтеркунфтшики"!

Суворову очень не понравилось, когда на его вопрос адъютанту, где генерал Фрелих, австрийский офицер ответил, что генерал Фрелих поехал за город, чтобы иметь лучший "унтеркунфт" (Унтеркунфт - теплый уголок, удобное помещение, комфортабельно).

Новое меткое суворовское словцо было готово.

- Куда может вести солдат такой офицер? Войска знают одно: оборону. Надобно переломить, переучить!

Завтра же начать!

Обучаться австрийские войска действительно начали со следующего дня.

Русские полки собирались постепенно в Валеджио. Наступать с одними австрийцами, к тому же не знакомыми с суворовской тактикой, было немыслимо. Суворов решил подождать подхода всех своих войск. А чтобы не терять времени даром, велел обучать австрийцев сквозным атакам пехоты на пехоту, пехоты на кавалерию и т. д. И дал приказ - продиктовал по-немецки выдержки из своей "Науки побеждать".

В австрийские полки разослал русских офицеров обучать союзников штыковому бою, быстроте и натиску.

Австрийцы оскорбились: помилуйте, какие-то варвары станут учить их! Лапидарный, отрывистый стиль суворовских приказов был им непривычен и чужд.

"Марш вперед!" - когда австрийцы привыкли в лучшем случае стоять на одном месте.

"Смерть или плен - все едино!" - когда у австрийцев понятие о воинской чести не было так высоко, чтоб предпочитать смерть плену.

Только те, кто по Фокшанам и Рымнику помнил знаменитого "Генерала-вперед", понимали суворовский приказ. Остальные же в недоумении пожимали плечами говоря:

"Den Feind uberall angreifen!" Was ist das fur eine Strategie?

("Неприятеля везде атаковать!" Это что за стратегия?)

Папа-Мелас, как старший австрийский генерал, приехал к фельдмаршалу поговорить об этих нововведениях. Он завел разговор издали о том, что-де у русских и австрийцев разные воинские уставы и прочее.

Но Суворов прижал его: папа-Мелас вынужден был сказать прямо - да, австрийские генералы недовольны новыми порядками.

- Пустяки! Это младенцы, которые плачут, пока их обмывают. Зато после они спят крепким сном! - отрезал Суворов.

И папа-Мелас уехал ни с чем.

Генерал Шателер предложил Суворову, пока подойдут русские войска, произвести рекогносцировку. Суворов резко отказался:

- Рекогносцировки нужны только робким. Кто хочет найти неприятеля, найдет и без них. Штыки, холодное оружие, атака, удар - вот мои рекогносцировки!

Это говорил он сам, опытейший разведчик, с первых дней своей военной службы показавший себя чрезвычайно смелым и находчивым в рекогносцировке, бывший в разведке в двух шагах от палатки Фридриха II.

Но здесь под рекогносцировкой австрийцы понимали иное: демонстрацию. Излюбленным их приемом было - пугать неприятеля, делать вид, что они хотят наступать, в то время как сами желали обратного.

Суворову сразу же надо было показать, что на этот путь он не станет.

Суворов был намерен ударить по врагу, ударить немедленно и сокрушительно. Он только ждал, когда подойдут его чудо-богатыри.

IV

Суворовские полки один за другим собирались у Валеджио.

Русские войска шли, с удивлением глядя кругом: здесь все было необычайно - и люди и природа.

Казались странными эти городки и местечки, окруженные, точно крепости, каменными стенами и рвами; плоские крыши кирпичных домов; фруктовые деревья, разбросанные меж кукурузных и капустных полей; холмы, где тесно, друг к дружке, посажены виноград, кукуруза, тутовые деревья, яблони, груши, орешник; смуглые черноволосые крестьяне в кожаных штанах с голыми от под коленок ногами.

- Народ здесь черный, как цыгане. - И ни одного курносого...

- Чесноком и луком больно пахнут: как откроет рот, так уноси ноги!

- И до чего голосистые, черти!

- А у баб голоса грубые...

- Сердитые, должно. Оттого тут мужики сами коз доят и ребят нянчат...

- Говорят смешно, словно барабан трещит, - "грррандэ!" - передразнил Зыбин.

- И скажи, какой вежливый народ: всех, даже нашего брата-солдата, называют "синьор". "Синьор-солдато!"

- Это во многих землях такой обычай, - наставительно сказал любивший поучать Воронов. - Вот в Польше-все "паны": холоп-"пан" и бог-"пан". "Цо пану треба?" "Як пан бог позволи?"

С улыбкой смотрели на встречающихся ослов и мулов.

- Вчерась, как стояли в том городке, я, братцы, видал: едет на тележке человек. В тележку впряжены кобыла, корова, осел да энтот самый мул.

- Вся родня, стало быть?

- Да, окромя только свиньи, вся.

- И вот хозяин ехал-ехал, потом стал и почал доить корову, пося кобылу...

- Тьфу ты! Пусть бы уж и осла доил...

- Ей-богу! Подоил, напился, травкой какой-то - щавелем не щавелем закусил и поехал дальше...

- Ловко: и везут и кормят!

- Чего ж он травой-то закусывал?

- Да у них с хлебом неловко...

- Не так, как у нас. Ржи они не сеют, пшеницы мало.

- Тут все больше кукуруза. Ни тебе гречихи, ни проса...

- Булки тут невкусные, неизвестно из чего склеены.

- Ты не знаешь из чего? Из кукурузы.

В ихней булке пшеницы мало.

- То ли дело наши, тамбовские!

- Нет, лучше вяземских пряников нет! - вздохнул Зыбин.

- И масло у них противное. Почему это?

- Из козьего и овечьего молока.

- Братцы, а я лягух на рынке видал.

- Брешешь?

- Ну вот!
- Это зачем же лягухи?
- Есть. В тряпицу завернуты. Да в сетку положены.
- У нас, в Беларуси, смеются, как один вот етак съел, не зная, лягушку. Ему говорят, а ён отвечает:

"А, ляга не ляга, - осталася одна нога!"

- Тьфу ты, прости господи! - плевался Воронов.
- У них, в Полесье, много этого добра, жаб.
- Насчет чего здесь хорошо, так это насчет вина!
- Да-а!
- И быки здесь важнецкие, - похвалил Огнев. Удивляло солдат жилье: двухэтажные высокие дома, а печей нет. Вместо печи в комнате огромный камин.

- А где же у них печи?

- Зачем им печи? Это тебе не в твоём Великом Устюге! Тут кругом год теплынь.

- Да, похоже на то, - говорили разомлевшие от зноя солдаты.

Жара стояла от утра до заката. Дорога настолько накалялась, что босиком не ступить. Вечера были такие же душные, как и дни.

- Тепло, як у нас, на Полтавшине...

- Тепло-то тепло, да земля не та. Здесь народ живет хуже вашего. Ишь, едят что: одни эти свои червяки, как их, макароны. С деревянным маслом...

- А нищих сколько, ровно у нас на ярмарке...

Смотрели, сравнивали, удивлялись, потешались.

Шли версту за верстой.

То между стенами садов, из-за которых виднелся широкий зубчатый лист винограда. То выходили на простор, и глазам представлялось зеленое море дерево к дереву, кустик к кусту. А среди этой зелени белели домики и шпили церквей.

7 апреля в Валеджио собрались все русские полки. Суворов приказал армии выступить. План Суворова был ясен и прост: не обращая внимания на французов в Средней и Южной Италии, побыстрее занять Ломбардию и Пьемонт. Кто владел Северной Италией, тот неизбежно вынуждал врага очистить весь Апеннинский полуостров.

Впереди австрийских колонн Суворов поставил казаков. Бородатые, в невиданной одежде, на своих маленьких лошадках, они должны были произвести впечатление на врага. Они должны были быть предвестниками той грозной, неотвратимой силы, которая двигалась с востока.

V

Встреча с сильным врагом на непривычном театре военных действий слегка волновала Суворова. Суворову приходилось действовать на полях Пруссии, в болотах Польши, в степях Молдавии и Валахии, но в горах еще не случалось. Русский солдат - равнинный человек. Леса, болота знакомы ему с детства, в них он чувствует себя превосходно; но как-то будет в горах?

Иной здесь был и неприятель.

Турки и поляки дрались тоже неплохо, дрались порою отчаянно, но французская армия все-таки представляла более грозную силу.

Любимой формой боя у французов была атака. Они смело кидались на врага в штыки. Французы во многом следовали тем же правилам, которым учил Суворов. Такого противника он еще не встречал. С ним любопытно было помериться силами. Только вот выдержат ли австрийцы? Уж очень вошло у них в привычку быть битыми.

Первые шаги Суворова сразу же принесли победу союзникам.

Французский главнокомандующий Шерер поспешно отступал к реке Адде. Река Адда представляла серьезную естественную преграду: она была непроходима вброд, глубока и широка, с обрывистыми, утесистыми берегами, с быстрым течением. Шерер рассчитывал создать оборонительную линию на правом, возвышенном берегу. Он отступал, бросая или

уничтожая все, что нельзя было увезти. В крепостях оставались французские гарнизоны.

На пути Суворова лежал город Брешия, в котором был литейный завод. Когда союзники окружили город, французский гарнизон, видя бесполезность сопротивления, положил оружие.

Это была первая победа Суворова в Италии. Союзники продолжали двигаться дальше. Суворовские войска шли так, как всегда, - выступали ночью, часто устраивали роздых.

Австрийцы не привыкли к таким быстрым ночным переходам по пересеченной местности под проливным вождем. Они сбивались и путались на каждом шагу. В австрийских полках стали роптать - казаки, шедшие в голове их колонн, рассказывали об этом смеясь. В довершение ко всему на одном из переходов осрамился сам папа-Мелас.

Его колонна сбилась с пути, не попала на переправу и должна была под проливным дождем переходить реку. Все окончательно вымокли и измучились. Старый больной папа-Мелас не привык к таким передрыгам. Он, не выполнив маршрута, остановился утром и дал возможность войскам обсушиться.

Суворов сильно разгневался - задержка Меласа нарушала все его расчеты. Он написал Меласу письмо, в котором доставалось всем австрийцам:

До сведения моего доходят жалобы на то, что пехота промочила ноги. Виною тому погода. За хорошею погодою гонятся женщины, щеголи да ленивцы. Большой говорун, который жалуется на службу, будет, как эгоист, отрешен от должности. В военных действиях следует быстро сообразить и немедленно же исполнить, чтобы неприятелю не дать времени опомниться. У кого здоровье плохо, тот пусть и остается позади,- намекал он прямо на командующего австрийскими силами.

Через неделю союзники подошли к Адде.

- Адда не преграда! - шутил Суворов. Он решил прорвать в нескольких пунктах расположение французов - Шерер растянул свои силы по всей реке. Чтобы обмануть Шерера, Суворов назначил переправу в самом неподходящем месте - у Сан-Джервазио:

берега тут были особенно круты, а течение чрезвычайно быстро.

Австрийский офицер-понтонер рапортовал, что спустить понтоны с такого высокого берега, тем более ночью, - невозможно.

Но суворовские войска все-таки переправились. В этот день дряхлый и бездарный генерал Шерер был смещен. На его место назначили молодого талантливого генерала Моро, который считался во Франции лучшим полководцем после Бонапарта.

- Мало было славы разбить шарлатана. Лавры, которые похитим у Моро, будут лучше цвести и зеленеть! - отозвался на это Суворов.

Союзные войска потеснили французов, захватив до шести тысяч пленных, в том числе генерала Серрюрье.

Моро не мог поправить ошибки Шерера, расплывшего свои войска. Он мог думать пока лишь об отступлении. Дорога на Милан была уже отрезана, он не имел возможности помешать Суворову продвигаться туда. Французы отступали по направлению к Павии.

Суворов сделал то, что в этих же местах в 1705 году, в войне против французов, не удалось выполнить другому великому полководцу - Евгению Савойскому.

VI

Первыми к Милану прискакали донцы, преследовавшие отступающего врага. Это было вечером в субботу, 17 апреля 1799 года.

Французы закрыли городские ворота, но казаки вышибли их и гнали и кололи неприятеля, пока он не укрылся в миланской цитадели.

За казаками поспешал Мелас.

Фельдмаршал Суворов перешел Адду в 20 верстах от Милана. Въезд в город он назначил на следующий день, 18 апреля. День был воскресный и особенно торжественный: первый день пасхи.

С утра было тепло и ясно.

Милан в это воскресенье проснулся ранее обычного: все ждали вступления в город

русских - людей, пришедших с далекого севера, где снега, морозы и медведи. На австрийские войска, расположившиеся в городе, никто не обращал внимания. Уже вчера вечером миланцы увидели казаков.

Бородатые, в длинных кафтанах и высоких барашковых шапках, они казались такими странными. Итальянцы сразу же прозвали казаков "русскими капуцинами".

С не меньшим любопытством ждали и самого фельдмаршала Суворова, диковинного полководца, который за всю жизнь не проиграл ни одного сражения. Они читали о Суворове в газетах, в брошюрах, где Суворов изображался страшным человеком, бог ни весть каким людоедом.

Потому миланцы поднялись спозаранку: каждому хотелось увидеть, как Суворов во главе войск будет въезжать в Милан.

Улицы были запружены народом. Тысячи людей двигались из города через восточные ворота за духовенством, которое с крестами и хоругвями шло встречать фельдмаршала Суворова. Окна, балконы, даже крыши домов были усеяны зрителями.

Милан гудел, как улей.

Суворов еще с вечера чувствовал себя не совсем здоровым - ломило поясницу. Он сидел в карете вместе со статским советником Фуксом.

Генерал Розенберг, передавая Суворову в Вероне дела, представил ему гражданских чинов, прикомандированных к армии. В их числе был состоявший на службе в коллегии иностранных дел статский советник Егор Борисович Фукс.

Суворов неприязненно глянул на толстого, мешковатого, с мясистым лицом старой бабы человека в очках.

- Помилуй бог, какой ты худошавый. Тебе надобно со мною ездить верхом! - сказал он Фуксу.

Статский советник густо покраснел - обиделся, но промолчал.

Суворов не придавал Фуксу особого значения, но Розенберг тут же осторожно намекнул фельдмаршалу, что статский советник Фукс "имеет другие препоручения" от генерал-прокурора.

- Так, так, понимаю, - нахмурился Суворов.

Он сообразил: толстый Фукс, стало быть, является в армии "оком" царя.

И на следующий день Суворов поручил Фуксу вести все военные письменные дела главнокомандующего. Тем более что сам Суворов донесения писал очень редко.

- Перо неприлично солдату, - говаривал он.

И Фукс стал находиться при фельдмаршале неотлучно.

Сегодня статский советник Фукс успел нарядиться - надел свой шитый золотом дипломатический мундир. Суворов же не имел времени переодеться он ехал, как был все эти дни во время боев у Адды, в обычном австрийском мундире.

Когда вдалеке показались толпы народа и на утреннем солнце блеснули кресты и хоругви миланского духовенства, Суворов вылез из кареты и пересел на казачью лошадь. Он, вместе с генералом Шателером, ехал впереди кареты. За каретой по-прежнему следовала свита фельдмаршала, а дальше войска с барабанным боем и музыкой.

Не доезжая шагов десяти до процессии, Суворов слез с коня и пошел навстречу архиепископу миланскому.

- Господь да благословит шествие твое, добродетельный муж! приветствовал победителя архипастырь.

Суворов, сняв каску, приложился к кресту. Он на итальянском языке благодарил архиепископа за приветствие.

Архиепископ, удивленный тем, что этот русский варвар не только набожен, но и хорошо говорит по-итальянски, совершенно растаял. Он рассыпался в похвалах Суворову. Суворов стоял, наклонившись к архиепископу (ныла проклятая поясница, и так стоять было удобно), внимательно слушал, стараясь понять цветистую, выпренную речь архиепископа. Хотелось в ответе не ударить лицом в грязь.

А музыканты австрийской колонны, увидавшие многотысячную толпу, старались как могли. Они заглушали слова архиепископа, мешали Суворову уловить, что говорит велеречивый пастырь.

Суворов чуть поворотил голову и нетерпеливо Махнул рукой: мол, перестаньте играть!

Прошка, снявший шапку перед крестом и набожно крестившийся на католические хоругви, не спускал глаз с барина. Прошка торопился поскорее доехать до места (он по опыту знал, что там ждет его вкусное итальянское вино, тем более - сегодня пасха). Прошка понял жест Александра Васильевича по-своему.

- Поезжай! - толкнул он локтем кучера Ванюшку. - Барин поедет сзади!

Карета с важно восседавшим в ней толстым, самодовольно улыбавшимся статским советником Фуксом медленно поползла вперед. Народ расступился по обе стороны, давая дорогу.

Свита потянулась вслед за каретой.

Суворов недовольно поморщился: что они делают? Но останавливать движение было уже поздно. Он сократил свое ответное слово и пригласил духовенство следовать за свитой.

Архиепископу со всем его клиром пришлось поместиться среди войск.

Суворов сел на коня и вместе с Шателером и двумя адъютантами-австрийцами ехал во главе войск.

Надоевшим, все испортившим музыкантам он велел замолчать.

Миланцы приветствовали суворовскую карету громкими криками. Овациям не было конца.

Фукс оказался один в зеленом мундире среди белых австрийских. Он был одет не так, как все. На военных в белых мундирах никто из толпы не глядел: эка невидаль - австрийцы! Все ждали необычного, ждали русского, ждали Суворова.

В суворовской свите были и русские мундиры, но впереди всех оказался только Фукс. Он ехал в карете, и толпа принимала его за фельдмаршала Суворова.

Фукс не мог безучастно взирать на шумные приветствия, которые неслись к нему, со всех сторон. Толстое бабье лицо Фукса расплылось в самодовольную улыбку. Прижимая руку к сердцу, он кланялся во все стороны, как неопытный актер.

Суворов понимал неловкость случайно создавшегося положения, но поправить дело было уже нельзя.

В городских воротах фельдмаршала встретил барон Мелас. Он вступил в город со своей колонной еще ночью.

Суворов протянул к нему руки, желая обнять. Обрадованный папа-Мелас как-то по-детски не рассчитал расстояния - живо обернулся, точно сидел на стуле, а не на лошади, и шлепнулся с седла на землю.

Итальянцы с сочувственным хохотком подхватили старого генерала, помогли сесть в седло. Суворов обнял перекофуженного папу-Меласа и, подавляя невольный смех, участливо спросил, не ушибся ли барон.

Это курьезное происшествие только на секунду привлекло внимание толпы к Суворову. А вообще на него, как на Меласа и Шателера, никто особенно не смотрел: в глазах миланцев они были обычными австрийскими генералами. Тем более, что за ними непосредственно шли австрийские, а не русские войска.

Александр Васильевич мог лишь слышать, что говорят живые, крикливые итальянцы по адресу Фукса, которого они принимали за Суворова:

- А лицо у этого Суворова, как у мясника!

- Мундир приятнее его лица!

- Но он не похож на людоеда!

- Какое там людоед? Он просто - толстая прачка!

- Стоило вставать из-за него в такую рань!

И лишь несколько сот итальянцев, потевших в тесноте и давке у дворца герцогини Кастильоне, в котором были приготовлены комнаты для фельдмаршала, могли разобрать, где

настоящий Суворов. Этот неуклюжий с бабьим лицом человек в шитом золотом зеленом мундире, выйдя из кареты, остался ждать у подъезда.

А по широкой мраморной лестнице впереди всех пошел вверх небольшого роста энергичный худощавый старик в белом австрийском мундире.

Русские, особенно казаки, очень поразили миланцев. За каждым донцом толпами бегали курчавые черноглазые итальянские мальчонки. Они быстро освоились с бородатыми "капуцинами" и не отставали от них.

Итальянцев удивляли чрезвычайное благочестие и набожность русских: русские крестились перед каждым храмом, несмотря на то, что храмы были католические. Не зная пасхального русского обычая христосоваться, итальянцы весьма изумлялись, как русские при встрече троекратно целуются. Впрочем, к вечеру подгулявшие русачки христосовались не только друг с другом, но и с итальянцами, а особенно с итальянками. Итальянцы принимали это как должное.

У дворца герцогини Кастильоне не расходился, все время стоял народ ждали, не выйдет ли Суворов.

Вечером весь город расцвечился огнями.

В городском театре была приготовлена пышная встреча Суворову, но он никуда из дворца не поехал - был на балу у своей хозяйки. Герцогиня Кастильоне, с согласия Суворова, пригласила к себе всю миланскую знать. Суворов явился в парадном фельдмаршальском мундире. Он поразил всех, особенно дам, своей изысканной любезностью, весельем и остроумием.

На следующий день, 19 апреля, миланцы могли хорошо разглядеть фельдмаршала Суворова - он присутствовал на молебствии в знаменитом миланском соборе.

По улицам рядами стояли войска. Суворов ехал в вызолоченной карете, в белом австрийском фельдмаршальском мундире со всеми орденами.

Архиепископ во всем облачении встретил его при входе в собор. В соборе для фельдмаршала было устроено возвышение, покрытое красным бархатом, с золотыми кистями и золотой цепью вокруг.

Громадный собор едва вмещал всех желающих присутствовать при богослужении.

Так же торжественно Суворов вернулся во дворец к обеду.

Обед у Суворова прошел очень живо.

Фельдмаршал шел к столу в прекрасном настроении. К обеду, кроме русских генералов Розенберга, Багратиона, Милорадовича, Горчакова, были приглашены австрийские с Меласом во главе. Тут же присутствовал какой-то итальянский поэт, курчавый, точно баран, и с бараньими глазами, молодой человек в нарядном шелковом кафтане. Поэт поднес фельдмаршалу Суворову свою поэму "Освобожденная Италия".

Подойдя к столу, Суворов громко и внятно прочел "Pater Noster" ("Отче наш").

- Сегодня у меня за столом два высокопревосходительства, - садясь, весело сказал он, поглядывая на своих соседей справа и слева: Розенберга и Меласа. - Папа-Мелас, вам необходимо научиться говорить по-русски. Скажите "высокопревосходительство".

- Фый... Фийсок... - потел с натуги старый Мелас.

- Высокопревосходительство, - нагibalся к нему Суворов.

Но у папы-Меласа так-таки ничего не получалось.

Ему никак не удавалось преодолеть это трудное "ы".

- Русский язык - богатый, прекрасный.

У вас в армии есть переводчики?

- Нет, - сконфузился Мелас.

- Ах, так. Я же вам буду писать только по-русски! - шутливо пригрозил Суворов.- Военному человеку вообще надо знать языки. Я стараюсь изучить язык тех, с кем воюю. В Турции - выучил турецкий, в Польше - польский, в Финляндии - финский.

- Ваше сиятельство, а вот извольте послушать, как пятеро моих мушкатеров изъяснялись, не зная языка, - сказал через стол Милорадович.

- А ну-ка расскажи, Мишенька!

- В пути мы стали на дневку в одном городке. Пятерым молодцам из первой роты отвели дом одной старушки. Она приняла наших очень радушно сразу усадила за стол, поила-кормила до отвалу. Мушкатыеры благодарят ее, а та не понимает. "Эх, старуха такая бестолковая!" - говорят. А унтер-офицер Огнев - вы его, ваше сиятельство, извольте знать...

- Как же, знаю! Ильюха Огнев. Прекрасный солдат. Сорок лет вместе с ним служим!

- Так вот Огнев и говорит: "Знаете, братцы, наденем-ка мы амуницию, станем во фронт и отдадим старушке честь по-нашему, по-солдатски!" Встали, надели амуницию. Старуха смотрит с удивлением: куда это они так скоро? Выстроились тут же, в комнате, Огнев скомандовал: "На караул!"

- И старуха поняла?

- Поняла, ваше сиятельство! Хохотала до слез, обнимала...

- Русский солдат найдется. Русский человек гостеприимен сам и гостеприимство ценит. Вот и меня здесь встретили радушно. Как бы только миланский фимиам не затуманил голову! Теперь пора рабочая!

Суворов взглянул на поэта?

- О чем вы думаете?

Поэт почти ничего не ел. Держа палец под глазом по итальянской привычке, он внимательно смотрел на Суворова.

- Воображаю себя в шатре Агамемнона, где сижу в совете греческих полководцев. И как будто уже вижу падение Трои, - сказал он, видимо, давно приготовленную фразу.

- Люблю Гомера, но не люблю десятилетней троянской осады. Какая медлительность. Сколько бед для Греции! Не могу быть Агамемноном: я бы не поссорился с быстроногим Ахиллесом. Люблю друга Патрокла за быстроту. Где появляется он, там врага нет.

Суворов поднял бокал с вином.

- Честь и слава певцам - они мужают нас! А давно была Троянская война? - вдруг спросил он у Меласа. Папа-Мелас поперхнулся. Видимо, вопрос застал его врасплох. Когда была Троянская война, он не знал, но боялся быть нихтбештимтзагером.

- Т-тысячу лет до рождества Христова, - наугад поспешно ответил он.

- Как давно, помилуй бог! - улыбнулся Суворов, понявший смущение почтенного генерала.

Глава седьмая

ТРИ УРОКА МАКДОНАЛЬДУ

Но Россов князь предводит

И лавр в полях находит

На Требских берегах;

Победа на штыках

Российских веселится.

Песня

I

Миланский фимиам не затуманил голову Суворова: он не пробыл в Милане и трех дней - 20 апреля войска выступили дальше.

За две недели с начала открытия военных действий Суворов сделал чрезвычайно много. Он сделал больше, чем ему полагалось по австрийской инструкции.

Перед Суворовым стояли три важные задачи: преследовать разбитые на Адде войска Моро, осаждать оставшиеся в тылу неприятельские крепости и взять Турин, занятый французами.

Преследовать Моро, который вышел из-под удара союзников и войска которого разбрелись во все стороны, словно раки, Суворов не мог: Вена категорически запрещала удаляться вглубь. Австрийцам всюду мерещились поражения, - пуганая ворона куста боится!

Приходилось пока что кончать с крепостями и ждать дальнейшего наступления французов.

Но все упорнее стали проникать слухи о том, что из Средней и Южной Италии на подкрепление Моро идет с Неаполитанской армией генерал Макдональд. Было бы грубейшей ошибкой, непростительной оплошностью позволить им соединиться. Суворов решил перейти реки Тичино и По, двинуться на Макдональда, разбить его, а потом поворотить к Турину на Моро. Такой план действий Суворов и отправил в Вену. Он знал, что Вена не согласится с ним, но так как почта в оба конца займет более трех недель, то Суворов взял на свою личную ответственность дальнейшее продолжение войны. И двинулся к Пьяченце, чтобы переправиться через По.

Очень скоро Суворов увидел, что Макдональд, шедший из Неаполя и Рима, все-таки не так еще близок, и потому круто переменял свой план. Он отправил Багратиона разведать на правом, неприятельском берегу реки По. (Багратиону, как всегда, Суворов поручал дело, которое требовало распорядительности и мужества.) А сам стал в центре, между Моро и Макдональдом, чтобы в нужный момент броситься на того, кто из них окажется ближе.

Апрель уже прошел. За апрель Суворов в Италии сделал чрезвычайно много. Союзники же в Швейцарии и на Рейне бездействовали так же в мае, как и в апреле.

Время шло. Осада крепостей велась успешно - Суворов поручил ее лучшему австрийскому генералу, энергичному венгерцу Краю, которого он уважал за храбрость и решительность.

И теперь-то можно было заняться Туринном.

Взятие Турина, столицы Сардинского королевства, имело большое политическое и моральное значение.

И, наконец, в Турине помещались громадный арсенал и разные склады.

И 12 мая Суворов двинулся к Турину. Он направил колонны так, чтобы союзные войска со всех сторон окружали город.

В старой двухместной карете сидели вчетвером: Александр Васильевич с племянником Андреем Горчаковым - сзади, а против них на коротенькой скамеечке - Егор Борисович Фукс и войсковой атаман, армии полковник Андриян Карпович Денисов.

Дядя и племянник - нешироки, им на кожаных подушках не тесно, но Фукс и Андриян Карпович умещались на скамеечке с трудом: статский советник хоть невелик, да весь заплыл жиром, а Денисов широк в кости.

Егор Борисович придерживал руками свой живот. При каждом толчке старой кареты Фукс трясся весь, начиная со щек. Он все сползал с неудобной скамеечки и бесцеремонно напирал на крепкое казачье плечо. Денисов сидел совсем на отлете. Одной ногой он упирался в подножку кареты, чтобы только кое-как удержаться на месте.

Было душно. Итальянское солнце жгло, как в Петровки, хотя стоял всего только май. Денисов в своем длинном суконном кафтане давно взопрел, а тут еще жаркое Фуково плечо - от него некуда и податься.

Денисов с завистью поглядывал на казаков конвоя, которые ехали за каретой. С ними в поводу шли кони фельдмаршала, Горчакова и гнедой денисовский Ветер. С такой охотой он вскочил бы в седло, да нельзя: Александр Васильевич сам пригласил в карету "Карповича", как ласково называл Суворов полковника Денисова.

Ехали молча. Сначала, пока обгоняли свои и австрийские полки, шедшие к Турину, говорили о войсках. Потом Александр Васильевич рассказывал о том, как он на днях ездил осматривать поле знаменитого сражения у Павии, где когда-то, более 250 лет назад, был разбит французский король Франциск I. И, наконец, тихий ангел пролетел: все замолчали.

Александр Васильевич, задумавшись, смотрел куда-то вдаль. Андрияша Горчаков что-то тихонько насвистывал, Фукс сопел, а Денисов гладил свою широченную бороду, вытирал ладонью пот, который тек по шее.

Войска остались позади, верстах в пяти. Фельдмаршальская карета с восемью казаками конвоя ехала по большой дороге к Турину одна. Правда, где-то у самого Турина должен был уже быть маркиз Шателер с венгерскими гусарами и шестью пушками.

Денисов поглядывал на казаков: смотрят ли они вперед, не прозевали бы

неприятельский разъезд.

- Стой, Ванюшка! - крикнул Суворов казаку, который правил лошадьми. Карета остановилась.

- Надо размяться. Засиделись!

Денисов с удовольствием выпрыгнул из тесной и душной кареты.

Все, кроме статского советника Фукса, сели на конь. Суворов поскакал вперед, Денисов, Горчаков и казаки конвоя не отставали от него.

Проскакав версты три, подъехали к небольшому городку.

Городок жил обычной мирной жизнью, совсем не думая о войне. Полуголые грязные мальчишки играли на площади. У мраморного фонтана горбоносые итальянки, полоскавшие белье, яростно переругивались. Возле них, заложив за спину руки, стоял полицейский. Он лениво покрикивал на них:

- Andante! Adagio! (Спокойно. Тихо).

Было странно слышать эти слова в применении к такой немзыкальной истории.

Сапожник, расположившийся прямо на улице, стучал молотком и пел высоким чистым тенором какую-то песню. Вторя ему, где-то пронзительно и нудно ревел осел.

Увидев бородатых казаков, сапожник перестал петь, а мальчишки, забыв игру, закричали:

- Сон мошковит! Сон мошковит! (Московит! Московит!)

В окнах домов - тут и там - показались головы. Итальянцы глядели на всадников с удивлением, но дружелюбно: жители всюду встречали союзников как избавителей.

Фельдмаршал что-то спросил по-итальянски. Денисов уловил слово "франчези" и понял: Александр Васильевич спрашивает, есть ли в городе французы?

- Non, non! (Нет, нет!) - живо, наперебой ответило несколько голосов.

- Войска, поди, уже стали на роздых. Пора и нам! - сказал Александр Васильевич, глядя на солнце.

Суворов подъехал к одному дому. За его каменной оградой зеленел сад. Со стены свешивались зубчатые листья винограда, в прорези ворот виднелась глянцевиная темно-зеленая листва оливковых деревьев и буроватая зелень орешника.

Суворов спрыгнул с коня и, окруженный ребятишками, пошел в дом. Ребятишки, осмелев, уже что-то лопотали - конечно, выпрашивали у синьора денег.

Через минуту из дома послышался оживленный говор: фельдмаршал говорил с кем-то по-итальянски, договаривался о постое.

...Вечерело, когда, отдохнув в городке, Суворов с провожатыми отправился дальше.

- Ваше сиятельство, проводника бы взять, - поглаживая широченную бороду, осторожно начал Денисов.

- Обойдемся, Карпович, и без него. Тут дорога одна большак. Да и недалеко уж - какая-либо миля... Доедем!-хлопнул по плечу войскового атамана фельдмаршал.

Поехали дальше. Ночь была светлая и теплая. Суворов ехал так уверенно и спокойно, будто на прогулку по знакомой, много раз изъезженной дороге. Глядел по сторонам, что-то думал, насвистывал.

Денисов ехал, стараясь зорко смотреть вперед. Но здесь не в степи, гляди не гляди - не поможет: засаду легко сделать на каждом шагу. Вон у самой дороги рощица, вон опять потянулась куда-то в сторону от дороги каменная ограда, а там снова какие-то постройки, фонтан, кусты... Долго ли до беды.

- Андрей Иванович, - тихо сказал князю Горчакову Денисов, - как бы нам эдак своего фельдмаршала французам в лапы не отдать? Ведь едем-то мы передом, да и как-никак дело ночное. Надобно его сиятельство остановить, сказать, что так ехать опасно.

- Попробуй, скажи ему, что опасно, - усмехнулся Горчаков.- Я говорить не стану!

Денисов проехал несколько сажень в раздумье.

Слава тебе господи, и он знал Александра Васильевича не первый день! Под Измаилом впервые познакомился.

Надо уберечь старика от опасности, надо сказать, но как? Конечно, придется сказать не прямо, а осторожно, обиняком.

Денисов поровнялся с фельдмаршалом:

- Ваше сиятельство, войска далеко сзади. Может, вы кому-нибудь нужны...

Суворов сразу раскусил, в чем дело.

- Нужон, так нагонят!

Таким простым ответом Александр Васильевич сразу разбил всю дипломатию Денисова. Не ожидавший его Карпович смешался и бухнул первое, что пришло в голову:

- Вам бы немного отдохнуть надо бы... ("Эх, не то, не то говорю!" почувствовал сам.)

- Помилуй бог, да мы ведь только что отдыхали!

- Отдыхать отдыхали, да не спали! - плел уже совсем и с Дону и с моря окончательно сбитый с толку Карпович.

- Что ты, Карпович! В такую прекрасную ночь и спать! - улыбнулся Суворов.

Дальше говорить Денисову было нечего. Он покраснел от злости на свое неуменье говорить. Ударив плеткой коня, Денисов выскочил вперед. Он поворотил коня боком, загоразивая дорогу Суворову:

- Не гневайтесь, ваше сиятельство, а дальше я вас не пушу! Ежели что вам надо, извольте только сказать - выполню сам!

- Пусти, Карпович, пожалуйста!

- Никогда, ваше сиятельство! Так ехать-плени не миновать! Не пушу!

- А что же будет делать генерал Шателер?

- А он далеко ли?

- Нет, уж недалеко.

- Оставайтесь, ваше сиятельство, здесь а я один слетаю. Найду!

И Денисов поскакал вперед.

Последнее, что он слышал, отъезжая, были слова Александра Васильевича племяннику:

- Помилуй бог, ну и упрямый же Карпович!

Проехав один с полверсты, Денисов слез с коня. Прислушался, не говорят ли где, не звякнет ли стремя, не захрапит ли конь. Но всюду было тихо.

Проехал немного еще.

Дома, огороды, виноградники, заборы пошли чаще прежнего. Чувствовалось, что Турин близко.

Сбоку от дороги чернела рощица.

Слез снова. Стал слушать. Ослышался, или в самом деле в рощице говорили люди.

Денисов подъехал поближе к рощице и спросил по-французски:

- Генерал Шателер тут?

- Тут! - ответил он сам, выезжая на дорогу.

- Фельдмаршал вас ждет.

- Где он?

- Недалеко.

Шателер поскакал вместе с Денисовым к фонтану, где остался Суворов.

Суворов, спешившись, стоял под тополями у фонтана.

Генерал-квартирмейстер доложил фельдмаршалу, что командир французского гарнизона генерал Фиорелла отказался положить оружие.

- Войска все на местах. Город окружен. Попугайте господина Фиореллу ядрами. А не поможет, тогда завтра - штурм. Заставим положить оружие!

Шателер вернулся к своим шести пушкам и гусарам.

И через полчаса тишину ночи разорвали оглушительные пушечные выстрелы. Шателер бил из шестидюймовых пушек по предместью Турина - Баллоне.

Французы молчали.

- Карпович, почему они не отвечают?

- Чувствуют, ваше сиятельство, что вы близко. Советуются, как бы просить пARDону...

Но и тут Денисов сказал невпопад.

Вдруг с диким воем пронеслось и грохнулось где-то неподалеку ядро. За ним другое, третье. Французы стреляли ядрами большого калибра. Попадая на шоссе, они производили страшный гром.

Воздух дрожал от гула.

Ядра падали, не долетая до фонтана И перелетая через него. Лошади фыркали и рвались. Казаки только поглядывали вверх.

Суворов стоял спокойно.

- Фельдмаршал и мы все в опасности! Тут не место! - громко сказал Денисов. Суворов услышал эти слова:

- Нет, Карпович, это место прекрасное. Гляди, какая здесь красота, какие тополя!

Не успел он окончить, как совсем неподалеку грохнулось ядро. Во все стороны с визгом посыпались камни.

Денисов знал, что уговаривать, проводить резоны Суворову бесполезно: он не послушается, да и у Андрияна Карповича резоны выйдут, как давеча, неубедительными:

Лучше действовать!

- Ребята, за мной! Укроем фельдмаршала! - обернулся к казакам Денисов.

Он шагнул к Суворову, бережно взял его в охапку и побежал что было сил в сторону.

Ядра только визжали вокруг.

- Проклятый, что ты делаешь! - беззлобно кричал Суворов.

Но Денисов, не слушая ничего, выносил фельдмаршала из полосы обстрела.

II

Генерал Фиорелла напрасно артачился - через день ему все-таки пришлось согласиться сдать город. (Туринской цитадели Фиорелла еще не уступил, продолжая сидеть в ней.) Фиорелла мог быть доволен: он оказался не в плохой компании - в этот день фельдмаршал Суворов получил известие, что его войскам сдались города Александрия, Феррара и цитадель в Милане, о взятии которой все уши прожужжала Суворову назойливая, соблюдающая только свои интересы Вена.

Турин встретил Суворова так же торжественно, как Верона и Милан.

17 мая в Турине Суворов отпраздновал день победы.

Сначала на квартире у Суворова православный священник отслужил молебен, а потом Суворов поехал в туринский собор. Он ехал в богатой карете, окруженный русскими и австрийскими генералами, которые верхами сопровождали фельдмаршала. Во время молебствия артиллерия на городском валу дала салют.

Вечером Суворов поехал в театр. При его появлении поднялся занавес. На сцене был изображен храм славы, в котором стоял бюст Суворова. Из театра Суворов ехал по ярко иллюминированным улицам. На транспарантах в свете разноцветных ламп горели буквы "А. С."

Быстрые, ошеломляющие успехи - за полтора месяца Суворов очистил от врага всю Северную Италию, - восторженный прием населения - все это радовало старого фельдмаршала. Радовало Суворова и то, как горячо встречались его победы на родине, в России.

"Бейте французов, мы будем вам бить в ладоши", - писал в одном из рескриптов Павел I.

Но зато отношения с союзниками-австрийцами портились день ото дня. Пока русские войска были нужны союзникам, чтобы разбить грозного врага, вторгшегося в их страну, до тех пор они заискивали перед русскими. Но стоило только Суворову оттеснить французов, как австрийцы показали зубы. Они косо смотрели на продвижение русских войск на запад. Победы русского оружия стали им уже не по нутру. Теперь союзники всеми силами старались представить дело так, будто бы они разбили врага, а не русские.

Эта перемена в отношениях австрийцев к русским прежде всего сказалась на Суворове.

Барон Тугут, первый австрийский министр, привыкший к беспрекословному

повиновению и раболепству, сразу невзлюбил независимо державшего себя Суворова. Самостоятельность Суворова бесила желчного, мелочного Тугута.

Все высшие места в австрийской армии Тугут раздавал бездарным, но послушным, преданным ему людям. А здесь - пусть всемирно знаменитый, но чужой, русский, "варвар", который к тому же не хочет идти на поводу у барона.

Как держал себя с Суворовым господин, так понемножку стали держать себя и его слуги. Австрийские генералы с первых же дней окружили Суворова недоброжелательством, завистью, интригами, за исключением нескольких генералов вроде Шателера, Меласа, Края и старого суворовского друга генерала Карачая.

Суворову были отлично знакомы эти лисьи улыбочки, вежливые поклоны в глаза, а за глаза - доносы, наговоры и сплетни. Все это он видел и при русском дворе. Всю его жизнь завистники, мелкие, бесталанные людишки ставили ему палки в колеса, злословили и клеветали на него. Это они старались сделать его "чудаком".

Еще ни разу Суворова не вязали так по рукам и ногам, как опутал его гофкригсрат.

В Турине Суворов получил ответ на свой план дальнейших операций, который он послал императору Францу из Милана.

Император Франц считал, что Суворов, перейдя на правый берег По, нарушил его прежние инструкции. В головах австрийцев, которые не знали ничего, кроме линейной тактики и вечных поражений на поле боя, не могли уложиться наступление и победа.

Франц в сотый раз твердил главнокомандующему, что главная задача Суворова - "занять пункты и крепости, которые доставляли бы нам возможность сосредоточивать наши силы и отражать стремления французов из Пьемонта и Нижней Италии".

Франц не задавался более важными целями - уничтожением армии противника. Он хотел только небольшого - сохранить то, что завоевал Суворов. И в конце третьего рескрипта подчеркнул категоричность своих предложений Суворову:

Прошу Вас, любезный фельдмаршал, содержание письма сего, так, как и двух предыдущих, всегда иметь в памяти.

Это походило на вежливый выговор, это звучало предупреждением, угрозой, возмущало Суворова.

Сначала позвали, облекли всей властью, а теперь связывают по рукам и ногам. Бездарный, никогда не нюхавший порошу баронишка поучает его, поседевшего в боях. Как-то сразу забыли, что до приезда Суворова австрийская армия терпела одни поражения, а с Суворовым знает только победы.

А ведь если начать считаться, то он может предъявить австрийцам по-настоящему основательные претензии. Тогда, в Вене, Франц определил, что все продовольствие для русского корпуса будут доставлять австрийцы. Такое решение показалось Суворову естественным и удобным. А теперь он увидел, что это была хитрая лазейка: австрийцы хотели ограничить власть Суворова. К тому же австрийцы неаккуратно доставляли провиант. Русские войска по трое суток не видали хлеба. А если и привозили хлеб, то он был из рук вон - сырой, из крупно смолотого, самого различного зерна. Мясо давали большею частью ослатину, вино - разбавленное водой.

В богатой Италии не устроили магазейнов. Войска довольствовались на походе тем, что доставали у населения. Лошади были на подножном корму.

Что же оставалось делать? Жаловаться императору Францу - бесполезно, писать Павлу - преждевременно.

Было горько, нестерпимо, невыносимо. Было противно.

Наклонившись над столом, Суворов перебирал бумаги, когда дверь отворилась и кто-то без стука вошел в кабинет.

Назавтра Суворов назначил выступать из Турина. Сведения о противнике поступали самые разноречивые, но Суворов решил все-таки сосредоточиться у Александрии. И теперь, перед отъездом, и, может быть, накануне решительного сражения, он просматривал свои заметки, бумаги, планы.

И в это время кто-то вошел.

Без стука мог войти только Прошка. Но почему сегодня он не сопит, не ворчит и стоит на одном месте?

Суворов круто обернулся.

Перед ним стоял в мундире, со шляпой в руке, сын Аркадий.

- Здравствуйте, папенька!

- Сынок, Аркашенька!-кинулся к нему Александр Васильевич.

Суворов видел сына за всю его четырнадцатилетнюю жизнь пока что не очень много. До десяти лет Аркадий жил с маменькой в Москве. Впервые Александр Васильевич увидел его в Петербурге в 1796 году, когда приехал из Варшавы. Варвара Ивановна отправила сына к отцу, резонно полагая, что отец сможет дать лучшее воспитание и образование сыну, чем она.

Царица Екатерина сделала Аркадия камер-юнкером великого князя Константина Павловича. Затем Аркадий гостил вместе с Наташей у папеньки в Кончанском. Когда Александр Васильевич приезжал по вызову императора Павла в Петербург, он виделся с сыном. Аркадий провожал отца при его отъезде в Италию.

В общей сложности отец и сын были вместе в течение не более полугода.

После того как Наташа вышла замуж, все отеческие заботы Александр Васильевич сосредоточил на сыне. В переписке с Хвостовым Александр Васильевич уделял Аркадию - его жизни, учению, воспитанию - большое внимание. И вот теперь, нежданно-негаданно, Аркадий очутился в Турине. Он стоял перед отцом - высокий красивый мальчик, загорелый и крепкий.

- Ну что, камер-юнкером к великому князю? - спросил отец. (Великий князь Константин Павлович месяц тому назад приехал в армию к Суворову.)

- Нет, папенька, я сам.

И Аркаша смущенно протянул отцу большой пакет. Александр Васильевич вскрыл его, отнес бумагу подальше от глаз.

Царский рескрипт:

Гр. Александр Васильевич!

Удовлетворяя желание сына идти по стопам отца и, будучи свидетелем побед его, научиться знаменитому искусству сему, отправляю к Вам сына Вашего, коего чувствительность и приверженность к Вам и к славе Вашей достойны всякой похвалы, о чем с удовольствием Вам свидетельствую.

- Ну, молодец, молодец!

Он еще раз обнял сына и поцеловал его в голову.

- Садись. Что в Вене?

- Андрей Кириллович кланяется...

- У него жил?

- У него.

- Как принял?

- Хорошо, папенька. Андрей Кириллович такой добрый...

- Добры-бобры... Добр, да на поводе у Тугута. У этой совы. Что Тугут?

И, не дождавшись ответа сына, с горечью сказал:

- В Вене любят только посредственность. А талант - не поклонник для узды. Тугут. Сын лодочника на Дунае. Ежели бы его отец так правил своей лодкой, как он австрийской политикой, то давно раков бы кормил в Дунае!.. Его настоящая фамилия - не Тугут, а лучше: Тунихтгут! А зря укоротил ее так более подходяща, помилуй бог! Беспредельное самолюбие. Самолюбие без предела и без основания...

Суворов глянул на сына.

Впрочем, кому он все это говорит?

Мальчик скучал. Он смотрел в окно - на веселую, залитую солнцем площадь, на фонтан, на голубей у фонтана.

- Аркашенька, поди, мальчик, отдохни, поешь с дороги. Эй, Прошка! крикнул Александр Васильевич, подходя к двери.

"С сыном все-таки легче, чем с дочерью", - думал он, когда Аркаша вместе с Прохором вышел из комнаты.

III

К I июня у Александрии сосредоточились союзные войска, кроме тех, что остались в тылу для осады крепостей, еще занятых французами.

А через сутки стало совершенно очевидно, что прежние известия о намерениях врага неверны. Пленные, лазутчики и "очевидцы" - люди, приезжавшие из Генуи в Турин, - все они, вольно или невольно, ввали.

Моро старался ввести Суворова в заблуждение. С одной стороны, он тревожил передовые части союзников, часто передвигая свои войска, делал вид, что хочет наступать на Александрию. С другой - распространял слухи о том, будто к нему идут морем подкрепления. По случайности в это время в Генуэзский залив действительно пришла французская эскадра адмирала Брюи. Брюи высадил только один батальон в тысячу человек. Но "очевидцы" клялись, что видели, как в Генуе высадился сам Макдональд, даже описывали, в каком мундире и шляпе он был.

Макдональд же и не думал плыть к Генуе. Он прямо пошел через Апеннины к Модене. 36-тысячная армия Макдональда спустилась на равнины Северной Италии. План французов был иной: двигаясь на север, зажать Суворова в тиски.

2 июня к Суворову прискакал из-под Модены курьер с известием о том, что Макдональд отбросил передовые части австрийцев.

Демонстрации Моро не могли провести такого полководца, как Суворов. Он им никогда особенно не доверял, а в последние дни тем более: слухи о том, что Макдональд собирается к Модене, уже ходили. Суворов, собрав все силы в кулак, был теперь готов броситься или на обоих противников, или на каждого порознь.

Движение Макдональда к Парме представляло громадную опасность. Макдональд оказывался в тылу соединенных русско-австрийских войск. Получалось как будто бы то самое, о чем все время так зловеще каркал венский гофкригсрат: в своем вечном стремлении "вперед" Суворов зашел слишком далеко. Придется отступать, отдавая врагу все то, что за два месяца было завоевано.

Так думали все австрийские генералы. Но не так судил Суворов.

Первое достоверное известие о движении Макдональда не только не испугало, а даже обрадовало Суворова. По его мнению, оно сулило союзникам успех. Он давно ждал этого случая - разбить Моро и Макдональда порознь. Суворов искал боя, и вот он предстоит!

Не теряя ни минуты, Суворов стал готовиться идти назад, навстречу Макдональду.

"Новейшие известия. Французы как пчелы и почти из всех мест роятся к Мантуе... Нам надлежит на них спешить", - написал он генералу Розенбергу, который стоял с частью русских войск у Асти.

Двигаясь на запад к границам Франции и предполагая встретить главные силы врага у Александрии, Суворов заранее подготовился. Устремляясь вперед, он не кидался очертя голову. Еще две недели назад Суворов приказал привести в оборонительное положение крепости, взятые у французов.

Покидая Турин, Суворов не только не снял осаду туринской цитадели, а написал австрийскому генералу Кейму, осаждавшему ее:

Любезный генерал! Иду к Пьяченце разбить Макдональда. Поспешите осадными работами против туринской цитадели, чтоб я не прежде Вас пропел "Тебе бога хвалим".

А генералу Отту послал приказ держаться во что бы то ни стало между Пармой и Моденой.

Суворов пошел по правому берегу реки По на Страделлу - Пьяченцу. Это направление неизбежно приводило его к встрече с Макдональдом - пойдет ли Макдональд направо, к Мантуе, или налево, к Тордоне.

Выступая, Суворов дал войскам краткое энергичное наставление. Оно все было проникнуто духом победы.

"Неприятеля поражать холодным ружьем, штыками, саблями и пиками.

Артиллерия стреляет по неприятелю по своему рассмотрению", - так начиналось наставление.

Это было указание на то, как и чем достигается победа. А дальше с уверенностью в полном поражении сильнейшего врага говорилось о последующем:

"Котлы и прочие легкие обозы чтоб были не в дальнем расстоянии при сближении к неприятелю, по разбитии же его чтоб можно было каши варить".

Австрийские генералы, читая наставление, только перешептывались в недоумении.

IV

Марш к Треббии - изящнейшее произведение искусства.

Мора

Суворов лежал, скрытый кустами. Мимо него, по дороге, в пыли шли войска.

Расстегнув на груди душный камзол, сняв с шеи теплый фланелевый галстук, солдаты почти бежали. Шляпу многие держали в руке, повязав голову платком, - щедрое итальянское солнце палило немилосердно. Люди изнывали от жары.

В каждой роте впереди всех без усталости вышагивали версту за верстой более молодые и крепкие. Старики лет по шестьдесят, исходившие в походах многие тысячи верст, как ни были привычны к переходам, но постепенно отставали: такого быстрого марша не запомнил никто. Отставших от роты обгоняла следующая, за ней еще и еще. Но старики хоть и в хвосте другой, дальней роты, а все-таки неуклонно двигались вперед.

Перед выходом из Турина к Пьяченце Суворов дал Багратиону листок. На листке русскими буквами было написано несколько французских фраз. Тут же стояло их русское значение.

- Переписать в каждой роте! За время похода всем офицерам и солдатам затвердить! Чтоб все знали. Смотри, князь Петр! Буду спрашивать! - сказал Суворов.

Багратион тотчас же созвал всех командиров полков.

Продиктовал им суворовскую записку.

Передал приказ Александра Васильевича.

В тот же час французские фразы уже переписывали в каждой роте. Раз батюшка Александр Васильевич сказал, значит, должно быть сделано! Прослыть немогушкой не хотел никто.

Суворов придумал это неспроста.

Надо было спешить. Спешить даже больше, чем когда-то, на походе перед Столовичами и Римником. Дорога - трудна: под знойным солнцем, в неудобном, тесном обмундировании. Чтобы хоть чем-либо отвлечь солдатскую голову, он придумал такое непривычное дело. Солдату заучить незнакомые слова - труд горший, нежели пройти лишний десяток верст.

Это заучивание на ходу слов чужого языка имело и другой смысл: оно подтягивало отстающих. Когда унтер-офицер замечал, что взвод слишком уж растягивался, он вынимал бумажку с французскими фразами. Тотчас же к нему спешили из последних сил солдаты, чтобы еще раз послушать и заучить надобные словечки.

Суворов из своего укрытия смотрел, как с небольшими интервалами шли рота за ротой. Полки растянулись на много верст по всей дороге. Отставшие старики ковыляли молча, не говоря ни слова. Более молодые, подававшиеся вперед легче, шли переговариваясь. До Суворова доносились обрывки солдатских разговоров.

Вот показалась группа солдат. Впереди шел усатый унтер. Он держал бумажку.

- Ду ман грае,- наморщив лоб, прочел с натугой унтер.

- Дяденька, а это что же значит? - чуть не бежал рядом с ним веснушчатый молодой солдат. Он был потен и сер от пыли.

- Ай забыл?-сурово взглянул на него унтер.- А это значит: "проси пощады"! Ну, скажи: "ду ман грае"!

- Дуй мя в грязь! - звонко выкрикнул солдат.

- Эх, крошки бы сейчас, кваску...

- Ишь чего захотел - крошки!

- Хоть бы хлебца нашего, русского, аржаного...

- Верно, надоела эта преснятина макаронная!

- Солнце высоко. Скоро, должно, станем.

- Как скажешь: "опусти оружие"?

- Палезай!

- То есть как это - "полезай"?

- А так. Дядя Митрич читал. Не веришь, спроси!

- Да не "полезай", а "балезар".

- А-а, понимаю! "На базар"! Базар - это, стало быть, конец всему! Теперь запомню: "на базар"!

- Ванюшка, давай! - поднялся Суворов. Казак, державший в поводу лошадей, сунул в карман недоеденный апельсин и подвел коня. Суворов вскочил в седло и выехал на дорогу.

Солнце подымалось выше. До полудня оставалось еще больше часу, а дышать уже было нечем.

- Ну, ничего, сейчас отдохнем. Отт сдержит Макдональда, - утешал себя Суворов. - Семьдесят верст прошли, осталось двадцать.

К деревне, у которой стоял Суворов, подходил новый полк. Отставшие от предыдущего полка солдаты, увидав фельдмаршала, схватывались, через силу спешили вперед.

Сержант, шедший в замке последней роты и собиравший отсталых, что-то неласково говорил двум старикам мушкатерам, прочно усевшимся на краю канавки.

- Ступай, ступай: голова хвоста не ждет! Подойдут! Не все же сразу! подъехал к ним Суворов.

- И мы, ваше сиятельство, говорим: подойдем! - отвечали в один голос оба мушкатера.

- Притомились, батюшка Александр Васильевич. Ноги, чай, не молоденькие!

- Бона штиблетные подтяжки оборвались. Как, не починивши, иттить? Это не в сапогах.

В етакое обмундировании...

- Ничего, старички, управляйтесь. Поспеете! - поворотил коня Суворов.

- Поспеем, отец родной! Под Рымником не подвели, не подведем и тут! крикнул вдогонку Суворову мушкатер, расстегивавший штиблет.

Суворов поехал в деревню. Увидев его, солдаты оживились, загудели. Тянулись к любимому фельдмаршалу.

- Часика три отдохнем - и дальше. Вы - чудо-богатыри! Вы - русские! говорил Суворов, проезжая через деревню.

На маленькой площади он увидел своих старых друзей апшеронцев. Они уже становились на отдых. Солдаты лепились к теневой стороне заборов и оград, укрывались под деревьями.

- Ну как, ребяташки, затвердили слова? Трудны?

- Трудны, Александр Васильевич!

- Да не горзд.

- Дикой язык. Цыганский не цыганский...

- Вроде офенского...

- А кто из вас лучший француз?

- Зыбин.

Суворов взглянул на смуглого, чуть подернутого сединой ефрейтора. Зыбин, сняв пропотевший мундир, развешивал его на заборе.

- Это верно?

- Точно так. Все заучил!

- Ну, как будет: "Не бойся"?

- Хрен-тя! - весело оскалился Зыбин.

Суворов рассмеялся:

- Немножко не так. "Креньпа"!

- Ваше сиятельство, а Воронов одно только "пardon" затвердил, улыбался, подмигивал товарищам Зыбин.

- Поживи с мое... Без двух шесть десятков...- бурчал старый, весь седой капрал Воронов, сидевший тут же у ограды..

Он расстегнул штiblет и, сняв ботинок, внимательно рассматривал его со всех сторон.

- Ты, Алешенька, на походе с сапожником не задирайся,- вставил словцо еще не очень старый, несмотря на свои пятьдесят девять лет, унтер-офицер Огнев.

- Да мне и одного "пardона" хватить. Французишка у меня вот это поймет! - тряхнул ружьем Воронов.

- Молодцы, ребята! Вы - мои витязи! Неприятель вас боится! Вы русские! - сказал Суворов и поехал дальше,

Дорога превратилась в один сплошной лагерь. Люди где шли, там и повалились на отдых. Сбрасывали опостылевшее душное, потное обмундирование и обувь, подкреплялись чем бог послал.

Австрийские провиантмейстеры не поспевали за суворовскими маршами, держали русские войска впроголодь.

У выезда из деревни, на берегу речонки, Суворов увидел группу егерей. Они пристроились у самой воды. Сидели и черпали ложками из речонки, точно из миски.

- Хлеб-соль, ребяташки! - соскочил с коня Суворов.

- Хлеба кушать, отец!

- Милости просим!

- Вы что это хлебаете?

- Тальянский суп, ваше сиятельство!

- А ну-ка, дайте попробовать!

Суворов взял у ближайшего егеря ложку, зачерпнул воды. Не без удовольствия хлебнул одну ложку, вторую, третью... (Хотя Александр Васильевич был в белом легком костюме, но жар палил, без конца хотелось пить.)

- Извольте сырку, ваше сиятельство, с ним вроде лучше...- протянул один из егерей кусок сыру. Суворов отломил половину.

- Благодарствую!

Передал ложку егерю. Доедая сыр, влез на коня:

- Теперь сыт. Совсем сыт, помилуй бог! Француз уж недалече. У него в провиантских магазинах разного добра полно. Добудем приправы к итальянскому супу!

Он поехал к казаку Ванюшке, который остался на дороге ожидать Александра Васильевича. Суворова уже разыскивали Багратион, Горчаков и Аркадий.

Аркадий весь цвел: ему было все интересно, все ново. Он сидел на прекрасной лошади. Вместе с ними ехал венгерский гусар. Своей ярко расшитой курткой и высокой шапкой он выделялся среди русских.

- Ваше сиятельство, гонец от Меласа. Макдональд теснит австрийцев к Сан-Джиованни,- сказал Багратион, предваряя доклад гусара.

- Казачьи полки - на конь! Князь Петр и ты, Андрюша,- со мной. Авангард сдай великому князю. Розенбергу - пусть спешит. Пусть пройдет сквозь австрийские войска вперед!

И, хлестнув плетью коня, он уже помчался вперед, туда, где на лугу табунились казачьи сотни.

"Вот тебе и отдохнули",- думал Суворов. Но спешить было необходимо: Макдональд и без того имел численный перевес над войсками Суворова. Приходилось напрягать последние силы.

V

Барон Мелас, невыспавшийся, измученный жарой и тревожностями последних полутора суток, едва сидел за столом. Он то безнадежно смотрел на разостланную перед ним на столе карту, то с тревогой поворачивал голову к настезь раскрытому окну. Голова была совершенно седая и по-старчески немощно тряслась.

В окно летели частые перекаты ружейной пальбы и гром пушек. Было безветренно, но в окно тянуло запахом пороховой гари - жаркий бой шел в полумиле, у деревни Сармата.

Французы наседали с самого утра.

Вчера вечером генерал Отт прислал к Суворову гонца с тревожным известием: Макдональд обрушился на него всеми своими силами. Шеститысячный отряд Отта, конечно, не смог удержать втрое сильнейшего врага. Австрийцы отступали за реку Тидоне.

Суворов приказал Меласу с австрийским авангардом идти на выручку.

Когда сегодня в десять часов утра Мелас подошел к Сан-Джиованни, войска Отта в панике отходили к Сармате. Если бы не пересеченная местность, не эти виноградники, заборы и речонки - ничто не могло бы задержать солдат. Но так волей-неволей их бег замедлялся естественными препятствиями.

В это время, к счастью, и подошел авангард Меласа. Войска Отта подбодрились и прекратили отступление.

Мелас поставил на шоссе за деревней Сармата батарею из восьми орудий. Австрийцы стояли за рвами, наполненными водой,- недавно шли проливные дожди, и все глубокие канавы были полны.

И вот уже четыре часа подряд Мелас выдерживал яростные атаки французов.

Прибыв в Сан-Джиованни, Мелас тотчас же послал к Суворову адъютанта с запиской. Хотя деревня Сармата еще была у австрийцев и от Сан-Джиованни, где сидел Мелас, до Сарматы - добрых полмили, но Мелас написал, что французы теснят их к Сан-Джиованни. Он считал, что пока гонец доскачет до Суворова, так в действительности и окажется.

Мелас вообще смотрел на создавшееся положение очень мрачно. Действия Суворова удивляли его. Он никак не понимал этой суворовской стратегии.

Вчера ночью, когда стало известно, что Макдональд идет с большими силами наперерез русско-австрийским войскам, фельдмаршал отдал новый приказ по армии. В нем всего три пункта. Первый пункт Мелас помнит наизусть. Мелас не мог вспомнить о нем без улыбки:

"Неприятельскую армию взять в полон!"

"Хорошо сказать - взять в плен! Дай бог самому избежать плена на старости лет!"-думал Мелас.

И весь приказ, все три пункта написаны в таком победном тоне. В нем говорится только о том, как казаки будут колоть, а французы - кричать пардон.

"С пленными обходиться милостиво... Музыке играть..."

Мелас покачал головой.

"Не слишком ли рано играть музыке?"

Ему казалось: дела союзников сейчас таковы, что остается только retirоваться.

Мелас, получив от Суворова приказ спешить на выручку Отта, спросил безо всяких шуток у главнокомандующего:

- А куда же отступить?

- В Пьяченцу! - ответил Суворов. Папа-Мелас посмотрел на фельдмаршала: шутит? Фельдмаршал и не думал шутить. Он смотрел властно и без улыбки.

В Пьяченцу отступить, к сожалению, уже поздно: в Пьяченце Макдональд.

Но Мелас был в любую минуту готов к отступлению: у крыльца стояла наготове карета с парой прекрасных лошадей, кучер дремал на козлах. Пол-эскадрона драгун - личная охрана барона Меласа - ждал во дворе. Они сидели в тени деревьев и дома, набив карманы ворованными в сан-джиованнских садах фруктами, ели и перемигивались с итальянками, спрятавшимися от военной грозы в погреба и подвалы.

Мелас с тревогой ждал, когда французы соберут силы и ударят вновь: отряд Отта и авангард, который привел барон Мелас, разумеется, не могли долго удерживать такого противника.

На беду еще не подходили и главные силы союзников. Мелас послал двух адъютантов - майора и ротмистра - на чердак дома. У самого Меласа не хватило бы сил взобраться туда. Адъютанты в зрительную трубу барона следили за боем и время от времени доносили ему. Слуга барона, ефрейтор, курил в прихожей, готовый прийти на зов господина.

Шел уже третий час пополудни. Адъютанты сверху давно что-то не сообщали ничего нового.

Папа-Мелас, опершись на руку, незаметно вздремнул.

Его разбудил поспешный топот шагов. Звеня шпорами и саблей, скатился вниз по лестнице ротмистр.

- Что там?

- Французская пехота обходит с двух сторон Сармату. Кавалерия строится на шоссе!

"Началось!" - подумал Мелас,

Он в тревоге поднялся со стула. Руки машинально свернули карту, надели треуголку. Беззвучно шевеля гулами, точно жуя что-то, Мелас пошел из комнаты.

Австрийские пушки гремели чаще прежнего. Похоже было на то, словно кто-то выбивает за деревней Сан-Джиованни ковры.

И вдруг сквозь раскаты пальбы донеслись крики французов.

Мелас, поддерживаемый слугой и адъютантом, сел в карету. Драгуны поспешно садились на коней.

Мелас сгорбился в карете. Поворотив голову набок, прислушивался.

Пушки разом умолкли. Мелас понял: кавалерия все-таки доскакала, батарея погибла!

Мелас повернул голову и недовольно, нетерпеливо глянул на крышу дома:

- Что он там?

Ждать не пришлось: с чердака с зрительной трубой в руке стремглав летел майор:

- Батарея в руках французов! Генерал Надасти отступает из Сарматы!

- Садитесь! - поморщился Мелас.

Катастрофа была налицо: сейчас, побежит авангард и отряд Отта, а навстречу им идет вся армия, и паника, конечно, передастся ей!

Не успел майор сесть в карету, как вдруг не от Пьяченцы, откуда шли французы, а с противоположной стороны, от Страделлы, сзади, раздался потрясающий рев - "ура!"

Мелас откинулся назад.

"Обошли с тыла! Плен! Позор!"

Краска залила его старое, дряблое лицо.

Но в это мгновение по улице, точно ураган, понеслись сотни всадников. В столбах поднятой пыли перед Меласом замелькал целый лес казачьих пик, казачьи бороды и широко раскрытые рты, кричащие "ура".

"Ура" гремело, удаляясь к Сармате.

"Казачи. Суворов. Спасены!" - облегченно подумал папа-Мелас и стал поскорее вылезать из кареты: увидит фельдмаршал Суворов - засмеет!

VI

Только тут, на виду у неприятеля, на сан-джиованнских полях, выстраивалась подходившая, измученная непосильным переходом русская пехота. Люди не могли отдышаться, все были мокрехоньки, точно не бежали по шоссе, а шли вброд через реку. Этот последний переход от Страделлы до Сан-Джиованни был самым мучительным.

К Сан-Джиованни прибежали наиболее сильные. Полки были чрезвычайно жидки - роты насчитывали треть состава.

Суворов велел пехоте выстраиваться против флангов неприятеля. Горчакову дано правое крыло, Багратиону - левое. Австрийцев он оставлял в центре.

Ударить одновременно по всей линии.

Суворов въехал на холм, посмотрел в трубу вперед, на деревню Сармату, занятую французами. Австрийские мундиры белели у деревни Фонтана-Прадоза на фоне зеленых виноградников, но сливались с белыми оградами садов. Глядел направо, на маленькую, в пять домиков, деревню Карамело.

К Александру Васильевичу подъехал Багратион. Он тихо сказал:

- Ваше сиятельство, в ротах нет и по сорока человек. Придется повременить.

- А у Макдональда нет и по двадцати. С богом!

Багратион поскакал к войскам.

Не прошло и получаса, как вся линия союзников, с музыкой и барабанным боем, с развернутыми знаменами, кинулась в атаку.

Где-то грянула задорная русская песня:

И я селезня любила,

Я касатова хвалила,

Я кафтан ему купила...

Суворов, не обращая внимания на визг пуль, поехал к пехоте.

- Вперед, ребятушки, коли! - подбадривал он.

Французы держались упорно: обороняться помогала пересеченная местность. Но во фланги и тыл врага ворвались казаки, которых неаполитанская армия видела еще впервые. Французы побежали. Деревню Сармата вновь заняли австрийцы. Левое крыло французов отступало за реку Тидоне. Синие мундиры бросились в воду.

К союзникам каждую минуту подходили подкрепления. Вечерело. Жара спадала. Становилось немного легче.

Еще натиск, и за левым неприятельским крылом начало поспешно отходить и правое: боялись, чтобы Суворов не отрезал.

Все французы убегали за реку.

Преследовать сбитого неприятеля было невозможно: лошади, как и люди, едва таскали ноги. Кроме того, целые эскадроны должны были спешиваться и вести коней в поводу - через заборы и канавы.

Суворов поздравлял войска с победой.

- Ну что ж, поедem отдохнуть. Хороший у вас там унтеркунфт, папа-Мелас?-весело спросил он.

Меласу это не понравилось. Он знал, что Суворов не любит, презирает слово "унтеркунфт".

- В Сан-Джиованни есть хорошие дома,- уклончиво ответил папа-Мелас.

VII

Суворов с Меласом, Шателером и адъютантами ехал к Сан-Джиованни, где была по диспозиции заранее назначена главная квартира армии.

Бой по всей линии затих. Кое-где уже горели костры.

Навстречу ковыляли отставшие солдаты разных русских полков, которые спешили к своим. Они старались пройти так, чтобы не попадаться на глаза фельдмаршалу.

Суворов делал вид, будто не замечает этих стариков, прошедших за полутора суток восемьдесят верст. Только увидев молодого поручика, который шел хромя (видимо, сильно натер ноги), он иронически обмолвился:

- Опоздали, ваше благородие. Мы и без тебя управились. Какого полку?

- Ферстера, ваше сиятельство!

- К новым названиям я не привык. Как он по-старому-то?

- Тамбовский, ваше сиятельство.

- А, хороший полк! Храбро дрался. Он там, у реки. Ступай, братец, завтра работенка найдется!

Въехали в Сан-Джиованни. Улицы были полны. Белые австрийские мундиры мешались с зелеными русскими. На площади сгрудились артиллерийские патронные ящики, кашеварные повозки, австрийские понтоны, сбились табуном французские пленные.

Во дворах виднелись телеги с тяжело ранеными.

У дома, где красовалась нарядная венская карета Меласа, Суворов увидал и свою древнюю, двухместную. На крыльце дома стоял Прошка. Он лил воду из кружки на руки Аркадию. Из окна высунулось мясистое лицо Фукса.

Суворов слез с коня и вошел в дом.

В прихожей толпились всякие штабные люди - из квартирмистерской, провиантской, инженерной частей, ординарцы и денщики. Свои, русские, и австрийцы.

Увидав штабного полковника Кушникова, Александр Васильевич на ходу приказал:

- Немедля послать офицеров. Собрать по дороге отсталых. Пусть поторопятся!

Суворов вошел в комнату, снял каску и сел к столу. Разложил карту. Мелас, кряхтя, поместился по другую сторону. Шателер - поближе к главнокомандующему.

Австрийский адъютант зажег на столе свечу. В это время в комнату вошел своей шаркающей походкой (значит, уже "под мухой"!) Прошка. В руках он держал тарелки.

- Ты с едой погоди! Раньше - дело! - нахмурился Суворов.

Прошка ничего не сказал. Преспокойно поставил на карту тарелки. Впрочем, они закрыли только озеро Комо, которое в данный момент не так уж было и нужно.

- У Парпанезе сделать мост через По. Для подхода подкреплений Края, - сказал Суворов, взглядывая на Шателера.

Шателер понимающе закивал головой: этот приказ был ясен.

Первая стычка с Макдональдом выиграна, французы отбиты назад, но исход завтрашнего боя еще неизвестен. Как бы не пришлось отступить: у союзников 28 тысяч против 36 тысяч Макдональда.

Если же придется отступить, то идти на Александрию уже нельзя - можно наткнуться на Моро. Предосторожность главнокомандующего была понятна. Понятна была и его ссылка на Края - Суворов не любил даже упоминать слово "ретирада" и потому сказал о подкреплении, хотя от Края подкреплений ждать не приходилось.

- Завтра - удар на их левое крыло. Режем Макдональду пути отхода. Прижимаем его к По. Пишите диспозицию!

Суворов вынул из кармана табакерку, понюхал табачку и стал диктовать:

Армия атакует неприятеля тремя колоннами...

Если маркиза Шателера, привыкшего к нерешительной, боязливой австрийской тактике, и утешало то, что фельдмаршал позаботился о мосте через По, то в диспозиции снова была только одна мысль: вперед! Фельдмаршал дал диспозицию с маршрутами до самой Нуры, то есть на тридцать верст вперед.

Окончив ее, Суворов продиктовал еще особое наставление войскам. Тут Суворов уже не высидел - вскочил и заходил по комнате.

В последней фразе наставления он опять особенно подчеркнул свою всегдашнюю идею - наступление.

Не употреблять команды "стой!" Это не на учении, а в сражении: атака, руби, коли, ура, барабаны, музыка.

- Пароль и лозунг завтра: "Терезия" и "Коллин" - ведь завтра седьмое июня. В этот день в тысяча семьсот пятьдесят седьмом году австрийцы победили Фридриха Второго у Коллина!

- О да, да! - радостно улыбаясь, закивал седой головой Мелас - это напомнило ему юность: в те далекие годы Мелас служил адъютантом у фельдмаршала Дауна.

- Прошка, неси ужинать! - крикнул Суворов.

VIII

Макдональд плохо спал: болели раны, ныло все тело, помятое конскими копытами, и тревожил этот напористый старик фельдмаршал Суворов.

Шесть дней назад, 1 июня, у Модены 50 конно-егерей полка Бюсси, пробивавшиеся из окружения, налетели случайно на самого французского главнокомандующего. Макдональд, следя за боем, стоял со свитой и конвоем эскадрона гусар. Пришлось взяться за шпагу.

Макдональд, все время служивший в пехоте, был не очень хорошим наездником. Кроме

того, ему с тонкой шпагой пришлось действовать против конно-егерского палаша.

В жаркой схватке какой-то конно-егерь ударил Макдональда палашом. Главнокомандующего спасла высокая пышная генеральская шляпа - она ослабила удар. Макдональд свалился под копыта лошадей.

Все дни Макдональд очень страдал от раны и особенно от ушибов.

Тотчас же после ранения он предложил своим дивизионным генералам принять вместо него командование Неаполитанской армией. Более других подходил к этой роли энергичный и толковый Виктор, но числился он по армии Моро.

Никто не согласился.

Кроме ран, Макдональду не давал сегодня покоя Суваров. Макдональд не ожидал так быстро встретиться с ним: ведь Суваров три дня назад был еще у Александрии. А вчера он налетел на французов, как вихрь.

Неаполитанская армия впервые услышала это казачье "ги-ги", увидела их широкие бороды и почувствовала на себе удары их ужасных пик. Под натиском русских Макдональду пришлось отступить на семь верст за реку Тидоне.

Макдональда злило то, что Моро, который должен был ударить с тылу, до сих пор не показывался.

Раздражала задержка двух своих дивизий - Оливье и Монришара, которые еще не подошли к Пьяченце. Без них Макдональд как без рук. Он привык к тому - так твердила современная военная наука, так подтверждалось практикой,- что побеждает тот, кто имеет численный перевес.

Правда, и без этих двух дивизий Макдональд был сильнее Суварова, но до подхода Оливье и Монришара Макдональд не решался наступать. С ними Макдональд имел бы на всех участках значительный перевес сил, обязательный для победы.

За вчерашний день он успел немного познакомиться, с этим Суваровым. Макдональд увидел, что имеет дело с каким-то необычайным полководцем. У Суварова явно было меньше войск, но Суваров наступал. И теперь Макдональд с тревогой предчувствовал: неугомонный старик фельдмаршал сегодня атакует его.

Пробудившись среди ночи от боли - Макдональд был весь в ссадинах и кровоподтеках,- он прислушивался. Ему казалось, что он слышит в соседней комнате низкий насмешливый голос генерала Оливье.

Но из-за двери доносился только храп адъютанта, да где-то в углу возилась мышь.

Макдональд едва дождался утра. Главнокомандующий поднял всех спозаранку.

Утро было восхитительное. Позавтракав, Макдональд велел нести себя к Борго - Сан-Антонио. Шесть гренадер несли на носилках главнокомандующего. Он полулежал, опираясь на локоть, - левая сторона тела меньше пострадала в свалке.

Итальянки сочувственно провожали взглядами красивого тридцатичетырехлетнего генерала, жалели его:

- Santa Maria! (Святая Мария!)

- Ma quando finisce sta storia? (Когда кончится эта история?) восклицали они, подразумевая под "storia" войну.

Был полдень, когда Макдональд очутился у правофланговой дивизии Сальма. Генерал Сальма приехал к главнокомандующему с левого берега Треббии на лодке. Расположенные против него австрийские части и не думали еще двигаться вперед. Легкомысленный Сальма считал, что в этот день неприятель наступать не будет. Он уверял главнокомандующего, что фельдмаршал Суваров ранен, что сегодня союзники уже упустили время для наступления, - полдень, жара... Сальма просил главнокомандующего отпустить его часа на три в Пьяченцу-генералу Сальма прискучила глухая деревушка, в которой всего четыре дома и где, кроме кианти (К и а н т и - дешевое вино.), никакого вина нет.

Макдональд рассердился.

- На правом фланге и в центре русские уже наступают. С минуты на минуту надо ждать наступления австрийцев. Немедленно отводите авангард сюда, за реку!

И велел гренадерам нести себя в Борго.

Сальма, чертыхаясь, поехал назад, на левый берег. Он решил не двигаться с места, чтобы показать, что он прав. Сальма не мог знать, что из-за своего легкомыслия и упрямства он через несколько часов будет с боем перебираться на правый берег и сам будет ранен.

Как и опасался Макдональд, Суворов наступал по всей линии. В центре и на правом фланге шли русские. Они перешли вброд реку Тидоне и медленно двигались вперед - их задерживали бесконечные канавы, речки, плотины, изгороди.

День был нестерпимо жаркий. Французские солдаты, ожидая врага, изнемогали от жары. Но еще тяжелее было русским, которые шли под палящими лучами солнца. За три часа они едва прошли шесть верст.

В третьем часу пополудни бой кипел. Макдональд лежал в саду, в тени деревьев, с картой в руке. К нему то и дело подлетали верховые с известиями от генералов.

Наконец привезли долгожданное: дивизии Оливье и Монришара подошли к Треббии.

IX

Южная ночь разом опустилась на землю. Ружейная стрельба прекратилась: бесполезно стрелять, не видя врага.

После кровопролитного боя французы были по всей Линии отброшены за Треббию. Отброшены, но не уничтожены. Там, за рекой, стояла 35-тысячная армия (а Суворов не имел и 30-ти), готовая завтра же померяться силами.

Из-за крайнего утомления войск, которые прямо с труднейшего форсированного марша попадали в дело, пришлось начать сражение не в семь часов утра, как назначил в диспозиции Суворов, а в десять.

Сильно пересеченная местность, неудобная для атак, очень удобна для обороны. Она-то и затянула сражение.

В результате - не хватало дня.

С другой стороны, все дело испортил глупый, боявшийся всего папа-Мелас. Под его командой находился резерв - войска австрийского генерала Фрелиха. Резерв должен был в нужную минуту помочь правому флангу, игравшему самую главную роль в сегодняшней операции. Мелас же самовольно, вопреки суворовской диспозиции, присоединил весь резерв к своему левому флангу, хотя против него стояла слабая, в четыре раза меньшая бригада Сальма.

Из-за этого незаконного распоряжения Меласа вся прекрасно задуманная Суворовым операция теряла свой смысл. И одиннадцати батальонам Багратиона пришлось из-за Меласа выдерживать натиск шестнадцати батальонов французов.

- Этого старого сукина сына Меласа расстрелять мало! - горячился вспыльчивый Багратион.

- Помилуй бог, причем тут старость? Австриец и молодой это сделает, иронически улыбнулся Суворов.

- Ой, простите, ваше сиятельство! Я не хотел!.. - смутился Багратион, вспомнив наконец, что Суворов и Мелас - одногодки.

В представлении Багратиона Александр Васильевич был молодым. Слово "старость" как-то не шло к подвижному, энергичному, полному жизни Суворову.

Багратион удивился, что фельдмаршал так снисходительно отнесся к проступку Меласа.

- А что с ним делать? Заводить сейчас, на поле, скандал - Макдональд нас обоих за хохолок. Черт с ним! То ли приходится спускать этим австриякам!

Эту ночь Суворов ночевал с Багратионом. Меласа он не видал целый день: их разделяли восемь верст, а теперь, после такого подвоха со стороны барона, Суворов не очень и хотел бы его видеть,

Суворов заночевал в небольшом одиноко стоявшем домике, в двух верстах от реки Треббии. Он сам едва держался на ногах от усталости: целый день под палящим солнцем и в седле.

Назавтра Суворов оставил прежнюю диспозицию: наступать по тем же направлениям, колонны те же. Только изменил начало боя, назначив пораньше на восемь часов утра. Меласу Суворов подтвердил приказ отправить к средней колонне резерв, состоящий из дивизии Фрелиха и десяти эскадронов кавалерии князя Лихтенштейна.

Быстро окончив дела, Суворов лег спать. Он лежал на голой лавке, постелив свой плащ. На полу, на тюфяке, услужливо предложенном хозяином дома, раскинулся Багратион.

Багратион не мог успокоиться. Он не мог простить австрийцам давешнюю обиду, клял гофкригсрат и Меласа и подсчитывал, сколько у Макдональда сил. Выходило - больше, чем у союзников.

- Ничего, князь Петр. Помни: воюют не числом, а умением! Спи! - сказал Суворов, поворачиваясь к стене.

Х

День начался. Снова было бездонное голубое небо и яркое солнце. И снова в этом безоблачном, спокойном небе гулко отдавались, гремели громы.

Бой начался.

Сегодня Макдональд сам атаковал Суворова, атаковал уверенно: все было как полагалось - французы имели на всех участках позиции численный перевес. Оставалось только охватить с флангов и ударить в центр. Победа должна была свалиться в руки.

Французы переходили Треббию колоннами. Между пехотой шла кавалерия. С правого берега по левому вели огонь батальоны, оставленные Макдональдом на местах.

Как и вчера, главный удар был не у реки По, а на противоположном конце фронта. Левое крыло французов обходило по высотам правое крыло русских.

У Суворова было значительно меньше сил, чем у врага, но он бесстрашно приказал Багратиону еще податься вправо, Багратион принял правее и ударил в штыки. С флангов на французов кинулись казаки, и все было кончено: французы бежали к реке, спасаясь к своим.

Но Макдональд не зевал. Когда Багратион подался вправо, между Багратионом и Швейковским образовался промежуток шириною около версты. Дивизии Виктора и Руска кинулись в эти ворота. Французы нападали с фронта и с фланга. Их атаки шли одна за другой.

Русские войска, незнакомые с отступлением, упорно отстаивали каждый кустик, каждый камень.

Некоторые русские полки оказались окруженными, но оборонялись так, что французы не могли добиться победы.

И все-таки численный перевес врага сказывался - положение русских становилось весьма тяжелым.

Суворов уже несколько дней почти не слезал с коня, ел кое-как, на ходу и всухомятку, спал меньше обычного и потому устал невероятно. Только непреклонная воля и твердая вера в победу поддерживали его.

Небывало быстрый переход от Александрии к Сан-Джиованни, многодневный упорный бой с превосходным и превосходящим численностью противником - все это окончательно измотало войска. Люди двигались буквально из последних сил.

Но Суворову нужно было держаться больше всех.

Стоит ему хоть чуть ослабить этот напор, и победа уйдет из рук.

И Суворов держался.

Очень изнуряли Александра Васильевича дневная жара, безветрие душного июльского полдня, хотя вообще жару Суворов любил.

Сняв маленькую каску и сбросив с плеч пропотевший на спине полотняный китель, Суворов сидел в тени кустов у развилки дорог. Так чудесно было бы теперь выкупаться или хотя бы облиться студеной водой, но не за этим ходить. Да и Прошка остался вместе с Аркадием где-то в Сан-Джиованни.

Александр Васильевич с удовольствием прислонился к громадному камню. От камня шел приятный холодок.

Разгоряченное тело отдыхало.

Сзади за кустами перешептывались ординарцы и вестовые.

Все генералы были в бою. Только минуту назад Александр Васильевич услал в центр к Ферстеру генерал-квартирмейстера Шателера.

Суворов сидел, думая о том, что более двух тысяч лет тому назад на этих самых берегах Трессии великий Ганнибал одержал решительную победу над римлянами.

Прислушивался к звукам боя, стараясь угадать, как сегодня идет сражение.

Ружейная пальба и крики французов слышались уже где-то сбоку, чуть ли не у Казалиджио.

Суворов послал штабс-капитана Ставракова к Меласу - немедленно двинуть на помощь правому флангу резерв.

В висках ломило. Хотелось пить.

- Ванюшка, нет ли у тебя апельсинчика?

- Пожалуйте, ваше сиятельство,- вышел из-за кустов полковник Кушников.

- Спасибо, дружок!

Суворов съел апельсин. Хотел было послать Кушникова к Багратиону - его очень беспокоил правый фланг,- как вдруг из-за поворота дороги выскочил на буланой лошади генерал Розенберг.

"У него давеча вороной конь был. Опять подшибли, что ли?" -мелькнуло в голове.

Высокий худой Розенберг соскочил с коня. Суворовский вестовой принял поводья.

- С какими новостями, Андрей Григорьевич?

Розенберг смутился. Снимая шляпу, он сказал:

- Ваше сиятельство, держаться нет сил. Надобно отступить...

Мгновение Суворов смотрел на Розенберга в упор. Потом повернулся так, чтобы Розенберг мог вполне охватить громаду камня, прислонившись к которому сидел Александр Васильевич. - А этот камешек можете сдвинуть?

Розенберг не знал, что ответить.

В разговорах с фельдмаршалом он всегда как-то не мог найти правильной линии. Всегда говорил не к месту, невпопад. Молчал.

- Не можете? Ну, так и русские не могут отступить. Извольте держаться. Ни шагу назад! - хлопнул он ладонью по камню.

Розенберг вспыхнул: он был обидчив, горяч. Розенберг знал, что граф Суворов не весьма жалуется ему. И потому в каждом слове фельдмаршала находил что-либо обидное для себя. Вот и теперь ему показалось, что Суворов подчеркнуто сказал - "русские". А ведь Розенберг хоть и курляндский дворянин, а всю жизнь в русской армии и всегда считал себя русским человеком.

- Слушаю-с! - по-солдатски отрубил он и, надев треуголку, торопливо отошел к коню.

На повороте дороги он встретился с князем Багратионом. Багратион во весь опор мчался туда же, к Суворову.

- А, князь Петр! Ну, как?-спросил Суворов.

- Французы отброшены, ваше сиятельство. Но у нас убыль - до половины,не слезая с коня, только перегнувшись с седла, докладывал Багратион.- И ружья плохо стреляют. Пороховой копоты накопилось...

Суворов почувствовал: если Багратион так говорит, значит, дело серьезное.

Люди утомились. Подкрепления нет. Придется Суворову двинуть в бой свой последний резерв - самого себя.

- Нехорошо, князь Петр,- крикнул Суворов подымаясь.-Ванюшка, коня!

Казак выскочил из-за куста с конем. Суворов сел в седло, держа за рукав перекинутый через плечо полотняный китель. Его маленькая каска с зеленым плюмажем так и осталась лежать на камне.

- Суворов скакал к войскам Розенберга.

Наперез ему бежали в тыл перепутанные роты мушкатеров какого-то полка. Они

ломили, не разбирая дороги, - через виноградники, заборы и кусты. Останавливаться и отстреливаться и не думали.

Французские пули пели вокруг.

- Заманивай их, заманивай! Спасибо, ребята, что догадались! - зычно закричал Суворов.

Он поворотил коня и, обогнав мушкатеров, скакал впереди их, точно отходил вглубь первым.

- Шибче, шибче, бегом!

Увидев любимого фельдмаршала, мушктеры смутились и замедлили бег. Старики сразу остановились. Они задерживали бегущих, заряжали ружья, строились. Только наиболее сбитые с толку, перепуганные молодые мушктеры продолжали бежать вслед за конем Суворова.

- Стой! - вдруг крикнул Суворов, поворачивая коня. - Вперед за мной! Бей штыком, колоти прикладом! Ух, махни, головой тряхни!

Вся отступавшая масса мушкатеров повернулась на врага. Настроение сразу же переменялось. Мушктеры в один миг обогнали Суворова и с яростными криками кинулись вперед.

Фельдмаршал и не думал долго оставаться на этом участке. Он поскакал к войскам Багратиона.

Не прошло получаса, как и оттуда загремело задорное, уверенное, раскатистое "ура".

XI

Барон Мелас, командовавший левым флангом союзных войск, сидел в Сан-Николо и преспокойно завтракал, когда к нему прискакал ординарец Суворова с приказом двинуть резерв генерала Фрелиха.

На участке Меласа неприятель ограничивался только перестрелкой. Было давно ясно, что главный удар Макдональд направил на правый фланг, на русских. Мелас, присоединивший к себе резерв, полагал, что у него достаточно сил, чтобы, как и вчера, отразить удар врага.

И он пригласил своих генералов - князя Лихтенштейна, командовавшего вместо заболевшего Фрелиха резервом, Отта и Готесгейма - к столу.

Об исходе сражения на Треббии барон Мелас держался все того же мнения, что и в первый день стычки с Макдональдсам. Он считал дело союзников проигранным: превосходство сил у Макдональда было значительное, с минуты на минуту надо было ожидать удара Моро с тыла. И к тому же-об этом не всегда говорили, но всегда помнили,- французы постоянно били австрийцев.

Позавчера, как ему казалось, положение спасли австрийские войска. (Мелас уже забыл о том, как собирался улепетывать сам из Сан-Джиованни и как потом его выручил из беды Суворов. В порыве радости он сам сказал фельдмаршалу, что Суворов спас австрийцев.)

Вчера Суворову удалось отбросить врага за Треббью только потому, что к Макдональду еще не подошли дивизии Оливье и Монришара. А сегодня - Мелас был твердо уверен - все будет кончено. Напрасно фельдмаршал Суворов считал себя Ганнибалом: у него на Треббии не получится, как у Ганнибала, победы.

Барон Мелас думал лишь о спасении своих, австрийских, сил. Он боялся, чтобы французы, прорвавшись на шоссе Пьяченца - Александрия, не прижали бы их к реке По.

Увидев русского офицера, барон Мелас недовольно поморщился и отбросил в сторону салфетку. Офицер передал его высокопревосходительству приказ фельдмаршала.

В прихожую выглянуло широкоскулое курносое лицо полковника казачьего полка, который был придан к левому флангу Меласа. Барон Мелас никак не мог выговорить его имя и фамилию - "Кузьма Семерников". У него с трудом получалось: "Куземерненкопф".

Вчера барон Мелас, на свой страх и риск, не отпустил от себя резерва. Он знал, что донеси Суворов об этом императору Францу, из его жалобы не получится ничего: гофкригсрат покроет барона Меласа. Сегодня надо бы поступить так же. Но князь Лихтенштейн, услышав настойчивое требование фельдмаршала прислать резерв, поспешно

встал из-за стола.

И, во-вторых, барон Мелас как-то почувствовал: если он и сегодня удержит у себя резерв, этот звероподобный Куземерненкофф уйдет к Суворову. А ведь барон Мелас знает, как лихо расправлялись с французами казаки. Казачий полк, разумеется, меньше, чем десять эскадронов князя Лихтенштейна, но еще неизвестно, кто сильнее.

И барон Мелас, пожевав в раздумье губами, изрек Лихтенштейну:

- Поезжайте, ваше сиятельство!

- А как же с пехотой? - спросил Лихтенштейн.

- Мы обсудим.

Лихтенштейн быстро вышел.

- Обождите там, - махнул рукой русскому офицеру барон Мелас.

Офицер вышел. Барон Мелас посмотрел на генералов:

- Надо решить, как поступать сегодня. Я считаю: наше положение таково, что мы можем только обороняться.

- О да, да!

- Конечно, довольно с нас этой азиатской стратегии "вперед", поддакнул Готесгейм.

Барон Мелас чуть повернул голову к адъютанту:

- Передайте русскому офицеру, что военный совет решил не отправлять пехоты к центру: она нужна и здесь! Да заодно скажите, чтоб подавали кофе. И ликеру!

Мимо окон процокали копыта - суворовский ординарец ускакал.

Мелас сидел довольный: наконец-то он опять чувствовал себя хозяином в своей армии! Мелас в глубине души был все время обижен тем, что не ему, а какому-то русскому фельдмаршалу, пусть себе и "счастливому", вверили армию.

Сейчас он хоть немного мог сквитаться.

XII

"Последний резерв" Суворова прекрасно сыграл свою роль: где ни появлялся этот всадник в белой рубахе с полотняным кителем на одном плече, все разом преображалось. Куда девались усталость, жара, жажда, ружейная копоть...

Воодушевленный Суворовым авангард Багратиона ударил во фланг дивизиям Виктора и Руска, напиравшим на Швейковского. Русские шли с барабанным боем, с музыкой, с развернутыми знаменами.

Французы приняли их за свежее подкрепление, пришедшее к русским, и дрогнули.

Левый фланг врага, на который так много надежд возлагал Макдональд, не добившись успеха, откатился с огромными потерями за реку. В это же время наступил перелом и в центре: русские полки приняли наступавшие бригады Монришара в штыки, а подоспевшая кавалерия князя Лихтенштейна и казаки ударили во фланги.

Монришар, так же как Виктор и Руска, был отброшен за Треббю.

Попытались французы сунуться и на левом фланге, но австрийцы отбили их.

Резерва у Макдональда не оказалось - да Макдональд и не считал нужным его оставлять, раз французы имели численный перевес на всех пунктах. Отступавшим бригадам помощи не было.

Французы перешли к обороне.

Суворов мог бы воспользоваться этим моментом и перенести наступление за реку Треббю, но солнце еще палило хорошо - был только шестой час пополудни. И когда-нибудь нужно же было дать войскам отдых: люди падали от изнеможения.

Суворов решил отложить атаку, до завтра. Пусть люди сварят кашу, выспятся, освежатся, а завтра в пять часов утра - вперед!

Александр Васильевич приехал в тот же домик, где ночевал накануне с Багратионом. Умылся, поел и ждал генералов. Они приезжали один за другим.

Александр Васильевич чуть стоял на ногах - сильно морил сон. Превозмогая усталость, он весело встречал генералов. Поздравлял с третьей победой. Просил поздравить войска. И всем говорил одно:

- Завтра дадим четвертый урок Макдональду!

XIII

Суворов вскочил, точно ужаленный: ему показалось, что уже поздно, что он проспал все - и назначенные для атаки пять часов утра и победу.

Но еще не было даже и четырех.

Андрей Горчаков, в эту ночь бывший с ним, убеждал дядюшку не торопиться, так как времени предостаточно.

Суворов все-таки стал одеваться. Сегодня хотелось двинуть войска, пока еще не поднялось жаркое итальянское солнце. Хотелось объездить полки, подбодрить своих чудо-богатырей. Он быстро умылся, съел, стоя у стола, кусок сыру с хлебом и выпил стакан красного вина. Поел, перекрестился и, сказав: "С богом!", стремительно вышел из комнаты.

На пороге дома он остановился, надевая каску. Враги, разделенные рекой, спали. Не слышалось ни одного выстрела. Только от Казалиджио до Сан-Николо перекликались петухи.

Суворов сел на коня и поехал к правому флангу. Андрей Горчаков и ординарцы следовали за ним.

Не успел Суворов проехать сто шагов, как увидел Багратиона. Князь Петр, с перевязанной головой - вчера он опять был ранен, - скакал во весь опор.

- Здравия желаю, ваше сиятельство! Макдональд ночью убежал из Пьяченцы! - возбужденно кричал он издали.

Суворов осадил коня:

- Помилуй бог, это верно?

- Точно так. Мои казаки пронюхали. Были в Пьяченце. Собственными глазами видели - ушел. Не выдержал французишка, дал тягу!

- Нагнать, уничтожить! - загорелся Суворов.

Он оглянулся назад:

- Кушников, пиши приказ! Ординарцев по всем колоннам. Разослать трубачей во все деревни - вещать победу. Пусть сами итальянцы удостоверятся: завоеватели Италии изгнаны!

В четыре часа утра Суворов вступал в Пьяченцу, - Мелас еще почивал сладким сном.

Весь город - госпитали, обывательские дома - был полон ранеными. Раненых и пленных оказалось до двенадцати тысяч. В том числе два дивизионных генерала - Оливье и Руска, два бригадных - Сальма и Камбрэ и триста пятьдесят обер-офицеров. Шесть тысяч французов остались навсегда лежать по берегам рек Тидоне и Треббии, на песчаных отмелях и дорогах, в канавах и виноградниках.

Три суворовских урока дорого достались Макдональду: 35-тысячная Неаполитанская армия французов перестала существовать.

Глава восьмая

НОВИ

Адда, Треббия, Нови - три Сестры.

Суворов

I

Только десять дней прошло с тех пор, как фельдмаршал Суворов выступил из Александрии навстречу Макдональду. За десять дней он успел пройти до Пьяченцы, в трехдневном жестоком бою разгромить сильного противника и преследовать его до Флоренцоло.

И теперь возвращался назад, в Александрию. Уезжая из Флоренцоло, Суворов написал Бельгарду, оставленному командовать войсками у Александрии:

Я надеюсь на Вас, а Вы положитесь на меня!

Угостим Моро так же, как угостил я Макдональда.

Макдональд напрасно ждал поддержки от итальянской армии - Моро только прособирился выступить ему на помощь. Когда же стало известно, что Макдональд разбит,

Моро принялся за свои излюбленные демонстрации: на большее он не решался. Он не думал наступать, а делал вид, что собирается.

Моро оправдывал себя тем, будто бы Суворов очень чувствителен к таким демонстрациям. Он считал, что, отвлекая Суворова от Макдональда, помогает Макдональду унести ноги.

В самом же деле было не так.

Суворов никогда ничего не боялся на войне и меньше всего уважал демонстрации. Отменно расправившись с одним противником, он просто-напросто кинулся на другого.

Тогда Моро стал поспешно уходить в горы. А Суворов въезжал в Александрию победителем. Снова была торжественная, пышная встреча, снова он ехал, и тысячи народа кричали: "Eviva Suvarov!"; матери подымали на руки детей и показывали: "Eccolo Suvarov" (Вот Суворов). Блестящая свита окружала его. С одной стороны ехал великий князь Константин Павлович, с другой папа-Мелас.

Папа-Мелас теперь тоже забыл все свои страхи и обычные разговоры австрийских генералов о том, что фельдмаршал Суворов "воюет не по правилам",- охотно изображал победителя.

Папа-Мелас обнаглел до того, что в своей реляции, поданной Суворову после сражения при Треббии, имел смелость упомянуть в числе отличившихся и себя лично:

Если и нижеподписавшийся хорошо поступал, то и себя препоручает милостивому вниманию. За большой победой при Треббии шла маленькая: в день, когда Макдональд бежал из Пьяченцы, упрямый генерал Фиорелла наконец-таки сдал союзникам туринскую цитадель.

Когда Александр Васильевич вечером вернулся из театра, где в честь его было изображено "торжество победителей", он застал рескрипт императора Франца.

Рескрипт был длинен, точно кляуза, сочиненная крючкотворцем подьячим. Он начинался неизменным "Lieber Feldmaarschal von Suvorov-Rymnikski!" (Дорогой фельдмаршал Суворов-Рымникский.), в нем лезть переплеталась с иронией, а трусость и австрийская "неискоренимая привычка быть битым" - с прямой угрозой.

Смысл же его был все тот же, уже достаточно знакомый и крайне неприятный Суворову: Вена старалась сузить рамки его деятельности. Суворов хотел очистить от врага всю Италию, а Франц заботился лишь об одном - как бы сохранить свои завоевания.

Убедительно прошу вас, любезный фельдмаршал, всегда следовать прежним моим наставлениям, то есть совершенно отказаться от всяких предприятий дальних и неверных.

И особенно больно задевали такие фразы:

Ваши опытность, храбрость и столь часто испытанное счастье Ваше подают мне надежду, что вскоре Вы успеете дать опять делам благоприятный оборот.

Тут, без сомнения, постарался господин Тугут. Чувствовался его стиль. Тугут подколот Суворова "счастьем": австрийцы никак не могли примириться с тем, что Суворов - великий полководец. Старый прием всех суворовских врагов и завистников.

Но какого же черта им надо? Почти вся Италия свободна, одна армия разбита, вторая заранее уходит от столкновения.

Александр Васильевич побагровел. Со злостью швырнул рескрипт и забежал по комнате.

Аркаша, смирно сидевший в уголке, удивлялся. Давеча в театре был такой веселый, а теперь... Все кругом поздравляют папеньку, превозносят его. Аркаша думал, что и в этом толстом пакете пришла благодарность, а благодарность-то, оказывается, вон какая!

II

Нелегко было Суворову сидеть сложа руки в то время, когда неприятель, боясь вторжения суворовской армии в пределы Франции, лихорадочно собирал последние силы. Но ждать приходилось. До взятия двух главных крепостей Северной Италии - Мантуи и Александрии - Вена запретила и думать о дальнейшем наступлении.

Александрийская цитадель считалась очень крепкой, а мантуанская одной из

сильнейших в Европе. Она имела гарнизон в 10 тысяч человек при 675 орудиях и продовольствия на год. Комендантом ее был известный французский инженер генерал Фусак-Латур. Осада крепостей затянулась, а время шло. Суворов расценивал время в военном деле так же, как Петр I. Суворов говорил:

- Деньги дороги, жизнь человеческая дороже, но время - дороже всего!

Он понимал, что нужно ковать железо, пока горячо:

Фортуна имеет голый затылок, а на лбу длинные, висящие волосы. Лёт ее молнии: не схватишь за волосы, уже она не возвратится,
писал Суворов Разумовскому.

Гофкригсрат же и не собирался хватать фортуна за волосы. После Треббии его страхи поулеглись. Оставалось взять несколько крепостей, и завоевания были бы упрочены. Армия Суворова становилась чисто обсервационной.

Суворов видел эту линию Вены. Он с возмущением возражал против нее в письме к Разумовскому:

Кабинет желает доказать, что я должен быть только стражем перед венскими воротами. Но что было писать Разумовскому, ежели он, русский посол, плелся на поводу у Тугута?

Бездействовать Суворов вообще никогда не любил и не умел. Сидя в Александрии, он занимался тем, чем занимался всякий раз, когда оказывалось свободное время, - ученьем. Как ни тяготились им австрийские солдаты и особенно офицеры, фельдмаршал Суворов заставил их учиться. Это были все те же сквозные атаки, это была закалка человека, подготовка его к наступательным боевым действиям,

Австрийцы не понимали громадного значения этого ученья: в линейной тактике отдельному человеку отводилось слишком небольшое место.

В начале июля прибавилось новое дело: в Италию прибыл вспомогательный русский корпус под командой Максима Васильевича Ребиндера. Суворов уважал и любил Ребиндера и называл его запросто - Максимом.

Корпус расположился у Пьяченцы, куда Суворов ездил смотреть прибывшие полки.

Между тем "недорубленный лес выростал": Моро и Макдональд соединились в Ривьере. Положение французской армии на бесплодном, каменистом побережье было очень тяжелое: не хватало продовольствия. Сообщение с Францией и сухим и морским путем затруднительно; французы рано или поздно должны были искать выхода на плодородные равнины Пьемонта и Ломбардии.

11 июля наконец сдалась александрийская цитадель, а 19-го пала мантуанская.

У Суворова развязывались руки.

Он решил наступать немедленно, чтобы занять генуэзскую Ривьеру и окончательно изгнать французов из Италии. Тогда открывалась дорога во Францию.

План был разработан у Суворова заранее. С одновременным наступлением части сил на Геную со стороны Александрии и с востока, вдоль морского побережья, главный удар наносился через Тендский проход на Ниццу.

Это грозило французам полным окружением.

Суворов убедительно просил Меласа, заклинал, его всем для него дорогим поспешить с приготовлениями к походу. Тут еще раз сказалась полная зависимость главнокомандующего от подчиненного австрийского генерала, который ведал снабжением: вместо того чтобы, как полагалось бы, приказывать Меласу, Суворов вынужден был умолять его.

Суворов давал сроку десять дней. И назначил наступление на 4 августа.

Но французы предупредили союзников. За последнее время во французской армии произошли большие перемены. Макдональд был отозван в Париж. Моро назначался главнокомандующим Рейнской армии.

Вместо Моро в Итальянскую прислали молодого талантливого генерала Жубера, сподвижника Бонапарта.

Жубер был одним из самых молодых французских генералов. Восемь лет назад он поступил в армию рядовым и оказал большие способности и храбрость.

Бонапарт отличил его.

До назначения в Италию Жубер уже командовал армиями в Голландии и Майнце. Французы возлагали на Жубера большие надежды.

24 июля он, неожиданно для Моро, приехал в Геную принимать армию. Моро мужественно перенес эту обиду. Больше того, он предложил Жуберу помочь ему в первое время - Рейнская армия, куда назначался Моро, была еще только на бумаге.

Жубер не отказался от этой великодушной помощи.

III

Александр Васильевич с утра был в чудном настроении: оказывается, Жуберу не терпелось - он сам спускался с гор в долину. Французы стояли уже вот тут, за городом Нови. Дело могло решиться скорее, без горной войны. Если этот молодой французский главнокомандующий даст выманить себя в долину, Суворов раздавит его конницей и артиллерией: не спросясь броду, не суйся в воду! Армия Суворова была готова встретить неприятеля, откуда бы он ни появился.

Бой мог разгореться в любую минуту.

Александр Васильевич торопился умываться и завтракать - хотел по своему обыкновению съездить и лично посмотреть расположение противника. Он вытирался полотенцем и слушал Прошку, который рассказывал о том, как вчера, когда Александр Васильевич ложился отдыхать, к нему пришел какой-то поэт, а Прошка не пустил его.

- Уж я ему трижды сказывал; не понимает. Известно, итальянцы народ вовсе какой-то непонятливый...

- Да ты что ему сказывал?

- Да сказывал: барина, мол, нет! Убирайся, мол, сударь, к черту! Стоит, не понимает! Может, по-ихнему оно и не то значит...

- Эх ты, камердинер! Пришел поэт, а ты ему нет!..

И, уже не слушая Прошки, Александр Васильевич схватился за эту нечаянно подвернувшуюся рифму: "поэт - нет",

И пошло:

- Поэт-retraite. Поэт-Bajonnet...

До седого волоса осталась любовь к рифме.

А за рифмой уже мелькали и строчки.

- Аркашенька, сынок, возьми карандаш, запиши! - высунул из полотенца голову Суворов.

Аркаша, который у стола пил чай (тоже собирался ехать с папенькой к авангарду), послушно взял карандаш и бумагу.

- Пиши:

Es lebe Sabel und Bajonnet:

Keine garstige Retraite!

Erste Linie durchgestochen,

Andere umgeworfen.

Reserve nicht halt,

Weil da Bellegarde und Kray der Held.

Der Letzte hat Suvorov...!

Да здравствует сабля и штык:

Долой мерзкое отступление!

Первую линию проколоть,

Другую опрокинуть.

Резерв не удержится,

Ведь там Бельгард и Край - герой.

За Суворовым последнее слово...

А дальше - стоп! Нет рифмы к слову "Suvorov". Александр Васильевич рассеянно выглянул в окно. Казак Ванюшка вел с водопоя коней.

- Некогда. Надо ехать! И продиктовал:

Den Weg zu denen Siegen Gebannet (Он закрыл путь к их победам).

- Хорошо и так, без рифмы! Перепиши чистенько - надо немедленно послать папе-Меласу!

Суворов с казаком Ванюшкой верхами стояли впереди густой цепи Багратионовых егерей, которые залегли по обеим сторонам дороги из Поццоло-Формигаро в Нови. Меньше чем в полуверсте, также на огородах, среди гряд капусты, чесноку и луку, лежали синие мундиры французских стрелков. За ними белели стены и башни городка Нови.

Пули жужжали. Конь переступал ногами и дергал головой, как от оводов, но Суворов не обращал внимания. Он спокойно смотрел в зрительную трубу. Ему хотелось узнать, все ли силы Жубера здесь или нет.

Бесспорно, в Нови много войск. Из-за городских стен то тут, то там подымался едва заметный сизый дымок-солдаты расположились на открытом воздухе, готовят пищу. Справа от Нови, среди гор, клубилась пыль. Очевидно, в лощине, по дороге передвигалась пехота или кавалерия. В горах то и дело раздавались ружейные выстрелы. Эхо множило их. Было ясно: это зеленые склоны Апеннин полны жизни.

- Разве их, чертей, в горах всех усмотришь? Это не то, что мы, в долине: все как на ладошке...

- Александр Васильевич, гляньте, гусары! - встревожено зашептал сбоку Ванюшка.

- Где? - повернул трубу в его сторону Суворов.

- Слева. Хотят, видно, из-за рожицы подкрасться к нам.

- А, да верно! Только шалишь, брат, не поймаешь!

Да и свои в обиду не дадут!

Действительно, от Поццоло-Формигаро, где среди мушкатерских батальонов остались начальник авангарда князь Багратион, Андрей Горчаков и Аркаша Суворов, уже отделилось два взвода драгун Карачая для защиты Суворова.

Суворов еще раз спокойно осмотрел Нови, ближайšie к городу высоты и не спеша поехал к своим. Французские пули сопровождали его.

Мушкатеры восторженно смотрели на своего любимого фельдмаршала, на своего "дивного". Восхищались его храбростью.

- Вишь, едет, ровно не под пулями...

- А чего ему: он заговорен. Его пуля не берет!

- Не бреши! При мне под Кинбурном ранили в руку. Не боится ничего, не так, как ты, это верно!...

А Суворов уже громко отдавал приказания батальонам, которые стояли наготове без палаток, ружья в козлах:

- Получить из обоза палатки. По одной на роту. Покуда дело, хорошо еще лоб нагреет. Ишь, как припекает! Артельные, варить кашу! Провиантские, уксус для воды чтоб был! .

Обо всем и за всех думал Александр Васильевич.

IV

Неустрасимый Жубер по храбрости - настоящий гренадер, а по своему знанию дела и военным способностям - отличный генерал.

Бонапарт

Совещание тянулось уже семь часов подряд, и все же французский главнокомандующий не мог прийти ни к какому решению.

Утром, выехав с генералами на высоты у Нови, Жубер при ярком солнечном свете мог отчетливо рассмотреть русско-австрийские войска Суворова. Они стояли в долине между реками Бормидой и Скривией. Их было очень много.

Не хотелось соглашаться с генералом Сен-Сиром, но, пожалуй, он был прав: походило на то, что Мантуя действительно пала, как об этом шептались в армии, и что Край со своим корпусом присоединился к главным силам Суворова.

Обстоятельства складывались чрезвычайно плохо. Вся уверенность в победе, с которой

Жубер летел сюда из Парижа, сразу поколебалась.

Жубер решил посоветоваться с генералами, что делать.

Он приказал адъютантам очистить небольшой домик, который прилепился тут же, на склоне высоты. Окна домика выходили вниз, на долину.

Хозяин, толстый глазастый итальянец, сначала не хотел и слушать адъютанта, который велел ему убраться с семьей из дома. Но как только по знаку адъютанта к ним подскакали гусары конвоя, хозяин тотчас же сменил гнев на милость.

- *Si fara, si fara!* (Будет сделано, будет сделано!) - испуганно кричал он, вертясь व्यюном в кругу гусар, которые с веселыми лицами напирали на него своими резвыми лошадками.

Через несколько минут хозяева, забрав детей и кое-какие пожитки, потащились с проклятиями в хлев, стоявший чуть пониже дома, на дороге в Пастурану.

Жубер, Моро, начальник штаба Жубера генерал Сюше, генерал Сен-Сир, командующий правым флангом, и генерал Периньон, командующий левым флангом, подъезжали к дому.

Они расположились в большой комнате. На голом обеденном столе лежали карты, планы, бумаги, карандаши. Во второй, меньшей комнате скучали без дела адъютанты.

На кухне весело стучал ножами повар: Моро уступил его новому главнокомандующему вместе с армией.

В продолжение целого дня все генералы успели по нескольку раз переменить места за столом. Успели даже за этим же самым столом пообедать, а вопрос, ради которого собрались, не подвигался.

Сен-Сир и Периньон советовали возвратиться к Генуе и ждать там, когда Альпийская армия Шампионэ откроет военные действия.

Моро поддерживал их, но в то же время резонно подчеркивал, что для отступления очень мало дорог: позади центра и правого крыла - две, а за левым - только одна.

И лишь начальник штаба, круглоголовый здоровяк Сюше, убеждал стоять на месте. Он доказывал, что их позиция на невысоком, но крутом гребне гор неприступна и что у Суворова большая часть войск австрийцы, которых нечего бояться. Сам Жубер не знал, куда и примкнуть.

Он был моложе всех, но неглуп и понимал опасность создавшегося положения: французская армия неожиданно оказалась перед сильнейшим противником. Атаковать Суворова с меньшими силами - безрассудно. Отступать не позволяло самолюбие.

До назначения сюда он командовал уже в Голландии и в Майнцской армии, покрыл себя славой в битве при Риволи. В Париже все надеялись на него, 29-летнего выдающегося генерала. Назначили вместо Моро, а он в первом же деле - отступать. Кроме того, прощаясь с молодой женой, с которой он обвенчался накануне отъезда в Геную, Жубер при всех поклялся ей победить или умереть.

И теперь окончательно потерялся: он то соглашался с Сен-Сиром и Периньоном, то опять склонялся к мнению своего начальника штаба Сюше.

Генералы устали.

Моро, втайне довольный затруднениями Жубера, сидел в кресле и курил. Сюше, нагнувшись над картами, все что-то вымеривал карандашиком и высчитывал. Периньон со скучающим видом смотрел в окно, жуя сливу. Сен-Сир, в прошлом художник, рисовал на бумажке воображаемый портрет Суворова. Суворов выходил у него курносый, с широченными скулами.

А сам Жубер, высокий и худой, нервно покашливая, ходил по комнате.

Мысли мешались. Если бы кто-либо из присутствующих мог прочесть их, Жубер смутился бы: военные соображения, невеселые думы о предстоящем бое перебивались радужными мыслями о молодой жене. Ему казалось, что кто-то другой решит за него все, а он может думать о золотистых волосах, о родинке на щеке...

И он шагал и шагал.

- Надо ехать к войскам - уже вечер, пора отдавать какие-либо приказания к

завтрему!-поднялся сумрачный Периньон.

- Да, пора к нашим ребятам,- поддержал Сен-Сир, комкая бумажку с рисунком. - Что же решаем? Жубер с небес снова спустился на землю.

- Простите, господа... Сегодня я как-то не узнаю самого, себя... Я не знаю сам... - начал он.

Все присутствующие знали: Жубер - храбрый, решительный и талантливый генерал; недаром же его так хвалил сам Бонапарт; но оратор он - никудышный, никогда не умел связать двух слов, хотя отец готовил его в адвокаты. В этом Жуберу не помог даже Дижонский университет.

- Оставлять молодую жену ради победы опасно: победа ведь тоже женщина, - поняв невысказанные мысли Жубера, язвительно пошутил Периньон.

- Отступление иногда побеждает женщину быстрее, чем атака, - улыбнулся Сен-Сир. Жубер чуть вспыхнул:

- Как ни печально, а надо отходить. Часа через два я пришлю диспозицию к общему отступлению, - твердо сказал главнокомандующий.

Жубер сидел один за столом. Вытянув длинные ноги и упершись плечами в спинку кресла, он смотрел на пламя свечи. Было десять часов вечера.

Никакой диспозиции к отступлению он, конечно, не написал. Когда все генералы ушли, Жубер опять взвесил все и решил: отступать, имея одну-две дороги и такого сильного противника позади, более опасно, чем оставаться на месте. Отступать он не будет. Сюше прав: позиция у него прекрасная. Пусть же этот старик Суваров попробует ее взять!

К нему снова вернулась его всегдашняя боевая решимость.

С этим он отпустил своего начальника штаба Сюше укладываться в соседней комнате спать, а сам сидел, думая о другом.

И вдруг в раскрытое окно донесся какой-то стук. Жубер вытянул шею: где-то, должно быть внизу, тархтели колеса.

Жубер вскочил с места и высунулся из окна. Ночь была светлая, лунная.

- Что там, Тарро? -спросил он у адъютанта, стоявшего на крыльце возле часовых.

- Колеса стучат.

- Где, в Нови?

- Нет, у них, в долине. Не удирает ли наш Суваро?

Жубер встрепнулся.

А может быть, прав этот Тарро? Может быть, Суваров, увидев неприступную позицию французов, в самом деле отходит? Ведь сегодня утром Суваров сам выезжал за передовую цепь, - Жубер и генералы видели его; Моро и Сен-Сир сразу узнали Суварова. И если у Суварова преимущество в силах, почему же он не подумал наступать сегодня? Ведь целый день прошел только в пустяковой ружейной перестрелке. Нет, Жубер еще себя покажет! Он сдержит слово: победит или умрет! Конечно, победит!

Умирать не хотелось, умирать было некстати.

В окна светила полная луна. Александр Васильевич ходил по комнате от красного угла, в котором висело распятие, до порога.

В переднем углу, на широкой скамейке, разметавшись во сне, лежал Аркаша. Наездился верхом, намаялся за целый-то день. Вояка. Приехал учиться.

Ничего, парень не трус. Пулям уже не кланяется - только ядрам. И как увидал первого убитого, еще в Сан-Джиованни,- побледнел. Ну, да это закон природы. Конь увидит мертвого коня - тоже храпит, косит глазом, страшится...

У порога, на кошме, как-то свернувшись калачиком, храпел во всю ивановскую Прошка. Александр Васильевич немножко не доходил до него, а когда, задумавшись, упирался в Прошкины ноги, то крутил головой, торопливо отходил прочь.

И тотчас же брался за табакерку - нюхал табак.

На столе горела свеча. Лежал план Нови и окрестностей, старательно вычерченный австрийскими офицерами (вот на это они мастера!), черновик давешнего письма генералу

Краю.

Французы не поддавались на удочку: сами не атаковали, не спускались в долину. Целый день войска простояли на месте.

Ждать больше нечего. Завтра на рассвете Суворов сам атакует Жубера. А то еще удерет в горы или, чего доброго, начнет укрепляться здесь. Позиция у него превосходная, удобная для обороны. Ну, да не из таких еще выкуривали! Не такие крепости брали!

Главное направление удара должно быть на правое крыло французов - тут ключ позиции. Против правого крыла и против центра - городка Нови - Суворов потому и поставил свои, русские части.

Австрийский барон Край хоть и хвастунишка, а все-таки храбрый и дельный генерал. Будет со своими дивизиями Отта и Бельгарда справа.

В резерве - оба ненадежные, оба "высокопревосходительные" - Розенберг и папа-Мелас. Чтоб не обидно было обоим!

На этот раз Суворов решил схитрить. Общей диспозиции к завтрашнему бою он писать не хотел: войска все под руками, он сам в центре, сам и будет всем командовать. Чтоб нихтбештимтзагеры не напортили, как при Треббии...

Но австрийские генералы больно с фанаберией. Если им сказать, что главная роль отводится в бою не им, а русским, то они, конечно, завопят. Потому Александр Васильевич отослал вечером генералу Краю письмо. В нем он дал понять барону, что его фланг - главный. И немного польстил венгерцу, закончив письмо так:

Ich verlasse mich ganz auf meinen heldenmuthigen Freund!

(Я совершенно полагаюсь на моего смелого друга!)

Пока даже Багратиону не говорить: князь Петр не болтун, но - не надо.

По замыслу Суворова, Край должен был атаковать первым и оттянуть на себя силы французов с их главного фланга.

"Край будет вроде горчичника! - улыбнулся своим мыслям Суворов. - А ежели атаку Края отобьют и он будет лезть раньше времени за подкреплениями, тогда как?"

Александр Васильевич остановился у раскрытого окна. Облокотился.

Казак Ванюшка не зевал, наслаждался жизнью. Что-то лопотал на крыльце, смеялся с хозяйской дочерью. Плел все, что знал, - французское и немецкое: "балезарм" и "зер гут".

"И ведь ни словечка не понимают оба, а понимают друг друга..."

В это время в тишине ночи раздался стук колес.

По деревне, тарахтя, ехали десятки фур.

- Дяденька, ето какой?

- Мушкатерский.

- А гренадеры де?

- Подале!

"Патронные фуры, - догадался Александр Васильевич. - А если Край или кто-либо начнет лезть в дело, то, чтоб не пускаться в объяснения, не отвечать никому! Временно уклониться от ответа. То же и Краю!"

"А как?" - спросил сам у себя.

И только подумал, тотчас же нашел прекрасный ответ.

Александр Васильевич улыбнулся удачной выдумке.

Он подошел к распятию и стал молиться на ночь.

V

Адъютант Тарро осторожно тронул плечо главнокомандующего:

- Вставайте, генерал! Суvara наступает!

Жубер открыл глаза. В комнате уже было светло. Снизу доносилась отчаянная ружейная трескотня. Удесятеренная, она гулко отдавалась в горах.

- Значит, Суваров все-таки не ушел. Жребий брошен!

Он торопливо надел сапоги, генеральский мундир, треуголку, прицепил шпагу.

- Коня!

Через минуту Жубер уже скакал к левому флангу, где на Периньона наседали корпус Края.

Войска были расположены у деревни Пастурана. Периньон, поздно вернувшийся с совещания, застал их уже спящими. Переход утомил войска. Они поели и улеглись тут, на кукурузных полях, в садах и виноградниках, даже на пастуранском кладбище. Чтобы зря не трогать людей, Периньон выдвинул на позицию всего лишь одну бригаду.

Войска только подымались и строились, когда Жубер проскакал через деревню Пастурана. Он мчался в цепь застрельщиков.

Когда вчера утром Жубер увидел в зрительную трубу русского фельдмаршала, спокойно стоявшего на поле между своими и французскими линиями, он залюбовался стариком.

- Молодец! - похвалил Жубер, как хвалили Суварова все - Моро, Сен-Сир.

Цепи французских стрелков, разумеется, тоже видали Суварова. Так пусть же теперь увидят, что и их новый главнокомандующий не боится пуль!

- Вперед, молодцы, вперед! - кричал он стрелкам, которые, не обращая внимания на него, делали свое дело.

Австрийские пули роем носились вокруг. Белые австрийские мундиры мелькали за деревьями, по ту сторону оврага, вот тут, совсем недалеко.

Жубер только поворотил коня, чтобы проскакать вдоль цепи, как пуля тирольского стрелка ударила его в грудь.

Смерть главнокомандующего скрыли от войск. Адьютант Тарро привез его тело к домику на горе в какой-то тележке, взятой в Пастуране. Жубер лежал, прикрытый гренадерским плащом.

Тележка проезжала мимо сарая, где сидели хозяева дома. Выстрелы разбудили их.

По удрученному виду адъютанта, ехавшего сзади за тележкой, и суете, поднявшейся в доме, итальянцы догадались, что случилось.

- Chi va presto, more lesto! (Кто ходит быстро, тот спешит к смерти!) - с чувством сказал толстый хозяин, указывая жене на торчавшие из-под гренадерского плаща мягкие сафьяновые сапожки.

Жена, сжав на груди руки, провожала печальную процессию широко открытыми, испуганными глазами.

VI

Багратион в точности следовал приказу Суворова выманивать французов в долину. Французы наседали, а багратионовы егеря медленно оттягивались назад.

Но эта игра в кошки-мышки была не по душе ни горячему, напористому князю Петру, ни его егерям. Люди привыкли идти вперед, а тут надо пятиться.

Егеря отходили, ворча:

- Наших то и дело шелкают, а мы только ретируемся!

- Ровно австрияки...

- Шо вон нас жме, як мороз бабу?..

- Ударить бы в штыки - самое разлюбозное. Ваше благородие, прикажите!..

Багратиону и самому надоело. Он послал к "дивному", как называли Суворова солдаты, одного за другим трех адъютантов. Просил разрешить начать атаку. Но ни один из гонцов не вернулся назад.

Багратион нервничал. Солнце жгло - близился полдень. Сегодня здесь, в этой долине у гор, было душно, как в пекле, душнее, чем при Треббии, а укрыться негде. Багратион вытирал платком свои густые черные волосы. Нетерпеливо поглядывал назад - не мчит ли хоть один

из адъютантов.

- Какого черта они там делают? Поеду сам!

И он поскакал к Поццоло-Формигаро, где должен был находиться Суворов.

На дороге Багратион встретил своего адъютанта, корнета Дирина, которого послал

первым.

- Почему никто не едет? Где вы все запропались? - издали грозно крикнул Багратион.

- Ваше сиятельство, генерал-фельдмаршал спит.

Завернулся в плащ и лежит. Вон там, на поле, где генералы...

- Что бы это значило? Уж не случилось ли с ним чего, сохрани господи? Жив ли?

Багратион ударил коня шпорами и помчался во весь дух.

Не доезжая до деревни Поццоло-Формигаро, он увидел колонну мушкатеров Милорадовича. Справа от них, на совершенно вытоптанном кукурузном поле, виднелась группа генералов. Тут были все, русские и австрийцы: Цах, Карачай, Дерфельден, Милорадович, Тыртов, Ферстер, Горчаков. Адъютанты кучились в сторонке. Среди них Багратион увидел и своих.

Осадив коня на всем скаку, Багратион спрыгнул с седла и бросился к генералам. Генералы разговаривали вполголоса.

В их кругу, на земле, кто-то лежал, завернувшись в знакомый Багратиону старинный синий плащ Александра Васильевича.

- Что случилось, князь?-громко спросил Дерфельден. - Французы наседают на правый фланг. Пора ударить нам. А что с его сиятельством? - тревожно спросил он. В это время Суворов отбросил плащ и вскочил на ноги..

- Помилуй бог, заснул. Крепко заснул! - надевая каску, сказал он. Князь Петр прав: пора!

Тотчас же к главнокомандующему со всех сторон потянулись Цах, Дерфельден, ординарцы Края, которых набралось с полдюжины: французы теснили австрийцев, Край слал за помощью.

Суворов повернулся к Багратиону:

- Как у тебя, князь?

- Люди рвутся в бой. Надоело заманивать, ваше сиятельство!

- Хорошо!

Поворотился к Дерфельдену.

- Полки готовы, ваше сиятельство! - доложил Дерфельден, не дожидаясь вопроса.

Поворотился к Цаху:

- Как на правом?

- Барон Край занял высоты, но, не получив сигнала, вынужден был...

- Понимаю!

Не дослушав главного квартирмейстера, Суворов сказал Багратиону:

- Князь Петр, веди своих. С богом! И ты, Миша, на поддержку! - кивнул он Милорадовичу.

Бой, кипевший только на правом, австрийском, крыле, теперь разгорелся по всей линии.

VI

Чуть залились батальонные трубачи (у егерей барабанов не полагалось), как багратионовы егеря поднялись и кинулись на врага.

Шли с охотой, с яростью. Перепрыгивая через канавы, перелезая через изгороди, быстро подвигались вперед. Теперь настал черед отходить французам: упорно отстреливаясь, они пятились к городским стенам.

Подходить близко, к самым стенам было невозможно: укрытые за домами предместья, в садах и огородах у Нови, французы били егерей на выбор. Десятки французских пушек бросали сверху ядра.

Пехота принуждена была остановиться. На руках подтащили полевые пушки. И вскоре по тяжелым дубовым городским воротам, по белым оштукатуренным стенам, по башенкам застучали русские ядра.

Но стены Нови стояли как ни в чем не бывало.

- Калибр мал!

- Всю артиллерию оставили назади брать ненужные крепости!

- Теперь вот голыми руками и бери!

Егерей поворотили правее города в обход.

Но тут французы, увидев, что русские пушки не страшны городским стенам, вдруг с громкими криками высыпали из города. Французская пехота ударила егерям во фланг.

Егеря стали отходить.

Неприятельское ядро ударило в каменную стену, за которой стоял, стреляя, унтер-офицер Огнев. Камни с воем брызнули в стороны. Небольшой осколок угодил на излете Огневу в голову.

Старик зашатался и рухнул у стены.

Некоторое время он лежал, а потом, преодолевая боль, поднялся на колени. Липкая кровь лилась с головы на мундир, на руки,

Ранцы - для облегчения солдат - остались где-то в обозе, но Огнев бывалый, ломаный солдат: у него в бою всегда с собою в кармане наготове чистый кусок старой сорочки.

Огнев достал его, перевязал рану, кое-как приладил на голову пробитую треуголку и, взяв ружье, поднялся. В голове стоял трезвон. Пороховой дым застилал солнце.

Огнев глянул: своих, своего капральства и даже своей роты он не видел.

Русские отступали. Мимо него, отстреливаясь, шли гренадеры Дендригина. Огнев стал отходить вместе с гренадерами.

Голова кружилась. Огнев очень ослабел, хотя крови вышло не так уж и много. Но стрелял он, как обычно, не торопясь.

- Хорошо, что в правую сторону ударило; кабы в левую, не стрелять бы!

И вдруг, сквозь противный визг ядер и свист, пуль, сквозь этот несмолкаемый трезвон в голове, он услышал сзади такой знакомый голос:

- Молодцы, ребята, заманивай их! Заманивай!

Огнев оглянулся. В самой гуще сбившихся егерей и мушкатеров, на своей неказистой казачьей лошаденке, виднелся Александр Васильевич.

Фельдмаршал, увидев заминку в центре, тотчас же прискакал сюда.

Огневу стало стыдно, что он, унтер-офицер, отступает.

- Стой, куда? Стой! - кинулся он наперерез молодому гренадеру.

Гренадер остановился, взялся заряжать ружье.

Увидев своего "дивного" под пулями, егеря и мушкатеры снова кинулись на французов.

Ослабевший от потери крови Огнев медленно подавался вперед - его обгоняли уже свои, апшеронцы.

Вот уже поровнялась собравшаяся вместе и вся первая рота.

- Дядя Илья, жив? - радостно окликнул его Зыбин, бежавший вперед.

Суворовский конь нагонял Огнева. Фельдмаршал ехал вперед. Рядом с ним бежал батальонный командир апшеронцев майор Лосев. У Лосева в руках вместо шпаги было ружье.

Огнев слышал, как Лосев говорил фельдмаршалу:

- Моя шпага сломалась... Так я его, ваше сиятельство, обломком шпаги и эфесом-по голове!

- Bravo! Хорошо, помилуй бог, хорошо! Мы, русские, шутить не любим: коль не штыком, так кулаком!

Эти истоптанные огороды, эти кирпичные дома предместья, из которых давно перебрались в город жители, переходили по несколько раз из рук в руки. Но пройти дальше, проникнуть в самый город или взобраться на высоты, где стояли пушки, не удавалось. Взять Нови с фронта казалось невозможным.

Полуденное солнце снова, как и при Треббии, висело над головой. Люди снова изнемогали от духоты и нестерпимой жажды.

Суворов, который сам все время был среди наступавших войск, видел, что надо дать

отдых.

В полдень он велел прекратить бой по всей линии.

Французы уже ввели все свои силы, а у Суворова оставался нетронутым резерв. Его-то фельдмаршал и рассчитывал пустить к вечеру в дело.

VIII

Резерв Суворова сыграл свое дело: к шести часам вечера французская армия была сбита с неприступной позиции и в беспорядке бежала.

Непреклонная воля русского полководца и самоотверженность его войск решили все. Только наступившая ночь спасла французов от окончательного истребления.

Воздух был насыщен пороховой гарью, полон стонов раненых. В горах гулко отдавались ружейные выстрелы, слышались крики "пардон".

Группами вели пленных, которых вылавливали из виноградников и садов. Конвоиры оживленно переговаривались:

- Я кричу ему "балезар", а он и не думает!

- Не понимает?

- Нет. Как стукнул его по башке, понял.

- Положил оружие?

- Положил. Больше не подымет!

Войска были в бою 16 часов подряд. Люди чрезвычайно утомились.

Генералы улеглись отдыхать. Не спал только один главнокомандующий. Он подводил итоги сегодняшнего боя и делал приготовления к завтрашнему дню.

Казак Ванюшка в этот вечер стоял у двери с обнаженной шашкой: Суворов расположился в самом городке Нови, где на задворках и огородах прятались одиночные французы.

Победа была полная: французы потеряли всю свою полевую артиллерию - до сорока пушек, четыре знамени, сдалось в плен свыше восьмидесяти штаб- и обер-офицеров и четыре генерала: Периньон, Груши, Партуно и Колли.

Суворов диктовал Кушникову диспозицию. Войскам предписывалось наступать за разбитым неприятелем в Генуэзскую Ривьеру.

IX

Выдавая из меня сок, нужный для

Италии, бросают меня за Альпы.

Суворов

Блистательную победу при Нови венский гофкригсрат умудрился свести на нет. Он сделал это руками добродушного на вид, но не столь безобидного по существу папы-Меласа.

Еще ночью Александр Васильевич отдал приказ преследовать и уничтожить разбитого противника. Утром войска уже готовились выступить, когда Мелас сообщил главнокомандующему, что двигаться в горы нельзя: нет ни провианта, ни мулов. Мелас не сделал ничего, хотя Суворов, еще 20 июля, приказал ему приготовить все к 4 августа.

Союзные войска имели всего лишь двухдневный запас хлеба. С таким запасом нечего было и думать двигаться дальше в бесплодную, бесхлебную Ривьеру. Вести пушки и тяжести было не на чем.

Французы уходили от окончательного разгрома.

Суворов был разгневан и возмущен. Он никак не мог примириться с очередной австрийской выходкой. Он бегал по комнате, ругался и кричал. Суворов приводил в пример адмирала Колиньи, который писал принцу Морицу, чтобы тот помнил, что войско живет желудком.

Адъютант Меласа, привезший такое неожиданное известие, стоял, ничего не понимая. Из гневных слов фельдмаршала он смог разобрать только "унтер-кунфт", "нихт-бештимтзагер" и то, что Суворов вспоминает о каком-то Морице. Но о ком речь, адъютант так и не понял.

Как ни возмущался Суворов, а делать было нечего. Приходилось подчиняться нелепым

обстоятельствам. Он отдал приказ двигаться к Асти.

9 августа Суворов был уже в Асти. Армия стала на полдороге между Турином и Тортоной.

А через два дня комендант тортонской цитадели генерал Гаст подписал перемирие.

Тортонская цитадель недаром называлась "Пьемонтским Гибралтаром" - она занимала вершину крутого горного уступа на высоте трехсот футов над равниной.

Союзные инженеры высчитали, что за двадцать дней можно проделать брешь и проникнуть в цитадель. Генерал Гаст согласился заключить на двадцать дней перемирие, с условием, что если в течение этого срока французы не выручат его, он капитулирует.

Снова приходилось понапрасну терять время и ждать у моря погоды.

Первые дни это бездействие, столь противное характеру Александра Васильевича, скрашивалось наградами и поздравлениями, которые со всех сторон сыпались на русскую армию и ее победоносного полководца. В Асти Суворов получил награды за Треббину. "Поздравляю Вас Вашими же словами: слава богу, слава Вам!" - писал император Павел. Он прислал Суворову свой портрет, украшенный бриллиантами. Полки получили гренадерский марш.

Сардинский король Карл-Эммануил пожаловал Суворову высшие награды: сделал его великим маршалом Пьемонтским, "грандом королевства" и "кузеном короля".

Город Турин прислал Суворову золотую шпагу, украшенную драгоценными камнями.

Даже Прошка удостоился получить отличие. Однажды утром Александр Васильевич занимался с Фуксом разными канцелярскими делами, когда к нему вошел Прошка. Он протянул барину пакет, запечатанный большой печатью сардинского короля. На пакете было написано "

Господину Прошке, камердинеру его сиятельства гр. Суворова.

- Чего же ты мне даешь? Это тебе!

- Поглядите вы, батюшка барин...

Суворов распечатал пакет. В нем лежали две медали на зеленых лентах. На медалях было выбито: "За сбережение Суворова".

Прошка взвыл от радости:

- Господи, до чего дожил! Сам король...

- Чего ж ты реवेशь? Радоваться надо! Ежели б я, получая награды, всякий раз так плакал, слез не хватило бы!

Главную квартиру фельдмаршала Суворова, которая не блистала пышностью, как бывало потемкинская (Суворов называл ее "бедная, но победная"), наводняли знатные иностранцы, приезжавшие посмотреть на прославленного фельдмаршала.

Весь мир восхищался победами Суворова, но враги России боялись усиления русского влияния в Европе и старались всячески ослабить его.

За пять месяцев пребывания в Италии Суворов нанес французам три решительных поражения, взял все укрепленные города и самые сильные крепости. Почти вся Италия была занята союзниками. Австрия не могла бы и мечтать о таком повороте событий и теперь, вместо благодарности, платила России неприязню. Это замечалось уже и раньше, но в Асти сказалось особенно сильно.

Вероломство австрийцев отнимало у Суворова здоровья больше, нежели все походы и сражения.

В Асти он чувствовал себя совершенно больным.

Уже с неделю я в горячке - больше от яду венской политики, - писал он Ростопчину.

Все мне немило. Присылаемые от гофкригсрата повеления ослабляют мое здоровье, и я здесь не могу продолжать службу. Хотят операциями править за тысячу верст, не зная, что всякая минута на месте заставляет оную переменить. Суворов хотел только дождаться конца генуэзской кампании, чтобы уехать в Россию. Но события складывались иначе.

16 августа Суворов получил из Вены сообщение о новом распределении союзных армий, которого в закулисных переговорах с Англией добилась хитрая Вена. Австрийцы

решили вернуть из Швейцарии свою бездействующую армию эрцгерцога Карла домой, а в Швейцарию против французского генерала Массена, большого знатока горной войны, направить Суворова. Хотели загребать жар чужими руками. Узнав об этом, Суворов огорчился еще пуще прежнего.

- Сия сова не с ума ли сошла, или того никогда не имела,- говорил он о Тугуте, чьих рук было дело.

Суворов рассчитывал еще в этом сезоне завладеть Генуэзской Ривьерой, обеспечить усталым войскам зимние квартиры, где бы они могли отдохнуть, а с весной двинуться в Швейцарию. Вместо этого русским войскам предстояло идти в Швейцарию сейчас, в позднее время года, не имея к тому же ни снаряжения для горной войны (горной артиллерии, мулов, понтонов и прочего), ни офицеров генерального штаба, знакомых с краем.

Суворова задерживала сдача Тортоны. Несмотря на постоянное вероломство австрийцев, Суворов не ушел из Италии раньше, чем сдалась Тортона.

Наконец 27 августа Суворов передал Меласу командование австрийскими войсками, попрощался с ними и выступил из Италии к Сен-Готарду.

Французское расположение рисовалось Суворову в виде запятой. Жирная часть приходилась против войск Римского-Корсакова. Римский-Корсаков, который пришел в Швейцарию через Германию, стоял на правом берегу реки Лимат, а хвост запятой подставлялся под удары из Италии через Сен-Готард.

Многие генералы считали более выгодным путь через Сплуген на соединение с австрийскими войсками Готце. Эрцгерцог Карл временно оставил Готце в Швейцарии для прикрытия Граубиндена и Тироля.

Но, как всегда, Суворов выбрал не самое легкое, а самое действенное и быстрое. Он не хотел терять времени на кругное движение для того, чтобы соединить силы. Суворов предпочел решительно ударить противнику во фланг и тыл.

Массена стоял на левой стороне рек Лимата, Аара и Рейна до Базеля.

Суворов видел, что у Массена более сильное левое крыло.

30 тысяч войск занимали неприступный горный хребет. В тех немногих местах, где на хребет возможен был подъем, он обстреливался артиллерией. Переправа через Лимат затрудняла атаку. Потому Суворов считал, что предпочтительнее атаковать правое крыло Массена через Сен-Готард.

Надо было поторапливаться: Римский-Корсаков имел 27 тысяч против 80 тысяч Массена.

Глава девятая

"РУССКИЙ ШТЫК ПРОНЗАЕТ АЛЬПЫ"

Этот переход был самым выдающимся из всех современных альпийских переходов.

Энгельс

Я бы отдал все мои кампании за швейцарский поход Суворова.

Массена

I

В чужую, незнакомую Швейцарию, куда-то в горы, под небеса, русские войска отправлялись налегке, словно из казармы на Марсово поле: без обозов и артиллерии. Путь на Сен-Готард был недоступен для повозок. Вся полевая артиллерия шла круглым путем вдоль озера Комо на Киавену и Фельдкирх. Вместо нее Суворов получил из пьемонтских арсеналов 25 горных пушек. Полковой обоз - все повозки генералов и офицеров и артельные, солдатские отправлялся через Верону в Форарльберг.

Солдат нес все на себе. А и нести-то было мало чего: шило-мыло да сухарей на три дня.

Многие офицеры не имели ни выюков, ни верховых лошадей - скатка через плечо, мешок, и офицер готов.

- Так налегке куда хоть зайдешь!

- Я сороковый год служу, а впервой эдакий поход вижу.

- Да, разное бывало, а так не хаживали!.. Оттого шли быстро. В первые сутки отмерили шестьдесят верст. Отсталых не было. Старались, попевали вместе со всеми. Кому казался тяжел, тянул ноги назад сухарный мешок, тому помогали товарищи. Отстать боялись. Старые солдаты, выдавшие Крым и Кавказ, предупреждали:

- В горах живо заблудишься!

- Не поглядишь, в какой стороне пылит дорога! Надо было спешить и потому, что австрийцы, занимавшие Швейцарию, слышно, все до единого солдата уходят домой. Оставляют немногочисленные русские полки Римского-Корсакова одни против сильного врага.

Все время выручали чужих, а теперь надо выручать своих.

Австрийцев ругали на чем свет стоит. Австрийцев ненавидели хуже французов. Вспоминали, как они, много раз на веку, подводили русских. Вспоминали этот - не выговорить - гофкригсрат и этого Тугута. Его-то все солдаты помнили отлично и честили на все корки.

Вообще в Швейцарию шли невесело. И сама Швейцария не веселила.

Чем дальше уходили от Александрии, тем становилось холоднее, пасмурнее, суровее.

После жарких итальянских дней стал почасту лить дождь, пронзительный ветер продувал насквозь.

С каждым шагом все менялось - природа, люди, жилье.

Люди здесь были проворнее в движениях: суровый климат не давал засиживаться на одном месте. Люди - крупнее ростом и благообразнее.

- Тут вроде на нас больше походят. Не такие цыгане, как там.

- А живут беднее.

- И постройки поплоче.

- Отколь тут богатым быть: вишь, у них землицы - с ладонь.

На втором переходе до Александрии вдали, в синеве, показались горы.

- Ребята, вон уже горы, - указывали старики.

- Где? Где? - завертели во все стороны головами и не видели ничего молодые солдаты.

- Вон впереди. Высоко.

- Так это ж, дяденька, тучи...

- Не тучи, а горы. Эх, ты!

Чем ближе подходили, тем горы вырисовывались яснее.

И вот наконец стали тут, рядом. Казалось, рукой подать.

Солдаты, молодые и старые, задирая кверху головы, удивлялись:

- Высоченные...

- Повыше наших Жигулей!

- И как по таким горам с возом ехать? У нас косогор попадает, и то не знаешь, как спуститься, а то этакая круча...

Когда внизу, среди гранитных лиловых скал, показалась деревушка Таверно, Суворов не выдержал - вылез из своей маленькой двуколки, которую взял вместо кареты, и пересел на коня. Обгоняя шлепающую под дождем, измученную пехоту, он стал поскорее пробираться к деревне.

В Таверно Суворов со своими войсками пришел точно в назначенный по диспозиции день - 4 сентября. 6-го Суворов хотел уже быть у Сен-Готарда, а 8-го атаковать французов. Для этого теперь недоставало лишь одного - мулов. Суворова и беспокоило: пришли ли в Таверно мулы? Их должно было прибыть 1430 голов, чтобы поднять семидневный запас продовольствия для всех 18 тысяч суворовских войск, патроны и прочее.

На месте Суворов получил от Меласа, у которого вьючного скота было в избытке, только 30 мулов для горной артиллерии. Остальные полторы тысячи папа-Мелас клятвенно обещал прислать к 4 сентября в Таверно. Но зная "аккуратность" и "доброжелательность" австрийцев, Александр Васильевич беспокоился. Он поехал вперед, чтобы самому поскорее

разузнать обо всем. Он смотрел вокруг - на лугах не было видно такого большого количества мулов. Прислушивался, не звенят ли колокольчики: мулы по горам ходят с колокольцами.

- Ванюшка, не слышишь, не звенят?

- Нет, не слышать.

Наконец вот и сама деревня Таверно.

Низкие, с широкими основаниями дома - будто их вдавила в землю тяжесть этих гор. Почерневшие столетние бревна стен. Крыши, покрытые гонтом и наваленными сверху увесистыми камнями.

На улице - ни души. Только из окон испуганно выглядывают лица.

- У кого бы спросить?

Где-то стукнула дверь.

А вон у двухэтажного дома, обвитого плющом, с маленькими пристрочками вокруг, стоит у платана старик. Он такой же коренастый и крепкий, как его платан, что растет под окнами дома. И, видать, сметлив. Вероятно, фогт (Фогт-староста.).

Суворов направил коня к нему.

Старик снял свою войлочную шляпу и радушно приветствовал:

- Добрый день!

- Добрый день. Скажи, дружок, не пришел ли сегодня в Таверно обоз мулов?

- Нет, не приходил.

И, увидав, как на лицо Суворова сразу же легла тень, прибавил:

- Но раз вы ждете их, значит, они придут,- дорога тяжела. Милости прошу ко мне, в мой дом. Под дождем плохо ждать!

И старик широким жестом указал на двухэтажный дом, который весело глядел на всех своими пристрочками и цветами в окнах.

Стены дома были оштукатурены. На фронтоне виднелась четкая надпись:

АНТОНИО ГАММА

II

Австрийцы опять подло обманули Суворова: 4 сентября прошло, а о мулах не было и помину. Ломался весь суворовский план. Приходилось волей-неволей ждать в Таверно, задерживаться тогда, когда дорога каждая. минута: войска Римского-Корсакова подвергались страшной угрозе уничтожения.

Суворов возмущался, негодовал:

- Гофкригсрат-черту брат!

Он послал гонца к Меласу, обо всем донес в Петербург императору, написал Ростопчину:

Нет лошаков, нет лошадей, но есть Тугут, и горы, и пропасти.

И тотчас же стал искать какой-нибудь выход из положения.

Решил спешить часть казаков, а их лошадей использовать для перевозки вьюков: все равно казакам в Швейцарии в конном строю работы мало. Думал взять 2500 коней, а для вьюков раздобыть где-либо 5000 мешков. Разослал казаков искать по окрестностям мешки.

Наутро пришла первая партия мулов в 650 штук, навьюченных овсом.

К удивлению всех, австрийцы подрядили погонщиков только до Белинцона, которая лежит всего в восемнадцати верстах от Таверно. Пришлось уговаривать погонщиков, чтобы они согласились следовать дальше. В этих переговорах сильно помог Антонио Гамма.

Старик Антонио полюбил своего неожиданного, такого высокого и такого простого гостя. Он поместил "графа Сульверо" и его сына в самой лучшей комнате первого этажа, а графского секретаря, толстого Фукса, - наверху. Антонио стеснил свою многочисленную семью - детей и внуков, - лишь бы только лучше принять Сульверо.

От неприятностей Суворов почти не спал. Антонио, которому было семьдесят лет, тоже не спалось. Александр Васильевич, услышав, что хозяин, помещавшийся в соседней комнате, не спит, позвал его к себе. Старики проговорили до самого утра.

- С нами словечко лишнее боится молвить, а с ним пролопотал цельную

ноченьку, -ревновал Прошка.- Тоже советчика нашел. Старичишка лядащий, возгрёй убьешь!

Александр Васильевич расспрашивал Антонио о горах, о дорогах. Антонио хорошо знал Тессин, Граубинден, бывал у истоков Верхнего Рейна, но кантона Ури не знал. Он советовал Сульверо идти на Сплуген: путь на Сен-Готард весьма тяжел. И какие дороги там дальше, за Сен-Готардом к Альторфу на Швиц, - сказать не мог.

- Там озера, а я не рыболов, а охотник.

- Ничего, найдем проводников. Выйдем! - не терял уверенности Суворов.

Ведь австрийцы столько времени воюют здесь. Они же должны знать Швейцарию. Их офицеры генерального штаба - подполковник Вейротер и другие, которых прикомандировал к Суворову Мелас в качестве знатоков местности, не сомневаются в пути на Швиц.

И, кроме того, Суворов, как всегда, выбрал не самый легкий, а самый быстрый и неожиданный путь. Он крепко надеялся на себя и на своих чудо-богатырей.

Почти не спавший ночь, измученный дорогой и волнениями, Суворов в это утро осунулся и почернел.

Позавтракав, он поехал посмотреть, как расположились в Таверно его витязи. Полки стояли под открытым небом. В домах не хватало места. Были заняты все постройки - сараи, хлевы. Люди посменно приходили в дом обогреться, обсушиться, поспать.

Дождь немного стих, а ветер точно подрядился - дул с гор, резкий, пронизывающий, круглые сутки.

Суворов ехал в одном мундирчике и "родительском" плаще - зимнего у него, как и у всей армии, ничего не было. Солдаты сразу заметили, как изменился их "дивный".

- Что с ним, с отцом нашим, случилось?

- Уж здоров ли?

- Спаси его, господи, и помилуй нас!

- Куда мы без него годны?

- А может, впереди враг сильный, и батюшка Александр Васильевич думает, что мы не справимся?

- Э, впервой нам, что ли!

- Да подавай хоть сотню тысяч синекафтанников - всех успокоим!

- Укладем рядышком!

Но на следующий день, глядь, Суворов снова повеселел. Повеселел и весь русский лагерь. Все тотчас же узнали: из Петербурга прибыл царский гонец, привез большие награды за Итальянский поход.

Павел I прислал рескрипт по случаю взятия Мантуи и за победу при Нови.

За взятие Мантуи Суворову был пожалован титул "князя Итальянского". Генералу Краю, осаждавшему Мантую, Павел I не дал ничего - так досадили ему австрийцы:

Хотя Вы генерал-фельдцейхмейстера Края и рекомендуете, но я ему ничего не дам: потому что Римский император трудно признает услуги и воздает за спасение своих земель учителю и предводителю его войск.

Павел I был прав; император Франц не награждал фельдмаршала Суворова отделялся комплиментами в рескриптах.

За Нови Павел I наградил Суворова еще больше - он отдал приказ:

В благодарность подвигов Князя Итальянского

графа Суворова-Рымникокого гвардии и всем Российским войскам, даже и в присутствии Государя, отдавать ему все воинские почести, подобно отдаваемым особе Его Императорского Величества.

Царь писал Суворову:

Не знаю, что приятнее: Вам ли побеждать или мне награждать за победы.

Ростопчин со своей стороны подбадривал Александра Васильевича:

Презрите действия злобы и зависти, Вы им делами Вашими с молодых лет подвержены.

В этот же день вернулся гонец, посланный к Меласу. Папа-Мелас винился, проливал крокодиловы слезы. Он оправдывался, сваливал вину на интендантского чиновника, обещал

взыскать с него за несвоевременную присылку мулов.

А к вечеру прибыла еще одна партия мулов. Суворов мог теперь спешить наполовину меньше казаков. Работа кипела: готовили вьюки, провиант на неделю, патроны.

Но как ни торопились, а раньше 10 сентября из Таверно выйти не смогли. Пять драгоценных дней пропало ни за что.

Большинство солдат и офицеров впервые видали горы, никогда не воевали среди них. Поэтому Александр Васильевич написал правила ведения горной войны, а накануне выхода из Таверно еще раз объехал войска и говорил с ними:

- Горы велики, есть пропасти, есть водотоки, а мы их перейдем, перелетим! Мы - русские! Бог нас водит - он нам генерал! Лезши на горы, одни - стреляй по головам врага, стреляй редко, да метко! А прочие - шибко лезь в россыпь. Влезли: бей, коли, гони, не давай отдыху. Просящим - пощада: грех напрасно убивать. Кого из нас убьет - царство небесное. Церковь бога молит. Останемся живы - нам честь, нам слава, слава, слава!

- Веди нас, отец наш! Рады стараться. Веди! Идем! Ура! - отдавалось в горах.

10 сентября ранним утром выступали.

Суворов прощался с гостеприимными хозяевами. Его окружили многочисленные внуки, дети Антонио Гаммы.

Жена Антонио, высокая дородная старуха, протянула графу подарок шерстяные носки, которые она связала сама: Сульверо пускался через Альпы в нитяных носках и ботфортах.

Александр Васильевич благодарил, но отказался, как выразительно ни смотрел на него Прошка. Сказал, что ни разу в жизни не носил шерстяных носков.

- Солдату не пристало греться!

Тогда кто-то из семьи предложил заменить холодную каску шляпой войлочной, широкополой.

Этот подарок Александр Васильевич принял охотно.

Австрийскую каску сунул Прохору, а шляпу тут же надел. Он обнял на прощанье старика Антонио:

- Добрые вы люди! Жалко расставаться! Друг Антонио, едем с нами!

Антонио остоленел. Мгновение он стоял, хлопая глазами. Потом улыбка осветила его морщинистое лицо. Он вспыхнул, как молодой. Суворов подсказал то, о чем он все время думал сам, но не смел сказать.

Жена с тревогой глянула на мужа.

- Едем! - решительно ответил Антонио и кинулся в комнаты.

Суворов не верил своим глазам. Он сказал, не думая о последствиях. И ему уже было досадно, что он сказал. Александр Васильевич стоял смущенный.

В доме произошел переполох. Жена, взрослые дети обступили Антонио, убеждали, умоляли его не ехать.

- В такое позднее время года ехать через горы...

- И не на ярмарку, а на войну...

- Помешался человек!

- Что с него толку? Какой он проводник? Он уже видит плохо!

- Замолчите! - грозно повернулся Антонио Гамма.

Он был непреклонен. Он взял свой альпеншток, попрощался с плачущей женой, удивленными детьми и внуками и решительно пошел из дома.

- Надо это человека с места трогать? Добро бы молоденький, а то... Что, своих-то стариков у нас мало? - осуждал барина Прошка.

- Такой старик лучше молодого, - ответил Ванюшка, подводя Гамме запасного казачьего коня.

Антонио Гамма гордо ехал рядом с Суворовым.

III

Где только ветры могут дуть,

Проступят там полки орлины.

Ломоносов

Если до Белинцоны было еще некоторое подобие дороги, то дальше сразу въехали на узкую извилистую тропочку.

Горы, немного раздвинувшиеся у Белинцоны, опять подошли вплотную. Сдавили со всех сторон, как-то совсем прижали к земле. Их хребет терялся где-то в сером небе.

Вдалеке, уже яснее, чем прежде, белел на вершинах снег. С каждым шагом зелени становилось меньше. Все чаще высовывались обнаженные ребра скал.

Тропинка вилась вдоль реки Тичино, перепрыгивая с одного берега на другой.

Вся долина была загромождена камнями - следами недавнего обвала.

Дорога была трудна.

Суворов ехал позади своей маленькой двуколки - единственной колесной повозки во всем обозе. В ней сидели Фукс и Прошка. Двуколка едва тащилась скособочившись. С трудом пробиралась через наваленные камни. Ее кидало из стороны в сторону.

Господин статский советник Фукс не вынес тряски - полез вон. Пересел на коня.

Суворов невольно улыбнулся:

- Это ему не по миланским улицам. Растрясет свой живот. И поделом!

А Прошка, держась за борт двуколки руками, недовольно глядел вверх, на высоченные горы. Сокрушался:

- Господи, и куды нас занесло!

Ванюшка, шедший у самого суворовского стремени, сказал, указывая на Фукса:

- Идти-то лучше: грешься!

В самом деле, ехать было холодно. Резкий ветер откуда-то с гор пробирал насквозь, дождь хлестал то так, то эдак.

- Погодка. Добрый хозяин собаку на двор не выгонит, - пожимался Суворов.

Антонио Гамма догадывался, о чем речь. Смущенно поглядывал, точно он отвечал за непогоду. Оправдывался:

- В сентябре у нас еще тепло. А в этом году... Такая осень... Не запомнит никто...

Вдали, внизу показалась деревня. В ней был назначен ночлег. До Айроло, где уже стояли французы, оставалось десять верст.

...С 12 на 13 сентября всю ночь шел дождь, неистовствовала буря.

Большая часть войск опять ночевала под открытым небом - в домах, в хлебах, в сараях не хватало мест. Деревьев, кустарников было мало. Люди жались к неудобным скалам, стараясь укрыться в какой-либо расщелине. Мокли, зябли в одних мундирчиках, мучились.

Суворов ночевал в доме, одной стеной в котором служила отвесная скала, - к ней прилепился дом. В доме было сыро.

Аркадий, Фукс, офицеры штаба, Прошка, Ванюшка лежали вповалку в углу. Утомленные переходом, они давно спали. Аркаша переносил все лишения молодцом - Александр Васильевич с удовольствием видел это.

Суворов сидел с Антонио Гаммой у очага. Ветер стучал по крыше камнями, выл в трубе, за дверью кашляли, гомонили солдаты и офицеры: все было забито людьми. Александр Васильевич говорил с Антонио о Сен-Готарде, который русские войска собирались завтра атаковать.

Со стороны Италии Сен-Готард был неприступен; К нему вела узкая, едва проходимая для вьюков тропинка.

Суворов за Белинцоной послал корпус генерала Розенберга направо в долину Тавечь, в обход Сен-Готарда.

Антонио Гамма говорил, что от Айроло восхождение на Сен-Готард очень опасно в бурю. Путники, и те часто гибнут от утомления и холода, а тут еще французы, у которых такая надежная позиция.

Прислушивались оба - не стихает ли ветер. Около полуночи ветер стих. Старики улеглись.

К утру перестал и дождь. Было сыро и пасмурно. Над долиной нависли густые, темные

облака - они лепились к вершинам гранитных гор.

Невыспавшиеся, измученные люди ежились, согревались у костров. Хотелось поскорее двинуться с места, чтобы отогреться на ходу. Хотелось поскорее в дело.

Букли, косы-давным-давно от дождя растрепались.

Александр Васильевич велел: кос не заплетать, буклей не накладывать не за этим ходить!

Выступили тремя колоннами - Багратион и генерал Барановский обходили с флангов, Суворов - в центре.

IV

Был четвертый час пополудни. Короткий осенний день угасал. В долине уже темнело. А французы всё еще занимали неприступные вершины Сен-Готарда.

Суворовским чудо-богатырям впервые пришлось вести войну в горах.

С неимоверными усилиями карабкались они со скалы на скалу. Уцепиться было не за что - ни деревца, ни кустика, только кое-где мох. Порядком поизношенные башмаки скользили по сырым камням, не держали человека. Люди выбивались из сил, чтобы кое-как продвинуться вперед, чтобы удержаться, не загреметь вниз. Приспосабливались, упирались, где можно, штыками, помогали друг другу.

А французы, невидимые, надежно укрытые камнями и скалами, били на выбор. Много ратников осталось лежать на месте, многие, сраженные, падали с кручи вниз, многие кое-как, с трудом тащились ранеными назад к Айроло.

Продвигались вперед крайне медленно. Еще никогда русскому солдату не приходилось сражаться в таких условиях. Враг был и без того почти невидим, а тут еще откуда-то наползало и скрывало все густое, сырое облако. Застилая глаза, тучами плавал пороховой дым: он не позволял разобрать, свой или чужой шевелится за камнем...

Высоты громоздились одна за другой выше и выше, и, кажется, не было им конца. А неприветливый, хмурый Сен-Готард все так же возвышался надо всем.

Суворов со штабом стоял на высоте. Смотрел в трубу. Смотрел туда, где должен был по крутизне, по непролазным ущельям и скалам появиться у французов с левого крыла Багратион.

Князю Петру горы не в диковину. Он и без карт, без тропинок - на глаз проведет своих. Багратион - ловок, находчив, отважен. Багратион - горяч. На него у Александра Васильевича крепкая надежда.

Но почему до сих пор Багратиона еще нет?

Забут холод, ветер. Забыто все. Щеки горят. Познабливает, но не от стужи, а от волнения.

Суворов смотрит в трубу. Видит, как легко, умело, привычно перепрыгивают со скалы на скалу синие мундиры.

- Ну, да и мои постигнут, помилуй бог! Первый бой в горах...

Смотрел в трубу, а смотреть вроде не на что. Смотрел так, чтобы можно было спокойно обдумать, чтобы не мешали, не лезли с никчемными своими советами австрийцы, офицеры генерального штаба. Буквезд, "проектный унтеркунфт" подполковник Вейротер и другие. Они ведь знатоки горной войны.

Что же делать?

Французы уже дважды отбивали с вершин Сен-Готарда настойчивые атаки русских.

От Розенберга сведений нет и не может быть: с ним связи никакой и не предполагалось.

И так не бог весть какие большие силы Суворова раздроблены: у Розенберга одна треть, часть пошла с Багратионом, часть с Барановским.

Сегодняшняя атака Сен-Готарда - первое сражение в горах.

Если не взять Сен-Готард в ближайший час, тотчас же, значит, спасовать перед горами.

В степях, лесах, болотах - побеждали врагов, а тут что же?

И ведь впереди все такие же горы.

Если сейчас не пробиться к Сен-Готарду, кто знает, что будет с Розенбергом: ведь тогда

Розенберг выйдет в долину Тавечь один.

А Римский-Корсаков тоже ждет не дожидается помощи от Суворова.

Тяжело смотреть, как убывают его чудо-богатыри, но делать нечего...

Еще раз в атаку!

Русские с фронта в третий раз полезли на эти проклятые дикие скалы.

Люди были измотаны, утомлены и боем и подъемом.

Особенно тяжело было подыматься старикам.

Гора казалась бесконечной. Вершину ее то совершенно скрывал из глаз густой туман, то она опять вставала впереди еще величественнее, еще неприступнее.

И тут сверху, с этих теряющихся в облаках скал далеким эхом разнеслось свое родное "ура". Багратион одолел все, как горный орел, появился с фланга на снежных вершинах.

Перестрелка разом смолкла. Наконец русские дорвались до своего испытанного товарища - штыка...

Французы бежали. Первая победа в горах была одержана.

V

На Сен-Готардском перевале Суворов встретил в полном облачении 70-летний настоятель монастыря капуцинов. Увидев рядом с русским полководцем Антонио Гамму, приор обратился к нему:

- Сын мой, передай северному вождю, что я приглашаю его и приближенных в трапезную.

Каково же было изумление приора, когда этот северный вождь ответил сам на чистом немецком языке:

- Я и мои дети томимся от голода, но раньше, святой отец, веди нас в храм. Воспоем хвалу спасшему нас, а потом уже - за трапезу!

И, слезши с коня, пошел в монастырский храм.

Полки расположились вокруг монастыря.

Спуск с Сен-Готарда к деревне Госпиталь был не весьма удобен для защиты. Отступавшим французам не за что было зацепиться - их сбили за деревню Госпиталь.

Дальше идти было нельзя: люди падали, больше не хватало сил.

И ночь уже спустилась на горы. На скалах гор весело запылала бивачные костры.

А в церкви монастыря шло богослужение. Офицеры и солдаты, сменяясь по ротам, входили в церковь. Прикладывались к распятию.

После богослужения приор угостил Суворова и его приближенных Аркадия, Багратиона, генералов - обедом. Обед пришелся по вкусу Александру Васильевичу - картофель, горох, рыба. Суворов оживился и много говорил с приором на разных языках - немецком, французском, итальянском. Приор поражался учености северного полководца. Он рассказал, что, по летописи монастыря, первым русским, посетившим Сен-Готард, был Василий Лихачев, ездивший в 1659 году послом во Флоренцию.

Засиживаться Суворову было некогда. Пообедав, Александр Васильевич поехал вниз, в деревню Госпиталь, в которой он назначил свою главную квартиру. За Госпиталем начиналась Урзернская долина. К ней, к деревне Андермат, должен был к завтраму выйти из Тавечи со своим корпусом генерал Розенберг: Суворов послал его из Белинцоны в обход Урзерна с востока.

Александр Васильевич спускался вниз к деревне Госпиталь. В темноте ночи раздавался неумолкаемый звон колокольчиков - это снизу к Сен-Готарду непрерывной вереницей тащился обоз мулов.

VI

Апшеронцы с егерями Кашкина и сотней казаков Поздеева шли в авангарде, вслед за батальоном Мансурова.

Как было условлено, корпус Розенберга соединился с главными силами Суворова на рассвете 14 сентября в Урзернской долине. Французы отступили к Чертову мосту.

Немного прояснилось, выглянуло солнышко, и все оживилось.

Да и широкая Урзернская долина, по которой проходили, была все-таки немного веселее, чем вчерашние пропасти и скалы.

- Вот здесь, на худой конец, жить еще можно, - сказал, оглядываясь кругом, Башилов. - Пастбища-то ничего.

- Нашел местечко: ни деревца, ни кустика, - не согласился с товарищем Зыбин. - И хоть бы птичка одна. Хоть бы самая что ни на есть ворона. А без птицы какая жизнь?

- Птица должна быть!

- Вон суслики свистят вместо птиц, - усмехнулся Огнев.

- Поживешь! Тут, говорят, зима - восемь месяцев. Вишь, снег лежит.

- Нет, лучше нашей Расеи не найти!

Издали послышался глухой, неясный шум. С каждым шагом он становился грознее.

- Что это гуде? - спросил молодой белокрытый солдат.

- Не слышишь - вода. Мельница, должно, на реке.

Видишь, и свежей стало, - объяснял любивший поучать унтер-офицер Воронов.

И верно: стало прохладнее.

Горы опять подошли поближе. Еще несколько десятков саженей, и они с двух сторон крепко сжали тихую реку.

Долина со своими лугами, деревня Андермат с колокольной старой кирки, с жильем и теплом остались где-то позади. Впереди опять мрачнело темное ущелье, где шумела, билась в гранитных берегах Рейсса.

Из ущелья тянул резкий сквознячок. Сразу стало холоднее и телу и душе. Люди съежились, замолкли.

А грохот все нарастал.

И вдруг колонна стала: дорогу преградила громадная гора. Она отвесными утесами врезывалась в самое русло реки, стояла, как могучая стена.

- Это что: дороги нет?

- Дорога пропала!

- На горы опять лезть, будь они...

- Нет, пошли. Там нора в горе.

- В этой норе-то и встретят...

Лишь только передние мансуровские мушкеры сунулись в Урзерн-лох, как, заглушая грохот воды, ударила пушка. И застрекотали пули. Эхо удесятило выстрелы. Гром пошел по горам. Мансуровцы отпрянули. Из дыры назад никто не вышел - передних смельчаков уложили неприятельские пули и ядра.

- Стой! Стой! - закричали несколько голосов. Командир апшеронцев генерал Милорадович, придерживая шляпу, побежал вперед к полковнику мансуровцев Трубникову. А через секунду сзади, по цепи мушкеров, понеслось:

- Дорогу фельдмаршалу!

- Сторонись влево!

- Дорогу батюшке Александру Васильевичу!

И сам "дивный", в плаще и войлочной швейцарской шляпе, быстро пробежал вперед. Он был озабочен, но полон решимости.

За ним бежали Багратион и курносый великий князь Константин Павлович. Длинный Розенберг и толстенький Дерфельден поотстали от молодых.

- Он порядок наведет!

- Пройдем! Сейчас пойдем!

- Вот это и есть Чертов мост?

- Какой же это мост, когда - нора?

- Мост, верно, дальше...

Апшеронцам не было слышно, что говорит Александр Васильевич, но скоро поняли все: приказано обходить. За эти первые дни войны в Швейцарии все уже знали, что в горах брать в лоб - не могли.

От мансуровцев отделилось триста мушкатеров. Их вел полковник Трубников, сорокалетний поджарый человек с измайльским крестом на груди. Мансуровцы побежали куда-то вправо, в горы.

Двести егерей Кашкина с молодым майором Тревогиным пошли влево.

- Егеря пойдут вброд через реку, - сказал майор Лосев, подходя к своим. - Привязывай покрепче штыки, ребята! Будет дело!

Пока обходили французов, все остальные ждали.

Остатки мансуровского батальона и егеря Кашкина стояли наготове.

Апшеронцы топали, сморкались, переговаривались.

- Наш Михаило тоже горяч, ровно Суворов: не вытерпит, ему все надо первому в дело! - сказал Огнев о Милорадовиче, которого апшеронцы очень любили.

- А вчера как было! - оглянулся на товарищей Зыбин, точно, кроме него, никто не видал и не знает того, о чем он рассказывает. - Подбежали мы к спуску. Гора - вниз глянуть страшно. Все так на краю и стали, ни с места. А он как крикнет: "Смотрите, ребята, как вашего генерала в полон возьмут!" - и вниз. Так меня за ним точно ветром сдуло!

- Храбр наш Михаило Андреич! Суворовской выучки!

- Что и говорить - летели вчера важно!

- Тут на родимых салазках - одна спасень...

Переговаривались, а сами нетерпеливо поглядывали на горы: скоро ли обойдут?

И вот сверху раздались выстрелы. Гора задымилась - Трубников обошел.

Французы отвечали ружейным огнем. Пушка молчала.

И тотчас же мансуровцы кинулись опять в эту страшную, темную дыру. Охотники быстро вытащили оттуда своих раненых и убитых. По ним никто из дыры уже не палил. Остальные кинулись вперед.

За горой перестрелка разгоралась.

Суворов с генералами стоял у самого входа в Урзерн-лох.

Мансуровцы и кашкинцы один за другим исчезали в дыре. Настал черед апшеронцев.

Лосев бежал первым: командир полка генерал Милорадович остался возле Суворова.

- По одному! Штыки вверх! - предупреждал Милорадович. - Молодцами, ребята! С богом! - кричал Суворов.

Лосев сунулся в дыру, как в могилу. В ней было темным-темно.

В правой руке Лосев держал шпагу, а левую невольно протянул вперед. Рука сразу же уперлась в сырую стену: дыра оказалась очень тесной, едва мог пройти человек.

"Точно в преисподнюю лезем", - мелькнуло в голове.

Впереди - ни проблеска света, темно - хоть глаз выколи. Только где-то недалеко слышался топот егерских ног. А сзади дышал в затылок Лосеву его адъютант.

Лосев старался, как мог, прибавить шагу, но шаг получался куцей, ноги двигались осторожно, боясь оступиться, упасть в этой дьявольской темноте. Левая рука, вытянутая вперед, то и дело натякалась на выступы. Местами камни были мокрые, до противности склизкие. Было холодно и сыро, как в склепе.

Понемногу привыкнув к темноте, Лосев попытался бежать. Пробежав шагов с полсотни, он увидел впереди себя свет - чертова дыра кончалась. В узенькой рамке выхода мелькали согнутые спины егерей. Выбегая на свет, они перепрыгивали через что-то.

Когда Лосев добежал до выхода, он увидел, что прыгали через убитого французского артиллериста, распластанного на дороге. Несколько трупов в синих французских мундирах валялись на небольшой площадке у опрокинутого зарядного ящика. Пушка, стрелявшая по мансуровцам, очевидно, была сброшена в реку.

В этом мрачном ущелье, где вверху едва голубела крохотная полоска неба, Лосева сразу же оглушил невероятный шум. Река Рейсса, которая в Урзернской долине течет так тихо и спокойно, здесь стала неузнаваемой. Сжатая узким высоченным коридором отвесных скал, она с диким ревом стремительно падала вниз с высоты десятков сажен. На своем пути река встречала груды камней горных обвалов. Падая с головокружительной высоты, Рейсса

разбивалась на камнях в мелкие брызги. На мрачном фоне черных, угрюмых скал, уходящих вершинами в самое небо, ослепительно белела пена. Она целыми облаками высоко подымалась вверх. Дорога, прибрежные скалы - все орошалось этой водяной пылью.

Егеря бежали по узенькой каменной тропинке, которая, точно карниз, лепилась кругом горы и исчезала за углом. Оттуда теперь раздавались выстрелы. Лосев побежал вслед за егерями, перепрыгивая через трупы французов, валявшиеся на тропинке. Он с любопытством и невольным страхом глядел налево, где в бездонной пропасти, далеко внизу клочкотала, ревела Рейсса.

Лицо и мундир Лосева сразу стали влажными от водяной пыли.

Местами берега Рейссы шли на одном уровне с тропинкой, а потом вдруг опять срывались куда-то вниз.

Обогнув гору, Лосев сразу увидел Чертов мост. Тропинка круто спускалась к нему. В одном месте две скалы, сжимая с двух берегов Рейссу, так близко подбежали друг к другу, что люди смогли соединить их двумя каменными арками. Большая из них соединяла правый берег с выдающейся скалой левого. Меньшая арка была перекинута со скалы левого берега на дорогу.

Узкий, только пройти выюку, без перил мост висел на страшной, десятисаженной высоте. Внизу, весь в пене, как бешеный конь, мчался с камня на камень неистовый поток.

Отступавшие французы залегли за камнями на левом берегу и обстреливали правый. Отходя поспешно, они не успели повредить большую арку и только теперь, под огнем русских, старались разломать малую, чтобы не дать возможности суворовским войскам перейти на левый берег Рейссы. Но окончательно разломать мост не удалось - егеря Тревогина уже взобрались на горы левого берега и стали спускаться вниз, обходя Чертов мост. Французы, боясь быть отрезанными, бросились в горы. И все-таки пролом оказался так широк, что пройти по мосту стало невозможно.

- Бревен надо!

- Без бревна не перейти! - заговорили все солдаты и офицеры. Сказать было легко, но где сыскать в этой поистине чертовой дыре бревно?

- У самой пещеры сарайчик стоит. Разобрать его! - смекнул кто-то.

- Передай по цепи: ломать сарай! Бревна для моста нужны! - приказал Лосев своим мушкетерам.

Апшеронцы еще тянулись от моста до самой долины, проходя гуськом через Урзерн-лох.

Минуты ожидания казались всем часами. Наконец по цепи, по мушкетерским рукам, пошло одно, второе, третье бревно.

Когда первое из них дошло до унтер-офицера Огнева, он, не выпуская бревна из рук, обратился к стоявшему тут же командиру батальона майору Лосеву:

- Дозвольте, ваше высокоблагородие, я сделаю!

- С богом, Илья Николаевич! - согласился Лосев.

Он знал, что старый унтер-офицер - мастер на все руки.

- Давай-ка мне свое ружье!

Огнев передал майору ружье, перекрестился и смело пошел по Чертову мосту.

Брызги водопада и пули французских стрелков, засевших наверху, в скалах левого берега Рейссы, летели выше моста, падали на мост. Огнев тащил бревно, не обращая внимания ни на что. Его беспокоило одно: много ли успели проломать французы, велик ли пролом?

Дойдя до меньшей, разломанной арки, он лег и глянул. Сразу отлегло от сердца: конечно, бревно вдвое длиннее пролома. Его без особого труда можно передвинуть с одной стороны на другую.

Так Огнев и сделал.

Теперь только бы еще одно-два бревна, и ступай смело!

Он оглянулся. Какой-то молодой кашкинский егерь волок второе бревно.

- Давай сюда! - принял у него Огнев.

Сзади передавали еще одно.

Огнев положил рядышком через пролом три бревна.

"Теперь чем-либо перевязать бы!"

- Веревку! Связать бревна!

Егерь кинулся со всех ног к своим.

На правом берегу ждали не дождалось, когда Огнев укрепит бревна.

Сам Суворов и генералы были уже здесь.

Впереди у моста стоял вместе с Лосевым князь Мещерский. Их окружали охотники - мушкетеры, егеря, казаки, вызвавшиеся перебежать первыми по бревнышкам на ту сторону, чтобы сбить с гор французов, мешавших чинить мост.

Сметливый Мещерский думал недолго: он рванул с себя свой длинный офицерский шарф;

- Возьми! Вяжи!

- Погоди, на мой! - передал ему и Лосев. К егерю сразу протянулось несколько офицерских рук с шарфами.

- Довольно, ваше благородие, хватит!

Схватив поданные ему шарфы, егерь побежал к Огневу.

Вместе с Огневым они крепко-накрепко связали одним шарфом концы бревен.

- Навались, держи! - приказал Огнев.

А сам, сунув за пазуху остальные шарфы, пополз по бревнам, обнимая их руками и ногами.

На середине он неторопливо перевязал бревна еще раз. Потом благополучно дополз до каменной кладки левого берега и тут так же крепко связал концы бревен. Встал и перебежал на левый берег под скалу, укрываясь от французских пуль, которые все время били сверху.

Дело было сделано.

Огнев достал кисет с табаком и стал закуривать трубку. Руки его дрожали.

Первым рванулся на мост князь Мещерский. За ним бежал какой-то казак, дальше майор Лосев с огневским ружьем.

Огнев смотрел, не переводя дыхания: как-то перебегут?

Князь Мещерский, молодой и сноровистый, ловко перебежал по шаткому помосту.

"Должно, охотник. Хорошо!" - одобрительно подумал Огнев.

Казак не рассчитал - побежал слишком близко за князем Мещерским. Он был на середине бревен, когда Мещерский прыгнул с бревен на каменную кладку. Бревна зашатались, казак поскользнулся, не удержал равновесия и упал вниз, в кипучую бездну потока.

Огнев только на мгновение увидел его раскрытый в ужасе рот. Крика за грохотом воды не было слышно.

Каждую минуту всякий мог ждать смерти от вражеской пули, со смертью давно сжились, но эта нелепая гибель казака ошеломила всех.

- Не спешить! По одному! - крикнул в раздражении Суворов, смотревший на переправу.

Майор Лосев, бежавший за казак, сначала осекся на месте.

Огнев даже поежился.

- Только б вниз не глядел!

Но майор решительно пошел по бревнам. Ружье Огнева помогало ему удерживать равновесие.

Князь Мещерский, подбежавший к Огневу, смотрел напряженно.

- Так, так! Молодец! - вырвалось у него, когда Лосев ступил на левый берег.

За ними, один за другим, перебежали мушкетеры, егеря, казаки. Из полсотни охотников не сорвался больше никто.

На правом берегу уже возвышалась целая куча бревен, досок, хворосту. Солдаты собирались по-настоящему чинить мост, а охотники в это время теснили французов все

дальше: мушкеры Трубникова и егеря Тревогина уже вышли в тыл неприятелю.

VII

На следующий день русские войска, отбрасывая французов, заняли Альторф. Наконец из мрачных, зловещих ущелий вышли на простор. Горы раздвинулись снова. Пересеченная холмами, расстилалась долина.

Здесь все приобрело иной вид: предгорья зеленели, бурная река сделалась совершенно кроткой. Стало больше красок, больше света и тепла. Запестрели пашни и луга. Глянули домики и сады.

- Сохой запахло, - радовались солдаты.

Но сытнее не стало. Вьюки с продовольствием еще тянулись где-то застряли в Чертовом ущелье, а в сухарных мешках у солдат и офицеров остались только хлебные крошки.

К счастью, в Альторфе захватили у французов провиантский оклад. Каждому солдату выдали по несколько сухарей и по три пригоршни муки.

Солдаты радовались селению, радовались тому, что могут сварить горяченького супцу. Радовались и не знали, что им угрожает страшная опасность.

Только в Альторфе Суворов обнаружил, что дороги на север по Люцернскому озеру нет никакой: дикий, обнаженный хребет Росшток падает в озеро отвесными скалами. У Люцернского озера дорога кончается вообще.

Русская армия очутилась в тупике.

"Унтеркунфтцики" - австрийцы, которые, казалось бы, должны были знать Швейцарию, не знали ничего. Они снова обманули, подвели Суворова. Но на этот раз подвели так, что малочисленная русская армия была поставлена в безвыходное положение. Ей угрожала катастрофа. Катастрофа угрожала и русскому корпусу Римского-Корсакова, если Суворов не успеет соединиться с ним в Швице.

Швиц, где Суворов назначил место для соединения, был недалеко - от Альторфа до Швица 16 верст, но недалеко лишь на карте. Попастъ же в него из Альторфа было невозможно, - так в один голос говорили все проводники.

О Римском-Корсакове Суворов не имел никаких известий, провианта у Суворова не было - он рассчитывал получить его в Швице, - люди изнурены семидневным походом и боями, обувь изорвана, лошади подбились. И тут это невероятное открытие. Больной, измученный тяжелым походом 70-летний фельдмаршал мужественно выдержал удар. Как всегда в минуту опасности, он сохранил веру в себя, в своих чудо-богатырей. Он твердо решил: какими угодно путями дойти до Швица.

- Не дам своих костей врагам. Умру здесь, и пусть на могиле моей будет надпись: Суворов - жертва измены, а не трусости! - возбужденно говорил он, вышагивая по комнате.

Суворов собрал альторфских стариков охотников и пастухов, чтобы у них разузнать о дороге. Он сидел у стола перед разостланной картой, а швейцарцы, вместе с Антонио Гаммой, стояли перед ним. Они слабо разбирались в карте, но зато прекрасно знали все тропочки.

По их словам, в Муттенскую долину через высокий снеговой хребет Росшток можно попасть только двумя тропинками. О них не знал ни один генеральный штаб, а если бы и знал, то, конечно, не принял бы их в расчет. Эти тропы в позднее время года были доступны одним смелым охотникам за сернами.

Тем, кто с малых лет привык карабкаться по утесам и пустынным ледникам.

Суворова это не смутило. Он остановил свой выбор, как всегда, на самом коротком пути к цели, хотя и на более трудном: на одной из этих немислимых тропинок. Охотники и пастухи отговаривали.

- Значит, тут пройти войскам невозможно? - в последний раз спросил их Суворов.

- Нет!

- Солдат не пройдет?

- Тут пройдет лишь олень! - в один голос говорили альторфские знатоки местности.

Суворов сверкнул глазами.

- Где пройдет олень, там пройдет и русский солдат! - ударил он по столу сухоньким кулачком.

Не дав войскам ни одного дня отдыха в Альторфе, не дождав выюков, Суворов повел своих чудо-богатырей на такие страшные стремнины, по которым никогда не шла ни одна армия в мире.

VIII

Гром, раздававшийся над нашими головами и гремевший внизу, под нашими ногами, был вестником нашей славы, нашего самоотвержения.

Багратион

Альторф еще крепко спал, когда русские полки поднялись в немыслимый поход через Росшток. На месте оставался один корпус генерала Розенберга. Он должен был держаться в Альторфе до тех пор, пока пройдут все отставшие выюки.

Моросил дождик. Стояла темень. Дороги не различить. Да и видеть-то было нечего: была не дорога, а узенькая козья тропочка.

Солдаты и офицеры, не зная предстоящих трудностей, тронулись в путь бодро.

- Идти-то через горы всего-навсего шестнадцать верст. До обеда управимся.

Сначала шли по четыре в ряд, потом, сразу же за Альторфом, перестроились по два, а через полчаса уже тянулись гуськом.

С каждым шагом тропинка становилась все уже и круче.

Шли по скользкой вязкой глине. Ноги разъезжались - того и гляди полетишь. А лететь-то было небезопасно: сбоку чернела пропасть.

Думалось: рассветет - станет легче. Но и рассвет не принес облегчения. Дорога была все так же трудна. Подъем на Росшток оказался тяжелее, чем на Сен-Готард.

- Эти горы почище первых, - говорили солдаты. Глина кончилась. Пошли голые камешки. Камешки были мелкие, но острые. Они резали ноги и предательски осыпались при каждом шаге. На них люди чувствовали себя еще неуверенней и ненадежней, чем на глине. Каждый неверный шаг грозил гибелью. Не шли, а ползли. Местами дорога на камнях вовсе пропадала, шли наугад.

Дождь перестал, но зато стали напоздать тучи. Сырой туман заволакивал все: в двух шагах ничего не видно. От этой влаги мундиры промокли не хуже, чем от дождя. И на ходу не согреешься - едва волочили ноги. Когда же все закрывала туча, лезли ощупью, на авось.

Часто попадались горные ручьи, через которые приходилось брести по колено в ледяной воде. Ничего не поделаешь - брели.

Взбирались на уступы, как по лестнице, по ступенькам, с трудом умещая ногу на выступе.

От многочасового напряжения дрожали, болели ноги.

Люди выбивались из сил.

Еще хуже, чем людям, доставалось выючным животным. Мулы, привыкшие к горным тропкам, брали подъем с разбегу: один, другой прыжок - и отдых.

Казачьи же степные лошади не были приспособлены к горам и, кроме того, подбились, подковы поотрывались, копыта обломались. Они никак не могли взобраться - скользили, спотыкались, падали. Казакам, сопровождавшим выюки, надо было следить не только за своим шагом, но и за каждым шагом коня. Где прозевали, не доглядели, там лошадь со всем добром летела вниз, в пропасть.

То тут, то там раздавался всполошный крик. С грохотом сыпались вниз камни, люди в ужасе оборачивались, но все было кончено: одной выючной лошадейю стало меньше, и меньше запасы сухарей или патронов.

Уже шли, перемогаясь, проклиная все на свете, шесть часов. Близился полдень, а не

только не прошли шестнадцати верст, но даже не добрались до вершины хребта.

На Росштоке оказалось снега больше, нежели на Сен-Готарде. Тут, на высоте, лежал рыхлый снег. Внизу ноги вязли в глине, а здесь - в снегу.

Сильнее пробирал холодный ветер. Коченели руки, застывали ноги. Зуб не попадал на зуб.

Тучи теперь ходили где-то под ногами. Слышался рокот грома. Эхо зловеще катило его по ущельям. Голубоватые вспышки молний сверкали внизу.

- Свят, свят, свят! - крестились солдаты.

- Ишь, как мы - выше облака ходячего идем!

1-е капральство 1-й роты апшеронцев только взобралось на небольшую площадку. Остановились на минутку перевести дух, тем более что впереди на тропинке легла и не хотела подыматься лошадь, везшая горную пушку. Внизу слева блестела полоса Люцернского озера. Солдаты стояли, посиневшие от холода, в мокрых мундирах. Повесили носы, ругались:

- Нелегкая занесла!

- Куда ворон костей не заносил!

- Старик наш выжил из ума. Бог весть куда завел!

- Тише, ребята! - замахал майор Лосев: он увидел, что к ним снизу незаметно подошел сам фельдмаршал.

Суворов все время был на виду у солдат: он или ехал верхом, или шел, как все, пешком.

Впереди него, ощупывая альпенштоком дорогу, предупреждая каждый шаг Суворова, шел коренастый старик Антонио Гамма. Сзади за Суворовым, готовый в любую минуту поддержать барина, помочь ему, шел ловкий казак Ванюшка. За Ванюшкой - Аркадий Суворов и двое рыхлых, разбитых в походе, охающих и стонущих: статский советник Фукс и главный камердинер Прошка.

Суворов слышал, что о нем говорили его витязи. Он и сам видел, куда завел их. Ему самому было трудно, тяжело, но показать виду - нельзя.

Он улыбнулся и весело сказал, обращаясь к Лосеву:

- Помилуй бог, как они меня хвалят!

И, взглянув на осунувшиеся, усталые лица своих чудо-богатырей, Суворов вдруг затянул любимую песенку:

Что девушке сделалось,

Что красной доспелось?..

Он так задорно, ухарски спел это, что все, даже угрюмый, вечно насупленный Воронов, расхохотались.

- Не слушайте, батюшка, это молодежь. Неженки...

- Нет, ваше сиятельство, это старики раскудахтались...

- Ничего, ребяташки, так меня и в Туретчине бывало похваливали.

- Дойдем!

- Одолеем!

- Я ж говорил: русский солдат пройдет и там, где не пройдет олень!

К ночи все окончательно выбились из сил. Где кто стоял, там и повалились, - прилегли, присели. Устраивались как могли на отдых, на ночь.

Одежда была мокрехонька, обсушиться нечем, топлива нет. В одних мундирах, без зимнего, прикрыться нечем на холодном, пронизывающем ветру.

Сидели, лежали. Дрожали от стужи. У кого остались сухари, грызли. Шарили по карманам, собирали остатки табачку, курили.

Даже кому посчастливилось, кто нашел местечко поукромнее-притулился в какой-либо щели и мог бы подремать, не имел возможности отдохнуть: ледящий ветер пробирал насквозь. Человек просыпался ежесекундно, а дрема, усталость опять валили с ног. Не сон, а мученье.

1-й роте апшеронцев повезло: она разместилась на довольно большой площадке.

Зыбин с несколькими молодыми солдатами увидел в стороне полуразрушенную пастушью избушку. Как ни тяжело было лезть еще куда-то, а все-таки полезли. Разломали избушку, приволокли дровец.

Солдаты и офицеры жались к костру. Сушились, чинили обувь. За сегодняшний день она пришла в полную негодность: на острых камнях изрезалась, в вязкой, разжиженной глине, в горных речках и рыхлом снеге располоскалась. У многих на ногах остались только штилеты. Так получилось у майора Лосева. К ночи подошвы у сапог отстали. Лосев шел босиком. Потом догадался: обкорнал ножом полы своего мундира и этими суконками обернул ноги. Когда стали на отдых, унтер-офицер Воронов сказал:

- Дайте, ваше высокоблагородие, я вам сапоги кожей подобью.
- Откуда у тебя кожа? - удивился майор.
- Убил француза, снял ранец, вот и кожа.

И теперь Лосев сидел на барабане, протянув к огню босые расцарапанные ноги.

Башилов, сидевший у костра по-турецки, поджав ноги, огорченно сказал:

- Эх, подметки изорвались совсем, а починить нечем...
- На том свете тебя и без подметок признают, - пошутил никогда не унывавший Зыбин.

Многие пекли лепешки из муки, полученной в Альторфе. Кое у кого завалилась в мешке картофелина, пекли ее. В водоносных флягах кипятили воду, размачивали в ней сухари.

Огнев пек лепешку.

- Спереть ружья! Осмотреть патроны! Ввернуть новые кремни! - раздался знакомый зычный голос.

И в свете костра показался сам Михайло Андреич Милорадович.

-А у вас знатно, первая рота! Молодцы!-похвалил он, подходя к костру. - Что вы тут жарите?

- Лепешки, ваше сиятельство. Вот извольте отведать, - протянул ему Огнев. Милорадович охотно взял лепешку. Съел.

- Да это вкуснее пирога!
- Извольте еще!
- Нет, благодарствую! Ешь сам! Значит, наши все? Впереди никого?
- Впереди егеря, - ответил Лосев. - А как вы устроились, ваше сиятельство? Дрова есть?
- Я со вторым батальоном. Нас тоже бог миловал - пещеру нашли. И хворост есть.

Отдыхайте, ребята!

И генерал Милорадович ушел назад.

Через несколько минут снизу, из кромешной тьмы, раздался голос:

- Котора рота?
- Первая.
- Ундер-офицер Огнев где?
- Я тут!

К костру подошел денщик Милорадовича Степан.

- Вот возьми. Генерал прислал тебе сырку. Извини, что немного: все, что имел барин, разделил пополам. Больше нетути. Наш вьюк отставши...

- Спасибо. Мне ничего не надо. Умру с голоду, а не возьму! - горячо сказал Огнев.
- Степан, погоди! - крикнул Зыбин, Он нагнулся к своему сухарному мешку, вынул оттуда сухарь.

- На, передай его превосходительству. У меня еще есть.
- И от меня!

- Погоди, братец, и я! - зашумели мушкатеры. Солдаты развязывали свои мешки, совали денщику Милорадовича сухари.

Огнев протянул что-то, завернутое в тряпицу:

- А вот от меня снеси сухого бульону: французский офицер бежал, бросил ранец. Я в ранце нашел. Скипятишь в фляге, наш батюшка Михайло Андреич горяченького поужинает!

- Ребятки, спасибо! Довольно, спасибо! - отвечал растроганный Степан, засовывая сухари во все карманы.

И, нагруженный, он осторожно двинулся назад.

- Гляди, не оступись! - крикнул ему вдогонку майор Лосев. - Посветите ему головней!

IX

Войска Суворова два дня переваливали через Росшток. Авангард Багратиона спустился в Муттенскую долину к вечеру того же дня, а хвост колонны - только к вечеру 17 сентября. Вьюки же тянулись еще два дня.

Спуск оказался более трудным, чем подъем.

От дождя все осклизло. Люди обрывались и стремглав летели вниз "на родимых салазках". Вниз катились оседавшие на крупы, храпевшие от страха кони.

Перед деревней Муттен стоял передовой французский пост. Багратион сбил его. За Муттеном оказался сильный корпус неприятеля.

В Муттене Суворова ждал большой удар, чем в Альторфе. Не успел он разместиться в чистой угловой келье францисканского женского монастыря, как монахини сообщили ему страшную весть - будто бы два дня тому назад у Цюриха Массена разбил русских, стало быть Римского-Корсакова... Об этом уже судачил весь Муттен. Ссылались на торговца сыром Себастьяна Шельберта, который ездил в Вюртемберг и сам в Цюрихе видел все собственными глазами.

Суворов приказал привести торговца.

Он ходил широкими шагами по Комнате, поглядывал в окна, не мог дождаться, когда Шельберт явится.

Наконец торговец предстал-круглый и жирный, как сыр.

Шельберт все подтверждал.

Да, он торгует сырами. Его отец, и дед, и прадед торговали. Только теперь стало плохо торговать: война. Что? Ах, это неинтересно! Да, он ездил в Вюртемберг. Возвращался через Цюрих. В Цюрихе сам слышал, как два дня гремели пушки. Видел, как по улицам вели пленных русских. На них вот такие зеленые мундиры и шапки, обшитые шнурами. В Цюрихе все говорят, что Массена хвастается: мол, через неделю я приведу пленным самого фон Сульверо! Ах, это вы и есть фон Сульверо! Простите, не знал...

Суворов взорвало:

- Какая наглость!

Было прискорбно, не хотелось верить тому, что говорил Себастьян Шельберт. Он не мог слышать это противное "фон Сульверо", всей глупой болтовни этого вонючего, как его сыры, торгаша. Впрочем, не нарочитая ли это болтовня? Не прикидывается ли глупеньким торговец? Ежели он глуп, какой же из него делец? Не подослали ль французы его, чтобы сбить с толку Суворова?

Суворов сказал Шельберту, что не верит его рассказам. Себастьян Шельберт с пеной у рта старался убедить, что все правда.

- Массена разбил русских. Верьте мне!

- Расстрелять его! - гневно приказал Суворов.

Себастьян Шельберт в первую секунду не понял, что с ним хотят делать. Но когда Суворов по-немецки повторил ему, что его расстреляют, чтобы он не болтал лишнего, торговец поднял вой на весь монастырь. На его истошный крик прибежала настоятельница монастыря. Она и Антонио Гамма упростили Суворова отложить исполнение приговора, пока не будет проверено то, что говорит Себастьян Шельберт.

Суворов согласился. Он и сам думал послать кого-нибудь в Швиц.

Суворов отправил своего штабного офицера барона Розена, знающего немецкий и французский языки.

Розена переодели, взвалили ему на плечи громадный круглый, точно мельничный жернов, сыр, и он с провожатым, местным крестьянином, ушел в Швиц.

К вечеру они вернулись. Увы - Шельберт был прав: Розен слышал, как в гостинице

французские офицеры похвалялись победой.

Суворов велел выпустить торговца. Себастьян Шельберт, не чуя под собою ног, помчался из монастыря.

Торговец оглядывался на белые монастырские стены и давал обет полного молчания.

К вечеру фельдмаршал получил письменное донесение о Цюрихском бое. Картина вырисовывалась яснее.

Войска Римского-Корсакова не посрамили себя - дрались отчаянно: но сила и солому ломит - Массена раздавил их численностью. Французы превышали русских чуть ли не в три раза. Римский-Корсаков отступил на правую сторону Рейна.

Суворов был потрясен известием.

Бесконечные обманы и предательство австрийцев наконец-то привели к тому, к чему они все время стремились, - к катастрофе.

Суворов со своим 18-тысячным отрядом оказался один на один против 60 с лишком тысяч свежих войск Массена.

Суворов очутился в западне, в тесном ущелье среди неприступных гор. Французы заперли ему все выходы из долины, сторожили каждый его шаг.

В довершение ко всему эта горсть русских терпела ужасные лишения. Войска Суворова были окончательно изнурены неимоверно трудным походом, ежедневными боями. Не спавшие сутками, не видавшие горячей пищи, босые, голодные и холодные люди шли, как тени. У солдат уже не осталось сухарей. Офицеры рады были кусочку хлеба, картофелине. Заряды и патроны были на исходе. Артиллерия - только горная.

Провиант был взят из Белинцоны с таким расчетом, чтобы его хватило до Швица. Но около половины лошадей и мулов погибло с вьюками в пути, а на Швиц надеяться уже не приходилось - обстоятельства в корне изменились.

Теперь надо было думать не о положении союзных войск в Швейцарии вообще, а о спасении своей малочисленной армии.

На карту ставилась честь русской армии, честь России.

Неужели - катастрофа?

Неужели в конце столь славной победной военной деятельности - позор?

- *Respice finem!* (Помни о конце.)

Как часто Суворов сам твердил об этом. И какой же найти выход? Что делать? Отступить назад, к Альторфу? Продолжать идти на Швиц? Или через горы к Гларису?

Суворов находился в страшном волнении. Разные чувства обуревали его.

- Великие приключения происходят от малых причин?

Если бы австрийцы вовремя доставили мулов, он не потерял бы в Таверно пять дней, Римский-Корсаков не был бы разбит!

Гнев, возмущение предательством австрийцев сменялись тревогой за армию, за честь России.

Он не находил себе места в этой келье. Не спал всю ночь. Не мог дождаться утра: утром Суворов решил созвать военный совет.

Впервые в жизни он, человек непреклонной воли, действительно нуждался в товарищеской поддержке.

Всегдашняя решимость и вера в себя и в свой народ не оставили его и на этот раз. Сам он готов был к невероятным трудностям и лишениям, но хотел об этом услышать от своих верных соратников. Хотел услышать, что на эти невероятные трудности и лишения так же самоотверженно пойдут до конца и они.

Х

Суворов в фельдмаршальском мундире, при всех орденах, быстро ходил по келье. Он был так погружен в свои тревожные мысли, что не замечал никого.

Первым на совет явился Багратион. Александр Васильевич не удостоил сегодня своего любимца даже взглядом. Багратион ретировался.

Когда собрались старшие начальники - Суворов пригласил не только генералов, но и

полковников, - вошли все вместе.

Александр Васильевич стоял посредине комнаты, опустив руки по швам.

Генералы и полковники попеременно стали перед ним.

Прямо перед фельдмаршалом стоял низенький тучный Вилим Христофорович Дерфельден, старший среди генералов.

Суворов молча поклонился вошедшим и закрыл глаза.

Все стояли, как по команде "Смирно", не шелохнувшись.

И вот Суворов открыл глаза. Они горели гневом. Щеки покрыл румянец. Рот кривился в брезгливую гримасу.

Он заговорил. Сегодня его голос был немного глух, дрожал. В голосе клокотало возмущение.

- Корсаков разбит. Отброшен за Цюрих. Австрийцы опрокинуты, прогнаны от Глариса. Весь наш план изгнания французов из Швейцарии исчез! Всему виной Австрия. Тугут. Гофкригсрат. Он связал мне руки еще в Италии. Поход одних русских в Швейцарию - только предлог удалить нас из Италии. Чтобы присвоить завоевания. Австрийский принц Карл должен был не уходить отсюда. Ждать, когда мы соединимся с Корсаковым. Ушел. Оставил Корсакова с двадцатью тысячами защищать то, что сам защищал с шестьюдесятью. Погубил Корсакова. Доставили бы вовремя мулов в Белинцону, мы десятого-одиннадцатого были бы здесь. Массена побоялся бы идти на Корсакова!

Суворов остановился. Веки снова прикрыли глаза. Он стоял, словно подбирая в уме слова. Все ждали, затаив дыхание.

Слова были найдены. Голос окреп. Звучал сильнее и чище.

- Что нам делать? Идти вперед на Швиц - невозможно: у Массена свыше шестидесяти тысяч, а у нас и двадцати нет. Идти назад - стыд. Русские и я никогда не отступали. У нас осталось мало сухарей. Еще меньше зарядов и патронов. Мы окружены горами. Мы окружены врагом.

Сильным, возгордившимся победой, устроенной коварной изменой. Со времен дела при Пруте русские войска не были в таком гибельном положении. Но Петру Великому изменил мелкий человек. Ничтожный владетель маленькой земли. Зависимый от сильного властелина. Грек. А нашему государю - сильный союзник: кабинет великой державы. Это не измена, а предательство!

С каждым словом голос повышался, гремел. Теперь в нем звучали уже не злость и насмешка, а правота, сила.

- Помощи нам ждать не от кого. Одна надежда на бога, другая - на величайшую храбрость и самоотвержение войск. Нам предстоят труды величайшие. Небывалые в мире. Мы на краю пропасти. Но мы - русские! С нами бог!

Все невольно смотрели друг на друга - кто же тут младший, кому первому подавать мнение? Суворов стоял, закрыв глаза.

И тогда Дерфельден точно почувствовал, что на таком необычном совете надо отвечать не самому младшему, а самому старшему. Он чуть оглянулся назад на всех и, волнуясь и спеша, сказал:

- Отец родной! Александр Васильевич! Мы видим, мы знаем, что предстоит. Но ведь и ты знаешь нас. Верь нам! Клянемся тебе. Пусть не шестьдесят, а сто шестьдесят тысяч станут перед нами! Пусть горы втрое, вдесятеро - мы победим! Всё перенесем, не посраим русского оружия! А если падем, то умрем со славою! Веди куда думаешь!

Все подхватили:

- Клянемся! Веди нас! Клянемся!

Во время речи Дерфельдена Суворов стоял, закрыв глаза. Теперь снова поднял их. Они горели всегдешним огнем, в них была - победа.

- Благодарю. Надеюсь! Рад! Враг будет разбит! Победа над ним, победа над коварством! Победа будет!

И, повернувшись, пошел к столу, где лежала карта. Все двинулись за ним, обступили.

- Кушников, пиши! - приказал Суворов.

Кушников выскочил из толпы. Многие генералы и полковники полезли в карманы за карандашом и бумагой, собираясь записывать диспозицию.

- Князь Петр завтра гонит врага за Гларис. Пункт в Гларисе. За князем - Вилим Христофорович. Я с ним. Корпус Розенберга останется здесь. Враг наступит - разбить насмерть! Гнать до Швица. Не далее. Вьюки, все тягости Розенберг отправит за нами. Под прикрытием. А потом и сам. Тяжко раненных везти не на чем. Собрать. Оставить здесь с пропитанием. При них лекаря, прислуга. Офицер, знающий по-французски. Он смотрит за ранеными, как отец за детьми. Позовите Фукса!

В келью торопливо вкатился Фукс:

- Я здесь, ваше сиятельство!

- Написать Массена, что тяжело раненные остаются, поручаются его человеколюбию. Михаило! Ты - впереди! - обернулся Суворов к Милорадовичу. Не давать врагу верха! Бить и гнать его! С богом!

И Суворов поклонился всем. Генералы и полковники вышли.

XI

Всякое изображение недостаточно

к изображению сей картины

природы во всем ее ужасе.

Суворов о переходе через Альпы

19 сентября Суворов с половиною своей армии выступил из Муттенской долины. Пришлось подыматься на гору Брагель. Подъем был утомителен и нелегок, но после страшного Росштока показался пустяком.

Сбивая преграждавшего путь неприятеля, Суворов пришел в Гларис и вечером 20 сентября послал Розенбергу приказ двигаться за ним из Муттенталя в Кленталь.

В эти два дня - 19 и 20 сентября - корпусу Розенберга пришлось выдержать сильнейший натиск авангарда Массена.

Массена легковерно понадеялся на то, что в Муттенской долине разгромит всю малочисленную армию Суворова, а вместо этого был разбит сам. Он не мог справиться даже с одним корпусом Розенберга, хотя французский авангард был вдвое сильнее заслона русских.

Суворовские чудо-богатыри под командой Милорадовича и Розенберга в двухдневном бою одержали над французами блистательную победу.

Массена принужден был с большим уроном отступить. Французы бежали до самого Швица. Русские войска захватили 1200 пленных, в том числе генерала и пятнадцать офицеров.

Когда Суворов узнал о победе своих войск в Муттенской долине, он сказал:

- У меня и Розенберг бьет!

Корпус Розенберга следовал за главными силами. Он перевалил через гору Брагель в более тяжелых условиях, нежели остальные войска: выпал снег, стоял густой туман. Как с каждым днем ни уменьшался в переходах обоз, но все-таки он был еще длинен. Вьюки тянулись по узкой тропинке несколько дней.

Войска Розенберга две ночи провели без огней среди снежной пустыни и лишь 23 сентября наконец спустились к Гларису.

У Глариса собралось все, что осталось от армии Суворова. В изодранных, грязных, выдавших разные виды мундирах, в башмаках, обмотанных тряпьем, перевязанных бечевкой, почерневшие от грязи, пороховой копоти и крайней усталости стояли войска.

Но, несмотря на такую убогую внешность, они по-прежнему сохранили все тот же суворовский дух. Это стояли победители, это стояли чудо-богатыри.

Они не знали, что напоследок им придется еще раз преодолеть грозную природу, что придется проделать более тяжелый переход, нежели через Росшток.

Глядя на своих витязей, Суворов был еще вполне уверен в том, что он смог бы

пробиться сквозь войска Массена, который запирает выход из долины реки Линты. Но у него не было для этого патронов и зарядов, не было хлеба. Полагаться же на австрийцев он больше не мог.

Суворову оставался один выход - по Сернфтской долине через Эльм и гору Рингенкопф к Иланцу. Этим путем Суворов сразу совершенно выходил из опасности.

Путь для соединения с Римским-Корсаковым был кружной, по правой стороне Верхнего Рейна через Кур к Фельдкирху, но спокойный. Здесь было продовольствие, здесь же к армии могли присоединиться обозы и полевая артиллерия, которые Суворов отправил из Италии.

Путь через Рингенкопф являлся, по существу, отступлением, той "ретирადой", которую всю жизнь так ненавидел Суворов. Но делать нечего - это был единственно правильный выход из тяжелого положения, в которое попал Суворов.

И на совете в Гларисе Суворов мужественно принял его.

Целый день отражая натиск французов, которые наседали на арьергард, войска Суворова к ночи дошли до Эльма.

Ночь выдалась ненастная и темная. Снег валил хлопьями. Дров не было, войска дрогли на ветру. В каждом батальоне отдыхала половина - остальные стояли в ружье, ожидая нападения.

В два часа пополудни 25 сентября двинулись дальше.

Апшеронцы в авангарде. После двухдневного кровопролитного боя в Муттенской долине их ряды поредели. В Гларисе остался с тяжело ранеными Башилов. Унтер-офицера Воронова контузило в бок.

Он не захотел оставаться в Гларисе, кое-как пошел с полком. Воронов терпеливо переносил боль и все стыдил легко раненных молодых солдат, которые стонали:

- Ишь, разохался, как баба на печи! Бери пример с нас, стариков. Думаешь, нам легче?

Майору Лосеву ядром оторвало на левой руке три пальца.

За апшеронцами ехал верхом сам фельдмаршал Суворов со штабом.

Ветхий плащ фельдмаршала слабо защищал его от стужи: Александр Васильевич посинел на ветру, скукожился. Аркадий, Андрей Горчаков, Прошка все предлагали ему укрыться еще чем-либо, но Суворов и слушать не хотел. Всю жизнь он тянул солдатскую лямку и в привычках и обиходе не хотел отличаться от солдата, Когда Кушников предложил ему запасной плащ, он сердито огрызнулся:

- Не надо. И так не холодно!

- Да ведь чичер какой, ваше сиятельство! Вон молодые солдаты, и те посинели!..

- Что миру, то и бабьему сыну!

Сначала подъем на Рингенкопф не показался труднее, чем на Росшток. Как и там, вязкая, грязная тропинка - пройти одному человеку - тянулась по косоугору, по краю; отвесной кручи. Она то спускалась вниз, пересекая быстрые горные потоки, то опять взлетала куда-то под небеса.

Так же, как и там, мулы перед трудным подъемом останавливались, а потом, понукаемые прикладами, брали подъем рывком.

Так же, как и там, обезноженные казачьи лошади выбивались из сил, и солдаты на веревках втаскивали на кручи горные пушки.

Так же, как и там, люди скользили, и некоторые падали вниз, в пропасть.

Наступило утро. Все повеселели.

Но два проводника-швейцарца, которые должны были идти впереди апшеронцев, почему-то оказались у них в хвосте. Проводников что-то не особенно радовало утро. Они тревожно перешептывались между собою. Антонио Гамма тоже крутил головой.

Суворов заметил это. Он постарался сообразить, чем они так озабочены? Глянул вокруг.

В горах не в степи: глазом немного окинешь! Очертания белоснежных гор, которые обычно едва видны на матовом бледно-сером горизонте, сегодня почему-то выступали

определеннее и резче. Скалистые бока далеких гор сделались гуще и темнее. В воздухе повисла угрюмая, мертвящая тишина. Ветер стих.

"Точно перед бурей,- подумал Суворов.- Этого еще не хватало!"

Он знал, как страшны в альпийских горах снежные бури.

Увидев более широкое, местечко, фельдмаршал слез с коня и подошел к Антонио Гамма. Старик шел, глядя уже больше вверх, чем под ноги.

- Что так тревожатся проводники? - спросил у него Суворов.

Антонио только чмокнул губами, словно не решаясь произнести то, что думалось.

- Будет буря?

- Да, похоже на бурю...

С каждой минутой становилось темнее, точно наступал вечер. И неожиданно откуда-то вырвался ветер. Он поднял легкую снежную пыль - снег в горах был мелок, как песок. Ветер взвихрил его и швырнул в лицо. Люди невольно зажмурились, закрыли лицо руками.

Суворов стоял, прикрыв глаза ладонью. Кто-то толкнул его. Он отнял ладонь и взглянул. Ветер стих. Мимо Суворова вниз по тропинке спешил один из проводников.

Суворов хотел крикнуть, чтоб его задержали, но в это время снизу из расщелин и пропастей донесся вой ветра. Эхо, удесятерая, катило его. И вдруг он окончился страшным ударом, точно по растянувшимся цепочкой русским войскам ударила громадная невидимая пушка.

Суворовский конь тревожно заржал. Где-то сзади откликнулись другие.

Сразу надвинулась темнота. На горизонте уже не выделялась ни одна вершина. Скалы казались бесформенными массами.

И тотчас же налетел страшнейший порыв ветра. Весь снег, лежавший на горах, пришел в движение. В шаге ничего не стало видно.

Снежинки, легкие, как мука, с силой лепили в лицо.

Как иглами, колол резкий ледяной ветер. Дышать стало трудно - мелкий снег забивал глаза, нос, рот. При каждом вдохе сильно кололо в горле.

Где-то вверху с оглушительным грохотом катились вниз сброшенные ветром камни. Ветер был так силен, что казалось - вся громада скалы, где стоял Суворов, колыхается, готовая рухнуть.

Суворов прижался спиной к скале, ожидая, когда стихнет сумасшедший ветер.

Лицо и руки пухли от холода.

Ветер продолжал выть, но выл уже все дальше и дальше. Он походил на крик отчаяния, доносившийся издалека.

И наконец стих.

Суворов на секунду выглянул из-под руки. В непроглядной темени, сквозь туман и снег, блеснула молния. Он сам и все кругом него были в снегу. От тропинки не осталось и следа. Суворова взорвало:

- Всё против нас. Нет, преодолеем!

Чуть посветлело. Он оглянулся, чтобы посмотреть вниз, на войска.

В этой полутьме все сливалось. И только донесся окрик Аркадия. Он был по-детски испуганный и звучал совсем не по-военному:

- Папенька!

- Я тут! Держитесь, ребяташки! - крикнул, как мог, Суворов.

Его слова опять потонули в новом яростном порыве ветра.

Шел очередной вал.

Нельзя было сказать, сколько времени - с минутными перерывами-свирепствовала эта страшная снежная буря. Казалось, что она продолжается бог ни весть сколько и что ей никогда не будет конца. Стихало только на минуту, а потом яростный натиск начинался вновь. С новой ужасающей силой, с диким воем налетал ветер, вздымая тучи снега.

Снова где-то тут, рядом, с невероятным грохотом рушились, неслись вниз в стремительном обвале громадные камни.

Снова над головой и внизу, под ногами, оглушительно рокотал гром, точно залпом били десятки пушек, и кромешную тьму прорезал зловеющий блеск молний.

Казалось, что гром и молния, ветер, горы и снег - все соединилось для того, чтобы раздавить, уничтожить суворовскую армию.

Озябшие руки творили крестное знамение. Губы невольно шептали:

- Свят, свят, свят!..

Становилось невмоготу.

Люди окончательно коченели от холода, от ледяного ветра, от мельчайших снежинок, которые проникали через одежду, резали тело. Все обледенело. Руки уже не могли ничего держать. Да и ноги держали не всех. Более слабые и раненые, которые не захотели оставаться в Муттене и кое-как шли вместе с войсками, теперь падали на месте.

Каждый думал, что пришел его последний час.

Но вот буря снова затихла. Прошли одна-другая томительные минуты. Все с ужасом, с замиранием сердца ждали: загудит, завоет опять? Если еще раз, тогда - конец.

Но гроза ушла. Становилось все яснее и яснее. Вернулся день - было еще далеко до полудня.

И где-то вверху раздался пронзительный крик горного орла.

Люди зашевелились, затопали на месте. Отогревались, оттирали лицо, уши, руки, откашливались. Стряхивали снег. Шевелили, отрывали из-под снега упавших, засыпанных товарищей, разыскивали выпавшие из рук ружья.

После бури недосчитались многих людей, лошадей, мулов.

В числе погибших, сорванных ветром вниз, оказался унтер-офицер Воронов. Опираясь о ружье, он ковылял впереди Зыбина. Зыбин помогал ему влезать наверх, подсаживал. Когда налетел первый шквал, Воронов, как многие, обернулся к ветру спиной, но не удержался на скале и рухнул куда-то в пропасть. Падая, он царапнул пальцами по зыбинскому плащу, но Зыбин не успел ухватить товарища.

- Да ведь кабы я знал, что он станет оборачиваться! - с жалостью говорил расстроенный Зыбин.

Мушктеры хмуро молчали, с ужасом поглядывая вниз.

- Да не винись в чем не виноват,- успокаивал его Огнев.- Все там будем. Вечная ему память!

Тропинка утонула бесследно в сугробах снега. Проводники разбежались. Остался один Антонио Гамма, который и сам не знал здесь дороги.

Двинулись дальше. Пробиваясь по пояс в снегу, рискуя оступиться, сползти в ущелье, шли наугад.

Проходили мимо водопадов, которые сверху обдавали холодными брызгами, лепились по краю отвесных скал над бездонными пропастями.

Уцелевшие мулы ложились, не хотели идти дальше.

Казачьи лошади выбивались из сил.

К вечеру стал по-настоящему жать мороз. Совсем зашлись мокрые необутые ноги, голые руки.

Середина колонны - полки Дерфельдена - еще взбиралась с превеликим трудом на вершину Рингенкопфа. И только авангард Милорадовича сегодня оказался в более счастливом положении: он подошел к спуску в долину еще засветло.

Вечерело. Внизу чернела деревушка Панике. Из труб шел дымок. Так близко было тепло и покой. Но к этому теплу надо было еще добраться. Спуск оказался снова еще более трудным, чем подъем.

Ветер сдул весь снег в лощину. На голых камнях блестел один лед. Он сровнял все выступы, выбоины, щели. Ноге негде было стать, не во что упереться. Нога предательски скользила.

Спускаться идучи было нельзя: рано или поздно сорвешься и полетишь вверх тормашками с этой поднебесной выси на выступы, на камни. Оставалось одно: слетать вниз

на родимых салазках.

Дымок снизу манил.

Спускаться так или иначе - приходилось.

Съезжившиеся от холода, усталые и голодные солдаты смотрели вниз в долину, туда, где, точно игрушечные, ходили маленькие люди.

Лететь с дьявольской кручи было все-таки не так легко и просто.

- Чего стали, ребята? Впервой нам, что ли? Отвязывай штыки и- айда вниз! - подбадривал своих мушкетеров совершенно синий от холода Милорадович.

Солдаты и офицеры, отвязав от ружей штыки, садились и, перекрестившись, катились вниз, как в детстве с горки. Только никому еще не доводилось катиться с такой горки. Молили бога лишь об одном, чтобы не наскочить с разгону на камень. Задние налетали на передних. Расцарапывались в кровь, ушибались. Изношенное обмундирование трещало по всем швам, но на все это не смотрели. Внизу вставали на ноги и отряхивались с удовольствием и облегчением.

Хуже было с животными. Лошади и мулы не хотели спускаться. Лошади храпели, лягались, рвались в сторону, но их подводили к спуску и сталкивали. Многие из них, домчавшись книзу, больше не подымались, оставались лежать с переломанным хребтом или ногами.

Суворова усадили на попону. Впереди него сел Антонио Гамма, а перед Антонио - храбрый казак Ванюшка.

- Ваше сиятельство, я бывало у нас на Дону с одного берега на другой летал! Авось, на камень не наскочим. А ежели угодим - я первый. Жены, детей нет, плакать некому!

- Не заклинай смерть, сама придет! - сказал Суворов, садясь за Антонио Гамму и крепко обхватывая его руками. - Я с детства люблю катанье с гор. Сколько катался я, тебе не довелось. Поехали. С богом!

И они благополучно домчались вниз.

Так же благополучно скатился Аркадий и весь суворовский штаб.

Струсил один лишь статский советник Фукс.

- Как же я поеду в очках? - твердил он, с ужасом глядя вниз.

- А вы очки снимите!

Фукс суетился возле спуска, примериваясь катиться то с одним, то с другим, но все не мог решиться. Прошка не выдержал:

- Что вы боитесь, ровно энти лошаки, прости господи! У меня вон штаны последние, и то я не трушу, а у вас, я знаю, во вьюке две пары лучших есть. Садитесь за мной! Ничегошеньки с вами не станет!

Статскому советнику пришлось покориться горькой участи: сел.

Они съехали благополучно. Прошка потом рассказывал Ванюшке:

- Ну и ревел же он со страху, как бык, опившийся браги! И хорошо, что ветром относило!..

Апшеронцам на этот раз повезло: они к ночи были в деревне Панике. Альпы остались позади. Все ужасы остались позади.

А большая часть войск - авангард Багратиона (дивизия Дерфельдена и Розенберга) - еще мучились на Рингенкопфе. Ночью ударил мороз. Люди заночевали в снегу, на ветру и морозе.

Как и на Росштоке, стояли, сидели и лежали, где застигла ночь. Но здесь оказалось во много раз хуже - даже прутика нельзя было достать для костра. Ужасную ночь коротали без огня. Казаки жгли дровки от пик.

Кто не уберется, перестал шевелиться, поддался сну, тот замерз.

На следующий день войска собрались в деревне Паникс и двинулись к Иланцу. Дорога уже была широкая, не приходилось опасаться, что какой-либо один неверный шаг окажется гибельным.

После мрачных горных ущелий и темных скал Росштока и Рингенкопфа, на которых,

кроме снега и мха, ничего не видно, показались живописные, покрытые лесом склоны гор, зеленеющие луга, пашни, деревни. Стало теплее.

27 сентября армия Суворова с немногими уцелевшими лошадьми и вьюками собралась в городе Кур.

Непроходимые, страшные Альпы остались позади. Суворов осмотрел здесь свои победоносные войска. В изодранном обмундировании, почти без обуви, исхудавшие, черные от бесхлебицы, холода и прочих лишений стояли полки. Все показное, павловское -пудра, букли, штиблеты, эспонтоны, алебарды - все это исчезло бесследно. Перед Суворовым безо всяких "пруссских затей" стояли его всегдашние русские чудо-богатыри.

Суворов говорил войскам:

- Штыки, быстрота, внезапность - вот наши вожди. Неприятель думает, что ты за сто, за двести верст, а ты, удвоив, утроив шаг богатырский, нагрянь на него быстро, внезапно. Неприятель поет, гуляет, ждет тебя с чистого поля, а ты из-за гор крутых, из-за лесов дремучих налети на него как снег на голову. Рази, стесни, опрокинь, бей, гони, не давай опомниться: кто испуган, тот побежден вполонину. У страха глаза больше - один за десятерых покажется. Будь прозорлив, осторожен: имей цель определенную. Возьми себе в образец героя древних времен, наблюдай его, иди за ним вслед. Поровняйся, обгони - слава тебе! Я выбрал Кесаря. Альпийские горы за нами - бог пред нами: ура! Орлы русские облетели орлов римских!

Могучее "ура" было ответом на эти вдохновенные слова.

В Куре Суворов смог впервые подсчитать свои потери в Швейцарии. За шестнадцать дней непрерывных боев и невысказанных переходов по альпийским кручам Суворов потерял меньше одной трети своей 20-тысячной армии.

- Александр Великий при движении через степи Гедрозии потерял три четверти армии. Ганнибал при переходе от Роны к По из сорока шести тысяч привел лишь двадцать шесть. Помилуй бог, мои потери совсем невелики! говорил Александр Васильевич своему племяннику Андрею Горчакову.

В Куре впервые за много дней солдаты получили мясную и винную порцию, обогрелись - дров было достаточно. Возле жарких бивачных костров мылись, приговаривая:

- Эх, хорошо это бессрочную амуничку побелить!

Стирали белье, кое-как чинили обувь, латали обмундирование. Пели песни, шутили. Переход через Альпы стался как тяжелый сон.

- Ну и горы, пропади они пропадом!

- Как еще ноги вынесли!

- Смерть русскому солдату - свой брат...

- Никто, как бог!

- Верно сказывает наш батюшка Александра Васильич: бог нас водит, он наш генерал!

Из Кура ушел к себе домой Антонио Гамма.

Суворов хотел щедро наградить его, но старик наотрез отказался от золота:

- Я не из-за этого шел!

Суворов уговорил его принять в подарок на память дорогую табакерку.

Они обнялись на прощанье, и оба прослезились. Суворов вышел провожать его на крыльцо. Стоял вместе с Аркадием, слугами, глядел ему вслед.

Антонио Гамма шел мимо солдатских костров. Солдаты, знавшие Антонио Гамма, жали ему руки, махали треуголками, гренадерками, кричали:

- Прощай, дружок!

- Домой собрался? Хорошее дело!

- Счастливый путь!

У поворота дороги Антонио оглянулся в последний раз. Суворов все еще стоял на крыльце, - Антонио хорошо знал его фигуру. Антонио снял шляпу, помахал ею.

В ответ Суворов замахал рукой.

Антонио Гамма засморкался, уронил последнюю слезу и с грустью поплелся из Кура.

Глава десятая

ГЕНЕРАЛИССИМУС СУВОРОВ

Андрей Горчаков вышел вместе с князем Багратионом из фельдмаршальской палатки: Суворов, по старому своему обычаю, вскоре после обеда лег часика на два отдохнуть.

Русские войска возвращались после войны домой. Их знамена были покрыты новой, неуязвимой славой. Недаром Суворов сказал: орлы русские облетели орлов римских!

Ничто, никакие трудности и лишения не смогли сломить русского человека: ни сильный враг, ни природа.

Русские войска так же хорошо били врага в этих непривычных швейцарских горах, как бивали не раз в придунайских степях, в прусских лесах, в польских болотах. Далеко позади осталось все: неприступные, уходящие в облака альпийские вершины, узенькие, осыпающиеся под ногами олени тропочки, мрачные пропасти, леденящие струи низвергающихся водопадов.

Позади остались - привал на острых камнях под насквозь пронизывающим ветром, ночлег на снегу без огня и горячей пищи, мокрая, никогда не просыхающая одежда, изорванная обувь. Позади остался голод.

Суворовские полки возвращались из Баварии, где они стояли на квартирах, в Россию. Суворов разделил всю свою армию на три корпуса. Двум из них положено было идти через Богемию, а третьему через Моравию.

Сегодня полкам был назначен роздых. Отсюда дороги расходились: завтра одни сворачивали налево, другие - направо.

В лагере стояла тишина: солдаты чинили изношенное обмундирование и обувь.

День выдался ясный и чистый. Осень уже подходила к концу, но на солнце еще было тепло. На солнечной стороне палатки пригрелись, жужжали мухи.

- Сколько в эту пору у нас, в Грузии, вина! И какого! - мечтательно сказал Багратион, глядя куда-то вдаль.

- Зайдемте ко мне, князь, посидим, - предложил Горчаков. - Вином угощу, но, конечно, не грузинским, а таким, какое пили за обедом у дядюшки, - суцая немецкая кислятина...

- Спасибо. Посмотрите, - остановился Багратион, - по дороге кто-то скачет. Уж не из Петербурга ли?

- Где?

- Вон, уже поровнялся с коновязями драгун, - смотрел своими быстрыми глазами Багратион. - Да это к нам! Должно, фельдъегерь.

- Разбудят дядюшку, - поморщился Горчаков. - Придется попридержать, пока Александр Васильевич сам не проснется. С бумагами за два часа ничего не станет - все равно спешного не предвидится. А может, это из Вены, а не из Петербурга?

- Из Петербурга. Офицер-то не в белом австрийском мундире, а в нашем, зеленом.

- Да, верно. И как раз Михаил Андреевич увидал его. На ловца и зверь.

Горчаков и Багратион поспешили навстречу фельдъегерю, который вместе с Милорадовичем быстро шел к палатке фельдмаршала.

Фельдъегерь с любопытством озирался кругом. Красивое лицо Милорадовича было почему-то возбуждено.

- Это Алешка Зайцев, - узнал издалика Горчаков. - Алешенька, здравствуй! С чем бог несет?

Господа, - оживленно перебил Милорадович, - радостная весть: государь пожаловал его сиятельству Александру Васильевичу Суворову звание генералиссимуса!

Отменно! Прекрасно! - просиял Багратион.

Горчаков был не менее обрадован и изумлен:

- Что ж, придется пойти разбудить дядюшку?

- Нет, нет! - замахал Багратион. - Знаете, господа, что надо сделать? Пусть Александр Васильевич спит на здоровье, а мы потихоньку подыдем полки. Выстроим их перед палаткой "покоем". Со знаменами, с музыкой.

- Правильно! Он сам любит все неожиданное. Встанет, ничего не зная, а тут...- подхватил Горчаков.

- Мысль хорошая. Надо уважить нашего отца. Это слава не только его это слава всей России,- горячо оказал Милорадович.- Пойдем, князь Петр, выводить полки, пока Александр Васильевич не проснулся!

- Не спешите: дядюшка раньше полутора часов не проснется, - сказал Горчаков, уводя к себе фельдъегеря.

- А как встретили эту новость в Петербурге? - обернулся к Зайцеву Багратион.

- Полное ликование. Ростопчин говорит, что государь, подписывая рескрипт, сказал: "Это много для другого, а Суворову - мало!"

II

Полки без шума строились "покоем" возле палатки Суворова. Кавалерия и казаки были в пешем строю. На местах остались только часовые.

Весть о том, что их отец, их любимый Александр Васильевич удостоился получить высшее воинское звание, какое только есть на свете, генералиссимуса - мгновенно облетела роты, эскадроны, батальоны, полки. Мушкатеры и егеря; драгуны и казаки восторженно приняли ее. Строились с охотой, быстро и сторожко - старались не звякнуть ружьем, не оступиться, не разбудить "дивного".

В шеренгах, хотя и шепотом, но говорили:

- Поттише, чего ломишь ровно медведь...

- Он-то наш сон бережет. Помнишь, как при Крупчицах стояли на карауле. Ночь, все спят, а ему и сон нейдет. Вышел, говорит с нами и все просит: "Поттише, ребяташки, не шумите, пусть мои витязи выспятся"...

- Дяденька, как его звание-то? Я и позабыл уж...

- Ге-не-ра-лис-си-мус...

- Мудреное, не выговорить...

- В походе, в горах этих проклятущих, когда он, сердешный, и спал?

- Часто на коне только и дремал.

- Он его звание заслужил. Кабы не он, разве выдержали бы?

- Еще бы - такой вражина окаянный. Это тебе не турок!

- Мы бывало чуть ноги тащим, и словечка от усталости не вымолвить. А батюшка Александр Васильевич - отколе ни возьмись - подъедет да как затынет таково весело: "Вдоль да по речке..." Всю усталость как рукой!

- Для него-ничего не жалко!

- Говорят, царь так и сказал: другого, говорит, такой чин - с головой укроет, а ему, нашему родному, - в самую пору...

Меньше чем в час выстроились полки. Они стояли готовые встретить со всеми воинскими почестями своего любимого полководца, поздравить его с высоким отличием.

Музыканты всех полков поместились отдельно. Прямо перед палаткой Суворова пестрел куст ротных и полковых знамен.

Генералы Багратион, Милорадович, Тучков, оба племянника Суворова генералы Горчаковы и его сын, высокий красивый генерал-адъютант Аркадий Александрович Суворов, в полной парадной форме стояли впереди. Они обступили царского посланца, бригадира Зайцева.

Зайцев, счистивший дорожную пыль и умывшийся, рассказывал петербургские новости: кого из офицеров Павел I разжаловал в солдаты, кого из солдат произвел в офицеры, кого выключил из службы, кому выговор "с наддранием".

"Главный камердинер" фельдмаршала Прошка, надевший для такого случая две свои золотые медали, которые сардинский король пожаловал ему за сбережение здоровья Суворова, важно прохаживался у палатки, то и дело заглядывая, не встал ли барин.

Прошка держал себя солидно, был доволен случившимся, но виду не показывал. Великая честь барину - стало быть, такая же честь и ему. Барин становится выше - стало

быть, и он выше: то был "камардин" фельдмаршала, а то - генералиссимуса!

А казак Ванюшка - глупый, несамостоятельный человек: вся радость на роже так и отпечаталась. Хоть бы волос салом не мазал и латаных сапог тряпкой не тер - видать: доволен! Нет в человеке настоящего понятия!

Все стояли, ждали. С нетерпением поглядывали на палатку, не шевельнется ли полотнище, не послышится ли быстрый, веселый суворовский басок.

Ш

Суворов спал. Ему снилась какая-то нелепица: будто он едет верхом на громадном буром медведе по горам. Он едет один, а где-то вот тут, за горой, идут его полки, Суворов слышит их многоголосый говор. И он, как тогда на походе, затынул:

Что девушке сделалось,

Что красной доспелось?..

И - проснулся. Никакого медведя, никаких полков. Та же палатка, то же сено, тот же китель с анненским крестом.

Но в ушах почему-то еще слышится приглушенный гул многих сотен голосов.

Протер ладонью глаза. Кашлянул. Сел. Конечно, никаких голосов: за палаткой - тишина.

В палатку тотчас же юркнул ловкий, расторопный казак Ванюшка. Плутовские глаза его сегодня как-то особенно улыбались. И весь он сам Суворов сразу же, по своему уменью все быстро схватывать, увидел почистился, помылся. Глядел именинником.

"Небось, доволен роздыхом. Улизнет куда-либо ввечеру к девушкам. Поди, насмотрел. Маху не даст!"

Подмигнул:

- Что, Ванюшка, к девушкам собрался?

Казак, помогавший фельдмаршалу одеваться, смущенно хихикнул.

Затем на секунду показалась рожа самого "камардина" Прошки. Обознался или так попритчилось: у Прошки на шее блеснули обе его золотые медали.

"Что это они сегодня?"

Снова прислушался: конечно, за палаткой - всегдашняя лагерная тишина. Отдыхают, обшиваются, обмываются.

Невольно улыбнулся, вспомнив, как по уставу о полевой пехотной службе каждый солдат должен в год получить три пары башмаков да две пары подметок. А тут у солдата одна пара, да и от той ошметки остались.

- Погода не испортилась?

- Никак нет. Очень даже замечательная! - весело отозвался казак.

Не надевая каски, Суворов пошел к выходу. На ходу напевал свою любимую песенку:

Что девушке сделалось...

Шагнул из палатки - и замер.

Перед ним, выстроившись как для парада, стояли войска. Вот его "богатырский полк" - апшеронцы, вот москвичи, киевляне, белорусцы. Казаки, драгуны, егеря. Все старые боевые товарищи. Его генералы любимцы Багратион, Милорадович, племянники Горчаковы, сынок Аркадий. Все молодые самому старшему из них - Багратиону - едва только за тридцать. Все в парадной форме.

- Помилуй бог, что это? Почему?

Не успел он спросить, как Багратион зычно скомандовал:

- Смирно! На кра-ул!

Полки четко взяли на караул. Все замерло.

И тогда, точно с рапортом, к нему шагнул незнакомый бригадир с большим пакетом в руке. Бригадир был молод, веснушчат, курнос.

"Фельдъегерь. Снова поход!" - радостной волной ударило в голову.

Бригадир, сняв треуголку, уже докладывал о том, что прислан от его императорского величества. Подал пакет.

Суворов взял пакет. Отнес подальше от глаз. На пакете было написано:
"Генералиссимусу, князю Италийскому, графу Суворову-Рымникскому".
Сломал большие сургучные печати, развернул плотный лист. Буквы сливались.
"Проклятые глаза!"

- Читай! - передал он бригадиру.

Веснушчатый бригадир ломким, еще юношеским баритоном, звучно, на весь лагерь прочел:

Князь Александр Васильевич!

Побеждая повсюду и во всю жизнь Вашу врагов Отечества, недоставало еще Вам одного рода славы - преодолеть и самую природу! Но Вы и над нею одержали ныне верх. Поразив еще раз злодеев веры, попрали вместе с ними козни сообщников их, злобою и завистью против Вас вооруженных. Ныне награждаю Вас по мере признательности моей и, ставя на высший степень чести, геройству предоставленный, уверен, что возвожу на оный знаменитейшего полководца сего и других веков.

Пребываю Вам благосклонный

Павел.

Гатчина. октября 25. 1799.

"Что это? Царь Павел I, так не любивший Суворова, все-таки вынужден оценить его подвиги по достоинству?"

Что это? Он - генералиссимус! Как Кондэ, Монтекукули, Евгений Савойский?"

В одно мгновение пронеслась вся жизнь, все пятьдесят с лишком лет службы в армии.

Годы ученья. Ссылка. Происки завистников. Клевета.

И победы, победы, победы...

И тут, перебивая его мысли, вырвалось громовое - из тысячи уст "ура". Оно катилось, потрясая воздух.

Вслед залились трубы, загрохотали барабаны - музыканты грянули гренадерский марш, который царь пожаловал всем полкам корпуса Суворова.

Суворов рванулся вперед к этим шеренгам, но его предупредили. Багратион, Милорадович и Горчаковы бережно подхватили генералиссимуса на руки.

Опираясь на их плечи, он возвышался надо всеми.

Пробитые пулями, изорванные, ядрами, изрубленные клинками, шелестели вокруг него славные боевые знамена.

Слабый ветерок чуть шевелил серебристую прядь его волос, причудливо спускавшуюся на лоб. Глаза блестели, словно перед атакой.

- Вольно!- махал он, стараясь перекричать. И тогда шеренги бросились вперед, как делали всегда, когда их "дивный" говорил с ними.

Солдаты и офицеры со всех сторон плотной стеной окружили любимого генералиссимуса. И он заговорил.

...Ефрейтор Зыбин досадовал, что ему пришлось стоять в карауле. Он вытягивал шею, стараясь расслышать, что говорит батюшка Александр Васильевич.

До него доносились только отдельные слова генералиссимуса:

- Отечество... Народ русский... Слава....

IV

Александр Васильевич следовал с дивизиями через Богемию. В Праге он пробыл рождество. Как и в других городах, где на походе бывала главная квартира Суворова, она в Праге пользовалась всеобщим вниманием.

Чтобы только взглянуть на непобедимого генералиссимуса, издалека приезжали иностранные генералы, министры, знатные дамы. Ловили каждое его слово. Дамы целовали его руки.

Курфюрст Саксонский прислал в Прагу своего известного придворного портретиста Шмидта. Однажды утром, когда Суворов сидел еще в одном белье, Фукс пришел доложить, что явился Шмидт.

Суворов хотел отказаться позировать, но Фукс напомнил ему, что сказали Монтеские, который так же отказывался: "Разве в отказе меньше гордости?"

Суворов махнул рукой:

- Ну, пусть идет! Только чтоб недолго!

Не успел Шмидт войти, как уже стал что-то набрасывать на бумагу.

Суворов схватился:

- Что вы меня в таком виде рисуете? Эй, Прошка, неси мундир!

Слава генералиссимуса Суворова гремела по всему свету.

В Праге Суворов был необычайно весел. Еще ни разу он так часто не появлялся в обществе, как здесь.

Весело провел Александр Васильевич в Праге русские святки. Он забавлялся тем, что заставлял чопорных немецких дам играть в жмурки, ходить в хороводах а петь по-русски хороводные песни. Танцевал, играл в любимую игру "жгуты" и больно хлестал жгутом важных австрийских сановников.

Глядя на Суворова, никто не мог бы подумать, что ему семьдесят лет и что дни его сочтены.

В половине января 1800 года русская армия двинулась дальше.

В Кракове Суворов сдал генералу Розенбергу армию и отправился в Петербург - император ждал его. Суворову готовили небывалый торжественный прием. В Гатчине его должен был встретить с рескриптом флигель-адъютант. Комнаты отводились генералиссимусу в самом Зимнем дворце.

Но уже в Кракове Суворов почувствовал себя плохо.

Сначала его сильно мучил кашель, который разбивал всю грудь. Затем по телу пошла сыпь и пузыри. Они постепенно покрывали все тело. Путешествие пришлось остановить. Суворов доехал до своего имения в Кобрине и тут слег.

Павел I, узнав о болезни генералиссимуса, отправил к нему лейб-медика Вейкарта.

Суворов немного поправился уже-вставал с постели, ходил в церковь. Всю жизнь не признававший никаких лекарств, Суворов не хотел подчиняться предписаниям латинской кухни и слушал советы только своего фельдшера Наума. Вейкарт убеждал Суворова, что он должен одеваться потеплее.

- Мне кутаться негоже - я солдат.

- Нет, вы - генералиссимус!

- Правда, генералиссимус, да солдат с меня пример берет! Не в шубе дело.. Мне надобна деревенская изба, молитва, каша да квас! - упрямо стоял на своем Суворов.

И если кто-либо заводил разговор о торжественном приеме, который готовился ему в Петербурге, Суворов говорил:

- Вот это вылечит меня лучше, чем Иван Иванович Вейкарт. (Всех иностранцев Суворов обязательно называл "Иванами Ивановичами".)

Но иногда, когда приступы кашля усиливались, он уныло заявлял:

- Нет, стар стал. Поеду в Петербург, увижу государя и потом - в деревню умирать! Долго гонялся я за славой, все мечта: покой души у престола всевышнего!

Наконец Вейкарт нашел, что Суворов может отправиться в путь-дорогу. Решено было ехать медленно, не более двадцати пяти верст в сутки.

Суворов ехал в дормезе, лежа на перине.

V

Дормез тихо покачивался.

Александр Васильевич лежал и думал.

Адъютант штабс-капитан Ставраков, читавший генералиссимусу газеты, вылез из дормеза поразмяться. Фельдшер Наум дремал в ногах барина, в уголку.

Сегодня Александр Васильевич чувствовал себя неплохо - даже не очень досаждал кашель. Сегодня госпожа фликтена, как называли врачи болезнь Суворова, была милостива к больному.

Суворов лежал и думал о своем предстоящем въезде в столицу. Одна заманчивее другой вставляли картины: о готовящейся встрече писал Ростопчин.

...В Нарве его будут ждать придворные кареты. Флигель-адъютант с царским письмом... Он превозможет боль, на последней станции сядет: ведь на улицах Петербурга фрунтом выстроится гвардия. Барабанный бой. Пушечная пальба. Крики "ура". Колокола. Иллюминация.

Триумф!

До какой славы он дожил!

Суворов повернулся на другой бок.

Почему второй день все они такие оторопелые, эти адъютанты? Не смотрят в глаза, точно провинились в чем. Вот и теперь Ставраков подозрительно быстро прочитал газету и улизнул. Не случилось ли чего?

- Наум! - крикнул он. - Наум!

Фельдшер открыл глаза.

- Позови мальчика!

Наум проворно вылез. Суворов с трудом приподнялся и сел.

Через минуту открылась дверь, и в дормез осторожно влез Ставраков.

- Чего сегодня вы от меня бежите, как от чумного? Что случилось?

Генералиссимус смотрел на Ставракова пристально, суворовским, проникающим в душу взглядом. Молчать, притворяться больше нельзя.

- Что-либо из Петербурга?

- Получили рескрипт, - глухо ответил Ставраков.

Суворов вспыхнул. В томительном предчувствии беды упало, сильно забило сердце.

Подумалось:

"Снова? Не может быть!"

- Читай!

Ставраков вытащил дрожащими руками из кармана рескрипт и, не повышая голоса, по-дьячковски, прочел:

Господин Генералиссимус, князь Италийский, граф Суворов-Рымникский!

Дошло до сведения моего, что во время командования Вами войсками моими за границую имели Вы при себе генерала, коего называли дежурным, вопреки всех моих установлений и высочайшего устава, то и удивляясь оному, повелеваю Вам уведомить меня, что Вас понудило сие сделать.

"Так и есть: снова немилость! Обнесли. Все пошло прахом!.."

Суворов закрыл глаза, откинулся назад. Тело его как-то сразу обмякло. Суворов полулежал.

Он слабо махнул рукой. Адъютант вылез из дормеза. Вылезая, Ставраков глянул мельком на генералиссимуса. По исхудалой, впалой щеке Суворова катилась слеза...

Александр Васильевич, покрытый холстиной, лежал на лавке у образов, словно покойник.

После известия о царской немилости ему сразу стало хуже: опять начал бить кашель, опять по всему телу пошла огневица.

Пришлось остановиться в деревне у Вильны.

VI

Александр Васильевич лежал в избе один. Адъютанты все где-то тревожно шептались. При нем неотлучно сидел фельдшер Наум, которому Александр Васильевич верил больше, чем лейб-медику Вейкарту, и Прошка. Суворов видел по глазам: все думают, что он умирает.

Он слышал, как на дворе, под маленьким тусклым оконцем хаты шуршали, точно мыши, деревенские ребятишки. Слышал их испуганное:

- Тут лежить. Помирае...

Он слабо улыбнулся ребячьему лепету.

Было тяжело и больно. Сам себе признавался:

"Ветшаю ежечасно..."

Но смерти он еще не чувствовал. Голова еще работала ясно.

Он лежал и мучительно думал: кто? Кто обнес, оклеветал его? Кто снова настроил царя против Суворова?

Великий князь Константин Павлович?

Когда в Италии, у Басиньяно, великий князь очертя голову бросился на превосходные силы французов и русские понесли урон, Суворов хорошо отчитал великого князя. Константину Павловичу, конечно, это понравиться не могло, но он быстро понял, что сам кругом виноват. И во весь Итало-Швейцарский поход великий князь держался хорошо, солдатом. К Суворову был почтителен и добр.

Нет, Константин Павлович такой подлости не сделает!

Выплыло хитрое лицо статского советника рыжего Фукса.

Недаром он - Фукс лисица. По шерсти и кличка. Царский соглядатай.

В походе он был кроток, как ягненок. В Швейцарии от страха заболел медвежьей болезнью, а как спустились с Рингенкопфа на твердую землю, вдруг переменялся, заважничал.

Вдруг объявил правителю канцелярии полковнику Лаврову, что он не зависит от Александра Васильевича, что имеет секретные поручения.

Он! Другого никого нет и не может быть!

Суворов застонал. Сквозь натужный кашель вырвалось:

- Боже, за что страдаю? Лучше б я умер в Италии! Лучше б погиб в альпийских горах!

- Ну, завел свою песню! Будя! - притворно грубо оборвал его Прошка. Лучше бы, лучше бы!.. Солдат, а раскудахтался... Лучше бы домой поскорей ехать. В Петербурге вас ждут не дождутся. И чего убиваться-то раньше времени? Ничегошеньки не случилось, а он... Генералиссимусом был, им и остался. А выговор - что? Выговор может всякий получить. Военная служба, она, брат, такая!..

Александр Васильевич никогда не обращал внимания на Прошкины рацеи, но на эти слова невольно подумал:

"А ведь говорит резонно. Так твердят и адъютанты. Мол, ничего не случилось. Император Павел сыплет выговоры направо и налево. У царя не семь, а тридцать семь пятниц на одной неделе! Может, они и правы?"

В этом измученном, исстрадавшемся старом теле опять пробудился неугомонный суворовский, дух. Александр Васильевич порывисто приподнялся:

- Не ворчи! Зови адъютантов. Поехали дальше!

VII

Тихим апрельским вечером въезжал суворовский дормез в Стрельну.

Приближаясь к Стрельне, Суворов собрал последние силы и велел надеть на себя парадный мундир. Облокотившись на подушки, он полулежал в дормезе.

Вечер был теплый. Окна дормеза Александр Васильевич велел опустить ветра не было.

Он ехал, втайне еще надеясь на то, что хоть в Стрельну император пришлет своего флигель-адъютанта встретить генералиссимуса.

В Нарве не оказалось ни придворных экипажей, ни царского посланца.

В Стрельне, у знакомого почтового двора, как на каждой станции в далеком пути от Кобрина до Петербурга, стояла и ждала генералиссимуса толпа народа. Крестьяне и солдаты, горожане и чиновники, ремесленники, причетники и купцы. Женщины и дети. Стар и мал. Теснились к дормезу Суворова.

Царь не пожелал встретить великого полководца - его встречал народ.

В Стрельне Александра Васильевича ждали родные - Аркадий, Димитрий Иванович Хвостов и князь Багратион.

В окна дормеза со всех сторон тянулись букеты цветов. Женщины подносили к окнам детей.

Суворов был тронут этой встречей до слез:

- Спасибо родные! Спасибо!

Он благословлял детей, которых протягивали к нему.

Вечерело.

Политичный, осторожный Димитрий Иванович торопил дядюшку поскорее ехать домой - боялся, чтобы эту встречу не сочли за демонстрацию. Суворов же не спешил. Сумрак белой ночи был кстати опальному генералиссимусу: лучше незаметно проехать по опустевшим петербургским улицам до тихой Коломны, к дому Хвостова на Крюковом канале.

VIII

На следующий день по приезде Суворова в Петербург к нему явился посланец царя.

Суворов был так слаб, что уже не вставал с постели. Теперь он лежал не на сене, а на перине в кровати.

Димитрий Иванович Хвостов вбежал в комнату дядюшки:

- От государя!

И, не дождавшись, что скажет Суворов, кинулся назад, широко распахнул дверь:

- Пожалуйте, ваше сиятельство!

Прошка, поправлявший постель барина, не успел выйти из комнаты, отошел в сторонку.

Александр Васильевич чуть приподнялся на подушках, чтобы посмотреть, кто пожаловал.

В красном мальтийском мундире с голубой лентой через плечо вошел черноволосый смуглый Кутайсов, бывший царский брадобрей, а ныне граф.

Суворов метнул глазами.

"Издевается! Нашел, кого посылать!"

- Кто вы, сударь? - гневно спросил он.

- Граф Кутайсов.

- Граф Кутайсов? Кутайсов... Помилуй бог, не слыхал такого графа. Есть граф Панин, граф Воронцов, граф Строганов, а о графе Кутайсове не слыхал! А что вы такое по службе?

- Обер-шталмейстер (Придворный конюший.).

- А прежде чем были?

- Обер-егермейстер (Заведующий царской охотой.).

- А прежде?

Кутайсов запнулся. Он стоял краснее своего мальтийского мундира.

За его спиной Хвостов, в ужасе воздевая руки, поспешно скрылся за дверью.

- Да говорите же, сударь!

- Камердинер, - выдал Кутайсов.

- То есть, вы чесали и брили своего барина?

- Т-точно так-с...

- Прошка! Вот взгляни на этого господина. Он был такой же холоп, как и ты. Да он турок. По их магометанскому закону пить нельзя. Вот и видишь, куда он взлетел. Его к Суворову посылают! А ты пьешь, как лошадь. Из тебя толку не выйдет!

И Суворов отвернулся к стене.

Кутайсов ушел не солоно хлебавши. Провожая графа Кутайсова до кареты, Хвостов лепетал, что, к сожалению, дядюшка слаб, дядюшка никого не узнает, дядюшка бредит.

- Да, да, он бредит, - соглашался сконфуженный Кутайсов.

Но пока что Суворов еще не бредил. Временами ему даже становилось как будто легче. Его возили по комнате в кресле.

Все врачи удивлялись, как в этом немоющем теле цепко держится жизнь.

- Жизненные запасы его удивительны, - говорили врачи.

Суворов понимал, что жить ему осталось немного. Но жить он так хотел.

Все подбадривали его, говорили, что он поправляется.

- Мы еще в Кончанское поедem, рыбу ловить будем, - говорил фельдшер Наум.

- Нет уж, брат; отловил я... Мне не встать...

- Дядюшка, я знаю, что вы от этой болезни не умрете,- старался уверить его Дмитрий Иванович Хвостов.

- Думаешь?

- Убежден!

- Ладно. А ежели я останусь жив, сколько еще лет проживу?

- Пятнадцать.

- Злодей, скажи: тридцать!

Но все-таки с каждым днем он слабел все больше и больше. Он прекрасно помнил далекие годы турецких войн, но путал названия городов, рек в прошлогоднем Итало-Швейцарском походе.

Больше надоедливой фликтены угнетала Александра Васильевича царская опала: она добивала последние силы генералиссимуса.

Суворов на Крюковом канале жил уединеннее, заброшеннее, чем даже в Кончанском: он был заперт в четырех стенах комнаты.

Царская немилость не ослабевала.

Павел I лишил Аркадия звания генерал-адъютанта, которое он пожаловал во время Итальянского похода, и определил его вновь в камергеры. А 25 апреля отнял у генералиссимуса Суворова его адъютантов.

Это окончательно убило Александра Васильевича. Напрасно Хвостов доказывал дядюшке, что сейчас такая полоса, что Павел I сыплет выговоры генералам направо и налево, что за весну он уволил из армии трех полных генералов, шестнадцать генерал-лейтенантов и пятьдесят семь генерал-майоров.

Суворову от этого было не легче.

Здоровье его ухудшалось с каждым днем. Жизнь уходила.

И на второй неделе своего пребывания в Петербурге Суворов стал все чаще терять сознание.

На пятнадцатый день ему стало очень плохо. Царь, узнав о его тяжелом состоянии, прислал к нему князя Багратиона.

Когда Багратион приехал вечером на Крюков канал, в доме Хвостова стоял переполох. В прихожей неистово сморкался, плакал денщик Прохор. Перепуганные дворовые девушки Хвостовых сбились у двери прихожей, несмело заглядывали в залу.

Навстречу Багратиону выбежал сам Дмитрий Иванович Хвостов растерянный и растрепанный.

Александр Васильевич лежал без сознания. Племянница Аграфена Ивановна и заплаканный сын Аркадий (дочь Наташенька была в Москве) терли Александру Васильевичу спиртом виски. Фельдшер Наум давал нюхать спирт.

Багратион застыл у кровати. С перекошенным от боли лицом он смотрел на своего учителя и друга. Суворов, худенький и маленький, лежал с закрытыми глазами.

Вот наконец он с усилием открыл глаза.

Смотрел куда-то вверх, в одну точку. Потом медленно перевел глаза ниже, на Багратиона.

Багратион сделал движение к нему, робко улыбнулся.

Но Суворов еще, видимо, не узнавал своего любимца.

Улыбка сползла с лица Багратиона.

Суворов с минуту смотрел на Багратиона в упор. Потом в его потускневших глазах мелькнула искра сознания.

- А, это ты... Петруша. Здравствуй!-с трудом сказал он и опять закрыл глаза.

В безумной тоске, в отчаянии бросился Багратион к Суворову. Он опустился на колени, припал к этой исхудавшей руке, которая всегда указывала ему путь к славе.

Великий полководец уже шел в свой последний переход...

IX

Северны громы в гробе лежат.

Державин

Унтер-офицер Огнев, уволенный от службы по старости лет, и ефрейтор Зыбин, получивший отпуск, помаленьку доставлялись домой. Путь их лежал через Петербург. В столицу они попали в Николин день. Здесь их ждала ужасная, потрясающая новость: в воскресенье 6 мая, во втором часу пополудни, скончался их "дивный".

Умер батюшка Александр Васильевич.

Друзья, не отдохнув с дороги, только умывшись и почистившись, направились на Крюков канал к дому Хвостова, чтобы в последний раз поклониться своему генералиссимусу.

Ни Огнев, ни Зыбин, конечно, ни разу не бывали в этом доме графа Хвостова и не знали точно, где он находится.

Будочник у Торгового моста указал им на двухэтажный дом.

- Да вон энтот. Ступайте за певчими, вон пошли от Николы Морского.

Огнев и Зыбин обрадовались, что можно идти вслед за кем-то. Они догнали певчих и за ними поднялись по узкой лестнице на второй этаж.

В прихожей пахло ладаном, хвоей, свечами. Было полно народу.

Входили и выходили какие-то барыни и господа. В углу немолодой протоиерей, заворотив широкий рукав рясы, торопливо расчесывал гребнем окладистую бороду. Дьякон откашливался рочучущим басом. Лысый пономарь раздувал у печки кадило.

Сквозь толпу, в настежь раскрытые двери прихожей и зала виднелся его уголок, затянутый черным сукном. На черную стену падал красный отблеск свечей.

Из зала слышался монотонный, журчащий, точно ручей, голос чтеца.

Мушктеры в нерешительности остановились: можно ли сюда солдату?

И вдруг из этой чужой толпы вынырнул свой, знакомый, денщик Александра Васильевича, Прохор Иваныч. Он был в лучшем кафтане с двумя золотыми медалями на груди. Его лицо распухло от неумеренных возлияний последних дней.

Нисколько не смущаясь присутствием разных господ, Прошка кинулся к мушктерам, громко крича:

- Братцы родимые! Чудо-богатыри! Орлы суворовские! Умер наш батюшка!

И в пьяных слезах припал к плечу Огнева, причитая:

- Всю жизнь страдал. Настрадался. И умер в день Иова многострадального...

Огнев заморгал глазами.

- Пойдемте, поглядите на нашего соколика!

Прошка потащил мушктеров в зал. Господа невольно расступились перед ними.

Огнев и Зыбин вошли в зал. Все стены его были обтянуты черным сукном. Только вверху, под потолком, бежала белая полоска карниза. Посреди зала на высоком катафалке стоял гроб.

Первое, что увидел Огнев, что запечатлелось, было до боли знакомое, родное лицо. Тонкий нос. Впалые, исхудавшие щеки. И губы, сложенные в ироническую, снисходительную улыбку. Глаза были закрыты.

Александр Васильевич закрывал глаза, когда задумывался или бывал чем-либо недоволен.

Казалось, эти ясные глаза откроются, плотно сжатые губы разомкнутся и скажут со смешком:

- Эх вы, немогузнайки!

Огнев упал на колени. Сзади за ним грохнулся Зыбин. Размашисто крестясь и вздыхая, Огнев зашептал:

"Господи-Сусе!"

Вслед за ними в зал вошли протоиерей, дьякон и певчие. Лития началась.

Сотрясая воздух, загремел могучий дьяконский бас.

Все слова у него получались круглыми и упругими. Они как-то легко, произвольно

соединялись воедино. Бас рокотал, точно хотел разбудить Александра Васильевича от его страшного сна.

Протоиерейский тенорок был скорбен и тих. Протоиерей говорил раздельно, не спеша, но негромко. Он словно боялся потревожить покой Александра Васильевича.

А тенора слаженного, стройного мужского хора заливались в безысходной, неизбежной печали так, что из глаз сами собой катились слезы.

Было невероятно слышать, как протоиерей говорил:

- Упокой душу усопшего раба твоего боярина Александра...

Не верилось, не хотелось верить, что "болярин Александр" - это он, их "дивный", их батюшка Александр Васильевич.

Но хор безжалостно подтверждал это, с торопливой настойчивостью повторяя:

- Покой, господи, душу усопшего раба твоего!

И подчеркивал слово "усопшего".

Стоя на коленях, Огнев уже не мог видеть лицо Александра Васильевича. Оно утопало где-то там, вверху, в цветах, в синих облаках пахучего ладана.

Сквозь набегавшие на старческие глаза частые слезы расплывалось, колебалось пламя свечи, которую пономарь протянул Огневу в руки. Огнев держал свечу и смотрел на этот переливающийся, текучий желтый огонек.

В воспоминаниях проносилась вся жизнь Александра Васильевича и своя. Сорок лет они шли бок о бок.

Вспоминался Суворов таким, каким был на Кунерсдорфских холмах, в степях Молдавии, под стенами Измаила и Праги, в горах Швейцарии.

Невольно думалось о том, что и его дней осталось не так уж много...

Огнев старался вслушиваться, вникать в слова, которые произносил протоиерей. Далеко не все понимал он. На такой литии Огнев был впервые за все свои шестьдесят лет жизни. На войне убитых хоронили быстро. Священник торопливо отпевал. А иногда его и вовсе не оказывалось поблизости, и у раскрытой могилы несколько слов говорил батальонный или ротный. Это были и молитва и надгробное слово товарищам.

А тут иное.

И из того, что Огнев услышал здесь, больше всего врезалось в память и поразило следующее:

- Правда твоя - правда вовеки, и слово твое - истина...

Он невольно отнес эти слова к батюшке Александру Васильевичу.

Х

- Эх она его высушила, подлая! - сказал Зыбин, когда они, взволнованные, спускались по лестнице.

- Смерть никого, брат, не красит! - сумрачно ответил Огнев.

Они молча шли по набережной канала.

- Как хочешь, Алешенька, а я останусь до похорон. Прохор Иваныч сказывал - хоронить будут в субботу, а сегодня среда. Мне все равно спешить некуда: из отцовской семьи у меня вряд ли кто живой есть...

- Беспременно останемся. Как же можно куда идти? - горячо поддержал его Зыбин.

И они задержались в Петербурге до похорон.

Хоронили Суворова в субботу 12 мая.

Утро выдалось солнечное, тихое, теплое.

Хотя нигде не было оповещено, но всюду - на рынках, в лавчонках, в чайных, в каждом доме - знали: вынос тела Александра Васильевича в десять часов.

С Песков и с Васильевского, из Старой Деревни и с Охты спешили к Невскому и Садовой люди. Весь город поднялся сегодня спозаранку.

К Николе Морскому было ни пройти, ни проехать. Кареты и экипажи запрудили все прилегающие улицы.

По Крюкову каналу, перед окнами дома номер 21 и дальше, фрунтом стояли войска. К

Калинкину мосту - по Садовой - расположились гусары и пушки.

Огнев и Зыбин кое-как протолкались через фронт солдат к рынку.

- Дозвольте, ваше благородие, суворовским мушкетерам пройти. Поближе стать. Сорок годов с батюшкой Александром Васильевичем служили...

За каналом, возле рынка, насупротив дома Хвостова, уже толпился народ. Огнев и Зыбин втиснулись в толпу.

- Все наш брат армеец стоит: пехота, артиллерия и гусары. А где же гвардия? - спросил у Огнева Зыбин.- Неужто гвардия не будет провожать?

- Царь не велел гвардии быть.

Сказано хоронить как фельдмаршала только. Он на Суворова сердчает, вмешался какой-то словоохотливый департаментский служитель.

- А за что ж сердчает?

- А пес его ведает. Разве ему долго? Вот у нас...

- Великие князья... Князья приехали! - зашумела толпа.

К дому подкатила придворная карета. Из нее вышли великие князья Александр и Константин.

- Сейчас отпевать начнут!

Балконная дверь во втором этаже дома была раскрыта настежь. Виднелся угол пышного катафалка, подсвечники со свечами, мелькали военные и гражданские мундиры.

Видно было, как в зале засуетились.

Потом движение прекратилось. Возле катафалка заблестели ризы духовенства, издалека донесся голос протодьякона.

Началась лития.

Войска взяли на караул. Толпа обнажила головы.

Говор стих.

По набережной, откуда-то со стороны Фонтанки, подъехала к дому траурная колесница. Она была запряжена шестью серыми лошадьми, покрытыми черными попонами.

В ярком солнечном свете как-то необычно резко, ненужно горели факелы днем их огонь не производил впечатления.

- Несут, несут! - заволновалась толпа.

Из дверей стали попарно выходить офицеры. Они несли на подушках многочисленные русские и иностранные "кавалерии", фельдмаршальский жезл, бриллиантовую шпагу и прочее. За ними шли хоры певчих.

- Певчих-то, певчих сколько!

- В черных кафтанах - придворные! Сам Бортнянский вон!

- А поют-то какие?

- Архиерейские.

- Наши, псковского подворья, тоже не поддадутся и придворным...

- Нет, лучше Бортнянского капеллы не споешь!

За певчими потянулась бесконечная вереница дьяконов, иеродьяконов, протодьяконов. Потом попарно пошли со всей столицы и ближайших монастырей десятки иереев. Наконец за черными клобуками архимандритов блеснули золотые митры трех архиепископов во главе с петербургским Амвросием.

И вот в дверях показался гроб.

-Толпа зашелестела, точно ветер прошел по кустам, закрестилась, кто-то запричитал, кто-то воскликнул:

"О господи!"

Смотрели, не отрываясь, как гроб подымали на колесницу, как над гробом устанавливали великолепный, малинового бархата с золотым фигурным подзором (Подзор-подвесная кайма.) балдахин на восьми столбах.

Шнуры поддерживали офицеры.

Раздалась команда отомкнуть штыки "на погребение".

И оркестры полковой музыки заиграли печальный марш.

Траурная процессия медленно тронулась к Александро-Невской лавре.

XI

Он жив в смерти!

Ломоносов

Огнев и Зыбин шли в густой, многотысячной толпе, которая провожала генералиссимуса Суворова в его последний путь. Улицы были запружены народом. Все окна, балконы и крыши домов усеяны людьми. Мальчишки, точно галчата, сидели на деревьях.

Огнев шел, задумчиво глядя себе под ноги. Зыбин говорил с каким-то чиновником, обсуждали все то же, всем известное и всех возмущавшее: что царь велел отдавать на похоронах почести Суворову не как генералиссимусу, а лишь как фельдмаршалу. Оттого нигде не было видно гвардии.

Огнев задумался - не слышал и не видал ничего.

И вдруг Зыбин толкнул его в бок и с ужасом зашептал:

- Гляди: царь!

Огнев поднял голову. Подходили к Невскому. На углу близ Гостиного ряду, верхом на лошади, со шляпой в руке, ждал Павел I.

Когда толпа, в которой шли Огнев и Зыбин, поравнялась с местом, где стоял Павел I, его уже не было: пропустив мимо себя гроб, царь поскакал прочь, к Неве.

Огнев только покосился в ту сторону.

В воротах Александро-Невской лавры траурная колесница остановилась: высокий балдахин мешал проехать.

- Не проходит в ворота!

- Не пройдет! - оживленно загудели кругом.

- Пройдет! Наш батюшка Суворов всюду проходил! - звонко сказал Зыбин и уже заработал локтями, пробираясь вперед, чтобы помочь.

Но колесницу подтолкнули те, кто оказался ближе.

Она с трудом въехала в узкие монастырские ворота. Печальное, хватающее за душу зауспокойное "святой боже" с особенной четкостью раздалось под этими сводами. Звучало неотвратно и беспощадно.

Слезы брызнули у Огнева из глаз. Он рванулся к колеснице. Рванулся вперед за Суворовым, как всю жизнь привык следовать за ним. Зыбин не отставал от товарища.

Но у самых ворот дюжий полицейский чин, в треуголке и перчатках до локтей, ударил Огнева в грудь.

- Куда, кислая шерсть? Ос-с-сади назад! - прошипел он, тараща глаза.

Огнев и Зыбин оторопело подались назад.

Мимо них в узкие ворота хлынули толпой господа.

Протягивая полицейскому билетки с траурной каемкой и прижимая к груди треуголки, теснились, лезли какие-то важные, с орденами на шее, чиновники, надушенные, напудренные дамы в трауре - те, кого так не жаловал при жизни батюшка Александр Васильевич.

Цепь нахальных ражих полицейских мигом - от одного к другому - оттерла Огнева и Зыбина к краю площади, туда, где толкался "подлый" народ: замашные рубахи, чуйки, бабы платки.

Удрученный Огнев вытирал ладонью лицо.

- Всю жизнь с нами был. С солдатом. С простым народом. Сам простой был. А тут оттерли нас...- вырвалось у Зыбина, который стоял, растерянно моргая глазами.

- Ничего, Алешенька,- ответил Огнев. Голос у него дрожал от негодования.- Нашего батюшку Суворова от русского народу не отделишь!.. Он всегда был и будет с нами!

1938-1941

1944-1946